РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 81 № 2

Апрель–Май–Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА
2021

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсок* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Кальери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (Москва), акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва),
проф. *Г. Парцингер* (Берлин), проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона),
проф. *С. Розен* (Стокгольм), проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия),
проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон), проф. *Ф. Флесс* (Берлин),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон),
проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим), проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *Д.Е. Афиногенов* (Москва), д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва),
д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург), д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморчков* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *Е.Н. Андреева*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

© Российская академия наук, 2021
© Редколлегия журнала «Вестник древней истории» (составитель), 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 81 Issue 2

April–May–June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2021

The content is prepared in the Institute of World History (Russian Academy of Sciences)
in cooperation with the State Hermitage and the Lomonosov Moscow State University

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callataÿ* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Friederike Fless* (Berlin), Prof. *Peter Funke* (Münster),
Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg), Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens),
Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg), Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk),
Prof. *Rauf Munchayev* (Moscow), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Dmitry Afinogenov* (Moscow), Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg),
Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow), Prof. *Liliia Bayun* (Moscow),
Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg), Prof. *Alla Buyskikh* (Kiev),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Evgeniia Andreeva*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Editorial Board of "Vestnik drevney istorii", 2021

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 269–297
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (1021), 269–297
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014827-2

К ДАТИРОВКЕ ГРОБНИЦЫ G 1111 В ГИЗЕ

И. В. Богданов

Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

До недавнего времени происхождение жертвенника, известного по транскрипции в *Urk*. I, 165, не было определено. На основании фотографии из архива Джорджа Эндрю Райзнера в Музее Изящных искусств в Бостоне (Photo ID number: C10393_OS) устанавливается его происхождение из гробницы G 1111 (Гиза – Западное поле). Данная публикация текстов на жертвеннике содержит ряд исправлений прежней транскрипции Курта Зете, а также комментарий к именам и титулам владельца жертвенника и его сына. По данным антропонимики и титулам устанавливается, что оба персонажа служили командирами экспедиционных геологоразведчиков. Составлена полная просопография носителей имени *jww-nmtj* по источникам Древнего и Среднего царств, а также владельцев должности *sḫḏ srjw* «инспектор геологоразведчиков» во времена Древнего царства. В заключение выдвигается предположение, что владелец жертвенника из гробницы G 1111 идентичен *jww-nmtj*, упоминаемому в надписи Sinai 13, которая датируется временем правления *ḏd-k3-rˁ jzzj*. На данный момент это самая ранняя датировка для гробницы некрополя G 1100 в Гизе, устанавливаемая благодаря косвенному синхронизму.

Ключевые слова: Египет Древнего царства, Гиза, экспедиции Древнего царства, титулы Древнего царства, антропонимика Древнего царства, антропонимика Среднего царства

DATING THE TOMB G 1111 AT GIZA

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

Until recently the provenance of the offering basin known through the transcription in *Urk*. I, 165 remained uncertain. On the basis of a photograph from the George Andrew Reisner's archive in the Museum of Fine Arts, Boston (Photo ID number: C10393_OS), it is possible to attribute to the tomb G 1111 (Giza West Field). The present publication of the texts on the offering basin contains a number of corrections to the previous transcription by Kurt Sethe, as well as a

Данные об авторе. Иван Валерьевич Богданов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Древнего Востока ИВР РАН. Автор благодарит Д.О. Сычева за помощь в работе.

commentary on the names and titles of the deceased and his son. Their names and titles show that both served as commanders of mining prospectora. A prosopography of all persons named *jww-nmtj* in the sources of the Old and Middle Kingdom, as well as of the holders of the position *sḫḏ srjw* "inspector of prospectors" in the Old Kingdom, is compiled. In conclusion, it is suggested that the owner of the offering basin from the tomb G 1111 is identical to *jww-nmtj* mentioned in the inscription Sinai 13, which dates to the reign of *ḏd-kꜣ-rꜥ jzzj*. This is currently the earliest date for a tomb in Cemetery G 1100 in Giza established through indirect synchronism.

Keywords: Giza, Old Kingdom Egypt, Old Kingdom expeditions, Old Kingdom onomastics, Old Kingdom titles, Middle Kingdom onomastics

Гробница G 1111 расположена в юго-восточном районе северной части сектора G 1100 в составе некрополя Гиза – Западное поле, который примыкает непосредственно к комплексу пирамиды Хеопса и является самым крупным кладбищем в Гизе.

По архитектурному оформлению, иконографическому стилю рельефов и типологии скульптуры самые ранние памятники кладбища G 1100 датируются концом IV – началом V династии[1], однако большинство гробниц этой группы относится к разряду вторичной застройки времен VI династии. Данные титулов не позволяют выделить надежные критерии для датировки гробниц этого кладбища временем до конца V династии.

Эпиграфика группы гробниц G 1100 небогата и в большинстве своем не издана. В справочнике Портер-Мосс приводятся лишь выборочные данные по гробницам и памятникам из этого сектора[2]:

G 1104 (статуя *zꜣ=j-ms*(*.j*));

G 1105 (статуя Cairo JdE37719[3]);

G 1109 (статуя *mrt-jb=j*);

G 1111 (жертвенник, данные в справочнике Портер-Мосс неверны; см. далее);

G 1151 (владелец *nfr-ḳd=j*);

G 1152 (деревянная статуэтка мальчика, без имени);

G 1157 (безымянная статуя);

G 1171 (владелец *kꜣ=j-m-ṯnnt*).

Все открытые материалы из гробниц группы G 1100 ныне доступны на сайте www.gizapyramids.org. Здесь можно найти архивные фотографии памятников из других гробниц этой части некрополя, а также тех, что были обнаружены на его

---

[1] *PM* III.1 1974, 55–56. Статуя Berkeley, Hearst Museum 6–19785 из гробницы G 1109 датируется концом IV – началом V династии (Smith 1946, 62); это самая ранняя датировка для памятника с кладбища G 1100. Гробница G 1111 примыкает непосредственно к большой мастабе G 1020, статуи из которой также датируются этим временем (Smith 1946, 61; *PM* III.1 1974, 53).

[2] *PM* III.1 1974, 55–56.

[3] www.gizapyramids.org: B11698_OS; B11697_OS; B11696_OS; EG010647. Здесь и далее ссылки на сайт www.gizapyramids.org приводятся только с номером карточки. Чтение имени владельца статуи проблематично: *PM* III.1 1974, 55: *pt-pn-nswt*; Fischer 1976, 23: «this *nj-pt-nswt*»; Scheele-Schweitzer 2014, 502 [2131]: *Nzw-p.t-pn* (?) «der König des Himmels ist er (?)».

территории. К данным справочника Портер-Мосс надо добавить следующие эпиграфические материалы:

G 1105 и G 1107 (ложная дверь *jḥj*, найдена в отвале между этими гробницами)[4];

G 1107 (жертвенник для группы лиц: *smsw pr* «старшины дома» *nfr*, *mrtrt* (показатель знатности у дам, точное значение неясно) *špst*, *zš* «писаря» *wp*, некой *rwḏ-zꜣw=s*, некого *prjw(?)*); содержит посвящение от *ḫm-kꜣ* «раба *Ka*» *kꜣj*)[5];

G 1119 (жертвенник *jj-ʿnḫ-n=f*, см. далее);

G 1123 (ложная дверь *tbꜣš*)[6];

G 1152a (притолока ложной двери *nj-kꜣ=j-mjnw*)[7];

G 1156 (ложная дверь *ptḥ-ḥtp*)[8];

G 1162+1172 B (панель ложной двери *ttj*)[9];

G 1165 (жертвенник *ṯntj*, см. ниже);

G 1177 (статуя *kꜣ=j-pw-ptḥ*)[10].

Основная масса похороненных на кладбище G 1100 служащих была занята в сфере строительства (G 1123, G 1105, G 1162+1172 B, G 1165) и организации экспедиций (G 1104, G 1111, G 1171). Отмечены также два полицейских титула (G 1171, G 1177), должности из корпорации *ḫntjw-š* (G 1151, G 1152a) и некоторые другие, например судебные (G 1156). Важных индикаторов для датировки гробниц их надписи почти не содержат. Наиболее примечательной является титулатура *nfr-ḳd=j*, владельца гробницы G 1151, который состоял в должности *ḫm-nṯr rʿ m šzp(w)-<jb>-rʿ* «жреца Солнца в Солнечном храме Вожделение Солнца»[11]. Однако этот титул функционера в культе Солнечного храма царя *nj-wsr-rʿ* не может служить критерием для надежной датировки; судя по другим данным, гробница G 1151 должна датироваться позже – концом V династии[12]. Кроме того, *nfr-ḳd=j* – это единственный известный жрец Хеопса (*ḫm-nṯr ḫwfw*), похороненный на кладбище G 1100.

Возможность уточнить время застройки кладбища G 1100 предоставляют надписи на жертвеннике из гробницы G 1111.

---

[4] www.gizapyramids.org: B11757_OS; B13057–01_OS. Датировка: VI династия (по титулу *špsj nswt* «царский вельможа»).

[5] www.gizapyramids.org: C10453_OS.

[6] www.gizapyramids.org: C12692_OS; B12984_OS; C12693_OS; AAW888.

[7] www.gizapyramids.org: B8584_NS.

[8] www.gizapyramids.org: B7619_NS.

[9] www.gizapyramids.org: C12034_OS; C11216_OS.

[10] Cairo JdE37716. Fischer 1960, 301–302, fig. 2; www.gizapyramids.org: B11753_OS; C11955_OS.

[11] *PM* III.1 1974, 56; титул отмечен на ложной двери in situ G 1151: www.gizapyramids.org: A6460_NS; A6478_NS, A6200_NS, A6458_NS. *nfr-ḳd=j* носил также следующие титулы: *rḫ nswt* (*n*) *pr-ʿꜣ* «дворцовый знакомый царя», *ḫm-nṯr ḫwfw* «жрец Хеопса», *wʿb nswt* «жрец царя», *ḫrj-sšṯꜣ* «секретарь», *shḏ ḫntjw-š* (*pr-ʿꜣ*) «инспектор (дворцовых) служащих» и *jmj-rꜣ st ḫntjw-š pr-ʿꜣ* «начальник (дворцовых) служащих».

[12] Brovarski 2016, 86–87; ср. Nuzzolo 2018, 389–390 [74]: «Niuserre – Djedkare». Э.М. Рот была склонна отождествить его с *nfr-ḳd=j*, владельцем гробницы G 2089, которую она датирует временем *nj-wsr-rʿ – jzzj* (Roth 1995, 94–95), однако эта идентификация маловероятна.

ЖЕРТВЕННИК ИЗ ГРОБНИЦЫ G 1111

Прежде всего необходимо лишний раз снять недоразумение по поводу атрибуции жертвенников Boston MFA 13.3282 и Boston MFA 13.3283, местом находки которых иногда называется гробница G 1111[13]. Это неверно. По данным из архива Дж.Э. Райзнера, жертвенник Boston MFA 13.3282 происходит из G 1165, хозяином которой был *ṯntj*[14]. Владельцем другого жертвенника, Boston MFA 13.3283, был *jj-ʿnḫ-n=f* из гробницы G 1119[15].

Согласно документам из архива Дж.Э. Райзнера, в G 1111 найден другой жертвенник, о котором дана следующая справка[16]: «Photo ID number: C10393_OS. Western Cemetery Giza; View: G 1111. Cemetery G "1100: G 1111, Photographer: George Andrew Reisner. Photo date: July 1904».

Фотографию жертвенника C10393_OS можно найти на сайте www.gizapyramids.org. Несмотря на эту публикацию, на жертвенник пока никто не обратил внимания, хотя этот памятник представляет интерес по многим причинам.

Эпиграфика жертвенника давно введена в научный оборот благодаря K. Зете, который опубликовал транскрипцию его надписей в *Urk*. I[17]. Согласно Зете, текст был скопирован B. Шпигельбергом в 1907 г. по предмету, увиденному у торговца в Гизе. Сам Зете сделал транскрипцию по эстампу Шпигельберга. В Справочник Портер-Мосс[18] жертвенник вошел со ссылкой на *Urk*. I и в результате остался фактически не атрибутирован. В настоящее время он цитируется исключительно по публикации *Urk*. I[19].

Судя по архивной фотографии C10393_OS, надписи на жертвеннике из G 1111 в основном соответствуют транскрипции, опубликованной Зете в *Urk*. I, 165.

Итак, жертвенник был открыт Дж.Э. Райзнером в июле 1904 г., а в 1907 г. уже был замечен B. Шпигельбергом у торговца, т.е. за эти три года памятник был попросту украден с места раскопок в Гизе или из временного хранения и попал на рынок древностей. Настоящее местонахождение этого жертвенника мне неизвестно.

---

[13] *PM* III.1 1974, 55; Lehmann 1995, 27, 69.

[14] Lehmann 1995, Taf. 24; www.mfa.org/collections/object/offering-slab-140858; www.gizapyramids.org: C11990_OS. Датировка: VI династия. Недоразумение случилось, вероятно, из-за ошибки в рукописи Дж.Э. Райзнера, который обозначил G 1111 как место находки жертвенника «Tjenti» (G 1165): Reisner, G.A. *A History of the Giza Necropolis III*. 1942 (unpublished manuscript). [Chap.] 17: [Analytic Overview of] Cemetery G 1000–1600: [Pt.] 7: Chronology of Cemetery G 1000–1600. [Pt.] VII. P. 034 (giza.fas.harvard.edu/photos/63607/full/: UM2901). Appendix G: Cemetery G 1000–1100. P. 015 (giza.fas.harvard.edu/photos/63676/full/: UM2970).

[15] www.gizapyramids.org: SC167191; см также: www.mfa.org/collections/object/offering-basin-of-iyankhenef-140860. Датировка: конец VI династии. Происхождение жертвенника отмечено опять же в документации Райзнера. Исправления данных справочника *PM* III приводятся на сайте www.gizapyramids.org (карточки C11990_OS и SC167191), а также на сайте giza.fas.harvard.edu/sites/270/full/. См. также Piacentini 2002a, 95, n. 3; 2002b, 334.

[16] www.gizapyramids.org: C10393_OS; giza.fas.harvard.edu/ancientpeople/2881/full/.

[17] *Urk*. I 1932–1933, 165.8–10.

[18] *PM* III.1 1974, 310.

[19] Например, Wilson 1947, 240; Strudwick 2005, 245–246; Hannig 2003, passim.

Фотография на сайте www.gizapyramids.org позволяет уточнить чтение надписей Зете. Исправления касаются лишь чтения имени в надписи на левой стороне жертвенника (стк. 3) и финальной части жертвенной формулы. Кроме того, титул к имени на правой стороне не воспроизведен в *Urk*. I вообще.

НАДПИСИ

Транскрипция жертвенника согласно *Urk*. I, 165.4 и Urk. I, 165.8–10:

, Примечание K. Зете: «a. So in einer andern Inschrift desselben Steines».

Транскрипция жертвенника по фотографии C10393_OS, опубликованной на сайте www.gizapyramids.org:

1. Правая сторона:	
2. Верх:	
3. Левая сторона:	
4. Низ:	

1. *sḥḏ srjw nj-ˁnḫ=j-nmtj*	1. Начальник геологоразведчиков *nj-ˁnḫ=j-nmtj*.
2. *jmj-ḫt srjw nj-kꜣ=j-rˁ ḏd(.j)*	2. Начальник-замыкающий геологоразведчиков *nj-kꜣ=j-rˁ* говорит:
3. *jrj.n=j nw n jt=j sḥḏ srjw* [*j*] *w*(*w*)*-nmtj* (*j*)*r pr*(*t*) *n=f ḫrw jm*	3. «Я изготовил это для своего отца, начальника геологоразведчиков [*j*]*w*(*w*)*-nmtj*, чтобы через него для него вызывались (жертвы)
4. *m t ḥnḳt kꜣ* [*ȝpd*] (*j*)*ḫt nb*(*t*) *bnrt rˁ nb*	4. в виде хлеба и пива, говядины, [птицы] и всевозможных сладостей каждый день».

Комментарий к жертвенной формуле

Стк. 3. *jrj.n=j nw n jt=j* ... (*j*)*r pr*(*t*) *n=f ḫrw jm* «я изготовил это для своего отца... чтобы через него для него вызывались (жертвы)». Здесь представлена одна из привычных грамматических моделей формулы *prt-ḫrw* «вызова (жертв)»: в псевдоглагольной конструкции (*j*)*r pr*(*t*) *ḫrw jm* «чтобы оттуда (*или* «из него») вызывались жертвы»[20]. Как известно, в форме *sḏm=f* эта формула представлена двумя моделями: *prj=f ḫrw* «он вызывает» (простой *sḏm=f*, структура: «он выходит голосом») и *ḏj=f prj ḫrw* «он вызывает» (структура: «он дает, чтобы голос вышел», в данном случае – аналитический, сложносоставной каузатив в форме *ḏj=j rḫ=k* «я тебя извещаю», которая в среднеегипетском употреблялась и как конъюнктивная: «я хотел бы сообщить тебе; мне надо тебе сообщить»[21]). В первой моде-

[20] Clère 1935–1938, 771–773; Barta 1968, 26; Lapp 1986, 91–110, § 155–326, в частности 97–104, § 168–184.

[21] Об этой форме, отмеченной еще в староегипетском, см. Luft 1984, 103–111. Значение эпистолярной формулы соответствует русск. «доношу до Вашего сведения».

ли субъектом действия выхода выступает человек, во второй выходит сам голос. Такая инверсия субъектов отношения глагола *prj* «выходить» отразилась и в форме страдательного залога *sḏm.tj=f: prj.tj ḫrw* «вызывают, зовут» (структура: «выходят голосом»). Формула в инфинитиве *pr*(*t*) *ḫrw* часто используется как застывшее выражение, которое значит просто «вызов, обращение» (к покойному), но в ее грамматической структуре тоже сохраняется два направления действия: ее можно понять и как «выход голосом», и как «выход голоса». В данном случае ритуальное обращение к покойному реализуется через надписи на жертвеннике, называющие жертвенные ритуалы.

Стк. 4. (*j*)*ḫt nb*(*t*) *bnrt rˁ nb* «...всевозможные сладости каждый день». Долгое время данная фраза считалась единственным примером полного написания слова *nbt* «все, любое» после *jḫt* «вещь» в сочетании (*j*)*ḫt nb*(*t*) «всякое добро, всё», которое в эпоху Древнего царства всегда лишено окончания *-t* в слове *nb*(*t*): [22]. Поскольку этот пример был записан только в транскрипции Зете в *Urk*. I, 165.10, то он вызывал определенные сомнения[23]. Сомнения оказались оправданными: согласно фотографии из архива Райзнера C10393_OS, в тексте стоит не просто *jḫt nbt* «всё», а сочетание (*j*)*ḫt nb*(*t*) *bnrt* «всевозможные сладости», хорошо известное из формул на других памятниках[24]. Окончание ж.р. *-t* в транскрипции Зете относится именно к слову *bnrt*, которое он не заметил. Равным образом, предлог *n* в транскрипции Urk. I, 165.10 следует исправить на детерминатив pl. «3 зернышка» к слову *bnrt* «сладкое».

Комментарий к именам

На жертвеннике сохранилось три имени: *nj-ˁnḫ=j-nmtj*, [*j*]*w*(*w*)*-nmtj* и *nj-k3=j-rˁ*.

Начиная с Зете, имя адресата в 3-й строке декларации традиционно восстанавливали как [*nj-ˁnḫ*]*-nmtj* на основании прекрасно сохранившегося имени *nj-ˁnḫ=j-nmtj* в 1-й строке (правая сторона). Тем не менее, на самом деле там стоит имя [*j*]*w*(*w*)*-nmtj*, что не мешает допустить, что названный справа *sḥḏ srjw* «начальник геологоразведчиков» *nj-ˁnḫ=j-nmtj* все же идентичен адресату. Выходит, что владелец жертвенника носил два имени с элементом *nmtj* – именем бога-странника, покровителя путешественников[25].

Оба антропонима с именем бога *nmtj* в качестве компонента встречаются редко[26].

1. Имя *nj-ˁnḫ=j-nmtj* «моя жизнь принадлежит богу *nmtj*» построено по типичной староегипетской модели *nj-ˁnḫ=j-NN* «моя жизнь принадлежит (царю или

---

[22] Edel 1955–1964, 50–51, § 113.

[23] Sperveslage 2010, 221, Anm. 20.

[24] Об этом компоненте жертв в формуле: Barta 1963, 169 (Index); Kaplony 1963, 970 (1505); Lapp 1986, 134–138, 252 (§ 235–241); Hannig 2003, 203–205 {3691}, 422 {9875}; Daoud 2005, 140, pl. 70; Legros 2013, 154–155, 157 (g); Kanawati 2013, 351, fig. 2, 359, и др.

[25] О боге *nmtj* см. Berlev 1969, 3–30; Graefe 1980, 1–27, 43–46, 49; Leitz 2002, 242–244.

[26] Об именах эпохи Древнего царства с компонентом *nmtj*: Ranke 1935, 69–70; 1952, 36. Bland, Malek 1977, 119–120; Thirion 1985, 142; Scheele-Schweitzer 2014, Nr. [173], [765], [913], [1364], [1546], [1553], [1612], [1652], [1904], [1934], [1968], [2065]–[2068], [2585], [2723], [3311].

богу) NN» или «моей жизнью владеет NN». В литературе отмечены следующие свидетельства об имени *nj-ʿnḫ=j-nmtj*[27]:

1.1. . Ложная дверь Stockholm, Medelhavsmuseet, 11406[28]. Гипокористик: *nj*[29]. *Титулы: jmj-rꜣ mšʿ* «военачальник», *rḫ nswt* «знакомый царя», [*ʿḏ-mr grg*]*t mrr nb=f* «[управляющий селения], любимый своим господином», *ḫrp wʿbw nswt ꜣḫt-*[*ḫwfw*] «начальник царских жрецов пирамиды Горизонт [Хеопса]». Его старший сын и наследник (*zꜣ=f smsw jwʿw=f*) *jj-m-ḥtp* носил схожие титулы: *sḥḏ wjꜣ* «капитан (команды) корабля», *ḫrp* (*j*)*m*(*jw*)*-zꜣ* «начальник членов смены»[30], *ʿḏ-mr grgt* «управляющий селения», *ḫrp wʿbw nswt* «начальник царских жрецов». Судя по титулам, оба родственника служили в военно-речной сфере, организуя экспедиции.

1.2. . Рельеф Cairo CG 1479[31]. Пример сомнителен, так как ни фотография, ни прорисовка надписи не опубликованы. Этот человек служил *ḥm-kꜣ* «заупокойным жрецом» у *rn-*(*j*)*rj*, отца кожевника *wtꜣ*. Х. Ранке читает его имя как *nj-ʿnḫ-zkr*[32]. К. Шееле-Швайцер дает смешанное чтение *N*(*.j*)*-ʿnḫ-ḥn.w*/*Nm.tj* «Besitzer von Leben ist die *ḥn.w*-Barke/Nemti», с примечанием: «M.E. ist die Lesung als *N*(*.j*)*-ʿnḫ-Nm.tj* hier zu bevorzugen»[33]. Сомнения в чтении имени связаны с многозначностью приведенного Л. Борхардтом знака , который допускает различные чтения: *nmtj*, *zkr*, или *ḥnw* «ладья Сокара»[34]. Чтение *nj-ʿnḫ=j-zkr* «моя жизнь принадлежит Сокару»[35] мне кажется более вероятным, хотя оно основано лишь на доверии к транскрипции Борхардта – если она точна, то перед нами идеографическое имя бога Сокара.

1.3. На жертвеннике, опубликованном в *Urk*. I, 165, который является предметом данного исследования.

Таким образом, об имени *nj-ʿnḫ=j-nmtj* в эпоху Древнего царства есть всего два надежных свидетельства, причем одно из них сохранилось как раз на жертвеннике из G 1111.

2. Имя *jww-nmtj* встречается чаще, оно отмечено как в Древнем[36], так и в Среднем царствах. По странному стечению обстоятельств, в корпусе египетских имен Х. Ранке оно отсутствует. Справочник К. Шееле-Швайцер приводит следующие данные по этому антропониму:

---

[27] Bland, Malek 1977, 119–120; Scheele-Schweitzer 2014, 419 [1546].

[28] *PM* III.1 1974, 137; Junker 1943, 239–240, Abb. 101 (collections.smvk.se/carlotta-mhm/web/object/3016006). Датировка: конец IV – начало V династии. Гиза – Западное поле.

[29] Scheele-Schweitzer 2014, 449 [1740].

[30] Об этом титуле: Bogdanov 2018, 236, n. 60.

[31] Дверной косяк Cairo JdE30186: *PM* III.1 1974, 309; Borchardt 1937, 166 (без фотографии). Датировка: конец IV династии. К вопросу о датировке рельефа см. также Diego Espinel 2014, 46–48 (конец IV – начало V династии).

[32] Ranke 1952, 294.4.

[33] Scheele-Schweitzer 2014, 421 [1553], Anm. 48.

[34] Thirion 1985, 126.

[35] Ranke 1935, 172.1; 298.9 (?); Scheele-Schweitzer 2014, 424 [1564], 630 [2987] (?).

[36] Scheele-Schweitzer 2014, 222 [173].

2.1. *jww-nmtj*. Надпись Hatnub Gr. 2.7 времен *ttj*[37]. Титул: *jmj-r3 š* «начальник озера (т.е. контингента солдат и рабочих и места их дислокации)»[38]. Чтение имени сомнительно. Иератический оригинал по копии Георга Мёллера: .

2.2. *jww-nmtj*. Надпись Hatnub Gr. 3.2 от «года 14-го раза (учета)», т.е. 27/28-го года правления царя *ḥr ntrj-ḫʿw* (*ppj* II)[39]. Титул: *ḫtmtj-ntr* «казначей бога». Он был начальником экспедиции и заказчиком–составителем надписи. Его идентичность первому *jww-nmtj*, жившему во времена *ttj*, маловероятна, так как два граффити разделяет больше 27 лет.

2.3. *jww-nmtj*. Надпись в Вади Магара[40]. Титул: *jmj-r3 sr*(*jw*) «начальник геологоразведчиков». Датируется *rnpt m-ḫt zp 4 ṯnwt jḥw ʿwt nb* «годом после 4-го раза учета всего крупного и мелкого скота», т.е. 8/9-м годом правления царя *ḏd-k3-rʿ jzzj*.

2.4. *jww-nmtj*. Имя отмечено на одной или двух фигурках из серии так называемых Текстов проклятий Древнего царства[41]. Всего в Гизе было обнаружено четыре сосуда с Текстами проклятий, которые содержат 435 имен мятежных нубийцев и египтян (некоторые из них дублируются). На трех сосудах сохранились датирующие отметки, относящиеся к году (*m*)-*ḫt zp-5* «после 5-го раза (учета)», т.е. к 10/11-му году правления неизвестного царя, а именно:

1) сосуд серии AB: (*m*)-*ḫt zp 5 3bd* 3 *prt hrw* 29 «год после 5-го раза (учета), 3-й месяц всходов, 29-й день»[42];

---

[37] Anthes 1928, 19, Taf. 9.

[38] Об этом титуле: Bogdanov 2019, 137, n. 109. Здесь приведен также перевод граффито 6 в Гебель эс-Силсила, который был опубликован с некачественной фотографией, неверной транскрипцией и неграмотной транслитерацией (Graffito 6. GeSW.RIS.9: Nilsson, Faraman, Said 2018, 78). Между тем, ранее был опубликован перевод этой надписи (Osing 2004, 5), не учтенный ни издателями, ни мной. С учетом данных статьи Ю. Озинга я приведу здесь новый, слегка исправленный перевод, хотя до появления качественной публикации он также не претендует на точность: *jmj-r3 š rsj* «начальник южного озера» *k3=j-m-ṯnnt*(*?*), *jmj-r3 š rsj* «начальник южного озера» *ḫnzw-ḥtp*, *ḫrj-ʿ smntjw* 260 (?) «ведут: 260 (?) проводников» (только по фотографии, транскрипция отсутствует), *jmj-r3 š mḥtj* «начальник северного озера» *ʿnḫ-m-ʿ-rʿ*, *ḫrp ʿpr š rsj* «капитан отряда южного озера» *nfr-sšm-ptḥ*, *zš š* «писарь озера» *mrw*.

[39] Anthes 1928, 20, Taf. 10.

[40] Надпись Sinai 13. Weill 1904, 109–116 (11–12); *Urk*. I 1932–1933, 56.6–8; Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 7; Baines, Parkinson 1997, 9–27, fig.1; Tallet 2018, 304.

[41] Abu Bakr, Osing 1973, 107 (AB 100), Taf. 42–43; Osing 1976a, 139 (RB 83), Taf. 44 (сомнителен).

[42] Abu Bakr, Osing 1973, 131, Taf. 31–32. Древнейший случай написания слова «день месяца» в форме *zjw*/*zw* (*Wb*. IV, 57.8–58.1; Meeks 1998, I, 309, 77.3422) относится к IX династии (стела *rdjw-ḫnmw*: Cairo CG 20543, стк.14 (Lange, Schäfer 1908, 166). Дендера; ср. Schenkel 1965, 113, Anm. i); возможно, это слово произведено от глаг. *jzj* «проходить» и изначально звучало как (*j*)*z*(*j*)*w* «время, период» (Osing 1976b, I, 113; II, 588, Anm. 512). Существование слова *zw* «день месяца» в эпоху Древнего царства вообще сомнительно (ср. Edel 1955–1964, 182, § 420; Hannig 2003, 1079–1080; 2006, 2118–2120), поэтому здесь и далее я даю для идеограммы «календарный день» условное чтение *hrw*, а не *sw*, ставшее почти общепринятым.

2) сосуд серии J: (*m*)-*ḫt zp-5 ȝbd 3 prt hrw* 22 «год после 5-го раза (учета), 3-й месяц всходов, 22-й день»[43];

3) сосуд серии RK: (*m*)-*ḫt zp 5 ȝbd* 2 *prt hrw* 5 «год после 5-го раза (учета), 2-й месяц всходов, 5-й день»[44].

Согласно этим данным, ритуал, в ходе которого сосуды были погребены, длился свыше 55 дней (как минимум от *ȝbd* 2 *prt hrw* 5 «5-го дня 2-го месяца всходов» до *ȝbd* 3 *prt hrw* 29 «29-го дня 3-го месяца всходов»). Я полагаю, что захоронение фигурок с именами нубийских мятежников в Гизе было итогом карательного похода царя *mrj.n-rˁ* в Нубию, состоявшегося на 9/10-м году его правления. Походные наскальные надписи, посвященные этому событию, содержат следующие даты времен *mrj.n-rˁ*[45]: *zp 5 ṯnwt ȝbd 2 šmw hrw 24* «год 5-го раза учета, 2-й месяц урожая, 25-й день»[46] и *zp 5 ṯnwt ȝbd 2 šmw hrw 28* «год 5-го раза учета, 2-й месяц урожая, 28-й день»[47]. Если принять датировку фигурок с Текстами проклятий правлением *mrj.n-rˁ*, то выходит, что они были изготовлены 6–8-ю месяцами позже указанных граффити[48]. За этот период (между 2-м месяцем урожая в год 5-го раза учета и 2-м месяцем всходов в год после 5-го раза учета) царь *mrj.n-rˁ* достиг Нубии, разбил мятежников, переписал имена всех убитых и казненных, вернулся назад и провел ритуал захоронения сосудов с именами мятежников в Гизе. Имя *jww-nmtj* характерно именно для участников экспедиций; следовательно, этот военный или старатель постоянно посещал Нубию по долгу службы. Большинство мятежников, переписанных по случаю ликвидации их мятежа, носили нубийские имена[49], и лишь несколько десятков – египетские[50], причем нубийцы с египетскими именами выделяются в особую группу, поскольку они поясняются титулом *nḥsj* «нубиец»[51], хотя и не всегда. Некоторые персонажи были смешанного происхождения[52], что говорит о длительных контактах египтян с нубийцами. Это внушительное объединение нубийцев и египтян долгое время находилось в вассальной зависимости от Египта, но в конце правления *mrj.n-rˁ* по неизвестным причинам восстало. Египтянин *jww-nmtj*, вероятно, находился в составе экспедиционного контингента в Нубии, который оказался замешанным в мятеже туземцев, за что и поплатился.

---

[43] Junker 1947, 31, Abb. 8, Taf. 6b; Abu Bakr, Osing 1973, 131.

[44] Osing 1976a, 154–155, Taf. 52.

[45] Третья надпись (*Urk*. I 1932–1933, 111; между Асуаном и Филами) даты не содержит.

[46] Kaiser *et al.* 1976, 79; Seidlmayer 2005, 290–291, Anm. 11, Taf. 6b. Скальная ниша храма богини Сатет на о. Элефантина. Здесь же стоит имя царя *nfr-kȝ-rˁ* без указания года правления.

[47] *Urk*. I 1932–1933, 110.10–16. Остров Хессе, I порог Нила.

[48] Надпись Hatnub VI (Anthes 1928, 14, Taf. 5 = *Urk*. I 1932–1933, 256.18) также датируется годом после 5-го раза учета (10/11-м годом правления) *mrj.n-rˁ*.

[49] Osing 1976a, 160–164.

[50] Osing 1976a, 158–159, 164.

[51] Osing 1976a, 159–160. Замечательный пример: вождь («чужеземный правитель», *ḥkȝ-ḫȝst*) всех мятежников носил египетское имя *ˁnḫ-wnjs* «Да живет *wnjs*»; его нубийское имя было *jȝtrȝs* (Abu Bakr, Osing 1973, 112–113 [199], Taf. 52–53).

[52] Этот факт устанавливается по данным филиации: Osing 1976a, 160.

К этой сводке об имени *jww-nmtj* следует добавить данные, собранные Мишель Тирьон[53]:

2.5. *jww-nmtj*. Один из носителей даров с титулом *smr* «друг (придворный)»[54].

2.6. *jww-nmtj*[55]. Состоял в должности *jmj-rꜣ st ḫntjw-š pr-ꜥꜣ* «начальника бюро дворцовых служащих», был сыном владельца статуи, *jmj-rꜣ mšꜥ* «военачальника» и *jmj-jrtj* «капитана» *sbk-ḥtp*, который носил ритуальный титул *jmꜣḫw ḫr nmtj* «блаженного у бога *nmtj*»[56]. Судя по этому титулу, оба были уроженцами XVIII (Шаруна – Ком эль-Ахмар/Саварис)[57], XII (Дейр эль Гебрави – эль-Атаула) или X нома Верхнего Египта, где практиковался культ бога *nmtj*. Другой сын *sbk-ḥtp*, тоже по имени *sbk-ḥtp*, был *jmꜣḫw ḫr st-jrt nb ḏdw jnpw nb spꜣ nmtj nb ṯbt* «блаженным у Осириса, владыки Бусириса, Анубиса, владыки Сепа, и Немти, владыки Кау». Если верно мое чтение идеограммы имени города как *ṯbt* «подошвы ног» (имеются в виду отрубленные когти бога *nmtj*), то перед нами первое упоминание в источниках города Антеополя (*ṯbw*), а речь идет о том боге *nmtj*, чей культ дислоцировался в X номе Верхнего Египта.

2.7. *jw*(*w*)*-nmtj-wr*{*t*}[58]. Иногда это мужское имя читают как *jwt-nmtj* или *nmtj-jwt*[59], однако, судя по фотографии, его следует читать именно *jw*(*w*)*-nmtj-wr*{*t*}, т.е. *jw*(*w*)*-nmtj* Старший{ая} (с ложной феминизацией эпитета *wr* «Старший» из-за ошибки при переводе с иератики на камень[60]). Этот персонаж изображен в нижней части стелы: его имя высечено резцом, а несколько колонок текста перед ним было написано тушью – ныне эти надписи полностью утрачены. Имя и титул хозяина памятника написаны наверху этой стелы смесью иератики и иероглифики, причем иероглифическая надпись на своде стелы несколько раз меняет направление письма и порядок знаков. Хозяин состоял в должности *jmj-rꜣ zꜣ n ḫrtjw-nṯr* «начальника смены рабочих некрополя», а его имя читается, вероятно, тоже как

---

[53] Thirion 2003, 178.

[54] Labrousse, Lauer, Leclant 1977, 108–109, fig. 99, doc. 73. Датировка: *wnjs*.

[55] Статуя Liverpool, World Museum, 1967.4. Справочные данные: *PM* VIII.1 1999, 280 (801-221-420); www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/statue-of-sobekhotep (неудовлетворительные фотографии). Ихнасийа эль-Медина. Датировка: конец Древнего царства – нач. I Переходного периода.

[56] Jones 2000, 25 (116), 28–29 (132–134); известен также ритуальный титул эпохи Среднего царства *jmꜣḫw ḫr nmtj nb ꜣtft* «блаженный у *nmtj* – владыки XII нома Верхнего Египта» (Fischer 1974, 19 (fig. 21), 21–22 (fig. 29), 25–26 (fig. 24)). О боге *nmtj nb ꜣtft* «*nmtj* – владыке XII нома Верхнего Египта» на частных памятниках до XVIII династии см. также Abdel-Raziq 2017, 3–8, fig. 1–2.

[57] О титуле *jmꜣḫw ḫr nmtj* «блаженный у *nmtj*» у сановников XVIII нома Верхнего Египта в эпоху Древнего царства см. Müller, Schenkel, Gomaà 2004, I, 114, 130, 145, 173, 193; II, Taf. 56–57, 77, 91–92, 130, 167.

[58] Cairo CG 20440 (Lange, Schäfer 1902b, Taf. 31; 1908, 38). Абидос. Датировка: конец XIII династии. Большая часть надписей на стеле была выполнена иератикой.

[59] Thirion 2003, 178; ср. Ranke 1935, 69.17.

[60] Ср. чтение этого имени как *Nmtj-jwjj nḏs*{*t*} «*Nmtj-jwjj* Младший» в Abu Bakr, Osing 1973, 107, Anm. 26–27. К написанию *nḏs* «младший» с лишним *t* (и чтением *nḏs*{*t*}) см. пример мужского имени *jtj=sn-nḏs*{*t*} (Moussa 1972, 290, Taf. 29). Однако в данном случае к имени применен эпитет *wr* «Старший», а не *nḏs* «Младший».

jw(*w*)-*nmtj*-*wr*. Если это так, то хозяин изображен на стеле дважды. Мальчик с титулом *z3=s* «ее сын», стоящий за матерью, тоже носит имя в честь бога *nmtj*: *nmtj*-*nḫt*. Такое пристрастие семьи к культу бога *nmtj* позволяет предположить, что она происходила из XII или XVIII нома Верхнего Египта.

К этим данным следует добавить еще несколько имен:

2.8. *jww-nmtj*. Граффито в Гебель Абрак (Восточная пустыня)[61]. Титул: *jmj-r3 10 srjw smntjw* «начальник 10 геологоразведчиков и проводников»[62].

2.9.1. *jw*(*w*)-*nmtj*[63]. Один из слуг *j3m*, хозяина стелы. О.Д. Берлев отметил на этой стеле три случая scriptiones plenae имени бога *nmtj* в антропонимах: *nmtj*-*ꜥnḫ*(=*f*) fem. (дважды) и *nmtj*-*ꜥnḫ*=*f* masc.[64], однако имя *jw*(*w*)-*nmtj* с таким же scriptio plena Берлев прочитал просто как *nmtj*, хотя знак «ноги» в нем очевиден: .

2.9.2–3. Имя *jw*(*w*)-*nmtj* в подобной форме отмечено и на стелах Cairo CG 20520 (masc.)[65] и Rio de Janeiro, Museu Nacional, 627 [2419] (fem.)[66]. Это имя включено в справочник Х. Ранке как вариант простого имени *nmtj* в scriptio plena[67]. Имя *nmtj* без идеограммы сокола в ладье на других стелах тоже следует понимать как имя бога *nmtj*, принятое в качестве личного[68], судя по параллелям на других стелах или по именам родственников (например, имени *nmtj*-*ḥtp* на стеле Cairo CG 20605[69], *nmtj*-*wr* на стеле Cairo CG 20520[70], антеопольским именам на стеле Cairo CG 20591[71]). Поэтому знак «ноги» не мог быть и детерминативом к гипо-

---

[61] de Bruyn 1958, 97–98, pl. 14 (1).

[62] Чтение *zš* «писарь» вместо цифры *mḏw* (10) невероятно (ср. de Bruyn 1958, 97; Eichler 1993, 91 (188); Jones 2000, 218 (814)), поскольку титул *jmj-r3 zšw* «начальник писарей» без указания названия ведомства не употреблялся. К чтению см. также Fischer 1985, 31, n. 24.

[63] Стела Lyon, Le Musée des Beaux-Arts 1969-134 (*PM* VIII.3 2007, 204 (803-030-370)); некогда Guimet C13: Moret 1909, 29–31, pl. 12 (13); collections.mba-lyon.fr/fr/search-notice/detail/1969-134-stele – b4398). Многие члены этой семьи изображены также на стеле Leiden, Rijksmuseum van Oudheden, CI.325 (она же Leiden V 111: *PM* VIII.3 2007, 166 (803–030–039); Boeser 1909, 7 [21], Taf. 20). Датировка: начало XII династии.

[64] Berlev 1969, 18–20.

[65] *PM* V 1937, 73; Lange, Schäfer 1902b, Taf. 36; 1908, 121; Simpson 1974, pl. 50 (ANOC 32.1). Абидос.

[66] *PM* VIII.3 2007, 86 (803–026–718); Kitchen 1990, I, 16–17; II, pl. 1–2 (1), с ошибкой в транскрипции имени. Абидос.

[67] Ranke 1935, 204.13–15, со ссылками на Cairo CG 20077, 20098, 20520, 20591, 20605; добавить: Abydos field no. ANC11543: (Adams 2010, 5–7, fig. 4–5).

[68] Имя *nmtj* с идеограммой сокола в ладье встречается часто: Ranke 1935, 69.16. Традиция называть ребенка именем бога (*ḏḥwtj, ḥr, nmtj, ḥwt-ḥr* и т.д.) без всяких эпитетов появилась в эпоху Среднего царства. Староегипетские имена *ḫnsw* (fem.) и *ḫnmw=j*/*ḫnmt=j* не связаны с соответствующими богами *ḫnzw* и *ḫnmw* (иначе: Scheele-Schweitzer 2014, 603 [2783], 615–616 [2861]–[2863]).

[69] Lange, Schäfer 1902b, Taf. 48; 1908, 243–244. Абидос.

[70] *jmj-r3 pr* «домоправитель» *nmtj-wr* () на стеле Cairo CG 20520 и *jmj-r3 pr* «домоправитель» *nmtj-wr* () на стеле Leiden, Rijksmuseum van Oudheden, L.XI.2 (Leiden V 108: Boeser 1909, 13 [50], Taf. 38; Simpson 1974, pl. 16 (ANOC 7.2) – вероятно, одно и то же лицо (Franke 1984, 217 (325)).

[71] *PM* V 1937, 58; Lange, Schäfer 1908, 230. Абидос; о происхождении некоторых членов этой семьи из X нома Верхнего Египта: Ilin-Tomich 2017, 84, 211.

тетическому имени *nmtj* «странник» от глагола *nmt* «ходить, странствовать»: имя *nmtj* всегда обозначало только бога-странника. Хотя имя бога *nmtj* в редких случаях представлено лишь идеограммой «ноги» с фонетическими комплементами ( )[72], знак после идеограммы бога-сокола в ладье достоверно не засвидетельствован. В связи с этим я отделяю имя от простого имени *nmtj* в scriptio plena и читаю его как *jw*(*w*)-*nmtj,* несмотря на то что элемент *jw*(*w*) представлен в нем одним знаком, т.е. в форме, которая в полных вариантах имени *jw*(*w*)-*nmtj* не встречается.

2.10. *jww-nmtj-wr* (т.е. *jww-nmtj* Старший). Стела Sinai 85[73].

Интересна орфография имени в надписях Abrak (2.8) и Sinai 85 (2.10). В первом случае составитель изменил правилу выноса имени бога honoris causa, во втором случае компонент *jww* представлен в полном виде. Таким образом, имя надо читать как *jww-nmtj* «приход *nmtj*», где *jww* представляет собой nomen actionis от глагола *jwj* «приходить». Слово *jww* «приход»[74] означает самого ребенка, который олицетворял «приход» к отцу (некоего бога).

Чтение имени как *jww-nmtj* подтверждается примерами имен Древнего – Среднего царств, построенных по сходному принципу – с начальным nomen actionis от глагола *jwj* «приходить». Эта модель сосуществовала с подобными образованиями в форме *sḏm=f* или с псевдопричастием от глагола *jwj*. Можно привести следующие образцы имен с nomen actionis *jww*/*jwt* «приход» в антропонимике Древнего – Среднего царств:

1) *jww-bꜣ* «приход священного Барана»[75]. Двойной *вав* указывает на форму nomen actionis от глагола *jwj* «приходить»;

2) *jww-bnw* «приход феникса». Известно два индивида с таким именем, представленным в разной орфографии: *1)* [76] и *2)* [77];

---

[72] Бесспорные примеры из Текстов саркофагов: Graefe 1980, 9.

[73] Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 23; Černý 1955, 92–94. Датировка: 4-й год царя [*jmn-m-ḥꜣt* III]. Серабит эль-Хадим.

[74] О «приходе (бога)»: Hannig 2006, 100. Например, приход бога Себека возрождает жизнь в обителях богов – обитателей Преисподней (*jmjw-dwꜣt*) и обитателей волн (*jmjw-nwj*): *ḫꜥj sbk wḥm.n=f mswt m jww=f jp nfrw* «когда Себек появляется, он возрождает своим приходом (все) – и в частности, и вообще» (*pRamesseum* VI (BM EA 10759), col. 116–117: Gardiner 1957, 53, pl. 3; ср. Vernus 1980, 118; Assmann 1999, 462. Датировка: *jmn-m-ḥꜣt* III).

[75] Ср. Scheele-Schweitzer 2014, 222 [172]: *Jw*(*j*).*w-Bꜣ* «kommend ist der (heilige) Bock»; Gundacker 2013, 45: *Jwjw-Bt* «Bata soll kommen!»; Gundacker 2014, 67: *Jwjw-Bꜣ* «Der heilige Bock soll kommen!».

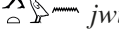
[76] Стела BM EA 1486 [1136] (Budge 1912, pl. 52; Fischer 1987–1988, 19–20, 23, fig. 3. Датировка: IX/X династия).

[77] Стела Berlin, Ägyptisches Museum 14333 (Generalverwaltung 1913, 121. Датировка: IX/X династия). Обе стелы, вероятно, происходят из некрополя Эль-Каср ва'с-Саййад (Brovarski 2018, 361, n. 83). К чтению имени ср. Ranke 1935, 97.10; 1952, 277.10; Schindler von Wallenstern 2011, 231.

3) *jww-ptḥ*. Это имя в форме nomen actionis засвидетельствовано в I Переходный период[78]. Во II Переходный период схожее имя отмечено уже в другой форме: *pth-jw.j*, где *jw.j* – псевдопричастие[79];

4) *jwt-n=j-ptḥ* «приход ко мне Птаха» masc.[80], где слово *jwt* «приход» (в ж.р.) образовано по другой модели nomen actionis[81];

5) *jw(w)-n=j-sbk* «приход ко мне Себека»[82], где слово *jww* «приход» является nomen actionis на *-w*, как и в имени *jww-nmtj*[83]. В именах № 4 и 5 nomen actionis используется вместо простой формы *sḏm=f* (как в модели *jj-n=j*-NN «ко мне пришел NN»[84]);

6)  *jww-wp(j)-wꜣwt* «приход Упуаута», он же известен под именем *nfr-jww* «добрый приход», которое носил и его отец[85]. Вариант *nfr-jww* с эпитетом *nfr* «добрый» лишний раз подтверждает понимание слова *jww* «приход» как nomen actionis. Имена такого типа с элементом *nfr* в эпоху Среднего царства делятся на две модели: *nfr-jww*[86] и *jww-nfr* «добрый приход»[87], к которым примыкает имя *jww-nfrt* «приход красавицы»[88].

---

[78] Стела Firenze, Museo Archeologico Nazionale, 6367 (1760) (Bosticco 1959, 22, fig. 15 (15); Fischer 1964, 80–81, pl. 24 (27). Накада). Ср. Ranke 1935, 138.12.

[79] Стела BM EA 329 [1371] (Budge 1913, 7, pl. 16; Vernus 1987, 146–149, pl. 26 (46). Эдфу). Ср. стелу Aix-en-Provence, Musée Granet, 849.1.367 (*PM* VIII.1 1999, 91: (803-027-141); Barbotin 2020, 56–59 (7). Абидос (?)), где отмечено имя той же модели, но с иной орфографией: с чтением *pth-jj.j*.

[80] Ср. Ranke 1952, 358 [138,13]; Scheele-Schweitzer 2014, 222 [176]; Gundacker 2013, 45; Gundacker 2014, 67: все читают и переводят это имя одинаково: *jwt-n=j-ptḥ* «möge Ptah zu mir kommen».

[81] Гробница LG 77 (*PM* III.1 1974, 212; Lepsius 1849–1859, II, Bl. 34d; *Urk*. I 1932–1933, 8.14; www.gizapyramids.org: A7429_NS; Kormysheva *et al.* 2015, 25, fig. 15, pl. 2, 14a–b. Гиза – Восточное поле. Датировка: V династия). Ср. имя с *sḏm=f*, в том же значении: *ptḥ-jw(j)=f-n=j* «Птах пришел ко мне» (Scheele-Schweitzer 2014, 362 [1146]).

[82] Рельеф Krannert Art Museum, University of Illinois, Champage-Urbana 1974–11–1; collection.kam.illinois.edu/Obj3799. Датировка: *ppj* II.

[83] Ср. чтение Gundacker 2010, 70; Gundacker 2013, 44; Gundacker 2014, 67: *(J)mj-n=j-Śbkw* «Komm zu mir, Sobek!» (m.). Грамматическую форму подобных примеров, приведенных в Gundacker 2010, 70: Ex. (53, *dwꜣ-n=j-Rᶜw*), Ex. (54, *ḥsj-n=j-Ptḥ*) и Ex. (55, *jꜣj-n=j-Ptḥ*)), я трактую как participium imperfecti passivi. Перевести эти имена затруднительно, но общее содержание примерно таково: *dwꜣ.n-rᶜ* «тот, кто (появился) милостью Ра» («вымоленный у Солнца»), *ḥzj.n-rᶜ* «тот, кто (появился) заслугой Ра» («почтенный Солнцем»; следует подчеркнуть, что глагол *ḥzj* «почитать, уважать, награждать» всегда выражает действие начальника по отношению к подчиненному или отца к сыну, а не наоборот) и *jꜣj.n-ptḥ* «тот, кто (появился благодаря) молитве Птаху» («вымоленный у Птаха»). Аналоги этих имен в форме participium perfecti passivi (т.е. без *n*) и с тем же значением также известны: *dwꜣ-rᶜ* (ср. Scheele-Schweitzer 2014, 743 [3770]: «der Re preist»), *ḥzj-rᶜ* (ср. Scheele-Schweitzer 2014, 554 [2510]: «Gelobter des Re»), *jꜣjw-ptḥ* (ср. Scheele-Schweitzer 2014, 207 [61]: «Verehrer des Ptah»).

[84] Scheele-Schweitzer 2014, 212–213 [97]–[103].

[85] Стела Cairo CG 20142 (Lange, Schäfer 1902a, 167–168; 1902b, Taf. 13). Абидос. Датировка: XIII династия.

[86] Ranke 1935, 194.7–8. Есть два примера Древнего царства: Scheele-Schweitzer 2014, 462 [1839].

[87] Ranke 1935, 15.21, 194.7.

[88] Ranke 1935, 201.13–14.

Имя *jww-nfr*/ *nfr-jww* встречается в Среднем царстве десятки раз, причем как у мужчин, так и у женщин. Напротив, столь же распространенное имя *jww-nfrt* встречается только у женщин и только в эпоху Среднего царства. Его староегипетский прототип *nfrt-jww=s* «красавица – ее приход»[89] дает лишний повод увидеть в этой «красавице» богиню Хатор. Это объясняет постоянный вынос вперед слова *nfrt* «красавица» в среднеегипетском имени *jww-nfrt*, в то время как положение глагола *nfr* «быть добрым» в имени *jww-nfr*/ *nfr-jww* нестабильно; стало быть, модели имен *jww-nfr*/ *nfr-jww* (masc./fem.) и *jww-nfrt* (только fem.) неэквивалентны. Модель с псевдопричастием *nfrt-jj.tj* (Нефертити) «красавица пришла» на среднеегипетском материале не засвидетельствована. В этом имени, которое появилось при XVIII династии и дожило до времен Птолемеев (также в форме *t3-nfr*(*t*)*-jj.tj*)[90], под именем *nfrt* «красавица», как и прежде, скрывается богиня Хатор;

7) *nfr-jww-ḥwt-ḥr* «добрый приход Хатор»[91]. Женское имя, в котором *jww* «приход» может быть только nomen actionis.

Известно также сложносоставное имя *jmn-m-ḥ3t-nfr-jw*(*w*)[92], однако в данном случае *nfr-jw*(*w*) является вторым именем[93].

Женские имена *ḥwt-ḥr-jw*(*j*)*.t*(*j*) «Хатор пришла»[94] и *sḫt-jw*(*j*)*.t*(*j*) «Сехет (богиня Поля) пришла»[95] следует считать псевдопричастными конструкциями, построенными по модели имени с субъектом мужского рода *k3=j-jw*(*j.j*)/ *k3=j-jw*(*j*)*.w* «мой *Ka* явился», с элементом *k3* в начальной позиции[96]. Знак «но́ги» в модели *ḥwt-ḥr-jj.tj* / *ḥwt-ḥr-jw*(*j*)*.tj*[97], как правило, намеренно усложнялся до *jj* ( ), так как в именной форме *jww*/*jwt* «приход» этот знак никогда не употреблялся, только знак *jw* ( ); напротив, для образования псевдопричастия этот простой знак *jw* () иногда исполь-

---

[89] Scheele-Schweitzer 2014, 490 [2038].

[90] Ranke 1935, 201.12, 364.2; ср. 194.5.

[91] Scheele-Schweitzer 2014, 462 [1840] с чтением *Nfr-jww-ḥw.t-ḥr.w*(*?*) «gut ist, daß Hathor kommt»; Gundacker 2014, 96, Ex. (109): «Vollkommen ist, daß Hathor kommt!».

[92] Стела Coll. Figeac (Marseille): Gauthier-Laurent 1933, 75–80, pl. 7.

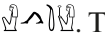
[93] Vernus 1971, 196 (13); Vernus 1986, 8 (19).

[94] Гробница QH 90. Edel 2008, II, 1135–1136, Text 6; Taf. 63. ср. Scheele-Schweitzer 2014, 222 [177]: *Jw.t-ḥw.t-ḥr.w* «möge Hathor kommen».

[95] El-Hagarsa D4. Woodward, Kanawati 1995, pl. 5a, 24, 27; ср. Scheele-Schweitzer 2014, 222 [178]; Gundacker 2013, 45; 2014, 67: *Jw.t-sḫ.t* «möge Sechet kommen».

[96] Scheele-Schweitzer 2014, 693 [3423]. Форма *k3=j-jw*(*j*)*.w* является примером бытования псевдопричастного окончания *-w* у глагола *jj*/*jwj* «идти, приходить» уже в эпоху Древнего царства (ср. Edel 1955–1964, 272, § 573; 278, § 579), что лишний раз свидетельствует о диатопическом характере расхождений между формами псевдопричастий на *-j*, на *-w* и вообще без окончания в египетском языке. Ср. имена *jj-k3=j* «пришел мой *Ka*» и *jj-k3w=j* «пришли мои *Kay*» в форме *sḏm=f* (Scheele-Schweitzer 2014, 216–217 [124]–[126]).

[97] Ranke 1935, 235.7–8 (со ссылками на стелы Cairo CG 20076 и CG 20473; Louvre C111; Wien AS108). Добавить: *1)* стелу Louvre E27211 (Ziegler 1990, 74–77 (8); *2)* надпись Kumma 452 = Khartoum, Sudan National Museum 34381 (Hintze, Reineke 1989, I, 127; II, Taf. 172); *3)* стелу Langres 110 (Gauthier-Laurent 1931, 110–111, pl. 1); *4)* статую Dahshur Magazine 160 (Fakhry 1961, 20, fig. 295, pl. 57A; Schulz 1992, I, 128–129 (053); II, Taf. 22c); *5)* стелу Москва, ГМИИ I.1.a.1136 (Hodjash, Berlev 1982, 86–87 (40)); *6)* стелу Cairo CG 20656 (Lange, Schäfer 1902b, Taf. 50; 1908, 289; Stefanović 2011, 98, 100); *7)* стелу Cairo CG 20228 (Lange, Schäfer 1902a, 248; 1902b, Taf. 17). Все примеры относятся к Среднему царству – II Переходному периоду.

зовался – например, на стеле Louvre C111[98] имя *ḥwt-ḥr-jw(j).tj* «Хатор пришла» представлено в полной форме:  . Таким образом, псевдопричастие от глагола *jwj* в этом имени представлено в двух вариантах: *jj.tj* и *jw(j).tj* «пришла», что встречается и в других именах.

Судя по материалам антропонимики, имя *jww-nmtj* часто носили военные, участники экспедиций и путешественники, а это свидетельствует о том, что они пошли по стопам своих отцов, служивших в той же сфере. Отдельную группу составляют уроженцы X, XII или XVIII нома Верхнего Египта (№ 2.6, 2.7, 2.9.1–2, 3(?)), которые получили имена с компонентом *nmtj* из почтения к местному богу своего нома – Соколу, плывущему в ладье.

3. Составитель надписи на жертвеннике, сын *jww-nmtj*, носил имя *nj-kꜣ=j-rˁ* «мой Ка принадлежит Ра».

Это имя было в эпоху Древнего царства весьма распространенным. Справочник К. Шееле-Швайцер приводит данные о восьми носителях этого имени[99]. Кроме них, известны следующие лица:

3.1. *špsj nswt jmj-rꜣ ḳdw* «царский вельможа, начальник строителей» *nj-kꜣ=j-rˁ*, отец *jmꜣḫ(w)t* «блаженной» *ttj*[100]. Его соответствие *sḥḏ ḳdw*, *sḥḏ ḥmw-kꜣ* «инспектору строителей, инспектору заупокойных жрецов» *nj-kꜣ=j-rˁ*, слуге *jj-mrj*, хозяина гробницы G 6020[101], остается под вопросом, поскольку наличие титула *špsj nswt* «царский вельможа» у *nj-kꜣ=j-rˁ* на жертвеннике однозначно свидетельствует в пользу его датировки, как минимум, правлением *ttj*, в то время как гробницу G 6020 (*jj-mrj*) обычно резонно датируют началом – серединой V династии.

3.2. *nj-kꜣ=j-rˁ*, сын *ḫˁj-mrr-nbtj*, внук *ḫwfw-snb* и *ḥnwt=sn*[102].

Комментарий к титулам

На жертвеннике отмечено два титула из сферы организации экспедиций:

1) *nj-kꜣ=j-rˁ*: *jmj-ḫt srjw* «начальник-замыкающий геологоразведчиков»;

---

[98] https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010022897. Датировка: XIII династия. Ее хозяин *kkj* носил редкий титул *jrj-ḥtm(j)t* «заведующий казенным имуществом» (Hannig 2006, 346), который существовал еще в среде мелкой дворцовой администрации конца V–VI династии (Jones 2000, 334 (1231); Hannig 2003, 179–180; Bogdanov 2017b, 166–167; титул отмечен также на ложной двери *sbk-ḥtp* в гробнице G 2420 (www.gizapyramids.org: A7580_NS. A7588_NS); печатях *ḏd-kꜣ-rˁ* 27 и 30 (Kaplony 1981, IIA, 330–331, 333–334; IIB, Taf. 89–90); ложной двери *ḳdw* (Cairo CG 57196 = SR2/15892; Kamal El-din 2009, 19–26. Саккара (?). Датировка: VIII–IX династия. Последний персонаж, состоявший в должности *jrj-ḥtm(j)t* (*pr-ꜥꜣ*) «заведующего казенным имуществом (дворцовых служащих)», был также *jmj-ḫt ḫntjw-š pr-ꜥꜣ, sḥḏ ḫntjw-š pr-ꜥꜣ* и *ḫntj-š* пирамиды *mn-nfr-mrj-rˁ*; его следует добавить восьмым к списку носителей совмещенных должностей *ḫntjw-š* и *jrj-ḥtm(j)t* в статье Bogdanov 2017b, 166–167)). В повествовательном контексте титул *jrj-ḥtmt* «держатель контракта (?)» отмечен в надписи на постаменте статуи *ḥr-jr-ꜥꜣ*, стк. 13 (Perdu 2016, 92–93, 115, n. ao), pl. 10. Датировка: *psmṯk* II *nfr-jb-rˁ*).

[99] Scheele-Schweitzer 2014, 443 [1698].

[100] Жертвенник из гробницы G 6027 A (www.gizapyramids.org, Field number: 38–2–13).

[101] Weeks 1994, 51, fig. 42 {2.120}.

[102] www.gizapyramids.org: PDM_06135; PDM_06142; Гиза – Некрополь Абу Бакра. Датировка: V династия.

2) *nj-ˁnḫ=j-nmtj* / *jww-nmtj*: *sḫḏ srjw* «начальник геологоразведчиков».

Круг проблем, связанных с интерпретацией лексемы *srj* «прорицать, прогнозировать, предвещать» и т.д.[103], слишком велик. Социальные обозначения из области лексикографии *srj* заслуживают отдельного изучения, поэтому пока я ограничусь категоричными заключениями по предварительным итогам собственной работы, которая, надеюсь, будет скоро завершена.

Исходя из основного значения слова *sr*(*j*) «чиновник»[104], многие специалисты переводили обозначение *sr*(*j*)*w* в экспедиционных титулах как «чиновники»[105]. Однако надо отметить, что как таковой *должности sr*(*j*) «*чиновник*» в эпоху Древнего царства не существовало. Термин *sr*(*j*) в староегипетском употреблялся в значении, производном от глагола «предусматривать», но с множеством нюансов в зависимости от рода занятий носителя: «ревизор, контролер, агент, осведомитель». В большинстве повествовательных контекстов (т.е. вне титулатуры) он фигурирует как общее понятие с недетерминированным содержанием *sr*(*j*) «чиновник». Титул *sr*(*j*) превратился в функциональную должность только в экспедиционной номенклатуре, куда он был включен в значении «геологоразведчик». Он встречается в основном в иерархических титулах *jmj-rꜣ sr*(*j*)*w* / *sḫḏ sr*(*j*)*w* «начальник / инспектор геологоразведчиков».

Контингенты *srjw* часто фигурируют в титулах вместе с отрядами *smntjw*, что говорит о близости их функций. А поскольку *smntjw* обычно определяются как «проводники»[106], то и для титула *srjw* подходящий эквивалент – «геологоразведчики», от глагола *sr*(*j*) в значении «разведывать пути, составлять лоцию», широко употреблявшегося, в частности, в Текстах саркофагов. Подразделения «геологоразведчиков»-*srjw*, как правило, составляли часть экспедиционного отряда в области месторождения камня на Синае, в Вади Хаммамат, Хатнубе, Нубии, в других отдаленных местностях. Вместе с тем, судя по титулам их начальства, *srjw* могли служить и в нильской долине. Функции таких *srjw* в самом Египте, вероятно, заключались в сопровождении грузов и в донесениях по определенным ими маршрутам, а за пределами нильской долины они занимались геологической разведкой. В связи с ничтожным статусом представителей рядового состава *srjw* и *smntjw*, равно как и разных категорий воинов и рабочих, частных надписей от них почти не осталось[107].

---

[103] Cannuyer 2010, passim.

[104] *Wb*. IV, 188.3–189.9; Jones 2000, 909 (3331); Cannuyer 2010, 577–579.

[105] Goelet 1982, 200–201 (n. 199); Fischer 1985, 31; Eichler 1993, 169; Martin-Pardey 1994, 159–160, 162; Moreno García 1997, 108; Jones 2000, 229–230 (849–851), 909 (3331–3335), 966–967 (3564–3565), и др.

[106] Титул-нисба *smntj* происходит, видимо, от слова *smnt* «котомка, мешок» (*Wb*. IV, 135.18; Yoyotte 1975, 44–55; Jones 2000, 228–230 (846–851), 872 (3191); 891 (3262), 966 (3563); Mostafa 2014, 156, fig. 21, 158, 165, n. g, 166, n. b).

[107] Данные по титулу *smntj* Среднего царства, приведенные в словаре P. Ханнига, либо неверны (например, на стеле Cairo CG 20457 это личное имя *mnjw*, ср. Fischer 1996a, 177), либо сомнительны (например, на стеле «cCassirer» (Schlögl 1978, 49, 155; ср. Meeks 1998, II, 327, 78.3547) отмечен титул музыканта, скорее всего «игрока на кастаньетах или систрах» (*srwj*?/*sḫmj*?), а не *smntj*), либо отражают групповое написание (Hannig 2006, 2212 {28076}). О рядовом титуле *srj*: Tallet 2012a, I, 218–219, II, 154 (CCIS 247).

1. *Титул jmj-ḫt srjw «начальник-замыкающий геологоразведчиков»*

Для ранга *jmj-ḫt* (букв. «следующий, идущий после»[108]) я выбрал условный перевод «начальник-замыкающий». Этот чин шел вторым в смене служащих непосредственно за «инспектором»-*sḥḏ* (букв. «просветитель, наставник»). В Среднем царстве иерархический ранг *jmj-ḫt* исчезает почти из всех ведомственных структур, кроме полиции: он остался лишь в составе титула *jmj-ḫt z3w-prw* «начальник-замыкающий приставов (или жандармов, букв. «детей дома»)»[109].

Титул *jmj-ḫt srjw* «начальник-замыкающий геологоразведчиков», который носил составитель надписи, *nj-k3=j-rˁ*, уникален. Единственная параллель к нему из области организации контингентов сотрудников экспедиций – это должность *jmj-ḫt smntjw* «начальник-замыкающий проводников», которая тоже встречается крайне редко:

1) в граффито *ḥtpw* в виде *jmj-ḫt smntjw mrr nb=f* «начальник-замыкающий проводников, любящий своего господина»[110];

2) на печати с именем царя [*ḥr*] *wsr-ḫˁw* из Бухена[111];

3) на печати с именем царя *ḥr ḏd-ḫˁw*, *ḏd-k3-rˁ* из Эдфу в виде [*jmj*]-*ḫt smntjw jrr wḏt nb=f* «начальник-замыкающий проводников, исполняющий приказ своего господина»[112].

Уникальный титул в Вади Хаммамат, опубликованный в транскрипции как *jmj-ḫt mšˁ* «начальник-замыкающий войска»[113], скорее всего также следует читать как *jmj-ḫt smntjw*.

Единственный известный тезка *nj-k3=j-rˁ*, работавший в сфере руководства контингента *srjw*, – это *wr mḏw šmˁw zš* «главный (в) десятке Юга, писарь»[114] *nj-k3=j-rˁ*. Он оставил много памятников[115], а его титулатура исключительно богата

---

[108] Jones 2000, 282–298 (1017–1090); Hannig 2003, 130–132.

[109] Jones 2000, 296 (1081): «under-supervisor of sons-of-houses (police)»; Hannig 2003, 132; 2006, 240–241.

[110] Wadi Hammamat M 156: Couyat, Montet 1912, 93, pl. 33; см. также фотографии надписей на сайте ancienegypte.fr/ouadi_hammamat/page2.htm (45.jpg). К чтению надписи: Bogdanov 2018, 239, n. 75.

[111] Kaplony 1981, IIA, 227; IIB, Taf. 69 (*nfr-ir-k3-rˁ* 28). См. также фрагменты титула *jmj-ḫt smntjw* (?): Kaplony 1981, IIB, Taf. 16 (*rˁ-ḫˁ-f* 16); 46 (*mn-k3w-rˁ* 39); 64 (*s3ḥw-rˁ* 44); 132 (K.u. 138); 133 (K.u. 139); к чтению ср. IIA, 124–125, 204, 500.

[112] Moeller, Marouard 2020, 16.

[113] Wadi Hammamat M 161: Couyat, Montet 1912, 93 (без фотографии); ср. Jones 2000, 287–288 (1044).

[114] Иное чтение титула: Jones 2000, 845–846 (3085) (*zš wr*(*w*) *10 šmˁw*). Элемент *zš* «писарь» в этом титуле следует считать функциональным добавлением к *wr mḏw šmˁw* «главный (в) десятке Юга».

[115] *PM* III.2 1981, 696–697. В число памятников *nj-k3=j-rˁ* входят: 1–2. Статуя Cleveland Museum of Art 1964.90 и фрагменты ложной двери Cleveland Museum of Art 1964.91 (Andreu 1997, 21–30; Fischer 1997, 178–179; Hamza Awad 2006, 73–87; Berman, Bohač 1999, 128–132 (71–72); www.clevelandart.org/art/1964.91; www.clevelandart.org/art/1964.90); 3. Статуя Brooklyn 49.215 (James 1974, 13 (36), pl. 19; www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/3544); 4–5. Статуи New York, MMA 52.19 и 48.67 (www.metmuseum.org/art/collection/search/543900; www.metmuseum.org/art/collection/search/543901). Вероятно, из Саккара. Датировка: *nj-wsr-rˁ*.

на должности из разных сфер деятельности[116]. Он являлся жрецом *ḥm-nṯr* царей [*sꜣḥ*]*w*-[*rᶜ*], *ḥr* [*wsr-ḫᶜ*]*w* (*nfr-jrj-kꜣ-rᶜ*), *ḥr st-jb-tꜣwj* (*nj-wsr-rᶜ*), а также *ḥm-nṯr rᶜ* «жрецом Солнца» в солнечных храмах [*st*]-*jb*-[*rᶜ*] (царя *nfr-jrj-kꜣ-rᶜ*) и *šzp*(*w*)-*jb*-*rᶜ* (царя *nj-wsr-rᶜ*). Основная деятельность *nj-kꜣ=j-rᶜ* была связана с министерством продовольствия, в котором он владел несколькими должностями[117]: [*jmj-rꜣ*] *šnwtj* «начальника (ведомства) двух зернохранилищ», [*jmj-rꜣ*] *zšw mḏꜣt n*(*j*) *šnwt* «начальника писарей книг по (ведомству) зернохранилища», *jmj-rꜣ šnwt n*(*j*)*t ḫnw* «начальника (ведомства) зернохранилища по резиденции», *ḫrj-tp šnwt* «главы (ведомства) зернохранилища», *sḫḏ zšw šnwt* «инспектора писарей (ведомства) зернохранилища»[118]. Титул *jmj-rꜣ šnwt* «начальника (ведомства) зернохранилища» носил и его сын *ᶜnḫ-m-ᶜ-rᶜ*. Сам *nj-kꜣ=j-rᶜ* занимался также организацией животноводства и охоты, о чем свидетельствуют такие его должности, как *jmj-rꜣ ḥwt-ᶜꜣt* «начальник крупного учреждения», *jmj-rꜣ ḥwt-jḥwt* «начальник учреждения по разведению скота (с детерминативом «город»)», *jmj-rꜣ ꜣpdw-š* «начальник озерных пернатых»[119], *jmj-rꜣ pḥww nb* «начальник всех болот», *jmj-rꜣ nww nb* «начальник всех охотников», *jmj-rꜣ bjtjw nb* «начальник всех пчеловодов»[120]. В их число можно включить и такие необычные должности, как *jmj-rꜣ* (*ḫrjw*)-*sbꜣ nb* «начальник всех носителей зонтов»[121] и *jmj-rꜣ msw nswt* (*prw*) *m prwj* «начальник (домов) детей царя в двух домах».

Титул *jmj-rꜣ srjw* 𓄿𓅓𓏏𓊪𓂋𓏏 на ложной двери Cleveland 1964.91 выглядит необычно[122]; написание слова *srj* только идеограммой чиновника без фонетических комплементов достоверно засвидетельствовано только в надписи Sinai 19, составленной 𓀀𓁐 *sḫḏ srjw* «инспектором геологоразведчиков» *snnw jdw*[123]. Тем не менее титул *jmj-rꜣ srjw* на ложной двери Cleveland 1964.91, видимо, не имеет отношения к организации экспедиций. Титулатура *nj-kꜣ=j-rᶜ* во многом сходна с титулатурой

---

[116] О титулах *nj-kꜣ=j-rᶜ* см. также Baud 1999, II, 481, no. 103 (V 6); Nuzzolo 2018, 360–361 [51]; Florès 2015, 417 (Ni/Sa/1).

[117] «Начальники (двух) зернохранилищ(а)» в эпоху Древнего царства выполняли функции министров продовольствия. Эта должность достоверно засвидетельствована с начала V династии (Strudwick 1985, 251–275).

[118] Титул *ḫrj-tp šnwt* «глава (ведомства) зернохранилища» отмечен на статуях Cleveland Museum of Art 1964.90, New York, MMA 52.19 и 48.67; титулы *rḫ nswt* «знакомый царя» и *sḫḏ zšw šnwt* «инспектор писарей (ведомства) зернохранилища» отмечены только на статуе Brooklyn 49.215.

[119] К чтению *ꜣpdw-mr/š* «озерные пернатые» см. Hayes 1951a, 53, fig. 13 (170–181); 1951b, 92–93; Wassell 1991, II, 27–28, n. 98; Bailleul-LeSuer 2016, 28, 341, 377–378, 381. Ср. Andreu 1997, 22; Fischer 1997, 178; Jones 2000, 52 (258); Diego Espinel 2006, 87; Hamza Awad 2006, 75, 80 Nuzzolo 2018, 360: читают титул либо как *sš*(*.w*)*?*, либо как *ꜣpd*(*w*), либо как *ꜣpd*(*w*)-*mr*/*š*. Чтение Florès 2015, 417: «(*j*)*m*(*y*)-*r*(*ꜣ*) *sꜣ mr*?».

[120] Чтение Hamza Awad 2006, 75, 78: «*jmj-rꜣ* [...] *bjt nb*(*.w*)?» неверно.

[121] Ср. чтения Hamza Awad 2006, 75, 78: «*jmj-rꜣ sb*[...] *nb*(*.w*)?»; Nuzzolo 2018, 360: «*imy-r sb*(*w*) [...] *nb*(*w*)»; Florès 2015, 417: «(*j*)*m*(*y*)-*r*(*ꜣ*) *sb* [...?] *nb*». Об этом титуле: Bogdanov, Bolshakov 2004, 23; эта статья была впоследствии перепечатана на английском языке: Bolshakov 2005, 47, n. j).

[122] Обзор чтений этого титула в надписи: Hamza Awad 2006, 75, 83–84.

[123] Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 7; Černý 1955, 65; Edel 1983, 158–163, Abb. 1a–b. Tallet 2012a, I, 29, II, 10; 2018, 305 (CCI S8).

dmḏ[124], который тоже состоял в должности *jmj-rꜣ srjw*, а также являлся *jmj-rꜣ zš* «начальником гнезда» (смысл титула неизвестен), *jmj-rꜣ šnjw-tꜣ nb* «начальником всех трав», *jmj-rꜣ pḥww* «начальником болот», *jmj-rꜣ wḥꜥw* «начальником рыболовов» и жрецом Солнца (*ḫm-nṯr rꜥ*) в солнечных храмах *sḫt*(-*rꜥ*) (царя *sꜣḥw-rꜥ*) и *st-jb*-(*rꜥ*) (царя *nfr-jrj-kꜣ-rꜥ*)[125].

Судя по этим косвенным данным, должность *jmj-rꜣ srjw* у чиновников *dmḏ* и *nj-kꜣ=j-rꜥ* была связана, вероятно, с управлением ревизорами[126] или путевыми проводниками[127]. Разумеется, сами начальники в поездках не участвовали – статус не позволял. Титул *srjw* – в широком смысле «осведомитель, разведчик, ревизор, исследователь» – здесь и в экспедиционных надписях имеет одно значение, но разное содержание. В Египте *srjw* могли играть роль сопровождающих делегации с военными или фискальными миссиями, а в экспедиции так называли массы профессиональных старателей и рудокопов, геологоразведчиков.

Таким образом, профессиональное соответствие двух *nj-kꜣ=j-rꜥ* с похожими титулами оказывается призрачным, а их отождествление – ненадежным.

2. *Титул sḫḏ srjw «инспектор геологоразведчиков»*[128]

Носителей титула *sḫḏ srjw* можно разделить на две категории: *1)* участники экспедиций в должности инспектора геологоразведчиков и *2)* сотрудники фискальной службы, «инспекторы ревизоров». Первые оставили свои надписи за пределами Египта, прочие, за некоторыми исключениями, известны по памятникам из собственных гробниц в Мемфисской области: Гизе и Саккара. Поскольку занятия чиновников 2-й группы определить не так просто, я привожу их просопографию отдельно.

1. Экспедиционные *sḫḏw srjw* «инспекторы геологоразведчиков» оставили надписи на Синае, в Вади Хаммамат и Хатнубе.

1.1. Групповое обозначение: *sḫḏ srjw* 20 «инспектор 20 геологоразведчиков». Надпись Hatnub Gr. 3.12[129] от «года 14-го раза (учета)», т.е.

---

[124] Ложная дверь и рельефы в гробнице его отца *tj* (Саккара D22; *PM* III.2 1981, 469–478; Steindorff 1913, Taf. 18–19; Épron, Daumas, Goyon 1939, pl. 17, 19–20, 44, 63), а также постаменты статуй Cairo CG 305 и CG 313 (Borchardt 1911, 182, 184). Датировка: *nj-wsr-rꜥ – mn-kꜣw-ḥr*.

[125] Ср. Nuzzolo 2018, 384–385 [70].

[126] Fischer 1968, 101, n. 458; 1996b, 10 (j); эдикт Coptus R (Cairo JdE41894: Weill 1912, 59–67, pl. 4 [1], 9; *Urk*. I, 1932–1933, 306.2–8; Goedicke 1967, 214–215, 222, Abb. 28); Поучение Мерикара E85–87 / M VI,5–6 (Quack 1992, 182); и др.

[127] *Urk* I, 65.17 = Brovarski 2000, 108–109, pl. 75–78a, fig. 23; text fig. 4; Diego Espinel 2011, 60, fig. 8 (no. 120); Edel 2008, I, 50–51, 243 (Abb. 32), Text 59, Taf. 9 = Seyfried 2005, 314–318 (гробница QH 26); и др.

[128] Основные сводки источников о титуле *sḫḏ sr*(*j*)*w*: Jones 2000, 966–967 (3564–3565) («inspector of *sr*-officials/magistrates»); Hannig 2003, 1189–1190. Данные по *sḫḏw sr*(*j*)*w* в синайских надписях сведены в таблицу в Tallet 2018, 135.

[129] Anthes 1928, 20, Taf. 10–10A. Как правило, этот титул читают как *smsw* «старший» вместо *sḫḏ srjw* (Anthes 1928, 20; Eichler 1993, 43 (39); и др.). Это чтение появилось из-за ошибки в транскрипции (ср. Anthes 1928, 20, Anm. 12: считает, что ошибочна именно прорисовка, а не транскрипция). Хотя в факсимиле иератической надписи Г. Мёллера

27/28-го года правления царя *ḥr nṯrj-ḫᶜw* (*ppj* II *nfr-kȝ-rᶜ*). Числительное «20» после титула с детерминативом A1 pl. вместо имени выглядит странно, хотя оно вполне объяснимо в стандартном перечне членов отряда.

1.2. *jḥj-n=s* (сын*?*) *ḥnkw*(*?*): *sḫḏ srjw* [*smntjw*] «инспектор геологоразведчиков и [проводников]». Надпись Wadi Hammamat M 151[130]. Э. Айхлер[131] отождествляет автора надписи *jḥj-n=s*[132] с *ᶜnḫ-mrj-rᶜ*/ *jḥj-n=s* стелы Cairo CG 1483[133], однако его идентификация абсолютно произвольна. *ᶜnḫ-mrj-rᶜ*/ *jḥj-n=s* был крупным вельможей, «начальником (ведомства) всех царских работ» (*jmj-rȝ kȝt nbt nt nswt*), а *jḥj-n=s* из Вади Хаммамат был простым командиром экспедиционного отряда.

1.3. *jd*[*w?*]: [*sḫḏ?*] *srjw* «[инспектор?] геологоразведчиков». Иератическая надпись тушью на гипсе Ayn Soukhna CCIS 250[134].

1.4. *wȝš-k*(*ȝ=j*), *ḥtp-n=j-j*, *nj-sbk:* три персонажа с одним титулом *sḫḏ srjw* «инспектор геологоразведчиков». Надпись Sinai 13[135]. Все трое в этой должности в других источниках не засвидетельствованы.

1.5. *ḥtp*: *sḫḏ srjw* «инспектор геологоразведчиков». Надпись Ayn Soukhna CCIS 214[136].

1.6. *sȝbj-km*: *mšᶜ sḫḏ srjw* «походный инспектор геологоразведчиков». Надпись Sinai 20[137]. Перед титулом стоит идеограмма воина со значением *mšᶜ* «воин, войско, поход». Титул оформлен по стандарту, привычному для титулов с элементом *pr-ᶜȝ*, который в изолированном состоянии означает просто «дворцовый служащий», а в большинстве других случаев ставится впереди титула как место службы, например, в титуле *rḥ nswt pr-ᶜȝ* «дворцовый знакомый царя». Вместе с тем следует признать, что идеограмма *mšᶜ* означает здесь не «войско», а «поход». Аналогичный прием использован в титуле *jdw*: *jmj-rȝ srjw mšᶜ* «походный

очевиден знак *ḥḏ*, а не *m*, при переводе все ориентируются на иероглифическую транскрипцию, что и привело к недоразумению. Основываясь на этом неверном чтении, М.А. Лебедев посвятил полстраницы текста описанию занятий в экспедициях лиц с титулом *sms.w*, который он переводит как «старшины (плотничьих мастерских)» (Lebedev 2015, 84, 419), хотя в экспедиционных надписях они вообще не упоминаются.

[130] Couyat, Montet 1912, 92, pl. 34. Датировка: VIII династия.

[131] Eichler 1993, 75.

[132] К чтению имени *jḥj-n=s*: Fischer 1996a, 60–61; ср. Scheele-Schweitzer 2014, 260 [451]: *Jḥ.y-n=s* (*?*)/*N*(*.j*)*-sw-Jḥ.y* (*?*) «ein *Jḥ.y* für sie! (?)/ er gehört dem Ihi (?)».

[133] *PM* III.2 1981, 586; Borchardt 1937, 174–175, Bl. 39. Датировка*: mrj.n-rᶜ – ppj* II.

[134] Tallet 2012a, I, 227, II, 161–162; 2018, 305; 2020, 6 [Doc. 2], pl. 4–5. Датировка: [*rnpt-zp*] *7 ȝbd 4 šmw hrw 4* «[год] 7 раза (учета), 4-й месяц сбора урожая, 4-й день», т.е. 13/14-й год правления царя *ḏd-kȝ-rᶜ jzzj*.

[135] Weill 1904, 109–116 (11–12); *Urk*. I, 1932–1933, 56.6–8; Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 7; Baines, Parkinson 1997, 9–27, fig. 1; Tallet 2018, 304. Вади Магара. Датировка: *rnpt m-ḫt zp 4 ṯnwt jḫw ᶜwt nb* «год после 4-го раза учета всего крупного и мелкого скота», т.е. 8/9-й год правления царя *ḏd-kȝ-rᶜ jzzj*.

[136] Tallet 2012a, I, 197–198, II, 137; 2012b, 109, 114, fig.5; 2020, 15–16 [Doc. 6], pl. 14. Датировка: конец V – VI династия. Транскрипция П. Талле: . Судя по фотографии, после знака *sr* стоит обычный детерминатив A1, а маленький знак *ḫȝst* вообще отсутствует.

[137] *PM* VII, 342; Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 10; Černý 1955, 65; Edel 1983, 165. Вади Магара. Датировка: *jzzj* – VI династия. Ср. Eichler 1993, 36.

начальник геологоразведчиков»[138], который известен также в варианте со знаком *mšʿ* «войско» в постпозиции и детерминативом A1 в титуле *ḥtp*: *jmj-*(*r3*) *srjw mšʿ*[139].

1.7. *snnw jdw:* *sḫḏ srjw* «инспектор геологоразведчиков». Надпись Sinai 19 (CCIS 8)[140]. С большой долей вероятности идентичен 1.3. [*sḫḏ?*] *srjw jd*[*w?*][141].

1.8. *k3j*: *sḫḏ srjw smntjw* «инспектор геологоразведчиков и проводников». Надписи Wadi Hammamat M 163, M 166, M 167[142]. Орфография титула[143]: (M 163); (M 167, M 166). *k3j* состоял также в должностях *ḫrp ʿprw nfrw* «командира отрядов молодцев» и *jmj-r3 10 wj3* «начальника 10 корабельщиков» (Wadi Hammamat M 165).

2. Интерпретация титула *sḫḏ srj*(*w*) на памятниках из гробниц зависит только от контекста, а именно сопутствующих титулов, раскрывающих поле деятельности служащего, и прочих косвенных критериев. В большинстве случаев под *srjw* следует понимать «ревизоров, фискальных агентов, контролеров и осведомителей», хотя, как показывает пример с жертвенником из гробницы G 1111, это могли быть и участники экспедиций. Просопография носителей титула *sḫḏ srj*(*w*) на памятниках из Мемфисской области включает следующих лиц:

2.1. *ʿnḫ-k3k3j:* *sḫḏ srj*(*w*) *jrj-jḫt jz nwd*(*w*) *ḫkr*(*w*) *nswt* «заведующий продукцией и инспектор ревизоров департамента умащений (ведомства) царских украшений»[144]. Этот чиновник был сотрудником ведомства «царских украшений» (*ḫkr*(*w*) *nswt*), которое делилось на два департамента (*jzwj*)[145]. В составе одного из них был отдел умащений-*nwd*(*w*)[146], где и трудился мелким клерком *ʿnḫ-k3k3j*, выполняя, в частности, должность «инспектора ревизоров», что неудивительно, учитывая ценность производимой в заведениях ведомства продукции.

2.2. *nj-ʿnḫ=j-b3stt*: *sḫḏ srj*(*w*). Был заупокойным жрецом («рабом *Ka*», *ḫm-k3*) хозяина гробницы *ḏf3w*, который был *jmj-r3 prwj-ḥḏwj* «начальником двух домов серебра»[147]. Этот вельможа, будучи руководителем всего финансового ведомства, поставил клерком на казенной службе собственного челядинца *nj-ʿnḫ=j-b3stt*, статус которого соответствовал статусу *ʿnḫ-3k3j* (2.1).

---

[138] Надпись Sinai 21 (CCIS 9). Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 10; Černý 1955, 65; Edel 1983, 165–169, Abb. 3a–b; Tallet 2012a, I, 30, II, 10; 2018, 305. Вади Магара. Датировка: *jzzj*(?).

[139] CCIS 13. Tallet 2012a, II, 12; ср. I, 32 (в транскрипции отсутствует детерминатив A1). Вади Магара. Датировка: 2-я половина V – VI династия.

[140] Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 9; Černý 1955, 65; Edel 1983, 158–163, Abb. 1a–b; Tallet 2012a, I, 29, II, 10; 2018, 305. Вади Магара. Датировка: *ḏd-k3-rʿ*.

[141] Tallet 2018, 108–109.

[142] Couyat, Montet 1912, 93–94. Датировка: VI династия.

[143] В издании Куйя – Монте фотографий надписей нет. Я ориентировался на фотографии на сайте ancienegypte.fr/ouadi_hammamat/page2.htm (33.jpg, 41.jpg).

[144] Ложная дверь Cairo CG 1424 (*PM* III.2 1981, 458; Borchardt 1937, 105. Саккара, гробница D31). Датировка: первая половина V династии.

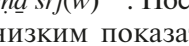
[145] Bogdanov 2017a, 83–84.

[146] Об элементе *nwdw* «умащения» в титулах см. Koura 2003, 74–76.

[147] Ложная дверь в гробнице D25: Mariette 1889, 254; Petrie, Murray 1952, pl. 14. Саккара. Датировка: *nj-wsr-rʿ*.

2.3. *nfr-jḥj:* *sḥḏ srj*(*w*)[148]. Носил также титул *rḫ nswt* «знакомого царя», который являлся самым низким показателем знатности. Род занятий *nfr-jḥj* остается неясным.

2.4. *nṯr-nfr:* *sḥḏ srj*(*w*)[149]. Род занятий неясен.

2.5. *ḫww-rˁ:* *sḥḏ srjw*. Обладал уникальным жреческим титулом  *ḥm-ntr ḫnmw mrj ḥr* «жрец Хнума, любимого Хором»[150]. Род занятий неясен.

2.6. *kꜣ=j-ˁpr*[151]: *jmj-rꜣ srjw*, *sḥḏ n*(*j*) *srjw*. Другие титулы: *rḫ nswt* «знакомый царя», *sḳd n wjꜣ* «гребец ладьи»[152], [...] *sr n š*[...]*? wjꜣ* «[...] ладьи», *nst-ḫnt*(*j*)*t* «верхний трон», *wḏˁ-mdw m ḫwt*-[*wrt*] «судья в судебном учреждении»[153], *wḏ-mdw n*(*j*) *ḫrj*(*w*)-*wḏbw* «приказчик (ведомства) раздач»[154], *jmj-rꜣ mšˁ* «военачальник», *jmj-rꜣ šnwt* «начальник крааля»[155]. Этот персонаж соединял в своей титулатуре флотские, военные и судебные титулы. Судя по военно-морским титулам *kꜣ=j-ˁpr*, я склонен трактовать коллектив *srjw* на этом памятнике как участников экспедиции, геологоразведчиков.

3. *Dubia*

3.1. *jnj*, носил титул *smsw wḫr*(*j*)*t*, *sḥḏ* [...] «старшина верфи[156], инспектор [...]»[157]. Чтение *sḥḏ sr*(*w*) *ḳ*[*nb*]*t* «inspector of the law [court] *sr(w)*-officials (?)», приведенное у издателя, неверно.

3.2. *bbj*, носил титул *sḥḏ nfr*(*w*) *srjw*(*?*) «начальник молодцев и разведчиков (?)»[158]. Возможно, знак *sr* оказался здесь случайно вместо детерминатива «ре-

---

[148] Ложная дверь Saqqara Magazine no. 19545 (El-Tonssy, Yossef 2014, 450–451, Taf. 17, fig. 2). Датировка: первая половина V династии.

[149] Рельефы Cairo CG 1451; CG 1529 (*PM* III.1 1974, 308; Borchardt 1937, 137, 228, Bl. 34). Гиза. Датировка: конец IV династии.

[150] Два блока на стене гробницы G 2230+2231 (Roth 1995, 160, pl. 118c, 199; www.gizapyramids.org: A8221_NS). Датировка: *wnjs*.

[151] Притолока из гробницы G 8853 (*PM* III.1 1974, 262–263; Hassan 1936, 155, 157, fig. 185). Датировка: вторая половина V династии.

[152] Jones 2000, 981 (3621); Hannig 2003, 1248.

[153] Jones 2000, 411 (1511).

[154] Jones 2000, 407–408 (1500).

[155] Согласно транскрипции и переводу Селима Хассана (Hassan 1936, 155, 157), титул означает «the overseer of the granary», что неверно. Речь идет о должности *jmj-rꜣ šnw* «начальник крааля» (Jones 2000, 252–253 (914–915); добавить: титул *dfꜣ-nswt* (архитрав из гробницы G 1171: www.gizapyramids.org: C12000_OS), который носил также титул *ḫrp ˁpr sḳd*(*w*) *jz*(*t*) *wjꜣ* «капитан отряда гребцов команды корабля». К значению *šnwt*/*šnw* «крааль, круговой лагерь» нубийских племен в титуле *jmj-rꜣ šnw* см. Abu Bakr, Osing 1973, 101, 106, 109, 110; Osing 1976a, 135, 137, 155; см. также Bogdanov 2014, 7, 14, прим. 9). Связывать «полицию» *šnṯ* (*šnṯ* > *šnt*) с «отрядом» *šnw*(*t*) нет оснований. Использование этого термина в египетских военных титулах свидетельствует о том, что нубийские воины, служившие в египетской армии, комплектовались в отряды согласно их племенной принадлежности.

[156] Jones 2000, 899–900 (3301); Hannig 2003, 1144.

[157] Фрагменты рельефа Excav. no. 150b/GG/1995 из гробницы *ḳꜣr* Младшего (Bárta 2009, 150, 186–187, fig. 6.3.10–6.3.11).

[158] Kuhlmann 2005, 244–246, Abb. 1–4. Датировка: *rnpt m-ḫt zp 12 ṯn*(*wt*) ˁ*wt nb*(*t*) «год после 12-го раза учета всякого мелкого скота» (24/25-й годы правления Хеопса).

бенок» к слову *nfrw* «молодцы». В другом граффито *bbj* его титул уже представлен в более стандартном виде: *sḥḏ*(*w*) *nfrw stp-z3* «начальник(и) молодцев охраны» *jj-mrj* и *bbj*[159].

К ИДЕНТИФИКАЦИИ *sḥḏ srjw* «НАЧАЛЬНИКА ГЕОЛОГОРАЗВЕДЧИКОВ» *jww-nmtj*

Среди авторов экспедиционных надписей можно выделить двух лиц с именем *jww-nmtj*, служивших в администрации *srjw*. Привожу их данные по просопографии носителей имени *jww-nmtj*, приведенной выше:

2.3. *jww-nmtj*. Титул: *jmj-r3 sr*(*jw*) «начальник геологоразведчиков». Надпись Sinai 13 от *rnpt m-ḫt zp 4 ṯnwt jḫw ꜥwt nb* «года после 4-го раза учета всего крупного и мелкого скота», т.е. 8/9 года правления царя *ḏd-k3-rꜥ jzzj*.

2.8. *jww-nmtj*. Титул: *jmj-r3 10 srjw smntjw* «начальник 10 геологоразведчиков и проводников». Граффито в Гебель Абрак (Восточная пустыня).

Расхождения в рангах *jmj-r3*/*sḥḏ* «начальник/инспектор» в данном случае несущественны. Можно выделить два случая совмещения этих рангов в сфере *srjw*: 1. В титулатуре *k3=j-ꜥpr*, который приводит титулы *jmj-r3 srjw* и *sḥḏ n*(*j*) *srjw* в своей гробнице. 2. Согласно П. Талле[160], *jdw* (или *snnw jdw*), упомянутый в надписях Sinai 19 (CCIS 8), Sinai 21 (CCIS 9), Sinai 22 (CCIS 7)[161] и CCIS 250, – это один и тот же персонаж, участник экспедиции на Синай при царе *ḏd-k3-rꜥ jzzj*. Следовательно, он состоял в должностях *sḥḏ srjw* (отмечена в CCIS 8 и CCIS 250) и *jmj-r3 srjw* (отмечена в CCIS 9) одновременно.

Об *jww-nmtj* в надписи из Абрака (2.8) ничего стоящего сказать нельзя; кроме того, точно датировать ее затруднительно. Что касается *jww-nmtj* (2.3) надписи Sinai 13, то этой идентификации ничего не препятствует. Почти наверняка этот деятель идентичен владельцу жертвенника из гробницы G 1111, поэтому гробницу следует также датировать временем правления *ḏd-k3-rꜥ jzzj*.

Надпись Sinai 13 давно привлекает пристальное внимание многих исследователей из-за своего необычного содержания[162]. В ней перечень участников экспедиции за бирюзой содержит преамбулу, которая часто рассматривается как первое свидетельство о божественном оракуле в Египте. Согласно этому тексту, экспедиция на Синай была вдохновлена находкой приказа бога на драгоценном камне во дворе храма *nḫn-rꜥ* «Твердыня Солнца», Солнечного храма царя *wsr-k3=f*. Жертвенник из гробницы G 1111 может оказаться первым памятником, принадлежавшим одному из участников этой экспедиции – начальнику и инспектору геологоразведчиков-*sr*(*jw*) *jww-nmtj*.

---

[159] Kuhlmann 2005, 247–251, Abb. 5.

[160] Tallet 2018, 108–109.

[161] Tallet 2012a, I, 28, II, 9; 2018, 305. Вади Магара.

[162] Историографический обзор: Baines, Parkinson 1997, 10–11; см. также Kammerzell 2001, 153–164.

Литература / References

Abdel-Raziq, A. 2017: An unpublished lintel of Ahmose-Nebpehtyre from El-Atâwla. *Journal of the American Research Center in Egypt* 53, 47–55.

Abu Bakr, A.M., Osing, J. 1973: Ächtungstexte aus dem Alten Reich. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo* 29, 97–133.

Adams, M.D. 2010: The stela of Nakht, son of Nemty: contextualizing object and individual in the funerary landscape at Abydos. In: Z. Hawass, J. Houser Wegner (eds.), *Millions of jubilees: studies in honor of David P. Silverman*. Vol. I. (Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Egypte, 39). Le Caire, 1–25.

Andreu, G. 1997: La fausse-porte de Nykarê, Cleveland Museum of Art 64.91. In: C. Berger, B. Mathieu (éd.), *Études sur l'Ancien Empire et la nécropole de Saqqâra dédiées à Jean-Philippe Lauer*. T. I. (Orientalia Monspeliensia, 9). Montpellier, 21–30.

Anthes, R. 1928: *Die Felseninschriften von Hatnub: nach den Aufnahmen Georg Möllers*. (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens, 9). Leipzig.

Assmann, J. 1999: *Ägyptische Hymnen und Gebete: übersetzt, kommentiert und eingeleitet*. 2. Aufl. Freiburg (Schweiz)–Göttingen.

Bailleul-LeSuer, R.F. 2016: *The Exploitation of Live Avian Resources in Pharaonic Egypt: a Socio-Economic Study*. PhD Diss. University of Chicago. URL: oi.uchicago.edu/sites/oi.uchicago.edu/files/uploads/shared/docs/Research_Archives/Dissertations/Rozenn%20Dissertation%20052516.pdf; дата обращения: 14.04.2021.

Baines, J., Parkinson, R.B. 1997: An Old Kingdom record of an oracle? Sinai inscription 13. In: J. van Dijk (ed.), *Essays on Ancient Egypt in Honour of Herman te Velde*. (Egyptological Memoirs, 1). Groningen, 9–27.

Barbotin, Chr. (ed.) 2020: *Collection égyptienne: Musée Granet, Aix-en-Provence*. 2ème éd., corrigée, révisée et augmentée. Aix-en-Provence.

Bárta, M. 2009: *Abusir XIII: Abusir South 2. Tomb Complex of the Vizier Qar, his Sons Qar Junior and Senedjemib, and Iykai*. Prague.

Barta, W. 1963: *Die altägyptische Opferliste von der Frühzeit bis zur griechisch-römischen Epoche*. (Münchner Ägyptologische Studien, 3). Berlin.

Barta, W. 1968: *Aufbau und Bedeutung der altägyptischen Opferformel*. (Ägyptologische Forschungen, 24). Glückstadt.

Baud, M. 1999: *Famille royale et pouvoir sous l'Ancien Empire égyptien*. T. I–II. Le Caire.

Berlev, O.D. 1969: ['Falcon in boat', a hieroglyph and a god]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 3–30.
Берлев, О.Д. «Сокол, плывущий в ладье»: иероглиф и бог. *ВДИ* 1, 3–30.

Berman, L.M., Bohač, J.K. 1999: *Catalogue of Egyptian art: the Cleveland Museum of Art*. New York.

Bland, L., Malek, J. 1977: Nemtywer, the beholder of the beauty of his lord (Ashmolean Mus. 1885.504). *Orientalia Lovaniensia Periodica* 8, 119–123.

Boeser, P.A.A. 1909: *Die Denkmäler der Zeit zwischen dem Alten und Mittleren Reich und des Mittleren Reiches*. 1. Abteilung: *Stelen*. (Beschreibung der aegyptischen Sammlungen, 2.1). Haag.

Bogdanov, I.V. 2014: [The administrative hierarchy in the Old Kingdom Egypt]. *Shidnij svit* [*The World of the Orient*] 4, 5–18.
Богданов, И.В. Должностная иерархия в Египте эпохи Древнего царства. *Східний світ* 4, 5–18.

Bogdanov, I.V. 2017a: [Crowning and economy: aspects of bureaucratic consciousness in the Old Kingdom Egypt]. In: I.F. Popova, I.V. Bogdanov (eds.), *Strany i narody Vostoka*. Vyp. 37. *Gosudarstvo na Vostoke* [*Countries and Peoples of the East*. Issue. 37. *The State in the East*]. Moscow, 5–120.
Богданов, И.В. Коронация и экономика: аспекты бюрократического сознания в Египте эпохи Древнего царства. В сб.: И.Ф. Попова, И.В. Богданов (ред.), *Страны и народы Востока*. Вып. 37. *Государство на Востоке*. М., 5–120.

Bogdanov, I.V. 2017b: Relief of *wnwj* (tomb G 2465): from Giza for sale (Tab. VIII–IX). *Orientalia* 86 (2), 164–180.

Bogdanov, I.V. 2018: New relief fragments from the tomb of the seafarer *jnj*. *Chronique d'Égypte* 93 (186), 227–247.

Bogdanov, I.V. 2019: The Old Kingdom evidence on the toponym *ḫntj-š* "Lebanon". *Ägypten und Levante* 29, 125–148.

Bogdanov, I.V., Bolshakov, A.O. 2004: [The Old Kingdom relief of *ḫw(j)-w(j)-nfr* from the Hermitage collection and the tomb G 2098]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 12–32. Богданов, И.В., Большаков, А.О. Староегипетский рельеф *ḫw(j)-w(j)-nfr* в собрании Эрмитажа и гробница G 2098. *ВДИ* 2, 12–32.
Bolshakov, A.O. 2005: *Studies on Old Kingdom Reliefs and Sculpture in the Hermitage*. (Ägyptologische Abhandlungen, 67). Wiesbaden.
Borchardt, L. 1911: *Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten*. Teil I. *Text und Tafeln zu Nr. 1–380*. (CG, no. 1–1294). Berlin.
Borchardt, L. 1937: *Denkmäler des Alten Reiches (ausser den Statuen) im Museum von Kairo*. Teil I. *Text und Tafeln zu Nr. 1295–1541*. (CG, no. 1295–1808). Berlin.
Bosticco, S. 1959: *Museo Archeologico di Firenze*. Vol. I. *Le stele egiziane dall'Antico al Nuovo Regno*. Roma.
Brovarski, Ed. 2000: *Giza Mastabas 7. The Senedjemib Complex*. Pt. 1. *The Mastabas of Senedjemib Inti (G 2370), Khnumenti (G 2374), and Senedjemib Mehi (G 2378)*. Boston.
Brovarski, Ed. 2016: *Some Monuments of the Old Kingdom in the Field Museum of Natural History – Chicago*. (Bibliothèque d'étude, 166). Le Caire.
Brovarski, Ed. 2018: *Naga ed-Dêr in the First Intermediate Period*. Atlanta.
Bruyn, P. de 1958: Falcon graffiti in the Eastern desert. *Journal of Egyptian Archaeology* 44, 97–98.
Budge, E.A.W. 1912: *Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, &c., in the British Museum*. Pt. II. London.
Budge, E.A.W. 1913: *Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, &c., in the British Museum*. Pt. IV. London.
Cannuyer, Chr. 2010: *La girafe dans l'Égypte ancienne et le verbe* [illegible]*: étude de lexicographie et de symbolique animalière*. (Acta Orientalia Belgica, Subsidia IV). Bruxelles.
Černý, J. 1955: *The Inscriptions of Sinai from Manuscripts of Alan H. Gardiner and T. Eric Peet*. Part II. *Translations and Commentary*. (EES, 45). London.
Clère, J.J. 1935–1938: Le fonctionnement grammatical de l'expression *pri ḫrw* en ancien égyptien. In: *Mélanges Maspero I: Orient ancien*, fasc. 2. (MIFAO, 66). Le Caire, 753–797.
Couyat, J., Montet, P. 1912: *Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât*. (MIFAO, 34). Le Caire.
Daoud, Kh.A. 2005: *Corpus of Inscriptions of the Herakleopolitan Period from the Memphite Necropolis: Translation, Commentary, and Analyses*. (BAR International Series, 1459). Oxford.
Diego Espinel, A. 2006: *Etnicidad y territorio en el Egipto del Reino Antiguo*. Barcelona.
Diego Espinel, A. 2011: Blocks from the Unas causeway recorded in Černý's notebooks at the Griffith Institute, Oxford. In: N. Strudwick, H. Strudwick (eds.), *Old Kingdom, New Perspectives: Egyptian Art and Archaeology 2750–2150 BC*. Oxford, 50–70.
Diego Espinel, A. 2014: Surveyors, guides and other officials in the Egyptian and Nubian deserts: epigraphic and historical remarks on some Old Kingdom graffiti. *Revue d'égyptologie* 65, 29–48.
Edel, E. 1955–1964: *Altägyptische Grammatik* I–II. Roma.
Edel, E. 1983: *Beiträge zu den ägyptischen Sinaiinschriften*. Göttingen, 158–185.
Edel, E. 2008: *Die Felsgräbernekropole der Qubbet el Hawa bei Assuan. I. Abteilung*. Bd. I–III. *Die Architektur, Darstellung, Texte, archäologischer Befund und Funde der Gräber QH 24 – QH 209*. Paderborn.
Eichler, E. 1993: *Untersuchungen zum Expeditionswesen des ägyptischen Alten Reiches*. Wiesbaden.
El-Tonssy, M.A., Yossef, M. 2014: Two unpublished false doors from Saqqara. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 43, 439–455.
Épron, L., Daumas, F., Goyon, G. 1939: *Le tombeau de Tî: dessins et aquarelles*. (MIFAO, 65). Le Caire.
Fakhry, A. 1961: *The Monuments of Sneferu at Dahshur*. Vol. II. *The Valley Temple*. Pt. 2. *The Finds*. Cairo.
Fischer, H.G. 1960: Old Kingdom inscriptions in the Yale Gallery. *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung* 7 (3), 299–315.
Fischer, H.G. 1964: *Inscriptions from the Coptite Nome. Dynasties VI–XI*. Roma.
Fischer, H.G. 1968: *Dendera in the Third Millennium BC Down to the Theban Domination of Upper Egypt*. Locust Valley (NY).
Fischer, H.G. 1974: The mark of a second hand on ancient Egyptian antiquities. *Metropolitan Museum Journal* 9, 5–34.
Fischer, H.G. 1976: (Rev.:) B. Porter, R.B. Moss, assisted by E.W. Burney. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Vol. III. Memphis. Pt. I: Abû Rawâsh to Abûṣîr. 2nd ed., rev. and aug. by Jaromír Málek. Oxford, 1974. *Bibliotheca Orientalis* 33, 21–24.

Fischer, H.G. 1985: More about the *smntjw*. *Göttinger Miszellen* 84, 25–32.
Fischer, H.G. 1987–1988: A parental link between two Thinite stelae of the Heracleopolitan period. *Bulletin of the Egyptological Seminar of New York* 9, 15–23.
Fischer, H.G. 1996a: *Egyptian Studies III. Varia Nova*. New York.
Fischer, H.G. 1996b: *The Tomb of Ỉp at El Saff*. New York.
Fischer, H.G. 1997: Quelques particuliers enterrés à Saqqâra. In: C. Berger, B. Mathieu (éd.), *Études sur l'Ancien Empire et la nécropole de Saqqâra dédiées à Jean-Philippe Lauer*. T. I. (Orientalia Monspeliensia, 9). Montpellier, 177–189.
Florès, J. 2015: *Les céréales: analyse d'une gestion au protodynastique et sous l'Ancien Empire*. (Studien zur Altägyptischen Kultur, Beihefte 17). Hamburg.
Franke, D. 1984: *Personendaten aus dem Mittleren Reich (20.–16. Jahrhundert v. Chr.): Dossiers 1–796*. (Ägyptologische Abhandlungen, 41). Wiesbaden.
Gardiner, A.H. 1957: Hymns to Sobk in a Ramesseum papyrus. *Revue d'égyptologie* 11, 43–56.
Gardiner, A.H., Peet, T.E., Černý, J. 1952: *The Inscriptions of Sinai*. Pt.I. *Introduction and Plates*. 2nd ed. (EES, 36). London.
Gauthier-Laurent, M. 1931: Quelques objets égyptiens du Musée de Langres. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 30, 107–125.
Gauthier-Laurent, M. 1933: Une stèle du Moyen-Empire. *Revue d'égyptologie* 1, 75–80.
Generalverwaltung (ed.) 1913: *Ägyptische Inschriften aus den Königlichen Museen zu Berlin*. Bd.I. Leipzig.
Goedicke, H. 1967: *Königliche Dokumente aus dem Alten Reich*. (Ägyptologische Abhandlungen, 14). Wiesbaden.
Goelet, O. Jr. 1982: *Two Aspects of the Royal Palace in the Egyptian Old Kingdom*. PhD Thesis. Columbia University.
Graefe, E. 1980: *Studien zu den Göttern und Kulten im 12. und 10. oberägyptischen Gau (insbesondere in der Spät- und griechisch-römischen Zeit)*. Freiburg.
Gundacker, R. 2010: Eine besondere Form des Substantivalsatzes: mit besonderer Rücksicht auf ihre dialektale und diachrone Bedeutung. *Lingua Aegyptia* 18, 47–117.
Gundacker, R. 2013: Die Eigennamen der Könige der IV. Dynastie. Ihre Struktur und Bedeutung gemäß ägyptischen und griechischen Graphien. *Lingua Aegyptia* 21, 35–130.
Gundacker, R. 2014: Die Namen #Substantiv – *śḏm=f*# im Alten Reich. Über die onomasiologische Vielfalt hinter der graphischen Einheit. *Lingua Aegyptia* 22, 61–144.
Hamza Awad, Kh.A. 2006: Untersuchungen zu den Beamtentiteln des *Nj-kꜣ-Rᶜ* anhand der Scheintür Nr. 64.91 im Cleveland Museum of Art. In: G. Moers, H. Behlmer, K. Demuß, K. Widmaier (eds.), *jn.t ḏr.w: Festschrift für Friedrich Junge*. Bd.I. Göttingen, 73–87.
Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. (Hannig-Lexica, 4). Mainz am Rhein.
Hannig, R. 2006: *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. (Hannig-Lexica, 5). Mainz am Rhein.
Hassan, S. 1936: *Excavations at Gîza*. Vol. II. *1930–1931*. Cairo.
Hayes, W.C. 1951a: Inscriptions from the Palace of Amenhotep III. *Journal of Near Eastern Studies* 10 (1), 35–56.
Hayes, W.C. 1951b: Inscriptions from the Palace of Amenhotep III. *Journal of Near Eastern Studies* 10 (2), 82–112.
Hintze, F., Reineke, W.F. 1989: *Felsinschriften aus dem sudanesischen Nubien*. Bd. I–II. (Publikation der Nubien-Expedition 1961–1963, 1). Berlin.
Hodjash, S., Berlev, O. 1982: *The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*. Leningrad.
Ilin-Tomich, A. 2017: *From Workshop to Sanctuary: the Production of Late Middle Kingdom Memorial Stelae*. (Middle Kingdom Studies, 6). London.
James, T.G.H. 1974: *Corpus of Hieroglyphic Inscriptions in the Brooklyn Museum*. Vol. I. *From Dynasty I to the End of Dynasty XVIII*. Brooklyn (NY).
Jones, D. 2000: *An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom*. Vol. I–II. Oxford.
Junker, H. 1943: *Gîza VI. Die Maṣṭaba des nfr (Nefer), ḳdfjj (Kedfi), kꜣḥjf (Kahjef) und die westlich anschließenden Grabanlagen*. Wien–Leipzig.
Junker, H. 1947: *Gîza VIII. Der Ostabschnitt des Westfriedhofs*. 2. Teil. Wien.

Kaiser, W., Dreyer, G., Gempeler, R., Grossmann, P., Haeny, G., Jaritz, H., Junge, Fr. 1976: Stadt und Tempel von Elephantine. 6. Grabungsbericht. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 32, 67–112.

Kamal El-din, N. 2009: Die Scheintür des *Qdw*. *Bulletin of the Egyptian Museum* 6, 19–26.

Kammerzell, F. 2001: "... within the altar of the sun": an unidentified hieroglyph and the construction of the sun temple *Nḫn-Rʿw*. In: O. Goldwasser, D. Sweeney (eds.), *Structuring Egyptian Syntax: a Tribute to Sarah Israelit-Groll*. (Lingua Aegyptia, 9). Göttingen, 153–164.

Kanawati, N. 2013: The mastaba of Kaihai: where the cemeteries of Weserkaf and Teti meet. *Études et Travaux* 26 (1), 347–362.

Kaplony, P. 1963: *Die Inschriften der ägyptischen Frühzeit*. Vol. II. (Ägyptologische Abhandlungen, 8). Wiesbaden.

Kaplony, P. 1981: *Die Rollsiegel des Alten Reiches*. Vol. II A–B. (Monumenta Aegyptiaca, 3^{A}-3^{B}). Bruxelles.

Kitchen, K.A. 1990: *Catálogo da Coleçao do Egito Antigo existente no Museu National, Rio de Janeiro / Catalogue of the Egyptian Collection in the National Museum, Rio de Janeiro. Preparado com a colaboraçao da Maria da Conceiçao Beltrao*. Vol. I. *Texto / Text*. Vol. II. *Illustraçoes / Plates*. Warminster.

Kormysheva, E., Malykh, S., Lebedev, M., Vetokhov, S. 2015: *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE17, GE18, GE47, GE48, and GE49*. Moscow.

Koura, B. 2003: Oils and fats manufacturing institutions: the names of workshops and titles of workers and officials. In: Chr. Leblanc (éd.), *Parfums, onguents et cosmétiques dans l'Égypte ancienne: actes des rencontres pluridisciplinaires tenues au Conseil national de la culture, Le Caire 27–29 avril 2002*. (Memnonia, Cahier supplémentaire, 1). Le Caire, 67–79.

Kuhlmann, K.-P. 2005: Der „Wasserberg des Djedefre" (Chufu 01/1): ein Lagerplatz mit Expeditionsinschriften der 4. Dynastie im Raum der Oase Dachla. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 61, 243–289.

Labrousse, A., Lauer, J.-Ph., Leclant, J. 1977: *Mission archéologique de Saqqara II. Le temple haut du complexe funéraire du roi Ounas*. (Bibliothèque d'étude, 73). Le Caire.

Lange, H.O., Schäfer, H. 1902a: *Grab- und Denksteine des Mittleren Reichs im Museum von Kairo*. Teil I. *Text zu No. 20001–20399*. (CG, no. 20001–20780). Berlin.

Lange, H.O., Schäfer, H. 1902b: *Grab- und Denksteine des Mittleren Reichs im Museum von Kairo*. Teil IV. *Tafeln*. (CG, no. 20001–20780). Berlin.

Lange, H.O., Schäfer, H. 1908: *Grab- und Denksteine des Mittleren Reichs im Museum von Kairo*. Teil II. *Text zu No. 20400–20780*. (CG, no. 20001–20780). Berlin.

Lapp, G. 1986: *Die Opferformel des Alten Reiches: unter Berücksichtigung einiger späterer Formen*. (Sonderschrift, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo 21). Mainz.

Lebedev, M.A. 2015: *Slugi faraona vdali ot Nila: razvitie kontaktov drevneegipetskoy tsivilizatsii s okruzhayushchimi oblastyami v epokhu Drevnego i Srednego tsarstv* [*Servants of the Pharaoh Far from the Nile: The Development of Contacts of the Ancient Egyptian Civilization with the Surrounding Areas During the Old and Middle Kingdom*]. Saint Petersburg.
Лебедев, М.А. *Слуги фараона вдали от Нила: развитие контактов древнеегипетской цивилизации с окружающими областями в эпоху Древнего и Среднего царств*. СПб.

Legros, R. 2013: Un cas de fabrication collective à Saqqâra? La table d'offrandes de Setjou. *Journal of the American Research Center in Egypt* 49, 153–166.

Lehmann, K. 1995: *Die Mastaba G 2009 auf dem Westfriedhof von Giza*. Magisterarbeit, Universität Heidelberg. URL: http://www.gizapyramids.org/static/pdf%20library/lehmann_mastaba.pdf; дата обращения: 9.04.2021.

Leitz, Chr. (Hrsg.) 2002: *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. 4. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 113). Leuven–Paris–Dudley.

Lepsius, C.R. 1849–1859: *Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien* II. Berlin.

Luft, U. 1984: *dj.j rḫ.k*. In: F. Junge (Hrsg.), *Studien zu Sprache und Religion Ägyptens: zu Ehren von Wolfhart Westendorf, überreicht von seinen Freunden and Schülern*. Bd.I. *Sprache*. Göttingen, 103–111.

Mariette, A. 1889: *Les mastabas de l'Ancien Empire*. Paris.

Martin-Pardey, E. 1994: Richten im Alten Reich und die *sr*-Beamten. In: B.M. Bryan, D. Lorton (eds.), *Essays in Egyptology in honor of Hans Goedicke*. San Antonio, 157–167.

Meeks, D. 1998: *Année lexicographique: Égypte ancienne*. T. I. *1977*. T. II. *1978*. 2ème éd. Paris.

Moeller, N., Marouard, G. 2020: Excavations on the Old Kingdom settlement at Tell Edfu. *The Oriental Institute News & Notes* 244, 10–17.
Moreno García, J.C. 1997: *Études sur l'administration, le pouvoir et l'idéologie en Égypte, de l'Ancien au Moyen Empire*. (Ægyptiaca Leodiensia, 4). Liège.
Moret, A. 1909: *Catalogue du Musée Guimet: galerie égyptienne, stèles, bas-reliefs, monuments divers.* (Annales du Musée Guimet, 32). Paris.
Mostafa, M.F. 2014: *The Mastaba of šm3j at Nag' Kom el-Koffar, Qift I: Autobiographies and Related Scenes and Texts*. Cairo.
Moussa, A. 1972: Lintels and lower parts of a leaf of a wooden relief-sculptured door of the Old Kingdom from Saqqara. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 28, 289–291.
Müller, M., Schenkel, W., Gomaà, F. 2004: *Scharuna I: der Grabungsplatz, die Nekropole, Gräber aus der Alten-Reichs-Nekropole*. Bd. I–II. Mainz.
Nilsson, M., Faraman, A., Said, A. 2018: Some rock inscriptions from Gebel el-Silsila. *Journal of Egyptian Archaeology* 104 (1), 71–79.
Nuzzolo, M. 2018: *The Fifth Dynasty Sun Temples: Kingship, Architecture and Religion in Third Millennium BC Egypt*. Prague.
Osing, J. 1976a: Ächtungstexte aus dem Alten Reich (II). *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 32, 133–185.
Osing, J. 1976b: *Die Nominalbildung des Ägyptischen*. Bd. I–II. (Sonderschrift, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo 3). Mainz.
Osing, J. 2004: Les graffiti de l'Ancien et du Moyen Empire au Gebel el-Silsila. In: A. Gasse, V. Rondot (eds.), *Séhel entre Égypte et Nubie: inscriptions rupestres et graffiti de l'époque pharaonique, actes du colloque international, 31 mai – 1 juin 2002, Université Paul Valéry, Montpellier*. (Orientalia monspeliensia, 14). Montpellier, 3–6.
Perdu, O. 2016: Un témoignage inédit sur un grand dignitaire saïte: le précepteur Horirâa (P. VI–X). *Revue d'égyptologie* 67, 77–140.
Petrie, H.F., Murray, M.A. 1952: *Seven Memphite Tomb Chapels*. (British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research Account, 65). London.
Piacentini, P. 2002a: Encore sur les scribes des offrandes divines. In: R. Pirelli (éd.), *Egyptological essays on state and society*. (Serie egittologica, 2). Napoli, 95–109.
Piacentini, P. 2002b: *Les scribes dans la société égyptienne de l'Ancien Empire*. Vol. I. *Les premières dynasties. Les nécropoles memphites*. (Études et Mémoires d'Égyptologie, 5). Paris.
Quack, J.F. 1992: *Studien zur Lehre für Merikare*. (Göttinger Orientforschungen, 4. Reihe: Ägypten, 23). Wiesbaden.
Ranke, H. 1935: *Die ägyptischen Personennamen*. Bd.I. *Verzeichnis der Namen*. Glückstadt.
Ranke, H. 1952: *Die ägyptischen Personennamen*. Bd. II. *Einleitung. Form und Inhalt der Namen. Geschichte der Namen. Vergleiche mit andren Namen. Nachträge und Zusätze zu Bd.I. Umschreibungslisten*. Glückstadt–Hamburg–New York.
Roth, A.M. 1995: *Giza Mastabas*. Vol. VI. *A Cemetery of Palace Attendants Including G 2084–2099, G 2230+2231, and G 2240*. Boston.
Scheele-Schweitzer, K. 2014: *Die Personennamen des Alten Reiches. Altägyptische Onomastik unter lexikographischen und sozio-kulturellen Aspekten*. Wiesbaden.
Schenkel, W. 1965: *Memphis, Herakleopolis, Theben. Die epigraphischen Zeugnisse der 7.–11. Dynastie Ägyptens*. (Ägyptologische Abhandlungen, 12). Wiesbaden.
Schindler von Wallenstern, E. 2011: *Die Reiher im Alten Ägypten. Ornithologische Betrachtungen und religionsgeschichtliche Bedeutung*. Diss. Tübingen. URL: https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/46883; дата обращения: 14.04.2021.
Schlögl, H. (Hrsg.) 1978: *Geschenk des Nils. Aegyptische Kunstwerke aus Schweizer Besitz: eine Ausstellung des Ägyptologischen Seminars der Universität Basel in Zusammenarbeit mit dem Schweizerischen Bankverein*. Basel.
Schulz, R. 1992: *Die Entwicklung und Bedeutung des kuboiden Statuentypus: eine Untersuchung zu den sogenannten "Würfelhockern"*. Bd. I–II. (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge, 33–34). Hildesheim.
Seidlmayer, St.J. 2005: Bemerkungen zu den Felsinschriften des Alten Reiches auf Elephantine. In: St.J. Seidlmayer (Hrsg.), *Texte und Denkmäler des ägyptischen Alten Reiches*. (Thesaurus linguae aegyptiae, 3). Berlin, 287–308.

Seyfried, K.-J. 2005: Qubbet el Hawa: Stand und Perspektiven der Bearbeitung. In: St.J. Seidlmayer (Hrsg.), *Texte und Denkmäler des ägyptischen Alten Reiches*. (Thesaurus linguae aegyptiae, 3). Berlin, 309–334.
Simpson, W.K. 1974: *The Terrace of the Great God at Abydos: the Offering Chapels of Dynasties 12 and 13*. (Publications of the Pennsylvania-Yale expedition to Egypt, 5). New Haven.
Smith, W. St. 1946: *A History of Egyptian Sculpture and Painting in the Old Kingdom*. London.
Sperveslage, G. 2010: Das Kongruenzverhalten von Adjektiven im Altägyptischen. *Lingua Aegyptia* 18, 217–251.
Stefanović, D. 2011: The *ḥm.t n t3-wr bbi*. *Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion* 231, 97–100.
Steindorff, G. 1913: *Das Grab des Ti*. (Veröffentlichungen der Ernst von Sieglin Expedition in Ägypten, 2). Leipzig.
Strudwick, N.C. 1985: *The Administration of Egypt in the Old Kingdom. The Highest Titles and their Holders*. London.
Strudwick, N.C. 2005: *Texts from the Pyramid Age*. (WAW, 16). Atlanta.
Tallet, P. 2012a: *La zone minière pharaonique du Sud-Sinaï*. I: *Catalogue complémentaire des inscriptions du Sinaï*. T. I–II. (MIFAO, 130). Le Caire.
Tallet, P. 2012b: New inscriptions from Ayn Soukhna: 2002–2009. In: P. Tallet, El-S. Mahfouz (eds.), *The Red Sea in Pharaonic Times: Recent Discoveries along the Red Sea Coast. Proceedings of the Colloquium held in Cairo. Ayn Soukhna 11th–12th January 2009*. (Bibliothèque d'étude, 155). Le Caire, 105–115.
Tallet, P. 2018: *La zone minière pharaonique du Sud-Sinaï*. III: *Les expéditions égyptiennes dans la zone minière du Sud-Sinaï du prédynastique à la fin de la XXe dynastie*. (MIFAO, 138). Le Caire.
Tallet, P. 2020: Le matériel inscrit d'Ayn Soukhna (2002–2016): doc. 1 à 71. In: G. Castel, P. Tallet (éd.), *Ayn Soukhna IV: le matériel des galeries-magasins*. (Fouilles de l'IFAO, 82). Le Caire, 1–119.
Thirion, M. 1985: Notes d'onomastique, contribution à une révision de Ranke *PN* [4ème série]. *Revue d'égyptologie* 36, 125–143.
Thirion, M. 2003: Notes d'onomastique, contribution à une révision du Ranke *PN* [12ème série]. *Revue d'égyptologie* 54, 177–190.
Vernus, P. 1971: Noms propres juxtaposés au Moyen Empire. *Revue d'égyptologie* 23, 193–199.
Vernus, P. 1980: Études de philologie et de linguistique. *Revue d'égyptologie* 32, 117–134.
Vernus, P. 1986: *Le surnom au Moyen Empire: répertoire, procédés d'expression et structures de la double identité du début de la XIIe dynastie à la fin de la XVIIe dynastie*. (Studia Pohl, 13). Rome.
Vernus, P. 1987: *Edfou, du début de la XIIe dynastie au début de la XVIIIe dynastie, études philologiques, sociologiques et historiques d'un corpus documentaire de l'Égypte pharaonique*. Thèse de doctorat d'État. Paris.
Wassell, B. 1991: *Ancient Egyptian Fauna: A Lexicographical Study*. Vol. I–II. PhD Diss. University of Durham. URL: http://etheses.dur.ac.uk/1152/; дата обращения: 14.04.2021.
Weeks, K.R. 1994: *Mastabas of Cemetery G 6000: including G 6010 (Neferbauptah); G 6020 (Iymery); G 6030 (Ity); G 6040 (Shepseskafankh)*. (Giza Mastabas, 5). Boston.
Weill, R. 1904: *Recueil des inscriptions égyptiennes du Sinaï: bibliographie, texte, traduction et commentaire, précédé de la géographie, de l'histoire et de la bibliographie des établissements égyptiens de la péninsule*. Paris.
Weill, R. 1912: *Les décrets royaux de l'Ancien Empire égyptien: étude sur les décrets royaux trouvés à Koptos au cours des travaux de la Société française des fouilles archéologiques (campagnes de 1910 et 1911) et sur les documents similaires d'autres provenances*. Paris.
Wilson, J.A. 1947: The artist of the Egyptian Old Kingdom. *Journal of Near Eastern Studies* 6 (4), 231–249.
Woodward, S.R., Kanawati, N. 1995: *The Tombs of el-Hagarsa*, 3. (Australian Centre for Egyptology: Reports, 7). Sydney.
Yoyotte, J. 1975: Les « sementiou » et l'exploitation des régions minières à l'ancien Empire. Communication du 5 juin 1974. *Bulletin de la Société Française d'Égyptologie* 73, 44–55.
Ziegler, Chr. 1990: *Catalogue des stèles, peintures et reliefs égyptiens de l'Ancien Empire et de la Première Période Intermédiaire vers 2686–2040 avant J.-C.* Paris.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 298–315
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 298–315
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910012850-8

«МЕРТВЫЕ ИЛИ ЖИВЫЕ»: ОБ ОДНОЙ ФОРМУЛЕ В ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ИЗ ЭМАРА

Б. Е. Александров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: boris_alexandrov@icloud.com

В статье рассматривается выражение «мертвый или живой», которым в правовых текстах из Эмара (XIII–начало XII в. до н.э.) характеризуются рабы, в прошлом свободные лица, утерявшие свободу в результате продажи или добровольного поступления в рабство. Исследован исторический контекст и содержание этих документов, особое внимание уделено орфографии формулы «мертвый или живой» и ее трактовкам, предложенным в научной литературе. В заключение приведены переводы всех текстов из Эмара, содержащих формулу «мертвый или живой».

Ключевые слова: древний Эмар, право древнего Ближнего Востока, юридические формулы, рабство

“DEAD OR ALIVE”: TOWARDS A FORMULA IN LEGAL TEXTS FROM EMAR

Boris E. Alexandrov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: boris_alexandrov@icloud.com

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-09-00386 A

The article deals with the expression “dead or alive”, which is used in the Emar legal texts to characterize slaves who lost their freedom through a sale by their relatives or voluntarily bondage in

---

Данные об авторе. Борис Евгеньевич Александров – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

Статья написана при поддержке гранта РФФИ 20-09-00386 А «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ».

order to repay their debts. The author examines the historical context and content of the relevant sources. Special attention is paid to the orthography of the formula "dead or alive" and to the interpretations advanced in earlier scholarship. The final part of the study provides a Russian translation of all texts containing this formula.

Keywords: ancient Emar, Ancient Near Eastern law, legal formulae, slavery

В договорах о переходе свободных лиц в рабство из древнего Эмара присутствует особая формула, согласно которой порабощаемый характеризуется следующим образом: «Мертвый или живой, он его (т.е. покупателя или кредитора. – *Б. А.*) раб». Эта формула не имеет точных параллелей в правовых документах других периодов и ареалов клинописной культуры. Выражение привлекло к себе внимание исследователей, однако его однозначной интерпретации в литературе выработано не было. В настоящей статье предлагается анализ документов из Эмара, содержащих формулу «мертвый или живой», и обзор ее основных трактовок. В приложении собраны переводы рассматриваемых в основной части источников.

КОРПУС

Формула «мертвый или живой» засвидетельствована в двенадцати текстах из Эмара[1]: *AO* 5 № 11; *ASJ* 10 № 5 (= E); *ASJ* 13 № 18, 36; *Emar* VI/3 № 7, 79, 83, 121, 205; *GS Kutscher* № 1, *TSBR* № 26, 44[2].

Лишь пять текстов происходят из официальных раскопок (*Emar* VI/3 № 7, 79, 83, 121, 205), для них известен археологический контекст: территория дворца (№ 7), зона T (№ 79, 83), зона V (№ 121), строение M_1 (№ 205). Остальные поступили в музейные и частные собрания через антикварный рынок.

С точки зрения жанра семь документов относятся к продажам свободных в рабство (*AO* 5 № 11; *ASJ* 10 № 5; *ASJ* 13 № 18; *Emar* VI/3 № 7, 79, 83; *TSBR* № 26). Пять текстов фиксируют обращение свободных в рабство за долги (*ASJ* 13 № 36; *Emar* VI/3 № 121, 205; *GS Kutscher* № 1; *TSBR* № 44).

Все тексты относятся к сиро-хеттской традиции, а значит, датируются поздними этапами существования эмарских архивов[3]. В литературе уже отмечалось,

---

[1] Р. Вестбрук ссылается на десять документов, С. Демар-Лафон говорит о шести («полудюжине»). См. Westbrook 2001, 32, n. 20; Démare-Lafont 2010, 51.

[2] Здесь и далее *AO* 5 соответствует номерам текстов по изданию Arnaud 1987, *ASJ* 10 – Tsukimoto 1988, *ASJ* 13 – Tsukimoto 1991, *Emar* VI/3 – Arnaud 1986, *GS Kutscher* – Sigrist 1993, *RE* – Beckman 1996, *SMEA* 30 – Arnaud 1992, *TSBR* – Arnaud 1991.

[3] Согласно распространенному мнению, сиро-хеттская писцовая традиция просуществовала в Эмаре приблизительно 90 лет, с 1270 по 1175 г. до н.э. (Cohen 2009, 25). Более ранняя сирийская традиция охватывала около 140 лет. На протяжении определенного периода времени в XIII в. до н.э. эти две традиции сосуществовали, после чего сиро-хеттская полностью заместила сирийскую. Эти перемены связываются в литературе с установлением более прочного контроля над городом со стороны хеттской администрации. Около 1270 г. до н.э. закончила правление «вторая династия» Эмара, а с ней и монархический этап в позднебронзовой истории города (ок. 1350–1270 гг. до н.э.; Cohen 2011, 145, ср. также реконструкции, по которым монархия просуществовала до второй

что правовые документы сирийского формата – это преимущественно сделки с недвижимостью[4]. Такое жанровое распределение среди текстов двух традиций хорошо согласуется с общими закономерностями формирования ближневосточных архивов[5].

Упоминание известных персонажей истории Эмара позволяет уточнить исторический контекст некоторых документов. В тексте *Emar* VI/3 № 205 сделка совершается в присутствии Мутри-Тешшуба и старейшин города[6]. К табличке также приложена печать Мутри-Тешшуба. Хотя в тексте не указана его должность и филиация, этого человека принято отождествлять как «правителя страны» (lú-ugula kalam-ma), хеттского чиновника, наделенного административными и судебными функциями в Эмаре[7]. Мутри-Тешшуб был вторым заместителем этой должности. Его синхронизируют с правлением Ини-Тешшуба в Каркемише[8] и деятельностью Ба'ал-каррада, представителя второго поколения семьи жреца-прорицателя Зу-Ба'алы, в Эмаре[9].

На табличке с текстом *ASJ* 13 № 36 стояла печать Ахи-малика, «правителя страны»[10]. Согласно одной реконструкции, Ахи-малик был последним заместителем

половины – конца XIII в. до н.э. в Cohen, d'Alfonso 2008 и Cohen 2009). На смену царям пришли представители Хеттской державы: «правители страны» (lú-ugula kalam-ma) и «царевичи» (dumu-lugal), потеснившие также другие местные институты. Наиболее важное отличие двух письменных традиций в позднебронзовом Эмаре касается формата глиняных табличек. Для сирийской традиции характерен «портретный» формат, предполагавший запись текстов вдоль короткой стороны носителя. При «пейзажном» формате тексты, напротив, записывались вдоль длинной стороны. Однако этим различия двух традиций не исчерпывались: они затрагивали также начертание клинописных знаков, систему датировки, юридический формуляр, печати, круг упоминаемых лиц (см. подробнее Cohen 2013, 282–285). Если верить М. Виано (Viano 2018, 53, n. 40), сейчас Й. Коэн считает, что сирийская и сиро-хеттская традиции не пересекались во времени. Такой же точки зрения придерживается сам М. Виано (Viano 2020, 470). По альтернативной концепции М. Ямады (Yamada 2013 с опорой на результаты Arnaud 1975), и сирийская, и сиро-хеттская традиции существовали в Эмаре полностью синхронно и охватывали период примерно с 1280 по 1175 г. до н.э. Промежуточная позиция занята в работе Démare-Lafont, Fleming 2015. Авторы признают факт несовпадения круга лиц, упоминаемых в документах конвенционального (= сирийского) и свободного (= сиро-хеттского) в их терминологии форматов, но считают, что его нужно объяснять не хронологическими причинами, а социальным и правовым контекстом, в котором функционировали обе писцовые традиции Эмара. Они постулируют более длительный период их сосуществования, чем в работах Й. Коэна и Л. д'Альфонсо, и полагают, что институт монархии в Эмаре мог дожить до 1230–1210 гг. до н.э. или даже более позднего времени (Démare-Lafont, Fleming 2015, 70, 77).

[4] Endesfelder 2017, 36–37 с предшествующей литературой.

[5] Ср. Charpin 2015, 142.

[6] Arnaud 1986, 215–217.

[7] Yamada 2019, 195–196.

[8] Cohen 2009, 22. Л. д'Альфонсо датирует деятельность Мутри-Тешшуба ок. 1245–1210 гг. до н.э. (d'Alfonso 2005, 73–74). Что касается Ини-Тешшуба, то его правление в Каркемише относят приблизительно к 1260–1230 гг. до н.э. (Cohen, d'Alfonso 2008, 25).

[9] Cohen 2009, 22; Yamada 2019, 200.

[10] Tsukimoto 1991, 300–302.

этой должности и действовал на самом конечном отрезке истории Эмара[11]. По второй гипотезе, выдвинутой недавно М. Ямадой, Ахи-малик не был последним «правителем страны»[12]. В таком случае датировка документа временем накануне падения Эмара может быть поставлена под сомнение.

В нескольких документах упоминаются члены влиятельного семейства жреца-прорицателя Зу-Ба'алы. Представители этой семьи служили опорой хеттской власти в Эмаре и принимали участие в управлении городом после исчезновения монархии[13]. В *Emar* VI/3 № 205 кредитором, порабощающим за долги детей своего должника, выступает Ибни-Даган, один из сыновей Зу-Ба'алы. Возможно, его же печать была приложена к *TSBR* № 44[14]. Помимо операций с недвижимостью работорговля была одним из основных видов предпринимательской деятельности, которой занималась семья Зу-Ба'алы[15].

Еще чаще в документах с формулой «мертвый или живой» встречаются представители другой эмарской семьи работорговцев, семьи Кутбу[16]. Зу-Аштарти, внук Кутбу, сын Ахи-малика, выплачивает долги и обращает в рабство Ба'ала-симати с дочерью в *ASJ* 13 № 36. Аналогичную операцию он осуществляет согласно *GS Kutscher* № 1[17]. Брат Зу-Аштарти Зу-Ба'ала выступил свидетелем и приложил печати к документу о продаже в рабство грудной дочери Аби-хамица (*Emar* VI/3 № 83)[18]. Зу-Аштарти иногда синхронизуется со вто-

---

[11] См. Cohen 2012. Один из важных аргументов в пользу поздней датировки Ахи-малика в рамках истории Эмара считаются данные письма T 96–1 из среднеассирийского архива в Телль-Саби-Абъяде, которое относится ко второму году правления Ашшур-нерари III (1192–1187), т.е. к 1190 г. до н.э. В этом письме сообщается, что Ахи-малик отправил предложения о мире в Каркемиш. Таким образом, помимо важных хронологических сведений этот документ также сообщает ценную информацию о политической истории Эмара: незадолго до своего падения Эмар вышел из-под хеттского контроля и вступил в конфликт с Каркемишем. О такой интерпретации T 96–1 см. Cohen, d'Alfonso 2008, 14–15; Cohen 2012, 15–16, 21. В связи с предположением об освобождении Эмара от хеттского владычества в историографии также обращалось внимание на этимологию имени Ахи-малика: в отличие от своих предшественников на должности «правителя страны» он носил семитское, а не хурритское или анатолийское имя (Cohen 2012, 15). Известно, что преобладающим этносом Эмара были западные семиты.

[12] Yamada 2019, 200, 203. Следующим после Ахи-малика и последним в истории Эмара «правителем страны», согласно М. Ямаде, был Тувариса. Имя этого чиновника анатолийское, а значит, считает М. Ямада, можно усомниться, что хетты утеряли контроль над городом в начале XII в. до н.э., как думает Й. Коэн.

[13] Об истории и деятельности этой семьи см. Yamada 1998; 2006; Adamthwaite 2001, 30–37; Cohen 2005; 2009, 147–183; Viano 2020.

[14] Arnaud 1991, 83–84. В пользу отождествления Ибни-Дагана из *TSBR* № 44 как сына жреца-прорицателя Зу-Ба'алы высказывались А. Скаист и М. Адамсвейт, см. Skaist 1998, 51; Adamthwaite 2001, 145. Однако эта идея отвергается в Di Filippo 2004, 187–188 и Yamada 2019, 202. По мнению Ф. Ди Филиппо, Ибни-Дагана из *TSBR* № 44 следует идентифицировать с Ибни-Даганом, сыном Зу-Аштарти в *RE* 11.

[15] См. подробнее об этом Adamthwaite 2001, 145–146; Viano 2020, 483–486.

[16] Adamthwaite 2001, 146–147.

[17] Sigrist 1993, 167–169.

[18] Arnaud 1986, 92–93.

рым поколением семьи жреца-прорицателя Зу-Ба‘алы[19]. Аргументом служит присутствие Зу-Аштарти в списке свидетелей завещания Ба‘ал-каррада, сына Зу-Ба‘алы (*SMEA* 30 № 7)[20]. М. Ямада считает, что Зу-Аштарти был современником последнего поколения семьи Зу-Ба‘алы и предпоследнего «правителя страны» Ахи-малика[21].

Еще одним датирующим ориентиром служит упоминание нападения войск *тарву* на Эмар[22]. Оно встречается только в одном из рассматриваемых документов – *TSBR* № 44. Отождествление *тарву* и хронологическая привязка их атак на Эмар вызвали дискуссию в литературе[23]. М. Адамсвейт высказался в пользу различения атак, упомянутых в *TSBR* № 25 и 44. С его точки зрения, *TSBR* № 44 отражает более раннее событие (правление царя Аббану из второй династии), в то время как *TSBR* № 25 – позднее (правление преемника Аббану, его брата Пилсу-Дагана)[24]. Оба должны были быть синхронны правлению каркемишского царя Ини-Тешшуба[25].

В литературе также высказывалась точка зрения, что *тарву*, возможно, следует отождествлять с людьми города Турира, которые, согласно письму хеттского царя Хаттусили III царю Ассирии Адад-нерари I, *KBo* 1.14, нападали на хеттские территории. А. Скаист утверждал, что документы из Эмара с упоминанием *тарву* относятся к тому же самому времени, что и *KBo* 1.14, т.е. к 1260-м годам до н.э., и отождествлял их атаки с нападениями на Эмар «царя воинов Хурри», отраженных в других текстах из Эмара[26]. М. Астур также полагал, что *тарву* и «(царя) воинов Хурри» нужно считать одной и той же силой, а их нападение на Эмар он датировал правлением Тукульти-Нинурты I в Ассирии (1233–1197)[27]. К позднему этапу истории Эмара относил нападения *тарву* Д. Арно[28]. Его точку зрения, с необходимыми корректировками и уточнениями, разделяет М. Ямада[29].

---

[19] Adamthwaite 2001, 147

[20] Arnaud 1992, 204–207.

[21] Yamada 2019, 200.

[22] Записывается клинописными знаками TAR-PI. В текстах также присутствуют упоминания о годах бедствия (*ASJ* 10 № 5) и вражды (*Emar* VI/3 № 121). В первом случае текст содержит указание на аномально высокие цены на зерно. Согласно М. Адамсвейту, кризис, отраженный в *ASJ* 10 № 5, и нападение *тарву* на Эмар из *TSBR* № 44 произошли в правление царя Аббану. См. Adamthwaite 2001, 227–232.

[23] См. последний по времени обзор в Yamada 2019, 201–202, с перечнем основных переводов слова *тарву* в n. 45.

[24] Имена царей в тексте *TSBR* № 25 и 44 не упомянуты. Привязка документов к их правлениям основана на косвенных данных просопографии. См. Adamthwaite 2001, 230–231.

[25] Adamthwaite 2001, 70.

[26] Skaist 1998, 65. Сопоставление нападений *тарву* на Эмар и рейдов «людей города Турира» против хеттских территорий по *KBo* 1.14 проводится также в Durand, Marti 2003, 158.

[27] Astour 1996, 32, n. 28

[28] Arnaud 1991, 14–15.

[29] Yamada 2019, 202–203. М. Ямада также кратко рассматривает и отводит гипотезу К. Моры, по которой страну Тарвица из надписи на Анкарской чаше нужно отождествлять с *тарву* эмарских источников (ibid., 201). Надпись сообщает о разгроме страны Тарвицы неким Лабарной Тудхалией, которого К. Мора в противоположность

Наконец, косвенную информацию об историческом контексте документов может дать анализ упомянутых в них топонимов[30]. Согласно *ASJ* 10 № 5, сделка по продаже в рабство ребенка происходит в Туттуле, куда ребенок был доставлен на лодке своей матерью[31]. Текст свидетельствует о свободном передвижении подданных хеттских владений по Среднему Евфрату. Туттуль, расположенный ниже Эмара по течению, при впадении в Евфрат реки Балих, вероятно, входил в состав страны Астата, границы которой после хеттского завоевания среднеевфратского региона были определены договором между Суппилулиумой I и Шаттивазой (*CTH* 51)[32]. Известно, что в XIII в. до н.э. Туттуль был под хеттским контролем в определенный момент царствования Хаттусили III, о чем свидетельствует письмо этого царя в Вавилон (*KBo* 1.10+). Относительно более позднего времени есть данные, что город попал под власть ассирийцев. В 26-й год правления Салманасара I (1263–1234) в Туттуле находился ассирийский областеначальник. Далее ассирийское присутствие фиксируется в 13-й и 19-й годы царствования Тукульти-Нинурты I (1233–1197). М. Ямада предположил, что ассирийское владычество между первыми двумя из приведенных дат (26-й год правления Салманасара I и 13-й год правления Тукульти-Нинурты I) не было непрерывным[33]. Эта идея, видимо, находит подтверждение в новых источниках из Угарита, свидетельствующих, что в правление угаритского царя Никмадду III в Туттуле был хеттский дворец и в этот город направлялись войска хеттских вассалов в Сирии[34]. Если считать, что войны и изменения политических границ могли ограничивать торговые связи и свободу перемещения на низовом уровне, то, вероятно, *ASJ* 10 № 5 нежелательно датировать временем ассирийского господства над Туттулем.

В целом сопоставление исторических и просопографических данных изучаемых текстов с аналогичными данными всего эмарского корпуса позволяет прийти к их приблизительной датировке: вторая половина XIII – начало XII в. до н.э.[35]

традиционной ранней датировке надписи (Тудхалия I/II) отождествляет с Тудхалией IV или даже с неким постимперским носителем этого имени и титула (Mora 2007, 517–519). О новых интерпретациях надписи на Анкарской чаше, в том числе страны Тарвицы, см. в Simon 2009; Giusfredi 2013.

[30] М. Адамсвейт обратил внимание на частые упоминания в среднеевфратских документах о рабстве других городов помимо Эмара, см. Adamthwaite 2001, 146. Это привело его к предположению, что Эмар служил центром региональной работорговли. В нашем корпусе упомянуты следующие населенные пункты в качестве места совершения сделки (М) или происхождения ее участников (У) и свидетелей (С): Азу (*Emar* VI/3 № 7) (С), Анабу (УС) (*AO* 5 № 11), Атира (УС) (*ASJ* 13 № 18), Каршу (*TSBR* № 44) (У), Туттуль (*ASJ* 10 № 5) (М), Экалте (*Emar* VI/3 № 7) (У), Эшшу (*Emar* VI/3 № 205) (С).

[31] Tsukimoto 1988, 165–168.

[32] Cohen 2019, 287–288.

[33] Yamada 2011, 204, n. 35.

[34] Alexandrov 2017.

[35] В монографии Fijałkowska 2014 предпринята попытка относительной датировки всех изучаемых текстов. Большинство документов распределено по правлениям двух последних царей второй династии Эмара: к царствованию Элли отнесены *ASJ* 10 № 5; *Emar* VI/3 № 83; *TSBR* № 26, 44, также к царствованию Элли или периоду после него – *AO* 5 № 11; *Emar* VI/3 № 7, 79, к правлению Ба'ал-кабара II – *ASJ* 13 № 36; *Emar* VI/3

СОДЕРЖАНИЕ ТЕКСТОВ

Как уже отмечалось выше, все тексты, содержащие формулу «мертвый или живой», имеют отношение к переходу свободных лиц в рабское состояние. Формула не встречается в договорах о купле-продажи собственно рабов. Также важно подчеркнуть, что не все договоры о продаже в рабство и порабощении свободных характеризовали порабощенного выражением «мертвый или живой». По всей видимости, оно не являлось обязательной частью формуляра[36].

Переход свободных в рабское состояние происходил двумя способами. Свободных могли продать в рабство их родственники[37]. Как правило, продавцами выступали старшие родственники, а продаваемые были зависимые от них дети или женщины. В документах о продаже фиксируются следующие родственные отношения:

Текст	**Продавец**	**Продаваемый**
AO 5 № 11	брат	брат, жена и дочь брата
ASJ 10 № 5	мать	сын
ASJ 13 № 18	муж	жена
Emar VI/3 № 7	бабушка	внук
Emar VI/3 № 79	?[38]	?
Emar VI/3 № 83	отец	дочь
TSBR № 26	—[39]	—

Другой возможностью было добровольное обращение в рабство[40]. В двух случаях порабощение затрагивало только одного человека (*Emar* VI/3 № 121; *TSBR* № 44). В остальных вместе с главой семьи, или вместо главы семьи, в рабство поступали его подвластные: дочь (*ASJ* 13 № 36), двое сыновей (*Emar* VI/3 № 205), жена и сын (*GS Kutscher* № 1).

№ 121; *GS Kutscher* № 1. Для датировки *ASJ* 13 № 18 отсутствуют необходимые просопографические данные, а датировка Emar VI/3 № 205 не произведена. См. Fijałkowska 2014, 419–422, 427, 429, 432–434. Вместе с тем важно иметь в виду, что автор опирается на хронологическую схему А. Скаиста, по которой документы сирийской традиции датируются 1400–1220 гг. до н.э., а сиро-хеттские тексты – 1275–1210 гг. до н.э., см. ibid., 8–9. Эта схема представляется несколько устаревшей.

[36] Fijałkowska 2014, 112.

[37] Во всех документах, кроме сильно поврежденного *Emar* VI/3 № 79, засвидетельствовано выражение *ana* x gín kù-babbar-meš šám-til-la *ana* ìr-meš / ìr-*utti* / gemé-*utti nadānu* «продать в рабы / рабство за полную цену в столько-то сиклей серебра». Выражение «за полную цену» также встречается в одном документе об обращении в рабство (*TSBR* № 44).

[38] Данные о родственных связях продавца и продаваемой не сохранились из-за повреждений текста.

[39] Кредиторы продают жену должника.

[40] Использовались выражения *ana* ìr / ìr-meš / gemé-meš *erēbu* «поступать в (чьи-либо) рабы / рабыни» (*ASJ* 13 № 31; *GS Kutscher* № 1; *TSBR* № 44), *ana* ìr-*dutti erēbu* «поступать (к кому-либо) в рабство» (*Emar* VI/3 № 121, 205).

С помощью специальной формулы декларировалось, что переход в рабство осуществляется добровольно[41]. Она присутствует во всех документах, кроме *ASJ* 13 № 36, *Emar* VI/3 № 121 и *TSBR* № 44.

Мотивом, заставлявшим жителей Эмара продавать в рабство родственников или самим поступать в рабы, было бедственное экономическое положение и вызванные им долги, о чем особо упоминается в текстах (*ASJ* 10 № 5; *Emar* VI/3 № 121; *TSBR* № 44). Хозяевами обращенных в рабство, как правило, становились не собственно кредиторы, а те лица, которые возместили кредиторам их долги (*ASJ* 13 № 36; *Emar* VI/3 № 121; *GS Kutscher* № 1).

Договоры предусматривали возможность выкупа порабощенных на свободу (*AO* 5 № 11; *ASJ* 13 № 18; *Emar* VI/3 № 83, 121, 205; *GS Kutscher* № 1), однако соответствующая клаузула присутствует не во всех документах. Выкуп мог осуществить тот, кто продал свободного в рабство, или тот, кому он передал это право (см. ниже). За поступивших в рабство внести выкуп, очевидно, имели право родственники (ср. *Emar* VI/3 № 205). В одном документе, *Emar* VI/3 № 121, оговаривается возможность того, что порабощенный выкупит себя сам, вероятно, из средств пекулия (см. ниже).

Интересующая нас формула «мертвый или живой» располагалась в начальной части документа. Во всех документах о продаже в рабство она следовала после констатации об уплате цены за раба, стоявшей в самом начале текста. Л. Фиялковская относит выражение «мертвый или живой» к клаузулам, гарантирующим необратимость сделки о продаже[42]. Документы об обращении в рабство помещали формулу после фразы о поступлении должника в рабы или после констатации о выплате поработителем долгов порабощаемого[43].

ОРФОГРАФИЯ ФОРМУЛЫ

Формула «мертвый или живой» представлена в текстах следующими графическими вариантами:

ba-úš ti-la ìr-meš *ša* ^{I}*ma-di-*^{d}kur *šu-nu* (*AO* 5 № 11: 6–7) «мертвые или живые, они рабы Мати-Дагана»;

[ba-úš t]i-[la] ì[r *š*]*a* ^{Id}kur-*ba-ni* (*ASJ* 10 № 5: 8) «мертвый или живой, он раб Даган-бани»;

ba-úš ti-la gemé *ša* ^{Id}kur-*ba-ni ši-it* (*ASJ* 13 № 18: 6–7) «мертвая или живая, она рабыня Даган-бани»;

ba-úš ti-la ìr-meš gemé-meš *ša* ^{I}*zu-aš-tar-ti* dumu *a-hi-ma-lik šu-nu* (*ASJ* 13 № 36: 9–10), «мертвые или живые, они рабы и рабыни Зу-Аштарти, сына Ахи-малика»;

ba-úš ti-la ìr *ša* ^{Id}u-en *ù* ^{I}ìr-^{d}30 *šu-ut* (*Emar* VI/3 № 7: 7–8), «мертвый или живой, он раб Ба'ал-бели и Абди-Шаггара»;

[ba-úš ti-]la gemé *ša* ^{d}kur-gal *ši-it* (*Emar* VI/3 № 79: 4–5), «мертвая или живая, она рабыня Даган-кабара»;

---

[41] См. об этой формуле Alexandrov 2020.

[42] Fijałkowska 2014, 101.

[43] Подробнее о более сложной схеме договоров порабощения и о месте в ней выражения «мертвый или живой» см. Fijałkowska 2014, 109–110.

[ba-úš ti-l]a gemé *ša* [d]kur-*ta-li-i*ʾ *ši-it* (*Emar* VI/3 № 83: 6), «мертвая или живая, она рабыня Даган-тали'»;

ba-úš ti-la ìr *ša* [I]*mil-ki*-[d]kur, *šu-ut* (*Emar* VI/3 № 121: 8–9), «мертвый или живой, он раб Милки-Дагана»;

ba-úš[!] ***bal-ṭu*** ìr-meš *ša* [I]*ib-ni*-[[d]ku]r *šu-nu* (*Emar* VI/3 № 205: 16), «мертвые или живые, они рабы Ибни-Дагана»;

ba-úš ti-la ìr-meš gemé-meš *ša* [I]*zu-aš-tar-ti*, dumu *a-hi-ma-lik* dumu *kut-be šu-nu* (*GS Kutscher* № 1: 7–8), «мертвые или живые, они рабы и рабыни Зу-Аштарти, сына Ахи-малика, сына Кутбу»;

[b]a-úš ti-la gemé *ša* [I]*bu-la-li ši-it* (*TSBR* № 26: 7), «мертвая или живая, она рабыня Булалу»;

ba-úš til-la, ìr [I]*i-túr*-šà *šu-ut* (*TSBR* № 44: 6–7), «мертвый или живой, он раб Итур-либбу».

Как видно, основным способом записи формулы был гетерографический. Слово «мертвый» единообразно записывалось шумерскими знаками ba-úš[44] (8 сохранившихся фиксаций и 4 восстановления). Орфография прилагательного «живой» представлена двумя вариантами: гетерографическим, с первым знаком ti (8 сохранившихся фиксаций и 2 восстановления) или til (1 фиксация), и слоговым, *bal-ṭu*, засвидетельствованным лишь однажды, в документе *Emar* VI/3 № 205. Этот документ примечателен также тем, что в нем содержится единственная слоговая запись другой формулы, характерной для документов, связанных с рабством: *ištu ramānīšunu* «по их собственной воле, с их согласия» (стк. 15)[45].

Слоговая запись из *Emar* VI/3 № 205 позволяет сделать предположение о грамматических формах аккадских слов формулы и о синтаксической конструкции, частью которой они были. Очевидно, что *bal-ṭu* – статив 3 л. мн.ч. м.р. (*balṭū*)[46]. Тогда с точки зрения синтаксиса формула представляла собой две стативные клаузы, глагольные формы которых согласовывались по роду и числу с именами обращаемых в рабство. Возможно, базовый вариант формулы выглядел как *mīt baliṭ* или *mītat balṭat* (ba-úš ti-la) (3 л. ед.ч. м. и ж.р.)[47].

Краткого упоминания заслуживает еще одна черта формуляра рассматриваемых документов. Как правило, термины «раб» (ìr) и «рабыня» (gemé) используются в соответствии с полом и числом обращаемых в рабство. Однако в документе *ASJ* 13 № 36 двух женщин, которых обращают в рабство за долги, называют «рабами и рабынями» (ìr-meš gemé-meš). В *AO* 5 № 11 к семье, состоящей из мужа, жены и их дочери, применен термин «рабы» (ìr-meš). Между тем семья из мужа, жены и сына, поступающая в рабство согласно *GS Kutscher* № 1, описана как «рабы и рабыни», хотя женский состав этой семьи меньше, чем в предыдущем случае.

Примечательно, что в *ASJ* 13 № 36 ничего не говорится о мужских родственниках обращаемых в рабство женщин, Ба'ала-симати и ее дочери. Отчество Ба'ала-симати не указано, приведено только имя ее матери. В документе сказано, что Ба'ала-симати

---

[44] Также транслитерируемыми как ba-ug$_6$ или ba-ug$_7$.

[45] См. подробнее Alexandrov 2020.

[46] В *Emar* VI/3 № 205 речь идет о порабощении двух мальчиков.

[47] О стативах пустых глаголов в породе G см. Seminara 1998, 434. Ср. также слоговую запись ba-úš *ba-li-iṭ* в TSBR № 34: 9, где данное выражение употребляется в другом правовом контексте.

сама оказалась в долгах. Эти детали наводят на мысль, что она находилась вне патриархальной власти и действовала самостоятельно. Известно, что женщины в Эмаре могли приобретать особый статус, который наделял их рядом мужских прав. Одним из таких статусов был статус «отца и матери дома», по которому жена становилась главой семьи, патриархом, после смерти мужа[48]. Возможно, Ба'ала-симати обладала таким статусом. В этой связи возникает вопрос, не могло ли использование в отношении Ба'ала-симати и ее дочери терминов «*рабы* и рабыни» быть не случайной ошибкой писца, а отражать особое правовое положение Ба'ала-симати как главы семьи[49].

ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Р. Вестбрук рассматривает три возможных объяснения формулы «мертвый или живой» в текстах из Эмара[50]. Ее буквальное прочтение предполагает, что хозяин раба получал контроль над его телом после его смерти[51]. Однако эта интерпретация заставляет недоумевать по поводу материальной или ритуально-символической мотивации рабовладельца[52]. Вторая возможность заключается в том, что формула защищала рабовладельца от ответственности в случае смерти или увечий раба от дурного обращения с его стороны. Р. Вестбрук отвергает и это толкование как слишком натянутое[53]. Третье объяснение, которое выдвигает и подробно аргументирует сам автор, состоит в том, что формула «мертвый или живой» подчеркивает окончательный характер сделки и невозможность ее пересмотра в пользу покупателя[54]. Основанием такого пересмотра могла бы послужить интерпретация сделки как заклада, а не продажи. Формула «мертвый или живой» определяла транзакцию именно как продажу. Покупателю запрещалось отказываться от покупки, требовать назад уплаченную цену или добиваться замены раба, если тот умер. Вместе с тем обратимость сделки гарантировалась для продающей стороны. Это достигалось за счет клаузулы о выкупе: продающей стороне, как правило родственникам, разрешалось выкупить проданного в рабство, а покупатель обязывался не препятствовать ей в этом. Наличие этой клаузулы роднило договоры о продаже в рабство с закладными сделками. Ее включение в договор требовали представления о социальной справедливости. Вместе с тем формула «мертвый или живой» предохраняла от того, чтобы механизмы социальной справедливости работали против слабой стороны, продавца. Покупатель не мог, сославшись на клаузулу о выкупе, потребовать от продавца возврата денег в обмен на возвращение ему купленного родственника. Формула «мертвый или живой» создавала своеобразную асимметрию в статусе покупателя и продавца и защищала интересы последнего.

---

[48] См. Yamada 2016 с обзором источников и ссылками на предшествующую литературу.
[49] Ср. замечания в Tsukimoto 1991, 287.
[50] Westbrook 2001, 32–36.
[51] Например, если родственники проданного в рабство затребовали бы его тело для погребения и совершения необходимых заупокойных ритуалов, то в рамках предложенной реконструкции формула «мертвый или живой» давала хозяину возможность отказать им.
[52] Westbrook 2001, 32–33.
[53] Westbrook 2001, 33.
[54] Westbrook 2001, 33–36.

По мнению С. Демар-Лафон, формула «мертвый или живой» была предусмотрена для особых случаев, когда смерть раба наступала после того, как покупатель заплатил деньги, но до того, как раб был ему передан. Такая смерть, если она произошла не по вине продавца, рассматривалась как несчастный случай, все последствия которого ложились на покупателя. Формула «мертвый или живой» отказывала ему в праве претендовать на возмещение. С. Демар-Лафон полагает, что такое понимание формулы хорошо согласуется с важной характеристикой договоров о продаже в рабство из Эмара – их составлением от лица продавца (*ex latere venditoris*), что необычно для месопотамской традиции. В тексте договора, который оставался на руках у продавца, было важно прописать, что он отказывается возвращать полученные за раба деньги, а покупатель принимает это условие. С. Демар-Лафон не исключает, что формула «мертвый или живой» подразумевалась во всех контрактах о продаже рабов, иными словами, ее наличие или отсутствие не регулировалось никакой закономерностью. Если же все-таки считать, что опущение формулы было значимым, то ее употребление могло быть связано с теми случаями, когда риск смерти раба оказывался высок[55].

Обсуждая юридическое значение формулы «мертвый или живой», Л. Фиялковская отвергает идею, что формула гарантировала необратимость рабского статуса объектов сделки. Этому противоречит возможность выкупа этих людей, специально оговариваемая в текстах договоров. Также не подходит объяснение, согласно которому формула обеспечивала действительность сделки. Формула отсутствует в половине документов о продаже в рабство и в трети текстов об обращении в рабы, а значит, договоры могли быть действительны и без нее. В итоге Л. Фиялковская видит два возможных выхода. Формулу «мертвый или живой» можно сопоставить с выражением *awāssu gamrat* («его дело завершено»), встречающимся в старовавилонских правовых документах. В таком случае формула подчеркивала бы, что сделка завершена и что статус лица, которое она затрагивала, изменен и должен сохраняться таковым вплоть до того, как кто-то не воспользуется правом выкупа, если оно оговорено в документе. Другая возможность состоит в том, чтобы присоединиться к интерпретации Р. Вестбрука. В пользу его идеи Л. Фиялковская приводит дополнительный аргумент: в документах о купле-продаже рабов в строгом смысле слова формула «мертвый или живой» не встречается. По ее мнению, это неслучайно, так как если раб, за которого уже были выплачены деньги и которого предстояло передать покупателю, умирал, покупатель имел право потребовать от продавца другого невольника[56]. В подобных ситуациях обязательство, возложенное договором на продавца, никуда не исчезало. Поэтому введение в контракт формулы «мертвый или живой» оказывалось излишним.

Каждое из рассмотренных толкований имеет свои привлекательные стороны и, безусловно, требует учета. В то же время нельзя не отметить их определенную ограниченность. Так, концепции Р. Вестбрука и С. Демар-Лафон опираются прежде всего на данные документов о продаже в рабство. Сведения договоров о поступлении в рабство не учтены в них в достаточной степени.

---

[55] Démare-Lafont 2010, 51.
[56] Fijałkowska 2014, 112.

* * *

Формула «мертвый или живой» встречается в документах сиро-хеттской традиции Эмара, датирующихся серединой XIII – началом XII в. до н.э. Эти документы относятся к двум типам: продажам в рабство и порабощениям. Выражение «мертвый или живой» не являлось обязательной частью формуляра этих договоров. По мнению исследователей, формула не преследовала цель охарактеризовать положение порабощаемого под властью поработителя. В ее функции входило прежде всего исключить возможность пересмотра сделки со стороны приобретателя раба.

Приложение

ПЕРЕВОДЫ ТЕКСТОВ

1. *AO* 5 № 11

Такия[57], сын Малиси, человек города Анабу[58], продал в рабство Мати-Дагану, сыну Зу-Аштарти, за полную цену в семьдесят сиклей серебра своего брата Эхли-Кушу вместе с его женой Аравали и дочерью Кули, по их воле, всего три души. Мертвые или живые, они рабы Мати-Дагана. Если в будущем кто-либо явится их освободить[59], то пусть он даст Мати-Дагану четырех хороших женщин и заберет их. / Печать Такии, сына Малиси, печать Асмии, сына Эхли-Тешшуба, человека города Анабу, печать Тила-си, сына Мази-Тешшуба, человека города Анабу, печать Шаггар-абу, сына Итур-Дагана, сына Тура-Да[60], печать Шаггар-тали’, сына Даган-ба‘али, сына Ра(-), печать Маткали-Дагана, сына Имут-Хамади, печать Эйи, сына Зу-Ба‘алы. И все дети, которых они родят, будут рабами Мати-Дагана.

2. *ASJ* 10 № 5 (= E)

[В год] бедствий, когда три *ка* зерна стоили [один[61]] сикль серебра, Даган-или... посадил[а] своего сына Зу-Эйю в лодку. [Даг]ан-бани высадил его из лодки в Туттуле[62]. (Даган-или) продала его (своего сына. – *Б. А.*) с его[63] согласия в рабство за полную цену в [*x* си]клей серебра. [Мертвый или] жи[вой, он ра]б Даган-бани. [Если в будущ]ем [кто-то явится предъявить] претензии на него, [эта табличка о]долеет его. [Даган-или прода]ла его (своего сына. – *Б. А.*) Даган-бани. [Печать ...], сына Шенины, [п]ечать Амеу, сына Алал-абу.

---

[57] Передача личных имен ориентирована на нормы и варианты, принятые в работе Pruzsinszky 2003.

[58] См. об этом топониме Belmonte Marín 2001, 24.

[59] Как отмечает В. Леманс, фраза означает, что Мати-Даган мог уступить право выкупа другому лицу. См. Leemans 1988, 231.

[60] Тура-Да = Тура-Даган. О кратких именах этого типа, встречающихся также в других текстах корпуса (Ашми-Те = Ашми-Тешшуб[?], Анан-Те = Анан-Тешшуб, Итур-Да = Итур-Даган), см. Cohen 2010.

[61] Л. Фиялковская: «[x сик]лей серебра», см. Fijałkowska 2014, 420.

[62] О Туттуле в текстах из Эмара см. Adamthwaite 2001, 215–216.

[63] В этом месте (стк. 27) А. Цукимото предлагает чтение [*iš-tu* sag-d]u-*š*[***i***]-[*ma*] ⌜*ta-ta*-⌝ *din-šú* «продала его по своей воле», с притяжательным суффиксом 3 л. ед.ч. ж.р. Однако, на наш взгляд, автография вполне допускает интерпретацию соответствующего знака как ŠÚ, а не ŠI. Л. Фиялковская читает ŠU, см. Fijałkowska 2014, 421.

3. *ASJ* 13 № 18[64]

Ашми-Те, сын Анан-Те, из города Атира[65] продал свою жену Канзаэ, с (ее) согласия, в рабство Даган-бани, сыну Сины[?], <за> полную цену в двадцать два сикля серебра. Мертвая или живая, она рабыня Даган-бани. Если в будущем кто-либо предъявит на нее претензии, то пусть он даст Даган-бани одну хорошую женщину и заберет ее. Печать Мазии, сына Зу-Хурры. Свидетели: Гамалу, сын Шарраэ, Пазака, сын Келаэ, из города Атира.

4. *ASJ* 13 № 36

[Ба‘ала]-симати, дочь Ал-умми, дочери Шапты, находится [в долгах]. Ее кредиторы схватили ее, но она не в состоянии им заплатить. Сейчас Зу-Аштарти, сын Ахи-малика, сына Кутбу, заплатил за нее сорок сиклей серебра, долг Ба‘ала-симати. Сейчас Ба‘ала-симати вместе со своей дочерью стала рабыней Зу-Аштарти, сына Ахи-малика, сына Кутбу. С этого дня Ба‘ала-симати и ее дочь Аштар-умми, мертвые или живые, – рабы и рабыни Зу-Аштарти, сына Ахи-малика. / В будущем, позднее, никто не должен предъявлять претензий Зу-Аштарти, сыну Ахи-малика, относительно Ба‘ала-симати и ее дочери. Эта табличка одолеет того, кто предъявит претензии. Вот на что пошло серебро: двадцать пять сиклей серебра, (выплаченный за) нее калым[66], ушли Ахлау, сыну Аббану, пятнадцать (сиклей) пусть возьмет ее кредитор. Печать Ахи-малика, правителя. Печать Ахлау, сына Аббану, сына Мутри-Тешшуба. Печать Абы, сына Абдии. Печать Аби-Шаггара, сына Ше’и. Свидетели: [Шур]ши-Даган, сын Хидды, [Ка]пи-Даган, сын Угину, [...]-кабар, сын Ишма-Дагана, [...]-ва, сын Даган-кабара, сына Ахи, Шурши-Даган, сын Абун[ну].

5. *Emar* VI/3 № 7

Асда-ахи, жена Акиу[67], человека города Экалте[68], продала Ба‘ал-тали’, сына своей дочери, с его согласия, за полную цену в пятьдесят два сикля серебра, в рабство Ба‘ал-бели и Абди-Шаггару, сыновьям Ир’ам-Дагана. Мертвый или живой, он раб Ба‘ал-бели и Абди-Шаггара. Если в будущем, позднее, кто-либо явится предъявить на него претензии, то эта табличка одолеет его. / Печать Курдии, человека города Асу[69], печать Адад-каррада, сына Куназу, печать Ипки-Дагана, сына Эйе, печать Тури, сына Илу-бани.

6. *Emar* VI/3 № 79

[...] продал [...]-лу Даган-кабару, [сыну Химы] за [*x* сиклей серебра] с ее согласия. [Мертвая или жи]вая, [она] рабыня Даган-кабара. [Ес]ли в будущем [... ...]

---

[64] Предыдущее издание: Beckman 1988, 61–63 [no. 1].

[65] См. об этом топониме Belmonte Marín 2001, 46.

[66] А. Цукимото полагает, что калым, или брачный дар, который обычно уплачивали родители жениха родителям невесты, и составлял долг Ба‘ала-симати. Ба‘ала-симати получила эту сумму от своего бывшего тестя или мужа Ахлау, но затем была вынуждена ее вернуть (см. Tsukimoto 1991, 302).

[67] Чтение личного имени по Durand 1989, 171.

[68] Чтение топонима вслед за Mayer 1992, 268, n. 11 и Adamthwaite 2001, 210. Об истории позднебронзового Экалте, включая связи с Эмаром, см. Torrecilla 2014.

[69] Об этом городе см. Adamthwaite 2001, 212–213; Belmonte Marín 2001, 49. Исследование об архивах Азу (Телль-Хадиди), синхронных архивам Эмара, и об истории этого города см. в Torrecilla 2019.

Даган-кабара явится [по поводу е]го рабыни, [то эта табличка о]долеет его. (...) [Печать] Аштарту-лита, сына Даган-[...], [печать] Адад-каррада, сына Куна[зу], [печать] Хи-...-Шаггара, пе[чать] прорицателя, [печать] Зимри-Ба‘алу, [...] ...-Даган.

7. *Emar* VI/3 № 83

[Аби-хами]ц, сын З[и]ры[70], [в го]д бедствий[71], продал свою грудную дочь ...-ти с ее согласия [в рабство Даган-та]ли’, [сыну] Химы, [за полную цену] в девять сиклей серебра. [Мертвая или жив]ая, она рабыня Даган-тали’. [Даган-тал]и’ свободен (от претензий по ее поводу)[72]. / [Если в] б[уду]щем Аби-хамиц, [сын Зиры?, скажет] Даган-тали’, [сыну Химы]: «Верни мне м[ою дочь и з]абе[ри свое серебро!», то пусть он о]тдаст ему [взамен] две души и (тогда) заберет рабыню. / [...] Икки-Даган, [печать Зу-Ба‘ал]ы, [сына Ахи]-малика, печать Нинни, сына Кин[ни]пи. [Свидетели: Нинни, сын Киннип]и, [...], сын Итур-Да, [...] Зу-Ба‘ала, сын Ахи-[мал]ика, сына Кутбу.

8. *Emar* VI/3 № 121

В год бедстви[й, когда три *ка* зерна] стоили один [сикль] серебра[73], [Хима]ши-Даган, сын Аббану, [сы]н[а? ...] не был в состоянии выплатить свои долги. Сейчас Милки-Даган, сын Ахи-Дагана, заплатил его долг, пятьдесят сиклей серебра, и тот вошел к нему в рабство. Мертвый или живой, он раб Милки-Дагана. Если в будущем кто-либо явится предъявить на него претензии, эта табличка одолеет его. / Если он будет отдавать серебро, которое будет в его распоряжении[74], он должен будет отдать в удвоенном размере[75]. Он останется рабом царя[76]. Серебро, за которое он вошел (в рабство): сорок пять сиклей серебра – Кин-аби, четыре сикля серебра – Тура-Дагану, сыну Бур-[...] / Печать Аху, сына Шаггар-абу, печать Или-абу, сына Ше’и-Дагана, печать Абу-Шамшу, сына ‘Ударату, печать Ба‘ал-рапи’, сына Я[-...], печать Ба‘ал-белу, сына [...].

9. *Emar* VI/3 № 205

В присутствии Мутри-Тешшуба и старейшин города Мати-Даган, сын Ше’и-Дагана, взял в долг у Ибни-Дагана, сына Зу-Ба‘алы, прорицателя, двадцать пять сиклей серебра. Но теперь Мати-Даган, сын Ше’и-Дагана, умер, и двое его детей [вошли] в дом Ибни-Даг[ана, и] он оставил двадцать пять сиклей серебра[77]. И теперь [Ибни-Даган, сын] Зу-Ба‘алы, прорицателя, в присутствии Мутри-Тешшуба и [старейши]н [города] поставил двух детей Ма[ти-Дагана, сына Ше’и]-Дагана, перед братьями их отца и сказал следующее: “Если [вы забираете] двух детей вашего брата, то верните мне мои двадцать пять сиклей серебра! [...] Эти два их племянника вош[ли] ко мне

---

[70] Чтение личного имени по Durand 1989, 191.

[71] Перевод согласно чтению в Durand 1989, 191.

[72] Букв. «чист».

[73] Перевод начальных строк дан по восстановлению А. Цукимото, Tsukimoto 1988, 167. См. другие версии чтения и перевода в Arnaud 1986, 128–129 и Durand 1990, 57.

[74] Букв. «серебро его руки». Р. Вестбрук рассматривает это как указание на рабский пекулий, Westbrook 2003, 667–668.

[75] В тексте téš-bi *li-din*, букв. «пусть отдаст в равном объеме». Перевод téš-bi согласно интерпретации, предложенной в Zaccagnini 1996.

[76] См. обзор мнений по поводу этой формулы в Fijałkowska 2014, 113.

[77] Согласно Ж.-М. Дюрану, при ином заполнении лакун в этом предложении его перевод выглядел бы так: «И он (Мати-Даган. – *Б. А.*) оставил двух своих детей в доме Ибни-Даг[ана, в качестве замены] двадцати пяти сиклей серебра» (Durand 1990, 72).

в рабство по своей воле[78]". Но брат[ья их отца] не согласились заплатить двадцать пять сиклей серебра Ибни-[Дагана] и составили документ с печатью о передаче двух детей своего брата с их согласия в рабство Ибни-Дагану. Мертвые или живые, они рабы Ибни-Дагана. В будущем, если Абду, сын Хутамману, и братья их отца скажут: «Мы хотим освободить двух детей нашего брата!», то пусть они дадут Ибни-Дагану, сыну Зу-Ба'алы, прорицателя, две души за Или-аби и две души за слепую Мади-шимту, и (тогда) [заберут] двух детей своего брата. / Печать Хаб'у, сына Пабаххе, печать Мутри-Тешшуба, печать Белу-кабара, [...], печать Бураку, сына Мадуки. Свидетели: Туту, сын Аби-капи, Шаггар-кабара, сын Зимри-Дагана, Капи-Даган, сын Ахи-хамму, человек города Эшшу[79], Белу-кабар, ..., Тура-Даган, сын ..., Кулме, плотник, человек города Эшшу, Ибни-Даган, сын Мати, Абду, сын Хутамману, человек города Эшшу.

10. *GS Kutscher* № 1

Иштар-баэ со своей женой Писсой, дочерью Хабу, сына Паххару, и ее сыном Хусиру вошел в качестве раба в дом Зу-Аштарти, сына Кутбу. Зу-Аштарти выплатил их долг в восемьдесят три сикля серебра. С этого дня Иштар-баэ, его жена Писса и сын Хусиру, мертвые или живые, рабы Зу-Аштарти, сына Ахи-малика, сына Кутбу. / Если в будущем кто-либо предъявит на них претензии, он должен будет заплатить удвоенную цену серебром[80], после чего сможет забрать их себе. / Вот восемьдесят три сикля серебра, за которые он (т.е. Иштар-баэ с семьей.– *Б. А.*) стал рабом, уплачены Тури, сыну Или-бани. / Печать Аби-Шаггара, сына Зимри-бели, сына Шурши, печать Булали, сына Илу (*далее одна строка, текст на которой стерт*), печать Белу-кабара, сына Таэ, сына Идди'е, печать Шурши-Дагана, сына Биллы. Свидетели: Белу-кабар, сын Ишма-Дагана, Яди-Даган, сын Мепты.

11. *TSBR* № 26

Даган-тали', сын Таи, задолжал. Его кредиторы взяли его жену. Они продали ее Булалу, сыну Арву, за семьдесят сиклей серебра, ее полную цену, с ее согласия. Живая или мертвая, она рабыня Булалу. / [Если] в будущем кто-либо предъявит ему иск, то по нему ответят Аба, сын Бады, Даган-тали', Имлик-Даган, сын Ше'и-Дагана, Имут-Хамади, сын Шахлу, Абди-Даган, «сын печи»[81], Абди-или, сын Зазу. Булалу свободен (от каких-либо претензий)[82]. / Печать Абы, сына Бады, печать Туту, сына Шахлу, печать Имлик-Дагана, сына Ше'и-Дагана, пе[чать Имут-Х]а[м]ади, [сына Шах]лу, печать Имут-Хам[ади, сына] Талитту.

---

[78] Ж.-М. Дюран предлагает другие восстановления поврежденных мест в этом предложении, что дает следующий перевод: «Если нет, то отдайте мне двух детей вашего! брата в рабство, по доброй воле», Durand 1990, 72.

[79] См. об этом топониме Tsukimoto 1992, 298; Belmonte Marín 2001, 76.

[80] В тексте kù-babbar téš-bi *li-din*, букв. «пусть отдаст серебро в равном объеме». Перевод téš-bi согласно интерпретации, предложенной в Zaccagnini 1996.

[81] В тексте dumu udun-*ni*. Д. Арно интерпретировал это выражение как имя собственное (fils d'Udunu). По мнению А. Цукимото, выражение указывало на социальный статус человека, брошенного в детстве родителями, а Р. Пружински видит в нем обозначение профессии пекаря. См. Arnaud 1991, 59; Tsukimoto 1998, 188; Pruzsinszky 2003, 7; Fijałkowska 2014, 268, n. 32, 419.

[82] Букв. «чист».

12. *TSBR* № 44

В год, когда войска *тарву* осаждали Эмар, Унаб-шенни, из города Каршу[83], поступил в рабы к Итур-либбу, сыну Апили, за полную цену в двадцать сиклей серебра. Мертвый или живой, он раб Итур-либбу, сына Апили. В будущем никто не должен предъявлять Итур-либбу претензий (по этому поводу). Эта табличка одолеет всякого, кто предъявит претензии. / Десять сиклей серебра были даны Хабу, сыну Бишту. Еще десять взял сам Унаб-шенни. / [Печать] Ибни-Дагана, сына прорицателя, [печать ...] ..., сына Би'у, печать Угину, сына Дуккану, печать Пер'и-[Дагана], сына Иттину, печать Зу-Аштарти, сына Татаэ. Свидетели: Даган-талих, сын Бишту, Зу-Эйя, сын Имлик-Дагана.

Литература / References

Adamthwaite, M.R. 2001: *Late Hittite Emar: The Chronology, Synchronisms, and Socio-Political Aspects of a Late Bronze Age Fortress Town*. (ANES Suppl. Ser., 8). Louvain–Paris–Sterling, Virginia.

Alexandrov, B.E. 2017: [Tuttul and the Hittite-Assyrian boundary at the Middle Euphrates in the middle – end of the 13th century B.C.] In: A. Petrova, V. Shelestin, K. Karlova, A. Safronov (eds.), *Etno-kul'turnoye razvitiye Blizhnego Vostoka v IV–I tysyacheletiyakh do n.e. Materialy nauchnoy konferentsii 26–27 oktyabrya 2017* [*Ethnocultural Development of the Ancient Near East in the IV–I Millennia B.C. Materials of the Scientific Conference, 26–27 October 2017.*] Moscow, 7–8.
Александров, Б.Е. Туттуль и хетто-ассирийская граница на Среднем Евфрате в середине – конце XIII в. до н.э. В сб.: А.А. Петрова, В.Ю. Шелестин, К.Ф. Карлова, А.В. Сафронов (ред.), *Этнокультурное развитие Ближнего Востока в IV–I тысячелетиях до н.э. Материалы научной конференции 26–27 октября 2017 года*. М., 7–8.

Alexandrov, B.E. 2020: [The formula *ana/ištu* sag-du-*šu/ši* in legal texts from Hittite Emar]. *Indoevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Lingustics and Classical Philology*] 24/1, 276–301.
Александров, Б.Е. Формула *ana/ištu* sag-du-*šu/ši* в правовых текстах из хеттского Эмара. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24/1, 276–301.

Arnaud, D. 1975: Les textes d'Emar et la chronologie de la fin du Bronze Récent. *Syria* 52, 87–92.

Arnaud, D. 1986: *Recherches au pays d'Aštata. Emar VI.3. Textes sumériens et accadiens, textes.* Paris.

Arnaud, D. 1987: La Syrie du moyen-Euphrate sous le protectorat hittite: contrats de droit privé. *Aula Orientalis* 5, 211–241.

Arnaud, D. 1991: *Textes syriens de l'âge du bronze récent.* (AO Suppl., 1). Barcelona.

Arnaud, D. 1992: Tablettes de genres divers du moyen-Euphrate. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici* 30, 195–245.

Astour, M.C. 1996: Who was the king of the Hurrian troops at the siege of Emar? In: M.W. Chavalas (ed.), *Emar: The History, Religion, and Culture of a Syrian Town in the Late Bronze Age*. Bethesda, 25–56.

Beckman, G. 1988: Three tablets from the vicinity of Emar. *Journal of Cuneiform Studies* 40, 61–68.

Beckman, G. 1996: *Texts from the Vicinity of Emar in the Collection of Jonathan Rosen.* (HANE/M, II). Padova.

Belmonte Marín, J.A. 2001: *Die Orts- und Gewässernamen der Texte aus Syrien im 2. Jt. v. Chr.* (RGTC, 12/2). Wiesbaden.

Charpin, D. 2015: *Gods, Kings, and Merchants in Old Babylonian Mesopotamia*. (PIPOAC, 2). Leuven.

Cohen, Y. 2005: A Family plot: the Zu-Bala family of diviners and Hittite administration in the land of Aštata. In: A. Süel (ed.), *V. Uluslarası Hititoloji Kongresi Bildirileri, Çorum 02–08 eyül 2002 / Acts of the Vth International Congress of Hittitology, Çorum, September 02–08, 2002*. Ankara, 213–224.

Cohen, Y. 2009: *The Scribes and Scholars of the City of Emar in the Late Bronze Age.* (HSS, 59). Winona Lake.

Cohen, Y. 2010: Shortened names in Emar and elsewhere on the basis of cuneiform and Hittite hieroglyphic evidence. In: I. Singer (ed.), *ipamati kistamati pari tumatimis. Luwian and Hittite Studies Presented to J. David Hawkins on the Occasion of His 70th Birthday*. Tel Aviv, 32–43.

[83] См. об этом городе Adamthwaite 2001, 214; Belmonte Marín 2001, 158–159.

Cohen, Y. 2011: The administration of cult in Hittite Emar. *Altorientalische Forschungen* 38, 145–157.
Cohen, Y. 2012: Aḫi-malik: the last "Overseer of the Land" in the city of Emar. In: K. Abraham, J. Fleishman (eds.), *Looking at the Ancient Near East and the Bible Through the Same Eyes. Minha LeAhron. A Tribute to Aaron Skaist.* Bethesda, 13–24.
Cohen, Y. 2013: Problems in the history and chronology of Emar. *Kaskal. Rivista di storia, ambienti e culture del Vicino Oriente Antico* 10, 281–294.
Cohen, Y. 2019: Forging an empire: the land of Aštata according to the Šattiwaza treaty (CTH 51) and additional sources. In: G. Chambon, M. Guichard, A.-I. Langlois (eds.), *De l'argile au numérique. Mélanges assyriologiques en l'honneur de Dominique Charpin.* (PIPOAC, 3). Leuven, 279–298.
Cohen, Y., d'Alfonso, L. 2008: The duration of Emar archives and the relative and absolute chronology of the city. In: L. d'Alfonso, Y. Cohen, D. Sürenhagen (eds.), *The City of Emar among the Late Bronze Age Empires: History, Landscape and Society. Proceedings of the Konstanz Emar Conference, 25.–26.4.2006.* (AOAT, 349). Münster, 3–25.
D'Alfonso, L. 2005: *Le procedure giudiziarie ittite in Siria (XIII sec. a.C.).* (StMed, 17). Pavia.
Démare-Lafont, S. 2010: Éléments pour une diplomatique juridique des textes d'Émar. In: S. Démare-Lafont, A. Lemaire (éds.), *Trois millénaires de formulaires juridiques.* (HEO, 48). Genève, 43–84.
Démare-Lafont, S., Fleming, D. 2015: Emar chronology and scribal streams: cosmopolitanism and legal diversity. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 109, 45–77.
Di Filippo, F. 2004: Notes on the chronology of Emar legal tablets. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici* 46, 175–214.
Durand, J.-M. 1989: [Rev.:] Daniel Arnaud, Recherches au Pays d'Aštata, Emar VI. Textes sumériens et accadiens. Paris, 1986. Vol. I–III. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 83/2, 163–191.
Durand, J.-M. 1990: [Rev.:] Daniel Arnaud, Recherches au Pays d'Aštata, Emar VI. Textes sumériens et accadiens. Paris, 1986. Vol. I–III. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 84/1, 49–85.
Durand, J.-M., Marti, L. 2003: Chroniques du Moyen-Euphrate 2. Relecture de documents d'Ekalte, Émar et Tuttul. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 97, 141–180.
Endesfelder, M. 2017: Die Institutionen in den syrischen Immobiliartransaktionen aus Emar. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 107/1, 35–88.
Fijałkowska, L. 2014: *Le droit de la vente à Emar.* (Philippika, 64). Wiesbaden.
Giusfredi, F. 2013: Further consideration on the Ankara silver bowl. In: L. Feliu, J. Llop, A. Millet Albà, J. Sanmartín (eds.), *Time and History in the Ancient Near East. Proceedings of the 56th Rencontre Assyriologique Internationale at Barcelona 26–30 July 2010.* Winona Lake, 665–679.
Leemans, W.F. 1988: Aperçu sur les textes juridiques d'Emar. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 31/2, 207–242.
Mayer, W. 1992: Eine Urkunde über Grundstückskäufe aus *Ekalte*/Tall Munbaqa. *Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas* 24, 263–273.
Mora, C. 2007: Three metal bowls. In: M. Alparslan, M. Doğan-Alparslan, H. Peker (eds.), *Belkıs Dinçol ve Ali Dinçol'a Armağan. VITA. Festschrift in Honor of Belkıs Dinçol and Ali Dinçol.* Istanbul, 515–521.
Pruzsinszky, R. 2003: *Die Personennamen der Texte aus Emar.* (SCCNH, 13). Bethesda.
Seminara, S. 1998: *L'accadico di Emar.* (MVS, 6). Roma.
Sigrist, M. 1993: Seven Emar tablets. In: A.F. Rainey, A. Kempinski, M. Sigrist, D. Ussishkin (eds.), *Kinattūtu ša dārâti. Raphael Kutscher Memorial Volume.* (Tel Aviv Occasional Publications, 1). Tel Aviv, 165–187.
Simon, Z. 2009: Die ANKARA-Silberschale und das Ende des hethitischen Reiches. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 99/2, 247–269.
Skaist, A. 1998: The chronology of the legal texts from Emar. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 88/1, 45–71.
Torrecilla, E. 2014: *Late Bronze Age Ekalte. Chronology, Society, and Religion of a Middle Euphrates Town*. Saarbrücken.
Torrecilla, E. 2019: The dwellers of Azû. A study on the Tall Ḥadīdī society and chronology. *Altorientalische Forschungen* 46/1, 33–50.
Tsukimoto, A. 1988: Sieben spätbronzezeitliche Urkunden aus Syrien. *Acta Sumerologica* 10, 153–189.
Tsukimoto, A. 1991: Akkadian tablets in the Hirayama collection (II). *Acta Sumerologica* 13, 275–333.
Tsukimoto, A. 1992: Akkadian tablets in the Hirayama collection (III). *Acta Sumerologica* 14, 289–310.

Tsukimoto, A. 1998: [Rev.:] Gary Beckman, Texts from the Vicinity of Emar in the Collection of Jonathan Rosen. Padova, 1996. *Die Welt des Orients. Wissenschaftliche Beiträge zur Kunde des Morgenlandes* 29, 184–190.

Viano, M. 2018: Continuity and change in the *ḫazannu* office at Emar. *Kaskal. Rivista di storia, ambienti e culture del Vicino Oriente Antico* 15, 47–56.

Viano, M. 2020: The economic activities of the Zū-Ba'la family and the archival practices in Building M1 at Emar. In: U. Gabbay, J.J. Pérennès (eds.), *Des polythéismes aux monothéismes. Mélanges d'Assyriologie offerts à Marcel Sigrist.* (ÉB, NS, 82). Leuven–Paris–Bristol (CT), 469–489.

Westbrook, R. 2001: Social justice and creative jurisprudence in Late Bronze Age Syria. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 44/1, 22–43.

Westbrook, R. 2003: Emar and vicinity. In: R. Westbrook (ed.), *A History of the Ancient Near Eastern Law*. Vol. I. Leiden–Boston, 657–691.

Yamada, M. 1998: The family of Zū-Ba'la the diviner and the Hittites. In: Sh. Isre'el, I. Singer, R. Zadok (eds.), *Past Links. Studies in the Languages and Cultures of the Ancient Near East.* (IOS, 18). Winona Lake, 323–334.

Yamada, M. 2006: The Hittite administration in Emar: the aspect of direct control. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 96/2, 222–234.

Yamada, M. 2011: The second military conflict between 'Assyria' and 'Ḫatti' in the reign of Tukulti-Ninurta I. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 105, 199–220.

Yamada, M. 2013: The chronology of the Emar texts revisited. *Orient* 48, 125–156.

Yamada, M. 2016: How to designate women as having both genders. A note on the scribal traditions in the land of Aštata. In: Sh. Yamada, D. Shibata (eds.), *Cultures and Societies in the Middle Euphrates Areas in the Second Millennium BC. I. Scribal Education and Scribal Traditions.* (StCh, 5). Wiesbaden, 133–143.

Yamada, M. 2019: The 'Overseers of the land' in the Emar texts. In: I. Nakata, Y. Nishiaki, T. Odaka, M. Yamada, Sh. Yamada (eds.), *Prince of the Orient. Ancient Near Eastern Studies in Memory of Prince Takahito Mikasa.* (ORIENT. Journal of the Society for Near Eastern Studies in Japan. Suppl. 1). Tokyo, 193–210.

Zaccagnini, C. 1996: TÉŠ.BI = *mitḫāru / mitḫāriš* at Emar and elsewhere. *Orientalia* 65/2, 89–110.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 316–330
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 316–330
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014828-3

УКАЗ И ПРОКЛЯТИЕ ЭДИПА

Софокл, «Царь Эдип», ст. 236–243

Б. М. Никольский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

Вопрос, обсуждаемый в статье: против кого обращено проклятие Эдипа в ст. 236–243 трагедии Софокла «Царь Эдип». Высказано предположение о том, что адресатом проклятия является сразу и убийца Лая, и те, кто знают, но скрывают имя убийцы. Двусмысленность, или, вернее, непоследовательность, в тексте Софокла объясняется тем, что монолог выполняет сразу две риторические функции: в нем совмещены указ, содержащий требование раскрыть имя убийцы, и проклятие, направленное против убийцы. Риторическая двузначность монолога происходит от желания автора решить сразу две драматические задачи: с одной стороны, монолог начинает действие, состоящее в постепенном раскрытии убийства, с другой стороны, к этому проклятию персонажи будут обращаться на протяжении всего действия и оно определит будущую судьбу Эдипа.

Ключевые слова: трагедия, Софокл, Эдип, указ, проклятие, убийца

OEDIPUS' EDICT AND CURSE

Sophocles' *Oedipus Tyrannus*, 236–243

Boris M. Nikolsky

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-59-14002 АНФ_а

Данные об авторе. Борис Михайлович Никольский – доктор филологических наук, заведующий отделом античной литературы ИМЛИ РАН, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, профессор ВШЭ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-59-14002 АНФ_а.

The article deals with the problem of the addressee of Oedipus' curse in Sophocles' *Oedipus Tyrannus* 236–243. It is suggested that the curse is directed both against the murderer of Laius and against all potential informants who are concealing the murderer's name. The ambivalence, or rather the incongruity, of Sophocles' text is explained by the double rhetorical aim of Oedipus' monologue: it is at once an edict demanding to reveal the identity of the murderer and a curse against the murderer himself. The double rhetorical function of the monologue derives from its double dramatic role. On the one hand, it begins the action of the play, which consists in revealing the murderer's identity, and on the other hand, the curse acts as the play's leitmotif: it is cited throughout the tragedy and determines Oedipus' future fate.

Keywords: tragedy, Sophocles, Oedipus, edict, curse, murderer

Монолог Эдипа, начинающий первый эписодий трагедии Софокла «Царь Эдип», играет важнейшую роль и в развитии сюжета, и в тематической организации пьесы: Эдип объявляет здесь указ, требующий от фиванцев найти и выдать убийцу – указ, выполнить который будет суждено самому Эдипу, и он произносит здесь проклятие, которое в конце концов окажется обращенным против него самого. При этом монолог ставит перед нами множество проблем, относящихся и к текстологии, и к интерпретации текста. Один из таких вопросов мы попытаемся решить в этой статье.

Итак, Эдип провозглашает свой указ: он требует от граждан Фив, если кто-то из них знает убийцу Лая, поделиться с ним этим знанием (ст. 224–226):

ὅστις ποθ' ὑμῶν Λάιον τὸν Λαβδάκου
κάτοιδεν ἀνδρὸς ἐκ τίνος διώλετο,
τοῦτον κελεύω πάντα σημαίνειν ἐμοί·

Если кто-нибудь из вас знает, кто
Убил Лая, сына Лабдака,
Я велю все сообщить мне.

Тому, кто выдаст убийцу, Эдип обещает награду; если же убийца признается сам, то его освободят от наказания и он должен будет лишь покинуть страну (ст. 227–232):

κεἰ μὲν φοβεῖται τοὐπίκλημ' ὑπεξελὼν
αὐτὸς κατ' αὐτοῦ· – πείσεται γὰρ ἄλλο μὲν
ἀστεργὲς οὐδέν, γῆς δ' ἄπεισιν ἀβλαβής –
εἰ δ' αὖ τις ἄλλον οἶδεν ἐξ ἄλλης χθονὸς
τὸν αὐτόχειρα, μὴ σιωπάτω· τὸ γὰρ
κέρδος τελῶ 'γὼ χἠ χάρις προσκείσεται.

И даже если кто боится, извлекши обвинение
Против себя самого: с ним не случится никакой другой
Беды, он лишь уйдет из нашей земли невредимым.
И если кто знает про чужого, из другой страны,
Что тот – убийца, пусть он не молчит. Я
Дам ему плату, а в придачу будет ему моя благодарность.

Вслед за тем Эдип объявляет, каковы будут его действия в случае, если фиванцы станут молчать и скрывать убийцу (ст. 233–243):

εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καί τις ἢ φίλου
δείσας ἀπώσει τοὔπος ἢ χαὐτοῦ τόδε,
ἅκ τῶνδε δράσω, ταῦτα χρὴ κλυεῖν ἐμοῦ.
τὸν ἄνδρ' ἀπαυδῶ τοῦτον, ὅστις ἐστί, γῆς
τῆσδ', ἧς ἐγὼ κράτη τε καὶ θρόνους νέμω,

μήτ’ ἐσδέχεσθαι μήτε προσφωνεῖν τινά,
μήτ’ ἐν θεῶν εὐχαῖσι μήτε θύμασιν
κοινὸν ποεῖσθαι, μήτε χέρνιβος νέμειν·
ὠθεῖν δ’ ἀπ’ οἴκων πάντας, ὡς μιάσματος
τοῦδ’ ἡμὶν ὄντος, ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ
μαντεῖον ἐξέφηνεν ἀρτίως ἐμοί.

Но если вы будете молчать и если кто
Станет в страхе отводить обвинение от своего друга или от себя,
Стоит вам услышать, что я сделаю тогда.
Этого человека, кто бы он ни был, всем в нашей стране,
Над которой я держу власть и трон,
Я запрещаю принимать у себя, и общаться с ним,
И допускать его до участия в молитвах богам и в жертвах,
И уделять ему очистительной святой воды.
Но пусть все гонят его прочь от своих домов, зная,
Что это – наша скверна, как только что открыло мне
Пифийское пророчество бога.

Этот указ он объясняет своим ревностным стремлением исполнить оракул Аполлона, потребовавшего найти убийцу Лая, и желанием помочь погибшему царю (ст. 244–245):

ἐγὼ μὲν οὖν τοιόσδε τῷ τε δαίμονι
τῷ τ’ ἀνδρὶ τῷ θανόντι σύμμαχος πέλω.

Я – вот такой союзник божеству
И погибшему.

Завершает Эдип свой указ еще двумя дополнительными проклятиями – обращенными к убийце и к самому себе, если он сознательно скрывает убийцу в своем доме (ст. 246–251):

κατεύχομαι δὲ τὸν δεδρακότ’, εἴτε τις
εἷς ὢν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα,
κακὸν κακῶς νιν ἄμορον ἐκτρῖψαι βίον.
ἐπεύχομαι δ’, οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος
ἐν τοῖς ἐμοῖς γένοιτ’ ἐμοῦ ξυνειδότος,
παθεῖν ἅπερ τοῖσδ’ ἀρτίως ἠρασάμην.

А совершивший это, я молю,– был ли он один
Или средь большего числа, что неизвестно нам,–
Пусть он так же мерзко, как и сам он мерзок, изотрет в несчастьях свою жизнь.
И о себе я молю – если в моем доме
Я буду делить с ним очаг, зная это,
То пусть со мной случится то же, что я сейчас призывал на их головы.

Интерпретация этого текста вызывает множество споров. Один из главных вопросов, стоящих перед комментаторами, касается слов τὸν ἄνδρ’ ἀπαυδῶ τοῦτον в ст. 236. Кого Эдип имеет здесь в виду?

Большинство ученых[1] полагают, что приказ исключить «этого человека» из социальной жизни в городе должен относиться к убийце. У такой точки зрения есть убедительные основания.

[1] Blaydes 1859, 49, комм. к ст. 242; Schneidewin 1856, 54, комм. к ст. 236–237; Ribbeck 1858; Ribbeck 1861; Jebb 1914, 43 (перевод «that murderer»); Lloyd-Jones, Wilson 1990, 86; Finglass 2018, 247–249, комм. к ст. 236–240.

Во-первых, Эдип в ст. 241–243 указывает на причину, по которой «этому человеку» следует отказать в общении и в участии в совместных жертвоприношениях: он является носителем μίασμα, как поведал оракул. Мы знаем, что оракул, призывая изгнать из города μίασμα, имел в виду именно убийцу Лая. Креонт, передавая повеление оракула в прологе, сначала цитирует этот оракул: ἄνωγεν ἡμᾶς Φοῖβος ἐμφανῶς, ἄναξ, / μίασμα χώρας, ὡς τεθραμμένον χθονὶ / ἐν τῇδ', ἐλαύνειν μηδ' ἀνήκεστον τρέφειν «Владыка Феб дает ясный приказ, чтобы мы / Изгнали скверну страны, которую, по его словам, мы питаем / В нашей земле, и не питали бы дальше, пока она станет неисцелимой» (ст. 96–98),– а затем объясняет, что носителем скверны является убийца: νῦν ἐπιστέλλει σαφῶς / τοὺς αὐτοέντας χειρὶ τιμωρεῖν τινας «Он погиб, и бог ясно требует от нас / Покарать его убийц» (ст. 106–107).

Во-вторых, слова повеления Эдипа несколько раз повторяются в трагедии дальше, и персонажи, вспоминая их, всегда относят их к убийце. Сначала к нему обращается Тиресий. Раздосадованный гневом Эдипа, не понимающего, почему прорицатель скрывает от него имя убийцы, Тиресий говорит (ст. 350–353):

ἐννέπω σὲ τῷ κηρύγματι
ᾧπερ προεῖπας ἐμμένειν, κἀφ' ἡμέρας
τῆς νῦν προσαυδᾶν μήτε τούσδε μήτ' ἐμέ,
ὡς ὄντι γῆς τῆσδ' ἀνοσίῳ μιάστορι.

Я велю тебе выполнять
То решение, что ты провозгласил, и с нынешнего дня
Не обращаться с речью ни к этим людям, ни ко мне,
Поскольку ты и есть нечестивый осквернитель нашей земли.

Когда Эдип просит его объяснить эти слова (ἀλλ' αὖθις φράσον «Скажи опять», 361), Тиресий отвечает: φονέα σέ φημι τἀνδρὸς οὗ ζητεῖς κυρεῖν «Я утверждаю, что ты и есть убийца того человека, (убийцу) которого ты ищешь» (362).

Затем уже сам Эдип начинает догадываться, что убитый им чужеземец мог быть Лаем, и с ужасом вспоминает собственное проклятие (ст. 815–820):

τίς τοῦδέ γ' ἀνδρὸς νῦν ἂν ἀθλιώτερος,
τίς ἐχθροδαίμων μᾶλλον ἂν γένοιτ' ἀνήρ,
ὃν μὴ ξένων ἔξεστι μηδ' ἀστῶν τινι
δόμοις δέχεσθαι, μηδὲ προσφωνεῖν τινα,
ὠθεῖν δ' ἀπ' οἴκων; καὶ τάδ' οὔτις ἄλλος ἦν
ἢ 'γὼ 'π' ἐμαυτῷ τάσδ' ἀρὰς ὁ προστιθείς.

Кто теперь мог бы быть несчастнее,
Какой человек был бы ненавистнее богам, чем я,
Кого никто, ни из граждан, ни из чужеземцев,
Не вправе принимать у себя, и с кем никто не вправе общаться,
Но должен гнать прочь от дома? И это, эти проклятия,
Обратил против себя я сам, никто другой.

Наконец, Эдип вновь вспоминает об этом проклятии в конце пьесы, когда он узнает страшную тайну о себе и окончательно убеждается в том, что его проклятие обращено против него самого. Он желает броситься прочь из страны и не оставаться более в своем доме, поскольку подпадает под произнесенное им проклятие (ὡς ἐκ χθονὸς ῥίψων ἑαυτόν, οὐδ' ἔτι / μενῶν δόμοις ἀραῖος, ὡς ἠράσατο, 1290–1291).

С другой стороны, некоторые комментаторы относят это повеление Эдипа не к убийце, а к тем фиванцам, которые станут скрывать имя убийцы[2]. Такую интерпретацию тоже можно обосновать достаточно вескими аргументами.

Во-первых, этот смысл вытекает из логического развития Эдиповой речи. Сначала Эдип обещает награду тому, кто не станет молчать и раскроет личность убийцы (ст. 227–232). Следующая часть, начинающаяся словами εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, очевидно, должна содержать в себе угрозу или предостережение тем, кто не исполнит указа и не выдаст убийцы.

Во-вторых, слова Эдипа в ст. 249–251 ἐπεύχομαι δ', οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος / ἐν τοῖς ἐμοῖς γένοιτ' ἐμοῦ ξυνειδότος, / παθεῖν ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην «И о себе я молю – если в моем доме / Я буду делить с ним очаг, зная это, / То пусть со мной случится то же, что я сейчас призывал на их головы», выражающие готовность героя принять проклятие на себя, если он укрывает убийцу в своем доме, понятны, только если до этого он произнес то же проклятие в адрес других фиванцев (ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην).

В-третьих, только если проклятие Эдипа обращено против знающих убийцу и не доносящих на него, можно объяснить ответ хора на его монолог в ст. 276–278 ὥσπερ μ' ἀραῖον ἔλαβες, ὦδ', ἄναξ, ἐρῶ. / οὔτ' ἔκτανον γὰρ οὔτε τὸν κτανόντ' ἔχω / δεῖξαι «Поскольку, владыка, ты связал меня проклятием, под клятвой я буду говорить. / Я не убивал и не могу указать на того, / Кто убил». Комментаторы обычно полагают, что, называя себя ἀραῖος «подведенным под проклятие», хор отсылает к заключительным словам монолога Эдипа, где герой призывает богов и дальше посылать несчастья тем, кто не исполнит его указ: καὶ ταῦτα τοῖς μὴ δρῶσιν εὔχομαι θεοὺς / μήτ' ἄροτον αὐτοῖς γῆς ἀνιέναι τινὰ / μήτ' οὖν γυναικῶν παῖδας, ἀλλὰ τῷ πότμῳ / τῷ νῦν φθερεῖσθαι κἄτι τοῦδ' ἐχθίονι «А для тех, кто не станет делать так, – / Пусть боги не дают их земле приносить урожаи / И их женам рожать детей, но пусть их губит / Такая участь, как сейчас, и еще страшнее этой» (ст. 269–272)[3]. Однако сочетание двух признаний οὔτ' ἔκτανον ... οὔτε τὸν κτανόντ' ἔχω δεῖξαι слишком напоминает то ранее определенное Эдипом условие, при котором следует исключить виновного из общественной жизни: εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καί τις ἢ φίλου / δείσας ἀπώσει τοὔπος ἢ χαὐτοῦ τόδε «Но если вы будете молчать и если кто / Станет в страхе отводить обвинение от своего друга или от себя» (ст. 233–234). Кроме того, выражение μ' ἀραῖον ἔλαβες совпадает с приведенными выше словами из финала трагедии, где сам Эдип оказывается «подведенным под проклятие»: ἀραῖος, ὡς ἠράσατο, словами, которые отсылают именно к его указу об исключении из общественной жизни.

Наконец, только при такой интерпретации проклятия понятен обмен репликами между Эдипом и хором, следующий после монолога Эдипа (ст. 292–296). Герой выражает здесь сожаление, что, хотя все слышали о том, что Лая убили какие-то путники, никто не видел убийцу (τὸν δὲ δρῶντ' οὐδεὶς ὁρᾷ, 293). Хор предполагает, однако, что если убийце ведом страх, то он не устоит перед проклятием Эдипа (ἀλλ' εἴ τι μὲν δὴ δείματός γ' ἔχει μέρος / τὰς σὰς ἀκούων οὐ μενεῖ

[2] Classen 1861; Knox 1957, 81–82; 1959; Carawan 1999.

[3] См. Finglass 2018, 261, комм. к ст. 276–278.

τοιάσδ' ἀράς, 294–295). У этой реплики может быть только один смысл: по мнению хора, убийца непременно расскажет о своем поступке и тогда освободится от проклятия[4]. Значит, хор считает проклятие действующим только в том случае, если убийца скрывается; именно сокрытие тайны, а не убийство само по себе, является основанием для настоящего наказания.

Итак, как мы видим, требование Эдипа в ст. 236–243 можно понимать двумя способами, и в пользу каждой интерпретации есть убедительные доказательства. Каждый комментатор выбирает одну из этих двух трактовок и отвергает другую, что всегда приводит к искусственному или просто неверному пониманию слов и самого этого указа, и других связанных с ним пассажей. Посмотрим сначала, какие ошибки допускают те ученые, которые относят проклятие к фиванцам, укрывающим убийцу, отрицая, что оно может относиться к самому убийце.

Начнем с текста этого повеления. Как я отметил выше, Эдип требует исключить «этого человека» из жизни в городе, ссылаясь на оракул, который указал на существование в городе μίασμα (ст. 241–243):

...ὡς μιάσματος
τοῦδ' ἡμὶν ὄντος, ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ
μαντεῖον ἐξέφηνεν ἀρτίως ἐμοί.,

...зная,
Что это – наша скверна, как только что открыло мне
Пифийское пророчество бога.

Естественно было бы связывать μίασμα именно с убийцей и понимать вводимый союзом ὡς причастный оборот в причинном значении – так же, как он употреблен далее, когда это проклятие повторяет Тиресий, относя его к убийце Эдипу ἐννέπω σὲ... / <...> / ...προσαυδᾶν μήτε τούσδε μήτ' ἐμέ, / ὡς ὄντι γῆς τῆσδ' ἀνοσίῳ μιάστορι (ст. 350–353). Обычно в τοῦδε видят родительный падеж мужского рода от ὅδε; мы остановимся подробнее на этой фразе дальше и предложим несколько иную ее интерпретацию, однако в любом случае очевидно, что именно убийца является главным носителем μίασμα и именно с убийцей связывает μίασμα оракул, о котором упомянул Эдип (ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ / μαντεῖον ἐξέφηνεν ἀρτίως ἐμοί, 242–243). Нокс в своем переводе[5], относя слова Эдипа не к убийце, а к человеку, знающему, но скрывающему правду, понимает первое ὡς, вводящее причастный оборот, не в причинном, а в сравнительном значении – «как если бы он сам был носителем скверны» (as if he were himself the source of infection). Кэревен видит здесь еще более сильное, прямое утверждение; по его мнению, зрителям и так ясно, что посвященный в тайну убийства является носителем скверны, поэтому причастный оборот может иметь и причинный смысл (all must drive him from homes as a defiler of us all). Но в обоих случаях неясной оказывается отсылка

[4] Фингласс понимает это место иначе. Он считает, что, по мнению хора, убийца в страхе перед проклятием Эдипа должен бежать. Однако едва ли тайное бегство убийцы могло бы рассматриваться как исполнение воли Аполлона и удовлетворило бы Эдипа. Фингласс в подтверждение своей точки зрения ссылается на слова из первого стасима ὥρα νιν / ἀελλάδων / ἵππων σθεναρώτερον / φυγᾷ πόδα νωμᾶν (ст. 466–468), но там бегство – это поэтический образ, описывающий уход убийцы в изгнание.

[5] Knox 1959.

к словам оракула – оракул ведь не говорил о том, что гнать нужно того, кто знает, но скрывает убийцу, или что именно с этим человеком связана скверна. Кэревен оставляет эту непоследовательность в своей интерпретации без объяснения, а Нокс в своем переводе просто сглаживает ее. Он полагает, что ссылка на Аполлона объясняет только слово μίασμα, а не весь предшествующий оборот (as if he were himself the source of infection *which* Apollo's oracle has just made known to me). В таком случае, однако, в греческом тексте должно было бы стоять ὅ, а не ὡς.

Кэревен пытается отнести к потенциальному информанту и все последующие пассажи, возвращающие нас к этому проклятию[6]. По его мнению, когда Тиресий в гневе приоткрывает Эдипу тайну, заявляя, что тот сам должен подвергнуться определенному им наказанию (ἐννέπω σὲ τῷ κηρύγματι / ᾧπερ προεῖπας ἐμμένειν, 350–351), он говорит лишь о том, что Эдип знает убийцу, но пока еще не называет убийцей его самого. Но как же быть тогда со следующим утверждением Тиресия, в котором он проясняет смысл своего загадочного намека? Тиресий говорит здесь прямо: φονέα σέ φημι τἀνδρὸς οὗ ζητεῖς κυρεῖν – «Я утверждаю, что ты и есть убийца того человека, которого ты ищешь» (ст. 362). По мнению Кэревена, φονέα употреблено в этой фразе в значении не «убийцы», а «виновного в той же мере, что и убийца». Такая интерпретация, разумеется, невозможна и вызвана лишь желанием ученого вычитать в реплике нужный ему смысл. Это же желание ведет его и к весьма сомнительной трактовке двух других пассажей, в которых о проклятии вспоминает сам Эдип – сначала опасаясь, что он может оказаться убийцей (ст. 813–820), а затем убедившись в этом (ст. 1290–1291). По его мнению, Эдип имеет в виду здесь лишь свое «дополнительное» проклятие, обращенное им к самому себе в том случае, если он скрывает убийцу у себя в доме (ст. 249–251). Сложно поспорить с тем, что он неслучайно произносит это «дополнительное» проклятие и что оно также отзывается в конце драмы, однако главная и наиболее трагичная перекличка возникает здесь, безусловно, с его самым сильным и наиболее эмоциональным повелением, высказанным им в ст. 236–243, и возникает она, поскольку Эдип оказывается убийцей, а не тем, кто знает, но скрывает правду.

С другой стороны, тем комментаторам, которые связывают ст. 236–243 исключительно с убийцей, тоже приходится для доказательства своего мнения прибегать к надуманным толкованиям.

Обратимся сначала к самому требованию исключить виновного из общения и к контексту, в котором оно звучит. Сначала Эдип обещает снисхождение или награду тем, кто расскажет о преступлении. Затем он начинает говорить о том, что готов он сделать в случае, если фиванцы будут молчать. Естественно, его слова должны звучать угрозой, и угроза должна быть обращена к тем, кто ослушается, т.е. к тем, кто будет молчать (ст. 233–235):

εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καί τις ἢ φίλου
δείσας ἀπώσει τοὔπος ἢ καὐτοῦ τόδε,
ἃκ τῶνδε δράσω, ταῦτα χρὴ κλυεῖν ἐμοῦ.

Но если вы будете молчать и если кто
Станет в страхе отводить обвинение от своего друга или от себя,
Стоит вам услышать, что я сделаю тогда.

[6] Carawan 1999, 213–217.

Комментаторы, для которых последующее проклятие обращено к убийце, вынуждены понимать эти три стиха иначе. Генри и вслед за ним Фингласс объясняют их так[7]. По их мнению, Эдип не угрожает, а готов согласиться с тем, что убийцу не выдадут. Своим требованием исключить убийцу из социальной жизни он хочет только лишь уменьшить риск скверны – он ждет от фиванцев, чтобы они, если уж они не готовы совсем избавиться от скверны, по крайней мере ограничили ее, прекратив общение с убийцей. Так, кстати, понимает это место и Шервинский, который переводит его:

Но если *даже* вы и умолчите,
За друга ли страшась иль за себя,–
Дальнейшую мою узнайте волю:
Приказываю, кто бы ни был он,
Убийца тот, в стране, где я у власти,
Под кров свой не вводить его и с ним
Не говорить...

Такая интерпретация не только ослабляет значение этого требования, лишая его силы грозного проклятия, способного отзываться в решающие моменты драмы, она невозможна и грамматически. В футуральном условном предложении εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καί τις ἢ φίλου / δείσας ἀπώσει τοὔπος ἢ καὐτοῦ τόδε употреблен не конъюнктив, а эмфатические формы будущего времени, которые должны выражать значение наставления или угрозы. Таким образом, повеление Эдипа может быть только угрозой, адресованной тем, кто откажется говорить.

Те, кто относит проклятие Эдипа исключительно к убийце, обращают внимание на выражение τὸν ἄνδρα τοῦτον в ст. 236. По мнению Фингласса, обобщающее τις, стоящее в придаточном предложении, не может быть продолжено этой эмфатической и очень конкретной фразой, и потому τὸν ἄνδρα τοῦτον не может относиться к тем, кто молчит – оно обязательно должно относиться к убийце[8]. Этот аргумент, однако, ошибочен. Мы встречаем похожее употребление οὗτος ὁ ἀνήρ в общем, а не в конкретном значении, и тоже с отсылкой к предшествующему предложению, например в «Антигоне», ст. 666–671:

ἀλλ' ὃν πόλις στήσειε, τοῦδε χρὴ κλύειν
καὶ σμικρὰ καὶ δίκαια καὶ τἀναντία.
καὶ τοῦτον ἂν τὸν ἄνδρα θαρσοίην ἐγὼ
καλῶς μὲν ἄρχειν, εὖ δ' ἂν ἄρχεσθαι θέλειν,
δορός τ' ἂν ἐν χειμῶνι προστεταγμένον
μένειν δίκαιον κἀγαθὸν παραστάτην.

Кого назначит город, того нужно слушаться
И в малом, и в большом, и в правом, и в неправом,
И я могу быть уверен, что этот человек (т.е. тот, кто станет слушаться)
Стал бы так же хорошо управлять, как он соглашается быть хорошо управляемым,
И в буре копья будет твердо стоять на своем месте
Правым и добрым защитником.

Здесь τοῦτον τὸν ἄνδρα относится к еще более обобщенному персонажу – даже не к τις, а невыраженному неопределенному субъекту глагола κλύειν. В другом

[7] Henry 1969, 126; Finglass 2018, 248.
[8] Finglass 2018, 248.

примере, из «Филоктета» (ст. 456–458), совершенно как и в словах Эдипа, οὗτοι οἱ ἄνδρες в главном предложении резюмирует предшествующее придаточное, также имеющее обобщающий смысл (его вводит ὅπου «всюду где»):

ὅπου δ' ὁ χείρων τἀγαθοῦ μεῖζον σθένει
κἀποφθίνει τὰ χρηστὰ χὠ δειλὸς κρατεῖ,
τούτους ἐγὼ τοὺς ἄνδρας οὐ στέρξω ποτέ.

Там, где худший сильнее доброго
И где честность уступает и подлый побеждает,–
Такие люди никогда не станут моими друзьями.

Тем комментаторам, которые видят в τοῦτον τὸν ἄνδρα убийцу, а не того, кто его укрывает, приходится как-то обходиться и с тем проклятием, которое Эдип обратил против себя. Эдип говорит (ст. 249–251):

ἐπεύχομαι δ', οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος
ἐν τοῖς ἐμοῖς γένοιτ' ἐμοῦ ξυνειδότος,
παθεῖν ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην.

И о себе я молю – если в моем доме
Я буду делить с ним очаг, зная это,
То пусть со мной случится то же, что я сейчас призывал на их головы.

Местоимение τοῖσδε должно отсылать к хору, к фиванцам; следовательно, Эдип говорит здесь о готовности принять на себя то наказание, которым он только что угрожал гражданам Фив. Если предполагать, что высказанное им только что требование исключить из общения касалось всякого фиванца, не доносящего на убийцу, это новое проклятие понятно и стоит на своем месте. Если же под τοῦτον τὸν ἄνδρα имелся в виду убийца, какой смысл тогда несут в себе слова ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην? Почему Эдип употребляет это указательное местоимение, указывающее на присутствующее лицо, и к тому же во множественном числе? Джебб и Кэмпбелл полагают, что ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην отсылает к проклятию в адрес убийцы, произнесенному в ст. 246–248: κατεύχομαι δὲ τὸν δεδρακότ', εἴτε τις / εἷς ὢν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα, / κακὸν κακῶς νιν ἄμορον ἐκτρῖψαι βίον «А совершивший это, я молю,– был ли он один / Или средь большего числа, что неизвестно нам, – / Пусть он так же мерзко, как и сам он мерзок, изотрет в несчастьях свою жизнь». Они полагают, что множественное число τοῖσδε вытекает из предположения Эдипа о том, что убийц могло быть несколько (εἴτε τις εἷς ὢν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα)[9]. Однако едва ли героя настолько заботит это предположение, чтобы начать говорить об убийцах во множественном числе; фраза εἴτε τις εἷς ὢν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα – это скорее риторическое перечисление всех существующих возможностей, нежели самостоятельное суждение. Еще более очевидное возражение можно привести, обратив внимание на наречие ἀρτίως. По мнению Джебба и Кэмпбелла, оно должно отсылать к предыдущей фразе. Однако в тех случаях, когда ἀρτίως указывает на какие-то слова, прежде сказанные в тексте, оно всегда возвращает нас к ним назад – возвращает после иной беседы, иных рассуждений или иных событий. «Как я только что сказал» звучит всегда напоминанием; это выражение не может

[9] Jebb 1914, 44, комм. к ст. 246 и 45, комм. к ст. 251; Campbell 1879, 162, комм. к ст. 246–251.

следовать непосредственно после сказанных слов (ср. все примеры из Софокла: ἀρτίως в «Аяксе» 1321 возвращает к предыдущей сцене, заканчивающейся на ст. 1315, в «Электре» 347 – к ст. 333–334, 481 – к 417–423, в «Царе Эдипе» 243 и 474 – к 96–98, 726 – к 716, 745 – к проклятию в ст. 236–237, 1054 – к 859–860, в «Трахинянках» 346 – к 248–290, в «Филоктете» 764 – к 656–657). Другие комментаторы и издатели предпочитают исправлять текст. Риббек перенес эти стихи в конец монолога, вставив их после заключительного проклятия Эдипа, обращенного против всех тех, кто не исполнит его указа (καὶ ταῦτα τοῖς μὴ δρῶσιν εὔχομαι θεοὺς / μήτ' ἄροτον αὐτοῖς γῆς ἀνιέναι τινὰ / μήτ' οὖν γυναικῶν παῖδας, ἀλλὰ τῷ πότμῳ / τῷ νῦν φθερεῖσθαι κἄτι τοῦδ' ἐχθίονι, 269–272)[10]. Однако это обобщающее проклятие прекрасно завершает монолог, и упоминание затем частного случая Эдипа нарушает риторическую концовку; кроме того, оно неудачно вторгается между этим проклятием и таким же обобщающим пожеланием благоденствия всем тем, кто согласится исполнять повеления царя (ὑμῖν δὲ τοῖς ἄλλοισι Καδμείοις, ὅσοις / τάδ' ἔστ' ἀρέσκονθ', ἥ τε σύμμαχος Δίκη / χοἱ πάντες εὖ ξυνεῖεν εἰσαεὶ θεοί, 273–275). Фингласс и Ллойд-Джонс вслед за Векляйном исключают ст. 249–251 из текста[11]; однако в этих стихах присутствует и, возможно даже, сильнее всего выражена та трагическая ирония, которой исполнен весь монолог Эдипа, – ирония, заключающаяся в том, что Эдип действительно обращает свои слова на себя самого.

Из всего сказанного выше может следовать один только вывод: обе интерпретации повеления Эдипа отказать виновному в общении верны, оно направлено и против убийцы, и против тех из фиванцев, кто скроет правду. Его проклятие оказывается двусмысленным[12], или, вернее, непоследовательным. В том контек-

---

[10] Ribbeck 1858.

[11] Wecklein 1880; Finglass 2018, 251; Lloyd-Jones 1994.

[12] Предположение о двойной референции проклятия высказал Дайсон, который усматривает здесь сознательную авторскую двусмысленность (Dyson 1973, 205–206). По его мнению, важный факт, известный зрителям, но непонятный пока Эдипу, – это тождество свидетеля и убийцы, и амбивалентность проклятия должна подчеркивать, для осведомленной публики, это тождество. Еще один пример того же отождествления Дайсон находит в следующей за монологом беседе Эдипа с хором (ст. 292–296), уже упоминавшейся выше. Здесь на слова хора о гибели Лая θανεῖν ἐλέχθη πρός τινων ὁδοιπόρων (ст. 292) Эдип, согласно рукописному чтению, отвечает: ἤκουσα κἀγώ· τὸν δ'ἰδόντ' οὐδεὶς ὁρᾷ (ст. 293). При таком чтении речь должна идти о свидетеле, скрывающемся и тем самым скрывающем правду. Следующая реплика хора ἀλλ' εἴ τι μὲν δὴ δείματός γ' ἔχει μέρος / τὰς σὰς ἀκούων οὐ μενεῖ τοιάσδ' ἀράς (ст. 294–295) в этом случае должна тоже относиться к свидетелю. Однако Эдип неожиданно относит ее не к свидетелю, а к убийце: ᾧ μή 'στι δρῶντι τάρβος, οὐδ' ἔπος φοβεῖ (ст. 296). По мнению Дайсона, здесь вновь мы сталкиваемся с отождествлением свидетеля и убийцы – идеей, которая, как считает исследователь, сидит «глубоко в сознании царя». Эта интерпретация, однако, никак не может быть верной. Во-первых, мы должны предполагать, что слова персонажа выражают не его мысли, а его подсознательные представления, что чуждо всему строю греческой трагедии. Во-вторых, Эдип убежден в том, что у этого убийства не было постороннего свидетеля. Единственный человек, присутствовавший при нем и оставшийся в живых,– это один из слуг Лая, который, как доложили Эдипу, в страхе убежал и не видел ничего, кроме того, что убийц было много (118–123). Потому мы,

сте, в котором звучат эти слова, мы ждем угрозы в адрес укрывателя убийцы, однако само по себе повеление скорее должно относиться к убийце; затем в течение драмы эти слова наделяются то одним, то другим смыслом.

Можно высказать некоторые предположения о причинах этой непоследовательности. Она может быть обусловлена тем, что Софокл, строя монолог Эдипа, стремится одновременно решить две драматические задачи. Во-первых, монолог начинает действие, заключающееся в постепенном раскрытии убийства Лая. Эдип должен провозгласить указ, позволяющий ему начать поиски убийцы – указ, требующий от фиванцев назвать убийцу. Развязкой этой сюжетной линии станет момент узнавания, т.е. обнаружение убийцы. Во-вторых, здесь Софокл заставляет Эдипа произнести в адрес убийцы проклятие, которое также будет иметь важнейшее значение для сюжета: автор будет возвращаться к нему на протяжении всей драмы, и оно определит судьбу Эдипа после узнавания. Обе эти задачи автор решает, иронически подчеркивая непонимание Эдипом своего положения. С одной стороны, герой требует поделиться с ним информацией, не понимая, что он сам и владеет ею. С другой стороны, он угрожает наказанием убийце, не понимая, что он сам этим убийцей и является.

Эти две композиционные задачи определяют и две риторические функции монолога – он оказывается одновременно и указом, обращенным к фиванцам, и проклятием убийце. Начинается он как указ, содержащий требование разоблачить убийцу (ст. 224–226):

ὅστις ποθ’ ὑμῶν Λάιον τὸν Λαβδάκου
κάτοιδεν ἀνδρὸς ἐκ τίνος διώλετο,
τοῦτον κελεύω πάντα σημαίνειν ἐμοί.

Если кто-нибудь из вас знает, кто
Убил Лая, сына Лабдака,
Я велю все сообщить мне.

Затем Софокл обращается к типичной для указов формуле – обещает награду законопослушным гражданам и грозит наказанием тем, кто не подчинится[13]. Естественно, награда полагается тем, кто расскажет об убийце, а наказание – тем,

---

несомненно, должны вместе с Финглассом (Finglass 2018, 264, комм. к ст. 293) принять конъектуру в ст. 293 τὸν δὲ δρῶντ’ οὐδεὶς ὁρᾷ.

С Дайсоном невозможно согласиться не только из-за неверного прочтения им ст. 293. Тождество свидетеля и убийцы не может быть таинственной истиной, известной зрителям, но ускользающей до поры до времени от Эдипа. Это тождество – очевидный факт для всех: убийца всегда является свидетелем своего преступления. Прекрасно понимает это и Эдип, дважды повторяя в своем указе, что убийца обязан донести на себя (ст. 227–228 и 234); не понимает он того, что сам является этим убийцей и свидетелем. Таким образом, если амбивалентность этого пассажа специально задумана автором, цель ее объяснить не удается.

[13] Похожий контраст мы встречаем, например, в указе Креонта в «Антигоне». Креонт назначает посмертные почести Этеоклу, посмертное наказание – отказ в погребении – Полинику, сражавшемуся против родного города, и заканчивает свой эдикт словами, подчеркивающими противоположное отношение к законопослушным и к негодным гражданам: τοιόνδ’ ἐμὸν φρόνημα, κοὔποτ’ ἔκ γ’ ἐμοῦ / τιμῇ προέξουσ’ οἱ κακοὶ τῶν ἐνδίκων. / ἀλλ’ ὅστις εὔνους τῇδε τῇ πόλει, θανὼν / καὶ ζῶν ὁμοίως ἔκ γ’ ἐμοῦ τιμήσεται (ст. 207–210).

кто станет молчать. Однако поэт хочет вписать в этот контекст еще одну, совсем другую тему – наказание убийцы, и он вводит убийцу в обе части этой формулы. Оказывается, что прежде всего от самого убийцы Эдип и ждет информации. Если убийца откроется, то он лишь удалится из страны, не понеся никакого иного наказания (κεἰ μὲν φοβεῖται τοὐπίκλημ' ὑπεξελὼν / αὐτὸς κατ' αὐτοῦ· –πείσεται γὰρ ἄλλο μὲν / ἀστεργὲς οὐδέν, γῆς δ' ἄπεισιν ἀβλαβής, – «И если он боится (рассказать), вынув обвинение сам против себя, то ведь с ним не случится никакой другой беды, и он уйдет из нашей земли невредимым», 227–229); если же он не исполнит требования Эдипа и продолжит скрываться, он будет (разумеется, после разоблачения) исключен из социальной жизни в городе. Убийца становится главным объектом угрозы Эдипа. Хотя царь и упоминает вместе с ним тех его близких, кто может его укрывать (καί τις ἢ φίλου / δείσας ἀπώσει τοὔπος, 233–234), важен Софоклу именно сам убийца. Он назван в конце этого условного придаточного предложения (ἢ χαὐτοῦ, 234), так что фразу τὸν ἄνδρ' ἀπαυδῶ τοῦτον зрители должны отнести прежде всего к нему.

Это вплетение проклятия убийцы в указ, требующий поделиться информацией, рождает и другие проблемы помимо смысловой двойственности самого проклятия. Во-первых, не совсем ясно, чем судьба убийцы, если он сознается, на деле будет отличаться от его судьбы, если он будет молчать. И в том, и в другом случае ему грозит изгнание. И его уход из страны безо всякого другого ущерба для него в первом случае, и его исключение из жизни в городе во втором, по сути, являются одинаковым наказанием: и то, и другое означает изгнание. Контраст создается здесь исключительно риторически, противопоставлением слову ἀβλαβής длинной череды фраз, выражающих идею наказания: μήτ' ἐσδέχεσθαι μήτε προσφωνεῖν τινά, / μήτ' ἐν θεῶν εὐχαῖσι μήτε θύμασιν / κοινὸν ποεῖσθαι, μήτε χέρνιβος νέμειν· / ὠθεῖν δ' ἀπ' οἴκων πάντας (ст. 238–241).

Вторая проблема, которую приходится решать автору, – как превратить эту угрозу наказания, являющуюся изначально частью указа, в проклятие. Это необходимо Софоклу для того, чтобы далее в трагедии, при обращении к этому пассажу, он звучал с особой силой и действительно определял всю последующую судьбу героя: за исполнением наказания, на которое он сам себя обрек, должны надзирать боги. Потому Эдип сразу же делает свой указ проклятием. Торжественно завершая указ словами ἐγὼ μὲν οὖν τοιόσδε τῷ τε δαίμονι / τῷ τ' ἀνδρὶ τῷ θανόντι σύμμαχος πέλω (ст. 244–245), он добавляет к нему проклятие в адрес убийцы: κατεύχομαι δὲ τὸν δεδρακότ', εἴτε τις / εἷς ὢν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα, / κακὸν κακῶς νιν ἄμορον ἐκτρῖψαι βίον (ст. 246–248), – а затем называет словом ἀρά уже и само требование исключить убийцу или его укрывателя из общения – в новом проклятии, обращенном уже к себе самому, Эдип говорит ἐπεύχομαι ... παθεῖν ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην (ст. 249–251)[14].

---

[14] На жанровую двойственность монолога, включающего в себя сразу и указ, и проклятие, обратил внимание Дайсон (Dyson 1973). Он полагает, правда, что сначала требование об исключении виновного из общения звучит только как часть указа и лишь впоследствии, в следующих частях пьесы, переосмысляется как проклятие. По его мнению, Эдип добавляет проклятие в ст. 246–248, имея в виду ситуацию, в которой убийца останется не разоблачен: тогда пусть боги сделают его жизнь несчастной. Однако этот

Итак, смысловая двойственность ст. 236–243 возникает оттого, что этот пассаж, задуманный и необходимый автору в качестве проклятия убийце, помещается в контекст указа, требующего от фиванцев выдать убийцу. Эта двойственность соответствует и тем двум ролям, которые, не догадываясь о том, играет сам Эдип и которые иронически подчеркивает Софокл: Эдип – и убийца, и знает об убийстве; к нему относятся все те проклятия, которые он адресует и убийце, и его укрывателям.

Теперь стоит посмотреть, как Софокл пытается разрешить возникшую непоследовательность в самом разбираемом пассаже.

Как мы уже отмечали, основанием для исключения виновного из общения в городе назван здесь тот факт, что он, согласно оракулу, является носителем μίασμα (ὡς μιάσματος / τοῦδ' ἡμὶν ὄντος, ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ / μαντεῖον ἐξέφηνεν ἀρτίως ἐμοί, 241–243). Это справедливо по отношению к убийце, но никак не применимо к скрывающему правду возможному информанту. Потому Эдип адресует свое проклятие не всякому информанту, а только самому убийце и его близким (εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καί τις ἢ φίλου / δείσας ἀπώσει τοὔπος ἢ χαὐτοῦ τόδε, 233–234). Близкие, находящиеся в непосредственном общении с убийцей, подвержены той же скверне, что и он сам; поэтому Эдип готов обратить проклятие и против себя, если он сознательно укрывает убийцу в собственном доме (ἐπεύχομαι δ', οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος / ἐν τοῖς ἐμοῖς γένοιτ' ἐμοῦ ξυνειδότος, / παθεῖν ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην, 249–251). Прекрасной иллюстрацией этого представление является одно место из диалога Платона «Евтифрон», которое обнаруживает столь большую лексическую близость пассажу из «Царя Эдипа», что его можно было счесть аллюзией на текст Софокла. Евтифрон объясняет Сократу, что он прав, преследуя своего отца, которого считает виновным в гибели фета, т.е. наемного работника. По его словам, если бы он стал жить в одном доме с убийцей, разделяя с ним очаг, и, зная об убийстве, не донес бы на отца, на него распространилась бы скверна:

> Γελοῖον, ὦ Σώκρατες, ὅτι οἴει τι διαφέρειν εἴτε ἀλλότριος εἴτε οἰκεῖος ὁ τεθνεώς, ἀλλ' οὐ τοῦτο μόνον δεῖν φυλάττειν, εἴτε ἐν δίκῃ ἔκτεινεν ὁ κτείνας εἴτε μή, καὶ εἰ μὲν ἐν δίκῃ, ἐᾶν, εἰ δὲ μή, ἐπεξιέναι, ἐάνπερ ὁ κτείνας συνέστιός σοι καὶ ὁμοτράπεζος ᾖ· ἴσον γὰρ τὸ μίασμα γίγνεται ἐὰν συνῇς τῷ τοιούτῳ συνειδὼς καὶ μὴ ἀφοσιοῖς σεαυτόν τε καὶ ἐκεῖνον τῇ δίκῃ ἐπεξιών (4b–c).
>
> Смешно, Сократ, что ты думаешь, будто есть какая-то разница, был ли погибший мне чужим или близким, и не нужно обращать внимание только на то, правильно ли убил убивший или нет, и если правильно, то оставить его в покое, а если нет, то преследовать – поскольку убивший делил со мной очаг и стол. Ведь равная возникает скверна, если ты находишься вместе с таким человеком, зная о нем, и не очищаешь и себя, и его, преследуя его правосудием.

Второй способ, с помощью которого Софокл смягчает непоследовательность своего текста, – это некоторая неопределенность фразы ὡς μιάσματος τοῦδ' ἡμὶν

случай Эдип рассматривать не может. Единственная цель, к которой он стремится, – это раскрытие личности убийцы. Дайсон неверно понимает и фразу ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην в ст. 251, относя вслед за Джеббом τοῖσδε к убийцам, упомянутым в ст. 247. Как мы видели, такое понимание τοῖσδε невозможно, это местоимение может отсылать только к объекту угрозы в ст. 236–243; таким образом, уже здесь, в ст. 251, эта угроза названа проклятием.

ὄντος (ст. 241–242). Любопытно, что Тиресий, цитируя указ Эдипа в следующей сцене, немного меняет слова и всю конструкцию. Он велит царю (ст. 350–353):

ἐννέπω σὲ τῷ κηρύγματι
ᾧπερ προεῖπας ἐμμένειν, κἀφ' ἡμέρας
τῆς νῦν προσαυδᾶν μήτε τούσδε μήτ' ἐμέ,
ὡς ὄντι γῆς τῆσδ' ἀνοσίῳ μιάστορι.

Я велю тебе выполнять
То решение, что ты провозгласил, и с нынешнего дня
Не обращаться с речью ни к этим людям, ни ко мне,
Поскольку ты и есть нечестивый осквернитель нашей земли.

Вместо μίασμα он прибегает к слову μιάστωρ, однозначно указывающему на убийцу, и относит причастную конструкцию к σέ (дательный падеж зависит от глагола ἐννέπω, и употреблен он здесь вместо родительного, чтобы причастный оборот не оказался зависящим от ἐμέ). Таким образом, здесь эта фраза совершенно определенно указывает на убийцу Эдипа, являющегося источником скверны и потому подлежащего наказанию. В монологе Эдипа, однако, тот же причастный оборот звучит совсем иначе. Слово μίασμα описывает не человека, а явление[15]; причастная конструкция не согласована с τὸν ἄνδρα τοῦτον, а употреблена абсолютно; местоимение τοῦδε едва ли может относить ее к «этому человеку», определенному совсем другим указательным местоимением. Кажется, эти три грамматических факта в совокупности говорят о том, что Эдип имеет в виду не столько убийцу, сколько вообще скверну, происходящую от убийства. τοῦδε тогда стоит понимать как форму среднего рода, а не мужского: «Поскольку это – скверна для нас». τόδε и μίασμα, обозначающие не конкретного человека, а вообще все явление скверны, могут быть отнесены уже к любому, на кого скверна распространяется, и при такой интерпретации фраза будет объяснять, почему отверженным должен оказаться не только сам убийца, но и его близкие.

В этой статье я коснулся важной особенности стиля Софокла, которую необходимо учитывать при интерпретации его текста. Комментаторам свойственно ожидать от текста логического порядка и последовательности. Однако часто они добиваются этого порядка, искажая очевидный смысл отдельных мест. Нам стоит признать, что поэт может допускать непоследовательность, жертвуя ясностью в изложении фактов ради других целей, которые оказываются для него важнее. Софокл в большей степени стремится к риторической выразительности и к драматической целостности, нежели к логической ясности и определенности. В данном случае он создает пассаж большой эмоциональной силы, к которому персонажи смогут обращаться вновь и вновь в течение всей драмы и который определит в конце концов саму судьбу Эдипа. Этот пассаж помещен в не вполне подходящий контекст, автор пытается сгладить противоречия, возникающие между пассажем и его контекстом, некоторая несогласованность все же остается, но это Софоклу не очень важно, так как его художественные задачи совсем иные.

---

[15] В классической греческой литературе μίασμα лишь однажды обозначает человека, являющегося источником скверны, – в ст. 1028 из «Хоэфор», который, возможно, является позднейшей вставкой (см. Fraenkel 1950, 778 и 815).

Литература / References

Blaydes, F.H.M. (ed.) 1859: *Sophocles, with English Notes*. Vol. I. London.
Campbell, L. (ed.) 1879: *Sophocles*. Vol. I. *Oedipus Tyrannus. Oedipus Coloneus. Antigone*. 2nd ed. Oxford.
Carawan, E. 1999: The edict of Oedipus (*Oedipus Tyrannus* 223–51). *American Journal of Philology* 120, 187–222.
Classen, J. 1861: Ueber die Rede des Königs Oedipus in Sophokles *O.R.* 216–275 [mit Erwiderung]. *Rheinisches Museum für Philologie* 16, 489–500.
Dyson, M. 1973: Oracle, edict, and curse in *Oedipus Tyrannus*. *Classical Quarterly* 23/2, 202–212.
Finglass, P. (ed.) 2018: *Sophocles. Oedipus the King*. Cambridge.
Fraenkel, E. (ed.) 1950: *Aeschylus. Agamemnon*. Vol. I–III. Oxford.
Henry, A.S. 1969: Sophocles, *Oedipus Tyrannus* 222–43. *Classical Review* 19/2, 125–126.
Jebb, R. (ed.) 1914: *Sophocles: The Plays and Fragments*. Pt.I. *The Oedipus Tyrannus*. 3rd ed. Cambridge.
Knox, B.M.W. 1957: *Oedipus at Thebes*. New Haven.
Knox, B.M.W. (transl.) 1959: *Sophocles. Oedipus the King*. New York.
Lloyd-Jones, H., Wilson, N.G. 1990: *Sophoclea. Studies on the Text of Sophocles*. Oxford.
Lloyd-Jones, H. (ed.) 1994: *Sophocles*. Vol. I. *Ajax. Electra. Oedipus Tyrannus*. (The Loeb Classical Library, 20). Cambridge (MA)–London.
Ribbeck, O. 1858: Zu Sophokles. *Rheinisches Museum für Philologie* 13, 129–132.
Ribbeck, O. 1861: Erwiderung an Herrn Direktor Dr. Classen: die Rede des Königs Oedipus in Sophokles O.R. 216 ff. *Rheinisches Museum für Philologie* 16, 501–510.
Schneidewin, F.W. (Hrsg.) 1856: *Sophokles*. Bd. II. *Oedipus Tyrannus*. 3. Auflage besorgt von A. Nauck. Berlin.
Wecklein, N. (ed.) 1880: *Sophocles. Oedipus Rex*. Leipzig.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 331–339
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (1021), 331–339
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014830-6

ОБ ОДНОМ ЗАБЫТОМ ОЛЬВИЙСКОМ РЕЛЬЕФЕ

Ю. А. Виноградов[1], И. Ю. Шауб[2]

[1,2] *Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия*

[1] *E-mail:* vincat2008@yandex.ru [2] *E-mail:* schaubigor@mail.ru

Статья посвящена мраморному рельефу из Ольвии, который был опубликован А.С. Уваровым в 1851 г. и с тех пор почти забыт. Этот памятник относится к IV в. до н.э. Представленная на нем религиозная процессия очень интересна; есть основание считать, что божество, к которому она направляется, – это не Асклепий и не Зевс, а Ахилл.

Ключевые слова: греческие колонии, Северное Причерноморье, Ольвия, посвятительные рельефы, религия

ON ONE FORGOTTEN OLBIAN RELIEF

Yuri A. Vinogradov[1], Igor Yu. Schaub[2]

[1,2] *Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia*

[1] *E-mail:* vincat2008@yandex.ru [2] *E-mail:* schaubigor@mail.ru

The article is devoted to a marble relief from Olbia, which was published by A.S. Uvarov in 1851 and has since been almost forgotten. This monument belongs to the fourth century BC. Aspects of the religious procession presented in the relief are explored. The article argues that there is a reason to believe that the deity whom this procession is approaching is neither Asclepius nor Zeus, but Achilles.

Keywords: Greek colonies, Northern Black Sea region, Olbia, votive reliefs, religion

Данные об авторах. Юрий Алексеевич Виноградов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН; Игорь Юрьевич Шауб – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН.

В истории античной археологии Северного Причерноморья есть немало примеров, свидетельствующих о том, что выдающиеся археологические открытия были сделаны в самом начале археологического изучения того или иного памятника. Для примера можно указать на открытие кургана Куль-Оба на Боспоре (1830 г.) или находку декрета в честь Протогена в Ольвии. Эти памятники, каждый в своем роде, стали хрестоматийно известными, но в истории науки можно указать и на другие выдающиеся открытия, которые, к сожалению, оказались надолго забытыми. К последней категории следует отнести ольвийский рельеф (см. рисунок), опубликованный А.С. Уваровым 170 лет назад[1]. Автор публикации описал его следующим образом: «Барельеф <...>, представляющий жертвоприношение Асклепию, весьма дурно сохранен; но для нас он все-таки очень важен: во-первых, как величайший из ольвийских памятников этого рода; во-вторых, несмотря на повреждение, на нем заметно еще искусство ваятеля в отчетливой отделке и правильном рисунке лиц, в одежде и в общей расстановке всего сочинения».

К сожалению, этот рельеф, о котором до самого последнего времени никто не вспоминал, скорее всего утерян. Во всяком случае, в собрании Государственного Эрмитажа его нет. По этой причине о нем мы можем судить только на основании одной имеющейся прорисовки. Можно согласиться с А.С. Уваровым, что рельеф является величайшим из ольвийских памятников или по крайней мере одним из таковых.

Рельеф, имевший шип для помещения его в постамент, изображает торжественное шествие людей, направляющихся к персонажу, сидящему на троне (нет сомнения, что это божество). В фигурах, представленных на рельефе, действительно отчетливо выступают черты классического искусства Эллады, так что его можно уверенно датировать IV в. до н.э. Немецкая исследовательница Аня Клёкнер, совсем недавно обратившая внимание на этот памятник, считает, что изображенная здесь процессия имеет сходство со знаменитым фризом Парфенона, предполагая, что рельеф, найденный в Ольвии, мог быть привезен из Афин[2]. Однако это сходство представляется весьма поверхностным, а судить о месте создания памятника, да еще столь сильно поврежденного, по его рисунку вряд ли возможно. Кроме того, в данном случае происхождение памятника не принципиально; главным для нас является вопрос о том, какое божество хотели почтить этим рельефом ольвиополиты.

Процессия, которую мы видим на рисунке рельефа, уже достигла алтаря, находящегося перед фигурой бога. Он представлен в виде атлетически сложенного мужчины, сидящего на стуле с изогнутыми ножками, несколько откинувшись на его спинку. Левой рукой он приветствует приближающихся людей, в правой, опущенной вниз руке держит чашу на высокой ножке. Справа от него изображена огромная змея, свернувшаяся и вставшая вертикально. К алтарю подходит женщина с большой корзиной на голове (канефора), за ней ведут быка, по обе стороны от которого представлено по одной фигуре, при этом женщина, изображенная

[1] Uvarov 1851, 126, табл. XIII.
[2] Klöckner 2019, 11.

на первом плане, играет на флейте, далее следует бородатый мужчина с непонятным предметом в левой руке (горшок?), процессию замыкают три женщины и ребенок (вероятно, так изображен раб).

Судя по шести буквам, сохранившимся в левом верхнем углу плиты над изображением бога (их форма не противоречит датировке рельефа), памятник имел надпись, по всей видимости, посвятительную. Но она к моменту находки рельефа уже, несомненно, исчезла, а сохранившиеся буквы ...Σ(?)ΑΤΟΜΗ(?)... (из которых первая и последняя скорее всего были очень сильно повреждены) не дают возможности прочитать здесь что-либо вразумительное. Во всяком случае, они никак не способствуют интерпретации изображения.

Необходимо отметить, что в первые десятилетия XIX в. этот рельеф был хорошо известен. Так, его описание имеется в книге П. Кёппена «Древности северного берега Понта». В ней читаем: «В *Стольном*[3], куда, как видно из сказанного выше, перевезены большею частью ольвиопольские памятники, находится из сей колонии еще один барельеф, изображающий жертвоприношение. Здесь позади жертвенника видно божество, сидящее с поднятою левою рукой; под седалищем извивается змей, которому оно правою рукою подносит сосуд. В стороне сверху на стене находится безобразная голова. Пред жертвенником останавливается *канефора* с сосудом на голове. Вслед за нею виден молодой вол в сопровождении нескольких, играющих на свирелях. Далее следует фигура с бородою (священнослужитель?) и, наконец, видны еще две фигуры, женщина и дитя. Но этот мрамор так дурно сохранился, что, к сожалению, на нем не осталось даже ни одного лица, почему и не считаем за нужное сообщать его здесь[4]. Заметим только, что над рельефом находятся следующие буквы ... ΟΞΑΤΟΜΗΙ ..., бывшие началом какой-то надписи»[5].

Это описание несколько отличается от того, что мы видим на рисунке в книге А.С. Уварова. Во-первых, П. Кёппен заметил на рельефе рядом с быком несколько флейтисток, а не одну. Вполне возможно, что их действительно было две и шествовали они по обе стороны от жертвенного животного. Во-вторых, в конце процессии Кёппен видел две фигуры (женщина и дитя), а на рисунке их четыре (три женщины и ребенок). В-третьих, буквы надписи он тоже прочел несколько по-другому, но и на сей раз они не дают возможности хотя бы приблизиться к пониманию надписи. Приходится признать, что сохранность рельефа была

---

[3] Выражаем благодарность А.И. Иванчику, указавшему нам, что Стольный – это имение А.Г. Кушелева-Безбородко, владельца с. Парутино, которое находилось неподалеку от Чернигова. В этом имении хранилось большое количество ольвийских древностей, собранных Кушелевым-Безбородко, включая декрет в честь Протогена. Там их видели П.И. Кёппен и Е.Е. Кёлер. Потом часть этих древностей была перевезена в Петербург, а часть пропала. См. также Tunkina 2002, 76, 436, 443, 444, 621.

[4] «Лучшее, известное автору замечаний изображение сего барельефа, имеющего в длину 2 фута и 10 дюймов, а вышину 1 фут и 6 дюймов, находится в неизданном еще путешествии по России гг. Бороздина и Ермолаева; рисунок, с которого он снят, хранится в Императорской Публичной Библиотеке в С.- Петербурге» (прим. П. Кёппена). Если доверять этим измерениям, то размеры рельефа составляли приблизительно 0,86 × 0,46 м.

[5] Köppen 1828, 141–142.

Рисунок. Ольвийский рельеф с изображением религиозной процессии (по: Uvarov 1851, табл. XIII)

действительно очень плохой, но тем не менее в основных деталях описание Кёппена и рисунок, воспроизведенный в книге Уварова, не противоречат друг другу.

Основной персонаж рельефа – бог, восседающий на стуле, рядом с которым стоит свернувшийся змей. Эта фигура заслуживает особого внимания. Змея входила в атрибутику нескольких богов Древней Греции – преимущественно Афины, Деметры, Аполлона, Зевса, Диониса, Асклепия[6]. По понятным причинам женское божество на ольвийском рельефе видеть невозможно, ничего характерно аполлонийского в его центральном образе тоже нет, дионисийским атрибутом можно считать разве что чашу в руке божества, но этого явно недостаточно. Теоретически здесь можно допустить присутствие Зевса (Мейлихия, Филия или Ктесия), изображение которого иногда сопровождала змея, считавшаяся его воплощением[7]. Однако это допущение не выдерживает встречи с реальностью.

Хорошо известно, что в Древней Греции змея являлась инкарнацией, а затем атрибутом Асклепия (бога врачевания)[8], и эта символика сохранила свое значение в медицинской сфере до наших дней. А.С. Уваров, как это было отмечено выше, однозначно признал, что на рельефе изображен Асклепий. И с этим можно было бы согласиться[9], если не обращать внимание на предметы, висящие на стене храма над головой божества, а они в высшей степени значимы. П. Кёппен

[6] Küster 1913, 104–119, 133–137, 140; Hoffmann 1997, 135.
[7] Küster 1913, 105–106; Cook 1925,1107–1112; Tiverios *et al.* 1997, no. 202.
[8] Cook 1925, 1082–1087.
[9] Klöckner 2019, 11.

посчитал, что на стене «находится безобразная голова», и для такого ошибочного заключения причиной стала, конечно, плохая сохранность рельефа. На самом деле рядом с божеством повешены мускульная кираса и круглый гоплитский щит[10]. В любом случае эта воинская атрибутика никак не соответствует ни образу Асклепия, ни Зевса. Кроме того, на известных нам рельефах рядом с сидящим Асклепием всегда присутствует стоящая Гигиейя[11]. Еще один момент не соответствует иконографии этих богов – безбородость. Зевс и Асклепий неизменно изображались зрелыми мужами с обильной растительностью на лице[12]. Что касается позы змеи, то у бога-целителя она, как правило, обвивает его посох. И, наконец, надежные данные о культе Асклепия в догетской Ольвии (как и в ее метрополии) отсутствуют[13]. А этот момент при основательной исследованности Ольвии немаловажен. Конечно, учитывая безбородость и подчеркнутую телесную мощь главной фигуры композиции, а также наличие в ней предметов вооружения, можно предположить, что процессия направляется к богу войны Аресу. Но его почитание в Ольвии не засвидетельствовано[14], да и в Греции он не был популярен, а памятники его культа очень редки[15]. К тому же участие в процессии женщин и ребенка совершенно не соответствует культу бога войны. Не многим более ассоциируется с его почитанием и изображение змеи, хотя, справедливости ради, нужно заметить, что какая-то связь между Аресом и змеей все же прослеживается. Об этом свидетельствует тот факт, что он считался отцом змея, убитого Кадмом (Apollod. III 4. 1; Hygin. *Fab.* 178), однако его изображений со змеей не засвидетельствовано[16].

На наш взгляд, изображение змеи на ольвийском рельефе должно в первую очередь указывать на связь главного персонажа с миром хтоническим. Не случайно изображения вздыбленных змей можно видеть на некоторых посвятительных рельефах героизированным умершим[17]. В таком контексте закономерно

---

[10] Деталь подобного щита была обнаружена в Ольвии во время археологических раскопок, см. Rusyaeva, Nazarov 1994, 45–52; Treister 1994, 52–53; Vinogradov 2006, 29–30.

[11] Holtzmann 1984, 892.

[12] Существует, правда, несколько безбородых изображений Асклепия, но на посвятительных памятниках он всегда бородат.

[13] Rusyaeva 1992, 130–132.

[14] Rusyaeva 1992, 132. Даже если реконструированное Ю.Г. Виноградовым имя Ареса на сильно поврежденной ольвийской строительной надписи эпохи Митридата VI (Vinogradov 1989, 257) соответствует реальности, посвящение башни богу войны не может рассматриваться в качестве свидетельства его ольвийского культа. А.С. Русяева, без особой уверенности принимающая версию Ю.Г. Виноградова, полагает, что посвящение скорее всего могли сделать стоявшие в Ольвии солдаты понтийского царя (Rusyaeva 1992, 132). Кстати, издатели этой надписи читали в ней не греческий теоним, но «вероятно, негреческое» личное имя, отмечая, что «сходное имя Ασαρος отнесено Згустой к числу иранских» (*HO* 75).

[15] Nilsson 1967, 517–519; Burkert 2004, 276–278. Об иконографии Ареса см. Bruneau 1984, 490.

[16] См. Bruneau 1984, 490–492.

[17] Blümel 1966, Abb. 103, 111, 119, 122.

возникает образ Ахилла, великого героя Эллады, ставшего очень популярным на Понте Евксинском[18] и почитавшегося в Ольвии в качестве бога.

Кроме рассматриваемого памятника, змея присутствует еще на одном ольвийском рельефе – мраморной плите, вероятно, конца III в. до н.э., с надписью, посвященной Благосклонно Внемлющему герою[19]. Однако и в его образе, несомненно, выступает не Асклепий, как это представлялось А.А. Белецкому[20]. Интерпретация киевского ученого почти сразу была оспорена Ж. и Л. Роберами[21]. Их критику поддержал Ю.Г. Виноградов, предположивший, что здесь изображен просто некий «хтонический гений»[22], но его интерпретация выглядит слишком неопределенно. По всей вероятности, этот рельеф посвящен Ахиллу[23]. Стоит отметить, что издатель этого памятника, хотя и приписал его Асклепию, не исключал возможности того, что под именем Благосклонно Внемлющего героя может скрываться Ахилл Понтарх[24].

Опираясь на работы П. Кречмера и И.И. Толстого[25], а также ряда других исследователей, Х. Хоммель убедительно доказал наличие в образе Ахилла черт бога мертвых[26], а В.Н. Топоров наглядно продемонстрировал хтонически-змеиную подоснову этого образа[27]. Проанализировав свидетельства античных авторов о причерноморском Ахилле и археологические находки, связанные с его культом, один из авторов данной статьи пришел к выводу, что этот гомеровский герой в своих истоках является типичным для религий восточного Средиземноморья и Ближнего Востока умирающим и воскресающим божеством – спутником многоименной Великой богини всего сущего[28]. Главным териоморфным хтоническим символом Ахилла в Ольвийском государстве, несомненно, выступала змея, о чем свидетельствуют ее неоднократные изображения на многочисленных граффити – посвящениях этому божественному герою[29]. Н.В. Пятышева предположила, что на Левке «было обиталище, может быть, мифическое, какого-то гигантского змея, которого боготворили местные племена, задолго до прихода сюда греков»[30].

Расцвет культа Ахилла на Левке, а также в Ольвии и ее округе, вероятно, был во многом обусловлен тем, что архаический Ахилл-змей греков-колонистов встретился здесь с местным божеством, имевшим схожие черты. Если хтонический, морской, сотерический, врачебный и ряд других аспектов культа Ахилла можно так или иначе объяснять, исходя из греческих реалий, то толковать подобным

---

[18] Ivantchik 2005, 68–82.
[19] Rusyaeva 1992, 74, рис. 21.
[20] Beletskiy 1969, 155–161.
[21] *Bull. ép*. 1970, 408.
[22] Vinogradov 1984, 59, прим. 29.
[23] Yaylenko 1980, 88; Rusyaeva 1992, 74–75.
[24] Beletskiy 1969, 160.
[25] Kretschmer 1913, 305–308; Tolstoy 1918.
[26] Hommel 1981, 53–76.
[27] Toporov 1990, 64–95.
[28] Shaub 2002a; 2002b; 2007, 74–75, 182–198; 2011, 157–167.
[29] См., например, Rusyaeva 2005, 472, fig. 4–12.
[30] Pyatysheva 1966, 68.

образом мифы об Ахилле, обладающем конями-людоедами (Philostr. *Her.* XIX. 20; ср. с кобылицами фракийского царя Диомеда), вряд ли допустимо. Тем более невозможно искать в них опору для понимания свидетельства об Ахилле-людоеде (Philostr. *Her.* XIX. 18)[31]. В данной связи особенно важны результаты раскопок С.Б. Буйских святилища Ахилла на Бейкушском мысу, относящегося к времени архаики. В полученных здесь материалах присутствуют граффити с именем этого божества, изображениями змей[32], а также различными магическими знаками. Они позволили В.Г. Лазаренко более наглядно и убедительно продемонстрировать древнюю местную «змеиную» подоснову культа Ахилла в Северном Причерноморье[33].

В свете всего вышеизложенного логичнее всего предположить, что на нашем рельефе представлена сцена поклонения Ахиллу, который не только в Ольвии, но и на подвластных ей территориях уже в архаическую эпоху почитался как могучий бог с разнообразными функциями, а в римское время, получив официальную эпиклезу Понтарх, даже занял безраздельно господствующее положение в пантеоне ольвиополитов.

Обширная иконография Ахилла, имеющаяся на памятниках греческого искусства[34], не может ни подтвердить, ни опровергнуть нашей интерпретации. Схожие с представленным на ольвийском рельефе изображения сидящего полуобнаженного безбородого героя известны, но они никогда не сопровождаются змеей. В то же время постоянным атрибутом Ахилла является оружие – как наступательное, так и защитное. Поэтому представляется вполне закономерным, что на одном граффито – посвящении Ахиллу, найденном в его святилище на Бейкуше (хора Ольвии), изображен гоплит в шлеме с мечом и круглым щитом[35], аналогичным тому, который мы видим на рассматриваемом рельефе.

Литература/References

Beletskiy, A.A. 1969: [The "Kindly Heeding Hero" in Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 155–161.

Белецкий, А.А. Благосклонно внемлющий герой в Ольвии. *ВДИ* 1, 155–161.

Blümel, C. 1966: *Die klassisch griechischen Skulpturen der Staatlichen Museen zu Berlin*. Berlin.

Bruneau, Ph. 1984: Ares. In: *LIMC* II, 478–492.

Burkert, W. 2004: *Grecheskaya religiya: arkhaika i klassika* [*Greek Religion: Archaics and Classics*]. Saint Petersburg.

Буркерт, В. *Греческая религия: Архаика и классика*. СПб.

---

[31] Shaub 2002a, 356–367.

[32] Buyskikh 2001, 38–39, рис. 3, *2, 3, 6*; Lazarenko 2018, 372, рис. 2.

[33] Lazarenko 2018, 300–308.

[34] См. Kossatz-Deißmann 1981, 37–222.

[35] Граффито выполнено на обточенной стенке ионийской амфоры второй половины VI в. до н.э. Не исключено, что создатель вырезанного на этом черепке изображения шагающего гоплита подразумевал в нем самого Ахилла (Buyskikh 2001, 37, рис. 3, *11*). Об исключительном значении, которое придавалось щиту Ахилла в мифологии, свидетельствуют космические масштабы изображений, представленных на этом предмете Гефестом: земля, небо, эфир, ветры, тучи, луна, солнце, звезды (Hom. *Il.* XVIII. 478–489; Quint. Smyrn. V. 4–10).

Buyskikh, S.B. 2001: [Investigation of the Achilles sanctuary on the Cape of Beykush (preliminary results)]. In: *ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Khersonesskiy sbornik* [*ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Chersonesos Collection*] *11*, 34–43.
Буйских, С.Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги). В сб.: *ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Херсонесский сборник* 11, 34–43.
Cook, A.B. 1925: *Zeus. A Study in Ancient Religion*. Vol. II. Cambridge.
Hoffmann, H. 1997: *Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases*. Oxford.
Holtzmann, B. 1984: Asklepios. In: *LIMC* II, 863–896.
Hommel, H. 1981: [Achilles the God]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 53–76.
Хоммель, Х. Ахилл-бог. *ВДИ* 1, 53–76.
Ivantchik, A.I. 2005: *Nakanune kolonizatsii* [*On the Eve of Colonisation*]. (Pontus Septentrionalis, 3). Moscow–Berlin.
Иванчик, А.И. *Накануне колонизации*. (Pontus Septentrionalis, 3). Москва–Берлин.
Klöckner, A. 2019: Attischer Import oder lokale Produktion? Ein Weihrelief aus Olbia mit ungewöhnlicher Bildsprache. In: *An den Ufern des Bugs. Internationale Fachtagung anlässlich des Jubiläums: Fünf Jahre deutsch-ukrainishe Ausgrabungen in Olbia Pontica. Zusammenfassungen der Vorträge*. Frankfurt am Main, 11.
Köppen, P. 1828: *Drevnosti severnogo berega Ponta* [*Antiquities of the North Shore of Pontus*]. Moscow.
Кёппен, П. *Древности северного берега Понта*. Москва.
Kossatz-Deißmann, A. 1981: Achilleus. In: *LIMC* I, 37–222.
Kretschmer, P. 1913: Mythische Namen. 1. Achilleus. *Glotta* 4, 305–308.
Küster, E. 1913: *Die Schlange in der griechischen Kunst und Religion*. (Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten, 13.2). Giessen.
Lazarenko, V.G. 2018: *Akhill – bog Severnogo Prichernomor'ya* [*Achilles – God of the Northern Black Sea Region*]. Izhevsk.
Лазаренко, В.Г. *Ахилл – бог Северного Причерноморья*. Ижевск.
Nilsson, M.P. 1967: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. I. 3 Aufl. München.
Pyatysheva, N.V. 1966: [An archaeological survey of Levka Island (Zmeiny Island) in the autumn of 1964]. *Trudy Gosudarsrvennogo istoricheskogo museya* [*Transactions of the State Historical Museum*] 40, 58–70.
Пятышева, Н.В. Археологическое обследование острова Левки (о. Змеиный) осенью 1964 г. *ТГИМ* 40, 58–70.
Rusyaeva, A.S. 1992. *Religiya i kul'ty antichnoy Ol'vii* [*Religion and Cults of Ancient Olbia*]. Kiev.
Русяева, А.С. *Религия и культы античной Ольвии*. Киев.
Rusyaeva, A.S. 2005. *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu. Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroev* [*Religion of Pontic Greeks in Ancient Times. Myths. Sanctuaries. Cults of Olympic Gods and Heroes*]. Kiev.
Русяева, А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев.
Rusyaeva, A.S., Nazarov, V.V. 1994: [Fragment of a shield from Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 45–52.
Русяева, А.С., Назаров, В.В. Фрагмент щита из Ольвии. *ВДИ* 1, 45–52.
Shaub, I. Yu. 2002a: [Achilles, the God of the Northern Black Sea region]. *Novyy chasovoy* [*New Guard*] 13–14, 356–367.
Шауб, И.Ю. Ахилл – бог Северного Причерноморья. *Новый часовой*, 13–14, 356–367.
Shaub, I. Yu. 2002b: [Achilles at Bosporus]. *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha* [*The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Burial Objects and Sanctuaries*]. Vol. 1. Saint Petersburg, 186–189.
Шауб, И.Ю. Ахилл на Боспоре. *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища*. Т. 1. СПб., 186–189.
Shaub, I. Yu. 2007: *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n.e.)* [*Myth, Cult, Ritual in the North Pontic Area (7th–4th cent. B.C.*]. Saint Petersburg.
Шауб, И.Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.)*. СПб.
Shaub, I. Yu. 2011: *Ellinskie traditsii i varvarskie vliyaniya v religioznoy zhizni grecheskikh koloniy Severnogo Prichernomor'ya (VI–IV vv. do n.e.)* [*Hellenic Traditions and Barbaric Influences in the Religious Life of the Greek Colonies of the Northern Black Sea Region (6th–4th cent. BC)*]. Saarbrücken.
Шауб, И.Ю. *Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.)*. Саарбрюккен.

Tiverios, M., Voutiras, E., Leventi, I., Machaira, V., Karanastassi, P., Ralli-Photopoulou, E., Kremydi-Sicilianou, S. 1997: Zeus. In: *LIMC* VIII, 310–374.

Tolstoy, I.I. 1918: *Ostrov Belyy i Tavrika na Evksinskom Ponte* [*Bely Island and Taurica on the Pontus Euxinus*]. Petrograd.

Толстой, И.И. *Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте*. Петроград.

Toporov, V.N. 1990: [About the archaic layer in the image of Achilles. (The problem of the reconstruction of the elements of prototext)]. *Obraz – smysl v antichnoy kul'ture* [*Image – Meaning in the Antique Culture*]. Moscow, 64–95.

Топоров, В.Н. Об архаическом слое в образе Ахилла. (Проблема реконструкции элементов прототекста). *Образ – смысл в античной культуре*. М., 64–95.

Treister, M.Yu. 1994: [To the find of shield lining in Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 52–53.

Трейстер, М.Ю. К находке обкладки щита в Ольвии. *ВДИ* 1, 52–53.

Tunkina, I.V. 2002: *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [*Russian Scholarship on Classical Antiquities of Southern Russia (18th to mid 19th Cent.)*]. Saint Petersburg.

Тункина, И.В. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)*. СПб.

Uvarov, A. 1851: *Issledovaniya o drevnostyakh Yuzhnoi Rossii i beregov Chernogo morya* [*Research on the Antiquities of Southern Russia and the Black Sea Shores*]. Saint Petersburg.

Уваров, А. *Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря*. СПб.

Vinogradov, Yu.A. 2006: *Schastlivyy gorod v voyne. Voennaya istoriya Ol'vii Pontiyskoy (VI v. do n.e. – IV v. n.e.)*. [*Happy City in the War. Military History of Olbia of Pontus (6th cent. BC – 4th cent. AD*]. Saint Petersburg.

Виноградов, Ю.А. *Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э.– IV в. н.э.)*. СПб.

Vinogradov, Yu.G. 1984: [A decree honouring Anthesterios and the critical situation of Olbia in the Hellenistic epoch]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 51–80.

Виноградов, Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма. *ВДИ* 1, 51–80.

Vinogradov, Yu.G. 1989: *Politicheskaya istoriya Olviyskogo polisa VII–I vv. do n.e. Istoriko-epigraficheskoye issledovaniye.* [*Political History of Olbian Polis of 7th–1st cent. B.C. Historical-Epigraphical Study*]. Moscow.

Виноградов, Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование.* М.

Yaylenko, V.P. 1980: [Graffiti of Leuka, Berezan and Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 75–116.

Яйленко, В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии (окончание). *ВДИ* 3, 75–116.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 340–393
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 340–393
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910010682-3

КОРАЛЛОВЫЕ УКРАШЕНИЯ И ЭЛЕМЕНТЫ ДЕКОРА В ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЯХ И ПРЕДМЕТАХ ТОРЕВТИКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ В КОНТЕКСТЕ ТОРГОВЛИ ЭКЗОТИЧЕСКИМИ МАТЕРИАЛАМИ В ЕВРАЗИИ

М. Ю. Трейстер

Германский археологический институт, Берлин, ФРГ

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

В статье представлен обзор украшений из благородного коралла (Corallium rubrum) в Евразии в эпоху раннего железного века. Особое внимание уделено находкам украшений из коралла в погребениях кочевников Евразии. Ранние находки коралловых бус в Южном Приуралье можно объяснить контактами с Ахеменидским Ираном, где коралл использовался для изготовления бус, бисера и подвесок. Рассматриваются возможные пути распространения коралла в Евразии в последующую эпоху, вероятно, обусловленного меняющимися политическими обстоятельствами. Анализируется

Данные об авторе. Михаил Юрьевич Трейстер – доктор исторических наук, научный сотрудник Германского археологического института (Deutsches Archäologisches Institut).

Работа выполнена в рамках проекта, финансировавшегося DFG и РГНФ: «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э.– III в. н.э.» (FL-334/15-1); партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную возможность работать в фондах музеев: О.В. Григоренко (Аксайский военно-исторический музей, Аксай, далее – АВИМ), М.Е. Филимоновой и И.Р Гусач (Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, Азов, далее – АИАПМЗ), Д.В. Васильеву (Астраханский государственный объединенный историко- архитектурный музей-заповедник, Астрахань, далее – АГОИАМЗ), Н.В. Хабаровой и А.В. Жадаевой (Волгоградский областной краеведческий музей, Волгоград, далее – ВОКМ), Ю.В. Демиденко и К.Б. Фирсову (Государственный исторический музей, Москва, далее – ГИМ), В.В. Науменко (Музей истории донского казачества, Новочеркасск, далее – МИДК), О.А. Халяпиной (Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, Оренбург, далее – ОГИКМ), А.Г. Язовских (Ростовский областной музей краеведения, Ростов-на-Дону, далее – РОМК), К.Ю. Моржерину (Саратовский областной музей краеведения, Саратов, далее – СОМК), М.В. Герасименко (Государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, Таганрог, далее – ГЛИАМЗ), С.В. Воробьевой (Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа, далее – НМРБ) и А.В. Яшину (пос. Грибановский, Народный краеведческий музей).

хронологическая эволюция форм подвесок и коралловых бус у кочевников, их корреляция со статусом погребений. В последние века до н.э. коралл начинает использоваться в качестве элементов ювелирных изделий, вставок в пряжки и поясные пластины южносибирского и центральноазиатского происхождения, а к I в. н.э.– для инкрустации широкого спектра изделий и украшений из золота, найденных в сарматских погребениях Северного Причерноморья. Есть основания рассматривать некоторые из них как импорты из Центральной Азии, другие – как изделия боспорских мастеров. Если у кельтов вставки из коралла были маркерами не только престижных предметов, то у кочевников Евразии I в. до н.э. – I в. н.э. – исключительно предметов, сопряженных с высоким социальным статусом владельца.

Ключевые слова: благородный коралл, бусы, подвески, элементы декора ювелирных украшений и предметов торевтики, скифы, сарматы, хунну, кочевники, Средиземноморье, Причерноморье, Центральная Азия, Китай, Сибирь, Евразия

CORAL JEWELLERY AND DECORATION ELEMENTS AMONG ITEMS OF JEWELLERY AND TOREUTICS FROM THE BURIALS OF NOMADS OF ASIAN SARMATIA IN THE CONTEXT OF TRADE IN EXOTIC MATERIALS IN EURASIA

Mikhail Yu. Treister

German Archaeological Institute, Berlin, Germany

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

Acknowledgements: German Science Foundation (DFG), Project FL-334/15-1

The article presents an overview of jewellery from precious coral (Corallium rubrum) in Eurasia in the early Iron Age. Particular attention is paid to the finds of coral jewellery in the burials of the Eurasian nomads. The earliest finds of coral beads in the South Urals are more likely to be explained by the contacts with Achaemenid Iran, where coral was used to make beads and pendants. The author considers possible ways of the distribution of coral in Eurasia in the subsequent period, which probably depended on the changing political circumstances. The chronological evolution of the forms of coral pendants and beads by the nomads is analyzed, and an argument is made for their correlation with the status of buried persons. In the last centuries BC coral begins to be used as elements of jewellery, inlays in buckles and belt plates of South Siberian and Central Asian origin, and by the first century AD – for inlaying of a wide range of gold items and jewellery found in Sarmatian burials of the North Pontic area. There are reasons to consider some of them as imports from Central Asia, others – as products of Bosporan masters. While among the Celts coral inlays were not markers of prestigious objects only, among the Eurasian nomads of the first century BC – first century AD they were incorporated exclusively into items marking the high social status of the buried.

Keywords: precious coral, beads, pendants, elements of decoration of jewellery and toreutics items, Scythians, Sarmatians, Xiongnu, nomads, Mediterranean, Pontic region, Central Asia, China, Siberia, Eurasia

В статье представлен обзор украшений из благородного коралла (Corallium rubrum) в Средиземноморье, Причерноморье, на Ближнем Востоке и в Евразии в эпоху раннего железного века, причем особое внимание уделено находкам украшений из коралла в погребениях кочевников Евразии.

ДАННЫЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Феофраст (372–287 гг. до н.э.) писал, что коралл растет в море (*Lap*. 38)[1]. Педаний Диоскорид (ок. 40–90 гг. н.э.), родившийся в Аназарабе в Киликии, отмечал, что красные кораллы (Corallium nobile) находят у западного побережья Южной Италии, указывая на мыс Пахин в районе Сиракуз как наиболее важный источник (*Mat. med*. V. 139)[2]. Об этом же писал и Плиний (*NH*. XXXII. 11), отмечая, что наиболее ценными источниками его являются районы острова Стоехадес в Галльском заливе, а также Эолийские острова и город Дрепана в Сицилийском море; кроме того, коралл произрастает в Грависке и у побережья Неаполя в Кампании, указывая также на кораллы, происходящие из Персидского залива и Красного моря[3].

Автор «Перипла Эритрейского моря» отмечал, что кораллы были ценным предметом экспорта из Средиземноморья в Индию[4] и не исключено, что значительная часть кораллов, по крайней мере в первые века н.э., отправлялась в Индию, тогда как сами римляне не слишком широко использовали этот материал[5]. На кораблях их доставляли в Барбарикон, порт в устье Инда, на территории современного Пакистана (*Peripl. m. Rubr.* 13. 39)[6], и южнее, в Баригазу, в устье реки Нармады на северо-западе Индии (*Peripl. m. Rubr.* 16. 49)[7], и в Музирис, на юго-западе Индостана (*Peripl. m. Rubr.* 18. 56)[8]. По мнению Л. Кассона, средиземноморский коралл вряд ли был важным товаром в экспорте в Индию, поскольку считалось, что он недостаточно высокого качества. Между тем, как отмечает М.Д. Бухарин, данные индийской традиции говорят о значительной заинтересованности местных царей в средиземноморских кораллах[9]. В ранних буддийских анналах имеется сообщение о том, что царь Цейлона Бхатикабхая отправил в Рим дары в ответ на груз красного коралла, полученный от императора Клавдия[10].

---

[1] Keller 1913, 579; Caley, Richards 1956, 53, 140–141; Rapp 2009, 7.

[2] Rapp 2009, 8.

[3] Keller 1913, 581; Rapp 2009, 233; Lapatin 2015, 185, n. 113.

[4] Feugère 2000, 206; Bukharin 2007, 120, № 133; Macrì 2012, 131–152; Lapatin 2015, 185; Iannello 2017, 110–111; Gawlikowski 2018, 17.

[5] Feugère 2000, 205–210.

[6] Casson 1989, 75; Sherkova 1991, 52, 56–57; Feugère 2000, 206; Bukharin 2007, 56; Żuchowska 2013, 383; McLaughlin 2014, 152–153; Vivero 2017, 15.

[7] Casson 1989, 81, 85; Sherkova 1991, 52, 56–57; Feugère 2000, 206; Bukharin 2007, 58; Żuchowska 2013, 383; McLaughlin 2014, 165; Vivero 2017, 16.

[8] Francis 2002, 156; Bukharin 2007, 60; McLaughlin 2014, 175.

[9] Casson 1989, 163; ср. Bukharin 2007, 120; McLaughlin 2014–2015, 24–25.

[10] Schwarz 1974, 37–38; McLaughlin 2010, 119; 2014, 198–199; 2014–2015, 21–23; Székely 2018, 53.

Считается, что кораллы впервые стали поступать в Китай в эпоху Хань с запада, а первая информация о кораллах в Китае содержится в поэме Сыма Сянжу (179–117 гг. до н.э.)[11]. В Хоу Ханьшу («История империи Поздняя Хань»), в исторической хронике, охватывающей период с 25 по 200 г. н.э., составленной в V в. н.э. историком Фань Е, кораллы включены в состав товаров, привозившихся с территории Римской империи (*Da Qin*)[12]. С наибольшей вероятностью средиземноморские кораллы поступали в Китай по южному морскому пути через Индию, при этом не исключается и возможность их поступления сухим путем через Иран и Центральную Азию[13].

КОРАЛЛЫ В ЕГИПТЕ

Бусы и веточки коралла известны по находкам в археологических памятниках Египта начиная с додинастического периода[14]. В Навкратисе коралл как материал для бус был особенно распространен именно в персидский период, в V в. до н.э., по сравнению с предыдущим периодом и птолемеевским временем здесь было найдено два ожерелья из цилиндрических пронизей розового коралла и одна бусина нерегулярной формы[15].

Хотя в некоторых текстах на санскрите из долины Инда, датируемых II–I вв. до н.э., используется термин «alasandraka», обозначающий красный коралл, как предполагается, указывающий на то, что кораллы поступали в Индию в это время через Александрию[16], находки кораллов в комплексах эллинистического времени здесь неизвестны.

Значительные количества необработанного красного коралла местного происхождения и бус, датирующихся I–V вв. н.э., были найдены при раскопках Береники, египетского порта на Красном море. Предназначались ли они для использования на месте или для экспорта в Индию, однако, неясно[17]. Из слоев позднеантичного времени в Александрии происходит больше 600 фрагментов средиземноморского коралла, преимущественно необработанного, но встречаются заготовки и готовые бусины – все это предполагает обработку коралла на месте[18], возможно, перед дальнейшей транспортировкой в Индию[19].

---

[11] Francis 2002, 154, 155; Kwan 2013, 4; Iannello 2017, 113–114.

[12] Hill 2003, sect. 12, n. 5 (URL: https://depts.washington.edu/silkroad/texts/hhshu/hou_han_shu.html#sec12; дата обращения: 13.05.2021).

[13] Hill 2003, sect. 12, n. 1 (URL: https://depts.washington.edu/silkroad/texts/hhshu/notes12.html; дата обращения: 13.05.2021). См. также: Davis-Kimball 2002, 339; Yang Juping, 2013, 88; McLaughlin 2014, 209; Żuchowska 2016, 29–30.

[14] Lukas 1958, 326 (URL: https://egyptmanchester.wordpress.com/tag/coral/; дата обращения: 12.05.2021).

[15] Thomas, Acosta 2018, 21–22, fig. 47; 25.

[16] Marzano 2013, 164; van Aerde 2018, 219.

[17] Sidebotham 2011, 239; Then-Obłuska 2016, 743; 2017, 195, 198, 206.

[18] Morand 2020, 4, table 1; 7–8; 15–16, fig. 19.

[19] De Romanis 2000, 211; Sidebotham 2011, 238; Morand 2020, 16.

Находки фрагментов веточек коралла происходят из погребений конца I в. до н.э. – начала II в.н.э. некрополя первых веков н.э. в Эд-Дур в ОАЕ[20]. При этом в раннеимператорское время коралловые бусы в Египте и Нубии практически неизвестны[21]. Значительно чаще они встречаются в позднеантичное и раннесредневековое время, преимущественно как цилиндрические пронизи[22], но известны и редкие подвески из веточек коралла[23].

КОРАЛЛЫ В ГРЕЦИИ

Хотя коралл применялся в Средиземноморье для изготовления бус по крайней мере с VI тыс. до н.э.[24], в Греции бусы из коралла использовались довольно редко, а необработанные веточки кораллов происходят главным образом из греческих святилищ, как правило, посвященных Гере или Посейдону, реже – Аполлону, Афине, в Южной Италии, Греции и Малой Азии, где они были найдены в основном в комплексах архаического времени; здесь встречаются также веточки коралла с прочерченным декором, а также резные подвески разных форм, в том числе в оправах[25]. Находки из комплексов, датирующихся позднее IV в. до н.э., мне неизвестны.

КОРАЛЛЫ В ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ЛАТЕНА

Изделия и вставки из коралла получили широкое распространение в Западной и Центральной Европе в VII–II вв. до н.э., прежде всего в эпоху Латена[26], встречаясь не только в погребениях элиты, но и более широкого круга, погребениях своеобразного «среднего класса»[27]. Отметим, что на территории Восточной части Балканского полуострова, в Нижнем Подунавье в кельтских погребениях IV–III вв. до н.э. коралловые бусы и подвески довольно редки[28].

КОРАЛЛЫ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Бусы и подвески из кораллов в Римской империи чрезвычайно редки. Из Помпей происходит несколько фрагментов необработанных кораллов, бус и подвесок, выполненных в форме фаллоса[29]. Судя по контексту находки из инсулы VI.1, она

---

[20] Haerinck 2001, 47, pl. 140, *221–222*; de Waele 2007, 304.

[21] Then-Obłuska 2019, 273.

[22] Then-Obłuska, Pleşa 2019, 55, fig. 2, *6.14*; 4, *11.1*; 5, *20.3*; 6, *25.5, 23.2*; 7, *27.2*. См. также бусы из Куа эль-Кебир, хранящиеся в Манчестере: Endt-Jones 2013, 44–45, fig. 26.

[23] Then-Obłuska, Pleşa 2019, 55, fig. 5, *20.4*.

[24] Thomas, Acosta 2018, 21.

[25] Hermary 2000, 135–138; Tassignon 2005, 289–300; Quercia 2008, 203–208; Theodoropoulou 2013, 199, 200, 207, 214; 2017, 81–85, fig. 10, *1–2*; d'Annibale 2018, 481–484.

[26] Schmid-Sikimić 2000, 147–158; Echt 2007, 71–94; Schrickel, Bente 2013, 341–352; Fürst 2014, 41–66; Rustoiu 2015, 365–377; Fürst *et al.* 2016, 1–23; Horváth 2017, 54–55.

[27] Fürst 2014, 41, 43.

[28] Rustoiu, Ursuţiu 2013, 79–80; Rustoiu 2015, 367, fig. 3; 369–370; 2017, 185, 195, 196, 199; Blečić Kavur, Kavur 2017, 102–105; Horváth 2017, 54, 55, fig. 3, *7–8*; 2019, 109, 110, pl. II, *2.8*; IV, *6*; VI, *9*.

[29] Feugère 2000, 209; Reese 2002, 311; Cool 2016, 47.

датируется второй третью I в. н.э.[30] Предполагается, что редкость находок коралла, который чаще использовался для изготовления небольших фигурок, подвесок и камей, нежели бус[31], связана с его высоким спросом на Востоке, куда он вывозился, что превратило его в очень дорогой материал[32]. О дороговизне и редкости коралла писал Плиний (*NH*. 32. 23). Дополнительно на редкое использование кораллов мог повлиять тот факт, что их очень ценили кельты[33].

Исключением является мастерская, в которой изготавливались бусы из коралла и сердолика, которая локализуется в vicus Тибискума в Дакии – она существовала во II в. н.э.[34], и производство ее было рассчитано на сарматские племена хинтерланда, где были найдены в том числе и бусы из обрезков веточек коралла; здесь они были относительно редки во II–III вв. и получили большее распространение в III–IV вв. н.э.[35]

На территории Паннонии, Реции и Галлии коралловые цилиндрические пронизи и бусы из обработанных отрезков веточек появляются в кладах конца II – начала IV в. н.э. В IV–V вв. они получают распространение в некрополях восточного барбарикума, на Нижнем Дунае и на территории Центральной и Юго-Западной Германии[36]. В Британии бусы из коралла появляются в более массовом количестве начиная с IV в. н.э.[37] В позднеантичную эпоху коралл использовался также как материал для магических гемм, как правило, с изображением Горгоны или Гекаты[38].

КОРАЛЛЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В античных некрополях Северного Причерноморья бусы из коралла довольно редки и происходят преимущественно из погребений первых веков н.э., хотя наиболее ранние образцы, как отмечала Е.М. Алексеева, встречаются в погребениях IV в. до н.э. (вместе с тем в списке типов бус наиболее ранние комплексы относятся к III–II вв. до н.э.)[39]. Это же касается в основном и использованных в качестве подвесок веточек кораллов, которые всегда просверлены параллельно волокнистой структуре ствола коралла, хотя отмечаются и отдельные находки, происходящие из погребений III–II вв. до н.э. в Танаисе и на Беглицкой косе[40],

---

[30] Cool 2016, 46–47, no. 143, fig. 2, *12*.

[31] Feugère 2000, 206–208, fig. 1–3. См. бусы из коралла Feugère 2000, 208, fig. 4; *The Colchester Archaeologist* 16, 2003, 13 (URL: http://rose.essex.ac.uk/cat/reports/MAG-report-0016.pdf; дата обращения: 16.05.2021).

[32] Feugère 2000, 206; Cool 2016, 47; van Aerde 2018, 219–220.

[33] Feugère 2000, 207.

[34] Benea 2004, 249; 2008, 135–136; Grumeza 2013a, 139; 2013b, 108; 2014, 95.

[35] Vaday 1989, 106, Abb. 25, *20–22*; 2016, 759, 765, 769, Abb. 3, *8*; Grumeza 2011, 186, 192, M14; pl. X, *3*; 2014, 102–103, fig. 35, *1*; 2016, 455.

[36] Schach-Dörges 2010, 622–625, Abb. 7 (карта распространения в Германии); 19, *1–4*; 20, *1–4*; 21, *7–12*; 22, *15–19*; 23, *10*; 24, *6–8*; 26, *1–2*; 27, *12–17*; 28, *1–2*; 29, *6–21. 24–26*; Gruber *et al.* 2019, 136.

[37] Cool 2010, 294.

[38] Faraone 2016, 105, 108; 2019, 184, n. 59.

[39] Alekseeva 1982, 27, 30, тип 1–8, табл. 43, *27–33*.

[40] Alekseeva 1982, 30, тип 9, табл. 43, *34–38, 42*.

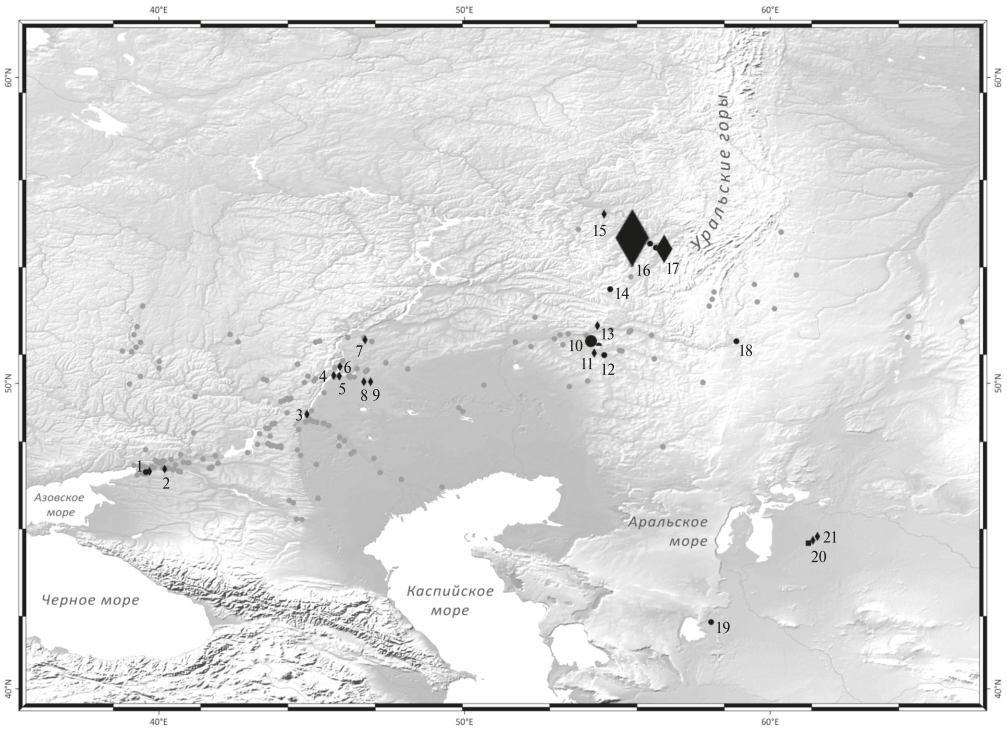


Рис. 1. Распространение коралловых бус и подвесок в памятниках Хорезма, чирикрабатской культуры и раннесарматских погребениях в Южном Приуралье, Нижнем Поволжье и Нижнем Подонье. *Условные обозначения*: ромб – подвески из веточек, круг – бусы, бисер; квадрат – бусы из веточек с продольным каналом; полукруг – вставки, инкрустации. *1* – Высочино-V; *2* – Радутка; *3* – Волжский; *4* – Бережновский-II; *5* – Политотдельское; *6* – Белокаменка; *7* – Мариенталь; *8* – Альт-Ваймар; *9* – Шульц; *10* – Филипповка; *11* – Привольное; *12* – Покровка; *13* – Переволоцкий; *14* – Прохоровка; *15* – Атасово; *16* – Старые Киишки; *17* – Бишунгарово; *18* – Новый Кумак; *19* – Калалы Гыр 2; *20* – Чирик-Рабат; *21* – Бабиш-Мулла 2. *Подоснова карты – Г.П. Гарбузов; карта – М.Ю. Трейстер, 2020 г.*

а также находки бус в склепе II в. до н.э. на Таманском полуострове[41], в меотском погребении этого же времени Тенгинского могильника в Закубанье[42], бус и подвесок – в погребениях Чегемского могильника в Центральном Предкавказье[43]. Что касается датировки комплексов из могильника на Беглицкой косе, то надежно датированные греческой керамикой комплексы этого могильника относят ко второй половине IV – первой трети III в. до н.э.[44] Соответственно, если «маленький кусочек коралла» из раскопок поселения холм А V в. до н.э. у Киммерика на

[41] Limberis, Marchenko 2010, 156, рис. 2, *9*; 8, *2*.

[42] Beglova 2005, 167–170, рис. 6, *2. 9. 15–16. 37. 39–40. 57. 62*; Beglova, Erlikh 2018, 82–83, № 3, 5, 11, 17, рис. 113, *37. 39–40. 62–63*.

[43] Kerefov 1985, 206, рис. 4, *13*; 13, *35–39*; 16, *111*.

[44] Kovalenko 2009, 13; Polin 2014, 513–515.

Керченском полуострове[45] действительно является кораллом, то на сегодняшний день – это древнейшая находка в Северном Причерноморье.

Сравнительно недавно опубликованные редкие находки бус цилиндрической формы и просверленных веточек из Цемдолинского могильника и некрополя в Широкой балке происходят из погребений I–II вв. н.э.[46] II в. н.э. датируется и костяк D в склепе № 11450/2001 некрополя Фанагории, в котором нашли «фрагмент вытянутой подвески с обломанной петелькой розового коралла»[47], и погребение № 11/1994 того же некрополя, в котором была цилиндрическая пронизь[48]. Известны также находки короткоцилиндрической пронизи в погребении I в. до н.э. – II в. н.э. в Танаисе[49], цилиндрической коралловой пронизи и трех трапециевидных подвесок – в слое разрушения цитадели городища Артезиан в Восточном Крыму 46–47 гг. н.э.[50] Среди бус из раскопок некрополя Танаиса I–II вв. н.э. две коралловые бусины составляют 0,17%, а среди бус некрополя II–III вв. н.э. они вообще не представлены[51]. Чрезвычайно редки находки из коралла в некрополе Херсонеса II–III вв. н.э.[52], где была найдена, в частности, веточка коралла в обоймах на двух концах, золотой и серебряной, предположительно – часть сложного украшения[53].

Коралловые бусины встречены в гробнице III в. н.э. № 43 некрополя Армазисхеви в кавказской Иберии[54] и более поздних погребениях этого некрополя и некрополя Самтавро. В золотых наконечниках пояса из гробницы № 18 в Армазисхеви отмечаются вставки из коралла[55]. В погребениях того же некрополя IV в. н.э. были довольно часто найдены бронзовые булавки с навершиями из коралла шаровидной или цилиндрической формы[56].

Шире представлены находки в погребениях эпохи поздней античности и раннего средневековья в Северном Причерноморье[57], на Северном[58] и Северо-Восточном[59] Кавказе. Интересно, что, если в погребениях V–VI вв. н.э. бусы из коралла в могильнике Дюрсо преобладали, то в более позднее время они здесь практически неизвестны[60].

---

[45] Kruglikova 1975, 36.

[46] Dovgalyuk 2008, 221, 238, табл. 31, 35, 39, рис. 117, *46–48*; 2011, 338, табл. 36, 40, рис. 241, *54–57*.

[47] Bespalyy, Vereshchagin 2013, 156.

[48] Shavyrina, Voroshilova 2013, 460, рис. 27, *3*.

[49] Arsen'eva *et al.* 2001, 143, № 335, 60ж; 215, табл. 58, *726*.

[50] Vinokurov, Treister 2015, 232, прим. 9 (П.о. 2013 г.: № 2350/51–54).

[51] Tikhonova 2018, 256–257.

[52] Zhuravlev *et al.* 2017, 79, № 138, табл. 39; 40; 44.

[53] Zhuravlev *et al.* 2017, 166, № 345, табл. 92; Zhuravlev, Kostromichev 2017, 84, табл. 33, *6*.

[54] Apakidze *et al.* 1958, 139, № 249 (2 бусины в форме катушек).

[55] Apakidze *et al.* 1958, 118, № 188, табл. LXXXVIII, верхний ряд, крайние.

[56] Lomtatidze 1955, 94; Apakidze *et al.* 1958, 154–155.

[57] Vysotskaya, Ryzhova 1998, 128, рис. 1, *63–65*; Medvedev 2013, 375, рис. 30, *19*; 377; Aybabin, Khayredinova 2017, 113–114.

[58] Mastykova 2009, 104–105, рис. 114, *21–23*; Mastykova *et al.* 2016, 29, кат. 219–250; табл. 24, *37*.

[59] Malashev 2016,164, рис. 10, *2–7*.

[60] Kovalevskaya 2010, 217, рис. 2; 218; 2015, 92.

КОРАЛЛЫ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

В доахеменидское время использование коралла в Месопотамии и на Ближнем Востоке не зафиксировано[61]. В Передней Азии в ахеменидскую эпоху коралл использовался, но довольно редко – как материал для бус[62] и подвесок из необработанных отрезков веточек с отверстиями[63] из двух погребений некрополя Камид эль-Лоз в Ливане или в виде отрезка веточки цилиндрической формы с обмоткой и петлей из бронзовой проволоки в центре для подвешивания – из Персеполя[64]. В кладе из Пасаргад был найден кусочек необработанной ветки розового коралла дл. 2,2 см и 50 бисерин из розового коралла[65].

КОРАЛЛЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Считается, что в Хорезме коралловые бусы (в форме дисков, бисера, бочонковидных и цилиндрических пронизей) появляются лишь в памятниках III в. н.э.[66], однако, судя по находке с городища Калалы Гыр 2 (рис. 1, *18*), такие бусы впервые появляются здесь не позднее II в. до н.э.[67] Золотые серьги в форме крючков с вертикальными элементами из согнутых спиралью проволочек с промежуточными бусинками и подвесками из веточек коралла были найдены в погребениях Чирикрабатской культуры, мавзолеях Бабиш-Мулла 2 (рис. 2, *5*) и Чирик 2[68] и городище Чирик-рабат 5[69] IV–II вв. до н.э. (рис. 2, *6*) в Восточном Приаралье. На городище Чирик-Рабат известны находки отрезков веточек коралла красновато-оранжевого цвета длиной 1,3–2,0 см (рис. 2, *3*)[70].

В парфянских могильниках находки бус из коралла чрезвычайно редки[71]. Бек упоминает 10 коралловых бус и одну подвеску в форме ноги из Таксилы[72]. Как отмечает М.Е. Массон, в помещении, в котором на городище Старая Ниса были найдены ритоны, также обнаружены коралловые бусы, «а в одном месте оказалась кучка раздробленных в мелкие кусочки, розоватых от длительного лежания

---

[61] Moorey 1999, 82, no. 24.

[62] Камид-эль-Лоз, Ливан: Poppa 1978, 35, 42, 65–66, типы 2–3, 7; 114, Nr. 3k; 121–124, Nr. 4i, m; 7a; 31, 36, 50; погребения № 63 и 76: Taf. 19, *5.11*; 23, *39–43*; Rehm 1992, 104, Nr. D.5.

[63] Камид-эль-Лоз, Ливан: Poppa 1978, 35, 66, тип 10; 123–124, Nr. 10, 12, 23–25, 53, 58; погребение № 76: Taf. 23, *28–35*.

[64] Schmidt 1957, 144, pl. 43, *51*; Rehm 1992, 131, Nr. E.23.

[65] Stronach 1978, 172, no. 34–35, pl. 157d.

[66] Ptashnikova 1952, 108; Trudnovskaya 1952, 125, рпс. II, *5*; 1967, 151–152, № 5–8, табл. XVII, *9–12*; Yusupov 1981, 142; Kurmankulov, Torezhanova 2011, 121–122; 2014, 214–215. См. также Yagodin, Khodzhaev 1970, 123, цветная вклейка 1, *6*.

[67] Veynberg 2004, 163, № 7.

[68] Tolstov 1962, 166, рис. 94 (вверху в центре); Vaynberg, Levina 1992, 54, табл. XIV, *17. 38*; 1993, 88, рис. 83, *70. 81*; Rapoport *et al.* 2000, 138, 139, рис. 8, *17.38*; илл. 44.

[69] Cat. Almaty 2009, 357, КП 27169/4a; Kurmankulov, Utubaev 2017, 200.

[70] Cat. Almaty 2009, 291, КП 27169/9a–в; Kurmankulov, Torezhanova 2011, 121–122; 2014, 214, рис. 5.

[71] Wehry 2013, 240, 532, Nr. 11. См. две коралловые бусины из некрополя Дура-Эвропос: Toll 1946, 128–129 (URL: https://artgallery.yale.edu/collections/objects/63749; дата обращения: 12.05.2021).

[72] Beck 1941, 33, pl. X, *31*; Marshall 1951, 740.

Рис. 2. Украшения из коралла из памятников Центральной Азии и Приаралья: *1* – Тахти-Сангин. Душанбе, Национальный музей Таджикистана (НМТ), инв. № ТС 18018/1091 (по: Kat. Mannheim 2009); *2* – Ай-Ханум (по: Rapin 1992); *3* – Чирик-Рабат. Алматы, Центральный музей Республики Казахстан (ЦМК), инв. № КП 271169/9а-в (по: Cat. Almaty 2009); *4* – Ния, Хотан, погребение № 95MN18 (по: Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo 2000); *5* – Бабиш Мулла 2 (по: Rapoport *et al*. 2000); *6* – Чирик-Рабат 5. ЦМК, инв. № КП 27169/4а (по: Cat. Almaty 2009); *7* – Ширин 1. НМТ, инв. № КП 942/767 (по: Kat. Zürich 1989).

в земле некогда целых ветвей привозных морских красных кораллов»[73]. В святилище в Бегараме была найдена веточка розового коралла[74] и коралловые бусы[75]. Обращают на себя внимание находки подвесок из веточек розового коралла

[73] Masson, Pugachenkova 1959, 26; Rtveladze 2012, 253.
[74] Hackin 1939, 119, no. 362 (219).
[75] Rapin 1992, 181, n. 629.

в подкурганном погребении на памятнике Казган 2 на Устюртском плато, датирующемся I в. до н.э. – I в. н.э.[76]

Из сокровищницы Ай-Ханума в Северном Афганистане происходят коралловые веточки, в том числе с отверстиями для подвешивания (рис. 2, *2*)[77], бусы различных типов[78] и подвеска в форме стилизованной головки быка (*nandipāda*), которая, по мнению К. Рапэна, подтверждает поступление коралла в Ай-Ханум не сухопутным путем через Иран, а через Индию[79]. О том, что коралл мог обрабатываться в местных мастерских, свидетельствует находка необработанного куска коралла[80]. Примечателен тот факт, что, учитывая гибель Ай-Ханума ок. 145 г. до н.э., эти находки не могут быть датированы позднее чем первой половиной – серединой II в. до н.э. Если согласиться с предположением К. Рапэна, а для этого есть основания, то распространение средиземноморского коралла в Центральную Азию, вначале морским путем до портов Индии, а затем сухопутным, может быть справедливым не только для первых веков н.э., но и по крайней мере для двух последних столетий до н.э.[81]

В слоях II–III вв.н.э. на городище Гяур-кала в Старом Мерве (Маргиана) обнаружены четыре цилиндрические бусины из коралла[82]. Коралловые бусы из отрезков веточек с продольным каналом и подвески с отверстием на одном из концов были найдены в Мерве и в слоях IV–V вв. н.э.[83]

В могильниках кушанского времени Тепаи-Шах[84] и Бабашовском[85] в Юго-Западном Таджикистане и Ялангтуш-тепе в Сурхандарьинской области Узбекистана[86] были найдены бусы и цилиндрические пронизи из коралла; из Тепаи Шах происходит также резная подвеска из красного коралла в форме головы животного[87]. На поселении Ак-Тепе II в Кобадиане в комплексе позднекушанского времени (погребальная яма № 2) обнаружено значительное количество (71 экз.) бус из розового коралла короткоцилиндрической, дисковидной и секировидной формы[88].

Среди бус из датированного II – первой половиной III в. н.э. могильника Ялангтуш-тепе[89] имеются пронизи из отрезков веточек коралла[90]. Э.В. Ртвеладзе

---

[76] Yagodin 2010, 55, fig. 3, *8–9*; 56.

[77] Rapin 1992, 49, 180, 399, no. O33–16–18 (с отверстиями), 19–31 (без отверстий) pl. 79, *O33*; 117, *11*.

[78] Rapin 1992, 49, 86, 180, 399–400, 403–404, no. O33–2–15, 32, pl. 79, *O33*; 117, *11*.

[79] Rapin 1992, 49, 80, 180–181, 402, no. O33–1, pl. 79, *O33*; 117, *11*; 1996a, 20; 1996b, 40; Allsen 2019, 127.

[80] Rapin 1992, 75, n. 193.

[81] См. также Rtveladze 2012, 254–255; van Aerde 2018, 219.

[82] Dresvyanskaya 1969, 63, рис. 1; Rtveladze 2012, 253.

[83] Simpson 2005, 239

[84] Litvinskiy, Sedov 1983, 152, № 70, 71, 80, 83.

[85] Mandel'shtam 1975, 101, 123–124, табл. 9; XLIV, *12*.

[86] Rtveladze 1983, 133, рис. 9.

[87] Litvinskiy, Sedov 1983, 157, 59, XXXIV, *10*.

[88] Sedov 1987, 73, табл. XI, *1. 3*.

[89] Rtveladze 1983, 138,

[90] Rtveladze 1983, 143, рис. 9, *14*.

упоминает единичные находки «веточек коралла» в Кампыртепа, в Дальверзине, Старом Термезе и Халчаяне[91]. К сожалению, автор не указывает, идет ли речь о подвесках или пронизях.

На городище Тахти-Сангин в Южном Таджикистане была найдена золотая подвеска серьги с туловом в форме амфорки и ручками в виде дельфинов (рис. 2, *1*). В отчетных публикациях материал, из которого изготовлено тулово подвески, указывается как «коралл»[92], в выставочном каталоге – как сердолик[93]. Кто прав в данном случае, сказать трудно, хотя цветная фотография в выставочном каталоге скорее говорит в пользу изначальной версии. Если это так, то подвеска из Тахти-Сангина выделяется на фоне аналогичных украшений из могильников Бишкентской долины Южного Таджикистана I в. до н.э.– II в. н.э., у которых в том случае, если тулово подвески сохранилось, оно изготовлено из стеклянной пасты[94]. В этой связи обратим внимание еще на одну находку из Таджикистана. Из городища Ширин 1 в Северном Таджикистане происходит окончание гривны, основную часть которого представляет собой слегка изогнутая ветка красного коралла с золотой обоймой на одном конце и скульптурной протомой коня из серебра – на другом (рис. 2, *7*). Она датируется в рамках III–I вв. до н.э.[95] В расположенных рядом с городищем склепах Курката найдено более 300 коралловых бус (точная хронология находок неизвестна, некрополь существовал не только в античную эпоху, но вплоть до X в.)[96]. Также, вероятно, раннесредневековым временем датируется обработанная веточка коралла, которая образует подвеску в форме человеческой ноги с проработанными пальцами из Пенджикента[97], где в слоях раннесредневекового времени встречаются находки коралловых бус[98].

Редки находки коралловых бус (в основном цилиндрических пронизей) в могильниках Западной Ферганы[99] и Южного Казахстана[100] I–III и IV–VII вв. н.э.[101], а также при раскопках цитадели Пайкенда III–V вв. н.э. в Западном Согде[102]. Шире представлены находки коралловых бус в погребениях эпохи раннего

---

[91] Rtveladze 2012, 253.

[92] Druzhinina, Inagaki 2009, 105; Druzhinina, Khudzhageldiev 2009, 111, рис. 13, *5*; Druzhinina *et al.* 2010, 67, fig. 8, *6*.

[93] Kat. Mannheim 2009, 360, Nr. 251 (G. Lindström).

[94] См. о них Treister 2019, 208–209 с литературой.

[95] Negmatov *et al.* 1976, 305; Cat. Dushanbe 1985, 121 (илл.), 125, Nr. 340; Kat. Zürich 1989, 62, Nr. 34; Mirbabaev, Khayrullozoda 2019, 54 (URL: http://www.afc.ryukoku.ac.jp/tj/tajikistan Russian/C-ancienttime/C-05NorthernBC1-AD1/no340.html; дата обращения: 12.05.2021).

[96] Mirbabaev, Khayrullozoda 2019, 54.

[97] Belenitskiy 1954, 38, 39, рис. 5, *9*; 1960, 67–68; Sherkova 1991, 69, № 55; 76.

[98] Kurbanov *et al.* 2015, 7, илл. 42, *6*.

[99] Litvinskiy 1973, 126.

[100] См. в целом Yagodin, Khodzhayov 1970, 123; Smagulov 2001, 99; Baypakov *et al.* 2005, I, 48, 57. Культобе, восточная группа, катакомба № 5: Podushkin 2018, 77–78, рис. 12, *13* (тип бус в публикации не обозначен).

[101] Коныртобе, погребение № 65: Smagulov 1996, 255; 2001, 96; Baypakov *et al.* 2005, I, 19, 23, 28–30, 42, 46, 57; II, 111–112, 116, 117, 122, 124, 127, фото 1.19.

[102] Omel'chenko 2013, 113, рис. 5, *4*.

средневековья в Приуралье[103], а также в погребениях джетыасарской культуры Приаралья, где такие бусы были очень многочисленными (22,6% всех бус) и занимали второе место после стеклянных[104].

КОРАЛЛЫ В КИТАЕ

Вероятно, наиболее ранними находками украшений из коралла в Китае являются подвески из веточек и бусы, найденные в погребении № 10 (пожилой женщины) могильника Даодунзи, Учжун, Нинся-Хуэйский автономный район на севере Китая[105]. Погребения могильника, в том числе указанное, относятся к среднему – позднему этапу периода Западной Хань, т.е. с наибольшей вероятностью к концу II–I вв. до н.э.[106]

К редким находкам коралловых бус и подвесок относятся находки, сделанные в «царском погребении» № 8 могильника 95MN1 на поселении Ния в округе Хотан Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая на южной границе пустыни Такламакан, датированном в рамках III – начала IV в. н.э.[107] и расположенном на Шелковом пути. Здесь были найдены как цилиндрические пронизи и бусы бочонковидной формы, так и подвеска из веточки коралла с поперечным отверстием вверху (рис. 2, *4*)[108]. Из коралла изготовлены также накладка на шапочку из женского погребения 95MN1M5, бусы – из женского погребения (скелет С) из погребения 95MN1M6[109] и цилиндрическая подвеска серьги из мужского погребения (скелет А) 95MN1M1 этого же некрополя[110]. Коралловые бусы были обнаружены и в погребении 84LSUIM01:c91 могильника Сампула[111].

КОРАЛЛЫ И ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОРАЛЛА У КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ

Находки бус и подвесок из коралла в скифских курганах практически неизвестны. Это касается прежде всего погребений в курганах Приднепровья и Побужья. Исключения составляют очень редкие находки на левобережье Нижнего Днестра, в окрестностях Ольвии, в Крыму и на Нижнем Дону.

Так, подвеска трапециевидной формы была найдена в погребении № 2 в кургане № 8 группы «Сад» у с. Глиное[112] и в погребении № 2 кургана № 7 группы «Водоотвод»[113] на левобережье Нижнего Днестра, датирующихся последней чет-

---

[103] Ruslanova 2018, 60–61, 64–65, 143–146, рис. 32.

[104] Levina, Dovgalyuk 1995, 206, 211, 213, табл. I; Levina 1996, 224, рис. 147.

[105] Kost 2011, 67, 209; Anhang, 15–16, 20, Nr. F, H; Taf. 111, *F. H*; 2014, 63, 155, 156, 205, 206, pl. 98, *F. H*.

[106] Linduff 2008, 184–194, tab. 9, *2*; Kost 2014, 154–160, 205–208.

[107] C^{14}–145–265 гг. н.э., см. Selbitschka 2010, 129, 632, Tab. 38.

[108] Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo 2000, no. 1, 20 (M8–36); 21, 22, fig. 43, *5* (M8–31); Selbitschka 2010, 7, Anm. 25; 134, Anm. 8; 467, Taf. 71, *7*; Żuchowska 2016, 34, fig. 5.

[109] Selbitschka 2010, 111.

[110] Selbitschka 2010, 7, Anm. 25; 134, Anm. 8; 415.

[111] Wang Bo, Lu Lipeng 2009, 306, 326

[112] Sinika *et al.* 2018, 83–84, № 6, рис. 4, *3*; Sinika, Zakordonets 2018, 82, № 9.

[113] Sinika *et al.* 2018, 90; Sinika, Zakordonets 2018, 82, № 10.

вертью IV в. до н.э.[114] 14 подвесок из веточек коралла были обнаружены в кургане № $_3$N (49)/1910 у д. Петуховка в районе Ольвии – погребение в кургане, судя по комментариям С.В. Полина, датируется не позднее конца IV – начала III в. до н.э.[115] Находка веточки коралла происходит из погребения № 2 кургана № 4/1963 между с. Рисовое и Кураевка на Перекопском перешейке[116], датируемого суммарно V–IV вв. до н.э.[117] Две подвески из веточек коралла были найдены в датируемом не позднее второй половины IV в. до н.э. погребении № 1 кургана № 8/1985 у с. Суворовское в Западном Крыму[118].

Особое внимание привлекает находка трех подвесок из веточек коралла в золотых оправах с петельками для подвешивания в Пятибратнем кургане № 8/1959 на территории могильника Елизаветовского городища на Нижнем Дону[119]. Тот факт, что они оправлены в золото, подчеркивает редкость этих изделий, которые, судя по имеющимся на сегодня данным, являются наиболее ранними находками украшений из коралла не только из курганов скифской знати, но, возможно, и вообще в Северном Причерноморье, учитывая датировку комплекса ок. 345 г. до н.э.[120] или второй половиной 350-х – рубежом 350–340-х годов до н.э.[121] Две подвески из веточек кораллов в золотой оправе были найдены также в погребении III в. до н.э. кургана на Зеленской горе на Таманском полуострове[122].

На Южном Урале (см. рис. 1) наиболее ранние находки коралловых бус происходят из погребений курганных некрополей Филипповка-1 и 2[123] и Ново-Кумакского могильника[124], которые датируются IV в. до н.э. В значительно большем количестве коралловые бусы и особенно просверленные в поперечном направлении веточки коралла были найдены в Южном Приуралье[125] в погребениях

---

[114] Sinika *et al.* 2018, 90.

[115] Ebert 1913, 65, Nr. 49, Abb. 71; Polin 1992, 38, рис. 5, *2*; 39.

[116] Shchepinskiy, Cherepanova 1969, 142, рис. 56, *11*; Koltukhov 2012a, 38.

[117] Koltukhov 2012a, 92.

[118] Koltukhov 2012b, 41–42, рис. 17, *7*.

[119] Shilov 1961, 158; Cat. Paris 2001, 127, no. 95, 97–98; Kat. Frankfurt 2003, 81, Nr. 38; Cat. Rostov-on-Don 2004, 63, внизу.

[120] Polin 2014, 432–435.

[121] Monakhov 2018, 320–333.

[122] *ОАК за 1912 г.* 1916, 49, № 7; Pharmakowsky 1913, 178, Nr. 4 („zwei Anhänger aus Korallen in schöner Goldfassung“); Shkorpil 1916, 26; Gushchina, Zasetskaya 1994, 17 («подвески в виде ноги животного, оправленные золотой проволокой»).

[123] Филипповка 1. Курган № 4, погребение № 4: Treister *et al.* 2012, 113, № A13.2.3.14Г; A13.2.3.15; Yablonskiy 2013, 102–103, № 408–422 (две бусины цилиндрической формы в составе ожерелья); расшивка сумочки; погребение № 5: Treister *et al.* 2012, 122, № A13.2.4.11, рис. II. 88, *12* (вставка в золотой подвеске). – Курган № 1, погребение № 2: Anikeeva, Yablonskiy 2019, 14, рис. 7–8: бисер и трубчатые пронизи расшивки одежды.

[124] Курган № 11: Anikeeva, Bytkovskiy 2013, 287, рис. 1, *67*.

[125] Moshkova 1963, 45, табл. 30, *27–29. 55. 56. 79. 80. 82. 84. 86*; Pshenichnyuk 1983, 110; Bezrukov 2008, 131.

курганов могильников Покровка 8[126], у д. Прохоровка[127], Привольное[128], Старые Киишки (рис. 3, *4–5*)[129], Бишунгарово[130], Атасово[131], пос. Переволоцкий[132], которые относятся к III–II вв. до н.э.

В III–II вв. до н.э. бусы и подвески из веточек коралла получают более широкое распространение – они становятся известны не только в Южном Приуралье, но и в Нижнем Поволжье, реже – в Нижнем Подонье, оставаясь относительно редкими в общем массиве находок бус и подвесок (см. рис. 1).

Коралловые бусы и подвески из веточек коралла, обнаруженные в погребениях последних веков до н.э.– первых веков н.э. в Азиатской Сарматии, упомянуты в работах А.С. Скрипкина[133], однако представлены суммарно без указания комплексов, в которых они были найдены, что обесценивает помимо прочего и попытку их классификации[134].

Наиболее ранняя находка подвески из веточки коралла в сарматских памятниках Нижнего Поволжья (рис. 4) происходит из погребения № 1 кургана № 3 могильника у с. Белокаменка[135] – В.М. Клепиков отмечает, что такие подвески раньше III в. до н.э. неизвестны[136]. Среди коралловых бус из комплексов, суммарно датированных М.Г. Мошковой III–II вв. до н.э., – подвески из веточек кораллов из погребений, концентрирующихся в бассейне р. Торгун и прилегающих к северу районов левобережья Волги: погребения № 31 кургана № 19/1953 у с. Политотдельского (рис. 3, *2*)[137], кургана № 4/1912–1913 раскопок П. Вайгеля у с. Мариенталь (Тонкошуровка) (рис. 5)[138], подвески из веточек, пирамидальной формы и бусы – из погребения № 3 кургана № 5 могильника 15-й поселок[139] (датируется в настоящее время II–I вв. до н.э.), погребения № 5 кургана D17

---

[126] Курган № 6, погребение № 1: Wedder *et al.* 1993, 51, рис. 57, *11*; Yablonskiy 1999, 327.

[127] Курган № 4: Moshkova 1963, 45, табл. 30, *29* (бусина). Курган Б, погребение № 2: Yablonskiy 2010, 47, рис. 64, *2e*.

[128] Meshcheryakov 1996, 45, рис. 4, *4*.

[129] Курган № 10, погребение № 3: Sadykova, Vasil'ev 2001, 55, рис. 2, *1*. Курган № 10, погребение № 11: Sadykova, Vasil'ev 2001, 57, рис. 3, *8*. Курган № 12, погребение № 2: Fedorov 2011, 33, 34, № 2, рис. 6, *2*; 35. Курган № 13, погребение № 5: Sadykova 1962a, 100, табл. VI, *13*. Курган № 13, погребение № 14: Sadykova 1962a, 104, табл. VIII, *11*; 105; 1962, 248, 269, рис. 7, *1*; Moshkova 1963, 45, табл. 30, *84*. Курган № 20, погребение № 5: Sadykova 1962a, 112; Moshkova 1963, 45, табл. 30, *80*.

[130] Курган № 3, погребение № 6: Pshenichnyuk 1983, 25–26, табл. XV, *9*; Berlizov 2011, 195. Курган № 3, погребение № 9: Pshenichnyuk 1983, 26, табл. XVI, *5*; Berlizov 2011, 195. Курган № 5, погребение № 3: Pshenichnyuk 1983, 27–28, табл. XVII, *9*; Berlizov 2011, 197–198.

[131] Погребение № 9: Vasil'ev 1973, 251, рис. 3, *6*; Bezrukov 2008, 131.

[132] Курган № 1, погребение № 4: Morgunova *et al.* 2016, 27, рис. 5, *10–12*.

[133] Skripkin 1984, 39, группа XIII, рис. 14, *53–54*; 1990, 87, группа 12, рис. 31, *27–46*.

[134] Skripkin 1990, 87, группа 12.

[135] Klepikov 2002, 94, рис. 32, *11*.

[136] Klepikov 2002, 87, 99.

[137] Smirnov 1959, 284, рис. 30, *7*; 287; Moshkova 1963, 45, табл. 30, *56*.

[138] Rykov 1925, 14, 16, рис. 21; Rau 1927a, 12: ожерелье из подвесок из коралловых веточек розового цвета и гагатовых бус; Moshkova 1963, 45, табл. 30, *27–28* (бусины).

[139] Moshkova 1963, 45, табл. 30, *55* (подвеска из веточки).

Рис. 3. Коралловые бусы и подвески III–I вв. до н.э. из сарматских погребений в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье: *1* – Политотдельское. Курган № 3/1953. Погребение № 9. ГИМ, инв. № 84766. Оп. Б 935/82; *2* – Политотдельское. Курган № 19/1953. Погребение № 31. ГИМ, инв. № 84766, Оп. Б 936/325; *3* – Заплавное-V. Курган № 8/1958. Погребение № 9. ВОКМ, инв. № 5857/6; *4* – Кадамовский. Разрушенный курган, 1953 г., МИДК, инв. № 9864; *5–6* – Старые Киишки. Курган № 13/1957. Погребение № 5. НМРБ (*5* – инв. № ОФ 6142/27, 28, 31–33; *6* – инв. № ОФ 6142/36–38); *7* – Майеровский-III. Курган № 4/2002. Погребение 3Б. ГИМ, инв. № 112873 Оп. Б 2078/62. *1, 2, 7 – фото ГИМ, 3–6 – фото М.Ю. Трейстера, 2015 г.*

у Альт-Ваймара[140], кургана В4 у х. Шульц[141]. К этому же времени относится и погребение № 29 кургана № 14 Бережновского-II могильника, в котором было найдено ожерелье из стеклянных и гагатовых бус с подвесками из веточек розового

[140] Rau 1927b, 45, 46, Abb. 38D (бусы).
[141] Moshkova 1963, 45, табл. 30, *79, 82, 86.*

коралла[142], и погребение № 10 кургана № 1/1993 в Волжском на средней Ахтубе, также левобережье Волги (веточка розового коралла)[143].

Также в комплексах конца IV–III вв. до н.э. на левобережье Нижнего Дона появляются редкие находки подвесок из веточек и пронизей розового коралла[144]. Встречаются подвески из веточек коралла вместе с бусами и в погребениях II–I вв. до н.э. на Дону[145], в междуречье Сала и Маныча[146] и в Центральном Предкавказье[147].

Если в III–I вв. до н.э. чаще были распространены подвески в виде веточек коралла с перпендикулярным отверстием для нанизывания в верхней части, то в первые века н.э. в погребениях Азиатской Сарматии чаще встречаются бусы и пронизи либо округлые или бочонковидные, либо из веточек с продольными отверстиями. В этот период украшения из коралла получают особенно широкое распространение в Нижнем Поволжье, впрочем, известны они и в погребениях на Нижнем Дону, а также в грунтовых некрополях меотских городищ Нижнего Дона[148].

Редки коралловые бусы и подвески были и в кочевнических погребениях Крыма этого времени, где они обнаружены как в Ногайчинском кургане (подвеска каплевидной формы)[149], так и в погребении № 2 кургана № 1 у с. Чкалово (цилиндрические бусы)[150], кургане IV/3/1996 могильника Ак-Кая/Беш-Оба (подвеска из веточки)[151] и катакомбы № 18 могильника Левадки (подвеска из коралла в серебряной с позолотой оправе с петелькой для подвешивания)[152].

Находки коралловых бус и веточек коралла происходят из погребений, датированных II–I вв. до н.э., в Нижнем Поволжье кургана № 1 у с. Питерка (подвески из веточек коралла, в том числе обработанные в форме топорика и каплевидные; короткоцилиндрические бусы)[153], погребения № 1 кургана № 30

---

[142] Sinitsyn 1960, 26, рис. 7, *9*; 30; о датировке см. там же, с. 158, прим. 50.

[143] Mys'kov 1992, 120.

[144] См. в целом Maksimenko 1983, 133. Курганная группа Радутка, курган № 2/1971, погребение № 31: Maksimenko 1983, 50 рис. 55, *3а* (в тексте названа пронизью, на рисунке – подвеска из веточки). Высочино-V, курган № 27/1986, погребение № 2: Luk'yashko 2000, 176; Bespaly, Luk'yashko 2008, 100, № 31.

[145] Подвеска из веточки коралла – в разрушенном погребении кургана у пос. Кадамовский (рис. 3, *4*): Cat. Novocherkassk 1979, 49, табл. 22, *15–23*. По мнению В.Е. Максименко (Maksimenko 1983, 62), комплекс датируется не позднее II в. до н.э.

[146] Могильник Криволиманский-I, курган № 16, погребение № 7: Il'yukov, Vlaskin 1992, 150–151, рис. 38, *13* (цилиндрическая пронизь); 217, табл. 5, 69.

[147] Могильник «Белый уголь-2, курган № 1, погребение № 34: Berezin 2007, 74, 75, № 7, 8а, рис. 27, *9–10*; Prokopenko 2014, I, 126; II, рис. 57А, *9–10*.

[148] Kosyanenko 2008, 152, рис. 39, *2*; 59, *6*; 101, *8*; Khakhonina 2009, 126, 129, № 7; Gorbenko, Kosyanenko 2011, 101, рис. 56, *4*; 57, *7–8*; 105, *2*; 145, *1*; 150, *4*; Larenok 2018, 439, рис. 3, *8*; 6, *9*; 9, *5*; Guguev, Nechiporuk 2020, 190, № 4–5, рис. 7, *6*.

[149] Mordvintseva, Zaitsev 2003, 212, fig. 8, *47*.

[150] Kropotov 2016, 28.

[151] Zaytsev, Koltukhov 2016, 114, № 32, рис. 12, *19*.

[152] Khrapunov, Mul'd 2004, 252, 258, рис. 13, *32*.

[153] Lyakhov, Polovinkina 2009, 208, рис. 11, *4а, 6а* (погребение № 12, скелет № 1); 208, рис. 13, *9а, в, 11а, в* (погребение № 12, скелет № 3); 214.

Рис. 4. Распространение коралловых бус и подвесок в сарматских погребениях II–I вв. до н.э. в Нижнем Поволжье и Нижнем Подонье. *Условные обозначения*: ромб – подвески из веточек, круг – бусы. *1* – Кадамовский; *2* – Криволиманский-I; *3* – Жутово; *4* – 15-й поселок, *5* – Заплавное; *6* – Писаревка; *7* – Политотдельское; *8* – Белокаменка; *9* – Майеровский-III; *10* – Питерка; *11* – Кушум. *Подоснова карты – Г.П. Гарбузов; карта – М.Ю. Трейстер, 2020 г.*

(конец II – первая половина I в. до н.э.) в Жутово (бусы)[154], погребения № 9 кургана № 8 у с. Заплавное (II в. до н.э.) (две подвески из просверленных перпендикулярно длинной оси веточек; одна – ниже отверстия обмотана бронзовой пластиной)[155], погребения № 3 кургана № 7/1988 могильника Белокаменка-II (подвески из веточек коралла с отверстиями для подвешивания)[156]; погребения № 9 кургана № 3/1953 у с. Политотдельское (подвеска из веточки коралла)[157], погребения 3Б кургана № 4/2002 могильника Майеровский-III (бусы округлой формы и подвески из необработанных веточек)[158], погребения № 5 кургана у с. Писаревка (подвеска из веточки коралла)[159], погребения № 3 кургана № 19 у с. Калиновка (подвеска из веточки коралла)[160].

---

[154] Shilov 1975, 145, рис. 54, *7*.
[155] Не опубликованы.
[156] Mordvintseva, Shinkar' 1999, 138, рис. 4, *6*.
[157] Smirnov 1959, 235, рис. 13, *10*; 238.
[158] Skvortsov, Skripkin 2008, 102, № 24 (только бусы).
[159] Sergatskov 2000, 83, 152, рис. 100, *17*.
[160] Shilov 1959, 372, 440.

Рис. 5. Ожерелье с подвесками из веточек коралла. Тонкошуровка (Мариенталь). Курган № 4/1912–13. СОКМ, инв. № 677/2. *Фото М.Ю. Трейстера, 2015 г.*

Известны находки подвесок из веточек коралла и в двух погребениях кургана № 2 могильника Кушум в Западном Казахстане[161]. Есть основания предполагать, что и хранящиеся в Оренбургском музее ожерелья из бус и подвесок из веточек коралла в сочетании с гагатовыми бусами (рис. 6–7) могут относиться к рассматриваемому времени и происходить из Южного Приуралья.

Также и в первые века н.э. на территории Азиатской Сарматии количественно преобладают находки коралловых бус в Нижнем Поволжье (рис. 8) в погребениях I – первой половины II в. н.э.: могильник Авиловский-II: курган № 11/1991 (бусы цилиндрической формы, 5 экз.)[162], погребение № 8 кургана № 34/2001 (подвески из веточек) (рис. 9, *4*)[163]; могильник у ст. Бердия: погребение № 1 кургана № 3/1991 (цилиндрическая пронизь)[164]; погребение № 4 кургана № 8/1993 (цилиндрические пронизи и пронизи из отрезков веточек, 4 экз.) (рис. 9, *2*)[165]; курган № 1 у ст. Лебяжье (бусы из отрезков веточек, просверленных по длине, 9 экз.)[166]; погребение № 3 кургана № 17/2013 могильника Вербовский-I (бусы

[161] Zhelezchikov 1998, 35, 38, рис. 23, *10. 13.*
[162] Sergatskov 2000, 85, 153, рис. 103, *30–34.*
[163] Не опубликованы.
[164] Sergatskov 2000, 69, 70, рис. 82, *6.*
[165] Sergatskov 2000, 78–79, 151–152, рис. 96, *5, 12.*
[166] Sergatskov 2000, 9, рис. 3, 23–29; 146.

из веточек коралла, отверстие просверлено по длинной оси веточки) (рис. 9, *3*)[167], погребение № 1 кургана № 2/1967 могильника Заканальный (бусы неправильной формы, 3 экз.)[168], погребение № 1 кургана № 7/1994 могильника Западные Могилы (бусина цилиндрическая)[169], погребение № 1 кургана № 4/1967 могильника у с. Колпачки (бусы из отрезков веточек, просверленных по длине)[170], погребение № 2/1993 у пос. Комсомольский (бусы)[171], погребение № 1 кургана № 11/1961 у с. Старица (веточки коралла, 4 экз.)[172]. Пронизи из 12 отрезков веточек коралла образовывали ожерелье из детского погребения № 13 кургана № 1/2019 могильника «Богомольные пески-I» в с. Никольском в Нижнем Поволжье, которое предварительно датировано I–II вв. н.э.[173] Из этого же погребения происходит и подвеска, представляющая собой цилиндрической формы обработанный отрезок веточки коралла с золотыми обоймами с петлями для подвешивания на торцах[174].

Рис. 6. Ожерелье с подвесками из веточек коралла. Место находки неизвестно. ОГИКМ, инв. номер неизвестен. *Фото М.Ю. Трейстера, 2015 г.*

[167] Mamontov, Shinkar' 2014, 139–140, № 13, А) рис. 3, *10а;* Б) рис. 3, *10б;* В) рис. 3, *10в*.
[168] Mamontov 1991, 93, рис. 4, *5–11. 17–18. 20. 28–29*; Mosheeva 1997, 167, рис. 1, *10.*
[169] Не опубликована.
[170] Mamontov 1971, 214, рис. 3, 25–27; 215; Skripkin 2013, 120 (илл.), 267, № 250.
[171] Dvornichenko *et al.* 2002, 227, рис. 7, *30.*
[172] Не опубликованы.
[173] Timofeev *et al.* 2020, 284, рис. 13, *27–34.*
[174] Timofeev *et al.* 2020, 284, рис. 14, *2.*

Рис. 7. Ожерелье с подвесками из веточек коралла. Место находки неизвестно. ОГИКМ, инв. номер неизвестен. *Фото М.Ю. Трейстера, 2015 г.*

Реже они встречаются на Нижнем Дону (рис. 8), где коралловый бисер был найден в кургане Хохлач[175], погребении № 2 кургана № 14/1977 могильника Каршинский[176], бусы округлой и продолговатой формы – в погребении № 1 кургана № 14/1978 могильника Сладковский[177]; цилиндрические пронизи – в погребении № 1 кургана № 5/1982 могильника Полевой стан II[178], пронизь из обрезка веточки коралла – в погребении № 1 кургана № 41/1987 могильника Царский в районе Танаиса[179], в погребениях могильника у х. Новый в междуречье Сала и Маныча, где количественно преобладают бусы, в том числе и из отрезков веточек[180], и в Калмыкии: в погребении кургана № 3/1993 могильника Аршань-Зельмень-II (бусы из отрезков веточек)[181] и погребении № 8 кургана № 6/1988 группы КВЧ-37 (цилиндрические бусы, 26 экз.)[182].

[175] Zasetskaya 2011, 206, илл. 105а; 270, № 39.
[176] Cat. Novocherkassk 1981, 31, № 325.
[177] Maksimenko 1979, 28, № 97, 114; Cat. Paris 2001, 252, no. 288.
[178] Maksimenko 1998, 121, рис. 57, *11*.
[179] Il'yukov 1994, 201, рис. 1, *29*; 2019, 189.
[180] См. в целом: Il'yukov, Vlaskin 1992, 58, 249, 252–253, табл. 9, *65*. Новый, курган № 20/1982, погребение № 3: Il'yukov, Vlaskin 1992, 46, рис. 8, *15*; 252–253, табл. 9, *65* (4 цилиндрические бусины). Новый, курган № 43/1982, погребение № 1 (рис. 7, *1*): Ilyukov 1986, 79; Il'yukov, Vlaskin 1992, 58 (бусы из коралловых веточек).
[181] Mosheeva 1995, 40–45, рис. 1, *26–27*; Ochir-Goryaeva 2009, 365, № 3, рис. 3
[182] Ochir-Goryaeva, Sergatskov 2012, 196–197, рис. 2, *9*.

В сарматских погребениях на Среднем и Верхнем Дону бусы и подвески из коралла не встречаются, за исключением одного ожерелья из междуречья Хопра и Волги: погребение № 1 кургана № 1/1988 могильника Власовский-II (бусы и пронизи из веточек коралла) (рис. 9, *5*)[183].

В погребениях «Золотого кладбища» в Прикубанье среди 1128 экз. бус не было найдено ни одной из коралла[184]. В могильниках Южного Побужья[185], Северо-Западного Причерноморья[186] и Северного Кавказа[187] первых веков н.э. бусы из коралла чрезвычайно редки и представлены цилиндрическими пронизями.

В позднесарматскую эпоху они встречаются реже, при этом находки концентрируются в большей степени в могильниках Нижнего Подонья (рис. 10): в датирующемся не ранее середины II в.н.э. погребении № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I (бусы цилиндрической и округлой формы, 27 экз.[188]; шаровидной, цилиндрической формы и из необработанных веточек, 29 экз.[189]); погребении № 1 кургана № 33/1987 могильника Валовый-I (пронизи в форме астрагалов барана, цилиндрические, подвеска каплевидной формы)[190], погребении № 1 кургана № 20/1985 могильника Новоалександровка-1 (15 цилиндрических пронизей и 3 пронизи из веточек с каналами, просверленными по длине[191]), погребении № 2 кургана № 2/1983 могильника Высочино-V (5 цилиндрических пронизей и веточка коралла[192]) (рис. 11, *2*), погребении № 1 кургана № 18/1985 могильника Высочино-V (16 пронизей из розового коралла цилиндрической формы, в том числе отрезок ветки)[193], погребении № 1 кургана № 4/1989 у хут. Красный Кут (бусы короткоцилиндрические, 9 экз.[194]) (рис. 11, *1*). Впрочем, они известны и в Нижнем Поволжье, и в междуречье Дона и Волги: погребение № 2 кургана № 2/1972 у с. Барановка (три веточки коралла, не указано, бусы или подвески)[195], погребение № 1 кургана № 55/1961 у с. Старица (пронизи из отрезков веточек розового коралла с продольными отверстиями)[196] (рис. 11, *4*), погребение № 1 кургана № 8/2003 могильника Племхоз (подвеска треугольная и пронизи, 17 экз.)[197] (рис. 11, *3*), погребение № 1 кургана

---

[183] Berestnev 2017, 122, рис. 13, *43–45*.
[184] Gushchina, Zasetskaya 1994, 19.
[185] Artemenko, Levchenko 1983, 145, рис. 1, *2*; 147, № 13.
[186] Kondratikova 2010, 100, 102, 107.
[187] Abramova 1987, 166, рис. 6, *26*; 9, *21*; 15, *36*; 17, *44*; 41, *4*; Gadzhiev 1997, 20; Prokopenko 2014, I, 150.
[188] Bespaly *et al.* 2007, 29, № 21л, табл. 33, *1л*.
[189] Bespaly *et al.* 2007, 30–31, № 22г, 27а.
[190] Cat. Paris 2001, 252, no. 288; Bespaly *et al.* 2007, 78–79, № 5, *ж, з*; 14, табл. 88, 1, *н, п, у*.
[191] Bespaly 1986, 76, no. 5, pl. 63, *19*; Bespaly, Luk'yashko 2018, 71, № 5; 75, рис. 41, *1*.
[192] Bespaly, Luk'yashko 2008, 66, № 2, табл. LXIII, *8*.
[193] Bespaly 2000, 161, № . 38ж, рис. 3, *19–20*; Bespaly, Luk'yashko 2008, 86, № 38ж, табл. LXXXII, *19–20*.
[194] Guguev, Treister 1992, 244, no. 1; 246, fig. 4, *4b*; 248.
[195] Dvornichenko, Fedorov-Davydov 1989, 26.
[196] Не опубликованы.
[197] Klepikov *et al.* 2006, 168, рис. 13, *7п–р* (подвеска).

Рис. 8. Распространение коралловых бус и подвесок в сарматских погребениях I – первой половины II в.н.э. в Нижнем Поволжье и Подонье. *Условные обозначения*: ромб – подвески из веточек, круг – бусы, бисер; квадрат – бусы из веточек с продольным каналом; полукруг – вставки, инкрустации. *1* – Царский; *2* – Дачи; *3* – Хапры; *4* – Каршинский; *5* – Хохлач; *6* – Садовый; *7* – Новый; *8* – Полевой стан II; *9* – Сладковский; *10* – Мигулинская; *11* – Власовский-II; *12* – Вербовский-I; *13* – Колпачки; *14* – Бердия; *15* – Авиловский-II; *16* – Лебяжье; *17* – Заканальный; *18* – Аршань-Зельмень-II; *19* – КВЧ-37; *20* – Старица; *21* – «Богомольные пески»; *22* – Комсомольский; *23* – Западные Могилы. *Подоснова карты – Г.П. Гарбузов; карта – М.Ю. Трейстер, 2020 г.*

№ 34/2004 у с. Перегрузное (пронизь из отрезка веточки)[198], погребение № 1 кургана № 5/1986 у с. Усть-Погожье на р. Бердия (цилиндрическая бусина)[199]. Встречаются они и в Южном Приуралье: погребение № 1 кургана № 24/2000 могильника Покровка 10 (пронизи)[200].

В позднескифских и сарматских комплексах Приднепровья и Северо-Западного Причерноморья[201] и Крыма[202] второй половины II–III в. н.э. известны

[198] Balabanova 2014, 52, № 2, рис. 68, *6*.

[199] Mamontov, Mataev 2017, 103–104, рис. 4, *29*; 107.

[200] Malashev, Yablonskiy 2008, 12, 282, рис. 158, *13, 16*; Anikeeva 2008, 116.

[201] Simonenko 2011, 198, № 78; 236, № 140; Dzneladze 2016, 71–72, рис. 12, *46–50*; 121–122. Например, находки из погребения № 8 кургана № 1 у с. Писаревка: Simonenko 2008, 78, Nr. 117, Taf. 130; 2011, 241–242, № 153.– Из погребения № 3 могилы № 30 могильника у с. Красный Маяк на Нижнем Днепре: Gey, Symonovich 2019, 25, № 6, табл. 30, *15–18* (отрезки веточек с продольными каналами).

[202] Усть-Альминский могильник, могила № 881/2005, погребение № 1 (две пронизи из отрезков веточек): Trufanov 2010, 187, рис. 32, *1*; Puzdrovskiy, Trufanov 2017,

довольно редкие находки сферических бус, цилиндрических пронизей и пронизей из веточек коралла.

В 2019 г. в женском погребении могильника Ала-Тей 1 в Туве вместе с поясом с гагатовыми пряжками, расшитым каури, и китайским зеркалом были обнаружены серьги с подвесками из веточек коралла[203]. Крупная бусина из отрезка ветки розового коралла[204] была найдена при раскопках «китайского дома» в районе Абакана, датируемого временем около первой четверти I в. до н.э.[205] или I в. н.э.[206] Л.Р. Кызласов отмечает найденную там же «бусину-привеску», сделанную из отрезка ветки розового коралла, и рассматривает найденные здесь коралловые бусы как вещи дальневосточного происхождения[207]. Коралловые бусы, округлой формы и из отрезков веточек розового коралла, просверленных по длине, находились и в составе клада из с. Знаменка на Среднем Енисее[208], который датирован Э.Б. Вадецкой концом I в. н.э., а М.Л. Подольским – первой четвертью I тыс. н.э., а возможно, более поздним временем[209]. Подвески из веточек коралла образовывали ожерелье из женского погребения в кургане № 10 могильника Усть-Эдиган на Горном Алтае, которое связывается с культурой хунну[210]. Подобная же подвеска входила в состав ожерелья из погребения № 2 хуннуского могильника Алаг Толгой, в Дельгерцогт, провинции Дундгови в Монголии[211].

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРАЛЛА КАК МАТЕРИАЛА ВСТАВОК В ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЯХ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТОРЕВТИКИ В ЕВРАЗИИ

Подобно тому, как коралл довольно широко применялся в качестве материала вставок в металлические изделия в эпоху раннего латена[212], он также весьма часто (в сочетании с бирюзой, а также с лазуритом, стеклом или янтарем) использовался в качестве вставок на предметах Сибирской коллекции[213], золотой ажурной

227, табл. 97, *1*. – Могильник у с. Балта-Чокрак, могила № 10, подбой № 2 (мелкие бусы): Zaytsev *et al.* 2005, 172, рис. 9, *3–7. 9. 13*. – Нейзац, могила № 178: Khrapunov, Stoyanova 2014, 181, рис. 4, *4* (короткоцилиндрическая пронизь).

[203] URL: https://www.rgo.ru/ru/article/16-zahoroneniy-kitayskie-zerkala-i-unikalnaya-bronzovaya-pryazhka-chto-obnaruzhili; дата обращения: 12.05.2021.

[204] Evtyukhova, Levasheva 1946, 82; Kyzlasov 1992, 54; 2001, 55, рис. 25, *7*; 58; Barinova 2012, 74.

[205] Kiselev 1951, 479–484; Kyzlasov 1992, 55–56.

[206] Kovalev 2007, 145–148.

[207] Kyzlasov 2001, 58.

[208] Vadetskaya 1999, 171; Podol'skiy 2002, 233; Kyzlasov 2001, 51; Cat. London 2017, 190, no. 115.

[209] Vadetskaya 1999, 173–174; Podol'skiy 2002, 233–234.

[210] Chudjakov 1997, 584, 588, Abb. 6c; 591; Khudyakov 1998, 101, рис. 7 внизу; Trifanova, Soenov 2019, 41, 82, рис. 14, *3*; 38, *2*.

[211] Egiimaa 2011, 118, no. 135.

[212] См. выше прим. 26.

[213] Rudenko 1962, 32–33; Artamonov 1973, 167; Mordvintseva 2003, 32.

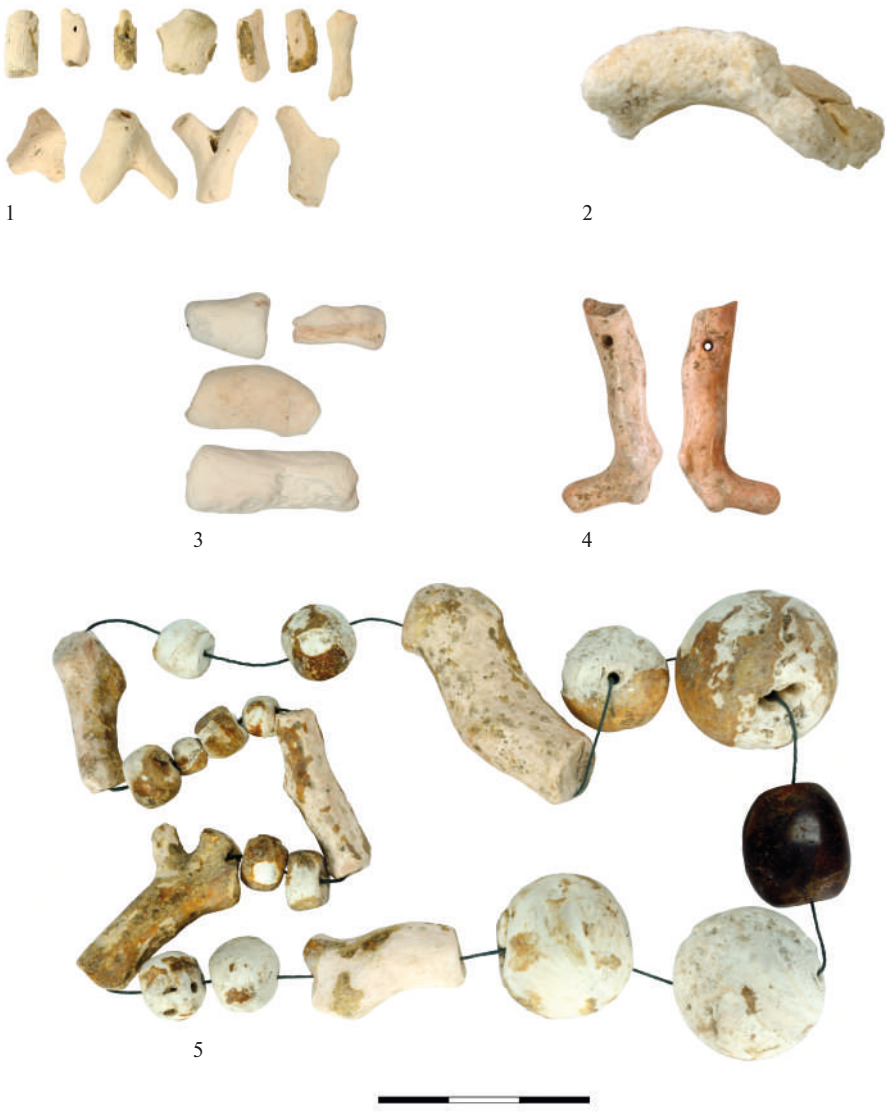


Рис. 9. Коралловые бусы и подвески I – первой половины II в.н.э. из сарматских погребений в Нижнем Поволжье и Подонье. *1* – Новый. Курган № 43/1982. Погребение № 1. АВИМ, инв. № 17910/923–933; *2* – Бердия. Курган № 8/1993. Погребение № 2. ВОКМ, инв. № 29155/205; *3* – Вербовский-I. Курган № 17/2013. Погребение № 3. ВОКМ, инв. № НВ-10420/3; *4* – Авиловский-II. Курган № 34/2001. Погребение № 8. ВОКМ, п. опись № 658; *5* – Власовский-II. Курган № 1/1988. Погребение № 1. Пос. Грибановский, Народный краеведческий музей, без инв. номера. *Фото М.Ю. Трейстера, 2015 г.*

диадеме из Каргалы[214], а также пряжках из Сидоровки[215] и гагатовых поясных пластинах из Тувы[216].

Сочетание бирюзы и кораллов (а также стеклянных вставок соответствующих цветов) демонстрируют многие украшения (диадема[217], гривна[218], браслеты[219]), а также флаконы[220], кубок с зооморфной ручкой[221] – из кургана Хохлач), и некоторые другие изделия из сарматских курганов Нижнего Подонья: тайника кургана у пос. Дачи (чаша-фалар[222] (рис. 12, *1*), браслет[223], пластина – элемент ремня[224]), кубок из ст. Мигулинской[225] (рис. 12, *2*), фалары из кургана Садовый[226] (рис. 12, *4*), пряжки из Хапров[227] (рис. 12, *3*).

---

[214] Bernshtam 1940, 23–31; Artamonov 1973, 48; Akishev 1983, 28–29, 158–169; Kuz'mina 1987, 158–181; Mordvintseva 2003, 54–55, рис. 41; 42, *2–3*; Cat. Almaty 2009, 384–385; Samashev 2013, 144–145, 169–170, рис. 370–372; Bazarbaeva, Dzhumabekova 2018, 528–529, рис. 21.

[215] Matyushchenko, Tataurova 1997, 48, 72–73, рис. 27, *1–2*; Bunker *et al.* 2002, 31, fig. 45; 133; Koryakova 2006, 108, fig. 9, *1*; Brosseder 2011, 375, 376, fig. 24, *13*; Kilunovskaya, Leus 2020, 104, рис. 7, *2*; 107; Zasetskaya 2019, 95–96, илл. 31, *а*.

[216] Brosseder 2011, 357; Kilunovskaya, Leus 2017, 96, рис. 4, *20*; 99; 2018a, 140, рис. 13; 141–142; Kilunovskaya, Leus 2018b, 11–12, fig. 31–32, 35.

[217] Zasetskaya 2011, 21–81, илл. 3–19; 258, № 1 с лит; 2019, 59, 66–67; 69–70; 110, 125, 135, № 1 с лит., табл. I–II.

[218] Zasetskaya 2011, 82–89, илл. 38а, 39–41; 259, № 2 с лит.; 2019, 51, 55, 68, 136, № 4 с лит., табл. IV.

[219] Zasetskaya 2011, 89–93, илл. 38б, 42; 259, № 3 с лит.; 2019, 51, 140, № 14 с лит., табл. XI, *а–b*.

[220] Zasetskaya 2011, 122–155, илл. 58–60, 65–68, 72–74; 260–261, № 4–6 с лит.; 2019, 51, 58–59, 151–153, № 47.1–2; 49 с лит., табл. XIX, *в*; XX.

[221] Zasetskaya 2011, 160–165, илл. 80–82; 262, № 8 с лит.; 2019, 58, 66, 68, 151–153–154, № 50 с лит., табл. XXI, *а*.

[222] Bespaly 1992, 181–182, рис. 7; Mordvintseva, Treister 2007, II, 50, № A67.1, с лит., табл. 26; 78; Kat. Leoben 2009, 221, Nr. 82; Zasetskaya 2011, 158, илл. 79.

[223] Bespaly 1992, 185, рис. 10; Mordvintseva 2003, 90, № 79, рис. 33; Mordvintseva, Treister 2007, II, 50, № A67.5, с лит., рис. 44; Cat. St. Petersburg 2008, 106–107, № 25; Kat. Leoben 2009, 230–231, Nr. 86; Zasetskaya 2011, 112–114, илл. 54, *1, 2а*; 141, № 16 с лит.; табл. XII, *6*.

[224] Bespaly 1992, 179, рис. 3, *3*; 187–188, № 10; Cat. Paris 2001, 212–213, no. 237; Cat. Moscow 2005, 16, № 5; Cat. St. Petersburg 2008, 96, № 16; Kat. Leoben 2009, 216, Nr. 77; Brosseder 2011, 406, fig. 53, *6f.*; Zasetskaya 2019, 167, № 91 с лит., табл. XXXII, *а*.

[225] Mordvintseva, Treister 2007, II, 123–124, № B24.1 с лит., табл. 20; 54; рис. 16; 46; Treister 2007b, 193; Zasetskaya 2015, 171–183, илл. 1; 2, *в*; 3, *б*; 7, *в*; 2019, 50, 154, № 51 с лит., табл. XXI, *6*.

[226] Cat. Paris 2001, 199–200, nos. 224–225; Mordvinceva 2001, 85, Nr. 103, Taf. 51; Mordvintseva 2003, 89, № 67, рис. 27; Kat. Frankfurt 2003, 132–133, Nr. 99–100; Mordvintseva 2007, 238–239; Mordvintseva, Treister 2007, II, 77–78, № A244.10–11 с лит., рис. 38; Zasetskaya 2011, 142–143, илл. 70: *а–б*; 2012a, 356–357, № 3–4; 2012b, 106–107, № 2, рис. 2: *1*; 3: *3*; 2018, 126–137; 2019, 51, 52, 55, 70, 161, № 72.2 с лит., табл. XXVII, *в*; Kleyn 2016, 106, 111–113, рис. 78–81; Mordvintseva 2017, fig. 3.

[227] Cat. Paris 2001, 178–179, no. 198; Mordvintseva 2003, 44, 90, № 74, рис. 30; 2007, 214, 225, 229, 238; Cat. Moscow 2005, 14, № 1; Mordvintseva, Treister 2007, II, 100, № A322.1 с лит., рис. 41; Cat. St. Petersburg 2008, 89, № 10; Kat. Leoben 2009, 208, Nr. 71; Zasetskaya 2011, 152, 154, рис. 76, б; 2012a, 361, № 14; 366, рис. 7; 2012b, 68–69, № 8; рис. 6; 2019,

Вставки из стекла и коралла украшают браслет из разрушенного сарматского погребения I в. н.э. у с. Петрики в Приднепровье[228]. Трудно визуально определить материал вставок серебряной пряжки в форме головы лося из погребения № 2 кургана № 20/1982 у хут. Новый (это могла быть как кость, но так и коралл, другие вставки – стекло)[229]. Предположительно, одна коралловая вставка, наряду со вставками бус из синего стекла, украшает и золотую гривну из Ногайчинского кургана[230]. Кораллом (?) (по отчетной информации – голубой пастой) представлена и единственная вставка золотой подвески в форме кисти руки из датирующегося второй половиной II – первой половиной III в. н.э. погребения № 1 кургана № 18/1985 могильника Высочино-V[231]. Предположительно вставкой из коралла украшена и золотая подвеска каплевидной формы из погребения I в. н.э. № 1 склепа № 612/1996 могильника Усть-Альминского городища[232].

Учитывая возможное происхождение этих вещей, есть основания предполагать использование коралла в качестве материала для вставок как в изделиях центральноазиатских или парфянских, так и боспорских мастерских. Если последние датируются I в. н.э., то очевидно, что и предметы Сибирской коллекции, и пряжки из Тувы и Сидоровки – более ранние. Таким образом, эта традиция пришла на Боспор с Востока. Использование элементов из коралла в ювелирных украшениях фиксируется и для изделий мастерских кушанской Бактрии.

В могильнике у с. Суворово в Юго-Западном Крыму в погребении второй половины III в. н.э. были найдены серебряные серьги со щитком, украшенным коралловой вставкой в напаянном касте[233]. Вставки из коралла встречаются и в ювелирных изделиях позднеантичного – раннесредневекового времени, в частности в серьгах в форме лунниц из могильника Жапырык II Внутреннего Тянь-Шаня (Киргизия)[234].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОРАЛЛА

До недавнего времени коралловые бусы, найденные в Южном Приуралье, Хорезме, в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе считались предметами средиземноморского импорта, поступавшими с запада, или привозными из Индии или Персидского залива[235].

80–81, 94, 96, 107, 151, № 44 с лит., табл. XVIII, *в*; Brosseder 2011, 378, fig. 27; 379; 405, 418, list 2c, no. 1; 2013, 97, 99, Abb. 11; Treister 2019, 201, прим. 111 с лит., рис. 7, *3*.

[228] Zahn 1929, 30–31; Higgins 1976, 20–21, pl. 8B; Treister 2004, 275–279, pl. I–III; Treister 2007a, 146; Mordvintseva, Treister 2007, II, 130, № B37.3 с лит., табл. 6; 56.

[229] Treister 2018, 111, рис. 7.

[230] См. об этом Mordvintseva, Zaitsev 2003, 210.

[231] Bespaly 2000, 161, № . 38, рис. 2, *14* (здесь как вставка из голубой пасты); Cat. Paris 2001, 238, no. 271; Mordvintseva, Treister 2007, II, 21, № A43.1; Bespaly, Luk'yashko 2008, 86, № 38, табл. LXXXI, *14* (здесь как вставка из голубой пасты); Kat. Leoben 2009, 270, Nr. 119; Zasetskaya 2011, 244, илл. 136, *д*.

[232] Loboda *et al.* 2002, 309–310, Nr. 4, Taf. 8, *1*; Mordvintseva, Treister 2007, II, 91, № A293.1 с лит., табл. 42; Puzdrovskiy 2007, 163; Puzdrovskij 2013, 306, Nr. VII.18.

[233] Zaytsev 1997, рис. 58; Aybabin, Khayredinova 2017, 54.

[234] Tashbaeva 2020, 219–220.

[235] Ptashnikova 1952, 108–109; Artemenko, Levchenko 1983, 149; Levina, Dovgalyuk 1995, 206, 211; Levina 1996, 224; Anikeeva 2008, 116; Kovalevskaya 2010, 218; Akbulatov 2014, 25.

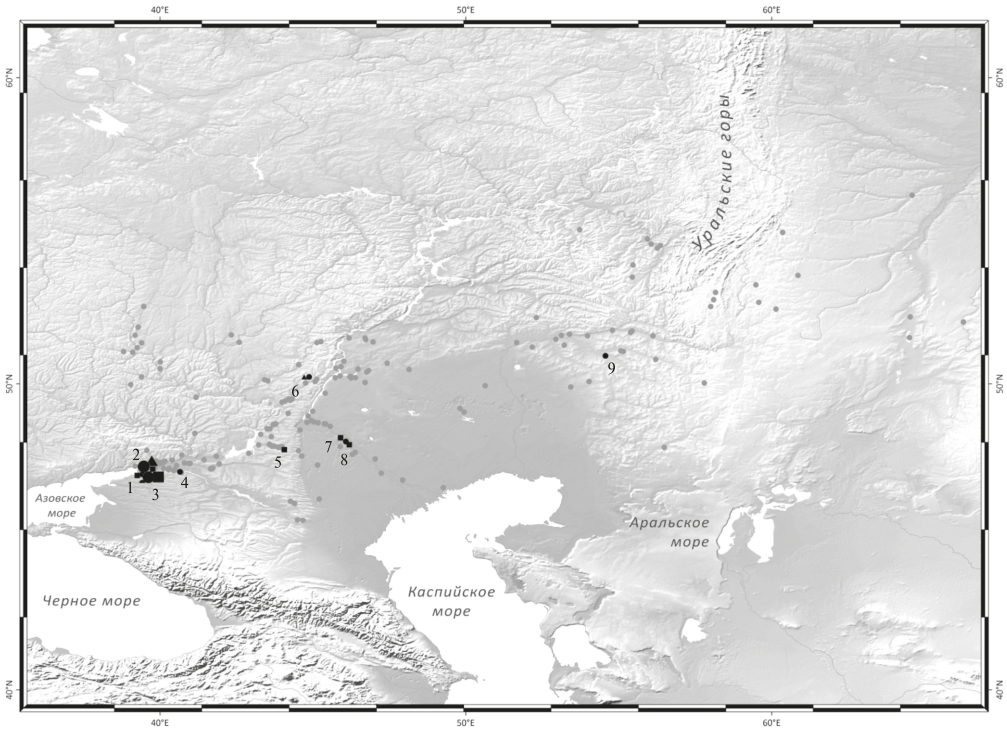


Рис. 10. Распространение коралловых бус и подвесок в сарматских погребениях второй половины II – первой половины III в. н.э. в Нижнем Подонье, Нижнем Поволжье и Южном Приуралье. *Условные обозначения*: ромб – подвески из веточек, круг – бусы, бисер; квадрат – бусы из веточек с продольным каналом; полукруг – вставки, инкрустации; треугольник – редкие формы бус и подвесок. *1* – Новоалександровка-1; *2* – Валовый-I; *3* – Высочино-V; *4* – Красный Кут; *5* – Перегрузное; *6* – Племхоз; *7* – Старица; *8* – Барановка; *9* – Покровка. *Подоснова карты – Г.П. Гарбузов; карта – М.Ю. Трейстер, 2020 г.*

Коралловые бусы из Пашковского могильника № 1, как показал проведенный анализ, не являются изделиями из благородного коралла Corallium rubrum, а относятся к ископаемому кораллу рода Moltkia позднемеловой эпохи, который известен на территории юга России, но чаще всего встречается на полуострове Мангышлак[236]. Не исключено, что это объясняет высокий процент бус из кораллов в общей массе бус из комплексов джетыасарской культуры.

Проводившиеся специальные (рамановские спектроскопические / Raman spectrography) исследования кораллов и коралловых вставок из латенских памятников[237] и позднеримских могильников на территории Германии[238] показали, что даже в случае обесцвечивания кораллов есть все основания относить их к «красным кораллам». Другое дело, что, учитывая таксономическое разнообразие

[236] Kuz'micheva 2016, 333–338.
[237] Fürst *et al.* 2016, 1–23.
[238] Gruber *et al.* 2019, 138–144.

Рис. 11. Коралловые бусы и подвески второй половины II – первой половины III в. н.э. из сарматских погребений в Нижнем Подонье и Нижнем Поволжье. *1* – Красный Кут. Курган № 4/1989. Погребение № 1. ГЛИАМЗ, инв. № НВ-5189/25; *2* – Высочино-II. Курган № 2/1983. Погребение № 2. АИАПМЗ, инв. № КП-20200/69; *3* – Племхоз. Курган № 8/2003. Погребение № 1. ВОКМ, инв. № 32315/8; *4* – Старица. Курган № 55/1961. Погребение 1. АГОИАМЗ, инв. № 11989/424. *Фото М.Ю. Трейстера, 2015 г.*

кораллов, далеко не всегда можно определенно относить их к благородным кораллам Corallium rubrum[239].

Поскольку специальные исследования коралловых бус и подвесок из сарматских погребений не производились, говорить обоснованно об их происхождении трудно, однако, учитывая сравнительную редкость кораллов, подвески из их веточек можно с большой степенью вероятности определять как обесцвеченные благородные кораллы Corallium rubrum средиземноморского происхождения.

В качестве критерия отличия ископаемых кораллов от благородных Е.И. Кузьмичева указывает, в частности, на то, что у бус из Пашковского могильника № 1 канал проходил через «податливое» отверстие – продольный канал, который является одним из диагностических признаков ископаемых кораллов, тогда как у красного благородного коралла Corallium rubrum отверстие под нитку бус пробуравливают поперек веточки[240]. Если исходить из этого критерия, то по крайней

[239] Fürst *et al.* 2016, 19; Gruber *et al.* 2019, 144.
[240] Kuz'micheva 2016, 335.

1

2

3

4

Рис. 12. Изделия с инкрустациями из коралла. *1* – Дачи. Курган № 1/1986. Тайник. Чаша-фалар полусферической формы со вставками. АИАПМЗ, инв. № 23458/31; *2* – Мигулинская. Разрушенное погребение. Случайная находка, 1864 г. Кубок. ГИМ, инв. 53072. Б 229/1; *3* – Хапры. Курган № 3/1988. Тайник. Бляха поясная. АИАПМЗ, инв. № 24444/1–2; *4* – Садовый курган. Новочеркасск, 1961. Фалар. РОМК, Инв. 2533/20. *Фото музеев*

мере наиболее характерные для погребений III–I вв. до н.э. подвески из веточек коралла с поперечными каналами для продевания нити следует рассматривать как благородные кораллы Corallium rubrum.

ВЫВОДЫ

Впервые кораллы попадают к кочевникам Евразии в IV в. до н.э.– на Южный Урал, а несколько позже появляются и в Нижнем Поволжье, и на Нижнем Дону. Откуда поступал этот коралл, неизвестно. Хотя примерно в это же время он появляется в Северном Причерноморье, но в Скифии бусы и подвески из коралла

практически неизвестны, поэтому трудно представить его распространение на восток через степи Северного Причерноморья. Весьма вероятно, что редкие находки коралловых украшений в погребениях кочевников Нижнего Дона, в первую очередь подвески в золотых оправах из «царского» 8-го Пятибратнего кургана около середины IV в. до н.э., могли поступать из Средиземноморья через факторию Елизаветовского городища. Интересно, что в эллинистическое время изделия из коралла в Греции и Восточном Средиземноморье практически неизвестны.

Однако ранние находки коралловых бус в Южном Приуралье скорее можно объяснить контактами с ахеменидским Ираном, где коралл использовался для изготовления бус, бисера и подвесок. Интересно, что коралловый бисер был найден и в кладе ювелирных изделий и украшений из Пасаргад, и в богатом женском погребении кургана № 1 могильника Филипповка 1.

Вероятнее всего, с изменением политической ситуации на Переднем Востоке после падения державы Ахеменидов изменяются и пути поступления коралла к кочевникам Евразии. Есть основания полагать, что по крайней мере с первой половины II в. до н.э., т.е. задолго до того, как Плиний Старший написал об интересе к средиземноморскому кораллу в Индии, он мог поступать в Центральную Азию через Индию морем, а далее сухим путем – через Греко-Бактрию или Хорезм. Не исключено, однако, что с падением Греко-Бактрийского царства и этот путь поступления трансформировался.

Менее вероятным представляется мне путь поступления кораллов в Центральную Азию, о котором пишет Э.В. Ртвеладзе, не затрагивая, впрочем, вопросы времени его существования – «через Эгейское море в Византий, а затем вдоль южного побережья Черного моря в Фасис и далее по долине Куры к Каспийскому морю, а по ответвлениям этого пути через Дар-и Алан и побережье Каспия на Северный Кавказ и Нижнее Поволжье. Через Каспийское море кораллы, наряду с другими товарами, доставлялись в Гирканию, Парфиену, Маргиану и в Бактрию, в долину Окса частично по дороге, описанной Исидором Харакским, или по Узбою в Хорезм, а по Келифскому Узбою в Маргиану и далее в Бактрию»[241].

Во II–I вв. до н.э. зафиксированы украшения из веточек коралла в погребениях сюнну в Туве, на Горном Алтае и в памятниках на территории Хакассии. Каким образом попали сюда кораллы, сказать определенно трудно. Они, конечно, могли попасть туда во II в. до н.э. и сухопутным путем через Центральную Азию и Приаралье, где серьги с подвесками из веточек кораллов представлены находками в памятниках чирикрабатской культуры. Однако в это же время кораллы начинают поступать в Китай, и есть все основания, учитывая контексты редких находок коралловых бус и подвесок в погребальных памятниках сюнну и так называемом китайском доме в районе Абакана, скорее считать, что они попали к кочевникам через Китай, где они представлены находками, в частности, в погребении конца II–I вв. до н.э. могильника Даодунзи на севере, куда в свою очередь могли быть доставлены по морю из Индии или по суше по так называемой южной ветке Шелкового пути. Впрочем, в расположенном на ней могильнике

[241] Rtveladze 2012, 255.

поселения Ния коралловые бусы и подвески были найдены в погребении, датируемом по данным C_{14} несколько более поздним временем, III в. н.э.

Если в последние века до н.э. в погребальных комплексах Азиатской Сарматии очень распространены были подвески в виде необработанных веточек с поперечными отверстиями вверху для подвешивания, то в I – первой половине II в. н.э. они становятся редкими, а для погребений позднесарматского времени вообще нехарактерны. В первые века н.э. из коралла изготавливали, как правило, цилиндрические бусы и пронизи или пронизи из отрезков необработанных веточек коралла. В позднесарматскую эпоху изредка встречались и редкие формы подвесок, каплевидной или треугольной формы, а также пронизи в форме астрагалов барана. В целом необходимо признать, что в погребениях Азиатской Сарматии изделия из коралла встречаются хотя и очень редко по сравнению с украшениями из других материалов, но на фоне их редкости в последние века до н.э. – первые столетия н.э. вообще представляют собой очень интересный феномен. Если исходить из высокой стоимости коралла в это время, а для этого есть все основания, то очевидно, что за исключением находок IV в. до н.э. в погребениях скифской знати на Нижнем Дону и сарматской – в Южном Приуралье, в более позднее время, начиная с III–II вв. до н.э., они далеко не всегда использовались как украшения именно в погребениях элиты.

Совсем иначе распределяются предметы с инкрустацией из коралла, найденные в сарматских погребениях. Подобно тому, как коралл использовался в качестве вставок в металлических украшениях и бронзовых сосудах эпохи раннего латена в Европе, в последние века до н.э. он начинает использоваться в качестве элементов ювелирных изделий (гривна из городища Ширин в Западной Фергане), вставок в пряжки и поясные пластины из золота и гагата южносибирского и центральноазиатского происхождения, а к I в.н.э. используется для декора широкого спектра изделий и украшений из золота, найденных в сарматских погребениях Северного Причерноморья, главным образом из курганов Нижнего Подонья. Есть основания рассматривать некоторые из них как импорты из Центральной Азии, другие – как изделия боспорских мастеров. Если у кельтов изделия со вставками из коралла были своеобразными маркерами не только престижных предметов, но и более широко распространенных, например, фибул[242], то у кочевников Евразии I в. до н.э. – I в.н.э. они применялись в декоре исключительно престижных предметов, как правило, сосудов, пряжек или украшений из золота.

Литература / References

Abramova, M.P. 1987: *Podkumskiy mogil'nik* [*Podkumskiy Burial-Ground*]. Moscow.
Абрамова, М.П. *Подкумский могильник*. Москва.

Akbulatov, I.M. 2014: [Economic relations of the tribes of the Southern Urals with antique centers]. In: E.A. Kruglov-Mavridis, M.I. Rodnov (eds.), *Nasledniki «Grecheskogo proekta»* [*The Heirs of the "Greek Project"*]. Ufa, 24–32.
Акбулатов, И.М. Экономические связи племён Южного Урала с античными центрами. В сб.: Е.А. Круглов-Мавридис, М.И. Роднов (ред.), *Наследники «Греческого проекта»*. Уфа, 24–32.

[242] Fürst 2014, 41, 54–57.

Akishev, K.A., Akishev, A.K. (eds.) 1983: *Drevnee zoloto Kazakhstana* [*The Ancient Gold of Kazakhstan*]. Almaty.

Акишев, К.А., Акишев, А.К. (сост.), *Древнее золото Казахстана*. Алматы.

Alekseeva, E.M. 1982: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [*Ancient Beads of the North Pontic Area*]. Pt. III. Moscow.

Алексеева, Е.М. *Античные бусы Северного Причерноморья.* Ч. III. (САИ, Г1–12). Москва.

Allsen, T.T. 2019: *The Steppe and the Sea: Pearls in the Mongol Empire.* Philadelphia.

Anikeeva, O.V. 2008: [Mineralogic and petrographic study of stone material from the burial complexes of the Pokrovka 10 burial-ground]. In: V. Yu. Malashev, L.T. Yablonskiy (eds.), *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogil'nika Pokrovka 10)* [*The Steppe Population of the South Urals in the Late Sarmatian Period (on the Materials from the Pokrovka 10 Burial-Ground)*]. Moscow, 114–117.

Аникеева, О.В. Минералого-петрографическое исследование каменного материала из погребальных комплексов могильника Покровка 10. В кн.: В.Ю. Малашев, Л.Т. Яблонский (ред.), *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10)*. М., 114–117.

Anikeeva, O.V., Bytkovskiy, O.F. 2013: [The origin and distribution of the stone beads from the early Sarmatian burials of the Southern Trans-Urals]. In: A.D. Tairov, N.O. Ivanova (eds.), *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [*The Ethnic Interactions in the Southern Urals*]. Chelyabinsk, 286–303.

Аникеева, О.В., Бытковский, О.Ф. Происхождение и распределение каменных бус из раннесарматских погребений Южного Зауралья. В сб.: А.Д. Таиров, Н.О. Иванова (ред.), *Этнические взаимодействия на Южном Урале.* Челябинск, 286–303.

Anikeeva, O.V., Yablonskiy, L.T. 2019: [Elements of priestess funeral dress from Filippovka I burial-ground: materials to reconstruction]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [*Archaeology of the Eurasian Steppes*] 1, 12–32.

Аникеева, О.В., Яблонский, Л.Т. Элементы погребального костюма жрицы из Филипповских курганов: материалы к реконструкции. *Археология евразийских степей* 1, 12–32.

Apakidze, A.M., Gobedzhishvili, G.F., Kalandadze, A.N., Lomtatidze, G.A. 1958: *Mtskheta. Itogi arkheologicheskikh issledovaniy.* T.I. *Arkheologicheskie pamyatniki Armazis-Khevi po raskopkam 1937–1946 gg.* [*Mtskheta. The Results of Archaeological Research*. Vol. I. *Archaeological Monuments of Armazis-Khevi from the Excavations of 1937–1946*]. Tbilisi.

Апакидзе, А.М., Гобеджишвили, Г.Ф., Каландадзе, А.Н., Ломтатидзе, Г.А. *Мцхета. Итоги археологических исследований.* Т.I. *Археологические памятники Армазис-Хеви по раскопкам 1937–1946 гг.* Тбилиси.

Arsen'eva, T.M., Bezuglov, S.I., Tolochko, I.V. 2001: *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981–1995 gg.* [*Necropolis of Tanais. Excavations 1981–1995*]. Moscow.

Арсеньева, Т.М., Безуглов, С.И., Толочко, И.В. *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг.* М.

Artamonov, M.I. 1973: *Sokrovishcha sakov* [*The Treasures of Saka*]. Moscow.

Артамонов, М.И. *Сокровища саков*. Москва.

Artemenko, I.I., Levchenko, B.M. 1983: [A Sarmatian burial near the village of Bashtechki of the Cherkassy region]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 2, 144–151.

Артеменко, И.И., Левченко, Б.М. Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области. *СА* 2, 144–151.

Aybabin, A.I., Khayredinova, E.A. 2017: *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.)* [*Crimean Goths of the Country of Dori (Mid-3rd–7th Cent.)*]. Simferopol.

Айбабин, А.И., Хайрединова, Э.А. *Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.)*. Симферополь.

Balabanova, M.A. (ed.) 2014: *Kurgannyy mogil'nik Peregruznoe I: rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [*Tumular Necropolis Peregruznoe I: Results of Interdisciplinary Studies*]. Volgograd.

Балабанова, М.А. (ред.), *Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований.* Волгоград.

Barinova, E.B. 2012: [Penetration of Chinese material culture into South Siberia in pre-Mongol period]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Tomsk State University Journal*] 362, 73–79.

Баринова, Е.Б. Проникновение китайской материальной культуры в Южную Сибирь в домонгольское время. *Вестник Томского государственного университета* 362, 73–79.

Baypakov, K.M., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A. 2005: *Rannesrednevekovye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana* [*Early Medieval Necropoleis of South Kazakhstan*]. Pt. I–II. Almaty.
Байпаков, К.М., Смагулов, Е.А., Ержигитова, А.А. *Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана*. Ч. I–II. Алматы.

Bazarbaeva, G., Dzhumabekova, G. 2018: [The art of the Saka of Kazakhstan]. In: A. Ongaruly (ed.), *Zoloto vlastelinov kazakhskikh stepey* [*Gold of the Lords of the Kazakh Steppes*]. Daejeon, 494–535.
Базарбаева, Г., Джумабекова, Г. Искусство саков Казахстана. В кн.: А. Онгарулы (ред.), *Золото властелинов Казахских степей*. Тэджон, 494–535.

Beck, H.C. 1941: *The Beads from Taxila.* (Memoirs of the Archaeological Survey of India, 65). Delhi.

Beglova, E.A. 2005: [A rich female burial from the Tenginskaya burial-ground]. In: L.M. Noskova (ed.), *Material'naya kul'tura Vostoka* [*Material Culture of the East*]. Issue 4. Moscow, 166–181.
Беглова, Е.А. Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника. В кн.: Л.М. Носкова (ред.), *Материальная культура Востока*. Вып. 4. М., 166–181.

Beglova, E.A., Erlikh, V.R. 2018: *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya. Po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika* [*The Maiotians of the Trans-Kuban Area in the Sarmatian Period. After the Materials of the Tenginskaya Burial-Ground*]. Moscow–Saint Petersburg.
Беглова, Е.А., Эрлих, В.Р. *Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника*. М.–СПб.

Belenitskiy, A.M. 1954: [Archaeological works in Pyandzhikent]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [*Brief Reports of the Institute of History of the Material Culture*] 55, 31–47.
Беленицкий, А.М. Археологические работы в Пянджикенте. *КСИИМК* 55, 31–47.

Belenitskiy, A.M. 1960: [On the coral pendant from Pendzhikent]. *Izvestiya otdela obshchestvennykh nauk AN Tadzhikskoy SSR* [Reports of the Department of Social Sciences of the Academy of Sciences of Tadzhik SSR] 1, 67–68.
Беленицкий, А.М. О коралловой подвеске из Пенджикента. *Известия Отдела общественных наук АН Таджикской ССР* 1, 67–68.

Benea, D. 2004: *Die römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscum / Atelierele Romane de mărgele de la Tibiscum.* Timişoara.

Benea, D. 2008: Accesorii vestimentare. Mărgelele (I). Între import şi producţie internă [Clothing accessories. Beads (I). Between import and local production]. *Bibliotheca Historica et Archaeologica Universitatis Timisiensis* 10, 134–166.

Berestnev, R.S. 2017: *Sarmaty v mezhdurech'e Khopra i Volgi* [*Sarmatians in the Interfluve of Khoper and Volga*]. Ph.D. Thesis. Voronezh.
Берестнев, Р.С. *Сарматы в междуречье Хопра и Волги*. Дисс. ... к.и.н.. Воронеж.

Berezin, Ya.B. 2007: [Sarmatian burials from the area of Pyatigor'e (based on the materials of excavations by "Heritage" enterprise of Stavropol]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [*Archeological Materials and Researches of the North Caucasus*] 8, 67–99.
Березин, Я.Б. Сарматские погребения с территории Пятигорья (по материалам раскопок ГУП «Наследие», г. Ставрополь). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 8, 67–99.

Berlizov, N.E. 2011: *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n.e. – V v. n.e.* [*The Rhythms of Sarmatia. Sauromato-Sarmatian Tribes of the Southern Russia in the 7th Cent. BC – 5th Cent. AD*]. Pt 1. Krasnodar.
Берлизов, Н.Е. *Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э.* Ч. 1. Краснодар.

Bernshtam, A.N. 1940: [A gold diadem from the shaman burial on the Kargalinka river]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [*Brief Communications of the Institute of History of the Material Culture*] 5, 23–31.
Бернштам, А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. *КСИИМК* 5, 23–31.

Bespalyy, G.E., Vereshchagin, V.V. 2013: [A crypt excavated in 2001 in the Eastern necropolis of Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [*Materials on the Archaeology and History of Phanagoria*]. Issue 1. Moscow, 136–177.

Беспалый, Г.Е., Верещагин, В.В. Склеп 2001 г. на Восточном некрополе Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1. (Фанагория. Результаты археологических исследований, 1). Москва, 136–177.

Bespaly, E.I. 1986: Barrows with Roman imports excavated by the expedition of the Azov regional museum in 1979–84. In: B.A. Raev (ed.), *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR International series, 278). Oxford, 75–78.

Bespaly, E.I. 1992: [A Sarmatian kurgan near the town of Azov]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 1, 175–191.
Беспалый, Е.И. Курган сарматского времени у г. Азова. *СА* 1, 175–191.

Bespaly, E.I. 2000: [Late Sarmatian burial of the Vysochino-V cemetery at the Kagalnik–Don watershed]. In: Yu.K. Guguev (ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [*The Sarmatians and their Neighbors on the Don*]. Rostov-on-Don, 156–168.
Беспалый, Е.И. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном. В сб.: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону*. (Материалы и исследования по археологии Дона, 1). Ростов-на-Дону, 156–168.

Bespaly, E.I., Bespalaya, N.E., Raev, B.A. 2007: *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyy mogil'nik «Valovyy 1»* [*The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Cemetery "Valovyy 1"*]. Rostov-on-Don.
Беспалый, Е.И., Беспалая, Н.Е., Раев, Б.А. *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1»*. (Материалы и исследования по археологии Юга России, 2). Ростов-на-Дону.

Bespaly, E.I., Luk'yashko, S.I. 2008: *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Vysochino* [*The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Cemetery near the Village of Vysochino*]. Rostov-on-Don.
Беспалый, Е.И., Лукьяшко, С.И. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино*. (Материалы и исследования по археологии Юга России, 1). Ростов-на-Дону.

Bespaly, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018: *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Novoaleksandrovka* [*The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Cemetery near the Village of Novoaleksandrovka*]. Rostov-on-Don.
Беспалый, Е.И., Лукьяшко, С.И. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалексадровка* (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I. Т. 2). Ростов-на-Дону.

Bezrukov, A.V. 2008: [Trade communications in the Volga-Ural Region according to written and archaeological sources (6th cent. B.C. – 7th cent. A.D)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 22, 127–136.
Безруков, А.В. Торгово-экономические связи Волго-Камья по данным письменных и археологических источников (VI в. до н.э. – VII в. н.э.). *ПИФК* 22, 127–136.

Blečić Kavur, M., Kavur, B. 2017: Many shades of translucent: amphoriskos-shaped glass beads from Vičja luka. *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku* 110/1, 93–112.

Brosseder, U. 2011: Belt plaques as an indicator of East-West relations in the Eurasian steppe at the turn of the millennia. In: U. Brosseder, B.K. Miller (eds.), *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 5). Bonn, 349–424.

Bukharin, M.D. 2007: *Neizvestnogo avtora «Peripl Eritreyskogo morya»* [*"Periplus of the Erythrean Sea" of the Unknown Author*]. Moscow.
Бухарин, М.Д. *Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»*. М.

Bunker, E.C., Watt, J.C.Y., Zhixin Sun 2002: *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections.* New York–New Haven–London.

Caley, E.R., Richards, J.F.C. 1956: *Theophrastus on Stones. Introduction, Greek Text, English Translation, and Commentary*. Columbus.

Casson, L. 1989: *The Periplus Maris Erythraei: Text with Introduction, Translation, and Commentary*. Princeton.

Cat. Almaty 2009: *Kul'tura rannikh kochevnikov Kazakhstana. Arkheologicheskaya kollektsiya Tsentral'nogo gosudarstvennogo muzeya Respubliki Kazakhstan [The Culture of the Early Nomads of Kazakhstan. Archaeological Collection of the Central State Museum of the Republic Kazakhstan]*. Almaty.
Культура ранних кочевников Казахстана. Археологическая коллекция ЦГМ РК. Алматы.

Cat. Dushanbe 1985: Belenitskiy, A.M., Zeymal', E.V. (eds.), *Drevnosti Tadzhikistana. Katalog* [*Antiquities of Tadzhikistan. Catalogue*]. Dushanbe.
Беленицкий, А.М., Зеймаль, Е.В. (ред.), *Древности Таджикистана. Каталог*. Душанбе.
Cat. London 2017: Simpson, St. J., Pankova, S. (eds.), *The BP Exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia.* London.
Cat. Moscow 2005: Gabuev, T.A. *Alanskiy vsadnik. Sokrovishcha knyazey I–XII vekov* [*The Alanian Horseman. The Princely Treasures of the 1st–12th Centuries*]. Moscow.
Габуев, Т.А. *Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков.* М.
Cat. Novocherkassk 1979: Raev, B.A. (ed.), *Katalog arkheologicheskikh kollektsiy. Muzey istorii donskogo kazachestva* [*The Catalogue of Archaeological Collections. The Museum of History of Don Cossacks*]. Novocherkassk.
Раев, Б.А. (ред.), *Каталог археологических коллекций. Музей истории донского казачества*. Новочеркасск.
Cat. Novocherkassk 1981: Raev, B.A. (ed.), *Novocherkasskiy muzey istorii donskogo kazachestva. Katalog vystavki novykh postupleniy otdela arkheologii (1970–1980 gg.)* [*Novocherkassk Museum of History of Don Cossacks. Catalogue of the Exhibition of New Acquisitions of the Department of Archaeology (1970–1980)*]. Novocherkassk.
Раев, Б.А. (ред.), *Новочеркасский музей истории донского казачества. Каталог выставки новых поступлений отдела археологии (1970–1980 гг.)*. Новочеркасск.
Cat. Paris 2001: Schiltz, V. (ed.), *L'or des Amazones.* Paris.
Cat. Rostov-on-Don 2004: Maksimenko, V.E., Konevskaya, T.I. (eds.), *Sokrovishcha donskikh stepey. Iz sobraniya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [*The Treasures of the Don Steppes from the Collection of Rostov Regional Local Lore Museum*]. Rostov-on-Don.
Максименко, В.Е., Коневская, Т.И. (ред.), *Сокровища донских степей. Из собрания Ростовского областного музея краеведения*. Ростов-на-Дону.
Cat. St. Petersburg 2008: *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.B. Piotrovskogo* [*The Threasures of the Sarmatians. Exhibition Catalogue. To the 100th Anniversary of B.B. Piotrovskij*]. Saint Petersburg.
Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Пиотровского. СПб.
Chudjakov, J.S. 1997: Hunnenzeitliche Tracht einer Nomadin aus dem Hochaltai. *Eurasia antiqua* 3, 581–594.
Cool, H.E.M. 2010: Objects of glass, shale, bone and metal (except nails). In: P. Booth, A. Simmonds, A. Boyle, S. Clough, H.E.M. Cool, D. Poore (eds.), *The Late Roman Cemetery at Lankhills, Winchester. Excavations 2000–2005.* (Oxford Archaeology Monograph, 10). Oxford, 267–308.
Cool, H.E.M. 2016: *The Small Finds and Vessel Glass from Insula VI.1 Pompeii: Excavations 1995–2006.* (Archaeopress Roman Archaeology, 17). Oxford.
D'Annibale, C. 2018: Marine shells. In: J.C. Carter, K. Swift (eds.), *The Greek Sanctuary at Pantanello.* Vol. 2. (The Chora of Metaponto, 7). Austin, 473–502.
Davis-Kimball, J. 2002: Statuses of eastern early Iron Age nomads. *Ancient East and West* 1/2, 333–356.
De Romanis, F. 2000: Esportazioni di corallo mediterraneo in India nell'età ellenistico-romana. In: J.-P. Morel, C. Rondi-Costanzo, D. Ugolini (eds.), *Corallo di ieri, corallo di oggi. Atti del convegno, Ravello, Villa Rufolo, 13–15 dicembre 1996.* (Travaux du Centre Camille Jullian, 25). Bari, 211–216.
De Waele, A. 2007: The beads of ed-Dur (Umm al-Qaiwain, UAE). *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 37, 297–308.
Dovgalyuk, N.P. 2008: [Beads of the Tsemdolina necropolis]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsemdolinskogo mogil'nika* [*The Aspurgians on the South-East of Bosporus Asiaticus: Materials from the Tsemdolina Necropolis*]. Moscow, 188–243.
Довгалюк, Н.П. Бусы Цемдолинского некрополя. В кн.: А.А. Малышев (ред.), *Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника.* (Некрополи Черноморья, 2). М., 188–243.
Dovgalyuk, N.P. 2011: [Beads of the Shirokaya Balka necropolis]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Naselenie predgoriy Severo-Zapadnogo Kavkaza v rimskuyu epokhu po materialam nekropolya v Shirokoy Balke* [*Population of the North-Western Caucasus Piedmonts in the Roman Epoch According to the Materials from the Shirokaya Balka Necropolis*]. Moscow, 303–368.

Довгалюк, Н.П. Бусы из некрополя Широкая Балка. В кн.: А.А. Малышев (ред.), *Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху по материалам некрополя в Широкой Балке*. (Некрополи Черноморья, 4). М., 303–368.

Dresvyanskaya, G.A. 1969: [Beads from Old Merv fortified settlement]. In: M.E. Masson (ed.), *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [*Proceedings of the South-Turkmenistan archaeological complex expedition*]. XIV. Ashkhabad, 62–85.
Дресвянская, Г.А. Бусы с городища Старый Мерв. В сб.: М.Е. Массон (ред.), *Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции* XIV. Ашхабад, 62–85.

Druzhinina, A.P., Inagaki, Kh. 2009: [General results of the archaeological studies on the fortified settlement Takhti-Sangin in 2007]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [*Archaeological Works in Tadjikistan*] XXXIII, 101–106.
Дружинина, А.П., Инагаки, Х. Общие результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2007 г. *Археологические работы в Таджикистане* XXXIII, 101–106.

Druzhinina, A.P., Khudzhageldiev, T.U. 2009: [The report on the excavations on the square of Oxus temple on the fortified settlement Takhti-Sangin in 2007. The continuation of the excavations in the section Temple no. 17 and no.18]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [*Archaeological Works in Tadjikistan*] XXXIII, 107–136.
Дружинина, А.П., Худжагелдиев, Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18. *Археологические работы в Таджикистане* XXXIII, 107–136.

Druzhinina, A.P., Khudzhageldiyev, T.U., Inagaki, H. 2010: Report of the excavations of the Oxus temple in Takhti-Sangin settlement site in 2007. *Bulletin of Miho Museum* 10, 63–82.

Dvornichenko, V.V., Plakhov, V.V., Sergatskov, I.V. 2002: [Sarmatian burials near the village of Komsomolskiy, Astrakhan region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Lower Volga Archaeological Bulletin*] 5, 225–250.
Дворниченко, В.В., Плахов, В.В., Сергацков, И.В. Сарматские погребения у поселка Комсомольский Астраханской области. *HAB* 5, 225–250.

Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1989: [Excavations of the burial-mounds in the construction zones of Kalmyk-Astrakhan and Nikol'skaya rice irrigation systems]. In: K.A. Smirnov (ed.), *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdey i drevnie goroda Povolzh'ya* [*The Treasures of the Sarmatian Chieftains and the Ancient Cities of the Volga Region*]. Moscow, 14–132.
Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем. В сб.: К.А. Смирнов (ред.), *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. М., 14–132.

Dzneladze, E.S. 2016: *Busy i podveski sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [*Beads and Pendants of the Sarmatians of the North Pontic Area*]. Ph.D. thesis. Kiev.
Дзнеладзе, Е.С. *Бусы и подвески сарматов Северного Причерноморья*. Дисс. ... к.и.н. Киев.

Ebert, M. 1913: Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Süd-Russland). *Praehistorische Zeitschrift* 5/1–2, 1–80.

Echt, R. 2007: Geklebt, genietet, hinter Gitter: Korallen im Kunsthandwerk der Früh-La-Tène-Zeit. In: H. Kelzenberg, P. Kiessling, S. Weber (Hrsg.), *Forschungen zur Vorgeschichte und Römerzeit im Rheinland: Hans-Eckart Joachim zum 70. Geburtstag gewidmet*. (Beihefte der Bonner Jahrbücher, 57). Mainz, 71–94.

Egiimaa, T.S. 2011: Adornments of the Xiongnu. In: G. Ėrėgzėn (ed.), *Treasures of the Xiongnu*. Ulaanbaatar, 112–129.

Endt-Jones, M. (ed.) 2013: *Coral: Something Rich and Strange*. Liverpool.

Evtyukhova, L.A., Levasheva, V.P. 1946: [Excavations of the Chinese house near Abakan]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [*Brief Reports of the Institute of History of the Material Culture*] 12, 72–84.
Евтюхова, Л.А., Левашева, В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана. *КСИИМК* 12, 72–84.

Faraone, C.A. 2016: Some further remarks on Greek magical gems. In: A. Szabó (ed.), *From Politês to Magos. Studia György Németh sexagenario dedicata*. Budapest–Debrecen, 105–115.

Faraone, C.A. 2019: Cultural plurality in Greek magical recipes for oracular and protective statues. In: L.M. Bortolani, W.D. Furley, S. Nagel, J.F. Quack (eds.), *Cultural Plurality in Ancient Magical Texts and Practices. Graeco-Egyptian Handbooks and Related Traditions*. Tübingen, 171–188.

Fedorov, V.K. 2011: [Burial-mound 12 of Starye Kiishki necropolis]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Ufa Archaeological Journal*] 11, 28–38.
Федоров, В.К. Курган 12 могильника Старые Киишки. *Уфимский археологический вестник* 11, 28–38.

Feugère, M. 2000: Le corail à l'époque romaine. In: J.-P. Morel, C. Rondi-Costanzo, D. Ugolini (eds.), *Corallo di ieri, corallo di oggi. Atti del convegno, Ravello, Villa Rufolo, 13–15 dicembre 1996.* (Travaux du Centre Camille Jullian, 25). Bari, 205–210.

Francis, P., Jr. 2002: *Asia's Maritime Bead Trade: 300 BC to the Present.* Honolulu.

Fürst, S. 2014: Korallen am Übergang zur Frühlatènezeit – Zum wissenschaftlichen Potential eines problematischen Schmuckmaterials. In: S. Hornung (Hrsg.), *Produktion – Distribution – Ökonomie.* (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 258). Bonn, 41–66.

Fürst, S., Müller, K., Gianni, L., Paris, C., Bellot-Gurlet, L., Pare, C.F.E., Reiche, I. 2016: Raman investigations to identify *Corallium rubrum* in Iron Age jewelry and ornaments. *Minerals* 6/2, 56.

Gadzhiev, M.S. 1997: *Mezhdu Evropoy i Aziey. Iz istorii torgovykh svyazey Dagestana v albano-sarmatskiy period* [*Between Europe and Asia. From the History of the Trade Relations of Dagestan in the Albano-Sarmatian Period*]. Makhachkala.
Гаджиев, М.С. *Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период*. Махачкала.

Gawlikowski, M. 2018: Indian trade between the Gulf and the Red sea. *Polish Archaeology in the Mediterranean* 26/2, 15–30.

Gey, O.A., Symonovich, E.A. 2019: *Pozdneskifskiy mogil'nik Krasnyy mayak (raskopki 1976–1977 gg.)* [*Late Scythian Necropolis Krasnyy Mayak (Excavations of 1976–1977)*]. Moscow.
Гей, О.А., Сымонович, Э.А. *Позднескифский могильник Красный маяк (раскопки 1976–1977 гг.).* М.

Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011: *Nekropol' Paniardisa* [*Necropolis of Paniardis*]. Rostov-on-Don.
Горбенко, А.А., Косяненко, В.М. *Некрополь Паниардиса*. (Донские древности, 11). Ростов-на-Дону.

Gruber, C., Hüdepohl, S., Mach, M. 2019: Korallenperlen aus spätrömischen Gräbern von *Guntia*/Günzburg und ihre archäometrische Analyse mittels Raman-Spektrometrie. *Berichte der bayerischen Bodendenkmalpflege* 60, 129–147.

Grumeza, L. 2011: The Sarmatian necropolis from Foeni (Timiş county). *Analele Banatului, Serie noua, Arheologie – Istorie* XIX, 181–205.

Grumeza, L. 2013a: Roman beads found in Tibiscum. In: I.V. Ferencz, N.C. Rişcuta, O.T. Bărbat (eds.), *Archaeological Small Finds and their Significance. Proceedings of the Symposion: Costume as an Identity Expression*. Deva, 139–158.

Grumeza, L. 2013b: *Sarmatian Necropolises and Graves from the Territory of Banat (1st–4th Century AD).* Ph.D. Diss. Alba Iulia.

Grumeza, L. 2014: *Sarmatian Cemeteries from Banat (late 1st – early 5th Centuries AD).* Cluj-Napoca.

Grumeza, L. 2016: Sarmatian personal ornaments from the south-eastern part of the Great Hungarian Plain during the 1st–3rd centuries CE: imports and local production. In: V. Cojocaru, A. Rubel (eds.), *Mobility in Research on the Black Sea Region*. Cluj-Napoca, 439–482.

Guguev, V.K., Nechiporuk, A.A. 2020: [The burial with imports from the necropolis of Temernitskoe fortified settlement]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [*The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC –400 AD)*]. Vol. VI. Simferopol, 189–214.
Гугуев, В.К., Нечипорук, А.А. Погребение с римским импортом из некрополя Темерницкого городища. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.).* Т. VI. Симферополь, 189–214.

Guguev, V.K., Treister, M. Ju. 1992: Une oenochoé de bronze a scènes mythologiques provenant d'un kourgane sarmate de la région de Rostov. *Revue Archéologique* 2, 243–271.

Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994: *«Zolotoe kladbishche» rimskoy epokhi v Prikuban'e* ["*Golden Cemetery*" *of the Roman Period in the Kuban Area*]. Saint Petersburg.
Гущина, И.И., Засецкая, И.П. *«Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье.* СПб.

Hackin, J. 1939: *Recherches archéologiques à Begram. Chantier No. 2 (1937).* (MDAFA, IX). Paris.

Haerinck, E. 2001: *The University of Ghent South-East Arabian Archaeological Project. Excavations at ed-Dur (Umm al-Qaiwain, United Arab Emirates*). Vol. II: *The Tombs*. Leuven.

Hermary, A. 2000: Le corail dans le monde grec antique: les témoignages archéologiques. In: J.-P. Morel, C. Rondi-Costanzo, D. Ugolini (eds.), *Corallo di ieri, corallo di oggi. Atti del convegno, Ravello, Villa Rufolo, 13–15 dicembre 1996.* (Travaux du Centre Camille Jullian, 25). Bari, 135–138.

Higgins, R. 1976: *Jewellery from Classical Lands*. London.

Hill, J.E. 2003: *The Western Regions According to the Hou Hanshu: The Xiyu Juan "Chapter on the Western Regions" from Hou Hanshu 88.* 2nd ed. Seattle. URL: https://depts.washington.edu/silkroad/texts/hhshu/hou_han_shu.html; дата обращения: 16.05.2021

Horváth, A.M. 2017: A beads and birds. Special finds from the La Tène cemetery at Csepel island. *Budapest Régiségei* 50, 53–67.

Horváth, A.M. 2019: A preliminary study of a rare fibula type (the so called Altmark fibulae*)* from the La Tène cemetery of Csepel. *Studia Historica Nitriensia* 23 (Suppl.), 107–124.

Iannello, T. 2017: Itinerari e fonti del *Corallium rubrum*. I commerci tra Mediterraneo, India, Cina e Giappone dall'antichita alla prima eta moderna. *Annali di Ca' Foscari. Serie occidentale* 51, 109–127.

Ilyukov, L.S. 1986: Grave 43 in the barrow cemetery "Novyj". In B.A. Raev (ed.), *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR International Series, 278). Oxford, 79–80.

Il'yukov, L.S. 1994: [Sarmatian burial-mounds of the vicinities of Tanais (necropolis "Tsarskiy")]. *Vestnik Tanaisa* [*Tanais Journal*] 1, 198–215.
Ильюков, Л.С. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский»). *Вестник Танаиса* 1, 198–215.

Il'yukov, L.S. 2019: [Elite burials with painted vessels and a casket from the "Tsarskiy" cemetery in the vicinity of Tanais]. *Vestnik Tanaisa* [*Tanais Journal*] 5/1, 188–195.
Ильюков, Л.С. Элитные погребения с расписной посудой и шкатулкой из курганного могильника «Царский» в окрестностях Танаиса. *Вестник Танаиса* 5/1, 188–195.

Il'yukov, L.S., Vlaskin, M.V. 1992: *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha* [*Sarmatians between the Sal and Manych Rivers*]. Rostov-on-Don.
Ильюков, Л.С., Власкин, М.В. *Сарматы междуречья Сала и Маныча.* Ростов-на-Дону.

Kat. Frankfurt 2003: Wamers, E., Stutzinger, D. (Hrsg.), *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don.* Frankfurt.

Kat. Leoben 2009: Seipel, W. (Hrsg.), *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs.* Wien.

Kat. Mannheim 2009: Hansen, S., Wieczorek, A., Tellenbach, M. (Hrsg.), *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt: Asiens Kulturen Im Wandel.* Regensburg.

Kat. Zürich 1989: Rickenbach, J. (Hrsg.), *Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan.* Zürich.

Keller, O. 1913: Die antike Tierwelt. Bd. II. Leipzig.

Kerefov, B.M. 1985: [Chegem burial-mound – a cemetery of the Sarmatian period]. In: V.M. Batchaev, T.B. Bartseva, B.M. Kerefov (eds.), *Pamyatniki epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza (IX–VII vv. do n.e. – II v. n.e.)* [*Monuments of the Late Bronze and Early Iron Age (9th–7th Cent. BC – 2nd Cent. AD)*]. Nalchik, 135–259.
Керефов, Б.М. Чегемский курган – кладбище сарматского времени. В кн.: В.М. Батчаев, Т.Б. Барцева, Б.М. Керефов (ред.), *Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н.э. – II в. н.э.).* (Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии, 2). Нальчик, 135–259.

Khakhonina, T.E. 2009: [Beads from the burials of the necropolis of Kobyakovo (a comparative analysis of the materials excavated in 2007)]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury* [*Notes of the Institute of History of the Material Culture*] 4, 122–130.
Хахонина, Т.Е. Бусы из некрополя Кобякова городища (сравнительный анализ по материалам раскопок 2007 г.). *Записки Института истории материальной культуры* 4, 122–130.

Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A. 2004: [The catacombs from the Fontany and Levadki necropolis in connection with the origin of the Late Scythian culture]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 14, 239–269.
Храпунов, И.Н., Мульд, С.А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры. *ПИФК* 14, 239–269.

Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2014: [On the property-based and social differentiation within the population of the piedmont zone in the Crimea during the late Roman period]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Reports of the Institute of Archaeology*] 234, 176–199.

Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднеримского времени. *КСИА* 234, 176–199.

Khudyakov, Yu.S. 1998: [The problem of culture genesis of the Xiongnu period in the mountaineous Altai]. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii* [*Antiquities of Altai. Reports of the Archaeological Laboratory*] 3, 97–112.
Худяков, Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае. *Древности Алтая. Известия лаборатории археологии* 3, 97–112.

Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2017: [Art at the end of 1st millennium BC in Tuva]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Reports of the Institute of Archaeology*] 247, 87–104.
Килуновская, М.Е., Леус, П.М. Искусство конца первого тысячелетия до н.э. в Туве. *КСИА* 247, 87–104.

Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2018a: [New evidence on the Ulug-Khem culture in Tuva]. *Arkheologicheskie vesti* [*Archaeological News*] 24, 125–152.
Килуновская, М.Е., Леус, П.М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве. *Археологические вести* 24, 125–152.

Kilunovkshaya, M.M.; Leus, P. 2018b: Recent excavations of Xiongnu graves on the left bank of the Ulug-Khem in Tuva. *The Silk Road* 16, 1–20.

Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2020: [Bronze openwork buckles of the Xiongnu period in Tuva]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [*Sayan-Altai Scientific Review*] 1 (25), 97–125.
Килуновская, М.Е., Леус, П.М. Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1 (25), 97–125.

Kiselev, S.V. 1951: *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [*Ancient History of South Siberia*]. 2nd ed. Moscow.
Киселев, С.В. *Древняя история Южной Сибири*. 2-е изд. М.

Klepikov, V.M. 2002: *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV–III vv. do n.e.* [*The Sarmatians of the Lower Volga Area in the 4th–3rd Cent. BC*]. Volgograd.
Клепиков, В.М. *Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э.* Волгоград.

Klepikov, V.M., D'yachenko, A.N., Blokhin, V.G., Krivosheev, M.V. 2006: [Investigations of the burial-mounds near the villages Plemkhoz and Moiseevo]. In: I.V. Sergatskov (ed.), *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [*Materials on Archaeology of the Volga-Don Steppes*]. Issue 3. Volgograd, 164–190.
Клепиков, В.М., Дьяченко, А.Н., Блохин, В.Г., Кривошеев, М.В. Исследования курганов у сел Племхоз и Моисеево. В сб.: И.В. Сергацков (ред.), *Материалы по археологии Волго-Донских степей.* Выпуск 3. Волгоград, 164–190.

Kleyn, L.S. 2016: *Pervyy vek: sokrovishcha sarmatskikh kurganov* [*First Century: Treasures of Sarmatian Burial-Mounds*]. Saint Petersburg.
Клейн, Л.С. *Первый век: сокровища сарматских курганов*. СПб.

Koltukhov, S.G. 2012a: *Skify Krymskogo Prisivash'ya v VII–IV vv. do n.e. Pogrebal'nye pamyatniki. Landshaftno-istoricheskoe rayonirovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Kryma* [*Scythians of the Crimean Sivash Region in the 7th–4th Cent. BC. Funeral Monuments. Landscape-Historical Zoning of the Archaeological Monuments of Crimea*]. Simferopol.
Колтухов, С.Г. *Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н.э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма.* (Материалы к археологической карте Крыма, X). Симферополь.

Koltukhov, S.G. 2012b: *Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII–IV vv. do n.e. (pogrebal'nye pamyatniki)* [*Scythians of the North-Western Crimea in the 7th–4th Cent. BC (Funeral Monuments)*]. Donetsk.
Колтухов, С.Г. *Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (погребальные памятники).* (Археологический альманах, 27). Донецк.

Kondratikova, L. 2010: [Jewelry of the Sarmatian tribes of Dnester – Prut interfluve]. In: L.V. Strokova (ed.), *Muzej istorychnykh koshtovnostej Ukrai'ny. Muzejni chytannja. Materialy naukovoi' konferencii' «Juvelirne mystectvo – pogljad kriz' viky», 9–11 listopada 2009 r.* [*Museum of the Historical Treasures of the Ukraine. Museum Readings. Materials of the Scientific Conference "Jewelry – the Insight through the Centuries", 9–11 November 2009*]. Kiev, 100–108.
Кондратикова, Л. Ювелирные украшения у сарматских племен Днестровско-Прутского междуречья. В сб.: Л.В. Строкова (ред.), *Музей історичних коштовностей України. Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки» 9–11 листопада 2009 р.* Киев, 100–108.

Koryakova, L. 2006: On the northern periphery of the nomadic world: research in the trans-Ural region. In: J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino (eds.), *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York, 102–113.

Kost, C. 2011: *Studien zur Bildpraxis im nordchinesischen Steppenraum vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zur Zeitenwende*. Diss. LMU München:. München.

Kost, C. 2014: *The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th–1st Centuries BCE)* (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 6). Bonn.

Kosyanenko, V.M. 2008: *Nekropol' Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.)* [*Necropolis of the Kobyakovo fortified settlement (after the materials of 1956–1962 excavations*]. Azov.
Косяненко, В.М. *Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.)*. (Донские древности, 9). Азов.

Kovalenko, A.N. 2009: *Severo-Vostochnoe Priazov'e vo vtoroy polovine IV – pervoy treti III vv. do n.e.* [*North-Eastern Azov Sea Region in the Second Half of the 4th – First Third of the 3rd Cent. BC*]. Ph.D. thesis abstract. Saint Petersburg.
Коваленко, А.Н. *Северо-Восточное Приазовье во второй половине IV – первой трети III вв. до н.э.* Автореферат диссертации на соискание степени канд. ист. наук. СПб.

Kovalev, A.A. 2007: [A Chinese emperor on Enisei river? Once more on the owner of the Tashebin "palace"]. In: A.V. Kharinskiy (ed.), *Etnoistoriya i arkheologiya Severnoy Evrazii: teoriya, metodologiya i praktika issledovaniya* [*Ethnohistory and Archaeology of Northern Eurasia: Theory, Methodology and Practice of Research*]. Irkutsk, 145–148.
Ковалев, А.А. Китайский император на Енисее? Ещё раз о хозяине ташебинского «дворца». В сб.: А.В. Харинский (ред.), *Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования*. Иркутск, 145–148.

Kovalevskaya, V.B. 2010: [Planigraphic computer analysis of the early medieval cemetery Dyurso in the North Caucasus]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Reports of the Institute of Archaeology*] 224, 214–228.
Ковалевская, В.Б. Компьютерный анализ планиграфии раннесредневекового могильника Дюрсо на Северном Кавказе. *КСИА* 224, 214–228.

Kovalevskaya, V.B. 2015: [The beads and the dates – statistic and spatial analysis of the beads from the Dyurso burial-ground of the 5th–8th centuries in the North-Western Caucasus]. In: P.G. Gaydukov (ed.), *Steklo Vostochnoy Evropy s drevnosti do nachala XX veka* [*The Glass of Eastern Europe from Antiquity to the Early 20th Century*]. Saint Petersburg, 90–101.
Ковалевская, В.Б. Бусы и даты – статистический и пространственный анализ бус могильника Дюрсо V–VIII веков на Северо-Западном Кавказе. В сб.: П.Г. Гайдуков (ред.), *Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века*. СПб., 90–101.

Kropotov, V.V. 2016: [Sarmatian funeral monuments of the steppe Crimea]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Lower Volga Archaeological Bulletin*] 15/1, 22–39.
Кропотов, В.В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма. *HAB* 15/1, 22–39.

Kruglikova, I.T. 1975: *Sel'skoe khozyaystvo Bospora* [*Agriculture of the Bosporus*]. Moscow.
Кругликова, И.Т. *Сельское хозяйство Боспора*. М.

Kurbanov, Sh.F., Dorodnykh, S.A., Shul'ts, R. 2015: [Excavations of the object XXVI in 2014]. In: P.B. Lur'e (ed.), *Materialy Pendzhikentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [*Materials of Panjakent Archaeological Expedition*]. Vol. XVIII. Saint Petersburg, 4–14.
Курбанов, Ш.Ф., Дородных, С.А., Шульц, Р. Раскопки объекта XXVI в 2014 г. В сб.: П.Б. Лурье (ред.), *Материалы Пенджикентской археологической экспедиции*. Т. XVIII. СПб., 4–14.

Kurmankulov, Zh.K., Torezhanova, N. Zh. 2011: [The role and place of jewellery in the study of the Chirikrabat culture]. In: A.Z. Beysenov (ed.), *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoy Evrazii*. [*The Saka Culture of Saryarka in the Context of the Study of Ethnosocial and Cultural Processes of the Steppe Eurasia*]. Karagandy, 121–122.
Курманкулов, Ж.К., Торежанова, Н.Ж. Роль и место ювелирных украшений в исследовании чирикрабадской культуры. В кн.: А.З. Бейсенов (ред.), *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Караганды, 121–122.

Kurmankulov, Zh.K., Torezhanova, N. Zh. 2014: [The palette of beads. Chirik-Rabat settlement (new acquisitions of the archaeological depot of the Central state museum of the Republic of Kazakhstan)]. In: B.A. Baytanaev (ed.), *Margulanovskie chteniya – 2014: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu akademika A.Kh. Margulana,*

3–5 dekabrya 2014 g. [*Margulan Readings – 2014: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 110th Anniversary of Academician A. Kh. Margulan, December 3–5, 2014*]. Almaty, 210–216.

Курманкулов, Ж.К., Торежанова, Н.Ж. Палитра бус. Городище Чирик-Рабат (новые поступления в археологический фонд ЦГМ РК). В кн.: Б.А. Байтанаев (ред.), *Маргулановские чтения – 2014: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию академика А.Х. Маргулана, 3–5 декабря 2014 г.* Алматы, 210–216.

Kurmankulov, Zh.K., Utubaev, Zh.R. 2017: [Chirikrabat culture of the eastern Aral sea region]. In: A.Z. Beysenov (ed.), *Kazakhstan v sakskuyu epokhu* [*Kazakhstan in the Saka Epoch*]. Almaty, 191–210.

Курманкулов, Ж.К., Утубаев, Ж.Р. Чирикрабатская культура Восточного Приаралья. В кн.: А.З. Бейсенов (ред.), *Казахстан в сакскую эпоху.* Алматы, 191–210.

Kuz'micheva, E.I. 2016: [The corals (gorgonides) – archaeological finds from the cache of the burial 5.1949 of the Pashkovskiy necropolis no. 1]. In: A.V. Mastykova, M.M. Kazanskiy, I.A. Saprykina (eds.), *Pashkovskiy mogil'nik № 1* [*The Pashkovskaya 1 Cemetery*]. Vol. 2. Moscow, 333–338.

Кузьмичева, Е.И. Кораллы (горгониды) – археологические находки из тайника погребения 5.1949 г. Пашковского могильника № 1. В кн.: А.В. Мастыкова, М.М. Казанский, И.А. Сапрыкина (ред.), *Пашковский могильник № 1.* Т. 2. М., 333–338.

Kuz'mina, E.E. 1987: [Dionysos by the Usuns (on the semantics of the diadem from Kargalinka)]. In: B.B. Piotrovskiy (ed.), *Tsentral'naya Aziya: Novye pamyatniki pis'mennosti i iskusstva* [*The Central Asia: New Written and Art Monuments*]. Moscow, 158–181.

Кузьмина, Е.Е. Дионис у усуней (О семантике каргалинской диадемы). В сб.: Б.Б. Пиотровский (ред.), *Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства.* М., 158–181.

Kwan, S. 2013: Early Chinese faience and glass beads and pendants. *BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers* 25, 3–39.

Kyzlasov, L.R. 1992: *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noy Azii* [*Essays on the History of Siberia and Central Asia*]. Krasnoyarsk.

Кызласов, Л.Р. *Очерки по истории Сибири и Центральной Азии.* Красноярск.

Kyzlasov, L.R. 2001: *Gunnskiy dvorets na Enisee. Problema ranney gosudarstvennosti Yuzhnoy Sibiri* [*The Xiongnu Palace on Enisey River. The Problem of the Early Statehood of South Siberia*]. Moscow.

Кызласов, Л.Р. *Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири.* М.

Lapatin, K. 2015: *Luxus: The Sumptuous Arts of Greece and Rome.* Los Angeles.

Larenok, V.A. 2018: [The arms in the women burials of necropolis of Kobyakovo fortified settlement]. In: A.N. Kovalenko (ed.), *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya.* Vyp. 2. *K 70-letiyu professora Viktora Pavlovicha Kopylova* [*The Black Sea Region in Antiquity and Early Middle Ages.* Issue 2. *Papers Presented to V.P. Kopylov on the Occasion of his 70th Birthday*]. Rostov-on-Don, 432–449.

Ларенок, В.А. Оружие в женских погребениях некрополя Кобякова городища. В сб.: А.Н. Коваленко (ред.), *Причерноморье в античное и раннесредневековое время.* Вып. 2. *К 70-летию профессора Виктора Павловича Копылова*. Ростов-на-Дону, 432–449.

Levina, L.M. 1996: *Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e.– I tysyacheletie n.e.* [*Ethnocultural History of the Eastern Aral Sea Region. 1st Millennium BC – 1st Millennium AD*]. Moscow.

Левина, Л.М. *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э.* М.

Levina, L.M., Dovgalyuk, N.P. 1995: [The beads from the Dzhetyasar sites]. In: L.M. Levina (ed.), *Dzhetyasarskaya kul'tura* [*Dzhetyasar culture*]. Vol. 5. Moscow, 202–228.

Левина, Л.М., Довгалюк, Н.П. Бусы из джетыасарских памятников. В сб.: Л.М. Левина (ред.), *Джетыасарская культура.* Т. 5. (Низовья Сырдарьи в древности, V). М., 202–228.

Limberis, N. Yu., Marchenko, I.I. 2010: [New materials from the excavations of the kurgan necropolis near the settlement Vinogradnoe-7 on Taman]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavrilyuk, A.A. Zavoykin (eds.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* [*Ancient World of the North Pontic Area. Newest Finds and Discoveries*]. Vol. 1. Moscow–Kiev, 152–163.

Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк,

А.А. Завойкин (ред.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия.* Т. 1. Москва–Киев, 152–163.

Linduff, K.M. 2008: The gender of luxury and power among the Xiongnu in Eastern Eurasia. In: K.M. Linduff, K.S. Rubinson (eds), *Are all Warriors male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe.* Lanham, 175–211.

Litvinskiy, B.A. 1973: *Ukrasheniya iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany* [*Jewelry from the Cemeteries of Western Ferghana*]. Moscow.
Литвинский, Б.А. *Украшения из могильников Западной Ферганы.* М.

Litvinskiy, B.A., Sedov, A.V. 1983: *Tepai-Shakh. Kul'tura i svyazi kushanskoy Baktrii* [*Tepai-Shakh. The Culture and Relations of the Kushan Bactria*]. Moscow.
Литвинский, Б.А., Седов, А.В. *Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии.* М.

Loboda, I.I., Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2002: Prunkbestattungen des 1.Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua* 8, 295–346.

Lomtatidze, G.A. 1955: *Arkheologicheskie raskopki v drevnegruzinskoy stolitse Mtskheta* [*Archaeological Excavations at the Ancient Georgian Capital Mtskheta*]. Tbilisi.
Ломтатидзе, Г.А. *Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета.* Тбилиси.

Lukas, A. 1958: *Materialy i remeslennye proizvodstva drevnego Egipta* [*Ancient Egyptian Materials and Industries*]. Moscow.
Лукас, А. *Материалы и ремесленные производства древнего Египта.* М.

Luk'yashko, S.I. 2000: [To the reconstruction of the events of the late 4th – early 3rd century BC in the Lower Don region]. In: V.I. Gulyaev, V.S. Ol'khovskiy (eds.), *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya* [*The Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Cent. BC: Paleoecology, Anthropology and Archaeology*]. Moscow, 167–180.
Лукьяшко, С.И. К реконструкции событий конца IV – начала III в. до н.э. на Нижнем Дону. В кн.: В.И. Гуляев, В.С. Ольховский (ред.), *Скифы и сарматы в VII–III вв.* до н.э.: *палеоэкология, антропология и археология.* М., 167–180.

Lyakhov, S.V., Polovinkina, Yu.S. 2009: [A burial-mound of early Iron Age near Piterka settlement in the Saratov Trans-Volga region]. In: V.A. Lopatin (ed.), *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [*The Archaeology of Eastern European Steppe*]. Vol. 7. Saratov, 196–231.
Ляхов, С.В., Половинкина, Ю.С. Курган раннего железного века у поселка Питерка в Саратовском Заволжье. В сб.: В.А. Лопатин (ред.), *Археология Восточно-Европейской степи.* Т. 7. Саратов, 196–231.

Macrì, S. 2012: Lynx-stone and coral: 'liquid rocks' between natural history and myths of transformation. In: I. Gildenhard, A. Zissos (eds.), *Transformative Change in Western Thought: A History of Metamorphoses from Homer to Hollywood*. Vol. 1. London, 131–152.

Maksimenko, V.E. 1979: *Otchet o raskopkakh Sladkovskogo kurgannogo mogil'nika v Tatsinskom rayone Rostovskoy oblasti v 1978 g.* Arkhiv IA RAN. [*Report on the Excavations of Sladkovskiy Kurgan Necropolis in Tatsinki District of the Rostov Region in 1978.* Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences.]. R-1. No. 7094.
Максименко, В.Е. *Отчет о раскопках Сладковского курганного могильника в Тацинском районе Ростовской области в 1978 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 7094.

Maksimenko, V.E. 1983: *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu* [*The Sauromatians and Sarmatians in the Lower Don Area*]. Rostov-on-Don.
Максименко, В.Е. *Савроматы и сарматы на Нижнем Дону.* Ростов-на-Дону.

Maksimenko, V.E. 1998: *Sarmaty na Donu (arkheologiya i problemy etnicheskoy istorii)* [*Sarmatians on the Don River (Archaeology and the Problems of the Ethnic History)*]. Azov.
Максименко, В.Е. *Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории).* (Донские древности, 6). Азов.

Malashev, V. Yu. 2016: *Pamyatniki srednesarmatskoi kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.* [*The Monuments of the Middle-Sarmatian Culture of the North-Caucasian Steppes and their Traditions in the Tumular Necropoleis of the North-Eastern Caucasus of the Second Half of the 2nd – Mid-5th Cent. AD*]. Moscow.
Малашев, В.Ю. *Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э.* М.

Malashev, V. Yu., Yablonskiy, L.T. 2008: *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogil'nika Pokrovka 10)* [*The Steppe Population of the South Urals in the Late Sarmatian Period (On the Materials of Pokrovka 10 Cemetery)*]. Moscow.
Малашев, В.Ю., Яблонский, Л.Т. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10)*. М.

Mamontov, V.I. 1971: [A Kurgan cemetery of Kolpachki]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 1, 209–216.
Мамонтов, В.И. Курганный могильник Колпачки. *СА* 1, 209–216.

Mamontov, V.I. 1991: [Stages of development of the Sarpinskaya lowland]. In: *Materialy po arkheologii Kalmykii* [*Materials on Archaeology of Kalmykia*]. Elista, 87–98.
Мамонтов, В.И. Этапы освоения Сарпинской низменности. В кн.: *Материалы по археологии Калмыкии*. Элиста, 87–98.

Mamontov, V.I., Mataev, V.V. 2017: [The Materials of the Kurgan Cemetery Ust'-Pogozh'e]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Lower Volga Archaeological Bulletin*] 16. 2, 93–115.
Мамонтов, В.И., Матаев, В.В. Материалы курганного могильника Усть-Погожье. *НАВ* 16. 2, 93–115.

Mamontov, V.I., Shinkar', O.A. 2014: [Two Sarmatian burials from the kurgan necropolis Verbovskiy I]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Lower Volga Archaeological Bulletin*] 14, 132–144.
Мамонтов, В.И., Шинкарь, О.А. Два сарматских погребения из курганного могильника Вербовский I. *НАВ* 14, 132–144.

Mandel'shtam, A.M. 1975: *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii* [*The Monuments of the Nomads of the Kushan Period in Northern Bactria*]. Leningrad.
Мандельштам, А.М. *Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии*. Л.

Marshall, J. 1951: *Taxila*. Cambridge.

Marzano, A. 2013: *Harvesting the Sea: The Exploitation of Marine Resources in the Roman Mediterranean*. Oxford.

Masson, M.E., Pugachenkova, G.A. 1959: *Parfyanskie ritony Nisy* [*The Parthian Rhyta of Nisa*]. Ashkhabad.
Массон, М.Е., Пугаченкова, Г.А. *Парфянские ритоны Нисы*. (ТЮТАКЭ, IV). Ашхабад.

Mastykova, A.V. 2009: *Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n.e.* [*Female Costume of the Central and Western Ciscaucasia in the Late 4th – Mid-6th Cent. AD*]. Moscow.
Мастыкова, А.В. *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э.* М.

Mastykova, A.V., Kazanskiy, M.M., Saprykina, I.A. 2016: *Pashkovskiy mogil'nik № 1* [*The Pashkovskaya 1 Cemetery*]. Vol. 2. Moscow.
Мастыкова, А.В., Казанский, М.М., Сапрыкина, И.А. *Пашковский могильник № 1*. Т. 2. М.

Matyushchenko, V.I., Tataurova, L.V. 1997: *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e* [*The Sidorovka Burial-Ground in the Omsk Region on the Irtysh River*]. Novosibirsk.
Матющенко, В.И., Татаурова, Л.В. *Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье*. Новосибирск.

McLaughlin, R. 2010: *Rome and the Distant East: Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China*. London–New York.

McLaughlin, R. 2014: *The Roman Empire and the Indian Ocean. The Ancient World Economy and the Kingdoms of Africa, Arabia and India*. Barnsley.

McLaughlin, R. 2014–2015: Ancient contacts: the Roman emperor and the Sinhalese king. *Classics Ireland* 21–22, 1–40.

Medvedev, A.P. 2013: [Late antique necropolis of Phanagoria of the 4th–5th centuries AD (2005 excavations)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [*Materials on the Archaeology and History of Phanagoria*]. Issue 1. Moscow, 330–402.
Медведев, А.П. Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.). В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Выпуск 1. (Фанагория. Результаты археологических исследований, 1). Москва, 330–402.

Meshcheryakov, D.V. 1996: [Inlet burials of the Sarmatian culture in the burial-mounds on the Ilek river]. In: N.L. Morgunova (ed.), *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [*Archaeological Monuments of the Orenburg Region*]. Issue 1. Orenburg, 44–53.

Мещеряков, Д.В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек. В сб.: Н.Л. Моргунова (ред.), *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 1. Оренбург, 44–53.

Mirbabaev, A.K., Khayrullozoda, K. 2019: [Shirin fortified settlement: history and perspectives of study]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gos. universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk* [*Scientific Notes of the Khudzand State University named after Academician B. Gafurov. Series of Humanities and Social Science*] 2 (59), 51–57.

Мирбабаев, А.К., Хайруллозода, К. Городище Ширин: история и перспективы изучения. *Ученые записки Худжандского гос. университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук* 2 (59), 51–57.

Monakhov, S. Yu. 2018. [Once more on the dating of the "royal" Five Brothers burial-mound no. 8]. In: A.N. Kovalenko (ed.), *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya*. Vyp. 2. *K 70-letiyu professora Viktora Pavlovicha Kopylova* [*The Black Sea Region in Antiquity and Early Middle Ages*. Issue 2. *Papers Presented to V.P. Kopylov on the Occasion of his 70th Birthday*]. Rostov-on-Don, 320–333.

Монахов, С.Ю. Еще раз о датировке «царского» 8-го Пятибратнего кургана. В сб.: А.Н. Коваленко (ред.), *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Вып. 2. *К 70-летию профессора Виктора Павловича Копылова*. Ростов-на-Дону, 320–333.

Moorey, P.R.S. 1999: *Ancient Mesopotamian Materials and Industries. The Archaeological Evidence*. Winona Lake.

Morand, N. 2020: The exploitation of molluscs and other invertebrates in Alexandria (Egypt) from the Hellenistic period to Late Antiquity: food, usage, and trade. *Anthropozoologica* 55/1, 1–20.

Mordvinceva, V.I. 2001: *Sarmatische Phaleren*. (Archäologie in Eurasien, 11). Rahden.

Mordvintseva, V.I. 2003: *Polikhromnyy zverinyy stil'* [*Polychrome Animal Style*]. Simferopol.

Мордвинцева, В.И. *Полихромный звериный стиль*. Симферополь.

Mordvintseva, V.I. 2007: [The Sarmatian polychrome animal style]. In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Cent. BC – 2nd Cent. AD*]. Vol. I. Simferopol–Bonn, 195–244.

Мордвинцева, В.И. Сарматский полихромный звериный стиль. В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер, *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т.I. Симферополь–Бонн, 195–244.

Mordvintseva, V.I. 2017: Sarmatian treasures reconsidered. Some remarks on the new book by Leo Klein. *Anabasis. Studia classica et orientalia* 8, 308–316.

Mordvintseva, V.I., Shinkar', O.A. 1999: [Sarmatian gala swords from the depots of the Volgograd regional local lore museum]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Lower Volga Archaeological Bulletin*] 2, 138–149.

Мордвинцева, В.И., Шинкарь, О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. *HAB* 2, 138–149.

Mordvintseva, V.I., Treister, M. Yu. 2007: *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Cent. BC – 2nd Cent. AD*]. Vol. I–III. Simferopol–Bonn.

Мордвинцева, В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э.– II в. н.э.* Т. I–III. Симферополь–Бонн.

Mordvintseva, V.I., Zaitsev, Y.P. 2003: The Nogaichik burial-mound in the steppes of the Crimea. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 9, 193–257.

Morgunova, N.L., Evgen'ev, A.A., Kryukova, E.A., Kuptsova, L.V., Kharlamov, P.V., Fayzullin, I.A. 2016: [Perevolotsk kurgan necropolis in the Orenburg region: preliminary results of studies]. In: N.L. Morgunova (ed.), *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [*Archaeological Monuments of the Orenburg Region*]. Issue 12. Orenburg, 21–51.

Моргунова, Н.Л., Евгеньев, А.А., Крюкова, Е.А., Купцова, Л.В., Харламов, П.В., Файзуллин, И.А. Переволоцкий курганный могильник в Оренбургской области: предварительные результаты исследования. В сб.: Н.Л. Моргунова (ред.), *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 12. Оренбург, 21–51.

Mosheeva, O.N. 1995: [A necklace from Arshan' Zel'men' II]. In: V.I. Mamontov (ed.), *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey* [*Antiquities of the Volga-Don steppes*]. Issue 5. Volgograd, 40–45.

Мошеева, О.Н. Ожерелье из Аршань Зельменя II. В сб.: В.И. Мамонтов (ред.), *Древности Волго-Донских степей*. Вып. 5. Волгоград, 40–45.

Mosheeva, O.N. 1997: [«Engraved» beads of the lower Volga region]. In: B.F. Zhelezchikov (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Nizhnem Povolzh'e* [*Historical and Archaeological Investigations in the Lower Volga Region*]. Issue 2. Volgograd, 138–149.
Мошеева, О.Н. «Гравированные» бусы Нижнего Поволжья. В сб.: Б.Ф. Железчиков (ред.), *Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье*. Вып. 2. Волгоград, 166–175.

Moshkova, M.G. 1963: *Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury* [*Monuments of the Prokhorovka Culture*]. Moscow.
Мошкова, М.Г. *Памятники прохоровской культуры.* (САИ, Д1–10). М.

Mys'kov, E.P. 1992: [Sarmatian burials from the burial-mounds near Volzhskiy and Kilyakovka]. In: V.I. Mamontov (ed.), *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey* [*Antiquities of the Volga-Don Steppes*]. Issue 2. Volgograd, 118–137.
Мыськов, Е.П. Сарматские погребения из курганов у Волжского и Киляковки. В сб.: В.И. Мамонтов (ред.), *Древности Волго-Донских степей*. Вып. 2. Волгоград, 118–137.

Negmatov, N.N., Mirbabaev, A.K., Abdurasulov, M.A. 1976: [The beginning of excavations of Shirin fortified settlement (preliminary report)]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [*Archaeological Works in Tadjikistan*] XVI, 292–307.
Негматов, Н.Н., Мирбабаев, А.К., Абдурасулов, М.А. Начало раскопок городища Ширин (предварительное сообщение). *Археологические работы в Таджикистане* XVI, 292–307.

Ochir-Goryaeva, M.A. 2009: [A rich late Sarmatian burial from Arshan'-Zelmen' cemetery]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Lower Volga Archaeological Bulletin*] 10, 363–371.
Очир-Горяева, М.А. Богатое позднесарматское погребение из могильника Аршань-Зелмень. *HAB* 10, 363–371.

Ochir-Goryaeva, M.A., Sergatskov, I.V. 2012: [A burial of noble Sarmatian woman from the vicinities of Yashkul' settlement]. In: D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [*Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina*]. Moscow, 195–200.
Очир-Горяева, М.А., Сергацков, И.В. Погребение знатной сарматки из окрестностей поселка Яшкуль. В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной.* (ТГИМ, 191). М., 195–200.

Omel'chenko, A.V. 2013: [The citadel of Paykend in the 3rd–5th centuries]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 2, 105–118.
Омельченко, А.В. Цитадель Пайкенда в III–V вв. *РА* 2, 105–118.

Pharmakowsky, B. 1913: Archäologische Funde im Jahre 1912. Südrußland. *Archäologischer Anzeiger*, 178–234.

Podol'skiy, M.L. 2002: [Znamenskiy hoard from Khakassia]. In: D.V. Savinov (ed.), *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya* [*Hoards: Compostion, Chronology, Interpretation*]. Saint Petersburg, 229–234.
Подольский, М.Л. Знаменский клад из Хакасии. В кн.: Д.В. Савинов (ред.), *Клады: состав, хронология, интерпретация.* СПб., 229–234.

Podushkin, A.N. 2018: [Tamga-shaped signs from the catacombs of the Aryss culture of South Kazakhstan of the 3rd cent. BC – 4th cent. AD]. *Mir Bol'shogo Altaya. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal* [*World of the Great Altai. International Research Journal*] 4/1, 60–101.
Подушкин, А.Н. Тамго-образные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до – IV в. н.э. *Мир Большого Алтая. Международный научный журнал* 4/1, 60–101.

Polin, S.V. 1992: *Ot Skifii k Sarmatii* [*From Scythia to Sarmatia*]. Kiev.
Полин, С.В. *От Скифии к Сарматии*. Киев.

Polin, S.V. 2014: *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V–IV vv. do n.e. na Khersonshchine* [*Scythian Zolotobalkovsky Burial Mound of the 5th–4th Cent. BC in the Kherson Region*]. Kiev.
Полин, С.В. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев.

Poppa, R. 1978: *Kamid el-Loz 2. Der eisenzeitliche Friedhof.* (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, 18). Bonn.

Prokopenko, Yu.A. 2014: *Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'e vo vtoroy polovine I tys. do n.e.* [*Scythians, Sarmatians and the Tribes of Koban Culture in the Central Ciscaucasia in the Second Half of the 1st Millennium BC*]. Vol. I–II. Stavropol.

Прокопенко, Ю.А. *Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э.* Т. I–II. Ставрополь.

Pshenichnyuk, A. Kh. 1983: *Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala* [*The Culture of the Early Nomads of the South Urals*]. Moscow.
Пшеничнюк, А.Х. *Культура ранних кочевников Южного Урала.* М.

Ptashnikova, I.V. 1952: [Beads of ancient and early medieval Chorasmia]. In: S.P. Tolstov, T.A. Zhdanko (eds.), *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoy ekspeditsii* [*Archaeological and Ethnographical Works of Chorezmian Expedition*], 1945–1948. Moscow, 105–118.
Пташникова, И.В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. В сб.: С.П. Толстов, Т.А. Жданко (ред.), *Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции, 1945–1948.* (ТХАЭЭ, 1). М., 105–118.

Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e.– III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [*Crimean Scythia. 2nd Cent. BC – 3rd Cent. AD. Funeral Monuments*]. Simferopol.
Пуздровский, А.Е. *Крымская Скифия. II в. до н.э.– III в. н.э. Погребальные памятники.* Симферополь.

Puzdrovskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: die Siedlung und Nekropole. In: S. Müller (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten.* Bonn, 290–323.

Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg.* [*Field Investigations of the Ust'-Al'ma Necropolis in 2004–2007*]. Simferopol–Moscow.
Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг.* (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму, 2). Симферополь–Москва.

Quercia, A. 2008: Il corallo nei santuari del Mediterraneo antico. Il caso di Tas Silg (Malta). In: F. D'Andria, J. De Grossi, G. Fiorentino (eds.), *Uomini, piante e animali nella dimensione del sacro. Atti del seminario di studi di bioarcheologia*. Cavallino–Lecce, 201–208.

Rapin, C. 1992: *La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum.* (Fouilles d'Aï Khanoum, 8; MDAFA, 33). Paris.

Rapin, C. 1996a: *Indian Art from Afghanistan. The Legend of Shakuntalâ and the Indian Treasure of Eucratides at Ai Khanum.* New Delhi.

Rapin, C. 1996b: Relations entre l'Asie centrale et l'Inde a l'époque hellénistique. *Cahiers d'Asie centrale* 1/2, 35–45.

Rapoport, Yu.A., Nerazik, E.E., Levina, L.M. 2000: *V nizov'yakh Oksa i Yaksarta. Obrazy drevnego Priaral'ya* [*In the Lower Reaches of Oxus and Jaxartes. Images of the Ancient Aral Sea Region*]. Moscow.
Рапопорт, Ю.А., Неразик, Е.Е., Левина, Л.М. *В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья.* М.

Rapp, G. 2009: *Archaeomineralogy*. 2nd ed. Berlin–Heildelberg.

Rau, P. 1927a: *Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik)*. Pokrowsk.

Rau P. 1927b: Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. *Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen* 2/1, 3–78.

Reese, D.S. 2002: Marine invertebrates, freshwater shells, and land snails. In: W.F. Jashemski, F.G. Meyer (eds.), *The Natural History of Pompeii*. Cambridge–New York, 292–314.

Rehm, E. 1992: *Der Schmuck der Achämeniden.* Münster.

Rtveladze, E.V. 1983: [The cemetery of the Kushan period near Yalangash-tepe]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 2, 125–143.
Ртвеладзе, Э.В. Могильник кушанского времени у Ялангтуш-тепе. *CA* 2, 125–143.

Rtveladze, E.V. 2012: *Velikiy indiyskiy put': iz istorii vazhneyshikh torgovykh dorog Evrazii* [*Great Indian Road: from the History of the Most Important Trade Routes of Eurasia*]. Saint Petersburg.
Ртвеладзе, Э.В. *Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии*. СПб.

Rudenko, S.I. 1962: *Die Sibirische Sammlung Peters I.* (Sammlung archäologischen Quellen, D3–9). Moskau–Leningrad.

Ruslanova, R.R. 2018: *Busy Yuzhnogo Urala po materialam nekropoley III–VIII vekov* [*The Beads of South Urals after the Materials of the Necropoleis of the 3rd –8th Centuries*]. Ufa.
Русланова, Р.Р. *Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков.* Уфа.

Rustoiu, A. 2015: Amphora-shaped glass and coral beads. Distant cultural connections in the Carpathian basin at the beginning of the late Iron Age. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 45/3, 365–377.

Rustoiu, A. 2017: Silver jewellery in the early La Tène cemeteries from Banat. The hybridization of bodily ornaments. *Dacia* 61, 183–205.

Rustoiu, A., Ursuţiu, A. 2013: Indigenous and Celtic garment assemblages in Banat and the surrounding areas at the beginning of the La Tène period (observations regarding the silver spiral earrings). In: I.V. Ferencz, N.C. Rişcuta, O.T. Bărbat (eds.), *Archaeological Small Finds and their Significance. Proceedings of the Symposion: Costume as an Identity Expression*. Deva, 77–88.

Rykov, P.S. 1925: [Suslov kurgan necropolis]. *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Scientific Notes of the Saratov State University*] 4/3, 28–102.
Рыков, П.С. Сусловский курганный могильник. *Ученые записки Саратовского государственного университета* 4/3, 28–102.

Sadykova, M. Kh. 1962a: [A Sarmatian kurgan cemetery near the village of Starye Kieshki]. In: R.G. Kuzeev, K.V. Sal'nikov (eds.), *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [*Archaeology and Ethnography of Bashkiria*]. Vol. I. Ufa, 88–122.
Садыкова, М.Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киешки. В сб.: Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников (ред.), *Археология и этнография Башкирии*. Т.I. Уфа, 88–122.

Sadykova, M. Kh. 1962b: [Sarmatian monuments of Bashkiria]. In: K.F. Smirnov (ed.), *Pamyatniki skifo-sarmatskoy kul'tury* [*Monuments of Skytho-Sarmatian Culture*]. Moscow, 242–274.
Садыкова, М.Х. Сарматские памятники Башкирии. В сб.: К.Ф. Смирнов (ред.), *Памятники скифо-сарматской культуры.* (МИА, 115). М., 242–274.

Sadykova, M. Kh., Vasil'ev, V.N. 2001: [Late Prokhorovka population in the central Bashkiria]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Ufa Archaeological Journal*] 3, 55–80.
Садыкова, М.Х., Васильев, В.Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии. *Уфимский археологический вестник* 3, 55–80.

Samashev, Z. 2013: *Kazakhskoe iskusstvo: v 5-ti tomakh*. T. 1. *Drevnee iskusstvo* [*Kazakh art: in 5 vols*. Vol. 1. *Ancient Art*]. Almaty.
Самашев, З. *Казахское искусство: в 5-ти томах.* Т. 1. *Древнее искусство.* Алматы.

Schach-Dörges, H. 2010: Zu den Bestattungen frühalamannischer Zeit in der Sontheimer Höhle im Alb-Donau-Kreis. *Fundberichte aus Baden-Württemberg* 31, 615–664.

Schmid-Sikimić, B. 2000: Edelkoralle in der Adria. Zur Frage der Korallenfischerei und des Korallenhandels in der Eisenzeit. In: J.-P. Morel, C. Rondi-Costanzo, D. Ugolini (eds.), *Corallo di ieri, corallo di oggi. Atti del convegno, Ravello, Villa Rufolo, 13–15 dicembre 1996.* (Travaux du Centre Camille Jullian, 25). Bari, 147–158.

Schmidt, E.F. 1957: *Persepolis II. Contents of the Treasure and Other Discoveries.* (OIP LXIX). Chicago.

Schrickel, M., Bente, K. 2013: Bedeutung und Bedeutungsverlust roter Korallen: Archäologische und naturwissenschaftliche Studien zu eisenzeitlichen Fibeln. In: H. Meller, C.-H. Wunderlich, F. Knoll (Hrsg.), *Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle (Saale)*. Band 10. Halle (Saale), 341–352.

Schwarz, F.F. 1974: Pliny the Elder on Ceylon. *Journal of Asian History* 8/1, 21–48.

Sedov, A.V. 1987: *Kobadian na poroge rannego srednevekov'ya* [*Kobadian on the Threshold of the Early Middle Ages*]. Moscow.
Седов, А.В. *Кобадиан на пороге раннего средневековья*. М.

Selbitschka, A. 2010: *Prestigegüter entlang der Seidenstrasse? Archäologische und historische Untersuchungen zu Chinas Beziehungen zu Kulturen des Tarimbeckens vom zweiten bis frühen fünften Jahrhundert nach Christus.* (Asiatische Forschungen, 154). Wiesbaden.

Sergatskov, I.V. 2000: *Sarmatskie kurgany na Ilovle* [*Sarmatian Burial-Mounds on Ilovlya*]. Volgograd.
Сергацков, И.В. *Сарматские курганы на Иловле*. Волгоград.

Shavyrina, T.G., Voroshilova, O.M. 2013: [Studies of the western necropolis of Phanagoria (on the materials from excavations of 1987–2000]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [*Materials on the Archaeology and History of Phanagoria*]. Issue 1. Moscow, 415–481.
Шавырина, Т.Г., Ворошилова, О.М. Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 г.). В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1. (Фанагория. Результаты археологических исследований, 1). Москва, 415–481.

Shchepinskiy, A.A., Cherepanova, E.N. 1969: *Severnoe Prisivash'e v V–I tysyacheletiyakh do nashey ery* [*The Regions to the North of Sivash in the 5th–1st Millennia BC*]. Simferopol.

Щепинский, А.А., Черепанова, Е.Н. *Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры*. Симферополь.

Sherkova, T.A. 1991: *Egipet i Kushanskoe tsarstvo (torgovye i kul'turnye kontakty)* [*Egypt and the Kushan Kingdom (Trade and Cultural Contacts)*]. Moscow.

Шеркова, Т.А. *Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты)*. М.

Shilov, V.P. 1959: [Kalinovka kurgan cemetery]. In: E.I. Krupnov (ed.), *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya. Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [*Antiquities of the Lower Volga Region. Work Results of the Stalingrad Archaeological Expedition*]. Vol. 1. Moscow, 323–523.

Шилов, В.П. Калиновский курганный могильник. В кн.: Е.И. Крупнов (ред.), *Древности Нижнего Поволжья. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции*. Т. 1. (МИА, 60). М., 323–523.

Shilov, V.P. 1961: [Excavations of the Elizavetovka necropolis in 1959]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 1, 150–168.

Шилов, В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. *СА* 1, 150–168.

Shilov, V.P. 1975: *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya* [*Essays on the History of Ancient Tribes of the Lower Volga Basin*]. Leningrad.

Шилов, В.П. *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*. Л.

Shkorpil, V.V. 1916: [The report on excavations in Kerch, on the Taman peninsula and in Alushta in 1912]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii* [*Reports of the Archaeological Commission*] 60, 7–35.

Шкорпил, В.В. Отчет о раскопках в Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. *Известия Императорской археологической комиссии* 60, 7–35.

Sidebotham, S.E. 2011: *Berenike and the Ancient Maritime Spice Route*. Berkeley–Los Angeles–London.

Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis (Hrsg.), *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. (Archäologie in Eurasien, 25). Mainz, 1–264.

Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [*Roman Import of the Sarmatians of the North Pontic Area*]. Saint Petersburg.

Симоненко, А.В. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. СПб.

Simpson, St.J. 2005: Glass and small finds from Sasanian contexts at the ancient city-site of Merv. In: V.P. Nikanorov (ed.), *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov. Arkheologiya, istoriya, etnologiya, kul'tura* [*Central Asia from Achaemenids to Timurids. Archaeology, History, Ethnology, Culture*]. Saint Petersburg, 235–241.

Simpson, St.J. Glass and small finds from Sasanian contexts at the ancient city-site of Merv. В сб.: В.П. Никаноров (ред.), *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура*. СПб, 235–241.

Sinika, V.S., Zakordonets, O.A. 2018: [Shells from the Scythian burials of the north-western Black sea region]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [*Journal of the Udmurt University. History and Philology Series*] 28/1, 81–87.

Синика, В.С., Закордонец, О.А. Раковины из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология* 28/1, 81–87.

Sinika, V.S., Tel'nov, N.P., Lysenko, S.D. 2018: [Scythian burial-mound no. 8 of the "Sad" group on the left bank of the Lower Dniester]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Istoriya* [*Journal of of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. History*] 2, 78–93.

Синика, В.С., Тельнов, Н.П., Лысенко, С.Д. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. История* 2, 78–93.

Sinitsyn, I.V. 1960: [Ancient monuments in the lower reaches of Eruslan (after the excavations of 1954–1955)]. In: E.I. Krupnov, K.F. Smirnov (eds.), *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya. Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [*Antiquities of the Lower Volga Region. Work Results of the Stalingrad Archaeological Expedition*]. Vol. 2. Moscow, 10–168.

Синицын, И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.). В кн.: Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов (ред.), *Древности Нижнего Поволжья. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции*. Т. 2. (МИА, 78). М., 10–168.

Skripkin, A.S. 1984: *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashey ery* [*Lower Volga Region in the First Centuries AD*]. Saratov.

Скрипкин, А.С. *Нижнее Поволжье в первые века нашей эры*. Саратов.

Skripkin, A.S. 1990: *Aziatskaya Sarmatiya: problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt* [*The Asian Sarmatia: Problems of Chronology and its Historical Aspect*]. Saratov.

Скрипкин, А.С. *Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов.

Skripkin, A.S. (ed.) 2013: *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [*The Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Local Lore Museum*]. Volgograd.

А.С. Скрипкин (ред.), *Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея*. Волгоград.

Skvortsov, N.B., Skripkin, A.S. 2008: [A burial of the Sarmatian nobility from the Volgograd Trans-Volga region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Lower Volga Archaeological Bulletin*] 9, 98–116.

Скворцов, Н.Б., Скрипкин, А.С. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья. *НАВ* 9, 98–116.

Smagulov, E.A. 1996: Finds of Sasanian gems in the Otrar oasis. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 3/2–3, 253–259.

Smagulov, E.A. 2001: [Amulet sets from the burial of necropolis of Konyrtobe settlement in Otrar oasis]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [*History of the Material Culture of Uzbekistan*] 32, 90–100.

Смагулов, Е.А. Амулетные наборы из погребений некрополя городища Коныртобе в Отрарском оазисе. *ИМКУ* 32, 90–100.

Smirnov, K.F. 1959: [Burial-mounds near the villages of Ilovatka and Politotdel'skoe of the Stalingrad region]. In: E.I. Krupnov (ed.), *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya. Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [*Antiquities of the Lower Volga Region. Work Results of the Stalingrad Archaeological Expedition*]. Vol. 1. Moscow, 206–322.

Смирнов, К.Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. В кн.: Е.И. Крупнов (ред.), *Древности Нижнего Поволжья. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции*. Т. 1. (МИА, 60). М., 206–322.

Stronach, D. 1978: *Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963*. Oxford.

Székely, E. 2018: Serendipity: the Roman discovery of Taprobane. *International Journal of Euro-Mediterranean Studies* 11/2, 49–62.

Tashbaeva, K.I. 2020: [Funeral inventory of the Hunnic time woman in Zhapyryk II necropolis in the inner Tian-Shan nountains]. In: S.A. Yatsenko, E.V. Kupriyanova (eds.), *Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obryada. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Artefact in the Context of Funeral Rites. Proceedings of the International Conference*]. Moscow, 217–226.

Ташбаева, К.И. Погребальный инвентарь женщины гуннского времени из могильника Жапырык II Внутреннего Тянь-Шаня. В сб.: С.А. Яценко, Е.В. Куприянова (ред.), *Вещь в контексте погребального обряда. Материалы международной научной конференции*. М., 217–226.

Tassignon, I. 2005: *Naturalia* et *curiosa* dans les sanctuaires grecs. In: V. Dasen, M. Piérart (eds.), *Idia kai dèmosia. Les cadres « privés » et « publics » de la religion grecque antique*. Liège, 289–300.

Then-Obłuska, J. 2016: Trade and faith in Nubian early Makuria (AD450–550): macroscopic examination of personal adornments from El-zuma in Nubia. *Polish Archaeology in the Mediterranean* 25, 741–760.

Then-Obłuska, J. 2017: Beads and pendants from the late harbor temple and harbor temenos in the Red sea port of Berenike (seasons 2010–2013): materials, techniques, functions and affiliations. *Polish Archaeology in the Mediterranean* 26/2, 193–210.

Then-Obłuska, J. 2019: Bead trade in Roman ports: a view from the Red sea port of Marsa Nakari. In: A. Manzo, C. Zazzaro, D.J. De Falco (eds.), *Stories of Globalisation: The Red Sea and the Persian Gulf from Late Prehistory to Early Modernity*. Leiden–Boston, 264–280.

Then-Obłuska, J., Pleşa, A.D. 2019: Roman to Islamic beads and pendants from Matmar and Mostagedda, Middle Egypt. *BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers* 31, 50–74.

Theodoropoulou, T. 2013: The sea in the temple? Shells, fish and corals from the sanctuary of the ancient town of Kythnos and other marine stories of cult. In: G. Ekroth, J. Wallensten (eds.), *Bones, Behaviour and Belief. The Zooarchaeological Evidence as a Source for Ritual Practice in Ancient Greece and beyond*. Stockholm, 197–222.

Theodoropoulou, T. 2017: A sea of luxury: luxury items and dyes of marine origin in the Aegean during the 7th century BC. In: X. Charalambidou, C. Morgan (eds.), *Interpreting the Seventh Century BC: Tradition and Innovation*. Oxford, 80–92.

Thomas, R.I., Acosta, C. 2018: Jewellery and mirrors. In: A. Villing *et al.* (ed.), *Naukratis: Greeks in Egypt.* URL: https://www.academia.edu/35861544/Naukratis_Jewellery_and_mirrors_R_I_Thomas_and_C_Acosta_2018_; дата обращения: 16.05.2021.

Tikhonova, M.A. 2018: [Beads of the 1st–3rd cent. AD in the necropolis of Tanais]. In: S.E. Zubov (ed.), *L Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh* [*50th Volga-Ural Archaeological Conference of Students and Young Scholars*]. Samara, 255–259.
Тихонова, М.А. Бусы I–III вв. н.э. в некрополе Танаиса. В кн.: С.Э. Зубов (ред.), *L Уралo-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых.* Самара, 255–259.

Timofeev, A.A., Solovyov, D.S., Stukalov, G.V., Vasil'ev, D.V., Bochkarev, V. Yu. 2020: [Burials of the early Iron Age of the kurgans cemetery "Bogomolnye peski-I"]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Lower Volga Archaeological Bulletin*] 19/2, 279–305.
Тимофеев, А.А., Соловьев, Д.С., Стукалов, Г.В., Васильев, Д.В., Бочкарев, В.Ю. Захоронения эпохи раннего железного века курганного могильника «Богомольные пески-I». *HAB* 19/2, 279–305.

Toll, N. 1946: *The Necropolis. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935–1936.* (Excavations at Dura Europos, II). New Haven.

Tolstov, S.P. 1962: *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta* [*Along the Ancient Estuaries of Oxus and Jaxartes*]. Moscow.
Толстов, С.П. *По древним дельтам Окса и Яксарта*. М.

Treister, M. 2004: 1st century AD jewellery workshop in North Pontic area and the peculiar Graeco-Sarmatian style. In: A. Perea, I. Montero, O. García-Vuelta (eds.), *Tecnología del oro antiguo: Europa y América. Ancient Gold Technology: America and Europe*. Madrid, 275–287.

Treister, M.Yu. 2007a: [The toreutics and jewelry in North Pontic area. 2nd century BC – 2nd century AD (Hellenistic tradition)]. In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Cent. BC – 2nd Cent. AD*] Vol. I. Simferopol–Bonn, 15–194.
Трейстер М.Ю. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. (эллинистическая традиция). В сб.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер, *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Том 1. Симферополь–Бонн, 15–194.

Treister, M.Yu. 2007b: [Inlays of gems (except for finger rings)]. In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Cent. BC – 2nd Cent. AD*] Vol. I. Simferopol–Bonn, 295–305.
Трейстер М.Ю. Вставки гемм (за исключением перстней). В кн.: Мордвинцева В.И., Трейстер, М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э.– II в. н.э.* Том I. Симферополь–Бонн, 295–305.

Treister, M.Yu. 2018: [Precious belt set from the elite nomadic burial near the village of Kosika]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Lower Volga Archaeological Bulletin*] 17/1, 108–143.
Трейстер, М.Ю. Драгоценный поясной набор из элитного погребения кочевника у с. Косика. *HAB* 17/1, 108–143.

Treister, M.Yu. 2019: [The "imports" from Central Asia and Siberia in the burial monuments of Asian Sarmatia of the 2nd–1st centuries BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 180–238.
Трейстер, М.Ю. «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. *ПИФК* 4, 180–239.

Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S., Yablonskiy, L.T. 2012: [A13. Complexes with the objects of Achaemenid circle from Filipovka-I necropolis]. In: M.Yu. Treister, L.T. Yablonskiy (eds.), *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [*Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th–3rd Cent. BC)*]. Vol. 2. Moscow, 84–156.
Трейстер, М.Ю., Шемаханская, М.С., Яблонский, Л.Т. А13. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I. В кн.: М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский (ред.), *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.).* Т. 2. М., 84–156.

Trifanova, S.V., Soenov, V.I. 2019: *Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni* [*Jewellery of Altai Population of the Hunno-Sarmatian Period*]. Gorno-Altaysk.
Трифанова, С.В., Соенов, В.И. *Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени*. Горно-Алтайск.

Trudnovskaya, S.A. 1952: [Ornaments of the late antique Chorasmia according to the materials of excavations at Toprak-kala]. In: S.P. Tolstov, T.A. Zhdanko (eds.), *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoy ekspeditsii* [*Archaeological and Ethnographical Works of Chorezmian Expedition*], 1945–1948. Moscow, 119–134.
Трудновская, С.А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала. В кн.: С.П. Толстов, Т.А. Жданко (ред.), *Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции, 1945–1948.* (ТХАЭЭ, 1). М., 119–134.

Trudnovskaya, S.A. 1967: [Objects of metal, bone, stone, glass and other materials]. In: S.P. Tolstov, B.I. Vaynberg (eds.), *Koy-Krylgan-kala – pamyatnik kul'tury drevnego Khorezma IV v. do n.e. – IV v. n.e.* [*Koy-Krylgan-kala – the Monument of Culture of Ancient Chorasmia 4th Cent. BC – 4th Cent. AD*]. Moscow, 132–172.
Трудновская, С.А. Изделия из металла, кости, камня, стекла и других материалов. В сб.: С.П. Толстов, Б.И. Вайнберг (ред.), *Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э.– IV в. н.э.* (ТХАЭЭ, V). М., 132–172.

Trufanov, A.A. 2010: [The 3rd cent. AD burials in the south-western periphery of the Ust'-Al'ma necropolis]. *Stratum plus* 4, 145–195.
Труфанов, А.А. Погребения III в. н.э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя. *Stratum plus* 4, 145–195.

Vaday, A. 1989: *Die sarmatischen Denkmäler der Komitat Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums*. (Antaeus, 17–18). Budapest.

Vaday, A. 2016: A szarmata Barbaricum határvidékén [Am Grenzengebiet des Sarmatischen Barbaricums]. In: T. Csécs, M. Takács (eds.), *Beatus homo qui invenit sapientiam. Ünnepi kötet Tomka Péter 75. születésnapjára*. Győr, 757–793.

Vadetskaya, E.B. 1999: *Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri* [*Tashtyk Period of the Ancient History of Siberia]*. Saint Petersburg.
Вадецкая, Э.Б. *Таштыкская эпоха в древней истории Сибири*. СПб.

van Aerde, M. 2018: Revisiting Taxila: a new approach to the Greco-Buddhist archaeological record. *Ancient West & East* 17, 203–229.

Vasil'ev, I.B. 1973: [Sarmatian burial-mound in the north-west of Bashkiria]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 4, 249–251.
Васильев, И.Б. Сарматский курган на северо-западе Башкирии. *СА* 4, 249–251.

Vaynberg, B.I. (ed.). 2004: *Kalaly-gyr 2: kul'tovyy tsentr v Drevnem Khorezme IV–II vv. do n.e.* [*Kalaly-gyr 2: Cult Center in Ancient Chorasmia of the 4th–2nd Cent. BC*]. Moscow.
Вайнберг, Б.И. (ред.) *Калалы-гыр 2: культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э.* М.

Vaynberg, B.I., Levina, L.M. 1992: [Chirikrabat culture in the lower reaches of Syr Darya]. In: M.G. Moshkova (ed.), *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe Vremya* [*Steppen Belt of the Asian Part of the USSR in the Scythian and Sarmatian Periods*]. Moscow, 47–61.
Вайнберг, Б.И., Левина, Л.М. Чирикрабатская культура в низовьях Сырдарьи. В кн.: М.Г. Мошкова (ред.), *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 47–61.

Vaynberg, B.I., Levina, L.M. 1993: *Chirikrabatskaya kul'tura* [*Chirikrabat Culture*] Moscow.
Вайнберг, Б.И., Левина, Л.М. *Чирикрабатская культура.* (Низовья Сырдарьи в древности, I). М.

Vinokurov, N.I., Treister, M. Yu. 2015: [A Tessera from the destruction layer of the early citadel of Artezian fortified settlement]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 227–239.
Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. Тессера из слоя гибели ранней цитадели городища Артезиан. *ВДИ* 4, 227–239.

Vivero, M.A. 2017: Emporion and chora in the "Periplus of the Erythraean Sea" and related sources. *Orbis Terrarum* 15, 11–22.

Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A. 1998: [The beads of the necropolis "Sovkhoz-10" ("Sevastopol'skiy")]. *Drevnosti* [*Antiquities*] (1997–1998), 116–133.
Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А. Бусы могильника «Совхоз-10» («Севастопольский»). *Древности* (1997–1998), 116–133.

Wang Bo, Lu Lipeng 2009: Glass artifacts unearthed from the tombs at the Zhagunluke and Sampula cemeteries in Xinjang. In: F. Gan, R. Brill, S. Tian (eds.), *Ancient Glass Research along the Silk Road*. New Jersey–London, Singapore–Beijing–Shanghai–Hong Kong–Taipei–Chennai, 299–329,

Wedder, J., Egorov, V., Davis-Kimball, J., Morgunova, N., Trunaeva, T., Yablonskiy, L. 1993: [Excavation of burial-grounds "Pokrovka-2' and "Pokrovka-8" in 1992]. In: L.T. Yablonskiy (ed.), *Kurgany levoberezhnogo Ileka* [*Burial-Mounds of the Left Bank Ilek*]. Issue 1. Moscow, 18–54.
Веддер, Дж., Егоров, В., Дэвис-Кимболл, Дж., Моргунова, Н., Трунаева, Т., Яблонский, Л. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году. В кн.: Л.Т. Яблонский (ред.), *Курганы левобережного Илека*. Вып. 1. М., 18–54.

Wehry, B. 2013: *Zwischen Orient und Okzident. Das arsakidenzeitliche Gräberfeld von Tall Šēḫ Ḥamad/ Magdala*. Diss. Freie Universität Berlin. Berlin.

Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo 2000: [Preliminary report on the excavation of Tomb No. 8 at cemetery 95MN1 at the Niya settlement site in Minfeng County, Xinjiang]. *Wenwu* 1, 4–40.
新疆文物考古研究所. 新疆民豐縣尼雅遺址 95MN1 號墓地M8 發掘簡報. *文物* 1, 4–40.

Yablonskiy, L.T. 1999: [The works of the complex Ilek expedition in the south of the Orenburg region]. In: V.I. Gulyaev (ed.), *Evraziyskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i* [*Eurasian Antiquities. 100th Anniversary of B.N. Grakov: Archive Materials, Publications, Articles*]. Moscow, 325–339.
Яблонский, Л.Т. Работы комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области. В сб.: Гуляев В.И. (ред.), *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. М., 325–339.

Yablonskiy, L.T. 2010: *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii* [*Prokhorovka. At the Sources of the Sarmatian Archaeology*]. Moscow.
Яблонский, Л.Т. *Прохоровка. У истоков сарматской археологии*. М.

Yablonskiy, L.T. 2013: *Zoloto sarmatskikh vozhdey. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.)* [*Gold of the Sarmatian Chieftains. The Elite Necropolis Filippovka 1 (Based on the Results of 2004–2009 Excavations)*]. Moscow.
Яблонский, Л.Т. *Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.)*. М.

Yagodin, V.N. 2010: Strangers at the gates. Nomads of the Aralo-Caspian region on the Great Silk Road. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 42, 53–58.

Yagodin, V.N., Khodzhayov, T.K. 1970: *Nekropol' drevnego Mizdakhkana* [*The Necropolis of Ancient Mizdakhan*]. Tashkent.
Ягодин, В.Н., Ходжайов, Т.К. *Некрополь древнего Миздахкана*. Ташкент.

Yang Juping, 2013: The relations between China and India and the opening of the southern Silk Road during the Han dynasty. *The Silk Road* 11, 82–92.

Yusupov, X. Yu. 1981: [The monuments of ancient nomads of the Trans-Uzboy plateau (Cholinkyr)]. In: M.A. Itina, Yu.A. Rapoport, N.S. Sycheva, B.I. Vaynberg (eds.), *Kul'tura i iskusstvo drevnego Khorezma* [*Culture and Art of Ancient Chorasmia*]. Moscow, 131–144.
Юсупов, Х.Ю. Памятники древних кочевников Заузбойского плато (Чолинкыр). В сб.: М.А. Итина, Ю.А. Рапопорт, Н.С. Сычева, Б.И. Вайнберг (ред.), *Культура и искусство древнего Хорезма*. М., 131–144.

Zahn, R. 1929: Goldenes skythisches Armband mit Pferdeköpfen. *Bulletin of the Bachstitz Gallery*, 30–31.

Zasetskaya, I.P. 2011: *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskiy klad* [*The Treasures of the Khokhlach Burial-Mound. The Novocherkassk Hoard*]. Saint Petersburg.
Засецкая, И.П. *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. СПб.

Zasetskaya, I.P. 2012a: [Depiction of grffins and "gryphs" in Sarmatian animal style]. In: *Zoloto, kon' i chelovek. Sbornik statey k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko* [*Gold, Horse, Man. Collection of Articles to the 60th Anniversary of Alexander Vladimirovich Simonenko*]. Kiev, 353–383.
Засецкая, И.П. Изображения грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле. В сб.: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев, 353–383.

Zasetskaya, I.P. 2012b: [To the question of the place of manufacture of silver bowls from a Sarmatian complex of the 1st century AD]. In: D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [*Eurasia in the Scythian and Sarmatian Periods. In the Memory of Irina Ivanovna Gushchina]*. Moscow, 82–90.

Засецкая, И.П. К вопросу о месте изготовления серебряных чаш из сарматского комплекса I в. н.э. В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной*. (ТГИМ, 191). М., 82–90.

Zasetskaya, I.P. 2015: [The mystery of the gold goblet from the destroyed burial near the cosack-village Migulinskaya]. In: E.F. Korol'kova (ed.), *Arkheologiya bez granits. Kollektsii, problemy, issledovaniya, gipotezy* [*Archaeology without Frontiers. Collections, Problems, Studies, Hypothesis*]. Saint Petersburg, 171–183.

Засецкая, И.П. Загадка золотого кубка из разрушенного погребения у ст. Мигулинской. В сб.: Е.Ф. Королькова (ред.), *Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы*. (ТГЭ, LXXVII). СПб., 171–183.

Zasetskaya, I.P. 2018: [Phalerae from the mound Sadovy and the image of the "tarandrus"]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [*Journal of the Volgograd State University, Series 4, History, Regional Studies, International Relations*] 23/3, 126–137.

Засецкая, И.П. Фалары из кургана Садовый и образ «тарандра». *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 23/3, 126–137.

Zasetskaya, I.P. 2019: *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoy epokhi (II v. do n.e. – nachalo II v. n.e.)* [*The Art of the Animal Style of the Sarmatian Period (2nd Cent. BC – Early 2nd Cent. AD)*]. Simferopol.

Засецкая, И.П. *Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э.– начало II в. н.э.)*. (Археологические памятники Северного Причерноморья, 1). Симферополь.

Zaytsev, Yu.P. 1997: [Rescue investigations in Simferopol, Belogorsk and Bakhchisaray regions]. In: V.A. Kutaysov (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu, 1994 god* [*Archaeological Researches in the Crimea, 1994*]. Simferopol, 102–116.

Зайцев, Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Археологические исследования в Крыму, 1994 год*. Симферополь, 102–116.

Zaytsev, Yu.P., Koltukhov, S.G. 2016: [Barrow with collective graves of 3rd–1st centuries BC from Ak-Kaya/Besh-Oba necropolis in the Crimea]. *Stratum plus* 3, 99–127.

Зайцев, Ю.П., Колтухов, С.Г. Курган с коллективными погребениями III–I вв. до н.э. из некрополя Ак-Кая / Беш-Оба в Крыму. *Stratum plus* 3, 99–127.

Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I., Nenevolya, I.I., Firsov, K.B., Radochin, V. Yu. 2005: [Late-Scythian necropolis Balta-Chokrak near the village of Skalistoe of the Bakhchisaray region of the Autonome Republic of Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonessian Collection of Articles*] 14, 169–196.

Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И., Неневоля, И.И., Фирсов, К.Б., Радочин, В.Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК. *Херсонесский сборник* 14, 169–196.

Zhelezchikov, B.F. 1998: *Arkheologicheskie pamyatniki Ural'skoy oblasti* [*Archaeological Sites of the Ural Region*]. Volgograd.

Железчиков, Б.Ф. *Археологические памятники Уральской области*. Волгоград.

Zhuravlev, D.V., Kostromichev, D.A. 2017: *Kompleksy s yuvelirnymi izdeliyami iz khersonesskogo nekropolya*. Chast' 1. *Materialy raskopok R.KH. Lepera v 1909–1910 gg* [*Sets with Jewellery Items from the Necropolis of Chersonesos*. Pt. 1. *Materials of Excavations by R. Kh. Leper in 1909–1910*]. Moscow.

Журавлев, Д.В., Костромичев, Д.А. *Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя*. Часть 1. *Материалы раскопок Р.Х. Лепера в 1909–1910 гг.* М.

Zhuravlev, D.V., Novikova, E. Yu., Kovalenko, S.A., Shemakhanskaya, M.S. 2017: *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo. Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [*Gold of Tauric Chersonesos. Items of Jewellery from the Collection of the State Historical Museum*]. Moscow.

Журавлев, Д.В., Новикова, Е.Ю., Коваленко, С.А., Шемаханская, М.С. *Золото Херсонеса Таврического. Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея*. М.

Żuchowska, M. 2013: Palmyra and the Far Eastern trade. *Studia Palmyreńskie* 12, 381–387.

Żuchowska, M. 2016: Palmyra and the Chinese Silk trade. In: J.C. Meyer, E. Heldaas Seland, N. Anfinset (eds), *Palmyrena: City, Hinterland and Caravan Trade between Orient and Occident. Proceedings of the Conference held in Athens, December 1–3, 2012*. Oxford, 29–38.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 394–407
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 394–407
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014829-4

ON THE CAMELS OF THE AORSI: DIOSCORIDES AND THE MEDICINE TRADE OF THE BOSPORAN KINGDOM

Part I. THE "SOLDIER'S LIFE" OF DIOSCORIDES

David Braund

University of Exeter, Exeter, UK

E-mail: d.c.braund@exeter.ac.uk

We know only a little about the life of Dioscorides, a medical botanist who wrote in the first century AD or so. His reference to his "soldier's life" has been important in reconstructions of his activities, often linked with campaigns in Armenia under Nero. However, a "soldier's life" was a common enough metaphor in the first century AD for a life of hard work, which need have no connection at all to military service. His work shows scant knowledge of the Caucasus. The evidence for his dates makes it likely that he wrote after AD 77, when Pliny the Elder completed his *Natural History*, in which Dioscorides' important work is not mentioned. Therefore, his remarks on the Bosporan Kingdom were made after AD 77.

Keywords: Dioscorides, ancient pharmacology, ancient botany, medicine, Corbulo, Ephesus, Laecanius

НА ВЕРБЛЮДАХ АОРСОВ: ДИОСКОРИД И ТОРГОВЛЯ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ

Часть I. «СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ» ДИОСКОРИДА

Д. Браунд

Университет Эксетера, Эксетер, Великобритания

E-mail: d.c.braund@exeter.ac.uk

Author. David Braund – Emeritus Professor of Black Sea and Mediterranean History, University of Exeter.

Очень немногое известно о Диоскориде, медике и ботанике, писавшем в I в. н.э. Упоминание о его «солдатской жизни» всегда было важной деталью для реконструкции его деятельности, часто связываемой с армянскими кампаниями Нерона, однако на самом деле метафора «солдатской жизни» была широко распространена в I в. для описания жизни, полной тяжелого труда, не обязательно связанной с воинской службой. Само сочинение Диоскорида – «О лекарственных веществах» – демонстрирует лишь скудные знания о Кавказе. Существующие данные о жизни Диоскорида, а также тот факт, что его важный труд не упоминается в «Естественной истории» Плиния, завершенной к 77 г.н.э., говорят в пользу того, что сочинение было написано после этой даты и замечания Диоскорида о Боспорском царстве тоже относятся ко времени после 77 г.

Ключевые слова: Диоскорид, античная фармакология, античная ботаника, медицина, Корбулон, Эфес, Леканий

Among the most influential creations of the ancient world is Dioscorides' book on plants and minerals useful in medicine (written in Greek, but usually known by its Latinized name, *De materia medica*). For obvious reasons it has been studied almost exclusively by scholars concerned with ancient medicine. In the present discussion I have two principal concerns: both have been rather marginal to a great deal of that medical scholarship, but they seem to me to be of prime importance to the history of the Black Sea region. My first concern here is the biography of Dioscorides himself, about which we know little that is not in his own book. This matters for many reasons, but my principal interest is to get a better sense of the research methods and contexts of our author, not least with regard to the Black Sea and Caucasus. I shall seek also to refine his dates: while there is general agreement that he wrote in the first century AD, I argue that a date towards the end of that century is to be considered and preferred. My second concern, to be pursued on that basis in the second part of this article, will be to examine his comments on the Bosporan kingdom, in particular, and more generally on the northern Black Sea region as a source of medical materials, both from local sources and from as far afield as the Caspian Sea and even India. For Dioscorides shows us that there was a "spice trade"[1] in the Bosporus, involving goods brought across the steppe that stretches between the Black and Caspians Seas north of the main range of the Caucasus. This neglected aspect of Bosporan trade demonstrates that grain was by no means the only export from the kingdom, while it also suggests that "spices" probably played a part in the Bosporans' dealings with their non-Greek neighbours.

Dioscorides addresses his work to a certain Arius. We know Arius as a pharmacological specialist of Tarsus; our author evidently expects his readers to know the great man[2]. Arius moved in the highest circles, for he was connected with an important family in his world. In his *Preface* Dioscorides holds forth on the close relationship of mutual friendship between Arius and a Laecanius Bassus: thanks to Galen we know that Arius had his Roman citizenship through the Laecanii, so that in Roman terms he was (C.?) Laecanius Arius[3]. The Laecanius Bassus mentioned by Dioscorides is usually identified as the consul

[1] I retain the familiar term: here, as usual, it embraces much more than food flavourings, as we shall see.

[2] Scarborough 2008.

[3] Galen gives the *nomen* (*De comp. med. gen.* 13. 840 K).

ordinarius of AD 64, the momentous year of the great fire in Neronian Rome (Tac. *Ann.* 15. 33. 1). Fortunately, the identification is of only marginal interest for the present discussion, since it is hardly as secure as often imagined. Among other possibilities there was the father of that consul, with the same name, who himself held consular office in AD 40 (*ILS* 6102). The family remained at the top under the Flavians, where we know of another Laecanius Bassus. This was C. Laecanius Bassus Caecina Paetus, who had been adopted by the consul of 64. He became proconsul of Asia and left his mark at Ephesus in AD 80/81, where he apparently constructed an enormous nymphaeum, with abundant sculpture to adorn it[4]. Ephesus was one of the great cities of the Roman world, with many attractions for doctors and other men of culture[5]. In any event, Arius had a powerful associate, though we need not take all Dioscorides' words at face value. For, while the patron-client relationship was usually couched in the language of mutual friendship, in this particular relationship the complete superiority of his Laecanius Bassus was beyond doubt[6].

The same may be said of Dioscorides' relationship with Arius, who is often (and possibly rightly)[7] understood to be Dioscorides' teacher at Tarsus. The fact that our author dedicates his book to Arius confirms their bond, while his treatment of Arius makes it clear enough that Dioscorides had benefited from Arius' support and, in some sense, patronage. Of particular interest is Dioscorides' mention of the time he spent in the company of Arius and Laecanius Bassus, where he claims to have observed their mutual friendship (which might entail their residence together, perhaps at the house of Bassus, whether in Rome, Ephesus or elsewhere). Of course, such an observation was very much to the benefit of Arius, and so very welcome to the dedicatee, while at the same time our author shows himself among the exalted. For we have here a chain of patronage, which we may express in a fashion that ancient manners would have tended to avoid: this was a hierarchy of patronage, with Dioscorides as client of Arius, and Arius as client of Bassus. While Dioscorides locates himself in the extended circle of mighty Bassus, he makes no claim to any direct connection with the great man: his association is through Arius, at least as far as the *Preface* of his book is concerned. We can only guess where the three had been together, for how long and under what circumstances, most likely in Rome or Asia Minor. After all, Dioscorides claims to have travelled extensively in his quest for a knowledge that came from autopsy and experience, not only from the written word and received wisdom. Clearly, our travelling author did not stay in his native Cilicia, neither at Anazarbus his birthplace nor at Tarsus, probably his place of education in medicine.

Interestingly the only location that Dioscorides claims for himself in his entire work (very much a claim in passing) is in Italy. There, in the Abruzzi, high among the

---

[4] On the many Laecanii, who came from Pola (Istria), where their amphora production has received close attention, see Tassaux 1982; cf. Eck 1982 on C. Laecanius Bassus Caecina Paetus, a Flavian proconsul of Asia, with Thomas 2014, 75–77 on his great fountain at Ephesus; cf. Rathmayr 2011 on its sculptures. Earlier, the elder Pliny twice mentions a consular Laecanius Bassus died in a way that suggests a lack of medical support (*NH* 26. 5, with 36. 203), but we do not know which one: the consul of AD 64 is usually imagined (e.g. Scarborough 2008, 129), possibly correctly. Galba's possible killer is a still more elusive Laecanius: Plut. *Galba* 27. 2.

[5] For doctors and medicine there, see Nutton 2008, 140–143; Zimonyi 2014.

[6] Cf. Saller 1982.

[7] One might have wished for some clear indication of Arius as teacher in the *Preface*.

mountains of the Vestini, he had observed the effect of certain kinds of pasture upon the milk produced from it (Diosc. 2. 70). If he had journeyed in these mountains, he must surely have also visited Rome, which was no great distance away. There, too, any *materia medica* was likely to find its way, while Galen shows how much a doctor might learn from experience in Rome's markets and among specialists who came there[8]. And at Rome, as we have seen, he might find powerful support. We may reasonably suppose that it was from the capital that he had made his journey into these mountains. The milk-products of the Vestini enjoyed some fame in contemporary Rome[9]. Most likely he made use of the road built by Claudius in AD 47, which passed through the town of one of the most renowned men of the region, Cn. Domitius Corbulo, Nero's victor in Armenia[10]. That association might seem to offer support for the modern suggestion that Dioscorides had served with the Roman army in Armenia. However, we shall see that his work in fact has very little to say about Armenia, and shows no experience there. More importantly, we must look much harder at the whole notion of his soldiering, which arises from his remarks in the *Preface* (4), where he contrasts his approach to medicinal plants and minerals with that of unsatisfactory predecessors:

> I, on the other hand, having had from a very young age, so to speak, an abiding interest in *materia medica* and having covered much territory – for you know that I have led a military life – have collected at your encouragement my findings in five books. It is to you that I dedicate this collection in gratitude for your kindness towards me[11].

Dioscorides' allusion to a "military life" – perhaps better, "a soldierly life", a στρατιωτικὸς βίος – has caused considerable discussion. By and large, scholars have taken him to say here that he has served in the Roman military[12]. However, his focus on the *materia medica* of the east and concomitant neglect of the west, have given rise to the (rather mild) objection that he seems not, in that case, to have been based on the northern frontiers. There seems to have emerged now an orthodoxy that his military career was a short one – a fine compromise. But none of this will do. If his military career was short, why does he adduce it at all, and in connection with his claim to extensive travels? The uncomfortable fact is that he gives no account of a military career, and, more importantly, says nothing in his five books to link any such career with a single item, place or practice that he discusses. Accordingly, we should consider a very different approach to the interpretation of our author's claim to a soldierly life. For it is most probably a metaphor, adduced to encapsulate not simply the extensive travels that he claims to have made, but more generally his commitment and labour in pursuing the first-hand studies which he stresses in his *Preface* and embodies in his work as a whole. Such metaphorical

---

[8] There was pepper by Augustus' day, at least: further, De Romanis 2020, esp. 49 on Hor. *Epist.*1. 2. 269–270 and related texts and archaeology. On Galen's research in Rome, see Houston 2003, 50; cf. Holleran 2012, 71–72. Also Nutton 1985, 138–139 on Galen's dealings with the snake-expert Marsi in Rome.

[9] Plin. *NH* 11. 97 (cheese); cf. Martial 13. 31. Further, Bourdin, D'Ercole 2014 for sundry papers on the area.

[10] On the road and the Corbulones, see Syme 1970. Occasional modern claims that Dioscorides served with Corbulo in Armenia are therefore of some interest, though they lack all evidence.

[11] I use the valuable translation of Lily Beck, here and elsewhere in this discussion: Beck 2005.

[12] See e.g. Bader 2014, 54; Hardy, Totelin 2016, 15, with bibliography.

use of the discourse of soldiering is variously deployed by authors under the Principate and earlier[13]. Seneca, with his broadly Stoic outlook, is particularly fond of soldiering as a metaphor for life, and especially as a means to express the travails of the would-be wise man. The fact that he was a (older) contemporary of Dioscorides makes his metaphorical habit all the more relevant. Indeed, he was part of the same elite in Rome as the Laecanii and the Pedanii of his day. It would be no surprise at all if he knew also Arius, and he may have known Dioscorides himself. Meanwhile, we must be clear that the military metaphor might also be used in contexts that were not particularly philosophical, let alone Stoic[14].

It is not hard to collect passages which use such military metaphors in describing life's journey[15]. We should note, however, that the imagery of soldiering seems to have become popular among philosophers, especially Stoics, in the imperial period, so that some see here the influence of Roman attitudes in the development of Stoicism, better disposed to the military than was usual in the Hellenistic world[16]. At the same time, however, this apparent shift in discourse was by no means revolutionary. For it was no doubt facilitated and validated by the fact that the sainted Socrates had himself served as a soldier several times[17]. Among imperial writers, Seneca asserts, for example, that the philosopher has the versatility and range of abilities required to be an outstanding soldier[18]. Of course, the soldier might be far from philosophical: the dark side of soldierly ways remained familiar in the imperial centuries, in theory and in practice. Plutarch explores these darker themes in his *Life* of Antony, for example, but with a substantial measure of sympathy and understanding[19]. He also sets out more positive features of the soldier in his *Life* of Philopoemen, albeit not unalloyed[20]. Endurance, versatility and obedience[21] are among the soldierly virtues for Plutarch, while they are also particularly indicated by Epictetus (3. 24.31), starting from the concept of life as a military campaign:

> ...Everyone's life is a warfare, a long and varied one. You must carry out [*sc*. as a man of philosophy] the duty of a soldier, and perform everything at the nod of your general, and even, if possible, anticipate what he would have done.

Rather as Seneca had it, the philosopher will be the best of soldiers on life's campaign. As Seneca observes (*Epist*. 96. 5; cf. *de Prov*. 5.1), expanding on his view of life as a military campaign:

> Ask yourself, if some god ,gave you control over whether you chose to live in a market or in a military camp. To live, Lucilius, is to serve as a soldier. And so, those who are thrown about and travel heights, up and down, and undergo the most dangerous missions are brave men, and

---

[13] Hellenistic thinkers tend to stress soldiering as a counterpoint to the pursuit of philosophy: Schofield 1999, 50–56; cf. 36–38 on earlier notions.

[14] See McKeown 1995 on Ovid's use of the metaphor, philosophical only in a general way.

[15] See further Lavery 1980 on imagery of the philosopher as soldier and traveller through life; also Montiglio 2006.

[16] See Fantham *et al.* 2014, 180.

[17] Monoson 2016 explores the theme; cf. Brouwer 2014 on Stoic Socrates.

[18] Max. Tyr. 1. 3, with Trapp 1997, xl and 119, n. 10 for further passages of Maximus and others.

[19] Further, Pelling 1988; 1989; Duff 2004.

[20] Plut. *Phil*. 3, with *Arat*. 24; cf. also *Mor*. 77c. Further, Pelling 1995; Duff 1999, esp. 67–68.

[21] Cf. Dio Chrys. 4. 3; cf. 3. 66.

> the leaders of the camp, Those, whom rotten idleness softly detains, while others toil, are little pigeons, safe and a cause for disgust[22].

And again (Sen. *Epist.* 120. 12):

> This perfect and virtuous man [sc. the wise man] never cursed fortune, was never sad about what happened, regarded himself as a citizen and soldier of the cosmos, and so endured all his labours as though he were under orders. Whatever happened, he did not scorn it as inflicted upon him by chance, but took it as a job assigned to him.

The wise man would choose a life of hardship, endurance and danger, rejecting idleness. Like Dioscorides, Seneca deploys this metaphor of soldiering together with imagery of travel, the journey of life and, more particularly, the journey of the would-be wise man, who sets out (a *proficiscens*, "one setting out")[23] on a kind of travel that will demand a soldierly mentality[24]. The fact that the two metaphors (of journeying and of soldiering) are interwoven in this fashion offers further confirmation that it is in metaphorical terms that we should understand Dioscorides' talk of military service and travel together. Indeed, we also have here some explanation of why our author uses the metaphor of soldiering at all. For it has been argued that there is a risk of inconsistency in Seneca's attitude to travel: a great deal depends on the kind of travel entailed (as also with good, bad and indifferent soldiering), which can be the kind of philosophical journeying that he approves or the opposite, that is travelling in a spirit of idleness or deceitful quackery[25]. Indeed, an itinerant physician (as Dioscorides might be described by critics) was vulnerable to particular forms of such criticism, which Dioscorides seeks to forestall[26]. Nor is Seneca alone in the key distinction[27]. The need for clarity about the nature of the travel that Dioscorides had undertaken, helps to explain why he breaks off after his assertion that he has travelled widely, to assert also the kind of travel involved. Of course, he would expect Arius already to know that (and invokes his approbation), but there was a need also to assure his readers on the matter. All the more so, since Dioscorides was being soldierly in the further sense that his whole stance in his preface is polemical. He offers a criticism of the methods and mistakes of others. He could expect to receive criticism in turn.

Dioscorides calls upon Arius' knowledge to testify to the truth of his claim to have travelled extensively in a philosophical mode, not as a creature of idle wanderings. He wishes his readers to be clear that he is a man of philosophy and learning. He does not explain the cause of his (rather unusual) interest in *materia medica* from a very early age, and does

---

[22] Ipse te interroga, si quis potestatem tibi deus faciat, utrum velis vivere in macello an in castris. Atqui vivere, Lucili, militare est. Itaque hi qui iactantur et per operosa atque ardua sursum ac deorsum eunt et expeditiones periculosissimas obeunt fortes viri sunt primoresque castrorum; isti quos putida quies aliis laborantibus molliter habet turturillae sunt, tuti contumeliae causa. Vale.

[23] See e.g. Sen. *Epist.* 75 with Reckford 2009, 66–67.

[24] Cf. Montiglio 2000.

[25] On this (potential) conflict, see Montiglio 2006. For travel and quackery, see Phaedr. 1. 14 with Zimonyi 2017.

[26] See, for example, Lucian, *Dial. deor.* 15 on the spat between Heracles and Asclepius on their respective travels; cf. Dio Chrys. 33. 6 with Kokkinia 2007.

[27] See Hor. *Epist.* 1. 11. 27 on idle travel, with Gowers 2011. In general, Montiglio 2000.

not even attribute it to his teachers (whether Arius or others). In result, there is a sense of fate about this boyhood calling of Dioscorides. He accepts his calling, without complaint, like the good Stoic. In Senecan terms (or more broadly in the Stoic terms of his day) Dioscorides is indeed a soldier, who has had his role – his station on the battlefield or in the camp – allotted to him by his commander, who might here be characterised as fate or as god. He has duly been on his extensive journeying, in quest of wisdom, leading a soldier's life. Dioscorides' brief imagery is very consistent with the Stoic metaphors we have surveyed, though this is also claimed as the reality of Dioscorides' life and research. While we need not (and, I suggest, should not) take literally his claim to a soldier's life, of which there is otherwise no hint in the whole work, there are no grounds to doubt the travails of the personal and intellectual journey that he has made, with his patron's (and at least by extension his patron's patron's, that is Laecanius') support and encouragement. The sustained importance of the work itself across many centuries thereafter tends to validate the author's claim to have pursued his research with the energy, endurance, versatility and discipline of a fine soldier[28]. Meanwhile, we should be clear that Dioscorides' presentation of himself, as a philosopher as well as a medic, entailed no evident hyperbole from his reader's viewpoint. For the proximity of medicine and philosophy was generally agreed among Hellenistic and Roman thinkers, as well as medical men like Arius, Dioscorides and Galen[29]. Accordingly, Dioscorides' campaign in a life of medical pursuits might readily be couched in the more expansive discourse of philosophy.

This metaphor apart, much about Dioscorides' life remains obscure. The general view among medical scholars that he worked in the middle and/or late first century AD is not to be challenged. However, we may make some progress towards a closer date, not for Dioscorides' life perhaps, but for the appearance of his *De materia medica*. There is no need to imagine his participation in Neronian campaigning in Armenia, once we have perceived the metaphor[30]. The influential notion was always difficult to sustain in the face of the fact that our author has almost nothing to say about Armenia and its botany. The region is mentioned only rarely and with no great prominence. If our author had indeed spent time amid the extraordinary botany of the southern Caucasus and its minerals, this would have been a very poor return for his trouble. Implausibly so, given Dioscorides' abilities and commitment. To be more specific: we find Armenia in a list of places where laserwort (*Ferula tingitana* L.) grows ("Syria, Armenia, Media, and Libya", Diosc. 3. 80). Similarly, Armenia recurs in another such list, concerned with the kermes oak (*Quercus coccifera* L.) and quality ("the best is the Galatian and the Armenian, then the Asian and the Cilician, and worst of all is the Spanish", Diosc. 4. 80). As for the mineral *chrysocolla* (gold-solder) "the best is the Armenian, being intensely green in colour; second best is the Macedonian, then the Cypriot" (Diosc. 5. 89. 1). A very few further occurrences of something linked to Armenia can be added: alum, found there and in many other places (5. 106); a kind of apple (1. 115. 5); and cardamoms, on which more below. There is little or nothing here that he could not have discovered in his native

[28] Further, Denham, Whitelegg 2014; Denham 2018; cf. Tobyn *et al.* 2011.
[29] See Nussbaum 1994, 13–14 on Galen in this context; cf. Touwaide 1999.
[30] As notably do Scarborough, Nutton 1982, 216, followed by many others.

Cilicia, or indeed in Rome or in Ephesus, at the end of the great road from the east[31]. We may also observe that, despite his special interest in mountain plants as strong medical matter[32], he says not a word about the Caucasus, and very little either about the rich botany of Colchis, Armenia's neighbour[33]. The absence of Colchis from his information on liquorice is particularly striking in view of its history there[34]. Even Caucasian Iberia is absent from his account, which was intimately bound up with Armenia and Roman involvements therein, as Tacitus' *Annals* repeatedly illustrate.

In any case, Dioscorides' idiosyncratic comments on "mad honey" (2. 82. 4) would be particularly odd, if he had spent time in and around the Armenian theatre of war. For Xenophon's famous account of the substance is set firmly in the southeastern Black Sea, near Trapezus, whereas Dioscorides associates it instead with Heraclea Pontica, far away in the southwestern Black Sea. His idiosyncratic location of this honey may be taken to attest to his preference for personal experience over written tradition, as he affirms it in the *Preface*, for Xenophon's story was certainly famous among imperial Greeks, as Strabo attests[35]. However, a principal line of communication and supply for the Armenian front came by way of Trapezus, as Tacitus inform us (*Ann*. 11. 33). It is of course possible that Dioscorides wrote in this way about mad honey, despite experience of Armenia (with or without the Roman army), but to do so without further comment would seem especially odd. Meanwhile, we should also observe that Dioscorides shows no interest at all in the nexus of myth that links to the poisonous plants of Heraclea, which is centred upon Heracles' forcible extraction of Cerberus from the underworld there. For the omission is part of his broader unconcern with myth throughout his work. The *Preface* says nothing about myth, and in so doing expresses that lack of interest and very different focus. We may also wonder whether the fame of this myth may have been further encouragement to its omission[36].

Amid the various considerations that surround the uncertain date of Dioscorides' work, there is only one point of complete clarity: neither he nor his work are mentioned in the *Natural History* of Pliny the Elder. That work dates itself to AD 77, while we know that its author perished in the eruption of Vesuvius in AD 79. Of course, Pliny's silence might

---

[31] On which, see Syme 1995, 3–23.

[32] In detail, *Pref*. 6.

[33] From Colchis, we have little more than the *bolbos*, also rightly said to be widespread in Messenia: 4. 83. 2; cf. 1. 2. 1. Here our author distinguishes between the edible (blue-flowered) *bolbos*, still gathered and sold as food, and other similar bulbs (white- or yellow-flowered), which are otherwise very similar, though found at a more shallow depth. The latter are not to be eaten: they are still gathered for use in medical preparations, as I am informed by countryfolk in Messenia (my particular thanks to G. Baibou of Messenia and her family).

[34] Diosc. 3. 5 mentions only its abundance in Cappadocia and Pontus, which might be the Black Sea region (or even Pontus Polemoniacus) and so include Colchis, but that is the perspective of one who does not know the region, as also its alternative name *Skythion*, which indicates the northern cast of the Pontus. Colchis is named elsewhere: see previous note. Further, Akhalkatsi 2019, with bibliography.

[35] Cf.e.g. Rood 2011.

[36] Compare Theophr. *Caus. plant*. 9. 6, with Fortenbaugh, Sharples 1988, 84–85 on Aristotle. Later, Dionys. Perieg. 787–792. Further, Ogden 2001, 29–42. Honey need form no part of the myth, but it might do so: cf. Virg. *Aen*. 6. 420.

be explained in various ways, but it seems hard to suppose that Pliny, who lists so many medical men, would have omitted Dioscorides. The point is not only that Dioscorides work "became the bible of medical botany for a millennium and a half"[37], nor that other authors were soon citing him, as we have seen, but that Dioscorides moved in the same circles as the elder Pliny himself. For we have seen that Dioscorides had come to Italy, and was probably in touch with members of the Roman elite who had property in its environs, as perhaps the Domitii in the mountains of the Vestini. We do not know how long he spent in Rome, where he must have gone, nor whether he made contact there with the Laecanii (whose known lands were far off, in the northern Adriatic). However, we do know that Pliny twice refers to the unfortunate death of a consular Laecanius Bassus, close to the patron of Laecanius Arius (if not the very man), to whom Dioscorides dedicated his work. Nothing in all this demands that Pliny mention Dioscorides, but, taken together, we have a set of considerations that tend to suggest that he would have done so. If that is right, Dioscorides' work will have appeared close to or after AD 77, by which time a consular Laecanius was prematurely dead, usually taken to be the consul of 64, though the consul of 40 remains possible.

If we date the appearance of Dioscorides' work after AD 77, the Laecanius Bassus of his *Preface*, who is still alive, it seems, is most likely the proconsul who erected the nymphaeum at Ephesus in 78/79. Dioscorides' term for him, κράτιστος, was appropriate enough to the position. We may imagine Arius meeting him there, perhaps as his doctor, and witnessed by Dioscorides. If Arius had already been the family doctor when the earlier Laecanius managed to kill himself by lancing a carbuncle, he is unlikely to have been particularly welcome, so that a new relationship seems rather more likely. On that surmise, it would have been the proconsul who bestowed the citizenship on Arius. Of course, much remains speculation. How Dioscorides had acquired the citizenship also remains beyond our knowledge, though scholars usually suggest a link with the urban prefect L. Pedanius Secundus, murdered by a slave in AD 61, the first of the Pedanii to reach the consulship (in 43). And that may be right. However, there are other possibilities besides. Under Nero we also have a consul of AD 61, a certain Cn. Pedanius (Fuscus?) Salinator (*ILS* 1987). Perhaps more relevant, if we are dating Dioscorides rather later than usual, we have his son, a consul of c. 84, who later went on to be proconsul of Asia and more besides, Cn. Pedanius Fuscus Salinator[38]. Much depends on the age at which Dioscorides gained the citizenship, if he had not had it from his father.

Dioscorides' book was soon cited and quoted by others, as repeatedly by Galen, who refers to him both as Dioscorides of Anazarbus and also as (by virtue of his education, no doubt, and perhaps his later base too) Dioscorides of Tarsus[39]. However, it is earlier mentions that provide a *terminus ante quem* for our author. It has been claimed that Dioscorides was quoted and cited very soon after his work first appeared, which is probably right. However, that need not be as early as some have maintained: the close dates for the relevant works are largely uncertain, though various dates are mooted nonetheless. We should be clear too that surviving papyri of Dioscorides' work do not require that it was

[37] Nutton 2008, 141.
[38] Further, Eck 1983. Pliny's letters offer glimpses of their social and cultural circle: 7. 9; 9. 36 and 40.
[39] Nutton 2013.

current before the second century[40]. Erotian cites Dioscorides, but the date of his work depends on the longevity and identification of its dedicatee, the "arch-doctor" Andromachus, of whom the younger may well have lived deep into the second century. The elder might also have lived on long after his work for Nero, even into the reign of Trajan[41]. There is also Rufus of Ephesus. Again, two possibilities are available (and Rufus is a common name), but his usual location under Trajan must be right, especially as *Suda Lexicon* says as much: "Rufus, Ephesian, doctor, active under Trajan with Crito" (p. 241 Adler). Possibly he had accompanied Trajan and the doctor Statilius Crito to the Dacian wars, though the association between the medical men need not have been so adventurous[42].

A lot of unfathomables, therefore. However, our review of the issues surrounding the dates of Dioscorides indicates that the most plausible date for the appearance of his work sits around AD 80 or so. His (otherwise unlikely) omission by the elder Pliny places it after c. AD 77, while the various citatons of its contents indicate that it was already achieving some fame by c. AD 100 or so. More importantly, we have seen that this was a man with significant contacts in the Roman elite, through Arius and possibly in his own right too. We have seen some small reason to suspect that he had spent time in the great and doctor-friendly city of Ephesus, and we have observed him specifically in the uplands of Italy outside Rome. Dioscorides had started in Cilicia, but it is entirely possible that he spent considerable time in the imperial capital, where all manner of *materia medica* were to be observed, including such materials as he discusses from the western empire. Of course, his presence in Italy also confirms his travel there from Cilicia, which in turn

---

[40] Scarborough, Fernandes 2011, 7 date Erotian's *Hippocratic terminologies* to AD 70, without explanation (also Scarborough 2020, 38; cf. Jouanna 2012, 262 linking Erotian with Nero), perhaps over-interpreting his dedication to a "chief-doctor" named Andromachus. The family (including Nero's doctor and his medical son of the same name) flourished after AD 70: cf. Nutton 2013, 377, n. 41 and below; also Scarborough 2006, 9, dating Erotian to the Flavian period. In adducing the oldest papyrus evidence for Dioscorides in support of their sense of the immediate impact of his work, they might have clarified that the main fragment is far too late to support their case, hardly earlier than AD 150 and possibly as much as forty years later: Bonner 1922; Verhoogt 2017, 99–100 (with colour image). Of the two smaller fragments, one is dated to the second century, and the other to the first or second century, so they too are unhelpful: Flemming, Hanson 2001, 21. Finally, their appeal to Pamphilus cannot be conclusive, since it depends on the arguments of Wellmann (1898; cf. 1916). In any case Pamphilus' dates are unclear, so that Scarborough elsewhere (2012, 250, n. 17) places him around AD 100, rather as did Wellman (1898, 369), while Nutton 2013, 150 has his *floruit* in AD60, and together Scarborough, Nutton 1982, 189 (treating Wellmann's arguments) placed him around AD 130.

We may note too a younger Pamphilus, still more crepuscular: Keyser 2008, 607.

[41] "Chief-doctors" are not rare: see e.g. Zimonyi 2014. Nutton 1977 remains fundamental. On Andromachus, father and son, see Nutton 2013, 177–178, seemingly less certain about which one Erotian meant than in 1977, 196, where he also notes how early is Erotian's use of the term.

[42] For a balanced statement of the issues around Rufus' dates, see Nutton 2008, 140–141; Swain 2008, 114 seems conclusive on the later date, also urging that Rufus went to the wars with Crito. Cf. Aparaschivei 2010, including local medical practitioners; Cassia 2018 on Servilius Damocrates and the elder Pliny. An earlier dating for Rufus, out of scholarly favour in any case, would be impossible on the present arguments for Dioscorides' dates. Rufus' citation of Dioscorids is preserved by Oribasius (*Coll. Med.* 5. 12. 3), who himself refers to Dioscorides often enough, though there is no particular reason to suspect contamination.

helps to substantiate his claim to extensive journeying in the *Preface*. It remains noteworthy that he says so little about his travels when holding forth on each of the materials he discusses, but that is not reason enough to cause us to imagine that he was untruthful on the issue, especially in view of the fact that he is addressing his patron Arius, who would seem to know the reality. Indeed, his treatment of plants from the mountains of the Vestimi demonstrates a method that seems deliberately to avoid biographical interjections. For example, when he lists places where hazelwort (*Asarum europaeum* L.) is found in quantity, he concludes (after listing the Pontus, Phrygia, and Illyria) with the lands of the Vestini: clearly, he had seen it there, but he gives no hint of the fact (Diosc. 1. 10. 2). Again, with wolfsbane (*Aconitum napellus* L.), he informs his readers that the plant is found in quantity in the lands of the Vestini, but he gives no hint that he has been there and seen it (Diosc. 4. 77). His exceptional mention of himself at 2. 70. 2 probably arises from the fact that he there provides specific new knowledge – testimony for the effect of certain pasture-plants on milk – rather than (as in the other instances, where he does not introduce himself) a set of information about where plants grow, which is less likely to be a matter of contestation. It is worth noting too in that regard, that milk was a key concern of medical men, so that (for example) Rufus of Ephesus is known to have devoted a special work to milk[43]. Even so, the exception is startling, and we may suspect some further reason for it. Evidently, this is an author who prefers to remain in personal obscurity. For while his *Preface* is key to our knowledge of him, he says very little about himself even there. His name does not appear there, nor his city of birth, nor any indication of his family, status or intellectual affiliations, beyond the little that we can infer or guess at. As we have seen, the contents that follow are still more reticent. We might have benefited, for example, from some show of special knowledge about the *materia medica* of his native Cilicia, but he offers nothing of that kind. Instead, without allusion to his origins, he often mentions Cilica, and (if we are alert to the possibility) we may discern special local knowledge (and perhaps a hint of local pride). For example, "Cretan alexanders, which in Cilicia they call *petroselinon*" (3. 68. 1); "it (tree germander) grows extensively in Cilicia around that part which is near what is called Selentis and Cetis" (3. 97); "wall barley, (dog's-tooth grass that grows in Cilicia,) which they call locally *cinna,* if eaten damp, often distends cattle" (4. 32); "in Cilicia, there is also something that grows on oaks, similar to a little snail; the women there harvest it with a steel blade and call it gall" (4. 48)[44]; "wine flavoured with hyssop from Cilicia is very good; it is prepared the same way as wine flavoured with wormwood" (5. 40. 1). Our author's expertise in Cilicia is clear, but he keeps himself out of the picture entirely. Possibly he hoped that experts, at least, would recognise the knowledge that he had gathered on his travels. His treatment of the honey of Heraclea Pontica is without parallel, which may well mean that Dioscorides himself had brought this into science. The fact that he mentions the city elsewhere, more than most cities, tends to encourage the suspicion that he had visited the place, whose reputation for poisonous nature would be a strong incitement for a Dioscorides to make the journey. Accordingly, when he writes "The people in

[43] *Suda*, p. 241 Adler, where we find also his work on another complex foodstuff and medical substance, honey: see above on mad honey in Dioscorides.

[44] Our author stresses the importance of proper collection: *Pref.* 6.

Pontic Heraclea use it as antidote and give its decoction to drink for hemlock" (3. 158. 2, on the ground pine), we may well have information that he has gathered on his travels. Of course, his elevation of autopsy over book-learning in the creation of his work (esp. *Pref.* 5)[45] not only removes the need for much reference to earlier writers (who sometimes appear, even so), but also tends to imply a claim to convey such knowledge that he has himself collected on his travels. He says that he has included the statements of others only where they are widely agreed, and accepted by persons local to the materials in question (*Pref.* 5). The value he places on local expertise here is striking, and of course consonant with his emphasis on direct experience.

For Dioscorides is certainly polemical (explicitly so in the *Preface*), but not as a personality. Instead, he makes Arius and Laecanius Bassus the stars of the show. He presents himself as an experienced soldier and philosopher in pursuit of a specific kind of wisdom, under their command and the generalship of the divine. His polemic is largely about the need for hard work and a striving for personal experience of his subject, as well as the best way to order the knowledge he has acquired by such means (that is, not alphabetically). Dioscorides is explicit that his pursuit of material across his world was the work of a lifetime, even if his actual journeys were more limited or condensed than his talk of journeying might seem to imply. His own reticence makes that impossible to judge. By and large, the *Preface* can easily feel like the words of an older man, looking back over his life from its early years onwards, which would (if his work appeared in the 80s) suggest that he was born in the reign of Tiberius (AD 14–37) or thereabouts. However, the sense of age conveyed in the *Preface* may be an unreliable guide, while we must also reckon with the uncertain biography of Arius, usually supposed to be his teacher. However, with some caution we may conclude that Dioscorides' work appeared under the Flavians, and more specifically around the beginning of the reign of Domitian. That will have some bearing on the second part of this paper[46].

Литература / References

Akhalkatsi, M. 2019: *Plant Species in Natura 2000 Habitats in Georgia*. Tbilisi.

Aparaschivei, D. 2010: Being a physician in Moesia Inferior. *Dacia* 54, 141–156.

Bader, P. 2014: The identity, legal status and origin of the Roman army's medical staff in the imperial age. In: B. Maire (ed.), *'Greek' and 'Roman' in Latin Medical Writing: Studies in Cultural Change and Exchange in Ancient Medicine*. Leiden, 43–59.

Beck, L. 2005: *Pedanius Dioscorides of Anazarbus, "De materia medica"*. Hildesheim.

Bonner, C. 1922: A papyrus of Dioscurides in the University of Michigan collection. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 53, 142–168.

Bourdin, S., D'Ercole, V. (eds.) 2014: *I Vestini e il loro territorio dalla preistoria al medioevo*. Rome.

Brouwer, R. 2014: *The Stoic Sage: The Early Stoics on Wisdom, Sagehood and Socrates*. New York.

Cassia, M. 2018: Servilio Damocrate: un medico poeta alla corte giulioclaudia? *Historika* 8, 237–256.

De Romanis, F. 2020: *The Indo-Roman Pepper Trade and the Muziris Papyrus*. Oxford.

Denham, A. 2018: Dioscorides' legacy: a classical precursor to travellers in Ottoman lands. In: I. Aščerić-Todd, S. Knees, J. Starkey, P. Starkey (eds.), *Travellers in Ottoman Lands: The Botanical Legacy*. Oxford, 89–108.

[45] On his statements of method and concern, see Hardy, Totelin 2016, 2–4.

[46] I thank Rebecca Flemming, John Wilkins, and Sue Willetts for their help in obtaining modern literature. They bear no responsibility for the views expressed.

Denham, A., Whitelegg, M. 2014: Deciphering Dioscorides: mountains and molehills? In: S. Francia, A. Stobart (eds.), *Critical Approaches to the History of Western Herbal Medicine: From Classical Antiquity to the Early Modern Period*. London, 191–209.
Duff, T.E. 1999: *Plutarch's Lives: Exploring Virtue and Vice*. Oxford.
Duff, T.E. 2004: Plato, tragedy, the ideal reader and Plutarch's "Demetrius and Antony". *Hermes* 132/3, 271–291.
Eck, W. 1982 Jahres- und Provinzialfasten der senatorischen Statthalter von 69/70 bis 138/39. *Chiron* 12, 281–362.
Eck, W. 1983 Jahres- und Provinzialfasten der senatorischen Statthalter von 69/70 bis 138/39. *Chiron* 13, 147–238.
Fantham, E. Hine, H.M., Ker, J., Williams G.D. 2014: *Lucius Annaeus Seneca: Hardship and Happiness*. Chicago.
Flemming, R., Hanson, A.E. 2001: Dioscorides, *De materia medica* II. 76. 2 and 76. 7–18. In: I. Andorlini (ed.), *Greek Medical Papyri*. Vol. I. Florence, 9–35.
Fortenbaugh, W.W., Sharples, R.W. 1988: *Theophrastean Studies: Fifteen Papers on Natural Science, Physics and Metaphysics, Ethics, Religion, and Rhetoric*. New Brunswick–Oxford.
Gowers, E. 2011: The road to Sicily: Lucilius to Seneca. *Ramus* 40, 168–197.
Hardy, G., Totelin, L. 2016: *Ancient Botany*. London–New York.
Holleran, C. 2012: *Shopping in Ancient Rome: The Retail Trade in the Late Republic and the Principate*. Oxford.
Houston, G.W. 2003: Galen, his books, and the "Horrea Piperataria" at Rome. *Memoirs of the American Academy at Rome* 48, 45–51.
Jouanna, J. 2012: *Greek Medicine from Hippocrates to Galen*. Leiden.
Keyser, P.T. 2008: Pamphilos of Alexandria. In: P.T. Keyser, G.L. Irby-Massie (eds.), *The Encyclopedia of Ancient Natural Scientists: The Greek Tradition and Its Many Heirs*. London–New York, 606–607.
Kokkinia, C. 2007: A rhetorical riddle: the subject of Dio Chrysostom's "First Tarsian Oration". *Harvard Studies in Classical Philology* 103, 407–422.
Lavery, G.B. 1980: Metaphors of war and travel in Seneca's prose works. *Greece and Rome* 27/2, 147–157.
McKeown, J.C. 1995: Militat omnis amans. *Classical Journal* 90/3, 295–304.
Monoson, S. 2016: Socrates' military service. In: V. Caston, S.-M. Weineck (eds.), *Our Ancient Wars: Rethinking War through the Classics*. Ann Arbor, 96–118.
Montiglio, S. 2000: Wandering philosophers in classical Greece. *Journal of Hellenic Studies* 120, 86–105.
Montiglio, S. 2006: Should the aspiring wise man travel? A conflict in Seneca's thought. *American Journal of Philology* 127/4, 553–586.
Nussbaum, M.C. 1994: *The Therapy of Desire*: *Theory and Practice in Hellenistic Ethics*. Princeton.
Nutton, V. 1977: Archiatri and the medical profession in antiquity. *Papers of the British School at Rome* 45, 191–226.
Nutton, V. 1985: The drug trade in antiquity. *Journal of the Royal Society of Medicine* 78, 138–145.
Nutton, V. 2008: The medical world of Rufus of Ephesus. In: P.E. Pormann (ed.), *Rufus of Ephesus: On Melancholy*. (Sapere, 12). Tübingen, 139–158.
Nutton, V. 2013: *Ancient medicine*. London.
Ogden, D. 2001: *Greek and Roman Necromancy*. Princeton.
Pelling, C.B.R. (ed.) 1988: *Plutarch. Life of Antony*. Cambridge.
Pelling, C.B.R. 1989: Plutarch: Roman heroes and Greek culture. In: M. Griffin, J. Barnes (eds.), *Philosophia togata. Essays on Philosophy and Roman Society*. Oxford, 199–232.
Pelling, C.B.R. 1995: The moralism of Plutarch's "Lives". In: D.C. Innes, H. Hine, C.B.R. Pelling (eds.), *Ethics and Rhetoric: Classical Essays for D. Russell on His 75th Birthday*. Oxford, 205–220.
Rathmayr, E. 2011: Die Skulpturenausstattung des C. Laecanius Bassus Nymphaeum in Ephesos. In: F. D'Andria, I. Romeo (eds.), *Roman Sculpture in Asia Minor. Proceedings of the International Conference to celebrate the 50th anniversary of the Italian excavations at Hierapolis in Phrygia, held on May 24–26, 2007, in Cavallino (Lecce)*. (Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series, 80). Portsmouth, 130–149.
Reckford, K.J. 2009: *Recognizing Persius*. (Martin Classical Lectures, 23). Princeton.
Rood, T. 2011: Black Sea variations: Arrian's "Periplus". *Cambridge Classical Journal* 57, 137–163.

Saller, R. 1982: *Personal Patronage Under the Early Empire*. Cambridge.
Scarborough, J. 2006: More on Dioscorides' Etruscan herbs. *Etruscan News* 6, 1, 9.
Scarborough, J. 2008: Areios of Tarsos, Laecanius. In: P.T. Keyser, G.L. Irby-Massie (eds.), *The Encyclopedia of Ancient Natural Scientists: The Greek Tradition and Its Many Heirs*. London–New York, 128–129.
Scarborough, J. 2012: Thornapple in Graeco-Roman pharmacology. *Classical Philology* 107/3, 247–255.
Scarborough, J. 2020: Dioscorides on beavers. In: L.M.V. Totelin, R. Flemming (eds.), *Medicine and Markets in the Graeco-Roman World and Beyond: Essays on Ancient Medicine in Honour of V. Nutton*. Swansea, 37–40.
Scarborough, J., Fernandes, A. 2011: Ancient medicinal use of aristolochia: birthwort's tradition and toxicity. *Pharmacy in History* 53/1, 3–21.
Scarborough, J., Nutton, V. 1982: The preface of Dioscorides' "Materia Medica": introduction, translation, and commentary. *Transactions and Studies of the College of Physicians of Philadelphia: Medicine and History* 4, 187–227.
Schofield, M. 1999: *The Stoic Idea of the City*. Revised ed. Chicago.
Swain, S. 2008: Social stress and political pressure: "On Melancholy" in context. In: P.E. Pormann (ed.), *Rufus of Ephesus: On Melancholy*. (Sapere, 12). Tübingen, 113–138.
Syme, R. 1970: Domitius Corbulo. *Journal of Roman Studies* 60, 27–39.
Syme, R. 1995: *Anatolica: Studies in Strabo*. Oxford.
Tassaux, F. 1982: Laecanii. Recherches sur une famille sénatoriale d'Istrie. *Mélanges de l'École française de Rome* 94, 227–269.
Thomas, E. 2014: On the Sublime in architecture. In: J. Elsner, M. Meyer (eds.), *Art and Rhetoric in Roman Culture*. Cambridge, 37–88.
Tobyn, G., Denham, A., Whitelegg, M. 2011: *The Western Herbal Tradition: 2000 Years of Medicinal Plant Knowledge*. Edinburgh.
Touwaide, A. 1999: La botanique entre science et culture au 1er siècle de notre ère. In: G. Wöhrle (ed.), *Biologie*. (Geschichte der Mathematik und der Naturwissenschaften der Antike, 1). Stuttgart, 219–252.
Trapp, M.B. 1997: *Maximus of Tyre: The Philosophical Orations*. Oxford.
Verhoogt, A. 2017: *Discarded, Discovered, Collected: The University of Michigan Papyrus Collection*. Ann Arbor.
Wellmann, M. 1898: Die Pflanzennamen des Dioskurides. *Hermes* 33/3, 360–422.
Wellmann, M. 1916: Pamphilos. *Hermes* 51/1, 1–64.
Zimonyi, A. 2014: The context of medical competitions in Ephesus. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 54/4, 355–370.
Zimonyi, A. 2017: The cobbler turned doctor: identifying physicians in the Roman Empire during the Principate. In: D. Bajnok (ed.), *Alia Miscellanea Antiquitatum*. Budapest, 215–234.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 408–422
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 408–422
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014831-7

БЫЛ ЛИ СОЛДАТОМ АВРЕЛИЙ ВИАТОР?

Д. А. Костромичев

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, Россия

E-mail: akfill@list.ru

В статье рассмотрены три надгробия из раскопок Херсонеса в Таврике. Два из них сохранили имена погребенных: Аврелий Виатор и Сабин, – третье – безымянное. На памятниках вырезаны портреты погребенных. Надгробия объединяет наличие птиц в руках у изображенных. Судя по многочисленным аналогиям, птицы являлись обычным атрибутом детских погребальных портретов в античности. Птицы стали символическим указанием на детский возраст, так как являлись распространенными домашними животными. Содержание и забота о домашних питомцах были важной составной частью воспитания и любимым занятием детей в эпоху Римской империи.

Ключевые слова: Херсонес в Таврике, надгробие, Аврелий Виатор, Сабин, портрет, дети, птицы, солдатская одежда, повседневная жизнь

WAS AURELIUS VIATOR A SOLDIER?

Daniil A. Kostromichev

The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia

E-mail: akfill@list.ru

The article is devoted to three tombstones from the excavations of Chersonesus in Taurica. Two gravestones preserved the names of the buried persons: Aurelius Viator and Sabinus; the third is nameless. The portraits of the buried are carved on the monuments. Each of them

---

Данные об авторе. Даниил Александрович Костромичев – кандидат исторических наук, заведующий сектором отдела городище и некрополь ГМЗХТ.

Статья является расширенной и доработанной версией доклада, прочитанного на конференции «Уваровские Таврические чтения “Древности Юга России”»: Kostromichev 2016. Ценные замечания, позволившие улучшить данную работу, принадлежат А.А. Волошинову и В.В. Масякину, которым я приношу свою благодарность.

holds a bird in his hands. Judging by numerous analogies, birds were a common attribute of children's funeral portraits in antiquity and became a symbolic indication of childhood, as they were common pets. Keeping and caring for pets was an important part of education and a favorite pastime for children in the Roman Empire.

Keywords: Chersonesus in Tauris, tombstone, Aurelius Viator, Sabinus, portrait, children, birds, soldier's clothes, everyday life

В 1892 г. в ходе раскопок южного участка некрополя Херсонеса в Таврике была обнаружена мраморная погребальная стела с латинской эпитафией и полностью сохранившимся изображением умершего (рис. 1, *1*). Стела была вторично использована в качестве одного из камней обкладки детской могилы (№ 77), которая к моменту раскопок оказалась разграбленной[1]. В настоящее время памятник хранится в коллекции Государственного исторического музея[2]. Стела неоднократно публиковалась с составлением описаний изображения, переводами и комментариями текста[3]. Датировка памятника определяется в пределах III в.н.э.[4]

В верхней части стелы в эдикуле в полный рост фронтально изображен погребенный. Он одет в короткую тунику, сверху накинут скрепленный фибулой плащ, на голове остроконечная шапочка, в руках держит птицу и плод. Ниже фигуры, в нише и на рамке, высечена латинская эпитафия. Полностью сохранились первые четыре строки надписи[5]: D(is) M(anibus)./ Filio suo titu/ lum posuit/ Aurel(io) Viatori/ [---] – «Богам Манам. Сыну своему Аврелию Виатору поставил надгробную надпись...»

Окончание текста не сохранилось. В.В. Латышев полагал, что надпись посвятил Аврелий Виатор, а имя сына не упоминалось[6]. Э.И. Соломоник установила, что имя Аврелия Виатора в надписи приводится в дательном падеже. Именно Аврелию Виатору отец посвятил надгробие[7]. Это наблюдение означает тождество имени и персоны, изображенной на надгробии. Чтение Соломоник в дальнейшем не оспаривалось.

Несмотря на ясность текста и полноту изображения, единодушное понимание памятника по-прежнему отсутствует. Исследователи разделились в вопросе социальной принадлежности погребенного. Возникло два мнения, сторонники каждого из которых опирались либо на текст надписи, либо на иконографию изображения. У обеих версий имеется несколько сторонников. Эпиграфисты, отталкиваясь от текста, считали, что Аврелий Виатор являлся сыном римского солдата, но сам солдатом не был[8]. Искусствоведы, исходя из характера рельефа, полагали,

---

[1] Kosciuszko-Walużynicz 1894, 102, рис. 60.

[2] Zhuravlev 1997, 199, рис. 5, *1*.

[3] Latyshev 1895, 16, 17, № 15; *IOSPE* I^2, 566; Solomonik 1983, 67, 68, № 42; Zhuravlev 2002, 90, № 379.

[4] Latyshev 1895, 16; Solomonik 1983, 68.

[5] Чтение и перевод приводятся по Solomonik 1983, 67, 68, № 42.

[6] Latyshev 1895, 16.

[7] Solomonik 1983, 68.

[8] Solomonik 1983, 67–68, № 42; Zubar' 1994, 90.

что изображенный на надгробии человек носил военную одежду и усы и потому должен считаться солдатом[9]. Оба этих мнения в каждом случае формулировались лишь тезисно и не подкреплялись развернутыми доказательствами. Очевидно, что истинной может быть лишь одна из этих версий. Для ответа на вопрос, был ли солдатом Аврелий Виатор, нужно подробнее разобрать аргументы за и против, а также обратить внимание на детали, которые ранее не использовались для разрешения проблемы.

Сторонников солдатского статуса погребенного убеждает в правоте весь внешний облик персонажа. Одежда Аврелия Виатора действительно напоминает солдатскую. Каждый из трех изображенных элементов – туника, плащ и сандалии входят в перечень обычной одежды римского военнослужащего[10]. Однако солдатская туника и плащ сами по себе никак не отличались от одежды зажиточных граждан[11]. В римской армии не существовало униформы в современном понимании. Визуальная идентификация солдат определялась наличием военного снаряжения[12]. На дошедших до нас изобразительных памятниках первых веков н.э. в случае отсутствия изображения оружия единственными признаками того, что перед нами солдат, являются наличие воинского пояса и воинских сандалий.

Подтверждение такому положению вещей можно отыскать в письменных источниках. Петроний (*Satir.* 82) описывает примечательное приключение Энколпия, который задумал, переодевшись солдатом, осуществить месть. Для этого ревнивец надел пояс и меч, но по дороге был разоблачен из-за греческих сандалий на ногах. Римская военная открытая обувь (caligae) представляла собой род сандалий, отличительной чертой которых была плотная подошва, подбитая большим количеством железных гвоздей[13]. Автором надгробия Аврелия Виатора было уделено значительное внимание изображению обуви. Показаны ремни, охватывающие подъем стопы и голеностоп. Виден продольный шнурок, стягивающий ремни от подошвы. Обращает на себя внимание толстая подошва. Но приходится констатировать, что, вне зависимости от замысла скульптора показать военную или гражданскую обувь, на рельефе не видно основной отличительной детали – железных гвоздей на подошве[14]. Еще одним препятствием для отождествления сандалий Аврелия Виатора с военными калигами является тот факт, что ко времени его жизни калиги выходят из употребления. Археологические данные свидетельствуют о прекращении использования тяжелых военных сандалий в первой четверти II в. н.э.[15] С этого времени в римской армии в обиходе остаются только calcei – обувь, полностью закрывавшая пятку, ступню и пальцы ног.

---

[9] Maksimova, Nalivkina 1955, 319–320, рис. 36; Ivanova *et al.* 1976, 126, № 391; Chubova *et al.* 2008, 121; Doroshko 2012, 111.

[10] Speidel 2012, 8, 9; Paetz gen. Schieck 2012, 93–95.

[11] Sander 1963, 148; Hoss 2012, 29.

[12] Bishop, Coulston 1993, 196.

[13] Bishop, Coulston 1993, 110, fig. 61. О римских калигах в Херсонесе и его округе см. Doroshko 2012.

[14] Приведу пример обуви схожего покроя: детскую сандалию из Бордо (Coulon 1994, 70).

[15] Bishop, Coulston 1993, 119; James 2004, 59.

Рис. 1. Надгробия детей с птицами в руках. Херсонес: *1* – надгробие Аврелия Виатора (по: Zhuravlev 2002); *2* – надгробие Сабина. *ГМЗХТ. Номер по ГИК (КП): ХМ КП-3594. Фото Д.А. Костромичева*; *3* – безымянное надгробие. *ГМЗХТ. Номер по ГИК (КП): ХМ КП-4535. Фото К.В. Зыковой*

Более важное и недвусмысленное значение имеет изображение пояса (balteus, cingulum) на солдатских надгробиях и других изображениях военнослужащих[16]. В период империи были наиболее популярны два типа римских воинских портретных надгробий. Первый тип изображал солдат в полном вооружении. Второй тип демонстрировал солдат, одетых в подпоясанную тунику и плащ[17]. Именно пояс был атрибутом, безошибочно отличающим солдат от гражданских лиц, при этом изображение меча не было обязательным, хотя и было распространено. Примеры надгробных стел с изображением пояса и оружия многочисленны[18].

[16] Значение пояса как символа службы подчеркивается процедурой снятия пояса как знака окончания или отказа от службы. Об этом см. Woods 1993, 55–60.

[17] Speidel 2012, 1–4.

[18] Coulston 1987, 141–146; Bishop, Coulston 1993, 125, fig. 85; James 2004, 61, fig. 24, 25; Ďurianová 2011, 49–55; Papagianni 2013, 800.

В Херсонесе такими образцами могут служить надгробия Аврелия Сильвана и Марка Мецилия[19]. В отличие от перечисленных примеров портрет Аврелия Виатора лишен пояса. Это очень важный аргумент против возможного солдатского статуса Аврелия.

Конечно же, тесную связь Аврелия Виатора с римским гарнизоном города нельзя отрицать. Об этом красноречиво свидетельствуют его имя и язык эпитафии. Все латинские надписи в Херсонесе так или иначе связаны с римскими военнослужащими или с членами их семей. Именно по этой причине с большой вероятностью можно заключить, что отец Аврелия был военнослужащим или ветераном римской армии. Кроме того, есть данные о том, что участок некрополя у Южных городских стен, где была найдена стела, использовался в III в. н.э. для захоронений римских солдат и офицеров. В том же 1892 г. поблизости от места находки стелы были открыты две могилы военнослужащих[20].

В качестве одного из аргументов в пользу солдатского статуса Аврелия можно указать на примечательные детали портрета. Некоторые исследователи полагали, что на лице изображены усы[21], т.е. перед нами взрослый человек. Это мнение достаточно спорно. В целом портрет является ярким образцом так называемого провинциально-римского стиля. Плоскостной рельеф далек от реалистического изображения. Определенные детали портрета сложно интерпретировать однозначно. Так, по моему мнению, за изображение усов принимались носогубные складки, которые переданы двумя глубокими и резкими бороздами.

Бросается в глаза, что резчик снабдил фигуру непропорционально большой головой. На эту особенность обратили внимание многие исследователи памятника, описывая ее следующим образом: «несоразмерно короткая мужская фигура»[22]; «маленькая фигура умершего с ясно очерченным контуром и почти геометрически правильным построением совершенно непропорциональна»[23]; «изображение мужской фигуры... с грубым нарушением пропорций (непомерно большой головой и коротким туловищем)»[24], «укороченные пропорции тела»[25]. Искажение пропорций является нормой для изобразительного искусства позднеримского времени. Тем не менее такая деталь может быть неслучайна. Именно так, с несколько увеличенной головой, изображались в римском искусстве дети[26].

Один элемент изображения ранее не рассматривался в качестве аргумента в дискуссии о том, был ли солдатом Аврелий Виатор. Как представляется, окончательно решить вопрос интерпретации персонажа позволяет изображение предметов в его руках. В правой руке умерший держит птицу, в левой – какой-то крупный плод (виноград или шишку). Птица в руках Аврелия Виатора – это его домашнее животное: певчая птица или голубь. Домашние животные, и в частности

---

[19] Solomonik 1983, 58–61, № 31, 33.
[20] Doroshko, Zhuravlev 2018, 360, 361.
[21] Latyshev 1895, 16; Solomonik 1983, 68.
[22] Latyshev 1895, 16.
[23] Maksimova, Nalivkina 1955, 319, 320.
[24] Solomonik 1983, 68.
[25] Zubar' 2004, 466.
[26] Minten 2000–2001, 75.

птицы, были в античности понятным для современников символом детства. Подобно современным детям, росшие в римских городах мальчики и девочки держали питомцев и заботились о своих домашних любимцах. Такое занятие наряду с играми было любимым детским делом и важной стороной воспитания[27].

Этот атрибут детства стал символическим указанием возраста на изображениях еще в классической Греции. Надгробия, представляющие одиночную детскую фигуру, появились в Малой Азии и на Эгейских островах[28]. Наиболее известна стела, найденная на Паросе,– самое проникновенное и высокохудожественное изображение ребенка в античном искусстве[29] (рис. 2, *1*). Мотив изображения детей, держащих птиц, часто встречается на надгробиях в Аттике[30]. В эллинистическую эпоху этот тип надгробий продолжал пользоваться популярностью[31] (рис. 2, *2*).

Во времена Римской империи традиция распространилась по всем провинциям. Дж. Мандер произвел подсчеты применительно к большой выборке римских надгробий с изображением детей. На 174 надгробиях мы видим детей с домашними животными[32]. Известны детские надгробия с изображением умерших в сопровождении кроликов, собак и кошек[33]. Однако самым любимым персонажем была домашняя птица[34]. Применительно к эпохе Империи известно не менее 118 надгробий с детьми и птицами[35] (рис. 2, *3–5*). Та же традиция существовала на Ближнем Востоке. На погребальных рельефах Пальмиры дети часто изображались с птицами и виноградом в руках[36].

Примечательно, что греческая по своему происхождению традиция проникает в Херсонес во II–III вв. как часть провинциально-римской культуры при посредничестве военнослужащих римского гарнизона. В Херсонесе портрет Аврелия Виатора не единственный случай изображения ребенка с птицей. Известны еще два надгробия этой же серии. Одно из них – портретная мраморная вставка в надгробие с латинской надписью, сохранившаяся частично (рис. 1, *2*). На рельефе изображена птица в левой руке персонажа и круглый плод, поднесенный

---

[27] Bradley 1998, 539–545; Minten 2000–2001, 73, 74.

[28] Oakley 2003, 180.

[29] Oakley 2003, 180, 181; Beaumont 2003, 74, fig. 11.

[30] Grossman 2001, 12; no. 3; Neils, Oakley 2003, 307, 308; cat. no.125; Grossman 2013, 91–92; no. 42; Margariti 2017, V, IX, XI, cat. no. E6, E12, E15, E25, E26, E41, E68, E82, E88.

[31] Vorster 1983, 331, 332, 338, 339, 342, 348–350, 353, 356, 364, Taf. 12, *1–3*; 14, *2*; 16, *1–3*; 17, *3*; 18, *3*; 20, *2*; 23, *1*; Spiliopoulou-Donderer 1990; Grossman 2001, 69, 95, 96; no. 24, 35; Oakley 2003, 189; cat. no.126.

[32] Mander 2013, 37, tab. 5. Цифра получена не на основе всей выборки (881 экземпляр), а только с учетом достаточно хорошо сохранившихся надгробий, которые составляют более половины выборки.

[33] Vorster 1983, 360, 361, 371, 372, Taf. 18, *1*; 20, *1, 3*; 21, *1*; Huskinson 1996, pl. 10, *2*; Johns 2003, 54–60, fig. 1; Grossman 2001, 18–20; no. 5.

[34] Pfuhl, Möbius 1979, 510, 522, 523, 528, Kat. Nr. 2112, 2187–2192; Taf. 304, *2112*; 312, *2190–2192*; Wujewski 1991, 45, pl. 57; Ortiz 1993, no. 242; Coulon 1994, 99–105; Huskinson 1996, 39, pl. 1, *3*; Mesihović 2011, 50–52; Grossman 2013, 205, 207, no. 342, 347.

[35] Mander 2013, 37, fig. 19, 20, tab. 5.

[36] Parlasca 1990, 137, 142, Abb. 1, 16; Heyn 2010, 639, fig. 7; см. также рельефы из собрания Эрмитажа: инв. № ДВ-4176; ДВ-4177.

Рис. 2. Классические, эллинистические и римские надгробия детей с птицами: *1* – стела с о. Парос (по: Neils, Oakley 2003, 74, fig. 11); *2* – надгробие Аполлонии (по: Grossman 2001, 97, cat. 35); *3* – медальон П. Кассия Матерниана, Норик (по: Mander 2013, 34, fig. 18); *4* – надгробие Сабины из Аквинка, Паннония (по: Mander 2013, 7, fig. 2); *5* – Нагробие Алогия из Божи, Галлия (по: Coulon 1994, 101)

к клюву птицы, – в правой. Ниже выбита латинская надпись следующего содержания: «Богам Манам. ...Сабин, солдат..., сыну Сабину... поставил»[37]. Авторы свода скульптуры Херсонеса считали изображенного солдатом[38]. Из надписи следует, что солдатом был отец умершего, также носивший имя Сабин.

[37] *IOSPE* I^2 552; Solomonik 1983, № 32.
[38] Ivanova *et al.* 1976, 127, № 394.

Ситуация, когда и отец, и сын одновременно являлись солдатами, маловероятна. Гораздо более правдоподобно предположение, что младший Сабин был ребенком[39]. В этом убеждают не только текст надписи, но и уже знакомые атрибуты в его руках.

Второе анэпиграфное известняковое надгробие сохранилось полностью, но поверхность его сильно выветрилась[40] (рис. 1, *3*). Тем не менее характер портрета позволяет предполагать, что изображенный на нем человек еще весьма юн. В левой руке видна птица. В правой заметен предмет, который по аналогии с портретами Аврелия Виатора и Сабина можно считать плодом. Перечисленные надгробия датируются II–III вв. н.э. Все три изображения являются не символическими, а вполне реалистическими портретами подростков с животными, выполненными в той же манере. Эти птицы были домашними любимцами не успевших повзрослеть юных херсонеситов.

Примеры изображения детей вместе с домашними животными сохранили не только погребальные портреты. В краснофигурной росписи игры с животными – одно из обычных детских занятий[41]. В каменной скульптуре птицы и щенки, с которыми нередко изображались дети, известны в классическое, эллинистическое и римское время[42] (рис. 3, *3, 4*). Г.Д. Белов, публикуя мраморную статую Эрота с птицей из Херсонеса, указывает на большую группу мраморных статуэток в собрании Эрмитажа, изображающих мальчиков с птицами[43]. Для понимания значения подобных скульптур важную роль играют находки из святилища Марса в Трире. В надписях оттуда божество сопровождает эпиклеса Иовантукар (Mars Iovantucarus), т.е. «тот, кто любит молодежь». При раскопках святилища была найдена серия статуй мальчиков, держащих птиц (рис. 3, *1*). Эти скульптуры в святилище являлись посвящениями родителей по обету[44].

Торевтика также предоставляет примеры подобных изображений: ребенка из высших сословий представляет бронзовая статуя мальчика в тоге и с птицей в руке из Лувра[45] (рис. 3, *2*); бронзовая фигура Эрота, держащего гроздь винограда и птицу, украшала колесницу из Мавретании[46]; в музее Метрополитен хранится статуэтка девочки, играющей со щенком[47].

На погребальных стелах присутствуют сцены различных детских игр[48]. Наиболее разнообразны сцены игр на серии детских саркофагов из различных музеев Европы.

---

[39] Solomonik 1983, 60.

[40] Ivanova *et al.* 1976, 117, № 364, илл. 146.

[41] Hoorn 1951, 46–49, cat. no. 91, 190, 235, 278, 288, 320–363, 504, 536; Neils, Oakley 2003, 280–285, cat. no. 91–95.

[42] Havé-Nikolaus 1998, 179–181, Kat. Nr. 48, Taf. 1, 2; Beaumont 2003, 77–79, fig. 14, 15, 17; Häuber 2014, 585, 586, fig. 99.

[43] Belov 1959, 22, 23, рис. 8.

[44] Faust, Kuhnen 1996, 186–188, Kat. Nr. 33a–b; Derks 2008, 194.

[45] Derks 2008, 198, fig. 4.

[46] Boube-Piccot 1980, 283, n°. 494.

[47] Richter 1915, 160, 161, fig. 375.

[48] Coulon 1994, 100; Colling 2011, 166–168, ill. 7.

Рис. 3. Изображения детей с птицами: статуи и терракотовые статуэтки: *1* – статуя мальчика из святилища Марса в Трире (по: Derks 2008, fig. 3); *2* – бронзовая статуя мальчика в тоге. Лувр (по: Derks 2008, fig. 4); *3* – статуя девочки из Мюнхенской глиптотеки (по: Vorster 1983, Taf. 12, *1*); *4* – статуя девочки из Рима (по: Häuber 2014, 468, fig. 99); *5* – терракотовая статуэтка девочки из Херсонеса (по: Shevchenko 2016, таб. CXV, *751*); *6* – терракотовая статуэтка мальчика из насыпи некрополя Совхоз 10 (по: Shevchenko 2016, таб. LXX, *445*)

Среди сюжетов – игра с орехами, чехарда, катание обруча и др.[49] Этим занятиям предаются дети младшего возраста, портреты подростков же чаще всего сопровождаются

[49] Huskinson 1996, 16, 17.

изображениями домашних животных. Дж. Хаскинсон отмечает, что одно из объяснений этому – символическое указание на локализацию портрета в домашней, частной обстановке. При этом некоторые изображения вполне реалистичны[50].

Много примеров изображений детей в сопровождении домашних животных дает коропластика. Некоторые терракотовые статуэтки, очевидно, являлись более дешевыми вариантами подношений, копирующими каменные и бронзовые статуи. В этом качестве терракоты, изображающие детей с птицами в руках, могли использоваться как дары родителей в качестве благодарности за божественную защиту в святилищах богов – покровителей детства[51].

Терракотовые изображения детей с птицами и животными появляются в Северном Причерноморье не ранее середины II в. до н.э.[52] В некрополе Кеп на Боспоре, в погребении 3 кургана 17 было найдено 19 терракот, среди которых есть изображения мальчика с гусем, мальчика с ланью и девочки с собакой. Погребение датируется серединой – концом II в. до н.э.[53] Боспорские статуэтки с изображением детей и собак, а также детей и гусей собраны в работе А.А. Завойкина[54]. В контексте погребений, а также святилищ подобные жанровые терракоты часто трактуются как изображения богов в младенческом или юношеском возрасте в сопровождении животных, обладающих символической сущностью (чаще всего хтонической)[55]. Такой вывод трудно оспаривать, когда терракоты происходят из погребений, где каждый предмет погребального инвентаря так или иначе связан с представлениями о загробном мире. Но все же обратим внимание на то, что сюжеты терракот с детьми, которые играют с животными или кормят их, подсказывала сама жизнь[56]. Несомненно, какая-то часть фигурок детей в сопровождении домашних питомцев представляют именно людей, а не богов.

В Херсонесе можно отыскать примеры подобных терракотовых статуэток. Фигурка маленькой девочки, держащей птицу и гроздь винограда, была найдена в склепе 1013[57] (рис. 3, *5*). Еще одна целая статуэтка, показывающая мальчика с птицей (рис. 3, *6*), была найдена в насыпи некрополя Совхоз 10 в ближней округе Херсонеса[58]. Несколько фрагментированных терракот из Херсонеса также могли изображать детей, но утверждать это определенно мешает их неполная сохранность[59].

Приведенные примеры изображений детей с птицами не оставляют сомнений в том, что на портретном надгробии Аврелия Виатора изображен ребенок, вероятнее всего, подросток. В связи с этим возникает вопрос, почему же его одежда так похожа на солдатскую. Ответ можно найти, если принять во внимание традицию,

---

[50] Huskinson 1996, 88, cat. no. 1, *46, 47, 49*; 5, *15*; 8, *22, 26*; 9, *43*.
[51] Derks 2008, 200, fig. 6.
[52] Nikolaeva 1974, табл. 11, *1, 3*; Zhuravlev *et al.* 2006, 37.
[53] Usacheva 1983, 80, рис. 2, 11–13, 15; Zhuravlev, *et al.* 2006, 28, 35, 36, рис. 15, *1–3*.
[54] Zavoykin 2006.
[55] Zavoykin 2006, 160, 161.
[56] Многие терракоты явно изображают жанровые сцены. Например, дети наблюдают за петушиными боями: Neils, Oakley 2003, 282, cat. no. 94.
[57] Shevchenko 2016, 120, кат. № 751.
[58] Strzheletskiy *et al.* 2003–2004, 175, рис. 33, Shevchenko 2016, 80, кат. № 445.
[59] Shevchenko 2016, 59, 104, 136, 137, кат. № 286, 287, 633, 878.

достаточно широко распространенную в римской армейской среде. Одиночный портрет был не единственным типом надгробного рельефа, часто на памятнике было представлено множество родственников. На многих надгробиях вместе с детьми изображали отцов. На таких надгробиях многочисленны примеры изображения сыновей с одеждой, прической и чертами лица, повторяющими облик отцов. Дж. Мандер приводит в качестве иллюстрации такой традиции надгробие Аврелия Бита, трубача II Вспомогательного легиона, найденное в Аквинке. Памятник воздвигла Аврелия Квинтилила своему мужу, погибшему в бою, а также сыну Виталину, который прожил 4 года 11 месяцев и 18 дней. На памятнике рядом с отцом показан Виталин. Изображение сына идентично фигуре Аврелия Бита в таких деталях, как лицо, прическа, поза и военная одежда[60].

Одежда солдатских сыновей подражала внешнему облику отцов не только в изобразительном искусстве, но и в реальной жизни. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить знаменитое объяснение прозвища Гая Цезаря, приводимое Светонием в его жизнеописании (*Cal.* 9): «Прозвищем “Калигула” он обязан лагерной шутке, потому что подрастал он среди воинов, в одежде рядового солдата» (пер. М.Л. Гаспарова). Солдатский облик Аврелия Виатора является примером распространения подобных традиций в околоармейской среде. Наверняка юношу ждала военная карьера и погребальный портрет передает образ, который хотел запечатлеть отец солдата: ребенок из обеспеченной семьи, выделяющийся своей одеждой на фоне рядовых греков-херсонеситов, идущий по стопам отца, будущий солдат. Такая интерпретация позволяет объяснить даже возможное наличие усов на портрете.

Небезынтересно также рассмотреть вопрос, являлась ли птица в руках Аврелия Виатора изображением его действительного питомца или символом, указывающим на возраст ребенка. На мой взгляд, степень символизма изображений на портретных надгробиях Херсонеса не стоит преувеличивать. В определенном смысле, конечно же, и само надгробие, и изображенные на нем сюжеты символичны, но если мы имеем дело с портретом, то этот символизм вряд ли следует рассматривать глубже, чем замену подлинного образа или предмета художественным его воплощением. Идее поиска глубокого символизма в портретах детей с птицами, клюющими плод, прямо противоречит то, что нам неизвестны такие портреты взрослых людей. Если бы птица понималась как символ души[61] или приобщения к какому-то духовному знанию[62], то было бы невозможно объяснить, почему птицы фигурируют только в изображениях детей. Нельзя всерьез предполагать, что взрослые воспринимались как бездуховные существа или что душа взрослых принимала какую-то другую (не птичью) форму.

Показательной аналогией степени символизма трех детских портретных надгробий с птицами является хорошо известная группа погребальных стел IV–III вв. до н.э. из того же Херсонеса. На них помимо имен лаконично изображены символы, указывающие на гендерную и возрастную принадлежность погребенных. Так, посохи ясно указывают на преклонный возраст погребенных, мечи на портупеях указывают на граждан-воинов в расцвете жизненных сил, стригили и сосуды для масла

[60] Mander 2013, 99, fig. 84, cat. no. 678.
[61] Ср. Oakley 2003, 180, 181; Margariti 2017, XI, n. 52.
[62] Wujewski 1991, 45, 50.

принадлежат юношам, занимающимся гимнастическими упражнениями и готовящимся ко взрослой жизни[63]. Посохи, мечи и стригили символичны ровно в той же степени, что и домашние питомцы Аврелия Виатора и Сабина – они образно указывают на типичное занятие человека в определенном возрасте[64], т.е. призваны подчеркнуть социальную позицию погребенного.

Как уже говорилось, птица в руках не была единственным вариантом домашнего животного при изображении ребенка. Портреты детей с собаками, кроликами, кошками и лошадьми также были распространены в римских провинциях. Разнообразие животных[65] указывает на то, что строгого канона изображения не существовало и выбор животного, вероятно, зависел от предпочтений самого ребенка. С этой точки зрения, для заказчиков надгробий важным было указание на какого-либо домашнего питомца, а выбор конкретного животного имел не столь принципиальное значение. Если эти рассуждения верны, то перед нами прямое отражение предпочтений юного населения римских городов. Судя по особой популярности детских портретов в сопровождении птиц, именно содержанию пернатых питомцев дети уделяли наибольшее внимание.

В.И. Кадеев следующим образом характеризует повседневные детские занятия в городе: «Вероятно, маленькие херсонеситы ездили верхом на палочке, играли в жмурки и с животными, гоняли обруч подобно своим сверстникам из других древнегреческих городов, но, к сожалению, непосредственных свидетельств этому мы не имеем»[66]. Полагаю, что три детских погребальных портрета, рассмотренных в данной статье, вполне можно считать такими свидетельствами. То, что теоретически было известно о занятиях детей в Херсонесе, обретает теперь форму фактов, обоснованных доказательствами: на улицах и во дворах домов Херсонеса дети играли со своими питомцами, в детских комнатах стояли клетки с певчими птицами, а облик города над крышами домов дополняли голубятни.

Литература / References

Beaumont, L.A. 2003: The changing face of childhood. In: J. Neils, J.H. Oakley (eds.), *Coming of Age in Ancient Greece: Images of Childhood from the Classical Past*. New Haven–London, 59–83.

Belov, G.D. 1959: [Report on the excavations in Chersonese in 1955]. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesus Collected Articles*] 5, 13–69.

Белов, Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. *Херсонесский сборник* 5, 13–69.

Bishop, M.C., Coulston, J.C.N. 1993: *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*. London.

Boube-Piccot, Chr. 1980: *Les bronzes antiques du Maroc*. III: *Les chars et l'attelage*. Rabat.

Bradley, K. 1998: The sentimental education of the Roman child: the role of pet-keeping. *Latomus* 57/3, 523–557.

---

[63] Danilenko 1969, 39–42, рис. 18, 19; Posamentir 2011, 147–149.

[64] Sokolov 2000, 320, 371.

[65] Обзор античных письменных источников, упоминающих разнообразных питомцев юных горожан, см. Bradley 1998, 525–527. В частности, дети держали галок (monerulae), уток (anites), перепелок (coturnices), щеглов (cardeles), скворцов (sturnus), соловьев (lusciniae), кур (pulli gallini), голубей (columbae) и воробьев (passeres).

[66] Kadeev 1996, 113.

Chubova, A.P., Kolesnikova, L.G., Fedorov, B.N. 2008: *Arkhitektura i iskusstvo Khersonesa Tavricheskogo. V v. do n.e.– IV v. n.e.* [*Architecture and Art of Tauric Chersonese. 5th Cent. BC – 4th Cent. AD*]. Moscow.

Чубова, А.П., Колесникова, Л.Г., Федоров, Б.Н. *Архитектура и искусство Херсонеса Таврического. V в. до н.э. – IV в. н.э.* М.

Colling, D. 2011: Les scènes de banquet funéraire ou Totenmahlreliefs originaires d'Arlon. *Bulletin trimestriel de l'Institut Archéologique du Luxembourg* 87/4, 155–176.

Coulon, G. 1994: *L'Enfant en Gaule romaine*. Paris.

Coulston, J.C. 1987: Roman military equipment on third century tombstones. In: M. Dowson (ed.), *Roman Military Equipment: The Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Seminar, Nottingham 1985.* Oxford, 141–156.

Danilenko, V.N. 1969: [Grave steles]. *Soobshcheniya Khersonesskogo muzeya* [*Reports of The Chersonese Museum*] 4, 29–44.

Даниленко, В.Н. Надгробные стелы. *Сообщения Херсонесского музея* 4, 29–44.

Derks, T. 2008: Les rites de passage et leur manifestation matérielle dans les sanctuaires des Trévires. In: D. Castella, M.-F. Meylan Krause (eds.), *Topographie sacrée et rituels: Le cas d'Aventicum, capitale des Helvètes. Actes du colloque international d'Avenches, 2–4 novembre 2006.* Basel, 191–204.

Doroshko, V.V. 2012: [Roman military footwear from the excavations of Chersonese and its surroundings]. In: D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [*Eurasia in the Scythian and Sarmatian Time. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina*]. Moscow, 100–113.

Дорошко, В.В. Римская военная обувь из раскопок Херсонеса и его округи. В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной*. (Труды ГИМ, 191). М., 100–113.

Doroshko, V.V., Zhuravlev, D.V. 2018: [Two graves of Roman soldiers from the necropolis of Chersonesos Taurica]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/2, 349–364.

Дорошко, В.В., Журавлев, Д.В. Два погребения римских военнослужащих из некрополя Херсонеса Таврического. *ВДИ* 78/2, 349–364.

Ďurianová, A. 2011: Darstellungen von Soldaten und militärischen Dienern auf pannonischen Steindenkmälern. In: M. Verčik (ed.), *Rüstung und Waffen in der Antike*. Trnava, 35–69.

Faust, S., Kuhnen, H.-P. 1996: *Religio Romana: Wege zu den Göttern im antiken Trier*. Trier.

Grossman, J.B. 2001: *Greek Funerary Sculpture: Catalogue of the Collections at the Getty Villa*. Los Angeles.

Grossman, J.B. 2013: *Funerary Sculpture*. (The Athenian Agora, 35). Princeton.

Häuber, C. 2014: *The Eastern Part of the Mons Oppius in Rome: The Sanctuary of Isis et Serapis in Regio III, the Temples of Minerva Medica, Fortuna Virgo and Dea Syria, and the Horti of Maecenas*. Roma.

Havé-Nikolaus, F. 1998: *Untersuchungen zu den kaiserzeitlichen Togastatuen griechischer Provenienz. Kaiserliche und private Togati der Provinzen Achaia, Creta (et Cyrene) und Teilen der Provinz Macedonia*. Mainz am Rhein.

Heyn, M.K. 2010: Gesture and identity in the funerary art of Palmyra. *American Journal of Archaeology* 114/4, 631–661.

Hoorn, G. van. 1951: *Choes and Anthesteria*. Leiden.

Hoss, S. 2012: The Roman military belt. In: M.-L. Nosch (ed.), *Wearing the Cloak: Dressing the Soldier in Roman Times*. Oxford–Oakville, 29–44.

Huskinson, J. 1996: *Roman Children's Sarcophagi: Their Decoration and Its Social Significance*. Oxford.

Ivanova, A.P., Chubova, A.P., Kolesnikova, L.G. 1976: *Antichnaya skul'ptura Khersonesa: Katalog* [*Antique Sculpture of Chersonese: Catalog*]. Kiev.

Иванова, А.П., Чубова, А.П., Колесникова, Л.Г. *Античная скульптура Херсонеса: Каталог*. Киев.

James, S. 2004: *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armour and Other Military Equipment*. London.

Johns, C. 2003: The tombstone of Laetus' daughter: cats in Gallo-Roman sculpture. *Britannia* 34, 53–63.

Kadeev, V.I. 1996: *Khersones Tavricheskiy. Byt i kul'tura (I–III vv. n.e.)* [*Tauric Chersonese. Way of Life and Culture (I–III Cent. AD)*]. Khar'kov.

Кадеев, В.И. *Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.)*. Харьков.

Kostromichev, D.A. 2016: [Was Aurelius Viator a soldier? One aspect of children's subculture in Chersonese]. In: *Uvarovskie Tavricheskie chteniya «Drevnosti Yuga Rossii». Tezisy dokladov i soobshcheniy*

Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [*Uvarov Taurida Readings "Antiquities of South Russia". Abstracts and Reports of the International Scientific Conference*]. Sevastopol', 27–29.

Костромичев, Д.А. Был ли солдатом Аврелий Виатор? Один аспект детской субкультуры Херсонеса. В сб.: *Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России». Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции*. Севастополь, 27–29.

Kosciuszko-Walużynicz, K.K. 1894: [Enumeration of antiquities found in 1892 in a burial ground near the southern city wall of Chersonese]. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1892 g.* [*Report of Imperial Archaeological Commission for 1892*], 101–123.

Косцюшко-Валюжинич, К.К. Перечень древностей, найденных в 1892 году в могильнике у южной городской стены Херсонеса. *ОАК за 1892 г.*, 101–123.

Latyshev, V.V. 1895: *Grecheskie i latinskie nadpisi, naydennye v yuzhnoy Rossii v 1892–1894 gg.* [*Greek and Latin Inscriptions Found in Southern Russia in 1892–1894*]. Saint Petersburg.

Латышев В.В. *Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 гг.* (МАР, 17). СПб.

Maksimova, M.I., Nalivkina, M.A. 1955: [Sculpture]. In: V.F. Gaydukevich, M.I. Maksimova (eds.), *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya: ocherki istorii i kul'tury* [*Ancient Cities of the Northern Black Sea Region: Essays on History and Culture*]. Moscow–Leningrad, 297–324.

Максимова, М.И., Наливкина, М.А. Скульптура. В сб.: В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.), *Античные города Северного Причерноморья: очерки истории и культуры*. М.– Л., 297–324.

Mander, J. 2013: *Portraits of Children on Roman Funerary Monuments*. Cambridge.

Margariti, K. 2017: *The Death of the Maiden in Classical Athens*. Oxford.

Mesihović, S. 2011: *Antiqvi homines Bosnae*. Sarajevo.

Minten, E. 2000–2001: Roman children and their pets: a socio-iconographical survey. *Opuscula Romana* 25–26, 73–77.

Neils, J., Oakley, J.H. 2003: *Coming of Age in Ancient Greece: Images of Childhood from the Classical Past*. New Haven–London.

Nikolaeva, E. Ya. 1974: [Terracotta from the city of Kepoi]. In: M.M. Kobylina (ed.), *Terrakotovye statuetki*. Ch. 4: *Pridon'e i Tamanskiy poluostrov* [*Terracotta Figurines*. Pt. 4: *Don Region and Taman Peninsula*]. Moscow, 13–15.

Николаева, Э.Я. Терракоты города Кеп. В сб.: М.М. Кобылина (ред.), *Терракотовые статуэтки*. Ч. 4: *Придонье и Таманский полуостров*. (САИ, Г1–11). Москва, 13–15.

Oakley, J.H. 2003: Death and the child. In: J. Neils, J.H. Oakley (eds.), *Coming of Age in Ancient Greece: Images of Childhood from the Classical Past*. New Haven–London, 163–194.

Ortiz, G. 1993: *The George Ortiz Collection. Antiquities from Ur to Byzantium*. Berne.

Paetz gen. Schieck, A., 2012: A late Roman painting of an Egyptian officer and the layers of its perception. On the relation between images and textile finds. In: M.-L. Nosch (ed.), *Wearing the Cloak: Dressing the Soldier in Roman Times*. Oxford–Oakville, 85–108.

Papagianni, E. 2013: Grabreliefs römischer Soldaten aus Griechenland: Beobachtungen zu ihrer Typologie und Ikonographie. In: N. Cambi, G. Koch (eds.), *Funerary Sculpture of the Western Illyricum and Neighbouring Regions of the Roman Empire: Proceedings of the International Scholarly Conference held in Split from September 27th to the 30th 2009*. Split, 795–814.

Parlasca, K. 1990: Palmyrenische Skulpturen in Museen an der amerikanischen Westküste. In: M. True, G. Koch (eds.), *Roman Funerary Monuments in the J. Paul Getty Museum*. Vol. 1. Malibu, 133–144.

Pfuhl, E., Möbius, H. 1979: *Die ostgriechischen Grabreliefs*. Textband 2. Mainz.

Posamentir, R. 2011: *The Polychrome Grave Stelai from the Early Hellenistic Necropolis*. (Chersonesan Studies, 1). Austin.

Richter, G.M.A. 1915: *Greek, Etruscan and Roman Bronzes*. New York.

Sander, E. 1963: Die Kleidung des römischen Soldaten. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 12, 144–166.

Shevchenko, A.V. 2016: *Terrakoty antichnogo Khersonesa i ego blizhney sel'skoy okrugi* [*Terracotta of Ancient Chersonese and Its Near Rural Neighborhood*]. Simferopol'.

Шевченко, А.В. *Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи*. Симферополь.

Sokolov, G.I. 2000: *Ol'viya i Khersones (ionicheskoe i doricheskoe iskusstvo)* [*Olbia and Chersonese (Ionic and Doric Art)*]. Moscow.

Соколов, Г.И. *Ольвия и Херсонес (ионическое и дорическое искусство)*. М.

Solomonik, E.I. 1983: *Latinskie nadpisi Khersonesa Tavricheskogo* [*Latin Inscriptions of Tauric Chersonese*]. Moscow.
Соломоник, Э.И. *Латинские надписи Херсонеса Таврического*. М.

Spiliopoulou-Donderer, I. 1990: Das Grabrelief der Apollonia im J. Paul Getty Museum. In: M. True, G. Koch (eds.), *Roman Funerary Monuments in the J. Paul Getty Museum*. Vol. 1. Malibu, 5–14.

Speidel, M. 2012: Dressed for the occasion. clothes and context in the Roman army. In: M.-L. Nosch (ed.), *Wearing the Cloak: Dressing the Soldier in Roman Times*. Oxford–Oakville, 1–12.

Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.Yu., Zhestkova, G.I. 2003–2004: [The population in the neighborhood of Chersonesos Tauricus in the first half of the first millennium AD (by materials of the necropolis "Sovkhoz No. 10")]. *Stratum plus* 4, 27–277.
Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.Ю., Жесткова, Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum plus* 4, 27–277.

Usacheva, O.N. 1983: [Terracotta figurines from the burial mound near Kepoi]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 174, 77–82.
Усачева, О.Н. Терракотовые статуэтки из кургана близ Кеп. *КСИА* 174, 77–82.

Vorster, C. 1983: *Griechische Kinderstatuen*. Köln.

Woods, D. 1993: The ownership and disposal of military equipment in the late Roman army. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 4, 55–65.

Wujewski, T. 1991: *Anatolian Sepulchral Stelae in Roman Times*. Poznan.

Zavoykin, A.A. 2006: [Two subjects in the terracotta complex at the sanctuary of Eleusinian goddesses (Beregovoi 4)]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya* [*Northern Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages*]. Moscow, 158–168.
Завойкин, А.А. Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4). В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. (Труды ГИМ, 159). М., 158–168.

Zhuravlev, D.V. 1997: [Collections from Chersonese in the State Historical Museum]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 194–207.
Журавлев, Д.В. Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного исторического музея. *ВДИ* 3, 194–207.

Zhuravlev, D.V. (ed.) 2002: *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo* [*On the Edge of Ecumene. Greeks and Barbarians on the Northern Coast of the Pontus Euxinus*]. Moscow.
Журавлев, Д.В. (ред.), *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского*. М.

Zhuravlev, D.V., Il'ina, T.A., Lomtadze, G.A., Sudarev, N.I. 2006: [Materials from burial mound of Kepoi necropolis: a burial mound 17 (18)]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya* [*Northern Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages*]. Moscow, 12–46.
Журавлев, Д.В., Ильина, Т.А., Ломтадзе, Г.А., Сударев, Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18). В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. (Труды ГИМ, 159). М., 12–46.

Zubar', V.M. 1994: *Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Ocherki voenno-politicheskoy istorii* [*Tauric Chersonese and Roman Empire. Essays on Military and Political History*]. Kiev.
Зубарь, В.М. *Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории*. Киев.

Zubar', V.M. *et al.* (eds.) 2004: *Khersones Tavricheskiy v seredine I v. do n.e. – VI v. n.e. Ocherki istorii i kul'tury* [*Tauric Chersonese in the Middle of the Ist Cent. BC – 6th Cent. AD. Essays on History and Culture*]. Kharkov.
Зубарь, В.М. (отв. ред.) и др. *Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры*. Харьков.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 423–438
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (1021), 423–438
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014832-8

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АДРИАНОВА ВАЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ

К. С. Данилочкина[1], А. Е. Барышников[2]

[1] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия*
[2] *Национальный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия*

[1] *E-mail:* danilochkina-ks@ranepa.ru [2] *E-mail:* baryshnikov85@gmail.com

В статье рассматривается современная историография одного из наиболее известных памятников римской Британии – Адрианова вала. В ее развитии можно выделить два основных направления – увеличение корпуса источников в ходе постоянных археологических исследований и концептуальное переосмысление истории римского лимеса в Британии. Авторы обращают внимание на некоторые дискуссионные темы, занимающие важное место в новейших публикациях, в частности на споры об обстоятельствах сооружения и предназначении Адрианова вала. Отдельно рассматриваются попытки реконструировать социокультурную историю пограничных территорий и идентичности его обитателей.

Ключевые слова: Римская Британия, Адрианов вал, лимес, историография римской Британии

RECENT RESEARCH OF HADRIAN'S WALL: PROBLEMS AND STUDIES

Kseniya S. Danilochkina[1], Anton Ye. Baryshnikov[2]

[1] *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*
[2] *Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*

[1] *E-mail:* danilochkina-ks@ranepa.ru [2] *E-mail:* baryshnikov85@gmail.com

[2] *Acknowledgements:* Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374

Данные об авторах. Ксения Сергеевна Данилочкина – научный сотрудник лаборатории античной культуры ШАГИ ИОН РАНХиГС; Антон Ералыевич Барышников – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Исследование в части, подготовленной А.Е. Барышниковым, проведено при финансовой поддержке РНФ (проект № 20-18-00374, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

The paper addresses historiography of one of the most famous Romano-British monuments, Hadrian's Wall. There are two main developments to be distinguished: an increase in the range of evidence due to continuous archaeological exploration, and the conceptual rethinking of the history of the Roman *limes* in Britain. The authors focus on some of the central debates in the latest publications, especially on the debate concerning the circumstances of the construction and purpose of Hadrian's Wall. Separate attention is paid to the attempts to reconstruct the sociocultural history of the border territories and the identity of their inhabitants.

Keywords: Roman Britain, Hadrian's wall, limes, Romano-British studies

Вал Адриана[1] представляет собой, вероятно, наиболее заметное свидетельство римского присутствия в Британии. Широко известный, легко узнаваемый памятник (точнее говоря, комплекс памятников) неизменно притягивает туристов и оказывает значительное влияние на современную культуру, вдохновляя писателей, поэтов, режиссеров и художников. Нет ничего удивительного, что на протяжении долгого времени история Адрианова вала остается одной из наиболее изучаемых тем в историографии римской Британии[2]. Стоит отметить, что исследования границы самой северной провинции империи не сводятся лишь к изучению фортификационных сооружений. Внимание ученых привлекает целый спектр вопросов, связанных с военными и политическими аспектами существования рубежных территорий, с социально-экономическим и этнокультурным аспектами жизни гарнизона вала и населения приграничных земель[3]. Обращение к этим вопросам представляется важным не только для понимания римского периода в истории острова, но и для осмысления самого феномена римского империализма.

Современные научные поиски двигаются в двух основных направлениях: с одной стороны, регулярные археологические работы увеличивают корпус доступных источников, с другой – происходит процесс интерпретации и концептуализации

[1] Необходимо кратко оговорить терминологические трудности, связанные с изучением Адрианова вала (традиционное название в русскоязычных публикациях; Hadrian's Wall – в британской традиции). Внешне простое (что на русском, что на английском) название порождает некоторую путаницу. В действительности речь идет о сложном комплексе сооружений, который включает стену, разнообразные опорные пункты, ров и вал. Однако к югу от этого комплекса существовала цепь земляных укреплений, которую в англоязычной историографии часто обозначают термином vallum (от которого и происходит английское 'wall'; до середины XIX в. этот памятник был также известен под названием 'Agricola's Ditch'). Таким образом, современная русскоязычная работа о римском лимесе в Британии рискует утонуть в схожих понятиях, относящихся к разным памятникам. Чтобы не запутаться в трех валах и одной стене, мы для обозначения главного комплекса сооружений будем использовать понятия «Адрианов вал» и «стена Адриана» (более точное, на наш взгляд) как взаимозаменяемые. Земляные сооружения, расположенные южнее Адрианова вала, в статье будут обозначаться как vallum.

[2] Отметим наиболее актуальные из работ общего характера: Breeze, Dobson 2000; Breeze 2006; Collins, McIntosh 2014; Hodgson 2017.

[3] Важную роль в обращении к этим вопросам и выработке новых концептуальных инструментов сыграли книги Чарльза Уиттакера: Whittaker 1994; 2004.

истории Адрианова вала[4]. Ограниченный объем данной заметки делает невозможным сколь-нибудь детальный обзор новейшей историографии Адрианова вала, поэтому мы сосредоточим внимание на некоторых наиболее важных особенностях и тенденциях современных исследований[5].

Однако перед рассмотрением конкретных сюжетов новейшей историографии Адрианова вала представляется необходимым указать и кратко охарактеризовать важнейшие публикации последних лет, посвященные комплексному изучению провинциальной границы.

К таковым в первую очередь следует отнести книгу Дэвида Бриза и Брайана Добсона[6]. В монографии содержится не только подробное описание отдельных элементов стены, но также скрупулезный анализ различных аспектов материальной культуры гарнизона и приграничных поселений, а также реконструкции возможных событий, происходивших рядом с валом и внутри его укреплений. Особое внимание уделяется свидетельствам (в первую очередь археологическим), помогающим восстановить устройство гарнизонного быта расквартированных на вале частей и жизни местного населения в его окрестностях. Такое внимание к повседневности, как представляется, во многом связано с интересом со стороны широкой аудитории к памятникам северной границы.

В масштабном исследовании Ричарда Хингли рассматриваются различные аспекты бытования самой стены и ее образа в истории[7]. Последний занимает особенно важное место в монографии: стандартные для общих нарративов сюжеты о структуре оборонительной системы и роли стены в жизни провинции имеют второстепенное значение по сравнению с вопросом о том, как образ Адрианова вала трансформировался со временем и как менялось отношение к этому образу и самому памятнику в сознании общества. Хингли подробно рассматривает и анализирует все упоминания стены в литературе и науке от средневековья до современности, отдельно останавливаясь на находках XVIII–XIX вв.

Среди работ, посвященных непосредственному устройству и процессу сооружения стены Адриана, выделяется диссертация Питера Хилла[8]. На данный момент это, вероятно, наиболее подробное исследование технологической истории

---

[4] В случае с исследованиями римской Британии и Адрианова вала именно с деятельностью археологов связаны как совершенствование методов исследования (в частности, активное применение новейших достижений естественно-научных дисциплин – из недавних публикаций см. Buck *et al.* 2019; Eckardt *et al.* 2015; Fieber *et al.* 2017), так и внедрение новых теоретических моделей для объяснения прошлого провинции и ее границ (среди наиболее значимых здесь можно указать концепты идентичности и глобализации – см. в том числе Gardner 2007a; Pitts, Versluys 2014).

[5] Истории изучения археологами, эпиграфистами и историками памятников Адрианова вала посвящено несколько работ, в частности, Wilmott 2009; Breeze 2014; Collins, Symonds 2013; 2019. Для понимания развития историографии Адрианова вала необходимо также учитывать общий историографический контекст изучения пограничных регионов империи. О нем см. Birley 2002a.

[6] Breeze, Dobson 2000.

[7] Hingley 2012.

[8] Hill 2003. В 2006 г. на основе диссертации была издана монография (Hill 2006), представляющая собой сокращенный вариант исходного исследования.

провинциальной системы пограничных укреплений, содержащее детальное описание этапов строительства и анализ материально-технических аспектов, с ним связанных. Стоит заметить, что, несмотря на фундированность и основательность, эта работа не закрывает тему окончательно. Некоторые вопросы, связанные с обустройством комплекса оборонительных сооружений, остаются дискуссионными.

Схожим образом можно охарактеризовать общее состояние исследований Адрианова вала. Несмотря на впечатление полной изученности проблемы (не в последнюю очередь создаваемое указанными выше работами), многие вопросы, касающиеся обстоятельств создания, функционального назначения и повседневной жизни северной границы римской Британии, остаются неясными и спорными[9].

121 ИЛИ 122 г.? ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ И ГИПОТЕЗА ЭРИКА ГРААФСТАЛЯ

Если в случае с периодом завоевания исследователям в целом удалось восстановить абсолютную хронологию событий, то для большей части II в. в нашем распоряжении есть лишь относительные датировки. Они служат основой для установления взаимозависимостей и взаимосвязей между фактами и процессами, известными прежде всего по немым археологическим свидетельствам. Так, изменения официальных границ провинции (и вместе с ними эволюция отношений с пограничным миром) определяются в тесной связи с оккупацией и оставлением римских фортов и вилл[10]. Уточнение отдельной детали в привычном нарративе может сыграть важную роль в обновлении наших представлений о жизни на границе римских владений и в провинции вообще. В подобной ситуации не должно удивлять все более заметное стремление исследователей критически переосмыслить уже известные и, казалось бы, твердо установленные факты, касающиеся обстоятельств сооружения и истории Адрианова вала. Одним из таких общепринятых положений является тезис о 122 г. как дате начала строительства сети оборонительных сооружений на севере острова[11]. Дата, повторяющаяся из публикации в публикацию, кажется точной и окончательно доказанной.

Однако недавняя публикация голландского исследователя Эрика Граафсталя и резонанс, вызванный ее выходом, показывают, что это не так. Граафсталь предпринял попытку уточнения даты создания стены Адриана, а также предположил, что решение о строительстве стены было принято не в 122 г., как все привыкли считать, а как минимум годом ранее[12], поскольку в противном случае сложно было бы организовать логистику и учесть все сложности, связанные с перемещением и размещением легионов. Визит же Адриана в провинцию, с которым обычно связывают само принятие решение о сооружении вала, был продиктован не желанием предварительно оценить возможность столь масштабного проекта на

---

[9] Подробнее о различных функциях лимеса см. Breeze 2018.

[10] Иллюстрацией здесь может служить общепринятое мнение об оставлении укреплений по линии Гэск-Риджа в конце I в. н.э.

[11] Подобный вывод сделан на основе реконструкции путешествий Адриана и косвенных свидетельств вроде диплома, в котором сообщается дата прибытия нового пропретора Платория Непота в Британию (*CIL* XVI. 65).

[12] Graafstal 2018.

отдаленной границе империи, а необходимостью лично проинспектировать ход уже идущих работ. Подобная трактовка также могла бы объяснить наличие vallum вдоль стены Адриана (подробнее о нем см. ниже). Если гипотеза Граафсталя об обстоятельствах начала сооружения укреплений верна, то перед нами два отдельных проекта, каждый из которых обладал своим функциональным назначением. Стремление же подавляющего большинства исследователей рассматривать vallum и стену в тесной взаимосвязи, как составные части единого замысла, в таком случае оказывается ошибкой ретроспективного взгляда.

Такой подход выглядит интересным и свежим, хотя не представляется в полной мере обоснованным, поскольку связь между vallum и стеной все-таки существует. Попытка строго разделить эти два объекта в историческом контексте не выглядит вполне убедительной. Даже если один из них был построен раньше, при возведении второго должно было каким-то образом учитываться наличие и назначение своего предшественника. Тем не менее работа Граафсталя, выполненная на высоком уровне и во многих своих выводах убедительная, наглядно показывает неоднозначность некоторых общепринятых положений.

Впрочем, полноценный процесс пересмотра привычных взглядов еще не начался: 122 г. по-прежнему указывается в качестве ключевой даты в истории Адрианова вала. Гипотеза Граафсталя может быть первым шагом для обновления устоявшихся представлений о строительстве пограничных укреплений, о взаимодействии центра и приграничных территорий, Рима в лице императора и провинции в лице наместника/пропретора, а также о том, как выстраивалась логистика при выполнении столь масштабных проектов.

ФОРТЫ И ВАЛ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

К проблематике, рассмотренной в работе Граафсталя, примыкает целый ряд частных сюжетов, связанных с сооружением отдельных составных частей стены и дальнейшей их судьбы. Некоторые из них рассмотрены в статье Дэвида Бриза, которая представляет собой обзор основных фортов вдоль стены Адриана и затрагивает проблему их локации и строительства. Рассуждая о назначении укрепленных пунктов вала и вероятной последовательности их сооружения, автор отмечает, что форты не всегда располагались в местах, обеспечивавших наилучшую позицию для обороны. Если античные источники сообщают, что для лучшей защиты необходимо строить форты, которые смотрели бы на восток или обращены к врагу (Veget. I. 23), то для совершения выхода ворота «претериора» должны быть обращены в ту сторону, куда собираются выдвигаться войска. Почти все форты стены обращены на север, за исключением Хаусстедс, Драмбурга, Грейт Честерс и Боунесс. Следовательно, полагает Бриз, в функциональном смысле они (а вместе с ними и сама стена) создавались не только в качестве защиты или обозначения четкой границы провинции, но и как опорные пункты, логистические центры, необходимые для обеспечения войск, готовых к дальнейшим завоеваниям[13]. Подобное наблюдение, однако, не исключает возможности позднейшей перестройки этих фортов, которые стали выполнять логистическую функцию не

[13] Breeze 2017, 35–36.

по изначальному плану, а с развитием отношений с окружающими племенами и изменениями соотношения сил в приграничье.

Выводы Граафсталя тесно связаны с еще одним важным сюжетом исследований Адрианова вала – так называемым «решением о фортах» (fort decision в англоязычной историографии), которым принято обозначать комплекс стратегических решений о создании нового варианта приграничных укреплений и тактическом использовании уже существовавших сооружений[14]. Помимо уже указанной работы Граафсталя эта проблема рассматривается в обобщающих (и часто имеющих описательный характер) трудах Института археологии Даремского университета[15]. В целом, в новейших публикациях распространено мнение о том, что было подготовлено несколько планов обустройства северной границы провинции; датировки и внутреннее содержание этих планов остаются дискуссионным вопросом. Исследователи не пришли к окончательному пониманию, было ли возведение стены объединением уже существующих фортов или, наоборот, форты встраивали в новую систему[16].

В контексте реконструкции возможных планов римской границы весьма важной оказывается проблема исследования vallum. В новейшей историографии предпринимаются попытки определить время его сооружения и найти удовлетворительную интерпретацию его назначения. Так, Бриз указывает, что в связи с отсутствием ясных эпиграфических свидетельств возможна опора лишь на относительную хронологию. Археологические данные (в частности, тот факт, что линия vallum огибает форты, расположенные на стене) позволяют исследователю утверждать, что обустройство этой части комплекса происходило уже после решения о строительстве фортов вдоль стены[17]. С Бризом (как и с рядом других исследователей предшествующего времени, придерживавшихся той же точки зрения) спорит Хамфри Уэлфейр. Он настаивает на том, что vallum являлся частью изначального замысла Адрианова вала. Главным доводом в теоретических построениях Уэлфейра являются данные из Шилд-он-Уолл (Shield-on-the-Wall), где хорошо сохранились следы планировки обоих сооружений[18]. Впрочем, многие исследователи полагают, что именно в этом месте расположение и итоговый вариант построек не совпадал с изначальным планом и, следовательно, Шилд представлял собой исключение, не подтверждающее правило[19].

Две упомянутые точки зрения – был ли vallum частью изначального плана приграничных укреплений или решение о его создании было принято постфактум – задают основное направление современных научных поисков и споров. При этом во многом непонятным представляется само расположение памятника: он сооружен южнее стены и таким образом находится внутри подконтрольной Риму территории (т.е. не представляет один из первых рубежей обороны в отличие от

[14] Graafstal 2018, 84–85.
[15] Например, Symonds, Mason 2009.
[16] Hill 2003, 284–285.
[17] Breeze 2015, 19.
[18] Welfare 2013, 81–99.
[19] Например, Breeze 2015, 19.

обычных римских укреплений подобного рода)[20]. Это делает не вполне очевидными не только функции vallum, но и общее назначение всех сооружений на границе. Во всяком случае само расположение отдельных частей сложившегося комплекса стена–vallum заставляет усомниться в самой простой (и, казалось бы, самой логичной) интерпретации его характера – защите от внешних угроз.

РАЗДЕЛЯТЬ И ЗАЩИЩАТЬ? ДИСКУССИЯ О НАЗНАЧЕНИИ СТЕНЫ

Поиски ответов на вопросы о назначении стены и vallum следует вести с учетом исследований римского пограничья в других регионах империи. Новейшая историография данной проблематики позволяет поместить частный случай римской Британии и ее пограничья в общий контекст военно-политического и социально-экономического развития римских территорий, рассмотреть их как особый исторический феномен[21]. В статье Бриза, обобщающей высказанные в научной литературе точки зрения, приводится 21 возможная причина создания и использования римлянами укрепленных границ (впрочем, некоторые из них можно было бы объединить, сократив столь внушительный список без ущерба для сути). Многообразие высказанных мнений напрямую связано с существующим разнообразием взглядов на более общие вопросы: о характере внешней (а порой и внутренней) политики императора Адриана, о военной истории пограничных регионов империи и эволюции римского военного дела. Это многообразие помогает лучше разобраться в вопросах военного дела, в специфике и сущности взаимодействия римских войск с местным населением.

Вероятно, наиболее популярным среди неакадемической публики остается мнение, что лимес в Британии был создан для укрепления и защиты границ от нападений извне[22]. Даже беглого взгляда на современную историографию стены достаточно, чтобы увидеть, что в новейших публикациях эта позиция не является главенствующей (хотя и встречается), а сама проблема оказывается более сложной и требует применения комплексного подхода[23].

Более обоснованным и значимым нам представляется мнение о том, что стена предназначалась для укрепления статуса империи и самого императора. Данная версия основана на гипотезе, что создание стены было ответом на расширение императором Траяном границ империи в разных направлениях. Адриан же становится умиротворителем, который подчеркивает этим строительством свою новую политику, стремление удерживать ранее приобретенные территории, а не завоевывать новые. Подобное решение могло быть также отражением символической

---

[20] Вегеций (I. 26) пишет от том, что вал обычно располагался за границей лагеря при строительстве укреплений. Также и в случае Верхнегермано-ретийского лимеса насыпь была с внешней стороны.

[21] Существенный вклад в развитие этого направления исследований вносит конференция Limes: Congress of Roman Frontier Studies, которая проводится регулярно с 1949 г. Именно здесь встречаются исследователи регионов империи, занимающиеся различными аспектами истории римского лимеса.

[22] Daniels 1979, 360; Bidwell 2005, 74; 2008, 142; Breeze 2011, 189–190; Hanson 2014, 7–8.

[23] Наиболее подробно о различных методах исследования применимо к британской границе пишут Саймондс и Мэйсон. См. Symonds, Mason 2009.

значимости постройки, оно демонстрировало силу и мощь империи[24]. Сделать эту версию более убедительной могут дальнейшие исследования, направленные на прояснение контекста создания лимеса, в частности, установление хронологии планирования, строительства и переоборудования Адрианова вала.

В целом в современной историографии вопроса заметно стремление не утверждать единственно правильную точку зрения, но обращать внимание на самые разные факторы (включая те, которые могут казаться несущественными), собирая сложную и не до конца ясную мозаику. Именно поэтому в новейших публикациях встречаются и рассуждения о роли границ империи и вала–границы Британии как средства защиты от масштабной агрессии извне[25] и предотвращения одиночных рейдов и нападений со стороны варваров[26], и предположения об использования римских укреплений в качестве пропускных пунктов с целью контроля за перемещениями населения[27], а гипотезы о вале как преграде и непосредственной защите приграничных дорог соседствуют с версиями о стенах как символах власти и силы империи[28].

При этом, судя по имеющимся данным, оборонительная функция стены все-таки не была основной. Материалы археологии не дают оснований утверждать о проявлениях особенной или усилившейся агрессии со стороны местного населения. Более того, есть основания полагать, что некоторые племена оказывали помощь при строительстве[29]. Против приоритета оборонительной версии свидетельствует и тот объем усилий (физических, логистических, финансовых), которые были необходимы при создании укреплений подобного масштаба. Исследователи, занимающиеся изучением и реконструкцией практической стороны процесса создания укреплений, указывают на длительность проекта (что логично при его размерах)[30]. Привлеченные к строительству легионы не могли выполнять свои непосредственные обязанности, что позволяет ряду исследователей предполагать, что одним из мотивов создания укреплений стены и vallum было стремление держать войска в форме и не допускать падения дисциплины в условиях отсутствия внешней угрозы[31]. В целом можно надеяться, что дальнейшие археологические исследования не только в количественном смысле обогатят имеющийся в нашем распоряжении корпус источников (прежде всего памятников материальной культуры), но и помогут совершить качественный прорыв в понимании ключевых вопросов сооружения, развития и функционирования системы укреплений на северной границе Римской империи.

---

[24] Everitt 2009, 225.

[25] Daniels 1979, 360; Bidwell 2005, 74; 2008, 142; Shotter 1996, 70.

[26] Bidwell 2005, 74; Breeze 2011, 189–190; Hanson 2014, 7–8; Graafstal, 92–93.

[27] Breeze, Dobson 2000, 40; Cherry 1998, 59–66.

[28] Sommer 2015, 50–51; Robertson 1979, 34; Crow 1991, 59; Driessen 2005; Mattingly 2006, 158; DeLaine 2002, 220–221; Breeze, Ferris 2016, 27–29.

[29] Hingley 2012, 20.

[30] Hill 2003, 52–53.

[31] James 2013, 159.

АДРИАНОВ ВАЛ И ПРОЦЕССЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОВИНЦИИ

Эволюция в понимании социокультурной истории Адрианова вала тесно связана с начавшимся в конце прошлого столетия пересмотром устоявшихся взглядов на трансформацию Британии под римской властью. Эти изменения в историографии, в свою очередь, были частью более широкого процесса критического переосмысления феномена римского империализма[32]. Традиционно все многообразие процессов взаимодействия культур объединялось понятием «романизация», которое в подавляющем большинстве случаев трактовалось как влияние Рима на местное население, постепенное приобщение бриттов к образу жизни империи[33]. Вся территория, подконтрольная Риму, делилась на две части: милитаризованные север и северо-запад острова и мирные, «гражданские» области юга и юго-востока. Романизация юга и юго-востока была связана с распространением городов и вилл, развитием экономики и торговых связей с континентом, деятельностью прокураторов. На севере и северо-западе важнейшее значение для распространения имперского образа жизни имели гарнизоны, расквартированные вдоль Адрианова вала, в легионных лагерях (прежде всего в Йорке и Честере) и других укрепленных пунктах. В такой картине Адрианов вал представал оплотом римской военной мощи, границей между упорядоченной жизнью Римской державы и дикими пространствами варварского мира, пределом распространения империи и цивилизации[34].

Критический пересмотр традиционной концепции «романизации» в новейшей историографии римской Британии привел к изменению взглядов как на север провинции в целом, так и на Адрианов вал. Жесткие дихотомии «север/юг», «военный/гражданский» перестали доминировать в пространстве научного поиска, а исследователи все чаще стали обращать внимание на сложный, гетерогенный, нелинейный и динамичный характер социокультурных процессов в провинции[35]. В центре внимания современных исследователей оказываются идентичности обитателей вала и прилегающих территорий, проблемы взаимодействия различных сообществ, существовавших в регионе, а также результаты этого взаимодействия, которые во многом предопределили специфику развития севера провинции в позднеримскую эпоху[36].

---

[32] Важные соображения о римском и современном империализме см. Mattingly 2011, 3–42 (в частности, о границах империи и пограничных территориях: 20–24, 27).

[33] Краткий историографический обзор общих тенденций развития историографии римской Британии см. Baryshnikov 2012.

[34] В качестве примера можно указать на соответствующие разделы в классической книге Шеппарда Фриэра (Frere 1991, 105–153).

[35] Mattingly 2006, 132–166. О привычной для римско-британских исследований дихотомии «военный север/гражданский юг» см. Sargent 2002.

[36] Отметим, что немалую роль в формировании новых теоретических подходов сыграли регулярные конференции по теоретической римской археологии, которые за 30 лет превратились из сугубо британского мероприятия в научное событие европейского масштаба. Именно в рамках этой конференции озвучивались и обсуждались многие идеи, впоследствии попавшие в историографический мейнстрим (в том числе идентичность и глобализация). Ряд докладов, опубликованных по итогам конференций, был связан с теоретическими аспектами изучения Адрианова вала. См., например, Kurchin 1995; Collins 2008.

В целом можно выделить два основных направления в изучении социокультурной истории Адрианова вала. Они тесно связаны, однако отличаются углом зрения. В одном ученые обращаются к людям и сообщества (в частности, к изучению диаспор, отдельных вексилляций), исследуют индивидуальные и коллективные идентичности обитателей приграничных земель и формы их социальной активности. В другом преимущественное внимание уделяется особенностям пространства и сетей взаимодействия, существовавших на севере Британии.

Важнейшую роль в первом направлении играют эпиграфические свидетельства и данные археологии, с помощью которых можно реконструировать как идентичности отдельных индивидов[37], так и коллективные идентичности отдельных сообществ и социальных групп[38]. В частности, для изучения гарнизона Адрианова вала особое значение имеет корпус текстов из форта Виндоланда (современный Честерхолм)[39].

Пожалуй, наиболее наглядно этот подход представлен в статье Клэр Несбитт, посвященной мультикультурализму Адрианова вала[40]. Опираясь на анализ надписей, связанных с подразделениями, расквартированными вдоль вала, и памятников материальной культуры (в частности, керамических комплексов), Несбитт показывает, как в районе Адрианова вала происходило динамическое, сложное взаимодействие различных идентичностей[41]. Именно в этом взаимодействии выходцев из континентальной Европы, Северной Африки и ближнего Востока, служивших в гарнизоне Адрианова вала, торговцев, странствующих ремесленников, представителей провинциальной администрации, рабов и местного населения складываются новые, гибридные идентичности пограничья, развиваются новые формы материальной культуры и саморепрезентации[42]. Разнообразие и комплексный характер идентичностей индивидов и сообществ Адрианова вала позволяет Несбитт

---

[37] Примером может служить надгробие Регины из племени катувеллаунов, установленное ее мужем, Баратом из Пальмиры (*RIB* I. 1065).

[38] В качестве примеров этого направления исследований можно назвать работы Роба Коллинза, Эндрю Гарднера, Ричарда Хингли: Collins 2006; 2008; Gardner 2007a; Hingley 2010. О надгробии Регины и проблеме реконструкции идентичностей см. Noy 2010, 18; Nesbitt 2016, 238; Mattingly 2004, 11, tab. 1. Новейшую публикацию текста надгробия с переводом и кратким комментарием см. в недавно вышедшей книге Роджера Томлина: Tomlin 2018, 223–224.

[39] О Виндоланде и ее текстах, позволяющих изучить различные аспекты службы и повседневной жизни гарнизона форта (который поочередно составляли когорты батавов и тунгров), см. Bowman 1994; Birley A.R. 2002b; Birley R. 2009; Sadovskaya 1988. Корпус надписей Виндоланды регулярно пополняется новыми находками – см., в частности, Bowman *et al.* 2010; 2011; 2019. История римского форта и его гарнизона, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения, и, как мы надеемся, в ближайшее время отечественное антиковедение уделит ему должное внимание.

[40] Nesbitt 2016.

[41] Nesbitt 2016, 233–238, 240.

[42] В новейших исследованиях позднего доримского железного века севера Британии справедливо подчеркивается, что местные сообщества не обладали той степенью единства и централизации, что заметна в реконструкциях, основанных на свидетельствах античных источников. Изменчивый и сложный мир бриттских сообществ по ту сторону стены по-разному взаимодействовал с римской стороной пограничья. См. Hunter 2016, 179–182.

сделать вывод о космополитичном характере населения пограничного региона и обозначить множественность идентичностей (локальных и общеимперских, этнических и культурных, социальных и политических), хорошо заметную в материальной культуре и эпиграфике, термином «мультикультурализм»[43].

Кроме того, стоит отметить, что исследования в этом направлении не сводятся к простому статичному описанию населения приграничной зоны с точки зрения этнокультурной принадлежности и социальных статусов. Ученые стремятся реконструировать и понять динамику формирования и изменения идентичностей индивидов и сообществ.

В исследованиях, посвященных территориально-пространственным аспектам взаимодействия римлян с местным населением, делается особый акцент на сущности имперских границ. Как показано в работах Ричарда Хингли и Ричарда Хартиса, Роберта Уитчера, Эндрю Гарднера и других авторов, границы и прилегающие к ним территории не стоит рассматривать как труднопреодолимые барьеры, отделявшие империю от варваров[44]. Напротив, они были не только (и, возможно, не столько) зонами отчуждения и разграничения, сколько пространством взаимодействия[45]. Это взаимодействие, в свою очередь, нельзя сводить исключительно к войне и дипломатии. В районе Адрианова вала, с самого момента его строительства, формировались сети экономических, социальных, культурных и политических контактов, в которые вовлекались обитатели, оказавшиеся по обе его стороны. Как видно из новейших публикаций, важные стороны романо-британских взаимоотношений в приграничье можно реконструировать с опорой на археологические данные (особенно показательными оказываются металлические артефакты римского производства, ареалы распространения которых выходят далеко за пределы Адрианова вала)[46].

В целом распространение данных подходов к изучению социокультурной истории Адрианова вала означает усложнение и детализацию интерпретаций процессов, происходивших в северном приграничье провинции. Традиционный взгляд, предполагавший прямое взаимодействие двух крупных гомогенных этносоциальных образований – римского гарнизона вала и бриттских племен севера, постепенно сменяется новыми реконструкциями, в центре которых находятся сложные сети разнообразных контактов между множеством гетерогенных сообществ (воинскими подразделениями, провинциалами, разнообразными группами местного населения). Впрочем, нужно отметить, что процесс смены парадигм в изучении данных аспектов существования Адрианова вала пока далек от завершения. Исследователи совершенствуют методологию и активно обсуждают концептуальные аспекты работы, а в научных и научно-популярных публикациях хорошо известный нарратив соседствует с элементами новой картины жизни северной границы провинции[47].

---

[43] Nesbitt 2016, 225.

[44] Collins 2012, 9–35; Hingley, Hartis 2011; Gardner 2007b; 2017b. О теоретическом обосновании новых теоретических подходов к интерпретации пространства и материальном мире Адрианова вала см. Hingley 2008; Witcher *et al.* 2010.

[45] Hingley, Hartis 2011, 79, n. 2; Gardner 2017b, 37–41; Hunter 2016, 186–189, 192.

[46] Hunter 2016.

[47] Так, вполне традиционный образ социокультурной истории Адрианова вала можно обнаружить в недавно вышедших книгах Эдриана Голдсуорси и Патриции Саузерн:

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ:
ИСТОРИЯ АДРИАНОВА ВАЛА И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ

Современным исследователям римской Британии присуще стремление актуализировать изучаемые вопросы, рассматривать их в тесной связи с существующими политическими и социокультурными проблемами[48]. Оговоримся, что речь идет не о намеренной идеологизации и политизации научного поиска. Перед нами попытки, с одной стороны, понять современность через обращение к прошлому, а с другой – отделить историческую действительность от искажений, которые непроизвольно порождает сознание современных ученых и читателей. Стоит также помнить, что проблемы истории римской Британии, для отечественного читателя представляющие сугубо научный интерес, в самой Британии могут становиться частью публичного дискурса и напряженных общественных дискуссий, в том числе о проблемах неравенства, ксенофобии и расизма[49].

Работы, посвященные Адрианову валу, не составляют исключения. Среди важных для современного британского общества и академического сообщества вопросов особенно выделяются два. Во-первых, вопрос об интерпретации и популярной репрезентации этнокультурных аспектов жизни Адрианова вала в современной мультикультурной Британии[50]. Здесь движение от упрощенной реконструкции, характерной для предшествующих этапов развития науки, к сложной картине взаимодействия представителей разных культур и этносов оказывается созвучно изменениям в современной Британии, которые порождены новейшей политикой и противоречивым имперским наследием. Вопрос об исторической достоверности и характере «мультикультурализма» приграничья резонирует с болезненными и спорными для общества темами – миграцией и жизнью диаспор, расизмом, джингоизмом и толерантностью. Научный поиск оказывается тесно связан с социально значимым высказыванием. Подобное взаимопроникновение академического и общественного дискурсов проявляется уже на уровне формулировки категориального аппарата исследования. Возможно, наиболее ярким примером здесь может служить проблематизация понятия «мультикультурализм» в контексте истории Адрианова вала в уже упоминавшейся работе Несбитт[51]. Столь же неслучаен и общественно значим особый интерес к изучению

Goldsworthy 2018, 92–129; Southern 2016. Важные размышления и конкретные замечания по методологии изучения Адрианова вала содержатся в коллективной монографии, вышедшей под редакцией Мэтта Симондса и Дэвида Мэйсона: Symonds, Mason 2009.

[48] Gardner 2018.

[49] Один из наиболее свежих примеров – скандал из-за образовательного мультфильма BBC, в котором один из персонажей был изображен африканцем. В споре, в котором помимо множества анонимных и не очень пользователей интернета, приняли участие профессор и популяризатор античной истории Мэри Бирд и известный писатель и специалист в области финансов и статистики Нассим Талеб. Ожесточенный характер дискуссии показал, что вопрос о цвете кожи обитателей римской Британии оказывается болезненным для современной аудитории.

[50] Witcher 2010a; 2010b.

[51] Nesbitt 2016, 225.

и публичной репрезентации (в том числе в музейных экспозициях) выходцев из Африки, оказавшихся в провинции и пограничных регионах[52].

Проблема функционального назначения, экономической и социокультурной роли Адрианова вала в развитии окружающих территорий (и провинции в целом) оказывается вторым сюжетом, заставляющим исследователей смотреть не только на прошлое, но и на настоящее. Общественно-политическая основа такого интереса вполне очевидна – споры вокруг Брекзита, попытки контролировать миграцию и навязчивое стремление целого ряда стран отгородиться от соседей вдохновляют ученых обращаться к анализу исторического феномена границы и пограничья[53]. Речь в подобных работах не идет о буквальном сопоставлении границ Римской империи и государств новейшего времени[54]. Современный опыт существования и изучения границ и приграничных территорий используется как стимул для поиска новых исследовательских сюжетов и своеобразное напоминание о том, что реальная жизнь приграничья представляет собой сложный комплекс взаимодействий и взаимоотношений между сообществами, разделенными искусственно созданными барьерами.

Сильные и слабые стороны столь «неравнодушного» подхода вполне очевидны. С одной стороны, актуализация вопросов прошлого в контексте современности предопределяет неизменную популярность Адрианова вала среди исследователей, вдохновляет на анализ не только военно-политических, но и социокультурных аспектов жизни на северном рубеже римского мира. С другой – подобный modus operandi ученого, сколь бы искренним он ни был, создает условия для идеологизации науки, подмены фундированных выводов ангажированными суждениями[55].

В целом представляется, что обозначенная тенденция актуализации научных поисков, тесного переплетения общественного, личного и академического в интерпретациях истории Адрианова вала (и римской Британии в целом) будет лишь усиливаться, не в последнюю очередь из-за сложной политической обстановки внутри самой Британии и в мире. Смогут ли исследователи избежать ловушек идеологии и субъективизма – вопрос, на который ответа пока нет.

Нетрудно заметить, что изучение Адрианова вала и связанных с ним сюжетов составляет особое, активно развивающееся направление в римско-британских штудиях. Скорость, с которой исследователи совершенствуют методологию работы, меняют теоретические подходы и обнаруживают новые аспекты уже привычных проблем, создает ощущение, что мы присутствуем при смене историографических парадигм и трансформации популярного образа римской границы

---

[52] Eckardt 2014, 66–67. См. также Nesbitt, Tolia-Kelly 2009; Olusoga 2016, 29–33.

[53] См., в частности, Gardner 2017a. Стоит отметить, что обращение к современным для исследователей реалиям наблюдалось и раньше – примером может служить классическая работа С. Дайсона (Dyson 1985).

[54] Gardner 2017a, 18.

[55] Впрочем, стоит сказать, что здесь оказывается полезной (пусть и отчасти) авторская рефлексия. Честно обозначив свои личные принципы и ценностные установки, исследователь помогает читателю точнее воспринять само исследование. См., например, признание Гарднера о влиянии Брекзита на его работы, посвященные пограничным зонам римской Британии: Gardner 2017a, 19.

провинции. Эти перемены, диктуемые как развитием самой науки, так и широким общественным контекстом, пока далеки от завершения, хотя некоторые результаты – в частности, появление более сложной реконструкции социокультурной стороны жизни Адрианова вала – уже очевидны. Дальнейшая эволюция данного направления римско-британских исследований может качественно изменить наши представления не только о жизни северных пограничных областей, но и об истории всей провинции.

Литература / References

Baryshnikov, A.E. 2012: [Roman Britain and the problem of romanization: crisis of a traditional concept and the discussion about new approaches in contemporary British scholarship]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [*Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*] 6/3, 200–211.

Барышников, А.Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6/3, 200–211.

Bidwell, P. 2005: The system of obstacles on Hadrian's Wall: their extent, date and purpose. *Arbeia Journal* 8, 53–76.

Bidwell, P. 2008: Did Hadrian's Wall have a wall-walk? In: P. Bidwell (ed.), *Understanding Hadrian's Wall: Papers from a Conference Held at South Shields, 3rd-5th November 2006.* Kendal, 129–143.

Birley, A.R. 2002a: Fifty years of Roman frontier studies. In: P. Freeman, J. Bennett, Z.T. Fiema, B. Hoffmann (eds.), *Limes XVIII: Proceedings of the XVIIIth International Congress of Roman Frontier Studies, held in Amman, Jordan (September 2000)*. Vol. I. (BAR International Series, 1084). Oxford, 1–11.

Birley, A.R. 2002b: *Garrison Life at Vindolanda: A Band of Brothers*. Stroud.

Birley, R. 2009: *Vindolanda: Everyday Life on Rome's Northern Frontier.* Stroud.

Bowman, A.K. 1994: *Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and Its People.* New York.

Bowman, A.K., Thomas, J.D., Tomlin, R.S.O. 2010: The Vindolanda writing-tablets (Tabulae Vindolandenses IV, pt. 1). *Britannia 41,* 187–224.

Bowman, A.K., Thomas, J.D., Tomlin, R.S.O. 2011: The Vindolanda writing-tablets (Tabulae Vindolandenses IV, pt. 2). *Britannia* 42, 113–144.

Bowman, A.K., Thomas, J.D., Tomlin, R.S.O. 2019: The Vindolanda writing-tablets (Tabulae Vindolandenses IV, pt. 3): new letters of Iulius Verecundus. *Britannia* 50, 225–251.

Breeze, D.J. 2006: *J. Collingwood Bruce's Handbook to the Roman Wall.* Newcastle upon Tyne.

Breeze, D.J. 2011: *The Frontiers of Imperial Rome*. Barnsley.

Breeze, D.J. 2014: *Hadrian's Wall: A History of Archaeological Thought.* Kendal.

Breeze, D.J. 2015: The vallum of Hadrian's Wall. *Archaeologia Aeliana.* Series 5. 44, 1–30.

Breeze, D.J. 2017: The placing of the forts on Hadrian's Wall. *Archaeologia Aeliana*. Series 5. 46, 21–39.

Breeze, D.J. 2018: The value of studying Roman frontiers. *Theoretical Roman Archaeology Journal* 1. URL: https://traj.openlibhums.org/article/id/3995/; дата обращения: 06.04.2021.

Breeze, D.J., Dobson, B. 2000: *Hadrian's Wall.* London.

Breeze, D.J., Ferris, I. 2016: They think it's all over. The face of victory on the British frontier. *Journal of Conflict Archaeology* 11/1, 19–39.

Buck, T., Greene, E.M., Meyer, A., Barlow, V., Graham, E. 2019: The body in the ditch: alternative funerary practices on the northern frontier of the Roman Empire? *Britannia* 50, 203–224.

Cherry, D. 1998: *Frontier and Society in Roman North Africa*. Oxford.

Collins, R. 2006: Late Roman frontier communities in Northern Britain: A theoretical context for the 'end' of Hadrian's Wall. In: B. Croxford, H. Goodchild, J. Lucas, N. Ray (eds.), *TRAC 2005: Proceedings of the Fifteenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, Birmingham 2005.* Oxford, 1–11.

Collins, R. 2008: Identity in the frontier: theory and multiple community interfacing. In: C. Fenwick, M. Wiggins, D. Wythe (eds.), *TRAC 2007: Proceedings of the Seventeenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, London 2007.* Oxford, 45–52.

Collins, R. 2012: *Hadrian's Wall and the End of Empire. The Roman Frontier in the 4th and 5th Centuries.* London–New York.

Collins, R., McIntosh, F. (eds.) 2014: *Life in the Limes: Studies of the People and Objects of the Roman Frontiers Presented to Lindsay Allason-Jones on the Occasion of her Birthday and Retirement.* Oxford.

Collins, R., Symonds, M. (eds.) 2013: *Breaking down Boundaries: Hadrian's Wall in the 21st Century.* Portsmouth.

Collins, R., Symonds, M. (eds.) 2019: *Hadrian's Wall 2009–2019. A Summary of Excavation and Research prepared for the Fourteenth Pilgrimage of Hadrian's Wall, 20–28 July 2019.* Kendal.

Crow, J.G. 1991: A review of current research on the turrets and curtain of Hadrian's Wall. *Britannia* 22, 51–63.

Daniels, C. 1979: Fact and theory on Hadrian's Wall. *Britannia* 10, 357–364.

DeLaine, J. 2002: The Temple of Hadrian and Cyzicus and Roman attitudes to exceptional construction. *Papers of the British School at Rome* 70, 205–230.

Driessen, M. 2005: Monumentality for Roman Nijmegen. In: Z. Visy (ed.), *Limes XIX. Proceedings of the XIXth International Congress of Roman Frontier Studies Held in Pécs, Hungary, September 2003.* Pécs, 315–322.

Dyson, S.L. 1985: *The Creation of the Roman Frontier.* Princeton.

Eckardt, H. 2014: *Objects and Identities: Roman Britain and the North-Western Provinces.* Oxford.

Eckardt, H., Müldner, G., Speed, G. 2015: The late Roman field army in Northern Britain? Mobility, material culture and multi-isotope analysis at Scorton (N Yorks). *Britannia* 46, 191–223.

Everitt, A. 2009: *Hadrian and the Triumph of Rome.* New York.

Fieber, K.D., Mills, J.P., Peppa, M.V., Haynes, I., Turner, S., Turner, A., Douglas, M., Bryan, P.G. 2017: Cultural heritage through time: A case study at Hadrian's Wall, United Kingdom. *International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences.* Vol. XLII-2/W3, 297–302.

Frere, S. 1991: *Britannia: A History of Roman Britain.* London.

Gardner, A. 2007a: *An Archaeology of Identity: Soldiers and Society in Late Roman Britain.* London–New York.

Gardner, A. 2007b: Fluid frontiers: cultural interaction on the edge of empire. *Stanford Journal of Archaeology* 5, 43–60.

Gardner, A. 2017a: Brexit, boundaries and imperial identities: a comparative view. *Journal of Social Archaeology* 17/1, 3–26.

Gardner, A. 2017b: Roman Britain from the outside: comparing western and northern frontier cultures. In: S. Gonzalez Sanchez, A. Guglielmi (eds.), *Romans and Barbarians beyond the Frontiers: Archaeology, Ideology and Identities in the North.* (Themes in Roman Archaeology, 1). Oxford, 34–47.

Gardner, A. 2018: Power, knowledge and the past. *Antiquity* 92 (366), 1662–1664.

Goldsworthy, A. 2018: *Hadrian's Wall: Rome and the Limits of Empire.* London.

Graafstal, E. 2018: What happened in the Summer of AD122? Hadrian on the British frontier – archaeology, epigraphy and historical agency. *Britannia* 49, 79–111.

Hanson, W.S. 2014: The nature and function of Roman frontiers revisited. In: R. Collins, F. McIntosh (eds.), *Life in the Limes: Studies of the People and Objects of the Roman Frontiers Presented to Lindsay Allason-Jones on the Occasion of her Birthday and Retirement.* Oxford, 4–10.

Hill, P.R. 2003: *The Construction of Hadrian's Wall.* Doctoral thesis, Durham University. URL: http://etheses.dur.ac.uk/1071/; дата обращения: 06.04.2021.

Hill, P.R. 2006: *The Construction of Hadrian's Wall.* Stroud.

Hingley, R. 2008: Hadrian's Wall in theory: pursuing new agendas? In: P. Bidwell (ed.), *Understanding Hadrian's Wall: Papers from a Conference Held at South Shields, 3rd–5th November 2006.* Kendal, 25–28.

Hingley, R. 2010: Tales of the frontier: diasporas on Hadrian's Wall. In: H. Eckardt (ed.), *Roman Diasporas: Archaeological Approaches to Mobility and Diversity in the Roman Empire.* Portsmouth, 227–243.

Hingley, R. 2012: *Hadrian's Wall: A Life.* Oxford.

Hingley, R., Hartis, R. 2011: Contextualizing Hadrian's Wall: the wall as 'debatable lands'. In: O. Hekster, T. Kaizer (eds.), *Frontiers in the Roman World: Proceedings of the Ninth Workshop of the International Network Impact of Empire (Durham, 16–19 April 2009)*. Leiden, 79–96.
Hodgson, N. 2017: *Hadrian's Wall. Archaeology at the Limit of Rome's Empire*. Ramsbury.
Hunter, F. 2016: Beyond Hadrian's Wall. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 179–202.
James, S. 2013: *Rome and the Sword*. London.
Kurchin, B. 1995: Romans and Britons on the northern frontier: a theoretical evaluation of the archaeology of resistance. In: P. Rush (ed.), *Theoretical Roman Archaeology: Second Conference Proceedings*. Aldershot, 124–131.
Mattingly, D. 2004: Being Roman: expressing identity in a provincial setting. *Journal of Roman Archaeology* 17, 5–25.
Mattingly, D. 2006: *An Imperial Possession. Britain in the Roman Empire, 54 BC – AD 409*. London.
Mattingly, D. 2011: *Imperialism, Power and Identity: Experiencing the Roman Empire*. Princeton–Oxford.
Nesbitt, C. 2016: Multiculturalism on Hadrian's Wall. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 224–244.
Nesbitt, C., Tolia-Kelly, D.P. 2009: Hadrian's Wall: Embodied archaeologies of the linear monument. *Journal of Social Archaeology* 9/3, 368–390.
Noy, D. 2010: Epigraphic evidence for immigrants at Rome and in Roman Britain. In: H. Eckardt (ed.), *Roman Diasporas: Archaeological Approaches to Mobility and Diversity in the Roman Empire*. Portsmouth, 13–26.
Olusoga, D. 2016: *Black and British: A Forgotten History*. London.
Pitts, M., Versluys, M.J. (eds.) 2014: *Globalisation and the Roman World: World History, Connectivity, and Material Culture*. Cambridge.
Robertson, A.S. 1979: *The Antonine Wall. A Handbook to the Roman Wall between Forth and Clyde and a Guide to its Surviving Remains*. Glasgow.
Sadovskaya, M.S. 1988: [Roman fort at Vindolanda. To the question of romanization of Britain in the first century A.D.]. In: V.M. Strogetskiy (ed.), *Iz istorii antichnogo obshchestva* [*From the History of Ancient Society*], 71–81.
Садовская, М.С. Римский форт Виндоланда. К вопросу о романизации Британии в I в. н.э. В сб.: В.М. Строгецкий (ред.), *Из истории античного общества*. Горький, 71–81.
Sargent, A. 2002: The North-South divide revisited: Thoughts on the character of Roman Britain. *Britannia* 33, 219–226.
Shotter, D. 1996: *The Roman Frontier in Britain: Hadrian's Wall, the Antonine Wall and Roman Policy in the North*. Preston.
Sommer, S. 2015: No way to go? Gates and gaps in the Raetian Wall. In: D.J. Breeze, R.H. Jones, I.A. Oltean (eds.), *Understanding Roman Frontiers. A Celebration for Professor Bill Hanson*. Edinburgh, 37–53.
Southern, P. 2016: *Hadrian's Wall. Everyday Life on a Roman Frontier*. Stroud.
Symonds, M.F.A., Mason, D.J.P. (eds.) 2009: *Frontiers of Knowledge: A Research Framework for Hadrian's Wall, Part of the Frontiers of the Roman Empire World Heritage Site*. Vol. I–II. Durham.
Tomlin, R.S.O. 2018: *Britannia Romana: Roman Inscriptions and Roman Britain*. Oxford.
Welfare, H.G. 2013: A Roman camp, quarries, and the vallum at Shield-on-the-Wall (Newbrough). *Archaelogia Aeliana*. Ser. 5. 42, 81–99.
Whittaker, C.R. 1994: *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore–London.
Whittaker, C.R. 2004: *Rome and Its Frontiers: The Dynamics of Empire*. London–New York.
Wilmott, T. (ed.) 2009: *Hadrian's Wall: Archaeological Research by English Heritage 1976–2000*. London.
Witcher, R. 2010a: The fabulous tales of the common people, part 1: representing Hadrian's Wall. *Public Archaeology* 9/3, 126–152.
Witcher, R. 2010b: The fabulous tales of the common people, part 2: encountering Hadrian's Wall. *Public Archaeology* 9/4, 211–238.
Witcher, R., Tolia-Kelly, D.P., Hingley, R. 2010: Archaeologies of landscape: excavating the materialities of Hadrian's Wall. *Journal of Material Culture* 15/1, 105–128.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 439–462
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (1021), 439–462
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910010623-8

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАННЕХРИСТИАНСКИХ РОСПИСЕЙ В СКЛЕПАХ ХЕРСОНЕСА

И. А. Завадская

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

E-mail: zavadskaya_irina@mail.ru

Декоративные программы 11 расписных склепов Херсонеса (Юго-Западный Крым), включающие в себя в основном цветочно-растительные мотивы, изображения птиц, имитацию мраморной облицовки, а в нескольких склепах также христограмму и человеческую фигуру, соответствуют иконографии раннехристианской погребальной живописи в Поздней Римской империи и датируются последней четвертью IV – началом V в. В статье пересмотрена традиционная концепция о сиро-палестинских истоках херсонесских росписей. На основании их стиля, специфики художественного репертуара, особенностей композиции и декоративной системы в целом сделан вывод о том, что наиболее близкие параллели херсонесским памятникам находятся в восточно-балканских провинциях Фракии и Дакии и в западной части Малой Азии. Некоторые особенности, присущие только херсонесским росписям, позволяют рассматривать их как местный херсонесский вариант провинциальной восточно-балканской и западно-малоазийской позднеантичной погребальной живописи.

Ключевые слова: Херсонес, расписные склепы, раннехристианская погребальная живопись, Фракия, Малая Азия

ON THE ORIGIN OF THE EARLY CHRISTIAN PAINTINGS IN CHERSONESOS TOMBS

Irina A. Zavadskaya

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

E-mail: zavadskaya_irina@mail.ru

Acknowledgements: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation Grant no. FZEG-2020-0029

Данные об авторе. Ирина Анатольевна Завадская – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского.

Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

The decorative programs of eleven painted tombs of Chersonesos (south-west Crimea), which include mainly floral-plant motifs, images of birds, imitation marble facings and in several tombs also a Christogram and a human figure, correspond to the iconography of early Christian funerary paintings of the Late Roman Empire. They date back to the last quarter of fourth century or the beginning of the fifth century AD. The article revises the traditional concept of the Syro-Palestinian origins of Chersonesos paintings. Based on their style, the specifics of the artistic repertoire, compositional features and the decorative system as a whole, the author concludes that the closest parallels to the Chersonesos monuments can be found in the eastern Balkan provinces of Thrace and Dacia and in the Western Asia Minor. Some features inherent in the Chersonesos paintings allow us to consider them as a local Chersonesos variant of the provincial East Balkan and West Asia Minor Late Antique funerary painting.

Keywords: Chersonesos, painted tombs, early Christian funerary paintings, Thrace, Asia Minor

В истории позднеантичного Херсонеса расписные склепы занимают особое место. Они относятся к наиболее ранним христианским памятникам города и имеют огромное значение для реконструкции начального этапа его христианизации. Являясь неотъемлемой частью мирового фонда раннехристианского искусства, погребальная живопись Херсонеса несет в себе информацию о происхождении и путях проникновения новой художественной традиции в главный античный центр Юго-Западной Таврики.

Расписные склепы Херсонеса принадлежали к одному из наиболее распространенных типов высеченных в скале погребальных сооружений с дромосом и небольшой четырехугольной камерой с нишами-лежанками в задней и боковых стенах. На разных участках городского некрополя открыто более 400 таких склепов[1], из которых лишь в 13 зафиксированы остатки настенных полихромных росписей. Скорее всего подобное декоративное убранство погребальных сооружений было довольно редким для Херсонеса.

Росписи двух склепов (1894 г.[2] и № 2/2008 г.) кардинально отличаются от остальной группы: они являются самыми ранними и связаны с языческими культами. В склепе 1894 г., датируемом М.И. Ростовцевым III в. н.э., были представлены мифологические сюжеты с пляшущей вакханкой и сценой похищения юноши-покойника крылатым гением[3]. Сюжетные композиции со сценами охоты и двух всадников в склепе № 2/2008 г. конца II – начала III в. н.э. могут быть связаны с культом фракийского всадника[4], который появился в Херсонесе вместе с римскими легионерами – выходцами из придунайских земель[5]. Роспись каждого из этих склепов уникальна для Херсонеса. Они отражают представления сторонников разных синкретических культов, имеют разные сюжеты и композиционное решение. Уровень

---

[1] По подсчетам В.М. Зубаря, в херсонесском некрополе до конца 1970-х годов было открыто 411 склепов с нишами-лежанками (Zubar' 1982, 25–29, 33). В дальнейшем на разных участках некрополя исследованы новые склепы того же типа, однако общее их количество пока не уточнено.

[2] В названия херсонесских склепов принято включать год их открытия.

[3] Rostovtzeff 1914, 442–447.

[4] Rishnjak, Sadova, Turovs'kij, Filippenko 2012, 26–35, 53–79.

[5] Buyskikh 2008, 238; Zubar' 1994, 65–67, 94–95.

их исполнения также различный. Скорее всего они были созданы по заказу приезжими мастерами, представлявшими разные художественные школы. Поэтому говорить о существовании в Херсонесе во II–III вв. местного художественного центра[6], имея лишь два разных по сюжету, стилю и качеству исполнения образца погребальной живописи, пока нет оснований.

Совершенно иной художественной традиции и культурно-религиозной среде принадлежали остальные 11 расписных склепов Херсонеса. Детальное описание и стилистический анализ восьми склепов, открытых во второй половине XIX – начале XX в., вошли в монографию М.И. Ростовцева, в которой также опубликованы планы, рисунки и реконструкции росписей, выполненные художником М.И. Скубетовым, и несколько цветных копий М.В. Фармаковского[7]. С тех пор эти памятники практически не доследовались[8]. Три новых расписных склепа открыты и изучены уже в наше время, два – в 1998–1999 гг. и один – в 2003/2006 гг.[9]

Несмотря на то что живопись каждого из 11 склепов в значительной степени индивидуальна и в целом нигде в деталях не повторяется, все эти росписи близки по стилю, набору живописных элементов и красочной палитре. Изображения деревьев, цветов, гирлянд, фруктов, виноградной лозы, птиц, горящих свечей, декоративных панелей, а в нескольких склепах также хризмы и человеческих фигур полностью соответствуют иконографии раннехристианского погребального искусства, которое в основном развивалось из греко-римской художественной традиции. В результате недавней дискуссии о времени появления расписных склепов в Херсонесе были подтверждены даты, предложенные М.И. Ростовцевым более века назад[10]. Принимая во внимание раннехристианский характер живописи и найденные в склепах монеты, он относил росписи большинства склепов ко второй половине IV в., хотя не исключал, что некоторые могли появиться и в V в.[11] Многие, наиболее близкие херсонесским, памятники раннехристианской погребальной живописи из разных областей Поздней Римской империи датируются серединой/второй половиной IV – началом/первой половиной V в.[12]

Если вопрос о времени появления росписи склепов Херсонеса представляется довольно определенным, хотя и в относительно широком хронологическом диапазоне, то проблема их происхождения всё еще остается актуальной и открытой. Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть эту проблему на

---

[6] Rishnjak, Sadova, Turovs'kij, Filippenko 2012, 79.

[7] Rostovtzeff 1914, 449–507.

[8] В настоящее время известно местонахождение только трех склепов, опубликованных М.И. Ростовцевым. Современные разведки показали, что вход в склеп 1903 г. засыпан и состояние его росписи неизвестно, роспись склепа 1853/1904 гг. полностью утрачена, в склепе 1905 г. сохранились лишь некоторые живописные фрагменты (Rishnjak, Sadova, Turovs'kij, Filippenko 2012, 101).

[9] Zubar', Khvorostyanyy 2000; Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, 189–192.

[10] Diatroptov 2002; Zavadskaya 2005; 2009; 2013, 47–61; Khrushkova 2008; Turovskiy, Filippenko 2008.

[11] Rostovtzeff 1914, 451–479.

[12] Miyatev 1925; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999; Valeva 2001; Marki 2006; Rousseau 2019; и др.

современном уровне и с учетом широкого круга памятников погребальной живописи Поздней Римской империи, выявить наиболее близкие параллели и определить вероятные пути проникновения данной художественной традиции в этот отдаленный центр раннехристианской ойкумены.

Впервые вопрос о происхождении раннехристианских росписей Херсонеса был рассмотрен М.И. Ростовцевым. Проведя глубокий стилистический анализ херсонесских росписей и сопоставив их с известными на тот момент близкими по характеру памятниками, он сформулировал ряд основополагающих для будущих исследований выводов. Прежде всего он указал на единство стиля и системы росписи всей группы христианских склепов Херсонеса и был убежден, что одновременность и отсутствие стилистических предшественников исключает возможность их местного происхождения: «Роспись этой группы христианских погребений не могла возникнуть в Херсонесе и развиваться из местной традиции... а была заносной и заимствованной»[13]. Исследователь отметил также строгое соблюдение определенного «выработанного шаблона», следование одной и той же системе, которая делит стену горизонтально на «тяжелый квадровый низ» с имитацией мраморной инкрустации, и «легкий, заполненный цветами и птицами верх». В то время он отмечал, что данная система «совершенно самостоятельна и самобытна» и в других известных памятниках не повторяется[14].

Инкрустационный и цветочный стили, которые использовались в этой системе, по мнению М.И. Ростовцева, имели бесспорно восточное происхождение. Он считал, что цветочный стиль был известен уже в доэллинистическом Египте, а корни мраморной инкрустации, являвшейся дериватом восточно-эллинской системы, а именно первого помпейского стиля, «надо искать в областях, стоявших под культурным влиянием Месопотамии». Оба стиля объединились в одной системе в «чисто механическом сочетании» в эпоху ранней Римской империи, и ближайшие параллели уже сложившейся системе М.И. Ростовцев видел «либо на сиро-палестинском Востоке, либо в сфере памятников, связь которых с Сирией и Палестиной кажется весьма вероятной». Именно эта система была применена и в росписи склепов Херсонеса, что, по мнению ученого, указывает на «тесную связь первых христиан города не с Византией или Балканским полуостровом», а с более отдаленной сиро-палестинской церковью[15].

Подтверждение «связи Херсонеса с сиро-палестинским югом» М.И. Ростовцев видел в Житиях епископов Херсонских, согласно которым первые епископы-проповедники, прибывшие в Херсонес в эпоху Диоклетиана и принявшие здесь мученическую смерть, были посланцами иерусалимского епископа Ермона. Принимая во внимание критику современных ему ученых, отрицавших историчность посвящения проповедников в епископы и присылку их главой иерусалимской церкви, М.И. Ростовцев тем не менее полагал, что в основе этой части

[13] Rostovtzeff 1914, 440–441, 484–486.
[14] Rostovtzeff 1914, 484.
[15] Rostovtzeff 1914, 500–503.

Житий лежит сохранившееся среди местных христиан предание о первомучениках, «пришельцах-миссионерах» из Сирии или Палестины[16].

В дальнейшем многие исследователи вполне обоснованно подвергали сомнению житийное сообщение о направлении миссионеров из Иерусалима, церковь которого на заре распространения христианства не имела особого влияния и возможностей для таких инициатив[17]. Скорее всего имена первомучеников связали с Иерусалимом в эпоху создания протографа Житий, который датируется, как правило, временем не ранее VI–VII вв., т.е. значительно позже появления росписей. Несмотря на обоснованную критику исторической составляющей, вопрос о происхождении христианских росписей исследователи долгое время либо вообще не обсуждали, либо априори принимали вывод М.И. Ростовцева об их сиро-палестинских истоках[18]. Лишь в начале нашего столетия появились новые точки зрения на данную проблему. По мнению П.Д. Диатроптова, наиболее близкую параллель херсонесским росписям представляют росписи христианских склепов Софийского некрополя[19]. В основном балканские и малоазийские аналогии были привлечены для рассмотрения проблем хронологии и генезиса херсонесских росписей в моих авторских статьях[20]. Л.Г. Хрушкова, рассматривая живопись раннехристианских склепов в Крыму в контексте общего развития раннехристианского погребального искусства, пришла к выводу о том, что крымские памятники можно отнести к зоне «между Востоком и Западом», все же отмечая их близость к понтийско-балканскому региону[21].

Несмотря на появление новых разработок по проблеме происхождения росписей склепов Херсонеса, среди отечественных исследователей есть также сторонники идеи о ближневосточных истоках этих памятников. Так, А.Е. Филиппов, привлекая в качестве единственной аналогии фрески баптистерия домовой церкви в Дура-Европос, констатировал, что росписи склепов Херсонеса являются «редким примером ближневосточного варианта раннехристианской живописи»[22]. На основании предполагаемой «стилистической близости», прежде всего в изображениях мужских фигур в двух херсонесских склепах (1853/1904 гг. и 1909 г.) и жен-мироносиц на северной стене баптистерия в Дура-Европос, автор считает, что эти памятники «могли возникнуть почти параллельно». Принимая за точку отсчета время создания фресок крещальни Дура-Европос (между 232 и 256 г.), а также исходя из произвольной, крайне субъективной оценки композиции и стиля херсонесских росписей, автор предлагает абсолютно надуманную «шкалу относительной хронологии», в рамках которой устанавливает

---

[16] Rostovtzeff 1914, 504–506.

[17] Meshcheryakov 1978, 128; Diatroptov 1986, 131–132; Zuckerman 1994, 547; Zubar', Khvorostyanyy 2000, 91; и др.

[18] Diatroptov 1986, 132; Zubar', Khvorostyanyy 2000, 87.

[19] Diatroptov 2002, 34–35.

[20] Zavadskaya 2005; 2013, 47–61.

[21] Khrushkova 2008, 129.

[22] Filippov 2009, 315. Это заявление без какого-либо анализа было поддержано некоторыми авторами (Bolgov 2004, 18; Fomin 2014, 38–46).

последовательность появления херсонесских расписных склепов с первой половины III в. до начала IV в.[23]

Столь ранняя дата не имеет оснований не только в контексте истории самого города и распространения в нем христианства, но и в контексте истории христианской погребальной живописи во всей Римской империи. Достаточно отметить, что изображение христограммы в венке как символа триумфальной победы над смертью, зафиксированное на сводах нескольких херсонесских склепов, появляется в христианских памятниках только в IV в., в эпоху Константина Великого, скорее всего после Медиоланского эдикта 313 г., и получает распространение с середины этого столетия[24].

Фигуры юношей из херсонесских склепов и жен-мироносиц, идущих ко гробу Господню, в баптистерии Дура-Европос[25] имеют разную смысловую нагрузку и художественное решение. Их объединяет лишь положение en face и горящая свеча в руке.

Фронтальное статичное изображение фигур – одна из отличительных черт нового стиля, явившегося результатом кардинальных трансформаций в искусстве с конца II до начала IV в., названных Эрнстом Китцингером стилистической революцией, которая привела к постепенному отказу от классических греко-римских традиций в искусстве во всей империи[26]. В позднеантичной погребальной живописи фронтально расположенные персонажи известны повсюду – от Рима и Неаполя до Ближнего Востока и Северной Африки. Иногда встречаются и фигуры со свечой в руке. В гробнице Элии Арисут (Aelia Arisuth) второй половины IV в. из Гаргареша (Триполи, Ливия) по обеим сторонам погребальной ниши были изображены двое слуг с горящими свечами в руках[27]. Функционально эти фигуры вполне сопоставимы с персонажами из херсонесских склепов, хотя исполнены они совершенно иначе и не могут иметь прямой генетической связи. Тем не менее эти росписи свидетельствуют о том, что образ фигуры со свечой был известен в позднеантичном искусстве и воплощался художниками в разных регионах[28].

Таким образом, поиски прямой связи между росписями херсонесских склепов и баптистерия Дура-Европос не могут быть продуктивными. В них прослеживаются некоторые общие для позднеантичного искусства тенденции, однако они принадлежат разным периодам и разным по характеру памятникам. Первая в истории иконографическая программа из библейских сюжетов, представленная на стенах сирийского баптистерия второй четверти III в., во многом предвосхитила дальнейшее развитие церковной декоративной живописи. Херсонесские росписи, появившиеся более чем через сто лет после гибели Дура-Европос, в последней четверти IV – начале V в., украшали погребальные сооружения, что и предопределило их декоративную программу, коренным образом

---

[23] Filippov 2009, 312–315.

[24] Valeva 1998; Khrushkova 2005, 415–416; Zavadskaya 2009, 92–93; Patrich 2016, 275–276.

[25] Pergola 2010.

[26] Kitzinger 1977, 7–19.

[27] Bianchi Bandinelli 1970, 264, fig. 242; Zavadskaya 2005, 275, рис. 19.

[28] М.И. Ростовцев приводит в качестве примера фрагмент коптской ткани с изображением мужчины в тунике, держащего обеими руками подсвечник со свечой (Rostovtzeff 1914, 491, рис. 91).

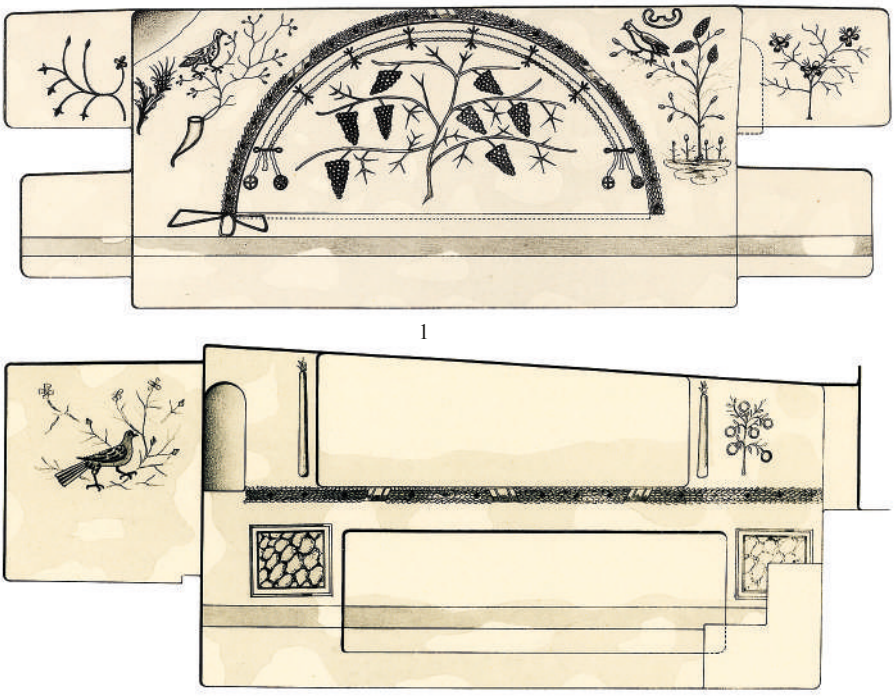
отличающуюся от фресок Дура-Европос и по идейному содержанию, и по художественному воплощению.

Проблема происхождения росписей херсонесских склепов может рассматриваться в двух разных контекстах, а именно в контексте истории становления художественной системы и стиля росписи в целом, а также как история появления данной системы в уже сформировавшемся виде в городе Херсонесе. М.И. Ростовцев в своем фундаментальном исследовании обращается прежде всего к истории художественных стилей, из которых формировалась система росписи, и отдельных живописных мотивов. Рассмотренные им памятники от Италии до Ближнего Востока и Египта принадлежат широкому хронологическому диапазону – от эллинизма до IV–V вв. н.э. и, таким образом, могут служить иллюстрациями долгого пути формирования воплощенной в херсонесских склепах декоративной системы, а также примерами используемых в ней мотивов.

Отстаивая идею ближневосточного происхождения данной системы, М.И. Ростовцев тем не менее отмечал ее проникновение и на Запад, в частности, в росписи катакомб Рима, Сиракуз, Неаполя. Особенно в этом отношении он выделял серию гробниц Софийского некрополя, из которой к тому времени была опубликована только гробница с архангелами. По словам самого ученого, «схема их росписи... совершенно та же, что в наших гробницах»[29]. Однако окончательный вывод о происхождении этой системы он сделал в пользу сиро-палестинского Востока.

Такая позиция М.И. Ростовцева вполне объяснима, если учесть, что он, как и многие его современники, находился под сильным влиянием новаторской в то время концепции И. Стржиговского о главенствующей роли эллинизированного Востока в становлении позднеантичного и раннехристианского искусства, а впоследствии средневекового искусства Западной Европы[30]. Разгоревшаяся полемика между защитниками идей ориентализма И. Стржиговского и романистами, сторонниками романоцентризма, во многом определила развитие истории позднеантичного искусства как самостоятельной дисциплины[31]. Однако впоследствии поиски причин происшедших в искусстве трансформаций, связанных с крахом классического канона, вышли за рамки дилеммы «Восток или Запад», которая утратила свою остроту и актуальность. А. Грабарь считал, что истоки «деформации» греко-римского искусства нужно искать в периферийных провинциях империи и приграничных странах, причем не только на востоке, но и на западе – «от Месопотамии и Армении до Египта и Великобритании», а также Испании. По его мнению, художники этих областей, названных им «третьим миром античности», неумело подражая классическим образцам, иногда уродуя их, создавали совершенно иную систему художественных ценностей[32]. Э. Китцингер, признавая возможное влияние периферийных областей римского мира на развитие позднеантичного искусства в самом Риме, основной акцент делает на «массовом возрождении местной плебейской традиции», всегда существовавшей как на окраинах империи, так

[29] Rostovtzeff 1914, 487–489, 493, 501.
[30] Strzygowski 1901.
[31] Elsner 2002.
[32] Grabar 1972, 10, 20, 24.



1

2

Рис. 1. Херсонес. Роспись склепа 1905 г.: *1* – задняя стена; *2* – правая стена (рис. по: Rostovtzeff 1913, табл. 107–108)

и в самом Риме. В условиях глубокого внутреннего кризиса в позднеантичной империи происходит переоценка классических канонов и форм в искусстве, которые перестают быть значимыми и постепенно вытесняются эстетикой так называемого «субантичного», т.е. плебейского, народного искусства. Этот процесс, названный Китцингером стилистической (и эстетической) революцией, был повсеместным и, по словам ученого, «широким непреодолимым потоком охватил всех и вся»[33] от Западной Европы до Месопотамии. Начиная с конца II в. и особенно в III–IV вв. в произведениях скульптуры и живописи, в том числе погребальной, всё чаще проявляются черты субантичного стиля – тяжелые, угловатые, фронтально расположенные, плоскостные фигуры с искаженными пропорциями, с отрывистыми грубыми движениями и жестами, постепенный отказ от прорисовки деталей, упрощение композиции, деградация и исчезновение элементов архитектурного стиля и признаков ландшафта, несогласованность масштаба внутри композиции, нарастающая схематизация и абстракция.

Именно в это время и в этих условиях зарождалось и христианское искусство, которое восприняло из современной ему художественной культуры как богатый арсенал изобразительных мотивов и символов, так и существовавшие стилистические приемы. В полной мере это отразилось и в погребальной живописи

[33] Kitzinger 1977, 10–11, 17.

IV – начала V в., памятники которой сохранились от Италии до Ближнего Востока и Северной Африки.

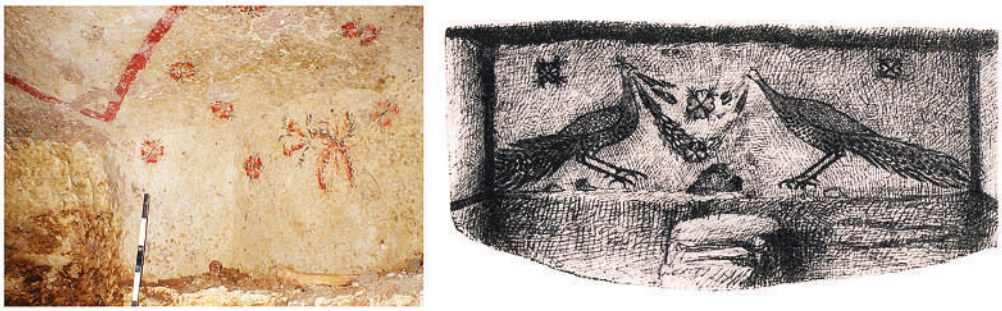
Практически повсюду основная идея росписей раннехристианских погребальных сооружений состояла прежде всего в выражении надежды на спасение после смерти, веры в воскресение умерших и их пребывание в Царствии Небесном[34]. В разных центрах и областях декоративные программы, вдохновленные этой общей идеей, формировались под влиянием определенных художественных традиций, в результате чего помимо общих признаков они приобретали свои особые региональные черты.

Как уже отмечалось, характерной особенностью декоративной системы росписи христианских склепов Херсонеса является сочетание элементов цветочного и инкрустационного стилей, которые делят стену горизонтально на две части. Нижняя часть стен состояла из прямоугольников (ортостатов), как правило, имитирующих мраморную облицовку. Такое оформление зафиксировано в шести склепах (1903 г., 1853/1904 гг., 1905 г., № 2/1907 г., 1909 г. и № 1/1998–1999 гг.). Набор декоративных мотивов, заполнявших верхнюю часть стен, был сравнительно небогат и индивидуален для каждого склепа. Практически все они были нарисованы в духе тенденций позднеантичного искусства, довольно условно, порой схематично, без передачи перспективы и с ограниченной красочной палитрой. Композиции очень просты и не перегружены декоративными элементами. Наиболее популярными были изображения гирлянд и венков, перевязанных лентами и тесемками с бантами на концах. В разных склепах зафиксированы два вида гирлянд и таких же венков: из серо-зеленых сухих листьев лавра с вплетенными красными трилистниками и из красных цветочных лепестков[35]. Композиции трех склепов включали пышную виноградную лозу или ветки с гроздьями винограда (склепы 1853/1904, 1905, 1909 гг.), в двух из них были также небольшие деревья с плодами или цветами (склепы 1853/1904 гг. и 1905 г.) (рис. 1). Деревца без листьев и плодов присутствовали и в росписи склепа 1903 г. Практически во всех склепах, за исключением двух плохо сохранившихся (№ 1 и 2/1907 г.), были нарисованы птицы – голуби, чаще всего сидящие на ветках, и/или павлины. Цветы как отдельные мотивы представлены в виде красно-желтой четырехлепестковой розетки (1905 г., склеп на земле Н.И. Тура, 2003/2006 гг.) (рис. 2) и красного открытого цветка на ножке с листиками (№ 1/1998–1999 гг.) (рис. 3). К цветочным мотивам относится также опрокинутая корзина с цветами в склепе № 2/1998–1999 гг. Редкими в херсонесских росписях являются изображения людей. Единственная сцена с двумя фигурами, мужчины и женщины, вблизи схематично изображенного города на правой стене склепа на земле Н.И. Тура, скорее всего принадлежит времени его перестройки в молельню. Эту роспись М.И. Ростовцев называл полуцерковной[36]. К первоначальной погребальной росписи этого склепа относятся остатки одиночной мужской фигуры

[34] Grabar 1946, 8–11.

[35] Лавровые гирлянды были почти во всех дореволюционных склепах Херсонеса (1904, 1905, № 2/1907, 1909, 1912 гг., склеп на земле Н.И. Тура), в четырех из них также присутствовали венки того же типа. Красные цветочные гирлянды известны в трех склепах: № 1 и 2/1998–1999 и 2003/2006 гг.

[36] Rostovtzeff 1914, 476–479; Zavadskaya 2005, 273–274.



1 2

Рис. 2. Херсонес. Росписи склепов: *1* – задняя стена склепа 2003/2006 гг. (фото по: Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, рис. 2а); *2* – задняя стена склепа на земле Н.И. Тура (рис. по: Rostovtzeff 1914, рис. 88)

справа от входа. Такие же фигуры юношей изображены в склепах 1853/1904 гг. и 1909 г., в последнем – у юноши в руках сохранилась горящая свеча (рис. 4, *2*). Горящие свечи были также по обе стороны двух лежанок в склепе 1905 г. (рис. 1, *2*). В двух склепах зафиксированы остатки изображений сосудов – канфара на потолке склепа 1909 г. и чаши на стене склепа № 1/1998–1999 гг. На своде двух склепов (1853/1904 и 2003/2006 гг.) сохранилась христограмма в венке, которая, судя по остаткам росписи, могла быть еще в четырех склепах[37].

Таким образом, основу декоративной программы херсонесских склепов составляли прежде всего растительные мотивы и птицы. Помимо индивидуальных смыслов, связанных с христианскими догматами, эти изображения, представленные в единой композиции, создавали картину небесного рая, в котором пребывают души умерших христиан в образе птиц. Присутствие в росписи христограммы, символа победы Христа над смертью, еще больше усиливало веру в собственное воскресение в Царствии Небесном. Надежда на райское бытие и пребывание души покойного среди праведников заключена также в единственной эпитафии, сохранившейся в склепе 2003/2006 гг.: «Аристона, упокой Господи. Душа твоя с праведными»[38].

Декорация райского сада, выражавшая извечную мечту о блаженстве в загробном мире и известная в искусстве с древнейших времен, так же как и имитация мраморной облицовки, заимствованная из оформления эллинистических и римских общественных зданий и аристократических домов, были особенно популярны в Поздней Римской империи и легко восприняты и переосмыслены раннехристианским искусством. Элементы цветочного и инкрустационного стилей, которые по сути являются отдельными художественными системами, самостоятельно или в сочетании друг с другом встречаются в погребальных росписях от Рима до Восточного Средиземноморья.

В римских катакомбах эти мотивы, чрезвычайно многочисленные и разнообразные, служили прежде всего дополнением, фоном для многофигурных

[37] Rostovtzeff 1914, 453–478.
[38] Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, 190.

Рис. 3. Херсонес. Роспись левой стены склепа № 1/1998–1999 гг.
(фото по: Zubar', Khvorostyanyy 2000, рис. 65, *2*)

сюжетных композиций, мифологических, библейских сцен и отдельных персонажей, составлявших основу декоративной системы катакомбной живописи[39]. Сюжеты из Ветхого и Нового заветов, фигуры святых и умерших в окружении мотивов райского сада представлены в склепах IV в. в Пече (Венгрия) и в Нише (Сербия)[40], а также в целом ряде гробниц из Фессалоник, роспись которых иногда дополнялась также мраморным декором[41]. Декоративная система, в которой цветочные мотивы и мраморная инкрустация сочетались с фигурной живописью, имеет свои примеры и на палестинском Востоке. В роскошной росписи языческой гробницы в Ашкелоне (Израиль) середины III в. над имитацией мраморных панелей представлена идиллическая картина Элисия с нильским пейзажем с нимфами и пышной виноградной лозой, с птицами, животными и мифическими персонажами[42]. Над таким же рядом панелей в гробнице рубежа III–IV вв. в Ор-ха-Нере (Израиль) были многочисленные цветы, виноградная лоза и птицы, окружавшие 14 медальонов с условными портретами погребенных[43]. Мотивы райского сада и кресты, а также ветхозаветный сюжет с Даниилом в логове львов украшали стены христианской гробницы конца IV – начала V в. в Лохамейха-Гетаот (Израиль)[44].

Значительное разнообразие декоративных систем демонстрирует погребальная роспись некрополя Фессалоник, в котором обнаружены 78 расписных гробниц III–VII/VIII вв. Многие гробницы III–V вв., помимо упомянутых выше

---

[39] Ferrua 1991.
[40] Valeva 2001, 185, fig. 450; Mirković 1956.
[41] Marki 2006, 130–156, no. 41, 46, 49, 52, 89. Использование библейских сюжетов в гробницах Фессалоник рассматривается как результат влияния римской художественной традиции (Kuvatova 2017, 128–141).
[42] Michaeli 2001.
[43] Michaeli 1998.
[44] Maayan-Fanar 2010.

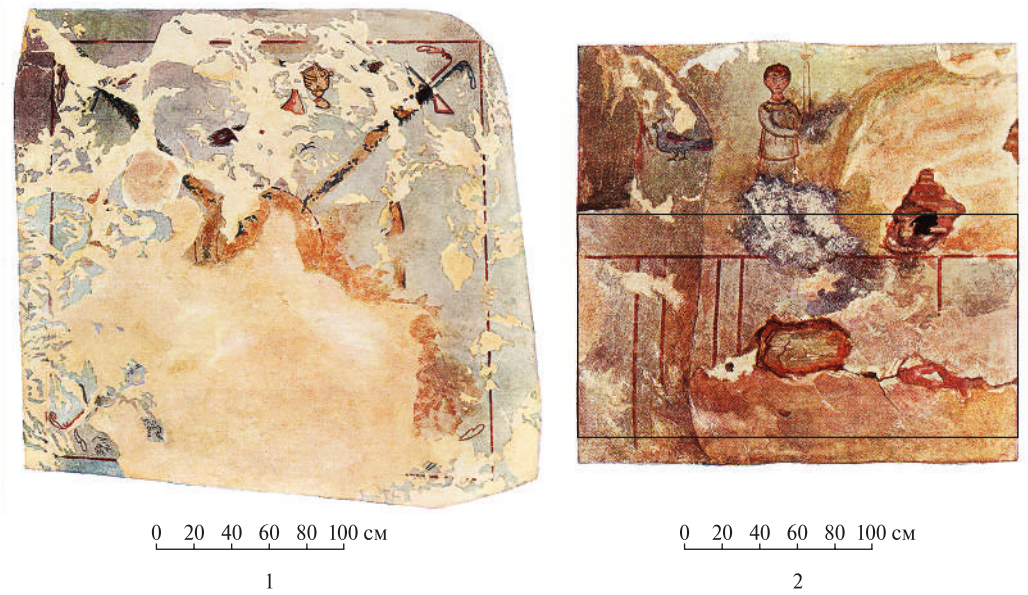


Рис. 4. Херсонес. Роспись склепа 1909 г.: *1* – потолок; *2* – простенок левой и задней стен (рис. по: Rostovtzeff 1913, табл. 105, *1, 2*)

с сюжетной росписью, были украшены только аллегорическими картинами рая[45]. Декор нескольких гробниц середины IV в. состоял исключительно из мраморной имитации, в одном случае в сочетании с христограммой в круге[46]. Известны также гробницы IV в., декоративная система которых сочетала райские мотивы и панели с мраморной имитацией, а в одной из гробниц имитацию заменяла облицовка из натурального мрамора[47]. Таким образом, в этих памятниках была использована та же декоративная система, что и в расписных склепах Херсонеса. Однако в отличие от херсонесских росписей с небогатым набором декоративно-символических элементов, свободно представленных на поверхности стен, композиции гробниц Фессалоник очень насыщены разнообразными мотивами, которые занимают практически все пространство стены, создавая эффект horror vacui (боязнь пустоты). И хотя в фессалоникской живописи уже очевидны современные тенденции, проявившиеся, в частности, в упрощенной, стремящейся к симметрии и лишенной перспективы композиции, отдельные мотивы и образы, исполненные очень тонко и живописно, демонстрируют еще сохранившиеся навыки классического мастерства их исполнителей.

Более близкие аналогии херсонесским росписям и по набору декоративных элементов, и по стилю их исполнения находятся на территории восточнобалканских провинций Фракии и Дакии, а также в западной части Малой Азии. В погребальной росписи этих регионов наиболее распространенными были цветочные

[45] Marki 2006, 125–189, no. 20–22, 26, 46, 48, 51, 32, 37, 57, 95 и др.
[46] Marki 2006, 173–177, no. 16, 56, 78, 99.
[47] Marki 2006, 159–178, no. 53, 91, 94, гробница из Теллоглио, no. 29.

и растительные мотивы, а также изображения птиц. В нескольких гробницах второй половины IV в. в Марцианополе/Девне, Филиппополе/Пловдиве и Сердике/Софии расписные гирлянды, разбросанные на поле цветы и птицы составляли симметричную композицию, по сути превращенную в декоративную схему[48]. Популярной была также виноградная лоза с гроздьями, как правило, исходящая из листьев аканфа, в сочетании с другими немногочисленными растительными мотивами, иногда вместе с птицами. С разной степенью схематизации эти мотивы представлены в трех гробницах Софийского некрополя[49]. Более натуралистичной была виноградная лоза с птицами и канфаром в росписи несохранившейся гробницы западного некрополя Филиппополя[50].

На территории Фракии и Малой Азии была популярна и декоративная система, сочетающая цветочный декор и мраморную имитацию. Примерами служат росписи гробницы № 7 Софийского некрополя и гробницы в Хиссаре[51]. В софийской гробнице № 9 мраморные панели составляли часть более сложной программы, включающей бюсты четырех архангелов, большой лучезарный латинский крест в венке в центре сводчатого потолка, украшенного круглыми кессонами, а также изображения четырех птиц и канфара[52].

Близкие аналогии отдельным декоративным элементам и системе в целом содержит и погребальная живопись в Сардах. В настоящее время там известно 12 расписных гробниц, большинство из которых с очень похожей по стилю и композиции росписью[53]. В одной из гробниц, в Кагирлик-Тепе, сохранилось лишь изображение виноградной лозы, с тонкими ветвями и треугольными гроздьями[54], напоминающими виноградную лозу херсонесского склепа 1905 г. В остальных гробницах зафиксировано деление на нижнюю и верхнюю зоны. Одним из вариантов оформления нижней, цокольной части была имитация мраморной облицовки. В гробнице семьи Флавия Хризантия цокольные панели имитировали три разновидности мрамора, две из которых сопоставимы с херсонесскими росписями[55] (рис. 5). В частности, рисунок с брекчиевой структурой в виде неправильных разновеликих овалов похож на тот же мотив в херсонесских склепах 1903, 1853/1904 и 1905 гг. (рис. 1, *2*), а мраморировка в виде косых темных полос напоминает роспись склепов № 2/1907 и № 1/1998–1999 гг. (рис. 3). Такие же полосы заполняли цоколь и так называемой «расписной гробницы» в Сардах[56]. Очень близкая прорисовка этих двух видов мраморной имитации сохранилась также в уже упомянутой гробнице в Хисаре,

---

[48] Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 19–21, Nr. 9; 21–22, Nr. 11; 46–47, Nr. 36; 64–65, Nr. 47; Miyatev 1925, 36–44, № 5.

[49] Miyatev 1925, 23–35, № 4, 45–66, № 6, 7; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 62–64, Nr. 46; 65–66, Nr. 48; 66–67, Nr. 49.

[50] Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 47–48, Nr. 37.

[51] Miyatev 1925, 55–67, № 7; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 48–50, Nr. 38; 66–67, Nr. 49.

[52] Miyatev 1925, 86–105, № 9; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 68–72, Nr. 51.

[53] Rousseau 2019; Valeva 2001, 176.

[54] Rousseau 1999, 12–13, fig. 18.

[55] Rousseau 2019, 4–7, fig. 3–7.

[56] Rousseau 2019, 7–8, fig. 8–11.

Рис. 5. Сарды. Роспись гробницы Флавия Хризантия, IV в. (рис. по: Rousseau 2019, 5, fig. 4)

а имитация брекчиевидного мрамора – в софийской гробнице № 7[57]. Репертуар верхней зоны росписей в Сардах был достаточно однообразен и состоял из стилизованных гирлянд и венков, рассеянных цветов, корзин с фруктами или цветами и птиц – павлинов и более мелких пернатых. Наполненные корзины часто изображаются опрокинутыми. Подобная композиция в красном цвете сохранилась и в росписи херсонесского склепа № 2/1998–1999 гг. (рис. 6). Она состояла из нарисованной несколькими линиями опрокинутой влево плетеной корзины с высыпавшимися из нее цветами в виде красных пятен и расположенными справа от нее тремя вертикальными гирляндами-разделителями, между двумя из них сохранилось изображение небольшой птицы. По форме корзина имеет некоторые аналогии в Сардах (например, в гробнице 79.2)[58], а ее композиция схематично воспроизводит более живописный сюжет из гробницы «Семи спящих» III в. в Эфесе[59] (рис. 7), в которой также наполненная цветами и опрокинутая влево ваза или корзина с тонко прорисованным плетением изображена вблизи красной гирлянды. Вероятно, данная композиция была популярна в погребальной живописи этого региона и в следующем IV в.

Несмотря на в целом похожий набор цветочных элементов, херсонесские росписи имеют важную особенность, отличающую их от большинства упомянутых выше балкано-малоазийских примеров. В них не получил широкого распространения один из самых популярных мотивов в позднеантичной погребальной живописи во всей империи, а именно мотив цветочного поля, представляющего собой свободно разбросанные цветы, создающие фон для других изображений[60]. Уже М.И. Ростовцев отмечал, что для росписи опубликованных им восьми склепов характерны изображения только целых веток или небольших деревьев, иногда с цветами или

[57] Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, Taf. 60, Abb. 98, 99; Taf. 68, Abb. 133.

[58] Rousseau 2019, 30, fig. A11.

[59] Valeva 2001, 176, fig. 24; Strocka 2002, 286, Abb. 3; Zimmermann 2011, 386, Abb. 15.

[60] Чаще всего это были стилизованные цветы на ножке с листиками. Их многочисленные примеры можно найти в росписи гробниц Фессалоник, Верии, Софии, Силистры, Хисар, Констанцы, Никеи, Сард и многих других позднеантичных центров (Valeva 2001, 174–176; Marki 2006; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999; Rousseau, 2019; и др.).

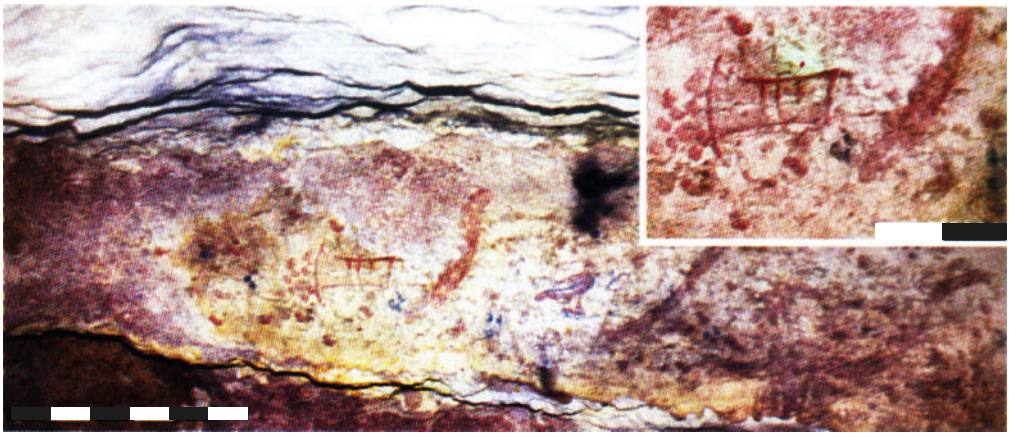


Рис. 6. Херсонес. Роспись левой стены склепа № 2 1998–1999 гг.
(фото по: Zubar', Khvorostyanyy 2000, рис. 65, *6*)

плодами, но совершенно отсутствуют разбросанные отдельные цветы и лепестки[61]. Цветок на ножке с листиками как самостоятельный декоративный элемент является важной частью декора только в склепе № 1/1998–1999 гг.[62] (рис. 3). На стенах он представлен неоднократно, хотя и не так часто, как в цветочных полях. Вероятно, цветы-бутоны без стеблей могли создавать фон и в уже упомянутой композиции с опрокинутой корзиной в склепе № 2/1998–1999 гг., на что указывают местами сохранившиеся красные пятна[63] (рис. 6). В склепе 2003/2006 гг. также можно видеть некоторое подобие цветочного поля в виде нескольких свободно разбросанных на стенах стилизованных цветков-розеток с четырьмя сердцевидными лепестками и тонкими усиками между ними[64] (рис. 2, *1*). В композиции с двумя павлинами в склепе на земле Н.И. Тура были лишь три симметрично расположенные такие же розетки[65] (рис. 2, *2*). Таким образом, позднеримские цветочные поля в сильно сокращенной вариации нашли свое слабое отражение только в трех склепах Херсонеса, открытых в наше время.

Одной из характерных черт позднеантичной погребальной живописи Фракии и Малой Азии, особенно важной в контексте поиска параллелей херсонесским памятникам, является малочисленность композиций с фигурами людей. Из 12 расписных гробниц в Сардах человеческий образ, скорее всего персонификация,

---

[61] Rostovtzeff 1914, 462.

[62] Zubar', Khvorostyanyy 2000, 146–147, рис. 65, *1–5*.

[63] Zubar', Khvorostyanyy 2000, 146–147, рис. 65, *6*. Цветные пятна, имитирующие цветы и целые цветочные поля, известны, например, в росписи гробницы Марцианополя (Valeva 2001, fig. 25).

[64] Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, рис. 2а. Данный тип цветка-розетки был очень популярен в позднеантичное время и встречается в разных памятниках искусства. Наиболее близкие аналогии в погребальной живописи представляют гробницы в Виминациуме и Брестовике (Сербия), гробница № 37 в Фессалониках и № 7 в Софии (Valeva 2001, 174, fig. 18, 36; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, Taf. 68, Abb. 133).

[65] Rostovtzeff 1914, 475, рис. 88, табл. CVII.

Рис. 7. Эфес. Роспись гробницы «Семи спящих», III в.
(фото по: Valeva 2001, 176, fig. 24; Zimmermann 2011, 386, Abb. 15)

сохранился на своде только одной гробницы (07.3)[66]. На территории Фракии, за небольшим исключением, фигуративные росписи были посвящены одной теме и представляли сцену погребальной трапезы или процессию слуг[67]. Сюжет со слугами, направляющимися к своим хозяевам с подношениями, был производным от популярной в языческом искусстве сцены погребальной трапезы, которая в позднеантичный период претерпела определенные трансформации и постепенно утратила свою актуальность[68]. Росписи с отдельно стоящими слугами, как правило, размещенными в ортостатах, сохранились в целом ряде балканских гробниц IV в.[69] Образы слуг, их позы и одежды в некоторых гробницах очень похожи. Однотипные подпоясанные туники длиной до колен с длинными рукавами были на всех слугах-мужчинах из гробниц Силистры и Виминация. В таких же туниках представлены фигуры юношей и в двух херсонесских склепах 1853/1904 гг. и 1909 г. (рис. 4, *2*). Сходство с балканскими персонажами позволяет их также считать слугами[70]. В склепе на земле Н.И. Тура на входной стене от такой же фигуры сохранились только ноги в сандалиях. Включение в декоративную программу херсонесских склепов фигур слуг, заимствованных из языческого репертуара, было призвано подчеркнуть высокий социальный статус их владельцев, которые уже стали христианами. Среди балканских примеров с изображениями слуг

---

[66] Rousseau 2019, 10–11, fig. 12–14.

[67] Только в гробнице № 9 Софийского некрополя в четырех углах свода нарисованы бюсты архангелов с их именами на латинском языке (Miyatev 1925, 86–106). В гробнице середины IV в. в Констанце, помимо сцен погребальной трапезы, был также сюжет с двумя орантами в райском саду (Valeva 2001, 188, fig. 54).

[68] Valeva 2001, 180–185.

[69] Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 13–16, Nr. 4; 22–28, Nr. 13; 42–46, Nr. 35; Valeva 2001, 182–184, fig. 36, 38.

[70] Zavadskaya 2005, 274–276; 2013, 58–59.

бесспорно христианской являлась лишь гробница в Оссеново, роспись которой, исполненная в примитивном стиле, включала хризму в круге над входом[71].

Изображение христограммы или креста в венке, круге или медальоне является одним из самых распространенных символов новой веры в раннехристианском искусстве в IV в., начиная с эпохи Константина Великого. При этом если на западе империи, а также на Балканах и в западной части Малой Азии в это время чаще использовалась христограмма, то в памятниках Сирии, Палестины и Египта доминирующим символом был крест[72].

Рис. 8. Херсонес. Роспись потолка склепа 2003/2006 гг. (фото по: Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, рис. 1)

В склепах Херсонеса главным безусловным христианским символом являлась именно христограмма. Полностью она сохранилась только в двух склепах – 1853/1904 и 2003/2006 гг. На своде склепа 2003/2006 гг. монограмма Христа находилась в медальоне, состоящем из красной окружности с вписанными в нее двумя цветочно-лиственными венками[73] (рис. 8). Очень похожий медальон из красных окружностей и венка между ними, также содержавший монограмму, был на стене гробницы № 4 в Софии[74] (рис. 9). Рисунок херсонесской монограммы из тонких прямых красных линий сопоставим с таким же мотивом в гробницах Фессалоник[75] и в «расписной гробнице» в Сардах, единственной имевшей хризму в этом некрополе[76].

На своде склепа 1853/1904 гг. хризма с буквами α и ω была частью целой геометрической композиции, состоявшей из окружавшего ее венка из лавровых листьев, от которого диагонально к углам шли четыре прямые гирлянды из таких же листьев. Венок и гирлянды украшали цветные ленты и тесемки, завязанные на концах гирлянд в пышные банты. Остатки подобной композиционной схемы зафиксированы еще в четырех склепах: 1909 (рис. 4, *1*), 1905, № 2/1907 гг. и на земле Н.И. Тура, в которых, по мнению М.И. Ростовцева, могла быть и хризма[77]. На

---

[71] Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 22–28, Nr. 13.

[72] Patrich 2016, 275. В каталоге гробниц с крестообразными символами Ю. Валевы нет ни одного памятника с христограммой в сиро-палестинском регионе и Египте (Valeva 1998, 772–782). Вероятно, в IV – начале V в. типичным там было изображение латинского креста с буквами α и ω в пышном растительном венке среди различных мотивов райской декорации, как, например, в гробницах Лохамей-ха-Гетаот (Израиль) и Габбари (Александрия) (Maayan-Fanar 2010, 77, pl. 4; McKenzie 2007, 239, fig. 405).

[73] Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, рис. 1.

[74] Miyatev 1925, 23–35, № 4; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, Taf. 66, Abb. 125.

[75] Marki 2006, 159, 173–175, no. 53, 165–167, no. 57.

[76] Rousseau 2019, 7, fig. 7.

[77] Rostovtzeff 1914, 453–478.

Рис. 9. Сердика/София. Роспись восточной стены гробницы № 4
(рис. по: Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, Taf. 66, Abb. 125)

своде склепа 1909 г., вероятно, в каждом из сегментов, образованных гирляндами, были изображения павлина, канфара и виноградной ветки с гроздями.

Диагональная система оформления потолка считается римской традицией[78]. Росписи с центральным медальоном и радиально расходящимися от него к углам линиями или растительными гирляндами подчеркивали крестовые своды некоторых комнат в римских катакомбах[79]. Такая система украшения крайне редко использовалась в гробницах с цилиндрическим сводом, которые были наиболее распространенным типом погребальных сооружений в балкано-малоазийском регионе в позднеримский период. Только в некрополе Фессалоник, одном из самых богатых как по количеству расписных гробниц, так и по разнообразию их декорации, известен единственный, очень живописный пример диагонального оформления свода с пышными цветочными гирляндами и венком, с двумя павлинами и крупными цветочными бутонами на усеянном мелкими цветами поле[80]. Более предпочтительным украшением для вытянутых цилиндрических сводов были цветочные поля или расписные кессоны[81]. Выбор именно диагональной декоративной схемы для херсонесских склепов мог быть обусловлен их архитектурой: для плоского или ложносводчатого потолка с трапециевидным планом, приближенным к квадрату, имитация крестового свода оказалась наиболее подходящей. Для реализации этой системы художники использовали популярную в Херсонесе сухую лавровую гирлянду, иногда с вплетенными красными трилистниками, и такой же венок, перевязанные цветными лентами и тесемками. В результате появился местный вариант

[78] Rostovtzeff 1914, 454; Valeva 2001, 172.
[79] Примеры в катакомбе на Виа Латина (Ferrua 1991, 123, fig. 112; 129, fig. 122).
[80] Marki 2006, 158–159, no. 52, fig. 99.
[81] Valeva 2001, 172–173.

оформления потолка, который был очень популярен в городе, но не имел близких стилистических аналогий за его пределами.

Безусловно, росписи раннехристианских склепов Херсонеса являются частью обширного фонда памятников позднеантичной погребальной живописи. Декоративные программы очень многих погребений этого времени, выражавшие, по сути, общечеловеческие чаяния о загробном мире, похожем на цветущий райский сад, имели универсальный характер и воспринимались разными конфессиями. Явные религиозные символы, такие как крест и христограмма, еще не были обязательными и поэтому встречаются сравнительно редко в христианских погребениях[82]. Поливалентный характер этих росписей позволяет рассматривать их в общем контексте позднеантичного погребального искусства безотносительно к их религиозной принадлежности.

Практически все художественные мотивы и символы, зафиксированные в росписях херсонесских склепов, так же, как и декоративная система, объединявшая элементы цветочного и инкрустационного стилей, встречаются во многих регионах Поздней Римской империи, как Западной, так и Восточной. Однако специфика художественного репертуара с абсолютным доминированием цветочно-растительных мотивов и птиц и ограниченным присутствием человеческих фигур, а также упрощенность композиции и стилистика росписи, в которой классическая живописность уступает место декоративности и условности,– все эти черты херсонесских росписей находят наиболее близкие параллели в восточно-балканских провинциях Фракии и Дакии и в западной части Малой Азии. Эти географически близкие территории по обе стороны Пропонтиды были тесно связаны между собой. Уже с первых веков нашей эры там в условиях активных миграционных процессов, сходной социально-экономической и политической ситуации, постоянного традиционного обмена художественными идеями формировалась общая местная культура[83]. Своеобразие художественной культуры и искусства этого региона, в частности погребальной живописи, позволило Ю. Валеве сделать вывод о том, что в позднеантичный период параллельно с римской столичной школой эти территории представляли собой отдельный центр художественного производства. Именно с художественной культурой этого региона следует связывать и росписи раннехристианских склепов Херсонеса.

Мастера, расписавшие эти памятники, следовали уже сложившейся и хорошо им известной декоративно-символической системе и использовали определенный набор изображений. Однако соблюдение устоявшихся канонов не лишало их некоторой творческой свободы в формировании композиции, подборе мотивов и их интерпретации. Вероятно, в этом процессе могли участвовать и заказчики. В результате все росписи индивидуальны и нигде в точности не повторяются. Тем не менее в некоторых склепах присутствуют декоративные элементы, исполненные практически одинаково, возможно, выдавая руку одного художника, в то время как в других склепах они имеют иной рисунок. Примерами могут

[82] Об особенностях использования крестообразных символов в раннехристианском искусстве (Zavadskaya 2009, 104–106).

[83] Valeva 1979–1980, 117–129.

служить уже упоминавшиеся два типа гирлянд – сухие серо-зеленые из лавровых листьев и красные цветочные, а также несколько вариаций мраморной имитации. Впрочем, стилистическое разнообразие в херсонесских росписях, вероятно, свидетельствующее о работе разных мастеров или бригад, сравнительно ограничено и лишь подтверждает их принадлежность одной художественной традиции. Однако в этих росписях есть также некоторые отличительные черты, придающие им региональную специфику. Так, общим для них является в целом весьма скромный набор декоративных элементов и, как правило, очень лаконичные и не перегруженные деталями композиции. К тому же вариации некоторых мотивов можно считать характерными именно для Херсонеса, поскольку они не находят точных аналогий за его пределами. В их числе упомянутая лавровая гирлянда и сформированная из нее диагональная композиция потолка, которые, судя по остаткам красочного слоя, украшали бóльшую часть склепов. Эти особенности херсонесских росписей позволяют рассматривать их как местный херсонесский вариант провинциальной восточно-балканской и западно-малоазийской позднеантичной погребальной живописи.

Привнесение данной художественной традиции в Херсонес из этих регионов исторически вполне закономерно. С Фракией и Малой Азией у Херсонеса были давние активные торговые, военно-политические, культурные и религиозные связи[84]. Епархия Херсонеса, возникшая скорее всего в первой половине 70-х годов IV в. при императоре Валенте[85], административно примыкала к диоцезу Фракия. Подпись ее первого епископа Эферия, участника II Вселенского собора в Константинополе в 381 г., стояла в списке епископов фракийской области Скифия. На этом соборе христианские общины Фракии были отданы под управление главы Константинопольской церкви (Socr. V. 8)[86]. И в последующие века Фракия и Малая Азия, объединяющим центром которых был столичный Константинополь, оставались для Херсонеса/Херсона главными генераторами художественных идей, влияние которых отразилось во многих сферах и особенно ярко в церковной архитектуре Херсона и всего Крыма[87].

Литература/References

Aibabin, A.I. 2010: [Early Byzantine Chersonesos/Cherson]. In: *Vizantiya v kontekste mirovoy kultury. Materialy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.V. Bank* [*Byzantium within the Context of World Culture. Proceedings of the conference dedicated to the memory of A.V. Bank*]. Saint Petersburg, 353–379.

Айбабин, А.И. Ранневизантийский Херсонес-Херсон. В сб.: *Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк*. (ТГЭ, LI). СПб., 353–379.

Bianchi Bandinelli, R. 1970: *Rome. La fin de l'art antique. L'art de l'Empire romain de Septime Sévère à Théodose Ier*. Paris.

[84] Aibabin 2010, 353–356; Zubar' 1994, 141; Kadeev, Sorochan 1989, 57–76; Buyskikh 2008, 238.

[85] Zuckerman 1994, 549.

[86] Zavadskaya 2003, 416–417.

[87] Buchwald, Zavadskaya 2013; Zavadskaya 2019.

Bolgov, N.N. 2004: [Syrian cultural influences in the Late Antique Northern Black Sea Region]. In: *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kulture: materialy II Sudakskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (12–16 sentyabrya 2004 g.)*. Ch. I [*Black Sea, Crimea, Russia in History and Culture: Materials of the II Sudak International Scientific Conference (September 12–16.09.2004)*. Pt. I]. Kiev–Sudak, 17–19.

Болгов, Н.Н. Сирийские культурные влияния в позднеантичном Северном Причерноморье. В сб.: *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы II Судакской международной научной конференции (12–16 сентября 2004 г.)*. Ч.I. Киев–Судак, 17–19.

Buchwald, H., Zavadskaya, I. 2013: Early Christian basilicas in Crimea and their numeric proportions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] XVIII, 14–48.

Buchwald, H., Zavadskaya, I. Early Christian basilicas in Crimea and their numeric proportions. *МАИЭТ* XVIII, 14–48.

Buyskikh, A.V. 2008: *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu* [*Spatial planning development of Tauric Chersonesos in ancient epoch*]. Simferopol.

Буйских, А.В. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. (МАИЭТ, Suppl. 5). Симферополь.

Diatroptov, P.D. 1986: [Extension of Christianity in Tauric Chersonesos in the 4th-6th centuries]. In: *Antichnaya grazhdanskaya obshchina* [*Antique Civil Community*]. Moscow, 127–151.

Диатроптов, П.Д. Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. В сб.: *Античная гражданская община*. М., 127–151.

Diatroptov, P.D. 2002: [Once again to the question of the dating of mural painting of Chersonesos Christian tombs]. In: *Tserkovnaya arkheologiya Yuzhnoy Rusi: sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii "Tserkovnaya arkheologiya: problemy, poiski, otrkytiya"* [*Church Archeology of South Russia: Collection of Materials of the International Conference "Church Archeology: Problems, Searches, Discoveries"*]. Simferopol, 34–37.

Диатроптов, П.Д. Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов. В сб.: *Церковная археология Южной Руси: сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.)*. Симферополь, 34–37.

Elsner, J. 2002: The birth of late antiquity: Riegl and Strzygowski in 1901. *Art History* 25/3, 358–379.

Ferrua, A. 1991: *The Unknown Catacomb. A Unique Discovery of Early Christian Art*. Transl. by I. Inglis. New Lanark.

Filippov, A.E. 2009: [Painting of the early Christian tombs of Tauric Chersonesos in the context of artistic tradition: synthesis with architecture, symbolism, liturgical basis]. In: S.A. Belyaev (ed.), *Ocherki po istorii khristianskogo Khersonesa*. T. I, 1. *Khersones khristianskiy* [*Essays on the History of Christian Chersonesos*. Vol. I, 1. *Chersonesos Christian*]. Saint Petersburg, 193–318.

Филиппов, А.Е. Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа. В сб.: С.А. Беляев (ред.), *Очерки по истории христианского Херсонеса*. Т. I, 1. *Херсонес христианский*. СПб., 193–318.

Fomin, M.V. 2014: [On the problem of the formation of an Early Christian artistic tradition in Chersonesos of the 4th–5th centuries]. *Visnyk Harkivs'kogo nacional'nogo universytetu im. V.N. Karazina. Serija «Istorija»* [*The Journal of V.N. Karazin Kharkiv National University. Series: History*] 1117/48, 38–46.

Фомин, М.В. О проблеме формирования раннехристианской художественной традиции в Херсонесе IV–V вв. *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія «Історія»* 1117/48, 38–46.

Grabar, A. 1946: *Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*. Vol. II: *Iconographie*. Paris.

Grabar, A. 1972: Le tiers monde de l'Antiquité à l'école de l'art classique et son rôle dans la formation de l'art du Moyen Age. *Revue de l'art* 18, 8–25.

Kadeev, V.I., Sorochan, S.B. 1989: *Ekonomicheskie svyazi antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya v I v. do n.e. – V v. n.e. (na materialakh Khersonesa)* [*Economic Contacts of the Ancient Cities of the Northern Black Sea Region in the 1st Cent. BC – 5th Cent. AD. (Based on the Materials from Chersonesos)*]. Khar'kov.

Кадеев, В.И., Сорочан, С.Б. *Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса)*. Харьков.

Khrushkova, L.G. 2005: [On the beginning of the Christian Tauric Chersonesos: a cross-shaped church in the main cemetery]. In: *Sugdeyskiy sbornik*. Vyp. II [*Sugdaia collection papers*. Issue II]. Kiev–Sudak, 393–420.
Хрушкова, Л.Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище. В сб.: *Сугдейский сборник*. Вып. II. Киев–Судак, 393–420.

Khrushkova, L.G. 2008: [On the paintings in Early Christian tombs in the Crimea: one hundred years after Mikhail Rostovtzeff]. In: *Vizantiya v kontekste mirovoy kultury. Materialy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.V. Bank* [*Byzantium Within the Context of World Culture. Transactions of the State Hermitage Museum*] Saint Petersburg, 121–132.
Хрушкова, Л.Г. О живописи раннехристианских склепов в Крыму: сто лет после Михаила Ивановича Ростовцева. В сб.: *Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк*. (ТГЭ, XLII). СПб., 121–132.

Kitzinger, E. 1977: *Byzantine Art in the Making. Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art. 3rd–7th Cent*. London.

Kuvatova, V. 2017: Early Christian funerary painting in Thessaloniki. Macedonian and Roman traditions. In: N.A. Nalimova, T.P. Kishbali, A.V. Zacharova (eds.), *Makedoniya – Rim – Vizantiya: iskusstvo Severnoy Gretsii ot antichnosti do srednikh vekov: materialy nauchnoy konferentsii* [*Macedonia – Rome – Byzantium: the Art of Northern Greece from Antiquity to the Middle Ages: Proceedings of the Scientific Conference*]. Moscow, 128–141.
Куватова, В. Early Christian funerary painting in Thessaloniki. Macedonian and Roman traditions. В сб.: Н.А. Налимова, Т.П. Кишбали, А.В. Захарова (ред.), *Македония – Рим – Византия: искусство Северной Греции от античности до средних веков: материалы научной конференции*. М., 128–141.

Maayan-Fanar, E. 2010: An early Christian tomb at Lohamei HaGetaot: formation of christological symbolism. *Eastern Christian Art* 7, 71–89.

Marki, E. 2006: *E nekropole tes Tkhessalonikes stous usteroromaikus kai palyaiokhristianikus khronus (mesa tu 3u eos mesa tu 8u aj. m.kh.)* [*The Necropolis of Thessaloniki in the Late Roman and Early Christian Periods (from the Middle of the 3rd Century to the Middle of the 8th Century AD)*].
Μαρκή, Ε. *Η νεκρόπολη της Θεσσαλονίκης στους υστερορωμαϊκούς και παλαιοχριστιανικούς χρόνους (μέσα του 3ου έως μέσα του 8ου αι. μ.Χ.)*. Αθήνα.

McKenzie, J. 2007: *The Architecture of Alexandria and Egypt c. 300 BC to AD 700*. London.

Meshcheryakov, V.F. 1978: [About the time of the Appearance of Christianity in the Tauric Chersonesos]. In: *Aktualnye problemy izucheniya istorii religii i ateizma* [*Actual Problems of Studying of History of Religion and Atheism*]. Leningrad, 121–134.
Мещеряков, В.Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом. В сб.: *Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма*. Л., 121–134.

Michaeli, T. 1998: The pictorial program of the tomb near Kibbutz Or-ha-Ner in Israel. *Assaph Studies in Art History* 3, 37–76.

Michaeli, T. 2001: The iconographic and symbolism of the tomb of the Nymphs at Ashkelon. In: A. Barbet (ed.), *La peinture funéraire antique: IVe siècle av. J.-C.– IVe siècle ap. J.-C.: actes du VIIe Colloque de l'Association Internationale pour la peinture mural antique (6–10 Octobre 1998, Saint-Romain-en-Gal – Vienne)*. Paris, 163–170.

Miyatev, K. 1925: *Dekorativnata zhivopis na Sofiyskiya nekropol* [*Decorative Painting of the Sofia Necropolis*]. Sofia.
Миятев, К. *Декоративната живопись на Софийския некропол*. София.

Mirković, L. 1956: La nécropole paléochrétienne de Niš. *Archeologia Jugoslavica* II, 85–100.

Pergola, A. 2010: La discussa scena delle donne al sepolcro nel battistero di Dura Europos. Alle origini dell'iconografia della resurrezione di Cristo. *Rivista di Archeologia Cristiana* 86, 315–352.

Patrich, J. 2016: The early Christianization of the Holy Land – the archaeological evidence. In: *Acta XVI Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae. Romae (22–28.9.2013). Costantino e i Costantinidi: l'innovazione costantiniana, le sue radici e i suoi sviluppo*. Pars I. Vaticano, 265–293.

Pillinger, R., Popova, V., Zimmermann, B. (Hrsg.) 1999: *Corpus der spätantiken und frühchristlichen Wandmalereien Bulgariens*. (Schriften der Balkankommission, Antiquarische Abteilung, 21). Wien.

Rishnjak, O., Sadova, O., Turovs'kij, E., Filippenko, A. 2012: *Nekropol' Hersonesa Tavrijs'kogo. Novi storinky v istorii' doslidzhen'* [*Necropolis of Chersonesos Tauric. New pages in the History of Research*]. Lviv.
Рішняк, О., Садова, О., Туровський, Є., Філіппенко, А. *Некрополь Херсонеса Таврійського. Нові сторінки в історії досліджень*. Львів.

Rostovtzeff, M.I. 1913: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii. Atlas* [*Antique Decorative Painting in the South of Russia. An Atlas*]. Saint Petersburg.
Ростовцев, М.И. *Античная декоративная живопись на юге России. Атлас*. СПб.

Rostovtzeff, M.I. 1914: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii.* T.I. *Opisanie i issledovanie pamyatnikov* [*Antique Decorative Painting in the South of Russia. Text.* Vol. I. *Description and Researches of the Monuments*]. Saint Petersburg.
Ростовцев, М.И. *Античная декоративная живопись на юге России*. Т.I. *Описание и исследование памятников*. СПб.

Rousseau, V. 2019: Reflection, ritual, and memory in the Late Roman painted Hypogea at Sardis. *Arts* 8/103, 1–36. URL: https://www.mdpi.com/2076–0752/8/3/103/htm; дата обращения: 23.04.2021.

Strocka, V.M. 2002: Die Fresken von Hanghaus 2 – ein Vierteljahrhundert später. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien* 71, 285–298.

Strzygowski, J. 1901: *Orient oder Rom: Beitrag zur Geschichte der spätantiken und frühchristlichen Kunst*. Leipzig.

Stupko, M.V., Turovskiy, E. Ya., Filippenko, A.A. 2007: [On the fate of the painted tombs of the first Christians of Chersonesos]. In: *Sacrum et Profanum*. Vyp. III. *Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kulta* [*Sacrum et Profanum*. Issue III. *Heavenly Patrons and Terrestrial Ministers of Cult*]. Sevastopol, 189–192.
Ступко, М.В., Туровский, Е.Я., Филиппенко, А.А. О судьбах расписных склепов первых христиан Херсонеса. В сб.: *Sacrum et Profanum*. Вып. III. *Небесные патроны и земные служители культа*. Севастополь, 189–192.

Turovskiy, E. Ya., Filippenko, A.A. 2008: [Chronology of the tombs of the Early Christians of the Chersonesos necropolis (in the light of excavations of 2006)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [*Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*] I, 45–48.
Туровский, Е.Я., Филиппенко, А.А. Хронология склепов ранних христиан некрополя Херсонеса (в свете данных раскопок 2006 г.). *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма* I, 45–48.

Valeva, J. 1979–1980: Sur certaines particularités des hypogées paléochrétiens des terres et leurs analogues en Asie Mineure. *Anatolica* VII, 117–150.

Valeva, J. 1998: Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints. In: *Acta XIII Congressus internatinalis archaeologiae christianae (Split-Porec, 25.9.–1.10.1994)* III. Vaticano, 761–786.

Valeva, J. 2001: La peinture funéraire dans les provinces orientales de l'Empire Romain dans l'Antiquité tardive. *Hortus Artium Medievalium* 7, 167–208.

Zavadskaya, I.A. 2003: [Conversation to Christianity in early Byzantine Chersonesos (the 4th–6th centuries)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] X, 402–426.
Завадская, И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.). *МАИЭТ* X, 402–426.

Zavadskaya, I.A. 2005: [Decorative–symbolic system of painting in Chersonesos Christian tombs: aspects of chronology and genesis]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] XI, 258–288.
Завадская, И.А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса. *МАИЭТ* XI, 258–288.

Zavadskaya, I.A. 2009: [Christian painted tombs of Crimea in the context of funeral painting development in early Byzantine period]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] XV, 89–131.
Завадская, И.А. Христианские расписные склепы Крыма в контексте развития погребальной росписи в ранневизантийский период. *МАИЭТ* XV, 89–131.

Zavadskaya, I.A. 2013: Early Christian painted tombs in Crimea. *Mitteilungen zur Christlichen Archäologie* 19, 41–67.

Zavadskaya, I.A. 2019: [Numeric proportions of the early Byzantine basilicas of Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] XXIV, 135–159.
Завадская, И.А. Числовые пропорции ранневизантийских базилик Херсонеса. *МАИЭТ* XXIV, 135–159.

Zimmermann, N. 2011: Das Sieben-Schläfer-Zömeterium in Ephesos. Neue Forschungen zu Baugeschichte und Ausstattung eines ungewöhnlichen Bestattungskomplexes. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien* 80, 365–407.

Zubar', V.M. 1982: *Nekropol Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv.n.e.* [*Necropolis of Tauric Chersonesos of the 1th–4th Cent. AD*]. Kiev.
Зубарь, В.М. *Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв.н.э.* Киев.

Zubar', V.M. 1994: *Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Ocherki voenno-politicheskoy istorii* [*Tauric Chersonesos and Roman Empire. Essays on Military Political History*]. Kiev.
Зубарь, В.М. *Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории*. Киев.

Zubar', V.M., Khvorostyanyy, A.I. 2000: *Ot yazychestva k khristianstvu. Nachal'nyy etap proniknoveniya i utverzhdeniya khristianstva na yuge Urkainy (vtoraya polovina III – pervaya polovina VI v.)* [*From Paganism to Christianity. The initial Stage of Penetration and Confirmation of Christianity in the south of Ukraine (the Second Half of the 3rd – the First Half of the 6th Cent.*]. Kiev.
Зубарь, В.М., Хворостяный, А.И. *От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.)*. Киев.

Zuckerman, C. 1994: [Bishops and a garrison of Cherson in the 4th century]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [*Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*] IV, 545–561.
Цукерман, К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. *МАИЭТ* IV, 545–561.

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 463–490
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 463–490
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910012209-2

САРКОФАГ ТАМИН ИЗ СОБРАНИЯ НИИ И МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

А. А. Крол[1], Е. Г. Толмачева[2]

[1] *Научно-исследовательский институт и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*
[2] *Российский православный университет святого Иоанна Богослова, Москва, Россия; Центр палеоэтнологических исследований, Москва, Россия*

[1] *E-mail:* alexykrol@gmail.com [2] *E-mail:* etolma@mail.ru

Авторы статьи представляют новую публикацию саркофага Тамин из коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова. В статье подробна описана история поступления саркофага в собрание Музея. На основании перевода и анализа надписей на саркофаге Тамин, а также сопоставления этих надписей с аналогичными текстами на других саркофагах авторы высказывают предположение об ахмимском происхождении памятника. Характерные стилистические и палеографические особенности надписи, язык, встречающиеся в ней ошибки, титулы и эпитеты позволяют также говорить о ее датировке эпохой Птолемеев. Сопоставление саркофага Тамин с другими аналогичными памятниками, в частности с саркофагами Ташеретмин и Хентихетиемхетепа, а также с целой группой других каменных саркофагов, позволяет точнее определить вероятную датировку московского памятника концом III – первой половиной II в. до н.э.

Ключевые слова: Птолемеевский период, Ахмим, саркофаги, жертвенная формула, Тамин

Данные об авторах. Алексей Александрович Крол – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ; Толмачева Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент РПУ св. Иоанна Богослова, старший научный сотрудник Центра палеоэтнологических исследований.

Авторы статьи выражают глубокую благодарность профессору Мюнстерского университета Э. Графе за помощь и поддержку в работе над переводом надписи на саркофаге Тамин, а также М.В. Панову за высказанные им ценные замечания.

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках гранта «Комплексный анализ и атрибуция уникальных музейных объектов с применением современных естественнонаучных методов (по материалам коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ)» (проект № 17-29-04125).

THE COFFIN OF TAMIN FROM THE COLLECTION OF THE RESEARCH INSTITUTE AND MUSEUM OF ANTHROPOLOGY OF THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Alexey A. Krol[1], Elena G. Tolmacheva[2]

[1] *Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*
[2] *Russian Orthodox University of St. John the Apostle, Moscow, Russia; Paleoethnology Research Center, Moscow, Russia*

[1] *E-mail:* alexykrol@gmail.com [2] *E-mail:* etolma@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 17-29-04125

The authors present a new publication of Tamin's coffin from the collection of the Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. The article provides a detailed discussion of the coffin's provenance. Based on the translation and analysis of the inscriptions on Tamin's coffin and on the comparison of these inscriptions with similar texts on other coffins, the authors suggest an origin from Akhmim for it. The distinctive stylistic and paleographic features of the inscription, the language and errors encountered in the text, the titles and epithets further allow us to date the coffin to the Ptolemaic period. Comparison of Tamin's coffin with other similar objects, namely, with Tasheretmin's and Hentykhetyemhotep's coffins, as well as with a whole group of other stone sacrophagi, allows us to determine the possible date of the Moscow object more precisely: the end of the third – first half of the second centuries BC.

Keywords: Ptolemaic period, Akhmim, coffins, offering list, Tamin

Настоящая статья продолжает серию публикаций предметов[1], входящих в египетскую коллекцию НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова. В настоящее время она состоит из трех древнеегипетских мумий, одна из которых покоится в саркофаге, а также из льняных погребальных тканей. Предметом данной публикации стала мумия в саркофаге.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАМЯТНИКА

Этот саркофаг, который, согласно надписи на нем, принадлежал даме Тамин (КП 5 № 3482/1,2; КО 366), проделал очень длинный и не до конца прослеженный путь по музейным собраниям России, прежде чем оказаться в Антропологическом музее МГУ.

Архивные источники позволяют с уверенностью реконструировать историю музейного хранения саркофага Тамин лишь с 1921 г. В этом году Московский публичный и Румянцевский музей был расформирован и его коллекции были распределены по другим собраниям Москвы. 859 древнеегипетских предметов из отдела древностей были переданы в Музей-Институт классического

[1] Krol 2017; 2019.

Востока (МИКВ)[2]. Среди египетских древностей были и «четыре мумии в саркофагах и картонажах».

МИКВ «возник в конце 1917 г. в здании Российского Исторического музея и начал функционировать с января 1918 г., отвечая ясно наметившейся в Москве тенденции в специальном научном и популяризационном учреждении, посвященном вопросам древнего востоковедения»[3]. МИКВ просуществовал вплоть до 1924 г.

В Краткой инвентарной описи памятников МИКВ за 1924 г. значатся 4 саркофага с мумиями, 1 саркофаг без мумии, 1 мумия в картонажной покрышке, 1 мумия греко-римского времени и одна развернутая мумия[4]. В инвентарной описи коллекции МИКВ за тот же 1924 г. значатся четыре саркофага с мумиями[5]. Под № 5 описан «саркофаг антропоидный, покрашенный в красный цвет, маска – желтого цвета с зачерненными глазами и бровями. Ниже колен и на ступнях надпись (шесть вертикальных строк) и изображение двух шакалов, лежащих на пилонах. Все это облито черной краской. При саркофаге – стеклянный колпак и деревянная подставка. В саркофаге заключена № 6 Мумия женская»[6].

Из описания саркофага (№ 5) следует, что он, безусловно, является тем самым памятником, который в настоящее время хранится в НИИ и Музее антропологии. Любопытно, что мумия определена как женская. При нынешнем состоянии сохранности мумии установить это стало возможно лишь после проведения рентгенографии. Вероятно, составитель описи смог прочесть имя покойной либо, исходя из цвета маски, предположил, что в саркофаге покоится женская мумия. Можно, однако, предположить, что мумия Тамин была рентгенографирована, что и позволило безошибочно определить ее пол. Известно, что уже в 1921 г. МИКВ начал «рентгенографический анализ мумий». Как сообщается в отчете о деятельности Музея-института, «этот анализ поможет разрешить, не нанося ущерба объектам, ряд вопросов, как-то: наличие всякого рода включений – грудных скарабеев, амулетов, украшений и м.б. папирусов и проч., далее, в некоторых случаях – болезни, которыми страдали субъекты мумий и проч.»[7]. Не исключено, что именно мумия Тамин была рентгенографирована. В отчете МИКВ за 1921 год говорится о том, что были рентгенографированы следующие объекты:

1. Рука и нога человека.
2. 3 мумии священных ястребов.
3. Мумия маленького крокодила.
4. Мумия женщины эпохи Птолемеев.

Снимки установили: 1) возраст, 2) породу и пол, 3) полное анатомическое строение, 4) костный туберкулез ноги в сильной степени со смещением коленной чашки. Кроме того, было проведено вскрытие мумии эпохи Птолемеев, т.к. ранее мумия находилась в неотапливаемых помещениях Строгановского

[2] Отдел рукописей ГМИИ имени А.С. Пушкина. 1922. Ф. 4. Оп. 1. Ед. 11. Л. 7.
[3] Отдел рукописей ГМИИ имени А.С. Пушкина. 1918–1923. Ф. 4. Оп. 1. Ед. 3. Л. 9.
[4] Отдел рукописей ГМИИ имени А.С. Пушкина. 1924. Ф. 4. Оп. 1. Ед. 73. Л. 3 об.
[5] Отдел рукописей ГМИИ имени А.С. Пушкина. 1924. Ф. 4. Оп. 1. Ед. 73. Л. 3.
[6] Отдел рукописей ГМИИ имени А.С. Пушкина. 1924. Ф. 4. Оп. 1. Ед. 73. Л. 8.
[7] Отдел рукописей ГМИИ имени А.С. Пушкина. 1921–1923. Ф. 4. Оп. 1. Ед. 3. Л. 20.

училища и начался процесс тления. Мумия найдена в сравнительно хорошем состоянии. Подробный протокол вскрытия с зарисовками хранится в пределах Музея-института[8].

Учитывая, что именно четыре мумии в саркофагах и картонажах были переданы в МИКВ из Румянцевского музея, логично предположить, что саркофаг с мумией, находящийся в настоящее время в НИИМА, происходит именно из Румянцевского музея.

Однако уже в том же 1924 г. этот саркофаг и мумия из собрания МИКВ поступили в числе других деревянных саркофагов с мумиями (1,1а 1234, 1235, 1290) в Музей изобразительных искусств (нынешний ГМИИ имени А.С. Пушкина)[9].

В Музее на Волхонке, 12 саркофаг Тамин с мумией хранился вплоть до 1932 г., когда заведующий восточным отделом В.И. Авдиев обменял его на гроб Иусанх из коллекции Центрального антирелигиозного музея. После расформирования ЦАМ в 1948 г. саркофаг Тамин с мумией внутри был передан в Антропологический музей МГУ[10].

ПУБЛИКАЦИИ

Впервые деревянный внутренний саркофаг Тамин был опубликован О.Д. Берлевым и С.И. Ходжаш в 1998 г. в вышедшем на английском языке в Гёттингене «Каталоге египетских памятников из музеев Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Кавказа, Средней Азии и Прибалтики»[11]. Публикация содержала две фотографии памятника, перевод надписи на саркофаге на английский язык и комментарии к переводу. К сожалению, авторам каталога, видимо, не удалось непосредственно ознакомиться с памятником: в тексте не приводится описание саркофага, не указываются его размеры, инвентарный номер, информация из книги поступлений, а перевод текста надписей, по всей видимости, был выполнен по неопубликованной прорисовке и фотографиям[12]. Таким образом, полноценной публикации саркофага и мумии до настоящего времени представлено не было, что делает актуальным научное издание памятника, снабженное новейшими фотографиями, прорисовками надписей, иероглифическим текстом, транслитерацией, уточненным переводом и комментариями.

О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш в комментариях к надписям на саркофаге довольно много места уделили историческому контексту памятника. По мнению первых издателей, саркофаг имеет несомненно ахмимское происхождение, а некоторые особенности текста помещенной на нем стандартной жертвенной формулы *хетеп-ди-несу* указывают на принадлежность владелицы саркофага Тамин к мятежной царской династии (исследователи сочли ее племянницей правителей

---

[8] Отдел рукописей ГМИИ имени А.С. Пушкина. 1922. Ф. 4. Оп. 1. Ед. 11. Л. 8.

[9] Акт 4–10 марта. Отдел рукописей ГМИИ имени А.С. Пушкина. 1924. Ф. 4. Оп. 1. Ед. 75. Л. 11.

[10] История «путешествий» саркофага Тамин по музейным собраниям после его поступления на хранение в Музей изобразительных искусств в 1924 г. восстановлена в статье Krol 2019, 762–766.

[11] Berlev, Hodjash 1998, 34–35, pl. 64–65, n. 47.

[12] Berlev, Hodjash 1998, 34, n. 1.

Хоруннефера и Анхуннефера), возглавившей восстание египтян против птолемеевского владычества в 205–186 гг. до н.э. Более того, О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш полагали, будто на саркофаге из собрания Музея антропологии содержится первое упоминание представителей этой, так называемой антиптолемеевской, династии[13]. Больше саркофаг не издавался, однако в 2008 г. вышла в свет монография немецкой исследовательницы Рут Брех «Позднеегипетские саркофаги из Ахмима. Исследование типологии и хронологии», в которой автор приводит сведения и о саркофаге Тамин, опираясь на публикацию О.Д. Берлева и С.И. Ходжаш[14]. На основании изучения типологии позднеегипетских саркофагов, а также самого текста надписи гроба Тамин[15] Р. Брех согласилась с предложенной первыми издателями московского саркофага датировкой, однако не увидела в этом тексте никаких указаний на связь памятника с так называемой антиптолемеевской династией.

ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Антропоидный саркофаг выполнен из древесины сикоморы[16]. Состоит из двух частей – крышки с маской и нижней части (днища), которые в шести местах соединяются на стандартное крепление «шип-паз» (рис. 1; 2, *1*). Длина саркофага 191 см, ширина в районе плеч 48 см, высота 35 см. Крышка представляет собой скульптурное изображение запеленутой фигуры покойной. Руки не обозначены. Завершается саркофаг прямоугольным основанием-пьедесталом, на котором стоит сама фигура.

Крышка саркофага составная, ее лицевая часть сделана из трех хорошо подогнанных друг к другу досок, промежутки между досками зашпатлеваны грунтом. Боковые стенки крышки гроба выполнены из шести отдельных досок: три небольшие, подпрямоугольной формы в районе головы, две длинные доски боковин гроба и почти квадратная торцевая доска в ногах. Все швы между досками тщательно заделаны специальным раствором. Поверхность древесины была подвергнута дополнительной обработке, загрунтована и покрыта краской красно-коричневого цвета. Исследований состава пигмента и связующего не проводилось. Неизвестно, использовалось ли в древности какое-либо покрытие для защиты красочного слоя: оно либо не сохранилось, либо было частично снято в ходе современной реставрации.

Маска выполнена в типичной для эпохи ранних Птолемеев манере и стилистике (рис. 3): трехчастный парик с двумя длинными прядями спереди; сзади контуры парика не прорисованы либо были стерты. Лицо и передние пряди парика выстроганы из единого массива дерева. Овальное лицо с округленными щеками, небольшой полный подбородок, переходящий в короткую шею. Черты лица

---

[13] Berlev, Hodjash 1998, 34–35.

[14] Brech 2008, 161–163, 332–334.

[15] Р. Брех не имела возможности непосредственно ознакомиться с текстом надписи, все ее выводы сделаны на основании изучения публикации Берлева и Ходжаш и исследования черно-белых фотографий гроба, которые были приведены в этом единственном издании.

[16] Определение породы дерева выполнено научным сотрудником биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова М.В. Ниловой.

Рис. 1. Саркофаг Тамин © *НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Фото К.С. Самурского, 2020*

правильные: обведенные черной краской широкие, почти прямые брови слегка загибаются к внешним уголкам глаз. Миндалевидные глаза подчеркнуты традиционной контурной обводкой, также выполненной черной краской. Длинный, прямой нос с узкой переносицей и небольшими крыльями. Полные губы сложены в едва намеченную в уголках рта улыбку. Лицо и шея покрыты краской охристо-желтого цвета и подчеркнуты черной обводкой.

В нижней части крышки саркофага черной краской вписаны в прямоугольник пять столбцов иероглифической надписи, содержащей традиционную жертвенную формулу *хетеп-ди-несу*, имена и титулы (рис. 4). Также в изножье гроба изображены два шакала, возлежащих на крыше святилища, и посвятительная надпись богу Упуауту.

Днище саркофага составное, не декорированное, снаружи покрыто грунтом и покрашено в красно-коричневый цвет. Мумия, обернутая в несколько полуразвернутых слоев погребальных пелен и бинтов, находится в саркофаге.

Судя по имеющимся у нас сведениям, саркофаг был отреставрирован в период между 1939 и 1941 г.[17] К сожалению, никакой документации об этой реставрации не сохранилось, однако, основываясь на сопоставлении известного нам по фотографиям памятника до реставрации и современного его облика, можно предположить, что реставраторы зафиксировали крепления досок, восполнили утраты

[17] Подробнее см. Krol 2019, 766.

грунта в местах стыков досок, укрепили живописный грунт и красочный слой. Утраты красочного слоя были затонированы.

ПАРАЛЛЕЛИ И АНАЛОГИИ

Как видно из описания, характерной чертой саркофага Тамин является отсутствие типичных для египетских деревянных саркофагов росписей с изображением многочисленных богов и мифологических персонажей. Подобного рода антропоидные деревянные саркофаги с минимумом изображений и краткими надписями, содержащими, как правило, жертвенную формулу и именование покойного и его предков, появляются в разных регионах Египта в конце Позднего периода[18]. Среди них есть высококачественные изделия, выполненные из дерева дорогих пород, хорошо обработанного, часто полированного, обладающие очевидными художественными достоинствами, как, например, саркофаг младенца из Британского музея, датируемый концом Позднего периода – началом Птолемеевского[19], или фрагмент гроба Иртиру также из Британского музея, с искусно вырезанной на крышке погребальной формулой, относящийся к той же эпохе[20]. Как правило, лучшие образцы подобного рода саркофагов происходят из столичных регионов. В статье С. Мозер, посвященной публикации деревянного гроба из коллекции Музея антропологии г. Падуи, делается попытка обозначить ареал происхождения, датировку и типологические характеристики одной из групп поздних нижнеегипетских деревянных антропоидных саркофагов с лаконичными надписями, выполненных из единого куска дерева[21].

Более дешевые варианты таких саркофагов изготавливались из дерева местных пород, как, например, в случае саркофага Тамин – из сикоморы, и часто не вырезались из единого куска дерева, а были составными изделиями, скрепленными по системе «шип-паз» из нескольких досок. В период IV–III вв. в Ахмиме сложилась местная традиция изготовления подобного рода саркофагов. Большинство из них производилось из дерева местных пород для представителей так называемого среднего класса. Как полагает Дж. Элиас, отказ от покрытия всей поверхности саркофага изображениями и текстами изначально был вызван стремлением показать текстуру дерева (в том случае, если для изготовления саркофага применялся, например, кедр). Когда же мастера использовали местную древесину, поверхность обрабатывалась и покрывалась красно-коричневым пигментом, который имитировал цвет натурального кедра[22]. В случае с гробом Тамин поверхность была не просто обработана, но и загрунтована и покрашена, чтобы сгладить неровности и пороки древесины и скрыть щели между составными частями саркофага.

---

[18] Подробнее об эволюции надписей на саркофагах в разных регионах Египта см. Elias 1993; 2019.

[19] Taylor, Strudwick 2005, 68–69, no. EA22938 (URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA22938; дата обращения: 27.09.2020).

[20] No. EA6658; URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA6658; дата обращения: 27.09.2020)

[21] Moser 2019, 157–167.

[22] Elias 2019.

Немецкая исследовательница Р. Брех в своем фундаментальном исследовании поздних ахмимских саркофагов выделила подобные гробы в особую группу D[23], к которой, наряду с семью другими памятниками из мировых музейных собраний, отнесла и гроб Тамин. Среди характерных признаков, присущих практически всем гробам этой группы, Брех отмечает слегка спрямленную по бокам антропоидную форму, максимальную ширину в области плеч и резкое сужение к ногам, отсутствие заметных выпуклостей на крышке гроба. Почти у всех гробов изображение лица слегка смещено от центральной оси – эта асимметрия заметна и в случае с саркофагом Тамин. За исключением двух памятников, у всех мужских саркофагов имеется бородка. Прямоугольный пьедестал выступает за «ноги» гроба в передней части и по бокам[24]. Боковины нижней половины гроба ниже боковин крышек.

Маски почти всех саркофагов этой группы не украшены диадемами или другими головными уборами, для них характерен стандартный трехчастный парик. Цвет лица светлый, у двух масок этой группы лицо позолочено. Только у трех из входящих в группу D саркофагов грудь закрыта ожерельем-*усех*. Поверхность гроба не украшена изображениями, присутствует лишь лаконичная надпись с формулой *хепет-ди-несу* и генеалогией покойных. На некоторых гробах представлены изречения из «Книги мертвых». Также в ряде случаев изножье саркофага украшают изображения двух возлежащих на святилищах шакалов и небольшой текст[25].

На основании изучения технологических и иконографических особенностей отдельных входящих в группу D саркофагов, а также палеографии и словоупотребления в текстах надписей на этих гробах Р. Брех датировала группу достаточно широко, практически всем птолемеевским временем[26]. Автор также высказала предположение, что определенные стилистические характеристики саркофагов группы D: гладкий трехчастный парик без дополнительных украшений, позолоченное лицо[27], глубоко надетое ожерелье-воротник, ожерелье-*усех* с головой сокола и солнечным дисками – выделяют ее среди других типов ахмимских саркофагов (в частности, групп A, B и C) и появились не ранее птолемеевского времени. Другими птолемеевскими чертами Р. Брех назвала выступающий пьедестал и изображение

---

[23] Brech 2008, 148–171.

[24] В случае с саркофагом Тамин такой пьедестал также присутствует, однако он не выступает за пределы «ног» гроба.

[25] Brech 2008, 163–165.

[26] Автор датирует группу D, главным образом, на основании изучения текста надписей на трех саркофагах: Несмин из Метрополитен-музея (no. 86.1.50 a, b, URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/551161; дата обращения: 27.09. 2020), который может быть датирован на основании палеографии и словоупотребления поздним птолемеевским временем; Хат (no. ÄM 8501; URL: http://www.smb-digital.de/eMuseumPlus?service=ExternalInterface&module=collection&objectId=607488&viewType=detailView; дата обращения: 27.09. 2020) из собрания Египетского музея (Берлин), датируемого всем периодом правления Птолемеев, и Хорсаисет из Бременского музея (no. B15975 a-h), который также относится к эпохе Птолемеев (Brech 2008, 166–167).

[27] Добавим, что в случае с Тамин это – менее затратная имитация позолоты.

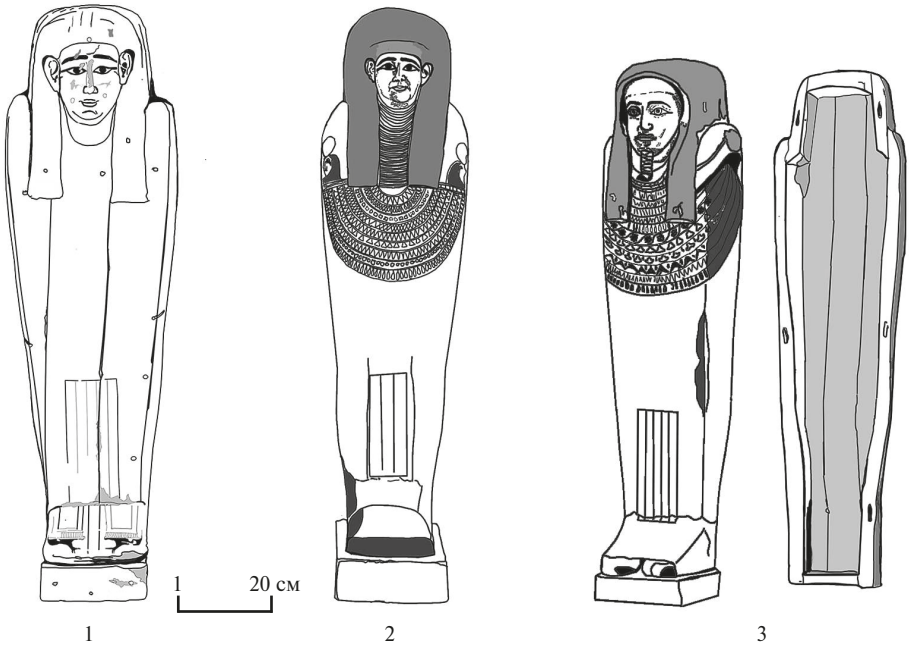


Рис. 2. Саркофаг Тамин и другие ахмимские аналогии: *1* – саркофаг Тамин, вид сверху; *2* – саркофаг Тагеменхор (частная коллекция); *3* – саркофаг Ташеретмин (частная коллекция). *Рис. Е.Г. Толмачевой*

в изножье двух возлежащих на святилище шакалов, которые хотя и встречались на более ранних саркофагах групп A и B, но не были столь распространены[28].

Принимая во внимание высказанные Р. Брех соображения относительно датировки и стилистических признаков той группы ахмимских саркофагов, к которой относится и московский гроб Тамин, мы бы хотели привести и некоторые другие аналогии. Прежде всего следует упомянуть находящийся в частной коллекции антропоидный саркофаг музыкантши Тагеменхор (рис. 2, *2*), который был выставлен на аукционе Сотбис в 2019 г. (лот 64). Дж. Элиас датирует гроб 332–290 гг. до н.э.[29] По своей конструкции, стилистическим признакам и особенностям текста надписи саркофаг полностью соответствует критериям, предложенным Р. Брех для гробов данной группы: антропоидная форма, выступающий прямоугольный пьедестал, длинный трехчастный парик без дополнительных украшений, глубокое ожерелье и полихромный нагрудник-*усех* с изображениями головы Хора и солнечного диска, позолоченная маска, красно-коричневый цвет самого гроба. Длина саркофага 192 см. Исполнение маски Тагеменхор: правильные черты овального лица с немного скругленным подбородком, прямые, уходящие вниз брови, миндалевидные глаза – напоминает маску Тамин.

[28] Brech 2008, 167–168.
[29] Elias 2019.

Рис. 3. Саркофаг Тамин. Маска
© НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Фото К.С. Самурского, 2020

Однако в отличие от маски Тамин у маски Тагеменхор парик в верхней части значительно выше, а само лицо более миниатюрное.

На сайте аукциона Сотбис приводится также фотография гроба Тагеменхор из каталога 1905 г., где этот внутренний гроб изображен рядом с внешним прямоугольным расписным гробом, судьба которого в настоящее время неизвестна. Документальное свидетельство наличия внешнего гроба позволяет высказать предположение, что погребальный набор ахмимских саркофагов птолемеевского времени помимо внутреннего гроба включал и внешний, и где-то в частных коллекциях может храниться еще один гроб Тамин.

Однако наибольший интерес с точки зрения изучения гроба Тамин представляет еще один внутренний деревянный гроб из частной коллекции, выставленный в 2014 г. на торги аукционным домом «Бонхамс»[30] (рис. 2, *3*). Саркофаг Ташеретмин происходит из нью-йоркской частной коллекции, где хранился с 1983 г. До этого гроб был собственностью частной галереи известного американского антиквара Самуэля Хаддада, который приобрел его в 1970-е годы в Египте. По своей конструкции[31], цвету, размещению надписей, стилю и технике исполнения нью-йоркский саркофаг является близким аналогом гроба Тамин. Однако в отличие от московского саркофаг Ташеретмин (судя по надписи и имени – женский) снабжен мужской бородкой. Маска саркофага Ташеретмин выполнена с бóльшим художественным мастерством, черты лица, особенно глаза, обращают на себя внимание своей натуралистичностью. Среди других отличий можно назвать изображение на саркофаге Ташеретмин полихромного нагрудного ожерелья-*усех*, типичного для многих ахмимских саркофагов группы D. Надпись выполнена черной краской по охристо-желтому фону (рис. 5, *1*)[32]. Важно отметить большое сходство между надписями на саркофаге Тамин и Ташеретмин (за исключением имен, небольшого

[30] Bonhams 2014, 166–167 (188*[W]); также Ancient Resource Auctions 2015, Lot 0035B (см. URL: https://www.liveauctioneers.com/item/34772046_an-egyptian-polychrome-wood-sarcophagus-akhmin; дата обращения 10.05.2021).

[31] Размеры гробов различаются. Длина гроба Ташеретмин составляет 169 см.

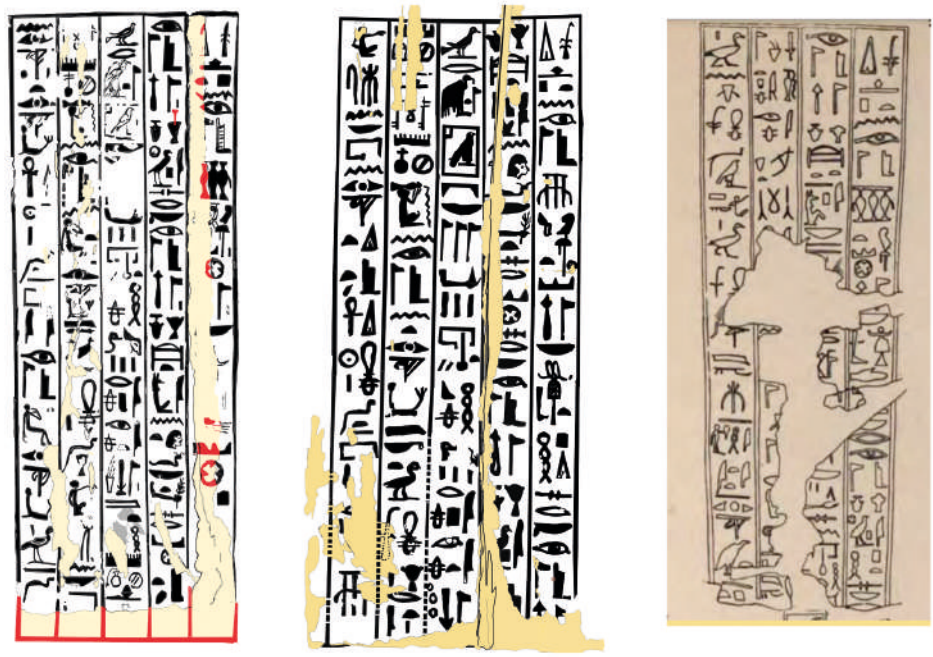
[32] К сожалению, мы не имели возможности непосредственно ознакомиться с памятником, однако даже внимательное изучение фотографий показывает, что надписи были частично поновлены современными реставраторами (на выполненной нами прорисовке вероятные современные дополнения обозначены красным цветом).

изменения порядка следования некоторых эпитетов и других незначительных отличий). Мы можем с уверенностью утверждать, что обе надписи имеют один и тот же прототип и, возможно, были выполнены в одной и той же мастерской. Составители аукционного каталога датировали гроб Ташеретмин периодом XXVI–XXX династии (приблизительно 664–332 гг. до н.э.). Нам представляется возможным высказать осторожное предположение, что нью-йоркский саркофаг несколько младше этой даты и может относиться примерно к тому же раннептолемеевскому времени[33], что и гроб Тамин. Однако, вероятно, гроб Ташеретмин был изготовлен несколько раньше, чем Тамин. Несмотря на очевидное сходство, текст надписи на саркофаге Ташеретмин представляет собой более полный вариант условного прототипа, что можно предположительно объяснить тем фактом, что писец, делавший надпись, мог непосредственно пользоваться прототипом, который ко времени изготовления гроба Тамин был известен уже в искаженном виде. Безусловно, возможны и другие причины расхождения текстов на саркофагах Тамин и Ташеретмин, например пожелания заказчика, общая образованность и внимательность писца, исполнявшего эти работы, и, таким образом, различия могут объясняться не разницей во времени создания памятников, однако нам представляется бесспорным сам факт хронологической и стилистической близости этих двух объектов.

Рис. 4. Надпись на саркофаге Тамин.
© НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Фото К.С. Самурского, 2020

Возможно ли датировать саркофаг Тамин внутри группы D точнее? Мы попытаемся более определенно ответить на этот вопрос после анализа текста надписей

[33] На подобную датировку предположительно указывают также некоторые стилистические особенности декора ожерелья-усех, на которые обращается внимание в публикации Elias, Lupton 2019, 181. К сожалению, авторы публикации не указали критериев датировки орнамента. Поэтому мы можем использовать их данные лишь как косвенные свидетельства.



1 2 3

Рис. 5. Прорисовка надписей на саркофагах: *1* – Ташеретмин; *2* – Тамин (*рис. Е.Г. Толмачевой*); *3* – Хентихетиемхетепа (рис. по: Randall-Maciver, Mace 1902, XXXV, 2)

московского саркофага. Здесь же нам хотелось бы привести и некоторые другие стилистические параллели для московского саркофага. Для этого мы обратимся к еще одной довольно обширной группе памятников Позднего и Птолемеевского периодов – к каменным антропоидным саркофагам[34]. Среди этих саркофагов выделяют несколько типов, различающихся стилистическими и технологическими характеристиками, а также хронологическими и региональными особенностями. Наибольший интерес для нашего исследования представляют саркофаги, выделенные датской исследовательницей М.-Л. Бул в группу Е.

Не существует однозначного ответа на вопрос о том, как были связаны между собой каменные и деревянные саркофаги птолемеевского времени, являлись ли деревянные более дешевой имитацией каменных или же они представляют собой отдельный тип, который самостоятельно развивался на протяжении Позднего и эллинистического периодов. Большинство исследователей придерживается точки зрения, что деревянные гробы имитировали современные им каменные саркофаги[35], и именно потому на них отсутствуют полихромные росписи. Однако исследователи также обращают внимание на то, что на каменных саркофагах

[34] Практически единственное исследование, посвященное каменным антропоидным саркофагам позднего времени (автор включает в эти хронологические рамки также и Птолемеевский период), в котором бы была представлена типология и сделана попытка датировки этих саркофагов, принадлежит М.-Л. Бул (Buhl 1959).

[35] Buhl 1959, 212; Moser 2019, 167.

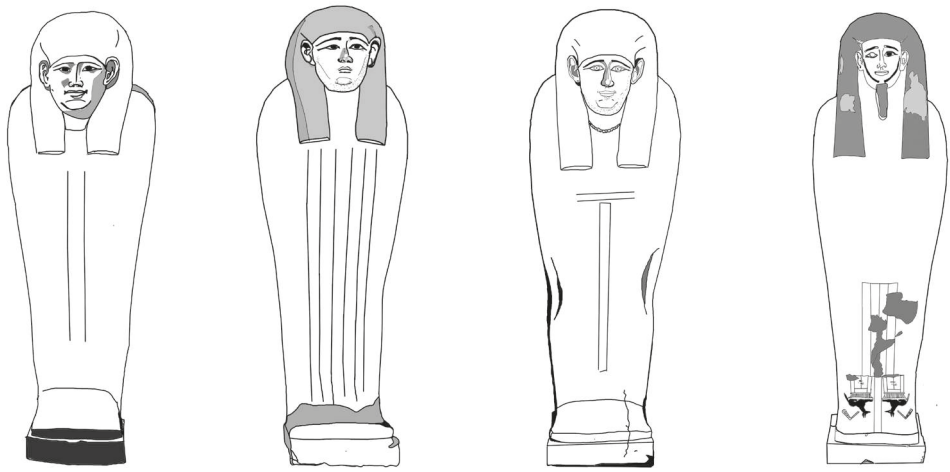


Рис. 6. Каменные саркофаги: *1* – саркофаг из Египетского музея в Каире (по: Buhl 1959, 48, fig. 12); *2* – саркофаг из Египетского музея в Каире (по: Buhl 1959, 49, fig. 14); *3* – саркофаг из Метрополитен-музея (инв. № 11.154.7a, b); *4* – саркофаг Хентихетиемхетепа из Йельского музея естественной истории Пибоди. *Рис. Е.Г. Толмачевой*

росписи отсутствуют не всегда[36]. Р. Брех высказала сомнения в том, что все деревянные саркофаги являются имитациями каменных. Она предположила, что, возможно, в птолемеевское время внутренние гробы типа D могли частично взять на себя функции внешних[37].

Как бы то ни было, мы можем говорить о наличии определенных аналогий между группой E каменных саркофагов (по классификации М.-Л. Бул) и гробом Тамин. Среди возможных параллелей следует перечислить, в частности, саркофаги из Каирского музея: E, a 10[38] (рис. 6, *1*), E, a 11[39] (рис. 6, *2*), E, a 7[40]; из Новой глиптотеки Карлсберга: E, a 16[41]; из шотландской Художественной галереи и музея Мак-Мануса в Данди: E, a 20[42]; из Метрополитен-музея: E, в 22[43] (рис. 6, *3*) и др. Все эти каменные гробы М.-Л. Бул относит на основании стилистических, палеографических и прочих критериев к концу III – первой половине II в. до н.э.[44], что может служить также одним из вероятных обоснований предварительной датировки гроба Тамин на основании стилистических признаков. К сожалению, в публикации М.-Л. Бул не приводится четких критериев

[36] Moser 2019, 167.
[37] Brech 2008, 170.
[38] Мы сохраняем нумерацию памятников, приведенную в публикации М.-Л. Бул: Buhl 1959, 48, fig. 12.
[39] Buhl 1959, 49, fig. 14.
[40] Buhl 1959, 45, fig. 17.
[41] Buhl 1959, 52, fig. 20.
[42] Buhl 1959, 57, fig. 23.
[43] Buhl 1959, 57, fig. 86.
[44] Buhl 1959, 214–215.

Рис. 7. Фрагмент надписи на саркофаге Тамин. © *НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Фото К.С. Самурского, 2020*

датировки опубликованных памятников, поэтому наши выводы могут носить лишь предварительный характер.

Среди не учтенных в работе Бул каменных саркофагов особое значение для датировки и понимания надписей на гробе Тамин имеет каменный гроб жреца-*sm3.tj* Хентихетиемхетепа из Музея естественной истории Пибоди при Йельском университете[45] (рис. 6, *4*). Несмотря на определенные стилистические и технологические различия двух гробов, как и в случае с надписью на саркофаге Ташеретмин, можно говорить о практически дословном совпадении текстов надписей (рис. 5, *1–3*). Сопоставление трех рассматриваемых текстов приводит нас к выводу о наличии некоего общего прототипа, шаблонного текста, который послужил образцом для всех трех памятников. Однако надписи на саркофаге Хентихетиемхетепа, по всей вероятности, содержат более полный вариант этого прототекста. В комментариях к переводу текстов саркофага Тамин мы более подробно остановимся на этом вопросе, приведем здесь лишь один пример. В тексте надписи Тамин фиксируется ошибочная последовательность иероглифических знаков в имени *skr*. Та же ошибка присутствует и в аналогичном месте надписи на саркофаге Ташеретмин, однако ее нет в тексте саркофага Хентихетиемхетепа. В целом, в надписях на саркофаге Хентихетиемхетепа присутствует меньше вариантов ошибочного написания и искажений, чем в текстах Тамин и Ташеретмин. Опять-таки, как и в случае сравнения надписей на саркофагах Тамин и Ташеретмин, этот факт

[45] No. ANT 006593.001 (URL: https://collections.peabody.yale.edu/search/Record/YPM-ANT-006593.001; дата обращения: 28.09.2020). В литературе существуют разные варианты прочтения имени владельца саркофага, мы придерживаемся того, что приведен в *LGG* (345, 39): *ḥntj-ḫtj-m-ḥtp*.

1

2

Рис. 8. Надпись в ногах саркофага Тамин: *1* – ступни саркофага; *2* – прорисовка надписи. *Фото К.С. Самурского, рис. Е.Г. Толмачевой*

может иметь несколько объяснений, однако нам представляется, что саркофаг Хентихетиемхетепа является более ранним.

Как ни странно, саркофаг Хентихетиемхетепа происходит не из Ахмима. Он был обнаружен в гробнице № 7 в Абидосе в начале XX в.[46] Помимо сильно разрушенного саркофага в гробнице была найдена также заупокойная стела, содержащая дополнительные сведения о Хентихетиемхетепе и его предках[47]. Спустя почти полвека после первой публикации находок из гробницы № 7 бельгийский исследователь Х. де Мёленер, анализируя заупокойную стелу

[46] Randall-Maciver, Mace 1902, XXXV, *2*; *PM* V, 68.
[47] Randall-Maciver, Mace 1902, XXXIII, *3*.

из Музея Рёмера и Пелицеуса в Хильдесхайме, высказал несколько предположений, имеющих прямое отношение к определению происхождения владельца абидосской гробницы[48]. По мнению де Мёленера, стела из Хильдесхайма имеет многочисленные текстуальные параллели со стелой жреца Несмина из музея Филда в Чикаго (инв. № 32169). Однако если круг перечисленных на чикагской стеле богов и набор топонимов, несомненно, выдают ее ахмимское происхождение, то в случае со стелой из Хильдесхайма можно говорить о принадлежности памятника к абидосскому региону. Более того, имя владельца хильдесхаймской стелы – Несхор[49], так же зовут отца владельца чикагской стелы Несмина. Бельгийский исследователь делает вывод о принадлежности Несхора и Несмина к одной семье, к которой также относился и интересующий нас абидосский жрец Хентихетиемхетеп – имя его отца тоже Несхор. Мёленер предлагает следующую гипотезу: абидосский жрец Несхор имел двух сыновей – Несмина (владельца чикагской стелы) и Хентихетиемхетепа (хозяина абидосской гробницы № 7). В какой-то момент Несмин перебирается в Ахмим, и на его стеле, в целом повторяющей стелу отца, появляются ахмимские реалии. Другой же сын Несхора – Хентихетиемхетеп остается в Абидосе. На основании изучения текстов всех этих памятников Х. де Мёленер датирует их началом правления Птолемеев, III в. до н.э.[50]

Однако, как нам представляется, можно реконструировать и иную последовательность событий, а также генеалогию основных персонажей этой истории. Прежде всего, имя Несхор – довольно распространенное египетское имя. Похороненный в гробнице № 7 в Абидосе Хентихетиемхетеп мог быть сыном другого Несхора, не имеющего отношения к владельцу стелы из музея в Хильдесхайме. Но даже если реконструированная Мёленером генеалогия справедлива, ничто в тексте саркофага Хентихетиемхетепа однозначно не говорит о его абидосском происхождении. Мать Хентихетиемхетепа носила титул музыкантши Мина, его деда звали Несмин. Вполне логичным будет предположить существование некоей ахмимской семьи, два представителя которой, отец и сын (Несхор и Хентихетиемхетеп), перебрались в свое время в Абидос. Возможно и иное объяснение: будучи тесно связанным со жречеством Мина, Хентихетиемхетеп (или его семья) повелел высечь на своем саркофаге жертвенную формулу, имевшую хождение в Ахмиме.

В любом случае, как нам представляется, более ранний саркофаг Хентихетиемхетепа, датируемый де Мёленером III в. до н.э., может служить terminus ante quem для саркофага Тамин.

Итак, и надпись Хентихетиемхетепа, и надпись Ташеретмин (как лучше сохранившаяся) могут служить хорошим подспорьем для понимания и перевода надписи Тамин.

---

[48] De Meulenaere 1969.
[49] Первые издатели прочли это имя как Джхутихор (de Meulenaere 1969, 214).
[50] De Meulenaere 1969, 220–221.

НАДПИСИ

Как уже отмечалось выше, основная надпись на саркофаге Тамин представляет собой традиционную жертвенную формулу с перечислением даров, которыми наделялась покойная, носившая традиционное для ахмимского жречества имя Тамин – теофорное имя, сокращенное от «Танетмин» («Она (та, кто) принадлежит Мину» (служительница Мина), *t3*-(*n.t*)-*mn.w*)[51] (рис. 4; 5, *2*). Особенности составления надписи, перечисленные в ней имена и титулы, порядок следования богов и их эпитеты, набор включенных в жертвенную формулу даров явно говорят о ее ахмимском происхождении[52].

Титул покойной напрямую не упоминается в надписи, однако первые издатели текста предположили, что она была *jḥjj.t*, музыкантшей (*Wb*. I, 121.18) Мина[53]. Тем же титулом обладала и ее мать, Тадитисет.

Вопрос об имени отца Тамин остается открытым: в результате утраты в этом месте надписи четкое прочтение иероглифических знаков затруднительно, мы можем говорить лишь о предположениях, высказанных с большей или меньшей степенью определенности. О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш выдвинули гипотезу, согласно которой данная группа знаков (рис. 6) имеет прочтение «*mj ḥrj* (*ḥr.t*) *jb*» – «подобно среднему»[54] (из трех братьев) и в такой завуалированной форме отсылает к именам восставших против Птолемеев египетских фараонов[55]. Другим доказательством своей гипотезы о царственном происхождении покойной Тамин издатели сочли употребление в тексте надписи эпитета *mj Rˁw ḏ.t* («подобно Ра вечно»), который следует после имени матери покойной и в предшествовавшие эпохи египетской истории использовался по отношению к фараонам[56]. Авторы высказали предположение, будто покойная Тамин (или тот, кто составлял данный текст) иносказательно провозглашала, что ее отец принадлежал к царской семье и носил одно имя со своим средним братом-фараоном. Имя действующего правителя пользовалось всеобщей известностью, и возможный читатель надписи прекрасно понимал, о ком идет речь. Единственными тремя братьями царского рода – старшим, средним и младшим (тем самым предполагаемым отцом Тамин, тезкой среднего брата-фараона) эпохи Птолемеев, да еще и имеющими отношение к ахмимскому жречеству, по мнению О.Д. Берлева

---

[51] Ranke 1935, 360, 13.

[52] Аналогичные формулы засвидетельствованы на других ахмимских саркофагах и поминальных стелах. См., например, Elias 1996–2012; 2016, 4; Kamal 1905, 1 (стела 22001), 6 (стела 2205), 10 (стела 22009), 13 (22011), 26 (22025), 36 (22039), 37 (22040), 69–70 (22074), 107–108 (22123), 109 (22125), 114 (22133), 132–133 (22147), 140–141 (22152), 144 (22157) и др.

[53] Berlev, Hodjash 1998, 35.

[54] «Like the middle one» – Berlev, Hodjash 1998, 35.

[55] Berlev, Hodjash 1998, 35.

[56] Берлев и Ходжаш также уточняют, что эпитет был поставлен после имени матери покойной Тамин ошибочно и должен был бы следовать за именем отца, тем самым иносказательно обозначенным тезкой мятежного фараона (Berlev, Hodjash 1998, 35).

и С.И. Ходжаш, были вожди антиптолемеевского восстания Хоруннефер, Анхуннефер и его младший брат-тезка[57].

Насколько может соответствовать действительности подобное предположение? Текст надписи, ее композиция, имена упомянутых в ней персонажей, некоторые орфографические и палеографические особенности, а также стилистические и технологические характеристики саркофага Тамин позволяют датировать памятник ранним птолемеевским временем и предположить, что он мог быть изготовлен в Ахмиме. Вопрос же о том, насколько текст надписи на саркофаге мог отражать перипетии египетского восстания 205–186 гг. до н.э., далеко не столь однозначен. И прежде всего это связано с тем, что нам не так много известно об этом периоде египетской истории[58]. Греческие источники, например Полибий (V. 107; XIV. 12), немногословны и тенденциозны. Собственно египетского нарратива, за исключением демотических и греческих хозяйственных документов, в которых упоминаются имена и годы правления мятежных фараонов и некие косвенные последствия, свидетельствующие о распространении восстания по стране, а также нескольких храмовых надписей[59], практически не сохранилось. О победе Птолемея V над восставшими на севере повествует один из самых знаменитых египетских источников – Розеттский камень (196 г. до н.э.). На основании сопоставления немногочисленных документов исследователям удалось приблизительно реконструировать основную канву событий восстания: начало в 207/206 г. в Эдфу, восстановление власти египтян над большей частью территории страны, коронацию местного египетского фараона Хоруннефера[60] в 205 г. в Фивах, смерть Хоруннефера в 200/199 г. и восшествие на фиванский престол Анхуннефера в 199 г., наконец, финальное поражение последнего в 186 г. от птолемеевского военачальника Команоса. Однако нам неизвестно практически ничего о личности восставших царей, их точном происхождении, членах их семей. Нет ни одного упоминания ни в одном из известных нам письменных памятников (кроме гипотетического «среднего брата» гипотетических царских кровей в жертвенной формуле московского саркофага), позволяющего говорить о связи Тамин с членами мятежной царской семьи. Более того, авторы настоящей статьи не знают ни одного примера подобного «иносказательного» именования родственников в погребальных формулах.

Обратимся к переводу и анализу текста надписей (рис. 4; 5, *2*).

---

[57] Berlev, Hodjash 1998, 34–35.

[58] Подробнее с реконструкцией вероятных событий антиптолемеевского восстания можно ознакомиться в следующих публикациях: McGing 1997; Pestman 1995; Veïsse 2004; Recklinghausen 2018, I.

[59] Среди них надписи храма Хора в Эдфу, египетское граффито в заупокойном храме Сети I в Абидосе (Pestman, Quaegebeur, Vos 1977, no. 11), так называемый второй декрет Птолемея V о победе над мятежниками, высеченный на стенах храма в Эдфу (Müller 1920, 59–88).

[60] Имена фараонов так называемой антиптолемеевской династии (Хоруннефера и Анхуннефера) обладают рядом общих характеристик: в них упоминается один из основных эпитетов Осириса – «уннефер» («пребывающий в благости»). Вероятно, эти цари могли иметь южноегипетское, даже нубийское, происхождение.

I. *Жертвенная формула в ногах крышки гроба*

Транслитерация:

(1) *ḥtp-dj-ns.w n Wsjr ḫntj jmn.tjt nṯr ᶜ3 nb ȝb ḏ.w Ptḥ-Skr-Wsjr nṯr ᶜ3* (2) *ḥrj-jb štjj.t Jnp.w tp.j <ḏw> =f nb-(tȝ?)-ḏsrSkr-Wsjr nṯr ᶜ3 ḥrj-jb Jp.w* [*ȝ*]*s.t* (3) *wr.*(*t*) *mw.t nṯr Ḥw.t-ḥr.w nb.*(*t*) *p.t <nb.*(*t*)*> ntr.w*

dj=w pr.t-ḫr.w t ḫnḳ.t jḥ.w ȝpd.w jrp jrṯ.t snṯr (4) *<mrḥ.t> mnḥ.t šs* [*ḥtp.w?*] *ḫ.t <nb.*(*t*)*> nfr.*(*t*) *wᶜb.*(*t*) *n Wsjr n Tȝ-Mn.w mȝᶜ.*(*t*)*-ḫr.w sȝ.t mj n*(*n*) *Ḥr*(*j*)*-rtj* (5) *ms n nb.*(*t*) *pr <jḫjj.t> n*(*t*) *Mn.w Tȝ-dj-ȝs.t dj ᶜnḫ mj Rᶜw ḏ.tˢ pr.j* (*?*) [...]*ḫn.t*

Перевод: (1) Царь, дающий подношения Осирису, первому среди западных, великому богу, господину Абджу (Абидоса), Птах-Сокар-Осирису, великому богу, (2) что находится в святилище-*štjj.t*, Анубису на своем <холме>, господину священной земли, Сокар-Осирису, великому богу, что находится в Ипу (Ахмиме), Исиде (3) великой, матери бога, Хатхор, госпоже неба и госпоже богов.
Дают они возглашение подношений хлебом, пивом, быками, птицей, вином, молоком, ладаном, (4) <маслами (?)>, [подношениями?] одеждой и алебастровыми сосудами, <разными> прекрасными и чистыми вещами для Осириса-Тамин, правогласной, дочери подобного званием (sic!) Херирети (?), рожденной госпожой дома, <музыкантшей> Мина, Тадитисет, да будет дана ей жизнь подобно Ра вечно. Выходит (?) [...].

Комментарий.

К стб. 1.

ḥtp-dj-ns.w – О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш полагали, что начало текста оформлено аналогично стандартному началу жертвенной формулы на погребальной стеле. Принимая во внимание сходство между текстами поминальных стел греко-римского времени и надписями на саркофагах, которые вполне могли составляться по единому шаблону, это представляется не столь удивительным.

Wsjr – подобное написание имени Осириса[61] появляется в частных надписях в эпоху XXV династии и встречается вплоть до птолемеевского времени.

[61] См. подробнее Leahy 1979; Shalaby 2014, 450.

ḥntj jmn.tjt nṯr ꜥ3 nb 3b ḏ.w – перед нами стандартная последовательность эпитетов Осириса, которые встречаются на многочисленных саркофагах и поминальных стелах. Может ли упоминание Абидоса служить указанием на абидосское происхождение саркофага? Ответ на этот вопрос не столь однозначен, если вспомнить гипотезу де Мёленера об абидосском происхождении семьи Хентихетиемхетепа, надпись на саркофаге которого восходит к одному прототипу с надписью Тамин. Однако изучение текста надписи на саркофаге Тамин, последовательности упоминания богов и жертвенных даров, наконец, стилистики исполнения самого гроба скорее свидетельствует о принадлежности его к ахмимскому кругу памятников.

Ptḥ-Skr-Wsjr – в тексте надписи фиксируется ошибочная последовательность иероглифических знаков в имени *skr*. Та же ошибка присутствует и в аналогичном месте надписи на саркофаге Ташеретмин, но ее нет в тексте саркофага Хентихетиемхетепа[62], что позволяет предположить его более раннюю датировку.

К стб. 2.

Эпитет *ḥrj-jb štjj.t* является стандартным эпитетом Птах-Сокар-Осириса в многочисленных ахмимских надписях птолемеевского времени[63].

Jnp.w tp.j <ḏw> =f – в этом месте текста саркофага Тамин утрата, поэтому непонятно, стоит ли здесь иероглиф *ḏw* или *t*, однако в аналогичном месте на саркофаге Ташеретмин точно выписана *t*. На саркофаге Хентихетиемхетепа данный эпитет пропущен или находится в разрушенной части надписи.

...nb-(t3?)-ḏsr – О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш предлагают чтение всей фразы: «Anubis, who is upon his hill, lord of the Sacred Land»[64]. В тексте фиксируется необычное написание эпитета Анубиса «господин священной земли» (*LGG* III, 774–775; см. *Wb.* V, 228.1). При таком написании иероглиф *t3* отсутствует, что дает основание предположить, будто здесь могло подразумеваться написание *nb-ḏsr.t* (*LGG* III, 799). Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что знак *t* , который в таком случае выступал бы в качестве окончания слова *ḏsr.t,* сместился ближе к началу словосочетания. Также показательно присутствие детерминатива города ( ). Аналогичная орфография зафиксирована и на саркофаге Ташеретмин. Однако на саркофаге Хентихетиемхетепа, несмотря на некоторые разрушения, заметно наличие эпитета *nb-t3.wj*, одного из вариантов написания стандартного *nb-t3-ḏsr*. Можно предположить, что и на саркофаге Тамин, и на саркофаге Ташеретмин засвидетельствован местный вариант орфографии известного по множеству надписей эпитета Анубиса *nb-t3-ḏsr*, а иероглиф *t* использован вместо стандартного *t3*.

Jp.w – Упоминание Ипу – Ахмима, наряду со стандартным набором характерных для ахмимских надписей богов и славословий, указывает на происхождение саркофага.

---

[62] На прорисовке 1902 года знак *k* передан как *r*, однако изучение фотографии памятника на сайте музея убеждает нас в правильном написании слова *skr*.

[63] Elias 1996–2012, 28, 66; 2016, 4; Kamal 1905, 1 (стела 22001) и др.; *LGG* V, 348.

[64] Berlev, Hodjash 1998, 34.

К стб. 3.

nb.(*t*) *p.t* – знак *nb* скорее всего следует читать дважды: *nb*.(*t*) *p.t* <*nb*.(*t*)> *ntr.w*. В надписях на саркофагах Ташеретмин и Хентихетиемхетепа в данном месте лакуны.

ḫnḳ.t – наименования всех напитков, входящих в перечень даров, выписаны с одинаковым детерминативом W20 , что является еще одним признаком упрощенной птолемеевской орфографии либо индивидуальной особенностью надписи. В текстах саркофагов Ташеретмин и Хентихетиемхетепа фиксируется аналогичная орфография. Обычно с детерминативом выписывается слово *jrṯ.t* «молоко» (*Wb.* 1, 117.1–5).

К стб. 4.

<*mrḫ.t*> – по всей видимости, стандартное для списка жертвоприношений *mrḥ.t* «благовонное масло» (*Wb.* 2, 111.1–10) оказалось в тексте московского саркофага пропущенным. В списке даров на саркофаге Хентихетиемхетепа благовонное масло выписано стандартным способом, а вот на саркофаге Ташеретмин писец, видимо, сделал ошибку в написании *mrḥ.t*, изменив стоящий в начале слова знак ‘*mr*’ U6 на ‘*m*’ Aa15.

...[*ḥtp.w?*] – стандартная последовательность списка подношений включает алебастровые сосуды и одежду (*šs mnḫ.t*), именно так эти дары написаны на саркофаге Хентихетиемхетепа (*Wb.* 2, 87.16) и во второй надписи в ногах московского саркофага, однако и на саркофаге Тамин, и Ташеретмин мы видим несколько иную орфографию. Обращает также на себя внимание употребление на саркофагах и Тамин, и Ташеретмин знака вместо знака . Также вызывает вопросы вероятное[65] употребление в тексте списка слова *ḥtp.w* («приношения»), которое обычно в подобных формулах следует вместе с *ḏf.3w* («провизия»), однако в данном случае в списке даров *ḏf.3w* отсутствует[66].

ḫ.t – знак , который здесь также употреблен вместо , по всей вероятности, должен читаться дважды: в конце слова *mnḫ*.(*t*) «одежда» и как отдельное слово *ḫ*.(*t*) «вещи».

n Wsjr – и в тексте саркофага Тамин, и Ташеретмин после предлога *n* пропущено слово *k3*, т.е. не выписано стандартное словосочетание «для Ка» Осириса-Тамин.

Wsjr n T3-Mn.w – О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш обратили внимание на употребление в данном случае формулы *Wsjr n NN*[67], в которой *n* является показателем косвенного генитива[68].

s3.t mj n(*n*) *Ḥr*(*j*)*-rtj* – здесь мы имеем дело с фрагментом, центральным для понимания надписи. К сожалению, как мы уже отмечали, сохранность надписи в этом месте плохая. Из-за дефекта древесины и очень тонкого слоя подготовительного грунта красочный слой частично утрачен. О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш

---

[65] Если наше толкование этой последовательности знаков верно.

[66] См., например, на ахмимской стеле 22011 *ḥtp.w ḏf.3w* следуют после *mnḫ*.(*t*) (Kamal 1905, 13).

[67] Berlev, Hodjash 1998, 34.

[68] См. подробнее: Smith 2006; 2012.

увидели здесь фразу «*mj ḥrj* (*ḥr.t*) *jb*» и сделали далекоидущие выводы о связи памятника с историей египетского восстания против династии Птолемеев. Однако (рис. 7) изучение текста показывает, что перед нами скорее всего употребление титула *mj n*(*n*) (*Wb.* 2, 37.11: «подобный (званием)»), который используется, чтобы показать, что титул отца аналогичен титулу сына, и имени самого отца, в данном случае без титула. Титул *mj nn* часто встречается на ахмимских памятниках[69]. Особенностью надписи на саркофаге Тамин, а также на двух других аналогичных памятниках (саркофаге Ташеретмин и Хентихетиемхетепа), является орфография (форма *mj n* 𓇋𓈖 вместо *mj nn* 𓇋𓈖𓈖). Также нам неизвестны другие примеры (помимо надписи на саркофаге Ташеретмин) употребления этого титула по отношению к отцу дочери, а не сына. Плохая сохранность текста в этом месте не позволяет предложить определенное прочтение имени отца Тамин, можно лишь предположить, что это искаженное написание *ḥr*(*j*)*-jr.t*[70] или *ḥr*(*j*)*-rtj*. Подобная форма не зафиксирована в словаре Г. Ранке, однако различные варианты имени, начинающиеся с *ḥr*(*j*)*-*, или имя *rtj*[71] известны.

К стб. 5.

nb.(*t*) *pr* – титул *nb.*(*t*) *pr* – один из самых распространенных женских титулов. По мнению Дж. Элиаса, этот титул подразумевает наличие собственного, отдельного от храмового, домовладения, которое давало возможность получения собственного дохода, не связанного с исполнением храмовых служб[72].

<*jḥjj.t*> – в тексте стелы титул Тамин пропущен, однако О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш высказали предположение, что подразумевается стандартный для ахмимского женского жречества титул *jḥjj.t* (*Wb.* 1, 121.18)[73].

dj ꜥnḫ mj Rꜥw ḏ.t – используемая здесь фраза *dj ꜥnḫ mj Rꜥw ḏ.t* послужила основным аргументом первых издателей саркофага в пользу царского происхождения родителя Тамин. Однако Р. Брех приводит несколько примеров употребления подобного эпитета применительно к частным лицам[74]. Точно такой же эпитет выписан на саркофаге Ташеретмин (рис. 5, *1*).

Окончание надписи практически не сохранилось. Вероятно, по аналогии с надписью на саркофаге Ташеретмин речь здесь шла о выхождении Ба покойной. Однако вполне возможно, что типичная жертвенная формула была прервана на полуслове в связи с нехваткой места в заранее начертанных столбцах.

---

[69] См., например, Brech 2008, 103, 132, 215, 235, 237, 243.

[70] Перестановка букв в имени встречается в птолемеевских текстах, даже в самой надписи Тамин таким образом выписано имя Птах-Сокар-Осириса. Пример написания *jr* не двусогласным знаком 𓄡, а как *j* + *r* приводится у Ранке: Ranke 1935, 41. Дж. Элиас упоминает, что имя *hr-jr.t* – одно из самых распространенных ахмимских мужских имен (Elias 2016, 6)

[71] Ranke 1935, 227.24.

[72] Elias 1996–2012, 129.

[73] Gauthier 1931, 95, 115–116.

[74] Brech 2008, 161 (прим. 24).

II. *Текст, сопровождающий изображения Анубисов в изножье гроба (рис. 8):*

Транслитерация:

ḏd md.w jn wp-<w3.wt> šm3 wp-<w3.wt> mḥ.w jr=(j) šs mnḫ.t n Wsjr t3-mn.w

Перевод. Слова, сказанные Уп(уаут)ом Верхнего Египта и Уп(уаут)ом Нижнего Египта: «Творю я алебастровые сосуды и одежду для Осириса-Тамин».

Комментарий.

wp-<w3.wt> šm3 wp-<w3.wt> mḥ.w – подобный способ написания имени бога Уп(уаута) Верхнего Египта (*LGG* II, 347, Nr. 73) и Уп(уаута) Нижнего Египта (*LGG* II, 345, Nr. 39) зафиксирован только в аналогичной надписи на саркофаге Хентихетиемхетепа.

ТКАНИ ПЕЛЕНАНИЯ МУМИИ

Мумия Тамин, в разрушенном состоянии, находится в саркофаге[75] (рис. 9). В ногах мумии помещены два скрученных из травы «жгута», функциональное назначение которых может быть лишь предметом догадок. Авторы статьи полагают, что они были подложены под слои погребальных бинтов для придания объема. Однако где это произошло: в древнем Египте при мумификации, в современном Египте в антикварной лавке для придания мумии более товарного вида или уже в России в процессе подготовки мумии к экспонированию – мы, вероятно, никогда не узнаем[76]. Первоначальные слои бинтования повреждены, однако,

---

[75] В настоящее время готовится к печати публикация, посвященная комплексному антропологическому исследованию мумии Тамин.

[76] Анализ растительных остатков был проведен на кафедре геоботаники МГУ имени М.В. Ломоносова ведущим научным сотрудником В.Э. Федосовым. По его заключению, «в саркофаге обнаружены растительные остатки, отнесенные к 3 видам семейства злаковые (Poaceae) – Dactylis, Alopecurus и Secale, а также мох Calliergonella cuspidata. К сожалению, состояние соцветий и вегетативной сферы растений не позволяет определить злаки до вида, а распространение родов, к которым они отнесены, достаточно широкое. Эти группы, как и мох Calliergonella cuspidate, встречаются как в аридных экосистемах Средиземноморья (так что не исключено и их произрастание в Египте в прошлом), так и в гумидных условиях средней Европы, считая европейскую часть

Рис. 9. Мумия Тамин. © *НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Фото К.С. Самурского, 2020*

несмотря на это, мы можем приблизительно восстановить послойный порядок бинтования, определить материал и качество бинтов и пелен.

В ходе визуального осмотра нами были отобраны несколько образцов тканей разных слоев бинтования мумии (рис. 10). Природа текстильного волокна определялась методом микроскопии, также ткани изучались с использованием текстильной лупы[77]. К числу обязательных для описания относились следующие технические характеристики: тип текстильного изделия, природа текстильных волокон, характеристика прядения (порядок, направление и степень крутки, диаметр нитей), характеристика и технические приемы ткачества (плотность ткани, наличие начала и (или) конца ткацкого куска и т.п.), наличие декора и следов ремонта.

Начиная с древнейших времен лен был основой древнеегипетского текстильного производства, поэтому неслучайно, что во всех отобранных нами для исследования образцах было определено льняное волокно. Как и большинство египетских тканей, ткани бинтов мумии Тамин полотняного переплетения, с преобладанием нитей основы, среднего качества. Можно предположить, что на бинты пошел один или два ткацких куска с примерно одинаковыми техническими характеристиками: с плотностью крутки 24–20 нитей на см^2 по основе и около 10–12 нитей по утку. Плотность крутки средняя и слабая, диаметр нитей основы 0,2–0,3 мм, утка – 0,2–0,4 мм.

Всего на мумии насчитывается около 20 слоев бинтования с использованием бинтов средней ширины (4–7 см). Поверх мумии было найдено несколько бóльших по размеру фрагментов тканей хорошего качества (плотность 34–32 нитей на см^2 по основе, 14–15 по утку, средней степень крутки), у одного из которых край (вероятно, начало ткацкого куска) обработан швом в подгибку с закрытым срезом, а также фиксируются ряды толстых нитей утка. Подобные технологические характеристики позволяют предположить, что это – фрагменты погребальной пелены, некогда покрывавшей положенную в гроб мумию.

России. Таким образом, исследование их не дает информации по истории предмета из собрания Музея антропологии МГУ».

[77] Подробнее о методике анализа египетских тканей и основных категориях погребального текстиля на египетском археологическом материале см. Orfinskaya, Tolmacheva 2016; 2018.

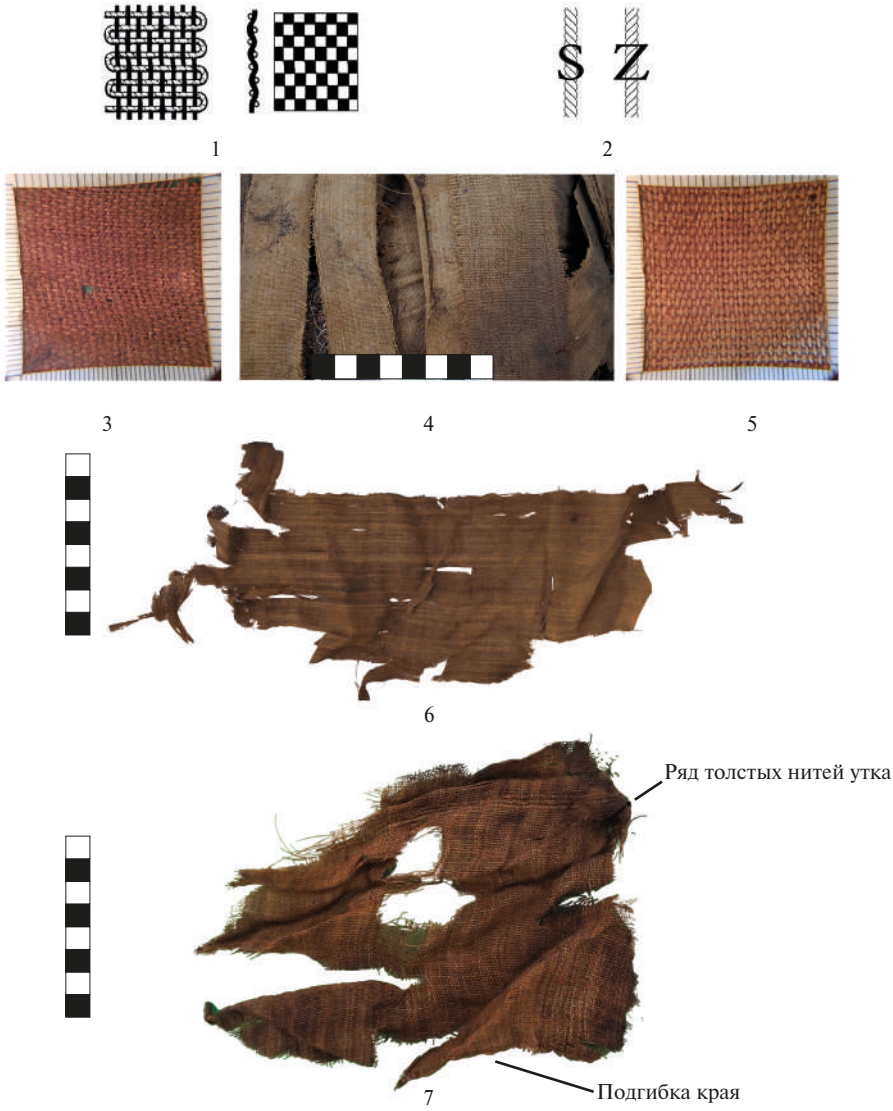


Рис. 10. Льняные ткани с мумии Тамин: *1* – схема полотняного переплетения; *2* – схема крутки нитей; *3* – микрофотография фрагмента пелены верхнего слоя пеленания; *4* – бинты средней ширины с мумии; *5* – микрофотография бинтов мумии; *6* – фрагмент пелены; 7 – фрагмент пелены со швом и толстыми нитями утка. *Фото Е.Г. Толмачевой*

В ногах мумии был обнаружен фрагмент, предположительно, ткани набивки мумии. На нем присутствуют следы износа, потертости – вероятно, это фрагмент разорванной на бинты одежды или интерьерного текстиля. На всех остальных бинтах и фрагментах пелены следов износа или фрагментов швов не фиксируется, что свидетельствует об определенном достатке семьи покойной, поскольку для рядовых погребенных, как правило, для изготовления бинтов использовалась

старая одежда или интерьерный текстиль[78]. Однако ни качество исполнения ткани бинтов, ни характеристики погребальной пелены, покрывавшей мумию, все-таки не идут ни в какое сравнение с продукцией царских мастерских.

Технологические характеристики тканей типичны для древнеегипетского текстиля и позволяют датировать их не позднее птолемеевского времени.

* * *

Итак, на основании перевода и анализа надписей на саркофаге Тамин, а также сопоставления этих надписей с аналогичными текстами саркофагов Ташеретмин и Хентихетиемхетепа можно согласиться с предположением первых издателей московского саркофага о его ахмимском происхождении.

Характерные стилистические и палеографические особенности надписи, язык, встречающиеся в ней ошибки, титулы и эпитеты позволяют также говорить о ее датировке эпохой Птолемеев. Однако ни в тексте надписи, ни в других известных нам источниках нет никаких указаний на ее связь с событиями антиптолемеевского восстания Хоруннефера и Анхуннефера. Предложенное О.Д. Берлевым и С.И. Хождаш прочтение «*mj ḥrj* (*ḥr.t*) *jb*» не соответствует тексту надписи и не может быть указанием на мифического среднего брата-фараона. Употребление же царского эпитета *dj ꜥnḫ mj Rꜥw ḏ.t* не является прямым указанием на принадлежность покойной или ее семьи к правящей династии и встречается в птолемеевское время и на других памятниках, принадлежащих частным лицам, в частности в аналогичной надписи на саркофаге Ташеретмин.

Более того, ни качество изготовления, ни стилистические особенности и внешний облик саркофага Тамин, ни качество использовавшихся при бинтовании усопшей тканей не позволяют говорить о его возможной принадлежности высокопоставленному владельцу, тем более члену царской семьи. О том, что владелица саркофага, вероятнее всего, относилась к рядовому ахмимскому жречеству, так называемому местному среднему классу, свидетельствуют также ее имена и вероятный титул, а также имена и титулы ее родителей (мать – музыкантша Мина, отец – без титула).

Сопоставление саркофага Тамин с другими аналогичными памятниками, в частности с саркофагами Ташеретмин и Хентихетиемхетепа, а также группой каменных саркофагов, позволяет высказать предположение о вероятной датировке московского памятника концом III – первой половиной II в. до н.э. Безусловно, эта датировка носит предварительный характер, поскольку частично основывается на параллелях, датированных другими исследователями. Часть стилистических и технологических характеристик саркофага Тамин присуща памятникам, датируемых концом Позднего периода. Однако именно сочетание комплекса стилистико-технологических признаков, выделенных, например, Р. Брех для гробов группы D: антропоидная форма, выступающий прямоугольный пьедестал, длинный трехчастный парик без дополнительных украшений, глубокое ожерелье и полихромный нагрудник-*усех*, красно-коричневый цвет гроба,– с характерными стилистическими и палеографическими особенностями текста надписей на саркофаге (например, наличие некоторого количества искажений и ошибок, подбор

[78] См. подробнее: Orfinskaya, Tolmacheva 2018.

имен и эпитетов) позволяет все-таки остановиться на датировке ранним птолемеевским временем. Более поздняя датировка представляется маловероятной, так как в текстах нет характерного для поздних Птолемеев набора палеографических, стилистических и прочих признаков.

Литература / References

Ancient Resource Auctions 2015: *Ancient Resource Auctions. Auction 38: Fine Ancient Artifacts, 08 March 2015.* Montrose (CA).

Berlev, O., Hodjash, S. 1998: *Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt from the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Bielorussia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States*. Fribourg–Göttingen.

Bonhams 2014: *Bonhams Auctions. Antiquities, Thursday 02 October 2014.* London.

Brech, R. 2008: *Spätägyptische Särge aus Achmim: eine typologische und chronologische Studie*. (Aegyptiaca Hamburgensia, 3). Gladbeck.

Buhl, M.-L. 1959: *The Late Egyptian Anthropoid Stone Sarcophagi*. København.

Elias, J. 1993: *Coffin Inscriptions in Egypt After the New Kingdom: A Study of Text Production and Use in Elite Mortuary Preparation*. PhD Thesis, University of Chicago.

Elias, J. 1996–2012: *Examination of Three Egyptian Coffins in the Buffalo Museum of Science*. (Revised in 2012). (AMSC, Research Paper, 96–1). Carlisle.

Elias, J. 2016: *Overview of Lininger A06697, an Akhmimic Mummy and Coffin at the University of Nebraska, Lincoln*. (AMSC, Research Paper, 16–3). Carlisle.

Elias, J. 2019: Condition report. An egyptian polychrome and gilt anthropoid inner coffin of the sistrum-player Ta-gem-en-hor. On-line publication. URL: https://www.sothebys.com/en/buy/auction/2019/ancient-sculpture-and-works-of-art-2/an-egyptian-polychrome-and-gilt-anthropoid-inner; дата обращения: 10.05.2021.

Elias, J., Lupton, K. 2019: Regional identification of Late Period coffins from Northern Upper Egypt. In: H. Strudwick, J. Dawson (eds.), *Ancient Egyptian Coffins: Past, Present, Future*. Oxford, 175–184.

Gauthier, H. 1931: *Les personnel du dieu Min*. Le Caire.

Kamal, A. 1905: *Stèles Ptolémaiques et Romaines*. T. I. (CG, no. 22001–22208). Le Caire.

Krol, A.A. 2017: [New archive materials concerning the Egyptian antiquities offered to Russia by Khedive Abbas II]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 77/4, 991–1008.
Крол, А.А. Новые архивные материалы о египетских древностях, подаренных хедивом Аббасом II России. *ВДИ* 77/4, 991–1008.

Krol, A.A. 2019: [Archival materials on the Egyptological collection of the Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 79/3, 754–771.
Крол, А.А. Архивные материалы о формировании египтологической коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова. *ВДИ* 79/3, 754–771.

Leahy, A. 1979: The name Osiris written . *Studien zur Altägyptischen Kultur* 7, 141–149.

McGing, B. 1997: Revolt Egyptian style: internal opposition to Ptolemaic rule. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete* 43/2, 273–314.

Meulenaere, H. de 1969: Un prêtre d'Akhmim à Abydos. *Chronique d'Égypte* 44 (88), 214–221.

Moser, S. 2019: The coffin of the Anthropology Museum in Padua and others. A peculiar type of Late to Ptolemaic Period wooden anthropoid coffins. In: H. Strudwick, J. Dawson (eds.), *Ancient Egyptian Coffins: Past, Present, Future*. Oxford, 157–167.

Müller, W.M. 1920: *Egyptological Researches III. The Bilingual Decrees of Philae*. Washington.

Orfinskaya, O.V., Tolmacheva, E.G. 2016: [Ancient textiles from the tomb of Thay (TT 23): considerations on elaborating of approaches and preliminary results of studies]. *Egipet i sopredel'nye strany (elektronnyy zhurnal)* [*Egypt and Neighboring Countries (Online Journal)*] 4, 64–110.
Орфинская, О.В., Толмачева, Е.Г. Предварительные результаты исследования текстильного материала из фиванской гробницы Чаи (TT 23): к вопросу о выработке методики изучения древнеегипетского археологического текстиля. *Египет и сопредельные страны (электронный журнал)* 4, 64–110.

Orfinskaya, O.V., Tolmacheva, E.G. 2018: [Archaeological textile as a source on social, ethnic and religious identity of the Egyptian provincial population in the Graeco-Roman period: by evidence from Deir al-Banat necropolis]. *Stratum plus* 4, 219–237.
Орфинская, О.В., Толмачева, Е.Г. Археологический текстиль и его значение при решении вопросов социально-этнической и религиозной принадлежности населения египетской хоры в греко-римское время: по материалам некрополя Дейр аль-Банат (Фаюм). *Stratum plus* 4, 219–237.

Pestman, P.W. 1995: Haronnophris and Chaonnophris: two indigenous pharaohs in Ptolemaic Egypt (205–186 B.C.). In: S.P. Vleeming (ed.), *Hundred-Gated Thebes. Acts of a Colloquium on Thebes and the Theban area in the Graeco–Roman Period*. (Papyrologica Lugduno–Batava, 27). Leiden–New York–Köln, 101–137.

Pestman, P.W., Quaegebeur, J., Vos, R.L. 1977: *Recueil de textes démotiques et bilingues*. Vol. I. *Transcriptions*. Vol. II. *Traductions*. Vol. III. *Index et planches*. Leiden.

Randall-Maciver, D., Mace, A.C. 1902: *El Amrah and Abydos*. London.

Ranke, H. 1935: *Die ägyptischen Personennamen*. Bd.I. *Verzeichnis der Namen*. Glückstadt.

Recklinghausen, D. von 2018: *Die Philensis-Dekrete. Untersuchungen über zwei Synodaldekrete aus der Zeit Ptolemaios V. und ihre geschichtliche und religiöse Bedeutung*. Bd. I–II. (Ägyptologische Abhandlungen, 73). Wiesbaden.

Shalaby, N. 2014: An offering table of a Prophet of Onuris from Abydos Cairo, Egyptian Museum JE41438 (TR23/1/15/7). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 114, 447–454.

Smith, M. 2006: Osiris NN or Osiris of NN? In: B. Backes, I. Munro, S. Stöhr (Hrsg.), *Totenbuch-Forschungen: Gesammelte Beiträge des 2. Internationalen Totenbuch-Symposiums, Bonn, 25. bis 29. September 2005.* (Studien zum Altägyptischen Totenbuch, 11). Wiesbaden, 325–337.

Smith, M. 2012: New references to the deceased as Wsir n NN from the Third Intermediate Period and the earliest reference to a deceased woman as Ḥ.t-Ḥr NN. *Revue d'Égyptologie* 63, 187–196.

Taylor, J.H., Strudwick, N.C. 2005: *Mummies: Death and the Afterlife in Ancient Egypt. Treasures from The British Museum*. London.

Veïsse, A.-E. 2004: *Les « révoltes égyptiennes »: recherches sur les troubles intérieurs en Égypte du règne de Ptolémée III à la conquête romaine*. (Studia Hellenistica, 41). Leuven–Paris–Dudley (MA).

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 491–508
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 491–508
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014833-9

С. А. ЖЕБЕЛЁВ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

(По материалам новых архивных документов)

Часть IV. С. А. ЖЕБЕЛЁВ – ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РСФСР

В. Г. Ананьев[1], М. Д. Бухарин[2]

[1] *Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
[2] *Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия*

[1] *E-mail:* v.ananev@spbu.ru [2] *E-mail:* michabucha@gmail.com

Начало 1930-х годов стало временем постепенного вхождения С.А. Жебелёва в число классиков советского антиковедения. Открытие им «революции рабов» способствовало закреплению его работ в каноне советской науки. Середина – вторая половина 1930-х годов стали временем закрепления этого статуса на институциональном уровне. В статье на основании значительного количества архивных материалов прослеживается упрочение позиций С.А. Жебелёва в институциональной структуре советской исторической науки. Анализируется активизация контактов с московскими коллегами, участие в подготовке «Всемирной истории», присуждение звания заслуженного деятеля науки РСФСР. Анализ источников личного происхождения (частная переписка) позволяет сделать выводы относительно восприятия ситуации в советской науке самим ученым.

Ключевые слова: древняя история, антиковедение, история науки, архивы, «Всемирная история», С.А. Жебелёв, А.И. Болтунова, М.И. Максимова, научные институты, АН СССР

Данные об авторах. Виталий Геннадьевич Ананьев – доктор культурологии, доцент кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии СПбГУ; Михаил Дмитриевич Бухарин – доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.». Благодарим Центр хранения страхового фонда ГАРФ (г. Ялуторовск, Тюменская область) за помощь в подборе документов.

Первую, вторую и третью части статьи см. в ВДИ 80/2, 2020, с. 497–512; 80/3, 2020, с. 753–774; 81/1, с. 198–210.

S. A. ZHEBELEV IN THE SYSTEM OF SOVIET SCIENCE
(Based on New Archival Findings)

Part IV. S. A. ZHEBELEV – HONORED SCHOLAR OF THE RSFSR

Vitaliy G. Ananiev[1], Mikhail D. Bukharin[2]

[1] *Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*
[2] *Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

[1]*E-mail:* v.ananev@spbu.ru [2]*E-mail:* michabucha@gmail.com

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 18-18-00367

The early 1930s was the time when S.A. Zhebelev gradually joined the circle of the canonical authorities in Soviet classical studies. His discovery of the "revolution of slaves" contributed to the consolidation of the status of his works in the Soviet science. The middle and the second half of the 1930s became a time of consolidation of this status at the institutional level. The article explores the strengthening of the position of S.A. Zhebelev in the institutional structure of the Soviet historical science, including the intensification of his contacts with Moscow colleagues, his participation in the preparation of the multi-volume project of *The World History*, and the awarding of the title of an Honored Science Worker of the RSFSR. An analysis of his private correspondence allows us to draw certain conclusions regarding the perception of the situation in Soviet science by the historian himself.

Keywords: ancient history, Classical studies, history of science, archives, *The World History*, S.A. Zhebelev, A.I. Boltunova, M.I. Maximova, scientific research institutes, Academy of Sciences of the USSR

Наука спит, впрочем, она уже давно заснула...
Из письма С.А. Жебелёва В.Ф. Штейн от 1 февраля 1941 г.

Важнейшим вкладом С.А. Жебелёва в развитие не только антиковедения, но и советской науки в целом явилась его деятельность на посту редактора соответствующих томов многотомной «Всемирной истории» – главного предприятия советской исторической науки 1930-х годов. Эта работа явилась и последней ступенью на пути к присвоению Жебелёву звания заслуженного деятеля науки РСФСР. Недавно обстоятельства работы Жебелёва на посту редактора «Всемирной истории» и один из аспектов присвоения ему почетного звания были обстоятельно рассмотрены на страницах «Вестника древней истории»[1]. Информацию привлеченных ранее архивных источников можно кратко резюмировать следующим образом: Жебелёв к 1938 г. выступал редактором III и IV томов, заместив А.И. Тюменева[2], вступившего в конфликт с президиумом АН СССР. По-

[1] Karpyuk, Kulishova 2018, 96–98.

[2] Тюменев, Александр Ильич (1880–1959) – историк-антиковед, востоковед, действительный член АН СССР (1932), на момент описываемых событий – сотрудник ГАИМК.

могал ему С.Я. Лурье[3]. В 1939 г. под его ответственность перешел и том II. Редакторская работа после отказа Тюменева была разделена между Жебелёвым, А.В. Мишулиным[4] и В.С. Сергеевым[5].

Постепенно Жебелёв возглавил всю редакторскую работу по древней истории. 22 октября 1939 г. он писал М.И. Максимовой: «Наука отдыхает. Всемирная история берет почти все время»[6], – а 30 октября того же года продолжал: «В Москве, как и обычно, было суетливо, утомительно и, в сущности, бестолково и бесцельно. Впрочем, в отношении некоторых вопросов организационного характера, касающихся Всемирной истории, я теперь на заседании главной редакции всего предприятия, проходившем под председательством и.о. президента Отто Шмидта[7], я получил определенные указания, которых тщетно пытался добиться в течение более чем года. Между прочим, выяснилось, что главам не должны предшествовать обзоры источников, а указания на них, равно как и на важнейшую литературу, имеют быть помещенными в конце каждой главы, по образцу Cambridge History[8], с краткой характеристикой главнейших трудов. В написанные Вами главы придется кое-какие “коррективы” внести, но это я и сам, на основании Ваших материалов могу сделать; нужно будет заняться этим, так как рукопись в Москве, в ближайшее посещение ее. Так как я имею честь входить в состав главной редакции, и так как заседания ее будут происходить ежемесячно во время сессий, то, следовательно, на них придется ездить»[9].

К этим обязанностям добавилась и новая административная работа, о которой Жебелёв писал так: «В Московском отделении сектора древней истории образовался “председательский кризис”. Мишулин должен оставить председательство, ибо это – штатное место, а он сталинский стипендиат для писания докторской диссертации (воображаю, что это будет за шедевр!). Машкин[10] категорически от-

---

[3] Лурье, Соломон Яковлевич (1891–1964) – историк, филолог-антиковед, профессор Самарского (1919–1920), Ленинградского (1934–1941, 1943–1949), Иркутского (1941–1942), Львовского (1953–1964) университетов, ученик С.А. Жебелёва.

[4] Мишулин, Александр Васильевич (1901–1948) – историк-антиковед, профессор МГУ, заведующий сектором древней истории Института истории АН СССР, главный редактор «Вестника древней истории» (1938–1948).

[5] Сергеев, Владимир Сергеевич (1883–1941) – историк-антиковед, профессор МГУ, заведующий кафедрой истории древнего мира (1935–1941).

[6] СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 64 об.

[7] Шмидт, Отто Юльевич (1891–1956) – советский математик, географ, член-корреспондент АН СССР (1933), академик (1935); на момент написания письма – вице-президент АН СССР (февраль 1939 – март 1942).

[8] Имеется в виду «Кембриджская история древнего мира» (The Cambridge Ancient History) – многотомное авторитетное издание, выпускавшееся Кембриджским университетом. Наряду с «Кембриджской Средневековой историей» и «Кембриджской Новой историей» явилась образцом структуры при написании «Всеобщей истории»; над главами по античной истории данного издания и работал С.А. Жебелёв.

[9] СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 66.

[10] Машкин, Николай Александрович (1900–1950) – историк-антиковед, профессор МГУ (1942).

казался. Ранович[11] взялся, но чрез две недели категорически отказался. Приступили ко мне грешному, как я ни отбояривался, пришлось соглашаться на следующих условиях: 1) моя резиденция будет в Санкт-Петербурге, и в Москву я буду приезжать лишь на время сессий, 2) Машкин будет моим заместителем в Москве, 3) я же остаюсь исполняющим обязанности до тех пор, пока Машкину не дадут хотя бы двухкомнатной квартиры (теперь он живет в комнате с женой и тремя малолетними детьми). На всю эту процедуру ушло много времени, т.к. пришлось беседовать со всевозможными инстанциями. Вася Струве[12] всем поворотом дела взбешен и даже перестал называть меня голубчиком»[13].

Новый виток активной организационно-административной деятельности напоминал ситуацию середины 1920-х годов: в письмах Жебелёва вновь начинают появляться те же самые ноты, например в письме Максимовой от 9 ноября 1939 г.: «... за это чтение нужно засесть, а как засесть, когда постоянно отрывают всякие текущие дела»[14]. Административные хлопоты, однако, не только отнимали время, но и стимулировали закрепление нового статуса советского ученого.

8 октября 1940 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР Н.А. Машкин прочел доклад, приуроченный к 50-летию научной, общественной и педагогической деятельности С.А. Жебелёва. А.В. Мишулин, главный редактор «Вестника древней истории» и заведующий сектором древней истории Института истории АН СССР, дополняя Машкина, попросил институт поддержать ходатайство «о присуждении С.А. Жебелёву звания заслуженного деятеля науки и о награждении его соответствующим орденом».

Следует отметить, что это предложение соответствовало тому положению, которое Жебелёв к концу 1930-х годов стал занимать в структуре советской исторической науки. 17 октября 1940 г. он так описывал Максимовой свое служебное положение и отношения с непосредственным начальством: «В Институте истории тоже все благополучно, а новый заведующий ЛОИИ, Левченко Митрофан[15], ко мне очень внимателен. Отвел сектору особое помещение, у каждого из сотрудников свой стол, и разговаривать можно громко, а не шепотом, как прежде. А когда Митрофан поднес мне экземпляр своего учебника истории Византии[16] и я сказал ему, что хотел бы отправить экземпляр в Америку А.А. Васильеву[17], получил в ответ: “Ваше желание для меня закон” – и на другой же день вручил книгу, которая и направилась в Мэдисон. А Вася[18]

---

[11] Ранович, Абрам Борисович (1885–1948) – историк-антиковед, профессор МГУ (1937–1941), старший научный сотрудник Института истории АН СССР (1938–1948).

[12] Струве, Василий Васильевич (1889–1965) – историк-востоковед, специалист по истории древнего Египта и Месопотамии, действительный член АН СССР (1935).

[13] СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 70–70 об.

[14] СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 67–67 об.

[15] Левченко, Митрофан Васильевич (1890–1955) – историк-византинист; директор Ленинградского отделения Института истории АН СССР (1940–1944).

[16] См. Levchenko 1940.

[17] Васильев, Александр Александрович (1867–1953) – российский, американский историк-византинист, профессор Юрьевского (1904–1912), Санкт-Петербургского (1912–1925), Висконсинского (1925–1938) университетов, член-корреспондент РАН (1919).

[18] Имеется в виду В.В. Струве.

на конвертах направляемых мне бумаг выписывает мой титул полностью, а к подписи своей прибавляет “с полным и совершенным уважением” и пр.»[19].

Хронология других – предшествующих и последовавших – событий в связи с награждением С.А. Жебелёва восстанавливается благодаря «наградному» делу, копии которого хранятся в Центре хранения страхового фонда ГАРФ (г. Ялотуровск, Тюменская область). Некоторые документы – типовые – сами по себе не представляют существенного интереса, другие же, индивидуальные, заслуживают полного воспроизведения и комментирования.

Вопрос о присвоении звания заслуженного деятеля науки РСФСР С.А. Жебелёву решился на удивление быстро. Так как Жебелёв – действительный член АН СССР – на момент награждения работал в двух учреждениях науки – Ленинградском отделении Института истории АН СССР (руководитель античного сектора) и Институте истории материальной культуры АН СССР[20], – то кандидатура Жебелёва была выдвинута двумя структурами: Академией наук и Центральным комитетом Профсоюза работников высшей школы и научных учреждений СССР. Инициатива в этом вопросе принадлежала АН СССР.

26 сентября 1940 г. Академия наук СССР обратилась в Областной комитет Союза работников высшей школы и научных учреждений в лице председателя А.Д. Данилова с просьбой возбудить ходатайство «перед соответствующими организациями» о присвоении академику С.А. Жебелёву звания заслуженного деятеля науки и награждении орденом Трудового (Красного) Знамени. Ходатайство было подписано секретарем парторганизации ЛОИИ Е.И. Бочкаревой, председателем местного комитета профсоюза работников высшей школы и научно-исследовательских учреждений Л.В. Разумовской и заведующим Ленинградским отделением Института истории АН СССР М.В. Левченко[21]. 30 сентября 1940 г. ходатайство Ленинградского отделения Института истории АН СССР с приложением на 34 листах (обоснование на 6 страницах, биография на 2 страницах и список работ) было направлено Исполкомом Ленгорсовета (заместитель председателя Исполнительного комитета – Федорова) в Сектор кадров горкома ВКП(б)[22]. Два первых документа заслуживают того, чтобы представить их полностью.

Обращает на себя внимание тот факт, что в представлении С.А. Жебелёва особо выделено его важнейшее историческое «открытие» – восстание Савмака, мимо которого отныне не сможет пройти ни один исследователь. Именно эта работа Жебелёва – воистину открывшая новую страницу в марксистской исторической науке – выделена как основополагающая, заслуживающая более детальной характеристики[23].

---

[19] СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 71.

[20] Личный листок по учету кадров (ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 43 об.) составлен 20 января 1939 г.

[21] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 4, 50.

[22] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 49.

[23] Нельзя, однако, не отметить того, что в советском антиковедении второй половины 1930–1940-х годов присутствовали мнения, в корне противоречащие основным положениям работ Жебелёва о восстании Савмака (см. кратко, но информативно, Zaytsev 2014, 106–111).

Описание педагогической деятельности С.А. Жебелёва должно было явиться неотъемлемой составляющей представления. Однако в данном вопросе перед авторами неизбежно вставал вопрос о том, как быть с увольнением Жебелёва из университета в 1927 г. Составители элегантно обошли его: они указали на то, что он работает в университете «до самого последнего времени», опустив упоминание о годах отстранения от кафедры, переключив внимание читателя на перечень его учеников. И здесь снова имя ученого оказывается связано с именем Н.Я. Марра – в вопросах деятельности по охране памятников истории и культуры. Более того, имя Жебелёва поставлено в прямую связь с именем Ленина, по инициативе которого (а вовсе не Марра) была в свое время основана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК). Так в советском мифотворчестве академик Жебелёв вышел на первый план по значимости, оттесняя на второй план того же Марра, не говоря уже о тех, о ком можно было бы сказать: «Nomina sunt odiosa».

Совершенно в стиле советской научной мифологии в документе содержится ссылка на «многотомную историю античности», над которой работает Жебелёв. Страна жила мегапроектами, циклопическими свершениями[24], и такая ссылка вполне объяснима. Этот документ – последний, в котором упоминается перспектива награждения Жебелёва орденом Трудового (Красного) Знамени:

14 декабря 1940 г. исполняется 50 лет научной и педагогической деятельности академика Сергея Александровича Жебелёва. Сергей Александрович Жебелёв родился в 1867 г. и в 1890 г., окончив Петербургский университет, был оставлен при кафедре классической филологии для подготовки к профессорской деятельности. С тех пор Сергей Александрович с неослабевающей энергией и энтузиазмом работает в области античной истории, как исследователь, преподаватель и научный организатор. Перу его принадлежат 264 исследования по вопросам античной истории, филологии и археологии. Эти работы выдвинули его на первое место по своей специальности в Союзе ССР и на одно из первых мест в мировой науке. Его большие монографии «Из истории Афин 229–31 г.» и Ἀχαϊκά[25] завоевали себе широкую известность не только у нас, но и заграницей, где он считается лучшим специалистом по истории Афин этой эпохи, и его работа служит отправным пунктом для всех исследователей в этой области. Сергея Александровича никогда на останавливала трудность вопроса и отсутствие научных предшественников в изучаемом им вопросе. Для его научного творчества особенно характерно то, что он выбирает новые непроторенные пути. Огромные его знания в области истории, филологии и археологии часто обеспечивают ему блестящий успех там, где другие исследователи наталкиваются на непреодолимые затруднения. Не менее велики его заслуги и в области анализа эпиграфических текстов, научной разработки вопросов археологии и истории искусства. В его искусных руках памятники материальной культуры и древние тексты приобретают значение важнейших источников, проливающих новый свет на вопросы общественных отношений в древности.

Рано проявив интерес к археологии и истории античного искусства, Сергей Александрович много времени и внимания уделил изучению памятников древности в величайших музеях нашей страны, каким является Государственный Эрмитаж, изучил музей Северного

[24] О работе над той частью «Всемирной истории», которая была посвящена истории древнего мира, см. Karpyuk, Krich 2018.

[25] Zhebelev 1903.

Причерноморья[26], неоднократно посещал места раскопок в районе Одессы и в Крыму, и еще в конце XIX и начале XX в. совершал неоднократные путешествия в Грецию, Италию, на острова Эгейского моря, в Малую Азию, занимался научной работой в важнейших музеях Европы. У себя на родине Сергей Александрович был одним из виднейших работников Русского археологического общества[27] и Русской археологической комиссии[28] и внес в работу этих крупнейших научных организаций большой и ценный вклад.

В области изучения древнейшего периода нашей страны перу Сергея Александровича принадлежит длинный ряд блестящих работ, также проложивших новые пути в науке, как, например, его исследование о восстании рабов на древнем Босфоре, посвященное совершенно до того неизвестным историческим фактам и по-новому осветившее сложный вопрос о социальных взаимоотношениях глубокой древности на территории СССР. Смело можно сказать, что теперь ни один исследователь не может пройти мимо его открытий. Сергей Александрович является также неутомимым пропагандистом и популяризатором своей научной специальности и является автором многочисленных книг и брошюр по древней истории, археологии, истории искусства, античной религии и переводчиком сочинений многих корифеев античной литературы. С особенным энтузиазмом он занялся популяризаторской деятельностью после Октябрьской революции, выпустив целую серию научно-популярных книг, широко известных обширному кругу советского студенчества, преподавателям и рабочей интеллигенции.

Одновременно Сергей Александрович является и замечательным педагогом. Свою педагогическую деятельность он начинает сразу же по окончании университета и неустанно продолжает ею заниматься вплоть до последнего времени. В течение этого времени он преподавал в ряде высших учебных заведений, но теснее всего он был связан со своей alma mater, с Петербургским, а затем с Ленинградским университетом, где работал с 1899 г. до самого последнего времени. В результате через руки Сергея Александровича прошел целый ряд поколений студентов. Многие его ученики, образующие его научную школу, занимают видное место в советской науке. Так, его учениками являются: член-корреспондент Академии наук СССР И.И. Толстой[29], доктор исторических наук, заведующий в настоящее время кафедрой античной истории Ленинградского университета профессор С.Я. Лурье, доктор филологических наук, заведующая кафедрой античной филологии Ленинградского университета О.М. Фрейденберг[30], член-корреспондент Украинской академии наук Л.М. Славин[31], большинство членов кафедр античной

---

[26] Так, в единственном числе. Вероятно, ошибка машинистки, заменившей множественное число «музеи» на единственное.

[27] Императорское Русское археологическое общество (ИРАО) – научно-исследовательское общество, объединявшее в 1846–1924 гг. специалистов по русской (славянской), восточной и классической-византийской-западноевропейской археологии и нумизматике. С.А. Жебелёв не только являлся членом ИРАО, но и выступил его историком (см. Zhebelev 2017).

[28] Императорская Археологическая комиссия (ИАК) – государственный орган, руководивший археологическими работами, в частности выдававший разрешения на проведение раскопок. На базе ИАК была создана Российская академия истории материальной культуры.

[29] Толстой, Иван Иванович (1880–1954) – филолог-антиковед, профессор ЛГУ (1937–1954), член-корреспондент (1939), действительный член АН СССР (1946).

[30] Фрейденберг, Ольга Михайловна (1890–1955) – филолог-антиковед, культуролог, ученица С.А. Жебелёва, заведующая кафедрой античной филологии ЛГУ (1932–1950).

[31] Славин, Лазарь Моисеевич (1906–1971) – историк, археолог, директор Института археологии АН УССР (1939–1941, 1944–1945), член-корреспондент АН УССР (1939), руководитель Ольвийской археологической экспедиции.

истории и филологии в Ленинградском государственном университете, многочисленные научные работники и преподаватели вузов Москвы и других городов нашей страны. Главные качества Сергея Александровича как педагога, которые он неизменно прививает своим ученикам, это чуткое, любовное отношение к молодежи, внимание к их нуждам и запросам, скромность, трудолюбие и любовь к своему делу.

За время своей работы в университете Сергей Александрович занимал и ряд административных постов, являясь секретарем факультета, деканом, проректором, а после Октябрьской революции (1919 г.) – ректором университета. На этом поприще Сергей Александрович сделал также чрезвычайно много полезного.

В годы революции и гражданской войны, когда страна переживала величайшее напряжение в борьбе с белогвардейцами и интервентами, в годы хозяйственной разрухи, когда часть буржуазной интеллигенции занималась саботажем, Сергей Александрович вместе с покойным академиком Н.Я. Марром с особой энергией и энтузиазмом занялся работой, связанной с охраной и собиранием сокровищ искусства и старины, находящихся как в государственных собраниях нашей страны, так и разбросанных в многочисленных частных собраниях и оказавшихся в эти напряженные годы под угрозой порчи и уничтожения. Постоянно неутомимый и проникнутый энтузиазмом, он сумел сплотить вокруг себя и воодушевить коллектив самоотверженных энтузиастов музейных работников и сохранить для нашей страны многие величайшие культурные ценности. В связи с этой работой в 1920 г. Сергей Александрович был председателем Совета Государственного Эрмитажа, а в 1920–1922 г. заместителем председателя Комитета по охране памятников искусства и старины. В 1919 г. Сергей Александрович был избран членом вновь учреждённой по инициативе Владимира Ильича Ленина Государственной академии истории материальной культуры и состоял им до преобразования академии в Институт истории материальной культуры АН СССР. С 1923 г. по 1928 г. Сергей Александрович состоял товарищем председателя Академии и, работая в тесном сотрудничестве с покойным академиком Н.Я. Марром, является одним из главных ее созидателей и организаторов.

Свою работу в качестве педагога, исследователя, администратора Сергей Александрович все время сочетал с широкой редакционно-издательской работой. Целый ряд переводов классиков вышли под его редакцией; в качестве редактора Отдела классической филологии «Журнала министерства народного просвещения» он в течение ряда лет редактировал статьи и руководил работами русских ученых в области античной истории, археологии, филологии, эпиграфики.

В 1914 г. Сергей Александрович был избран членом-корреспондентом Академии наук, а после избрания его в 1927 г. действительным членом АН СССР Сергей Александрович продолжает неутомимую работу в институтах: истории, языка и мышления, где руководит целыми коллективами специалистов и возглавляет, таким образом, всю работу по изучению античного мира в СССР, не порывая в то же время связей с родным для него Ленинградским университетом. В сфере его наблюдений и руководства находятся: работы в области лингвистики, археологии, но больше всего времени и труда Сергей Александрович в настоящее время отдает Институту истории, где под его руководством и редакцией готовится к изданию многотомная история античности (как часть большого академического издания «Всемирной истории»). Не прекращая тесного общения с молодежью, Сергей Александрович продолжает с любовью руководить работой докторантов и аспирантов АН и, кроме того, у него постоянно учится и совершенствуется многочисленный коллектив молодых исследователей Ленинграда, Москвы и других городов, с которыми он состоит в постоянном общении и переписке.

Такова многогранная и плодотворная деятельность замечательного передового ученого и общественника. Пройденный им славный путь дает право и основание Институту истории АН просить Ленинградский городской совет депутатов и трудящихся

поддержать ходатайство о награждении Сергея Александровича ЖЕБЕЛЁВА ко дню пятидесятилетия его научной деятельности, которое будет проведено I/XII 1940 г. в Ленинграде, высшей правительственной наградой – орденом трудового знамени и о присуждении ему звания заслуженного деятеля науки.

Мы убеждены, что Ленинградский городской совет депутатов трудящихся отнесется с полным вниманием к академику С.А. Жебелёву, который родился, вырос и работает в Ленинграде в течение всех его 50 лет научной деятельности, скромно и без шума пролагая новые пути исторической науки.

От имени и по поручению всего коллектива научных работников Ленинградского отделения Института истории АН СССР

Секретарь парторганизации ВКП(б) ЛОИИ

Бочкарева

Председатель местного комитета работников
научно-исследовательских учреждений

Разумовская

Заведующий ЛОИИ
профессор

Левченко

ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 51–57. Подлинник, машинопись, подпись от руки

После такой восторженной эклоги биография Жебелёва, составленная профессором Левченко, выглядит весьма пресно:

[без даты]

Машинопись

Биография академика Сергея Александровича Жебелёва
и список его печатных трудов

Сергей Александрович Жебелёв родился в Петербурге 23 сентября 1867 г. Среднее образование получил во 2-й классической гимназии, где окончил курс в 1886 г., после чего и поступил в Петербургский университет, на историко-филологический факультет, который окончил в 1890 г. и был оставлен при университете по кафедре классической филологии. Учителями С.А. Жебелёва в университете были профессор Ф.Ф. Соколов[32], В.К. Ернштедт[33], В.В. Никитин[34], И.В. Помяловский[35]. Педагогической работой Жебелёв начал заниматься еще в гимназии, давая частные уроки.

---

[32] Соколов, Федор Федорович (1841–1909) – историк-антиковед, филолог-классик, член-корреспондент ИАН (1900), основатель российской школы греческой эпиграфики.

[33] Ернштедт, Виктор Карлович (1854–1902) – историк, филолог-антиковед, профессор СПбУ (1891), ординарный академик ИАН (1898).

[34] Инициалы указаны ошибочно, правильно: П.В. Никитин. Никитин, Петр Васильевич (1849–1916) – филолог-антиковед, профессор (1886), ректор (1890–1897) СПбУ, ординарный академик (1888), вице-президент ИАН (1900–1916).

[35] Помяловский, Иван Васильевич (1845–1906) – филолог-антиковед, археолог, декан историко-филологического факультета СПбУ (1887), член-корреспондент ИАН (1900).

С 1891 по 1903 г. Сергей Александрович преподавал историю в Центральном училище технического рисования Штиглица, с 1894 по 1905 г. был профессором истории древнего искусства в Высшем художественном училище при Академии художеств.

В Петербургском университете С.А. Жебелёв преподавал сначала в звании приват-доцента, затем профессора с 1899 по 1927 г. Там же Сергей Александрович занимал административные должности: секретаря факультета (1905–1909), проректора университета (1911–1912), декана факультета (1918–1919), ректора университета (1919). С 1891 по 1903 г. был хранителем Музея древностей при университете. С 1894 по 1918 г. состоял секретарем классического отделения Русского археологического общества. С 1903 по 1918 г. был редактором классического отделения «Журнала министерства народного просвещения». С 1909 по 1921 г. состоял профессором Филологического института. В 1920–21 гг. – заместитель заведующего Комитетом по охране памятников искусства и старины. В 1919 г. Сергей Александрович был избран членом вновь учрежденной Академии истории материальной культуры и состоял им до преобразования академии в Институт истории материальной культуры АН СССР. С 1923 по 1928 г. Сергей Александрович состоял товарищем председателя Академии истории материальной культуры. В 1920 г. Сергей Александрович состоял председателем Совета Государственного Эрмитажа.

В 1914 г. Жебелёв был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1927 г. – действительным членом академии, где и работает в настоящее время в Институте истории, истории материальной культуры и языка и мышления.

Во время своих путешествий заграницу С.А. изучал памятники античности в Греции, на островах Эгейского моря, Малой Азии, в Италии, важнейших музеях Европы. В СССР Жебелёв изучал античные древности на северном побережье Черного моря. В Греции, Италии, на островах Эгейского моря и в Северном Причерноморье С.А. Жебелёв посетил главные места раскопок.

Под влиянием лекций и занятий профессора Соколова С.А. Жебелёв еще со студенческой скамьи стал особенно интересоваться греческими надписями, и большинство его работ посвящено исследованию этих памятников. На них же построены и диссертации С.А. Жебелёва: кандидатская («Религиозное врачевание в древней Греции», 1893), магистерская («Из истории Афин 229–30 г. до н.э.», 1898) и докторская («В области древностей провинции Ахайи», 1903). Рано Сергей Александрович начал интересоваться и классической археологией. При своих занятиях античностью С.А. Жебелёв старался использовать все виды сохранившихся ее памятников и строить свои разыскания на исследованиях конкретного материала.

И.о. зав. ЛОИИ

М. Левченко

ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 57 об.–58. Подлинник, машинопись, подпись от руки

Завершает досье Жебелёва тщательно отредактированный список работ.

Почти под копирку эти документы были переписаны и для представления от имени ЛГУ. Воспроизводить их не имеет смысла: они короче – все восторженные обороты были безжалостно удалены, а оставшаяся их часть самостоятельного значения не имеет. Обращает на себя внимание разве что довольно поздняя дата представления от университета: 29 ноября 1940 г., т.е. через два месяца после представления ЛО ИИ АН СССР. Подписаны документы директором

П.В. Золотухиным, замдиректора по научной части профессором С.А. Щукаревым и секретарем партийного комитета ЛГУ Д. Комиссаровым[36].

14 октября 1940 г. Ленинградский областной комитет профсоюза работников высшей школы и научных учреждений заслушал доклад т. Тиханова с характеристикой парторганизации, местного комитета и дирекции институтов Академии наук о присвоении звания заслуженного деятеля науки академику С.А. Жебелёву и постановил, «учитывая 50-ти летнюю научную, педагогическую и организационную работу, а также исключительные заслуги в области археологии и изучения эпиграфики античности,– поддержать ходатайство о присвоении академику С.А. Жебелёву звания заслуженного деятеля науки»[37].

27 ноября 1940 г. аналогичный вопрос рассматривался на заседании Центрального комитета профсоюза работников высшей школы и научных учреждений, и было вынесено аналогичное решение, о чем составлен соответствующий протокол[38]. На следующий день ЦК Союза работников высшей школы и научных учреждений препроводил «материал и ходатайство Президиума ЦК» в Комиссию по предварительному рассмотрению вопросов о присвоении почетных званий РСФСР Президиума Верховного совета РСФСР[39].

Параллельно над ходатайством работали и в Академии наук. 26 ноября 1940 г. на бланке академии был составлен следующий документ – сухой, деловой, выделяющий, однако, все ту же статью, обозначенную как «труд» – «статья» в таком контексте выглядела бы недостаточно солидно,– которая «открыла» новую страницу в марксистском антиковедении. В качестве другой заслуги, заслуживавшей упоминания, была выделена работа над «Всемирной историей» – Жебелёв выступил редактором «многих томов», написал «ряд глав» и участвовал в написании программы издания.

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР

Президиум Академии наук СССР просит Совет Народных Комиссаров отметить плодотворную деятельность Сергея Александровича Жебелёва.

Академик С.А. Жебелёв является крупнейшим специалистом в области древней истории, археологии и филологии.

За 50 лет научной деятельности академиком С.А. Жебелёвым написано около 300 работ. В ряде своих исследований он разрешил целый ряд спорных вопросов, касающихся политической и социальной истории греческих городов.

Большую ценность представляют работы академика С.А. Жебелёва *по вопросам греческих причерноморских колоний*, в частности, *труд «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре»*. Это открытие получило всеобщее признание.

Большие заслуги имеет С.А. Жебелёв *в деле ознакомления русских читателей с памятниками античности*: ему принадлежит перевод на русский язык «Политики» Аристотеля и многих произведений Платона.

---

[36] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 84–87 об.
[37] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 3.
[38] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 2.
[39] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 1.

Исключительно много работает С.А. Жебелёв над «Всемирной историей». Он является редактором многих томов. Им написан ряд глав. С.А. Жебелёв принимал деятельное участие в составлении программы издания «Всемирной истории».

Академик С.А. Жебелёв ведет большую общественную работу в качестве члена многих научных обществ, члена Ученого совета Института истории материальной культуры имени Н.Я. Марра Академии наук СССР.

В 1914 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1927 г. – действительным членом Академии наук.

В настоящее время он ведет научную работу в трех институтах Академии наук, выполняя ответственные задания.

В связи с исполняющимся в декабре 1940 г. пятидесятилетием научной деятельности С.А. Жебелёва, Президиум Академии наук СССР ходатайствует о присвоении ему звания заслуженного деятеля науки.

Вице-президент Академии наук СССР
Академик

О.Ю. Шмидт

Секретарь Президиума
Академии наук СССР

П.А. Светлов

ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 39–40. Подлинник, машинопись, подписи от руки

9 декабря 1940 г. в Президиум Верховного совета РСФСР из управления делами Совета народных комиссаров за подписью Управляющего делами СНК РСФСР Панасенко было направлено ходатайство Академии наук[40]. На следующий день, 10 декабря 1940 г., за подписью инспектора Управления кадров Академии наук СССР М. Куски была составлена справка, в которой были кратко перечислены основные ступени карьеры Жебелёва[41]. Вероятно, представленных материалов оказалось недостаточно, о чем говорит краткая записка начальника Управления кадров Академии наук СССР Г.Д. Курочкина от 11 декабря 1940 г., полученная в Президиуме Верховного совета СССР 12 декабря: «По Вашей просьбе направляем дополнительный материал на академиков Николая Семеновича Курнакова и Сергея Александровича Жебелёва»[42]. Тогда же, 11 декабря, соответствующие материалы на 38 листах были перенаправлены для вынесения заключения председателю Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК Союза ССР С.В. Кафтанову[43].

В тот же день, 11 декабря 1940 г., С.А. Жебелёв и сам представил краткую автобиографию, однако адресат не был указан.

[Автобиография]

Жебелёв, Сергей Александрович, сын 2-й гильдии купца, родился 10 сентября 1867 г. в Санкт-Петербурге.

---

[40] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 38.
[41] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 41.
[42] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 42.
[43] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 46.

Образование получил во 2-й классической гимназии и на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета.

В 1890 г. оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии.

В 1898 г. сдал экзамен на степень магистра и защитил диссертацию на получение этой степени.

В 1904 г. защитил диссертацию на степень доктора.

Служба: Преподаватель истории в Училище рисования Штиглица, профессор Санкт-Петербургского университета, профессор Академии художеств, действительный член Академии истории материальной культуры, действительный член Академии наук СССР, помощник редактора «Журнала Министерства народного просвещения».

Главное занятие – научная деятельность, напечатал около 300 работ.

/С. Жебелёв/

ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 45. Подлинник, машинопись, подпись от руки

16 декабря 1940 г. решения о поддержке ходатайств были приняты. На бланке Всесоюзного комитета по делам высшей школы СНК – СССР за подписью председателя С. Кафтанова был составлен следующий документ:

Председателю Президиума Верховного Совета РСФСР
тов. А.Е. Бадаеву

Комитет по делам Высшей школы при СНК СССР поддерживает ходатайство Академии наук СССР и ЦК профсоюзов работников высшей школы о присвоении почетных званий заслуженных деятелей науки РСФСР академику Н.С. Курнакову и академику *С.А. Жебелёву* в связи с юбилеем их научной и педагогической деятельности.

Академик-орденоносец Н.С. Курнаков является виднейшим советским ученым-химиком и педагогом, имеющим исключительно крупные заслуги в деле развития производительных сил страны и разрешения ряда научных проблем.

Академик С.А. Жебелёв – широко известный историк и археолог-исследователь, внесший много ценного и нового в области изучения истории Греции и древнейшего прошлого нашей страны.

Приложение: на 38 листах.

Председатель Всесоюзного комитета
по делам высшей школы при СНК СССР
С. Кафтанов

ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 47. Подлинник, машинопись, подпись от руки

16 декабря был составлен протокол, а 18 декабря 1940 г. в Президиум Верховного совета РСФСР, Госуниверситету[44], ЛО ИИ АН СССР, Горпрокурору, Юрсектору, т. Полоцкому была отправлена телеграмма Ленинградского городского совета депутатов трудящихся с заголовком «Ходатайство дирекции и общественных организаций Ленинградского государственного университета, Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР о присвоении звания заслуженного деятеля наук[45] РСФСР академику Жебелёву С.А.» с аналогичным решением – «Поддержать

[44] Какому – не указано. Вероятно, Ленинградскому.

[45] Так в тексте: не «науки», а «наук».

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Тов. ЖЕБЕЛЕВ
Сергей Александрович
За выдающиеся заслуги в области
исторических наук
Президиум Верховного Совета РСФСР
указом от 24 декабря 1940 г.
присвоил Вам звание
ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РСФСР

№ 626

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА
ЗАСЛУЖЕННОГО
ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РСФСР

Рис. 1. Грамота. *ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 92–93*

ходатайство дирекции и общественных организаций Ленинградского государственного университета, Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР перед Президиумом Верховного совета РСФСР – о присвоении звания заслуженного деятеля науки РСФСР Жебелёву С.А.»[46].

24 декабря 1940 г. С.А. Жебелёву указом Президиума Верховного совета РСФСР было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР (рис. 1).

Д. № 311/1

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР
О присвоении почетных званий РСФСР академикам
Курнакову Н.С. и Жебелёву С.А.

Присвоить звание заслуженного деятеля науки РСФСР:

1. За выдающиеся заслуги в области химических наук академику Курнакову Николаю Семеновичу.

2. За выдающиеся заслуги в области исторических наук академику Жебелёву Сергею Александровичу.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР
А. Бадаев

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР
П. Бахмуров

ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 91. Машинопись

[46] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 48.

Как следует из справки, составленной секретарем группы по подготовке вопросов о присвоении почетных званий РСФСР Древушем, почетная грамота Президиума Верховного совета РСФСР была вручена С.А. Жебелёву только через месяц – 24 января 1941 г. (протокол № 17)[47].

В письме к В.Ф. Штейн[48] от 1 февраля 1941 г. сам награжденный так писал об этом: «Дорогая Вера Федоровна, письмо Ваше от 13. I я получил 22. I, накануне того дня, когда должен был, по вызову Академии наук, отправиться в Москву, чтобы там, 24-го, получить из рук председателя Верховного Совета РСФСР грамоту о награждении меня похвальным листом, который оказался, таким образом, вторым и, надеюсь, последним за все время моего существования (первый я получил в гимназии при переходе из приготовительного класса в первый). Церемония вручения продолжалась около трех часов: один час ушел на “ожидание”, другой час на “вручение” (кроме меня и академика Курнакова похвальные листы получили человек 20–25 учителей и учительниц главным образом – сельских школ и такое же количество артистов музыкального театра Немировича-Данченко); третий час почти целиком ушел на процесс фотографирования. В час ожидания желающих угощали чаем (увы! без булки) и апельсинами, от чего я воздержался. Итак, “апофеоз” моего “юбилея” благополучно окончился, и самый “юбилей” отошел в область предания»[49]. И еще один фрагмент из того же письма: «... ездил в валенках и в таковой же обуви получал “похвальный лист”, отличаясь этим от остальных награжденных»[50].

Справка «О присвоении звания заслуженного деятеля науки РСФСР академикам Жебелёву С.А. и Курнакову Н.С.»[51] не датирована. Она слово в слово повторяет текст ходатайства АН СССР перед СНК РСФСР от 26 ноября 1940 г.

Апофеозом признания С.А. Жебелёва советской наукой явилась телеграмма от президента АН СССР В.Л. Комарова:

В.Л. Комаров – С.А. Жебелёву
телеграмма

Ленинград Васильевский остров Четвертая линия 7, квартира 13
Академику Жебелёву
Поздравляю Вас, дорогой Сергей Александрович, <с> пятидесятилетием научной работы <и> присвоением Вам почетного звания заслуженного деятеля науки РСФСР. Страна глубоко ценит Ваши выдающиеся заслуги. Желаю Вам здоровья, бодрости на долгие годы.
Президент Всесоюзной Академии наук
Академик Комаров
25. XII. 40
Академия наук СССР

Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 62. Л. 1. Отпуск. Машинопись.

---

[47] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 103.

[48] Штейн, Вера Федоровна (1881–1971) – скульптор, художник, археолог-антиковед, ученица С.А. Жебелёва по историко-филологическому факультету Петроградского университета (1919–1923); с 1932 г. жила в Новосибирске.

[49] СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 82.

[50] СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 82 об.

[51] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 89–90.

На следующий день с 50-летием научной деятельности и присвоением звания заслуженного деятеля науки РСФСР С.А. Жебелёва поздравил и президиум АН СССР[52].

С.А. Жебелёв был менее всего похож на того «работника-ударника, работника-энтузиаста», к воображаемому образу которого обращался В.Л. Комаров, возражая С.Ф. Ольденбургу на I Всесоюзной конференции по планированию научной работы в апреле 1931 г.[53], однако выбора у юбиляра уже не было: попав в объятия советского левиафана, вырваться из них было невозможно.

1 февраля 1941 г. он писал В.Ф. Штейн: «По возвращении пришлось уже окунуться во всякого рода заседания, и, когда я справлюсь, да и справлюсь ли, со всеми так называемыми делами, ума не приложу. Наука спит, впрочем, она уже давно заснула, и таким образом мозги остались без питания. Но я судьбою вознесен, и жаловаться не подобает. “Юбилей” подвел итоги, и мне следует только заботиться о том, чтобы не разучиться читать по-гречески и по-латыни. А там – что Бог даст»[54].

Присвоение Жебелёву звания заслуженного деятеля науки имело и комические последствия, впрочем, совершенно типичные для России, богатой традициями самозванчества. 9 января 1941 г. на имя председателя Президиума Верховного совета РСФСР А. Бадаева поступило письмо от некоего Жебелёва – жителя хутора М. Назаров (Краснодарский край, Шовгеновский район), в котором тот, ссылаясь на указ о присвоении звания заслуженного деятеля науки С.А. Жебелёву, уведомляет Верховный совет о том, что вот уже 20 лет он не имеет сведений о своем дяде и просит сообщить ему адрес юбиляра[55]. 3 февраля 1941 г. Президиум Верховного совета РСФСР в лице заместителя управляющего делами Никитиной уведомил С.А. Жебелёва о получении данного письма[56]. 5 февраля 1941 г. С.А. Жебелёв отправил следующее уведомление в Президиум Верховного совета РСФСР:

В Управление делами Президиума Верховного совета РСФСР

В ответ на № 312/125, 3 II 1941, сообщаю, что никакого племянника по фамилии Жебелёв, проживающего в Краснодарском крае Адыгейского автономного округа, у меня не имелось и не имеется.

Обращение моего однофамильца к тов. Бадаеву при сем прилагаю.

Академик С. Жебелёв
5 II 1941

ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 98. Рукопись

17 февраля 1941 г. безвестный до того момента житель краснодарского хутора получил из Управления делами Президиума Верховного совета РСФСР уведомление

---

[52] СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 55. Л. 1; см. подлинник на виртуальной выставке, URL: http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/783/; дата обращения: 08.03.2021.

[53] *I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. 6–11 апреля 1931 г.* Стенографический отчет. М.– Л., 1931. С. 77.

[54] СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 82 об.

[55] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 94 (автограф), 96 (машинописная копия).

[56] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 97.

о том, что академик С.А. Жебелёв не является его дядей[57].

Финальным аккордом юбилейных процедур явился запрос Управления делами Верховного совета РСФСР в Академию наук от 5 мая 1941 г. с просьбой выслать фотокарточку С.А. Жебелёва[58]. Через два дня нужная фотография (рис. 2)[59], заверенная и сопровожденная письмом заведующего Секретариата АН СССР А.А. Дорофеева, была выслана[60].

Рис. 2. С.А. Жебелёв. 1941 г.
ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 102

Академик С.А. Жебелёв, представитель школы дореволюционного петербургского антиковедения, был помимо своей воли интегрирован в систему советской марксистской науки, хотя и старательно отмежевывался от марксизма. Уместно привести слова Жебелёва о С.Ф. Ольденбурге, которому Жебелёв многим обязан – избранием в действительные члены АН СССР, защитой во время своего «дела». Вот что он писал в очерке «Сергей Федорович Ольденбург»: «... востоковедение уже далеко не то, каким оно было при бароне Розене, которому, в свою очередь, Ольденбург во многом обязан своей “карьерой”. Последнюю Ольденбург вел умело и с большим тактом; кончил ее печально, потому что утратил ту принципиальность, которая раньше его отличала. Человек европейской культуры, Ольденбург не мог стать “советским ученым”, но пожелал стать им из далеко не принципиальных соображений. Ничего не вышло: ни богу свечка, ни чёрту кочерга»[61].

А что же сам Жебелёв? Стал ли он советским марксистским ученым? Советская научная система использовала его тогда, когда он оказался полезен. Научной сфере требовались свои иконы. При отсутствии таковых лубочные образы советских ученых должны были быть сконструированы, тем более если речь шла о такой идеологически важной сфере знаний, как история. Практически полвека после кончины Жебелёв оставался в советской историографии античности представителем марксистского антиковедения, едва ли не все заслуги которого сводились к «открытию» восстания рабов на Боспоре: «Другой важной

[57] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 99.
[58] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 100.
[59] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 102–102 об.
[60] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 18. Д. 210. Л. 101.
[61] Zhebelev 1993, 201.

темой научных интересов Жебелёва становится исследование классовой борьбы в древнем мире, приведшее к открытию крупного восстания рабов под руководством Савмака на Боспоре (1932). Глубокий интерес к проблемам классовой борьбы в античном мире показал, что маститый ученый овладел основными положениями исторического материализма»[62].

Воскрешение истинного образа Жебелёва-ученого относится уже к постсоветской эпохе.

Литература / References

Karpyuk, S.G., Krich, S.B. 2018: [Work on "World History" in the pre-war period: searching for a management model]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/4, 1013–1033.
Карпюк, С.Г., Крих, С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели. *ВДИ* 78/4, 1013–1033.

Karpyuk, S.G., Kulishova, O.V. 2018: [Last years of S.A. Zhebelyov, member of the Academy: shorthand record of the academic meeting in Tashkent, January 31, 1942]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/1, 88–112.
Карпюк, С.Г., Кулишова, О.В. Академик С.А. Жебелёв, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. *ВДИ* 78/1, 88–112.

Kuzishchin, V.I. 1980: *Istoriografiya antichnoy istorii* [*Historiography of Classical History*]. Moscow.
Кузищин, В.И. *Историография античной истории*. М.

Levchenko, M.V. 1940: *Istoriya Vizantii. Kratkiy ocherk* [*History of Byzantine Empire. Short Outline*]. Moscow–Leningrad.
Левченко, М.В. *История Византии. Краткий очерк*. М.– Л.

Zaytsev, D.V. 2014: [The long life of the Scythian slaves of Savmak (to the question of the sustainability of historiographic myths)] *Istoriya mirovykh tsivilizatsiy: mify v obshchestvennom soznanii v istoricheskoy retrospektive. Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem. Krasnoyarsk, 27 aprelya 2013 g. Materialy* [*History of World Civilizations: Myths in Public Consciousness in Historical Retrospect. All-Russian Scientific Conference with International Participation. Krasnoyarsk, April 27, 2013. Proceedings*]. Krasnoyarsk, 105–115.
Зайцев, Д.В. Долгая жизнь скифов-рабов Савмака (к вопросу об устойчивости историографических мифов). *История мировых цивилизаций: мифы в общественном сознании в исторической ретроспективе. Всероссийская научная конференция с международным участием. Красноярск, 27 апреля 2013 г. Материалы*. Красноярск, 105–115.

Zhebelev, S.A. 1903: *Ἀχαϊκά. V oblasti drevnostey provintsii Akhayi* [*Ἀχαϊκά. In the Sphere of Antiquities of Province Akhaia*]. Saint Petersburg.
Жебелёв, С.А. *Akhaika. В области древностей провинции Ахайи*. СПб.

Zhebelev, S.A. 1993: [Autonecrology. Ed. by I.V. Tunkina, E.D. Frolov]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 177–201.
Жебелёв, С.А. Автонекролог. Публ. И.В. Тункиной, Э.Д. Фролова. *ВДИ* 2, 177–201.

Zhebelev, S.A. 2017: *Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo za tret'yu chetvert' veka svoego sushchestvovaniya: 1897–1921. Istoricheskiy ocherk. Prilozhenie: Biobibliograficheskiy slovar' chlenov RAO (1846–1924)*. [*Russian Archaeological Society for the Last Third of the Century of Its Existence: 1897–1921. Historical Sketch. Supplement: Biobibliographical Dictionary of the Members of RAS (1846–1924)*. Ed. by I.V. Tunkina]. Moscow.
Жебелёв, С.А. *Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования: 1897–1921. Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924)*. Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. М.

[62] Kuzishchin 1980, 332.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 509–519
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 509–519
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910011596-8

С.Б. КРИХ. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с. ISBN 978-5-4448-1173-3

Новая книга известного исследователя советской историографии древности С.Б. Криха в определенной мере отличается от его прежних работ. По существу, она сочетает в себе черты историографического анализа, адресованного специалистам по древности, и биографического рассказа об историках, дополненного «классификацией» их научных и личных судеб, который скажет многое любому интересующемуся положением гуманитарной науки советского времени. Последнее предопределяет и стилистические особенности книги: ее язык более свободный, чем это, как правило, свойственно научным текстам, и ее автор проявил себя как настоящий мастер слова. Вместе с тем весьма нетривиальна цель, которую поставил перед собой С.Б. Крих, – выделить в советской историографии древности «ядро» и «периферию» и определить характер взаимоотношений между ними на разных этапах развития науки. Не случайно автор предпослал своей работе два предисловия, в которых постарался обозначить смысл этих базовых для его исследования понятий.

Разговор о них автор начинает, приводя формулировку своего коллеги: исследование «периферийной» историографии – «это про тех историков древности, которые не стали большими начальниками» (с. 5). Апеллируя к тезису П. Бурдьё о значимости в «поле науки» «символического капитала» действующих в нем лиц, образуемого успехом их идей, С.Б. Крих сразу расширяет это понятие, подчеркивая значение в нем, помимо собственно научной состоятельности, также и внутренних законов научных иерархий и внешних влияний из сферы политики, экономики, СМИ и т.д. (с. 5–6). Таким образом, «периферия» науки – это часть ее «поля», «обитатели» которой в конечном счете не обратили в свою пользу всю совокупность этих факторов. Далее автор делает верное замечание о коренном отличии отечественного «поля науки» от европейского: оно не обладало подлинной автономностью (также один из постулатов Бурдьё) ни в дореволюционное, ни в советское время, причем в последнем случае для ученого «недостаточно было просто быть марксистом (или заявить себя таковым), необходимо было также придерживаться правильного, не еретического понимания “единственно верного учения”» (с. 11–12).

С тем, что автономность советской науки подрывалась идеологическим диктатом, не приходится спорить; однако все же не стоит и переоценивать его силу. Когда С.Б. Крих говорит, что «идеологически и структурно советская наука была замкнута на собственных основаниях» (с. 12), он не делает того (может быть, очевидного для него) уточнения, что говорит о науке гуманитарной: если бы положение естественных и технических наук в СССР было точно таким же, страна не смогла бы вести вполне успешное соревнование с западным миром в освоении атома и космоса. Что же касается гуманитарного знания, автор книги прекрасно сознает и учитывает неоднородность диктата в этой сфере на протяжении советского периода: высказывание «еретических» (в том числе и немарксистских, хотя, разумеется, не антисоветских!) идей было мыслимо как в 1920-е годы, когда советская власть еще не определилась с идеологическими позициями, с которых следовало унифицировать гуманитарную науку[1], так и с 1960-х годов, когда насущность для власти такой унификации существенно снизилась. Другой вопрос, как были бы встречены такие идеи и какой статус они бы обрели; но он и имеет прямое отношение к теме рассматриваемой нами книги – «периферии» советской науки о древности.

[1] Krikh 2013, 72–89; Ladynin 2016, 11–12.

Во втором предисловии С.Б. Крих, определяя базовые понятия книги, заходит немного дальше: если «под мейнстримной историографией», формирующей ядро, «понимаются те течения, подходы и типы повествования (и их представители), которые занимают определяющее место в научном и общественном пространстве, ассоциируясь с исторической наукой в целом», то «периферийная историография – это те направления (или отдельные авторы)... которые, соответствуя общим параметрам научности, не воспринимаются как образцовые» как внутри, так и вне науки (с. 15). Определяя факторы принадлежности историка к «ядру» или «периферии» «научного поля», автор объединяет их в две группы – внешние факторы (публикационный, географический, корпоративный) и внутренние (теоретический, тематический, стилистический; с. 16–17).

Такая классификация представляется в целом справедливой; однако нужно иметь в виду, что некоторые из этих факторов тесно взаимодействуют между собой, причем это взаимодействие не составляет советскую специфику. Так, фактор публикационной активности зависит отнюдь не только от личной плодовитости ученого, но и от способности протолкнуть свой текст, в том числе обеспечив желательный статус публикации, а это напрямую связано с его интеграцией в корпорацию, причем такая связь была особенно тесной именно в советское время, когда публикация (особенно книг) вообще была сложным делом. В связи с этим можно обратить внимание на рассмотренные самим С.Б. Крихом примеры В.А. Белявского и А.Г. Кифишина, не обделенных готовностью писать, но вытесненных на обочину публикационного процесса (с. 253–268). Равным образом легко представить, как начинающий или «провинциальный» ученый сталкивается с неприятием предлагаемых им широких и обязывающих обобщений. Так или иначе, совокупность выделенных автором книги критериев и их дальнейшее применение позволяет сказать, что принадлежность ученого к «ядру» или «периферии» науки определяется отнюдь не исключительно тем, занимал ли он «командные высоты». Вместе с тем можно отметить, что в ряде случаев, определяя «периферийность» ученого, автор сбивается на применение только одного критерия – регионального (на наш взгляд, применительно к М.Я. Сюзюмову и в определенной мере к А.С. Шофману). Конечно, отставание от научной жизни центра вкупе с необходимостью применяться к требованиям местного начальства, часто более волюнтаристского, чем в центре, воздействовали на работу ученых. Однако, во-первых, понятно, что по крайней мере первая из этих сложностей была при должном усилии преодолима и в провинции, так что недостатки происходящих оттуда работ зависели еще и от чисто личностного фактора[2]. Во-вторых, преувеличением нам кажется суждение о том, что «в провинции такие заметные фигуры (фраза формулируется в контексте упоминаний А.С. Шофмана и В.Т. Сиротенко – *Н. А.*, *И. Л.*) становились по факту вне конкуренции, и это превращало их в титанов мысли местного масштаба» (с. 177). Наконец, серьезная и практически обойденная в книге тема – это качественная активизация региональной науки о древности в поздне- и постсоветский периоды: следует ли отнести, например, антиковедов саратовской школы этого времени к «ядру» или «периферии» науки о древности?

Определенные вопросы вызывает не только применение установленных С.Б. Крихом критериев для того, чтобы отнести того или иного ученого к «ядру» или «периферии», но и существо этих базовых для его книги понятий. Один из таких вопросов может показаться чисто стилистическим: почему в качестве антонима понятию «периферия» автор употребляет понятие «ядро», а не «центр»? Его собственное объяснение: «от этого слова сложнее образовывать удачные производные» (с. 15),– не вполне убеждает, поскольку производных от слова «ядро» мы в книге как будто не замечаем. Рискнем допустить, что дело в другом: данное слово ассоциируется с чем-то гораздо более унифицированным и монолитным, чем слово «центр», и именно таким автор хотел бы представить «мейнстрим» советской науки о древности. Далее мы вернемся более конкретно к вопросу о том, насколько это оправданно, но пока ограничимся общим суждением: безусловно, социально-экономические исследования по своей значимости признавались базовыми для советской историографии, однако ни на одном этапе своего развития она все же не сводилась

[2] Заметим, кстати, что ряд моментов, в которых работы А.С. Шофмана не дотягивали до актуального научного стандарта (обсуждаемый С.Б. Крихом тезис о возникновении государства в Македонии лишь в IV в. до н.э.– с. 161; не учтенный им тезис о «конгломератном» характере доэллинистических межрегиональных держав Ближнего и Среднего Востока), могут объясняться не незнанием текущего состояния науки как таковым и не какими-либо недоработками, а склонностью ученого воспроизводить (в том числе, видимо, в порядке идеологической перестраховки) постулаты, усвоенные еще в начале научного пути.

только к ним. Если «ядро» – это прежде всего нечто, воспринимающееся как «образцовое», то могут ли нарратив или методология, оформившиеся при разработке «соцэка», задавать в точном смысле слова «образец» исследования, например, в сфере культуры? Думается, что по крайней мере с середины 1930-х годов на такой вопрос был бы дан отрицательный ответ: разумеется, от исследователя культуры ожидалось, что он учтет воздействия на ее явления разного рода социальных факторов и в первую очередь классовой борьбы, но это еще не предопределяло всех особенностей его работы[3]. Соответственно, уже тематическая дифференциация внутри науки о древности позволяет ожидать наличия в ее «мейнстриме» не некоей унифицированной модели исследования, а целого ряда сосуществующих моделей, что означает бóльшую децентрализацию этого «мейнстрима», нежели можно предполагать при его определении как «ядра».

Переходя теперь к оценке отдельных частей книги, отметим, что мы согласны с мнением ее автора об аморфности институций раннесоветского периода (конца 1910–1920-х годов), занимавшихся наукой о древности, и о рубежном характере в ее развитии «великого перелома» 1929–1930 гг. (с. 20–31). Трудно принять, однако, утверждение, отнесенное, видимо, уже к ситуации начала 1930-х годов, что «трактовка древней истории не была четко обозначена партийными органами» (с. 31): на самом деле в оформившейся в это время схеме советского марксизма древность стала практически синонимична с эпохой рабовладельческого способа производства. Именно этот постулат, позволявший унифицировать ход исторического развития древних обществ повсеместно, стал важным фактором структурирования советской науки о древности в 1930-е – в начале 1950-х годов: оспаривавшие его историки не подвергались репрессиям, но оказывались на «периферии». В этом смысле действительно яркие примеры дают исследованные С.Б. Крихом научные биографии Н.М. Никольского (с. 34–59) и Б.Л. Богаевского (с. 59–92). Отметим, что эти примеры выглядят еще ярче на фоне уже давнего и, на наш взгляд, верного замечания А.А. Формозова о том, кто же сформировал «ядро» науки о «докапиталистических формациях» в середине 1930-х годов – ученые старой школы, такие как С.А. Жебелёв, В.В. Струве, Б.Д. Греков[4]. Автор обоснованно отмечает раздражение Никольского в связи с миграцией к марксизму и последующим возвышением Струве[5], однако вопрос о том, было ли у последнего реальное дореволюционное научное прошлое и был ли он близким учеником Б.А. Тураева (с. 47), непринципиален: важнее, что по своей деятельности в раннесоветский период он не принадлежал к специфически советским институциям (типа Института красной профессуры и Комакадемии)[6]. Ликвидация таковых в середине 1930-х годов не могла не быть связана с их восприятием в качестве питательной среды для выходящих за рамки установок сверху теоретических дискуссий, а последних – как предпосылок для оппозиций внутри партии. Исходя из этого, было оправданно содействовать возвышению во главе новых гуманитарных институций тех ученых, которые заведомо не были лично заинтересованы в излишнем и независимом от официозной линии теоретизировании. Именно они завершили формирование «целостного нарратива» советской историографии, сообщив ему (созвучно со вкусом тогдашнего руководства страны) традиционность и ориентацию не на цитаты из классиков (излишнее искусство в жонглировании ими было как раз атрибутом искореняемого вольномыслия 1920-х годов), а в большей мере на источники и устанавливаемые в опоре на них факты.

---

[3] Неслучайно накануне Великой Отечественной войны мы встречаем попытку (правда, так и не завершенную) выработать специальную «советскую» норму исследований именно в сфере культуры: Vigasin, Karpyuk 2015, 77–92. Примечательны и слова вполне правоверной последовательницы советского марксизма К.М. Колобовой в ее письмах А.Б. Рановичу 1946 г. об отсутствии в советской науке выработанных подходов к разработке таких специфических для древности проблем, как, например, проблема полиса: Klyuev, Metel' 2018, 49, 51.

[4] Formozov 2006, 162–185.

[5] Знакомство со статьей М.Н. Кирилловой, находящейся сейчас в печати (Kirillova 2021), обратило наше внимание на характерно похожую ситуацию 1939 г.– нападки А.В. Шестакова, как и Никольский – большевика с дореволюционным стажем, на теорию феодализма в древней Руси Б.Д. Грекова.

[6] При множественности мест работы Струве на рубеже 1920–1930-х годов мы не уверены, не был ли он связан какое-то время с некоторыми из таких институций, но конъюнктурность такой связи была бы всем очевидна.

Проигравшими, оттесненными на «периферию» при этом оказались такие ученые, как старый большевик Никольский, с великой охотой опиравшийся в полемике именно на цитаты[7], и Богаевский, в свое время близкий марризму и тоже формулировавший свой тезис о позднепервобытном характере крито-микенского общества с выкладками из трудов классиков[8]. По словам С.Б. Криха, эти ученые «с точки зрения того, что они писали, в основном выглядят не лучше победителей» (с. 140) и «в случае своего вхождения в “ядро” способствовали бы еще большей схематизации историописания» (с. 301). Это абсолютно справедливо, однако, определяя причины их проигрыша, автор, на наш взгляд, в случае Никольского слишком увлекся субъективными обстоятельствами (в частности, самим ходом полемики, в которой тот участвовал; с. 41–55), а в случае Богаевского – особенностями его аргументации, которая «упрощала периодизацию, но усложняла образ эпохи» (с. 90). Между тем решающим, думается, было все же несоответствие их идей базовому постулату о рабовладельческом характере всех древних обществ. Правда, Никольский в итоге принял его, однако уже безнадежно проиграв конкуренцию со Струве (во многом в силу изначального несогласия с данным постулатом, приведшего к такому окрику сверху, как переписывание подготовленного им школьного учебника; с. 41–42, 46, 49). Что касается Богаевского, то вообще признание крито-микенского общества позднепервобытным, а не рабовладельческим, не так уж усложняло «образ эпохи»: с позиций советского марксизма первобытнообщинный строй предшествовал рабовладельческому, и Богаевский не добавил в эту последовательность ничего «лишнего». В то же время чрезмерно «простая» картина древневосточного рабства, которое в исходных построениях В.В. Струве сильно уподоблялось античному[9], была скоро отвергнута в пользу его признания стадиально более ранним и примитивным[10], т.е. как раз нюансировки и усложнения этой картины. Очевиден мотив этого – приведение тезиса Струве к большему соответствию фактам, и, думается, точно так же обстояло дело и с тезисом Богаевского: на рубеже 1930–1940-х годов его критики, какими бы ни были их субъективные мотивы, могли позволить себе верить не системе цитат, а собственным глазам, и считать общество с письменностью, стратификацией поселений и храмовыми и укрепленными дворцовыми постройками принадлежащим этапу цивилизации[11]. Однако в таком случае, согласно принятому постулату, оно и должно было быть рабовладельческим, и критика Богаевского закономерно приводила к утверждению такого его характера даже в отсутствие позитивных данных о природе критского и микенского обществ (с. 88).

Обращение к работам А.Д. Дмитрева 1940–1950-х годов о «революции рабов» в поздней античности (с. 102–113), по сути дела, выводит С.Б. Криха на более широкую проблему исследования этой эпохи целым рядом «периферийных» историков. Конъюнктурность этой темы у Дмитрева, который «рубил напрямую», строя крайне упрощенную, но связную концепцию «перманентной революции рабов» (с. 113), очевидна (см. отсылку к словам самого ученого: с. 115); однако в ином смысле она была конъюнктурна и у других авторов. М.Ю. Сюзюмов, возражая в середине 1950-х годов Е.М. Штаерман по вопросу о генезисе феодализма в поздней Римской империи с обоснованной, но в то же время и несколько охранительной позиции[12], по мнению автора, в значительной мере хватался за удобный повод для ответственной дискуссии (с. 165–168); В.Т. Сиротенко взял на себя задачу пересмотра позитивной оценки варваров как «союзни-

[7] См. его переписку с А.Б. Рановичем, в которой его суждения о социально-экономическом строе древнего Востока и подсказки о возможных ходах в полемике со Струве сводятся в первую очередь к ссылкам на актуальные цитаты: Klyuev, Metel’ 2018, 90–97, 102–106, 111–116.

[8] См., в частности, схему соответствия этапов развития крито-микенского общества этапам разложения первобытности по Моргану и Энгельсу: Bogaevskiy 1934, 728.

[9] Например, Struve 1934, 73–77, 86–90.

[10] Данная корректировка была проведена С.И. Ковалевым в концептуальном введении к «Истории древнего мира», первые тома которой были изданы в середине 1930-х годов Государственной академией истории материальной культуры (Kovalev 1936–1937, I, 7), а потом и принята самим Струве в издании его «авторского» учебника 1941 г. (Struve 1941, 6–7).

[11] Невольно хочется сказать, что подобная «вера собственным глазам» лежит и в основе выведенного Г. Чайлдом набора десяти признаков цивилизации: Childe 1950, 3–17.

[12] Мнение Штаерман о феодализме в империи уже IV в. н.э. в начале 1950-х годов должно было восприниматься как крайность в том числе и потому, что исключало какое-либо восприятие в качестве «революции» предполагаемых проявлений классовой борьбы в финале античности: Krikh 2013, 192–195.

ков» рабов и угнетенных в падении Римской империи, следуя в русле того направления историографии, которое наметилось с середины 1950-х годов (с. 168–172). Думается, что работы всех этих историков отражают единую тенденцию, понятную именно в «периферийной» (в данном случае в первую очередь в региональном смысле) историографии,– использование мало разработанных в советской науке сюжетов поздней античности с целью вписать свою позицию в контекст серьезной теоретической проблематики. Сделать то же самое на гораздо более затоптанной почве (например, на материале римского классического рабства конца Республики – начала Империи) ученому «периферии» было бы гораздо сложнее. В какой-то мере схожим приемом была знаменитая (и давшая действительно хорошие результаты) ориентация казанской школы 1960–1980-х годов на изучение не источников (предполагающее очень высокую языковую подготовку и использование большого массива труднодоступной литературы), а историографии древности[13]. К сожалению, С.Б. Крих, говоря о трудах А.С. Шофмана и о его роли в создании казанской школы антиковедения (с. 155–164), не оценивает этот прием специально.

Оценивая ситуацию конца сталинского времени, С.Б. Крих говорит, что Великая Отечественная война была «принципиальным разделом», который завершил восходящий к революции раскол общества, определил «возрастание ценности человеческой жизни» и делегитимизировал «организуемый государством террор против собственного общества» (с. 142). Может быть, это справедливо на уровне реальных ощущений людей, однако проговоренность всех этих моментов в официальной идеологии была достигнута гораздо позже – не раньше времени Хрущёва, а окончательно лишь при Брежневе в рамках концепций «развитого социализма» и «общенародного государства». Тем более, едва ли именно этим стоит объяснять тот факт, что в конце 1940-х годов историки древности задействовали «механизмы по возможности формального участия в идеологических кампаниях» (с. 143). Во-первых, ход этих кампаний в иных, «расстрельных», в отличие от «тихой гавани» древнего мира (с. 33), отраслях истории (прежде всего в истории СССР и истории партии) обнаруживал смягчение нравов разве что в том, что обошлось все же без расстрелов, лишь одной жестокой критикой и увольнениями[14], причем не следует забывать, что историки древности тоже должны были участвовать в этих кампаниях, пусть и пассивно. Во-вторых, специфика науки о древности состояла в том, что в ней пришли к руководству порядочные по меркам того времени люди: за исключением нападок на С.И. Ковалева и даже торжества в связи с его арестом[15] (что, видимо, объяснялось его ролью в ГАИМК в начале 1930-х годов и, кстати, получило серьезный отпор в ученой среде[16]), мы не знаем примеров злостного сведения счетов такими фигурами, как В.В. Струве или А.В. Мишулин.

В острой же фазе кампаний 1940-х годов самой влиятельной в изучении древности фигурой был Н.А. Машкин, целенаправленно стремившийся минимизировать вызванные ими потери. Думается, что такая ситуация была следствием не общего настроя этого времени, а специфики конкретной дисциплины, причем и она, вопреки мнению автора, отнюдь не исключала использования идеологических кампаний для «принципиального передела сфер влияния». Попытки ученицы Мишулина О.Н. Юлкиной в 1949 г. открыть огонь по учебнику В.С. Сергеева[17] выглядели не слишком серьезно и могли объясняться страхом за себя, побуждавшим бить других; иное впечатление производят политические обвинения В.И. Авдиева в 1950 г. против ленинградских востоковедов (в том числе персонально И.М. Дьяконова), а также самого Н.А. Машкина, внесшие вклад в реорганизацию Института востоковедения – вполне реальный случай «передела сфер влияния»[18].

В описании кампаний 1940-х годов С.Б. Крих, конечно, не проходит мимо нападок на С.Я. Лурье (с. 146–149), и, помимо этого, отдельно обсуждает его научную биографию и насле-

---

[13] Garipzanov *et al.* 1997, 3–7; Almazova 2016, 131–160.

[14] Tikhonov 2016, 166–265.

[15] «...До сих пор еще в ходу “История античного общества”, выпущенная вредителем Ковалевым, в которой проводятся антимарксистские взгляды на развитие античного мира» (Editorial 1939). По сообщению И.М. Дьяконова, уже на исходе тюремного срока Ковалева Мишулин, приехавший в Ленинград вместе с Машкиным «для осуждения методологических ошибок... Ковалева», на специальном заседании «прочел доклад о вредительстве Ковалева в трактовке заговора Катилины» (Diakonoff 1995, 449–450).

[16] См. то же сообщение И.М. Дьяконова.

[17] Bugaeva, Ladynin 2016, 193, 225–234, 256, 259, 276.

[18] Ladynin, Timofeeva 2017, 337–360.

дие (с. 206–226). Вопреки реплике о «запоздалой периферизации» Лурье в 1949 г. автор все же обсуждает его работы начиная с 1920-х годов и очевидно распространяет на них в целом качество «периферийности». Отчасти С.Б. Крих присоединяется к мнению А.А. Мировщиковой о Лурье как об «историке “старой школы”», оказавшемся в советских условиях, что, конечно, полностью объясняло бы его «периферийность» (с. 206, прим. 1; с. 210)[19]. Не станем воспроизводить приведенные нами в другом месте аргументы относительно осознанного и значимого разрыва С.Я. Лурье со «старой школой» в самом начале его пути[20]; более важным представляется вопрос о том, можно ли вообще говорить о его периферийности в советской науке. Он касается не одного Лурье, но также и других героев книги – Ю.Я. Перепелкина (с. 229–232), А.Ф. Лосева (с. 274–281), Л.С. Васильева (с. 234–235), в какой-то мере М.Е. Сергеенко (с. 122–135). Пройдясь по выделенным С.Б. Крихом критериям отнесения ученых к «ядру» или к «периферии», мы обнаружим, что все эти исследователи работали в столицах (в этой связи мы еще оговорим один важный нюанс); их публикации имели высокий статус (книги выходили большими тиражами, в ведущих академических издательствах, некоторые из них были авторами «Всемирной истории»[21]); в самой ученой среде они пользовались высоким (Перепелкин – практически непререкаемым) авторитетом; тематика их работ (экономика и общество древности, история науки и техники, история философии), при специфике взгляда на нее и фундаментальности ее разработки, соответствовала приоритетам советской науки; в теоретическом плане они по меньшей мере не высказывались против постулатов советского марксизма, а в ряде случаев применялись к ним (С.Б. Крих хорошо показывает, как это имело место у Лосева: с. 275–278); в стилистическом отношении резко выбивались из обычных рамок разве что тексты Перепелкина (что, впрочем, не было непреодолимым препятствием для их издания). Конечно, Лурье в 1949 г. был вынужден покинуть Ленинград, однако это не маргинализировало его работы в восприятии очень значительной части корпорации[22]. Также очевидно, что все эти ученые не вносили вклада в разработку проблем «соцэка», базовых для советского марксизма, в характерном для него ключе; однако серьезную альтернативу его методологии (по сути дела, вполне самобытную и эффективную методику изучения нетождества древнего и современного сознания, притом слабо замеченную даже в других отраслях науки о древности, не говоря о гуманитарном знании в целом) предложили лишь египтологи ленинградской/петербургской школы (Ю.Я. Перепелкин, а затем О.Д. Берлев и Е.С. Богословский, которых тоже можно отнести только к «ядру» отечественной науки).

Думается, вывод из сказанного очевиден: практически на всех этапах развития советской историографии в ее «ядро» могли входить, как бы образуя в нем особое «второе ядро», ученые, не отдававшие целенаправленно дани марксистскому методу, внутренне не принимавшие его и спо-

---

[19] Mirovshchikova 2016, 494–500.

[20] Ladynin 2020, 42–55.

[21] Правда, можно думать, что изданию основных работ Перепелкина препятствовал до конца своей жизни Струве (Bolshakov 2015, 10, 15, прим. 27); куда менее известно, что в 1940-е годы, во время своего пребывания в Египте, достаточно влиятельный в академических кругах М.А. Коростовцев ставил вопрос об их издании в «экспортном варианте» на иностранных языках (Ladynin, Timofeeva 2014, 374, 376).

[22] Не совсем понятно, что С.Б. Крих имеет в виду, говоря: «...в литературе хорошо исследован тот факт, что выход первой части университетского курса лекций по истории Греции был встречен сугубо отрицательно» (с. 215). Число исследований, посвященных С.Я. Лурье, не столь велико, и в доступных нам работах А.А. Мировщиковой мы как будто не нашли таких оценок; зато в известном мемуарно-биографическом произведении о С.Я. Лурье, не упускающем случая рассказать о его преследованиях, речь идет лишь об изустном упреке С.И. Ковалева в адрес его курса (Koprzhiva-Lurie 1987, 172–173). С.Б. Крих ссылается на нападки Н.А. Машкина на «Историю Греции» в 1949 г., однако на этом этапе Лурье успел стать тем «назначенным виновным» в рамках идеологических кампаний (с. 144), которого можно и нужно было критиковать, по сути, уже не нанося ему большего, чем уже причиненный, вреда, так что этот эпизод не дает представления о реальном отношении к его курсу. Что касается уже львовского этапа научной биографии С.Я. Лурье, то тогда он опубликовал только в «Вестнике древней истории» около двух десятков статей и рецензий, монографию «Язык и культура микенской Греции» (в издательстве АН СССР), принимал участие в изданиях Учпедгиза, в столичных юбилейных сборниках высокого статуса, активно публиковал статьи за рубежом (Amusin 1965, 234–236). Сошлемся, кстати, на устное свидетельство Ю.Б. Циркина о триумфальной встрече Лурье, устроенной К.М. Колобовой во время его приезда по какому-то случаю в Ленинград в начале 1960-х годов.

собные выдвинуть ему альтернативу. При этом творчество Лосева разворачивается уже в позднесоветское время, когда к названным именам ученых «второго ядра» вполне правомерно прибавить имена А.Я. Гуревича, С.С. Аверинцева, В.В. Иванова и других. Однако к этому времени данная тенденция была представлена территориально относительно широко и чаще выражалась в методологических новациях (плодотворных в плане их трансляции в постсоветское время, прежде всего вне науки о древности, особенно в медиевистике). До середины 1950-х годов голос таких ученых звучит, конечно, тише, и практически все они живут в одном и том же крупном центре – Ленинграде. Похоже, упущение С.Б. Криха состоит в том, что, определяя «ядро» и «периферию» советской науки о древности, он обошел вопрос о том, какое место в такой структуре должно быть отведено Ленинграду с его более живой культурной связью с дореволюционной и европейской традициями, которая обретала в ряде случаев поддержку и от власти[23]. Естественно, что такая ситуация могла содействовать сохранению в науке, и в частности в изучении древности, «второго ядра», о котором мы говорим.

Примечательно, что первая часть книги С.Б. Криха, посвященная периоду 1920 – начала 1950-х годов, по своему объему (с. 20–141) сопоставима с двумя частями, говорящими в основном о времени после середины 1950-х годов (с. 142–300), хотя и во второй части есть целая глава (с. 142–155) о ситуации до смерти Сталина и ряд экскурсов в нее. Такое соотношение между частями книги в принципе понятно: архивные материалы ученых первой половины XX в. доступны лучше, а их творчество, при их сравнительной немногочисленности, поддается более отчетливой типологизации. Наука о древности второй половины XX в. встраивается в исследовательские схемы, будучи представлена качественно большим числом ученых, однако это порождает и трудности в оценке довольно кратких характеристик ее персоналий в обсуждаемой книге.

На наш взгляд, нужно остановиться прежде всего на общих оценках автором тенденций этого времени. Чрезвычайно важна глава «Периферия в центре» (с. 178–206), фактически посвященная трансформации базовых концепций советской науки о древности начиная с 1950-х годов. С.Б. Крих справедливо связывает этот процесс с десталинизацией (с. 179), хотя, думается, подвижки в этом направлении можно заметить уже на этапе разработки новой структуры первых томов «Всемирной истории» в начале 1950-х годов, еще при жизни Сталина[24]. Не менее справедливо выделение в этом процессе роли И.М. Дьяконова (как оппонента В.В. Струве в определении специфики общества древнего Востока), К.К. Зельина (как оппонента А.Б. Рановича, но, по существу, и целого ряда историков предшествующего периода, говоривших об эллинизме как о стадии в социально-экономическом развитии), Е.М. Штаерман (как оппонента теории «революции рабов» применительно к поздней античности), С.Л. Утченко (как генератора принципиального тезиса о значимости объединенного в общины крестьянства в истории античности и в целом древности). Вместе с тем С.Б. Крих прямо говорит о Дьяконове, что после успешной полемики со Струве в 1950-е годы он «стал признанной частью мейнстрима» (с. 183), о Зельине – что в свое время он «был довольно решительно вытеснен на периферию» (с. 184; имеются в виду, без сомнения, нападки Струве в 1939 г. на его диссертацию по истории Хеттского царства)[25]; мы не видим схожих характеристик применительно к Штаерман и Утченко, но и приведенные нами, вкупе с самим названием главы, заставляют думать, что автор мыслит процесс «обновления идей» в послесталинской науке прежде всего как «миграцию» ученых и их концепций с «периферии» в «ядро».

Позволим себе не согласиться с этим: по сути дела, нет никаких оснований выводить всех названных ученых на каком-либо этапе их биографии за пределы «ядра». Даже Зельин, перенеся в конкретной ситуации конца 1930-х годов удар от лидера ленинградского востоковедения, не утратил вполне почетного места в московской науке. На самом деле, и в сталинское время «ядро» не представляло собой «когорту бессмертных», а пополнялось набиравшими вес новыми фигурами. Думается, что для адекватной оценки состава «ядра» науки о древности (как, наверное,

---

[23] Так, И.М. Дьяконов упоминает, что его учителю А.П. Рифтину удалось восстановить (по сути дела, создать заново) преподавание в ЛГУ семитологических дисциплин, убедив в целесообразности этого Кирова (Diakonoff 1995, 317).

[24] См. серьезную концептуализацию истории древности, намечающую возможности принятия ряда догматических положений лишь в порядке компромисса, в передовой статье ВДИ, написанной О.В. Кудрявцевым: Editorial 1952, 3–16.

[25] Pavlovskaya 2000, 98.

и любой отрасли советской историографии) необходимо его структурирование при помощи введения понятий не только «второго ядра», в соответствии с нашим рассуждением выше, но и также и «нового поколения ядра»[26], которое закономерным образом и должно было стать мотором «обновления идей» в его рамках. Логика этого процесса состояла прежде всего в приближении теоретической схемы, по-прежнему выраженной в марксистских категориях, к исторической реальности: собственно, схожие манипуляции заметны еще в довоенное время, в отмечавшихся нами корректировке концепции Струве и критике взглядов Богаевского. Однако, разумеется, ситуация после смерти Сталина предоставила для этого качественно иные возможности. Соответственно, в процессе, который С.Б. Крих категоризирует в контексте взаимодействия «ядра» и «периферии» науки, мы бы увидели прежде всего эволюцию концепции ее «ядра», причем (скажем это обязывающе) – вполне закономерную[27].

Еще одно, в чем мы не согласимся с автором книги,– это характеристика ситуации в науке позднесоветского периода как «дезорганизации ядра». С.Б. Крих справедливо обращает внимание на исключительный авторитет в это время таких ученых, как К.К. Зельин и (на наш взгляд, в гораздо большей мере) Ю.Я. Перепелкин, взгляды которых вполне заменили их последователям постулаты «советского марксизма» (с. 243). Однако, во-первых, этот авторитет сложился много раньше описываемого периода, а во-вторых, мы уже обозначили их место внутри, а не вне «ядра», так что ориентация на них не свидетельствует о каком-либо его распаде. Безусловно, справедливо говорить как о «глотке свежего воздуха» о работах Г.С. Кнабе, рассматривавших социальную жизнь Рима в новых для советской науки категориях (с. 284–285), но не надо забывать о сравнительной новизне этих категорий и в науке общемировой, где они стали появляться с 1960-х годов (например, в работах таких ученых, как Кл. Николе и М. Клавель-Левек). Обращение к ним ученых позднесоветского времени свидетельствует не только о внутренних процессах в отечественной науке, но и о закономерном, хотя и запаздывающем восприятии ею актуального общемирового опыта. «Заредактированность» стенограмм научных мероприятий этого времени, о которой говорит С.Б. Крих (с. 244–246), должна свидетельствовать не об их рутинности или осторожности выступающих, по мнению автора, а скорее о сильном снижении интереса инстанций к тому, что на них говорилось дословно, т.е., на самом деле, о большей свободе науки. Не согласимся мы и с мнением о «снижающемся эффекте» серии монографий об античном рабстве и дискуссии о полисе, которые, по мнению автора, «уже не содержали новых идей» (с. 246). Обратим в этой связи внимание на мнение двух крупных исследователей историографии, согласно которому серия книг о рабстве подводила к общему выводу, что оно не имело «основополагающего значения» даже в ряде регионов античного мира[28], а также на идею Г.А. Кошеленко о противоположности таких начал, как полис и город, важную для понимания процессов IV в. до н.э.[29]

---

[26] В данном случае не получается говорить только о чисто возрастном аспекте смены поколений: К.К. Зельин, ставший значимой фигурой московской науки на рубеже 1930–1940-х годов, приближался к своему пятидесятилетию, С.Л. Утченко в послевоенное время – к сорокалетию. Вместе с тем И.М. Дьяконова и Е.М. Штаерман (и в особенности О.В. Кудрявцева – 1921 года рождения) ко времени начала их активной научной работы во второй половине 1940-х годов можно назвать молодыми учеными и по возрасту.

[27] Упоминавшаяся статья М.Н. Кирилловой (Kirillova 2021) побудила нас рассмотреть обращение В.В. Струве в 1950 г. к теме восстания Савмака: выступая в защиту интерпретации декрета Диофанта С.А. Жебелёвым, он с исключительной лояльностью полемизирует с «космополитом» С.Я. Лурье и практически «врагами Советской власти» М.И. Ростовцевым и А.П. Коцевaловым (Struve 1950, 23–40). Этот крайне необычный для Струве экскурс в античность можно попробовать объяснить его качествами «шахматиста», отмеченными И.М. Дьяконовым (Diakonoff 1995, 419): предвидя, что морок идеологических кампаний сгустился не навсегда и что после его рассеивания их активные участники столкнутся с осуждением со стороны значительной части корпорации, Струве вполне мог стремиться лишний раз продемонстрировать, что его собственная, как и его коллег, приверженность «рабовладельческой концепции» носила сугубо научный характер и даже в разгар кампаний обосновывалась средствами корректной полемики. Если так, то закономерность теоретической трансформации «ядра», которая побудила бы генераторов его прежних концепций занять оборонительную позицию, просчитывалась В.В. Струве очень заблаговременно.

[28] Frolov 1999, 412; Heinen 2014, 165.

[29] Koshelenko 1980, 3–28; Golubtsova 1983, I, 9–36.

Наконец, нам трудно согласиться с утверждением С.Б. Криха о том, что «никакого внутреннего перерождения ядра советской науки... не происходило, оно просто воспроизводило одни и те же установки и постепенно разлагалось изнутри» (с. 296). С этими словами диссонирует и оценка самим автором доклада И.М. Дьяконова и С.Л. Утченко 1970 г. об основополагающей роли общины в древности, названного «последней попыткой обновления теории, и первой попыткой зафиксировать ее отныне в неизменном виде» (с. 246). С.Б. Крих правильно понимает роль этого доклада в трансформации базовых положений науки о древности, но переоценивает возможность их догматизации на данном этапе. Мы уже писали о принципиальном значении этой трансформации[30] и по-прежнему полагаем, что ее потенциал именно как «импульса для дальнейшего развития “ядра”» (с. 301) был велик; другое дело, что такое развитие шло бы медленнее, чем формирование «ядра» в 1930-е годы, прямо стимулировавшееся сверху, и в итоге было прервано не его «дезорганизацией», а коренным изменением социально-политических условий развития науки в начале 1990-х годов.

Разумеется, наше несогласие с рядом положений рецензируемой книги не распространяется на нее в целом. На наш взгляд, в своей книге С.Б. Крих ищет ответы на исключительно важные вопросы о структуре советской науки о древности, о логике и динамике ее развития и о соотношении в этом процессе собственно научного, идеологического и личностного факторов. Невольно приходится констатировать, что для разрешения этих вопросов мало одной книги, однако нет сомнений, что размышления ее автора над ними продолжатся. Пока же скажем, что возражения интерпретациям С.Б. Криха возникают прежде всего благодаря тому, что его книга побуждает думать над поставленными в ней вопросами и предоставляет для этого превосходную основу.

Литература / References

Almazova, N.S. 2016: [“A real laboratory of academic work”: the seminar *Antichnyy ponedelnik* (*Classical Monday*) at Kazan’ in the Context of the Notion of Scientific School]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [*Journal of Dmitriy Pozharskiy University*] 2 (4), 131–160.

Алмазова, Н.С. «Настоящая лаборатория научной работы»: казанский семинар «Античный понедельник» в контексте понятия научной школы. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 131–160.

Amusin, I.D. 1965: [Published works of S.Ya. Luria]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 231–236.

Амусин, И.Д. Список трудов С.Я. Лурье. *ВДИ* 1, 231–236.

Bogaevskiy, B.L. 1934: [Primitive communist mode of production at Crete and in Mycenae]. In: *Pamyati Karla Marksa. Sbornik statey k 50-letiyu so dnya smerti* [*Commemorating Karl Marx. A Collection of Papers on the 50th Anniversary of His Death*]. Leningrad, 677–735.

Богаевский, Б.Л. Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и в Микенах. В сб.: *Памяти Карла Маркса. Сборник статей к 50-летию со дня смерти*. Л., 677–735.

Bolshakov, A.O. 2015: [The liveliness of the heritage of Yuri Yakovlevich Perepelkin]. In: A.O. Bolshakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2013–2014. Pamyati Yuriya Yakovlevicha Perepelkina. K 110-letiyu so dnya ego rozhdeniya. Doklady* [*St. Petersburg Egyptological Readings 2013–2014. In Commemoration of Yuri Yakovlevich Perepelkin. On the Occasion of His 110th Birthday. Papers of the Conference*]. Saint Petersburg, 7–23.

Большаков, А.О. Живость наследия Юрия Яковлевича Перепелкина. *Петербургские египтологические чтения 2013–2014. Памяти Ю.Я. Перепелкина. К 110-летию со дня рождения. Доклады*. (ТГЭ, 76). СПб., 7–23.

Bugaeva, N.V., Ladynin, I.A. 2016: [“Our manual will pass the exam...” A session of the Department of Ancient History, Faculty of History, Moscow State University, and of the Section for Ancient History, Institute of History, Academy of Sciences of the USSR, on 22 March 1949]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [*Journal of Dmitriy Pozharskiy University*] 2 (4), 187–282.

Бугаева, Н.В., Ладынин, И.А. «Наш учебник по древней истории выдержит экзамен...» Заседание кафедры древней истории исторического факультета МГУ и сектора древней истории Института истории АН СССР 22 марта 1949 г. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 187–282.

[30] Ladynin 2016, 26–27.

Childe, V.G. 1950: The urban revolution. *Town Planning Review* 21, 3–17.

Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [*A Book of Memoirs*]. Moscow.
Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. М.

Editorial 1939: [On the publication of a new manual of the history of Ancient Greece]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 174.
К выходу нового учебника по истории древней Греции. *ВДИ* 2, 174.

Editorial 1952: [Ancient history in the *World History* being prepared by the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 3–16.
История древнего мира во «Всемирной истории», подготовляемой Академией Наук СССР. *ВДИ* 1, 3–16.

Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki* [*Russian Archaeologists of Totalitarian Period. Historiographical Studies*]. 2nd ed. Moscow.
Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки*. 2-е изд. М.

Frolov, E.D. 1999: *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki* [*Russian Research of Classical Antiquity. Historiographical Essays*]. St. Petersburg.
Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности. Историографические очерки*. СПб.

Garipzanov, I.G., Zhigunin, V.D., Chiglintsev, E.A. 1997: [*Classical Monday*: Traditions and the search of the new paths]. In: V.D. Zhigunin, E.A. Chiglintsev, I.G. Garipzanov (eds.), *Antichnost': Miry i obrazy* [*Antiquity: Universes and Images*]. Kazan', 3–7.
Гарипзанов, И.Г., Жигунин, В.Д., Чиглинцев, Е.А. «Античный понедельник»: традиции и поиски новых путей. В сб.: В.Д. Жигунин, Е.А. Чиглинцев, И.Г. Гарипзанов (ред.). *Античность: миры и образы*. Казань, 3–7.

Golubtsova, E.S. (ed.) 1983: *Antichnaya Gretsiya. Problemy razvitiia polisa* [*Classical Greece. Problems of the polis' Development*]. Vol. I–II. Moscow.
Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. I–II. Под ред. Е.С. Голубцовой. М.

Heinen, H. 2014: [Rise and decline of Soviet research slavery. An essay on the relationship of politics and science]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 143–178.
Хайнен, Х. Расцвет и упадок советских исследований о рабстве. *ВДИ* 4, 143–178.

Kirillova, M.N. 2021: [The Saumacos' revolt as an episode in the history of the USSR]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* [*The On-Line Journal of Education and Science "History"*] (in print).
Кириллова, М.Н. Восстание Савмака как эпизод истории СССР. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* (в печати).

Klyuev, A.I., Metel', O.V. (eds.) 2018: *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy* [*Abram Borisovitch Ranovich: Documents and Materials*]. Omsk.
Клюев, А.В., Метель, О.В. (сост.), *Абрам Борисович Ранович: документы и материалы*. Омск.

Koprzhiva-Lurie, B. Ya. 1987: *Istoriya odnoy zhizni* [*A History of a Life*]. Paris.
Копржива-Лурье, Б.Я. *История одной жизни*. Париж.

Koshelenko, G.A. 1980: [Polis and city: A statement of the problem]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 3–28.
Кошеленко, Г.А. Полис и город: к постановке проблемы. *ВДИ* 1, 3–28.

Kovalev, S.I. (ed.) 1936–1937: *Istoriya drevnego mira* [*A History of the Ancient World.*]. Vol. I–III. Moscow.
История древнего мира. Т. I–III. Под ред. С.И. Ковалева. М.

Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoy istoriografii* [*The Image of Antiquity in Soviet Historiography*]. Moscow.
Крих, С.Б. *Образ древности в советской историографии*. М.

Ladynin, I.A. 2016: [Peculiarities of the landscape (How Marxist was the "Soviet Antiquity"?)]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [*Journal of Dmitriy Pozharskiy University*] 2 (4), 9–32.
Ладынин, И.А. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность»?). *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 9–32.

Ladynin, I.A. 2020: ["The Egyptian Bible": Alternatives to the pre-revolutionary research paradigm in S. Ya. Luria's works of 1920]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [*Proceedings of Kazan University. Humanities Series*] 162/3, 42–55.
Ладынин, И.А. «Египетская Библия»: альтернативы дореволюционной научной парадигме в работах С.Я. Лурье 20-х годов XX века. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки* 162/3, 42–55.

Ladynin, I.A., Timofeeva, N.S. 2014: [Egyptologist M.A. Korostovtsev and his initiative to establish the USSR scientific representative office in Egypt (1943–1947)]. *Istoricheskie zapiski* [*Historical Notes*] 15 (133), 358–382.
Ладынин, И.А., Тимофеева, Н.С. Египтолог М.А. Коростовцев и его инициатива по созданию научного представительства СССР в Египте. *Исторические записки* 15 (133), 358–382.
Ladynin, I.A., Timofeeva, N.S. 2017: ["Dear Lavrentiy Pavlovich!" Some documents of V.I. Avdiev dating to 1950]. *Aegyptiaca Rossica* 5, 337–360.
Ладынин, И.А., Тимофеева, Н.С. «Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!» Из документов В.И. Авдиева в 1950 г. *Aegyptiaca Rossica* 5, 337–360.
Mirovshchikova, A.A. 2016: [S. Ya. Luria: A historian of the "old school" in the dimensions of the Soviet scholarship in 1910s – early 1960s]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki: vzglyad molodykh. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [*Topical Issues of the Contemporary Scholarship: A Young View. Proceedings of All-Russian Scientific-Practical Conference*]. Chelyabinsk, 494–500.
Мировщикова, А.А. С.Я. Лурье: историк «старой школы» в пространстве советской науки 10-х – начала 60-х гг. XX в. В сб.: *Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Челябинск, 494–500.
Pavlovskaya, A.I. 2000: [Konstantin Konstantinovich Zel'in]. In: G.N. Sevost'yanov *et al.* (eds.), *Portrety istorikov: Vremya i sud'by*. T. 2. *Vseobshchaya istoriya* [*Portraits of Historians: Time and Destinies*. Vol. 2. *The World History*]. Moscow–Jerusalem, 94–104.
Павловская, А.И. Константин Константинович Зельин. В кн.: Г.Н. Севостьянов (отв. ред.), *Портреты историков: Время и судьбы*. Т. 2. *Всеобщая история*. Москва–Иерусалим, 94–104.
Struve, V.V. 1934: *Problema zarozhdeniya, razvitiya i upadka rabovladel'cheskikh obshchestv Drevnego Vostoka* [*The Problem of Genesis, Evolution and Decay of the Slave-Holding Societies of the Ancient Orient*]. Moscow–Leningrad.
Струве, В.В. *Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока*. (Известия ГАИМК, 77). М.– Л.
Struve, V.V. 1941: *Istoriya drevnego Vostoka* [*A History of the Ancient Orient*]. Leningrad.
Струве, В.В. *История древнего Востока*. Л.
Struve, V.V. 1950: [Saumacos' revolt]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 23–40.
Струве, В.В. Восстание Савмака. *ВДИ* 3, 23–40.
Tikhonov, V.V. 2016: *Ideologicheskiye kampanii pozdnego stalinizma i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [*Ideological Campaigns of the Late Stalinism and the Soviet Historical Science (Mid 1940s – 1953)*]. Moscow–Saint Petersburg.
Тихонов, В.В. *Идеологические кампании позднего сталинизма и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.)*. М.– СПб.
Vigasin, A.A., Karpyuk, S.G. 2015: [Unpublished and forgotten: "The History of Culture" of 1941]. *Harkivs'kyj istoriografichnyj zbirnyk* [*Kharkov Historiographical Almanac*] 14, 77–92.
Вигасин, А.А., Карпюк, С.Г. Неизданная и забытая: «История культуры» 1941 года. *Харківський історіографічний збірник* 14, 77–92.

Natalia S. Almazova,

National Research University
"Higher School of Economics"

E-mail: nalmazova@hse.ru

Н.С. Алмазова,

к.и.н., доцент школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Ivan A. Ladynin,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia;
National Research University
"Higher School of Economics"

E-mail: ladynin@mail.ru

И.А. Ладынин,

д.и.н., доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 520–528
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 520–528
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910011001-4

S. SHEEHAN. A Guide to Reading Herodotus' *Histories*. London–New York: Bloomsbury Academic, 2018. XIV, 316 p. ISBN 978-1-4742-9267-2

Изменение историографической ситуации в связи с трудом великого галикарнассца, имевшее место в последние десятилетия, может быть охарактеризовано следующим примером. В свое время британский антиковед Дж. Харт начал книгу «Геродот и греческая история» рассказом о том, как он, приступив в 1968 г. в одном из вузов к подготовке курса лекций об этом авторе, столкнулся с тем, что англоязычным студентам по большому счету и почитать-то о нем нечего, кроме монографии Дж. Майрса «Геродот – отец истории», да еще хорошего, но очень старого комментария У. Хау и Дж. Уэллса[1]. Собственно, это и побудило Харта взяться за написание вышеупомянутой книги.

Так было полвека назад[2]. Ныне картина совершенно иная: как авторы этой рецензии недавно отмечали, анализируя другой труд, посвященный Геродоту[3], литература о нем стала практически необъятной – и в первую очередь это относится именно к англо-американскому антиковедению. Одним из побочных следствий подобных перемен стало то, что ныне, пожалуй, ни в одном исследовании об «отце истории» библиографический список не будет исчерпывающим. Почти все они теперь являются выборочными, причем критерии выборки порой выглядят едва ли не произвольными. Чтобы не ходить далеко за иллюстрациями этого тезиса, отметим хотя бы, что в работе Шона Шиэна, о которой далее пойдет речь, вообще не упоминаются ни книга Харта, ни даже книга Майрса (и напрасно – она для своего времени была этапной: в ней, в частности, был наиболее подробно и аргументированно изложен тезис о «фронтонной композиции» у Геродота). Да и английские комментарии Р.У. Мэйкана и Хау–Уэллса, созданные в начале XX в., в ней упомянуты лишь два-три раза[4].

Вполне естественно, что в таком потоке литературы попадаются тексты самого разного характера и самого разного уровня. По-настоящему «прорывные» труды о Геродоте появляются нечасто[5]; и книгу Ш. Шиэна к ним нельзя отнести. Она не носит исследовательского характера и не является монографией, будучи предназначена прежде всего для студентов. Сам автор в заголовке определил ее жанр как «guide», т.е. нечто вроде «путеводителя» по Геродотовой «Истории».

Отметим, что в последние годы в зарубежном антиковедении жанр «путеводителей» стал типичным. Конечно, в нынешней системе распространения научного знания работы такого рода полезны и важны. Такие тематические обзоры (зачастую) не являются серьезными и оригинальными научными сочинениями, но они призваны помочь сориентировать начинающих

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00022а «"Праотцы истории": древнейшие представители античной исторической науки».

[1] Hart 1982, IV; Myres 1953; How, Wells 1912.

[2] Пожалуй, налицо преувеличение, ведь как не упомянуть книги Дж. Уэллса (1923), Дж.Э. Пауэлла (1939), Г.Р. Иммервара (1966), однако это допущенное Хартом преувеличение незначительное.

[3] Sinitsyn, Surikov 2019, 184.

[4] На классический комментарий Мэйкана Шиэн ссылается скупо (с. 5, 223, 228, 281, прим. 15), причем упоминается лишь переиздание последней части труда Мэйкана (комм. к кн. VII–IX). А на комментарий Хау и Уэллса автор ссылается еще реже, и этот двухтомник даже не указан в библиографии к книге.

[5] Из сравнительно недавних работ: Hartog 1980; Thomas 2000; Bichler 2001.

исследователей в интересующей их проблематике. Поэтому мы обратимся к разбору книги Шиэна именно как типической «путеводительской» литературе в нынешнем антиковедении.

Для легкости усвоения материала студенческой аудиторией в работе дано большое количество таблиц (список 40 таблиц-схем: с. XI–XII) – какие постоянно применяются в компьютерных презентациях. Создается впечатление, что вся книга выросла из цикла подобных презентаций. Основной текст подразделяется на две неравномерные части: пространное введение, озаглавленное «Подходы к Геродоту» (с. 1–57), и то, что автор назвал «Комментарием» (с. 59–284). Введение начинается с похвал «отцу истории» как увлекательнейшему рассказчику[6], чье сочинение и 2500 лет спустя не потеряло способности привлекать живой интерес читателей. Шиэн пытается делать некоторые наблюдения о конкретных особенностях геродотовского повествовательного мастерства, но в основном они выглядят малооригинальными.

Автор останавливается на специфике формы, структуры труда Геродота, указывая, что в нем множество «симметрий, дублирований, эха и инверсий» (с. 8). Наибольшее внимание уделяется приему «кольцевой композиции», охарактеризованному довольно детально, однако ни слова не говорится о другом приеме – «фронтонной композиции», на который указывали исследователи труда Геродота, отмечая, что он является специфичным для него[7].

Структура труда Геродота, отмечает Шиэн, определяется столкновением между Западом и Востоком, причем Восток представлен единой империей, а Запад – набором греческих государств, в среде которых отсутствует единство. Восточные сюжеты трактуются Геродотом в основном систематично (даются рассказы о регионах, в которые персидские цари осуществляют свои походы), греческие – более хаотично. Во всяком случае, так происходит в первой части «Истории», а затем, по мере того как греко-персидский конфликт назревает, уже более ощущается эллинское единство, а само повествование становится более драматичным, сфокусированным на грозящей грекам опасности.

Цель сочинения обозначается историком уже во вступлении и может быть определена как борьба с беспощадным временем, которое грозит уничтожить память о деяниях человеческих. Эту мысль о геродотовском историописании как инструменте борьбы со временем впервые высказал А. Момильяно в статье «Время в античной историографии»[8]. Как ни странно, Шиэн здесь на него не ссылается (хотя в других местах книги ссылки на его работы изредка встречаются).

Геродота, по мнению Шиэна, можно отнести к досократикам, и именно это помимо прочего определяет широту его интересов, еще не разделившихся, не специализировавшихся. В этом плане он подобен первым натурфилософам (как Фалес или Анаксимандр) или «Гекатею, писателю, который, наряду с Фалесом, упоминается Геродотом и чьи этнографические и географические интересы, скорее всего, повлияли на его собственную манеру писать» (с. 11).

Такая крупная фигура, как Гекатей, упоминается лишь однажды, в только что цитированном месте, а Гелланик Лесбосский и Ферекид Афинский – ни разу. Как нам представляется, одним из наиболее актуальных и насущных вопросов, который нужно ставить в исследованиях о труде Геродота, должен быть вопрос о его соотношении с трудами предшественников, особенно непосредственных. Понятно, что от работы Шиэна, которая исследованием не является, мы таких «премудростей» требовать не можем; ее автор в данной связи ограничивается (с. 13) очередной хрестоматийной цитатой из того же Момильяно: «До Геродота не было Геродота»[9]. Да, не было – и что же из того? До Пушкина не было Пушкина, но означает ли это, что его творчество не выросло органично из творчества предшественников, от Ломоносова до Батюшкова, и что процесс такого вырастания не должен быть предметом самого серьезного изучения?

---

[6] См. Bowie A. 2018.

[7] В первую очередь это концептуальная книга Дж. Майрса с рисунками «фронтонов» для отдельных эпизодов «Истории» (Myres 1953). Этот тезис был развит М.Л. Гаспаровым (Gasparov 1989), что привело исследователя к суждению о незавершенности «Истории». Авторы данной рецензии неоднократно обращались в своих работах к обсуждению взглядов Гаспарова, при этом один из рецензентов полностью солидаризировался с соображениями филолога-классика (Surikov 2009, 222–225; 2011, 149–160, 271–279), а второй, напротив, высказывался критически по поводу этой идеи Гаспарова (Sinitsyn 2013; 2017; 2019).

[8] Ссылаемся на переиздание в одном из сборников статей А. Момильяно: Momigliano 1977, 191.

[9] Momigliano 1966, 129.

Дело, повторим, не в Шиэне. В гораздо более серьезном коллективном труде об «отце истории»[10] – аналогичное упущение, как мы уже и указывали по его поводу[11]. Геродота, представителя греческой «эпической» историографии, сравнивают с Гомером. Приведем высказывание Ф. Артога: «Геродот хотел соперничать с Гомером, и, завершив “Историю”, стал Геродотом»[12]. Эпос эпосом, но мог ли Геродот не ориентироваться и на работавших ранее него историков, тех же Гекатея с Ферекидом? Что он у них брал (не в плане фактов, а в плане метода), чего, напротив, сознательно не брал? Вот на каком уровне ныне надлежит вести речь. Подготовлена ли к этому современная «геродотиана»? Тому во многом препятствует, безусловно, и плохая сохранность произведений «праотцов истории», догеродотовских «служителей Клио», и вящее пренебрежение к ним в специальной литературе. До недавнего времени на эту тему, кроме первого тома *FGrHist* Якоби[13], только и можно было указать старую книгу Л. Пирсона[14]. Но теперь можно говорить о том, что на этом исследовательском поле все сильно изменилось в связи с появлением монументального двухтомника Р. Фаулера «Ранняя греческая мифография». В нем весьма четко подчеркнуты некоторые принципиальные отличия Геродота (и Фукидида) от предтеч: «Признаки истинного историка – большой нарратив, историческое видение, явно выраженная заинтересованность методом»[15]. Кстати говоря, вышеназванный труд Р. Фаулера Ш. Шиэну неизвестен.

Вообще создается впечатление, что подходы этого ученого являются упрощающими, редукционистскими. Например, рассмотрение эволюции взглядов на то, как создавалась «История», сводится у Шиэна к указанию на какие-нибудь несколько работ – знаменитую и весьма авторитетную энциклопедическую статью Ф. Якоби, монографии Ч. Форнары и Д. Фелинга[16].

Автор верно отмечает, что у Геродота «мифическое время» достаточно четко отделено от «исторического времени», причем фокус интересов галикарнассца самым решительным образом смещен в сторону второго[17]. Но и этот тезис высказывался ранее неоднократно – подчас в более развернутой и интересной форме. Так, отмечалось, что у «отца истории» «водораздел» между «героической эпохой» и «человеческой эпохой» выражен четче по сравнению не только с предшественниками (так называемыми «логографами»), но даже и с Фукидидом. Шиэн касается таких вопросов, как каузальность у Геродота (отмечается, что употребляемый им в данной связи термин αἰτίη значит не только «причина», но и «вина», и, стало быть, сама категория причинности имеет у него не современный научный характер, а скорее юридический, сводится к «ответственности», влекущей «возмездие»), роль божественного в мире, этнографический материал в «Истории» (здесь была бы уместна ссылка на книгу Р. Бихлера[18], но ее нет).

За введением следует «комментарий». Мы поставим это слово в кавычки, поскольку на самом деле то, что здесь представлено, комментарием не является. Каждый знает, что такое классический комментарий, и, например, прекрасный труд Ашери и его коллег[19] вполне отвечает этому определению: в нем именно *комментируется*, причем скрупулезнейшим образом, каждый пассаж, чуть ли не каждое слово в сочинении Геродота. А в данном случае перед нами набор эссе-рассуждений по поводу разных мест из «Истории».

«Комментарий» к книге I Геродота озаглавлен «Крез и Кир» (с. 61–87). Он начинается с замечаний к prooemium «Истории». В самом начале Ш. Шиэн помещает своеобразный «ликбез», рассчитанный на непосвященного читателя, где поясняются понятия κλέος, ἔργα, ἱστορία, ἀπόδεξις, etc. (с. 62–63 и 251–252), которые встречаются у Гомера и Геродота. Оба автора заявляют (каждый по-своему) о выбранных ими темах «с определенной степенью театральности», рассчитанной на то, чтобы «подчеркнуть драматическую важность их предмета» (с. 62). Сравнивая зачин «Истории» Геродота с зачинами поэм Гомера и суждениями его героев (Гектор, Ахилл, Пе-

---

[10] Bowie E. 2018.
[11] Sinitsyn, Surikov 2019, 206–207.
[12] Hartog 1999, 178; ср.: «Геродот, возможно, действительно был “очень похож на Гомера”, но прежде всего он был очень похож на себя» (Marincola 2018, 20).
[13] Jacoby 1995 (последнее переиздание).
[14] Pearson 1975 (тоже переиздание, книга впервые опубликована в 1939 г.).
[15] Fowler 2007–2013, II, 668.
[16] Jacoby 1913; Fornara 1971; Fehling 1989.
[17] Того, что он сам называет ἀνθρωπηίης λεγομένης γενεῆς (Hdt. III. 122).
[18] Bichler 2001.
[19] Asheri *et al.* 2007.

нелопа и др.), Шиэн отмечает двойственный характер сочинения галикарнасса: исследователя и сказителя. «Общие интересы соединяют искусство эпического повествователя с вниманием наблюдателя-историка к эмпирическим деталям; подобно Гомеру, Геродот пытается найти истину, которая существует независимо от повествователя, истину, связанную с войной, и в соответствии с этим текст историка приобретает облик песни эпического сказителя» (с. 62).

В разделе «Похищения (1.1–5)» пересказываются начальные главы книги I, где Геродот разъясняет причины конфликта Персии и Эллады (с. 63–66). Здесь помещена схема похищений, которые устраивали в мифические времена люди с Запада на Востоке и Востока на Западе. В следующем параграфе представлена история Креза: правители Лидии до него и правление самого прославленного лидийского царя (с. 67–76); здесь же и логос об афинском мудреце Солоне и Крезе (с. 73–75). Далее – об утверждении власти персов («История Кира», с. 76–81) и краткий очерк «Персидская этнография»: о менталитете персов, их обычаях и законах, жертвоприношениях, чревоугодии и прочем. В следующем параграфе («Ионийский логос») Шиэн замечает (с. 82), что главы об Ионии в «Истории» могут показаться скучными и запутанными, так что непосвященный читатель просто пролистает их (sic!); а следом – сходное разъяснение: этнографический и политический экскурс Геродота об Ионии малоинтересен нынешним читателям (по-видимому, англоязычным студентам, на которых ориентируется автор). Все проблемы, связанные с миграциями, самовосприятием ионийцев, их родословными – могли иметь значение только для современников «отца истории», а поэтому только для его аудитории были интересны эти описания (с. 83). Такие «комментарии» уместны, если рассматривать труд Геродота исключительно как «чтиво» (что-то вроде light reading), а не как богатейший исторический памятник. И в каждом из этих параграфов (кроме последнего – «Кир, Вавилон и массагеты», с. 84–87) помещены простенькие таблицы – для наглядности.

Раздел «Книга вторая: Египет» (с. 89–110) по объему меньше первого, при этом здесь чуть ли не треть – 6 из 20 страниц – занимают схемы-«презентации». Обсуждаются свидетельства Геродота о природных явлениях, религии, экзотических животных, мумификации и других египетских диковинках, которые могли быть интересны слушателям/читателям «Истории». Как замечает Шиэн, «благочестие обуславливает их (египтян. – *А. С.*, *И. С.*) уважительное отношение к животным, однако интерес Геродота к фауне – это смесь любопытства к зоологии и популистского желания развлечь свою греческую аудиторию, показав ей что-то из мира уникальных чудес Египта» (с. 100).

Параграф «Ранние правители и логос о Елене (2.99–120)» (с. 102–107) посвящен истории Протея, где Шиэн рассматривает сюжет Троянского цикла в его геродотовской интерпретации, логос о Елене и Менелае, тему гостеприимства (ξενία). В данном случае «гид» опирается главным образом на исследование М. де Беккера о мифе и истории в рассказе о Протее – одно из последних, посвященных этому сюжету «Истории»[20]. Но теперь мы можем назвать еще работы в сборнике о Геродоте как ученом и рассказчике[21]. Эту часть завершают два раздела: «Рампсинит, строители пирамид и хронология» (с. 107–109) и совсем краткий очерк «Лабиринт и Саисские правители» (с. 109–110). А вот последние главы книги II пропущены. Такого рода «пробелов» в «комментарии» Шиэна немало. Вероятно, автор оставил без обсуждения те главы, которые, по его мнению, наименее интересны для современного читателя?

Раздел по мотивам книги III, названный «Камбис, Самос и Дарий» (с. 111–130), охватывает менее десятилетия: от царствования Камбиса (529–522 гг.) до первых лет правления Дария. В эмоциональной речи Камбиса о его сновидении, убийстве брата Смердиса и печальной судьбе самого персидского царя (Hdt. III. 65–66) Шиэн со ссылкой на статью М. Финкельберг о «Трахинянках» Софокла (с. 263, прим. 27)[22] отмечает влияние аттической трагедии и проводит параллель между геродотовским Камбисом и шекспировским Макбетом – похожие истории «трагического падения отдельной личности» (с. 121–122). Говоря о позорной смерти «счастливца» Поликрата, Шиэн отмечает сочувствие Геродота к тирану Самоса и считает, что уровень детализации в этих главах (III. 120–125) свидетельствует о том, что историк располагал местными патриотическими источниками информации (с. 126). Эта часть завершается кратким обсуждением начала правления Дария (с. 127–130).

---

[20] de Bakker 2012 (с библиографией).
[21] Grintser 2018.
[22] Finkelberg 1995.

К разделу «Книга четвертая: Дарий, Скифия и Ливия» (с. 131–151) Шиэн не дает специального введения, как в предыдущих. В первой главе «Скифия и Дарий» представлены разные темы «Скифского логоса»: проблема происхождения скифов, состав населения, география Скифии, религия скифов, их диковинные обычаи и проч. Присутствуют замечания о «структурном дуализме» в этнографических описаниях галикарнасского историка, о полярности культур: свои–чужие, эллины–варвары, оседлые–кочевые, местные–пришлые. Эти подходы широко обсуждаются в последние годы. Обозначен еще один дискуссионный вопрос: Геродот-исследователь (историк, этнограф, географ), который передает достоверную информацию о других народах, vs Геродот-«структуралист», который работает в рамках продуманной парадигмы (с. 134). Здесь кратко представлена история Феры, а следом – логос об основании Кирены и ее правителях. Завершает «комментарий» к разделу параграф «Этнография Ливии» (на полстраницы, с. 151), где охвачена 31 глава «Истории» (IV. 168–199). А вот последние шесть глав книги (IV. 200–205) уместились в несколько предложений, вероятно, потому, что эта концовка не вписалась в тему раздела, заданную автором. Хотя логос о Феретиме – история жуткая, но поучительная.

Следующий раздел озаглавлен «Ионийское восстание: причины и начало» (с. 153–172). Ионийский полис Милет становится «мостом между Европой и Азией “более, чем настоящий мост через Геллеспонт”» (с. 154, со ссылкой на статью С. Бузаровского и Э. Баркера, 2016). Шиэн затрагивает проблему смены акцентов в «Истории»: от географических и этнографических логосов первой части (кн. I–IV) Геродот переходит к непрерывному рассказу о греко-персидских войнах, описывая во второй части историко-политические проблемы (кн. V–IX). Версию о двухчастной структуре «Истории» можно назвать «формулой Якоби»[23]. Автор «гида» показывает, что пятая книга – это «начало второй половины», здесь проходит «более общая линия разлома» (с. 155), которая делит «Историю» на две части, но Шиэн не дает здесь ссылок на Ф. Якоби. В этой книге показано, как разворачивается история в результате действий отдельных личностей, в первую очередь это милетский тиран Аристагор и спартанский царь Клеомен, Клисфен, коринфянин Сокл, афиняне Исагор и Гиппий, сатрап Артафрен, брат царя Дария. Обзор последних 30 глав V книги – «Ионийское восстание (5. 97–126)» – у Шиэна умещается на полутора страницах (с. 171–172).

Краткое введение предпослано «комментарию» к книге VI «Ионийское восстание: поражение и последствия» (с. 173–191). Шиэн указывает, что сквозной темой V и VI книг «Истории» являются мотивы, связанные с религией, и Геродот выражает общепринятую греческую точку зрения, согласно которой нарушения религиозного характера неизбежно повлекут за собой наказание со стороны богов. «Случаи трансгрессивного поведения, которые заполняют шестую книгу... подтверждают карательную роль богов как основную причину изменения человеческого благополучия» (с. 175). Здесь специально рассматривается тема возмездия/τίσις (с. 173–175, ср. с. 24–26, 41–42). Но если говорить о терминах, то отметим, что из 14 случаев упоминания τίσις в «Истории» на V и VI книги вместе приходится 4 раза[24].

Раздел составляют четыре параграфа. Два первых – в продолжение темы книги V про восстание ионийцев – получились совсем коротенькие: «Неудача Ионийского восстания» (с. 175–178) и менее чем на страницу «После Ионийского восстания» (с. 178–179). Оба эти параграфа скупо передают содержание первой трети шестой книги, в основном с опорой на главу «Ионийское восстание», подготовленную О. Мерреем для капитальной *CAH*[2] (т. 4), монографию Дж.Л. Коквелла «Греческие войны» (2005) и комментарий к VI книге «Истории» Л. Скотта (2005). Две последние главы этого раздела – «Спарта, Эгина и Афины» (с. 179–184) и «Марафонская кампания» (с. 185–191).

Часть 7 «Дорога на Фермопилы» (с. 193–214) начинается с того, что автор напоминает о первых неудавшихся попытках вторжения персов в Европу (с. 193). Говоря о совете в Сузах (Hdt. VII. 5–11), Шиэн указывает (с. 196, ср. с. 200) на параллель с великими собраниями героев и богов в поэмах Гомера. История похода рассматривается в главах «Достижение и преодоление Геллеспонта» (с. 202–207), «От Геллеспонта до Фермопил» (с. 207–210), «Ответ греков» (с. 210–211) и «Фермопилы» (с. 212–214). Здесь обсуждается тема гибристичности Ксеркса/

[23] Jacoby 1913, 281–419; в отечественном антиковедении эту версию прорабатывал С.Я. Лурье (Luria 1947, 124–132).

[24] Powell 1966, 357, col. 2, *s.v.* τίσις.

персов и их наказание за ὕβρις (с. 199, 201–202, 204–205). В связи с этим затрагиваются религиозные и моральные мотивы логоса о персидских войнах, и Шиэн приводит целую группу геродотовских и эсхиловских этических терминов: τύχη, ἄτη, φθόνος, νέμεσις и др. О параллелях между «Персами» Эсхила и главами VII книги Геродота о преодолении Геллеспонта в примечаниях приводится избранная литература (с. 277, прим. 22, 23)[25]. Шиэн указывает (с. 209–210) на пассаж Hdt. VII. 137, который исследователи рассматривают как terminus ante quem для создания «Истории» – 430 г. до н.э. Цитируя известное суждение Геродота об афинянах как единственных защитниках Эллады (VII. 139), автор касается метода историка и принципов его историописания, обсуждая понятия γνώμη и ἀλήθεια (с. 210).

Шиэн дает абрис седьмой книги «Истории», опираясь на определенную исследовательскую литературу о нашествии варваров на Элладу. Он обращается к наиболее известным работам о Фермопильском сражении.

Следующая часть «Книга восьмая: Решающая схватка при Саламине» (с. 215–232) включает четыре главы. Первая глава «Артемисий и отступление (8. 1–39)» начинается с описания межполисных распрей в Панэллинском союзе. В следующих трех главах описываются события генерального сражения – ἀκμή «Истории»: «До Саламина» (с. 221–224), «Битва при Саламине» (с. 224–226) и «После Саламина» (с. 226–232). Автор не рассматривает подробно ход и карту сражения, лишь ссылаясь на литературу о деталях битвы, изложенных у Геродота и в «Персах» Эсхила (с. 227 и с. 281, прим. 17). Из англоязычной литературы укажем недавнюю монографию Б. Страуса «Битва при Саламине»[26], которая не известна Шиэну, но, несомненно, будет полезна тому, кто интересуется историей греко-персидских войн. Здесь снова обсуждается τίσις-мотив (с. 225–226; ср. с. 25) в связи с рассказом про Гермотима и Паниония (Hdt. VIII. 104–106); а в примечании (с. 281, прим. 19) автор ссылается на статью Дж. Редфилда (1985/2013) о симметрии в «Истории» для логоса о Гермотиме – по Геродоту, «самой страшной мести за нанесенную обиду».

Как важный аспект VII и VIII книг отмечается «четкая хронология решающих моментов», которой теперь придерживается Геродот в описании действий сухопутных и морских сил (с. 231)[27]. Шиэн обращает внимание на то, что фиксация последовательности исторических событий по временам года является отличительной чертой фукидидовского метода, разработанного для «Истории Пелопоннесской войны» (с. 231–232), и указывает на различия между Геродотом («занимательным» историком, искусным рассказчиком порой небылиц) и Фукидидом («профессиональным» историком, педантичным ученым) (с. 232). В конце раздела автор затрагивает проблемы хронологии и времени у Геродота (со ссылкой на немецкого исследователя Ю. Кобета).

Последний раздел «Книга Девятая: Побежденная Персия» (с. 233–249) содержит пять глав. В первой главе «Возобновленные военные действия (9. 1–27)» (с. 233–237) описывается положение персидской армии после победы эллинов при Саламине: возвращение Ксеркса в Азию, позиция царицы Артемисии, поведение полководца Мардония, оставшегося с войском в Европе (с. 233, 235). Здесь же замечание о двух видах ἀνάγκη («необходимость, рок») – с примерами не только из IX, но и предыдущих книг «Истории» (с. 235–236; со ссылкой на статьи С. Саид «Геродот и трагедия», 2002 и Р. Мансон «Ananke у Геродота», 2001 – с. 282, прим. 3 и 6).

В следующих трех главах описываются события двух последних решающих сражений кампании Ксеркса в Элладе: «Битва при Платеях» (с. 237–240), «Последствия Платей» (с. 240–241) и «Битва при Микале» (с. 241–243). А заключают этот раздел три параграфа, объединенных общим названием «Окончание “Истории”» (с. 243–249): «Безрассудная страсть Ксеркса (9. 108–13)», «Артаикт (9. 116–20)» и «Совет Киру (9. 122)». Обсуждаются свидетельства Геродота об осаде Сеста, жестоком наказании афинянами своих противников, захваченных в этой кампании (Hdt. IX. 119–120), а поступки греков-победителей сравниваются с жестокостью восточных правителей (с. 246–248). Шиэн лишний раз отмечает, что «Геродот, этот не только исходящий из фактов историк, но и искусный сказитель, весьма умело сочетает два разных типа дискурса, которые требуются при таковом изложении» (с. 242).

---

[25] О «геллеспонтских» мотивах у Эсхила и Геродота: Sinitsyn 2017; 2019 (с библиографией).

[26] Strauss 2005.

[27] Попытки установить контроль над последовательным описанием событий (год/годы, начало весенней кампании) встречаются в VI книге «Истории», где также используются темпоральные указатели: VI. 31, 42, 43, 46; см. Sinitsyn 2013, 44–49.

Финальные главы являются наиболее дискуссионными местами всего геродотовского труда. Последний логос о Кире и Артембаре, деде казненного греками Артаикта, является одним из самых спорных в геродотоведении. Не определяя здесь четко свою позицию относительно вопроса о завершенности Геродотовой «Истории», Шиэн, по-видимому, склоняется к мнению К. Девальд, цитаты из статьи которой он приводит в заключении (с. 249). «Некоторые исследователи усматривают в конце “Истории” намеки на то, что Геродот действительно осознает опасность зарождающегося афинского империализма» (с. 243). А в финале автор снова связывает первую сохранившуюся «Историю» с первой «исторической» поэмой эллинов: «В конце “Илиады” читатель Гомера знает, что со временем Троя падет и Ахилл умрет; а читатели Геродота знают, что после событий, описанных в девятой книге, Афины продолжат развивать собственную империю» (с. 249). И этим Шиэн как бы замыкает композиционное кольцо своего сочинения.

В примечаниях к «комментарию» (с. 251–284) представлен научный аппарат геродотоведческого «гида»: ссылки на источники и исследования, разбор терминологии (отчасти повторяющий, отчасти дополняющий разделы книги), обсуждение дискуссионных моментов, вынесенных за пределы основного текста.

Список литературы составляет свыше 400 пунктов (с. 285–305), где учтены многие из англоязычных публикаций о Геродоте и его труде. Названы далеко не все работы первостепенной важности (как минимум, за последнюю четверть века). Есть неточные ссылки на литературу: как в основном тексте и примечаниях, так и в библиографии. Завершается книга указателем (с. 307–316), однако из-за многочисленных lapsi linguae индекс этот не полный и с ошибками.

Много замечаний относительно оформления издания. Очень плохо обстоит дело с диакритикой. Порой в словах пропущены буквы, например, *kallistn* – вместо καλλίστην; или, напротив, вылезают лишние буквы, например, *ēesan* – ἦσαν. Некоторые слова в тексте слиплись. Встречается чехарда букв в греческих и негреческих именах, например, Силосон(т)/Συλοσῶν передано как Sylsson и Sylosson, Артабан/Ἀρτάβανος – как Artanabus, Артафрен/Ἀρταφρένης – как Artaphranes или Artaphernes. Иногда в именах возникают лишние буквы: Ксеркс – Xerexes, Килон – Cyclon, Скил – Scycles и проч. Неверно указаны многие имена современных исследователей. Часто в английских словах пропущены буквы, есть ляпы в библиографических описаниях и т.д., и т.п.[28] Такой разнобой в транслитерации, опечатки, ошибки и пропуски заставляют усомниться, что книга будет полезна студентам – тем, на кого рассчитано это «путеводное» издание.

Шиэн часто прибегает к показательным параллелям с классиками европейской литературы других эпох, возможно, это более знакомо английским студентам? Есть здесь отсылки к сказкам Братьев Гримм, сопоставление с пьесами Шекспира, сравнение поведения спартанского царя Леонида с японскими летчиками-смертниками камикадзе. В книге фигурируют современные литераторы и философы: В. Беньямин, Ф. Кафка, В. Вулф, У.С. Моэм, С. Жижек, В.И. Ленин и др.

Для характеристики рассматриваемого «гида» показательно то, что сам автор, проводя читателя по залам логосов Геродотовых «Муз», редко высказывает собственные суждения относительно проблемных мест в труде «отца истории». В определенной мере в книге представлен обзор литературы, освещены позиции некоторых современных ученых. В «гиде» есть интересные наблюдения, но в целом перед нами культурологическая эклектика, измышленная, по-видимому, с целью продемонстрировать «нескучную античность», чтобы современным студентам древнегреческий писатель не показался слишком архаичным и чуждым. Книга Шиэна нас скорее разочаровала, именно о таких иронически говорят, что «в них много нового и много ценного»...

Литература / References

Asheri, D., Lloyd, A., Corcella, A. 2007: *A Commentary on Herodotus Books I–IV*. O. Murray, A. Moreno (eds.), with a contribution of M. Brosius. Oxford.

Bakker, M. de. 2012: Herodotus’ Proteus: myth, history, enquiry and storytelling. In: E. Baragwanath, M. de Bakker (eds.), *Myth, Truth, and Narrative in Herodotus*. Oxford, 107–126.

Bichler, R. 2001: *Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte.* Berlin.

[28] Подробный список замечаний к книге Шиэна (своего рода «работа над ошибками») дан в расширенной английской версии статьи: Sinitsyn, Surikov 2020, 160–163.

Bowie, A. 2018: Herodotus the story-teller. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus: Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 25–36.
Bowie, E. (ed.) 2018: *Herodotus: Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston.
Fehling, D. 1989: *Herodotus and his 'Sources': Citation, Invention, and Narrative Art*. Trans. by J.G. Howie. Leeds.
Finkelberg, M. 1995: Sophocles' *Tr.* 634–639 and Herodotus. *Mnemosyne* 48/2, 146–152.
Fornara, C.W. 1971: *Herodotus: An Interpretative Essay*. Oxford.
Fowler, R.L. 2007–2013: *Early Greek Mythography*. Vol. I. *Text and Introduction*. Vol. II. *Commentary*. Oxford.
Gasparov, M.L. 1989: [Incompleteness and symmetry in Herodotus' "History"]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 117–122.
Гаспаров, М.Л. Неполнота и симметрия в «Истории» Геродота. *ВДИ* 2, 117–122.
Grintser, N.P. 2018: Herodotus as a literary critic. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus: Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 157–174.
Hart, J. 1982: *Herodotus and Greek History*. London.
Hartog, F. 1980: *Le miroir d'Hérodote: Essai sur la représentation de l'autre*. Paris.
Hartog, F. 1999: [The first historians of Greece: historicity and history]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 177–187.
Артог, Ф. Первые историки Греции: историчность и история. *ВДИ* 1, 177–187.
How, W.W., Wells, J. 1912: *A Commentary on Herodotus with Introduction and Appendixes*. Vol. 1–2. Oxford.
Jacoby, F. 1913: Herodotos. In: *RE*. Spplbd. 2, 205–520.
Jacoby, F. 1995: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist)*. Teil. 1: *Genealogie und Mythographie*. *A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz*. Leiden–New York–Köln.
Luria, S.Ya. 1947: *Gerodot* [*Herodotus*]. Moscow–Leningrad.
Лурье, С.Я. *Геродот*. М.– Л.
Marincola, J. 2018: Ὁμηρικώτατος? Battle narratives in Herodotus. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus: Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 3–24.
Momigliano, A. 1966: *Studies in Historiography*. New York.
Momigliano, A. 1977: *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxford.
Myres, J.L. 1953: *Herodotus, Father of History*. Oxford.
Pearson, L. 1975: *Early Ionian Historians*. Westport.
Powell, J.E. 1966: *A Lexicon to Herodotus*. Hildesheim.
Sinitsyn, A.A. 2013: [Thucydides and Herodotus – had they influenced each other? (as to an 'interesting nuance')]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [*Ancient World and Archaeology*] 16, 39–55.
Синицын, А.А. Фукидид и Геродот, повлиявшие друг на друга? (по поводу одного «интересного нюанса»). *Античный мир и археология* 16, 39–55.
Sinitsyn, A.A. 2017: [Herodotus on the banishment of the barbarians out of Europe and the issue of the completeness of the first 'History']. *Metamorfozy istorii* [*Metamorphoses of History*] 10, 35–92.
Синицын, А.А. Геродот об изгнании варваров из Европы и проблема завершенности первой «Истории». *Метаморфозы истории* 10, 35–92.
Sinitsyn, A.A. 2019: τὰ ὅπλα τῶν γεφυρέων of the Persian war: Herodotus on the banishment of the barbarians out of Europe and the issue of the completeness of the first 'The Histories'. *Acta Archaeologica Lodziensia* 65, 83–124.
Sinitsyn, A.A., Surikov, I.E. 2019: [A new collective work on the "father of history" as a scholar and narrator]. *Mnemon* 19/1, 183–216.
Синицын, А.А., Суриков, И.Е. Новый коллективный труд об «отце истории» как ученом и рассказчике. *Мнемон* 19/1, 183–216.
Sinitsyn, A.A., Surikov, I.E. 2020: A chaotic tours of the 'Halls' of the Logoi of the Herodotus 'Muses': Review of the English historiography on the 'Father of History' and his work in the new guidebook. *Acta Archaeologica Lodziensia* 66, 151–167.
Strauss, B. 2005: *The Battle of Salamis. The Naval Encounter that Saved Greece – and Western Civilization*. New York–London–Toronto–Sydney.
Surikov, I.E. 2009: *Gerodot* [*Herodotus*]. Moscow.
Суриков, И.Е. *Геродот*. М.

Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii* [*Essays on Historical Writing in Classical Greece*]. Moscow.
Суриков, И.Е. *Очерки об историописании в классической Греции.* М.
Thomas, R. 2000: *Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion.* Cambridge.

Aleksandr A. Sinitsyn,

Russian Christian Academy for the Humanities;
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

E-mail: aa.sinizin@mail.ru

А.А. Синицын,

к.и.н., доцент Русской христианской гуманитарной академии, доцент Санкт-Петербургского государственного университета,

Санкт-Петербург, Россия

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

И.Е. Суриков,

д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного изучения древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,

Москва, Россия

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-09-00022a

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 529–535
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 529–535
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014835-1

XXI ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(Санкт-Петербург, 23–25 октября 2019 г.)

В последнюю неделю октября 2019 г. в Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета состоялась ежегодная конференция антиковедов «Жебелёвские чтения». За три дня работы участники конференции обсудили 74 доклада, которые были представлены исследователями из университетских и академических центров Санкт-Петербурга, Москвы, Брянска, Вологды, Воронежа, Екатеринбурга, Казани, Нижнего Новгорода, Перми, Петрозаводска, Пскова, Самары, Саратова, Тобольска, Ярославля и других российских городов, а также зарубежными коллегами из Никосии (Кипр), Риги (Латвия), Хельсинки (Финляндия). В 2019 г. в рамках конференции, кроме двух пленарных заседаний, была запланирована работа пяти секций: истории древней Греции, истории эллинизма, истории Рима, культуры и религии античного мира, истории античного христианства.

Конференция открылась 23 октября приветствиями ее участникам директора Института истории СПбГУ проф. А.Х. Даудова и зам. директора проф. А.И. Филюшкина, а также вступительным словом зав. кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ проф. О.Ю. Климова. Программа первого пленарного заседания включала 5 докладов. *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) в докладе «Александр Васильевич Никитский и его эпиграфические штудии» обратилась к научному наследию одного из плеяды известных эпиграфистов – учеников основателя русской эпиграфической школы Федора Федоровича Соколова. О.В. Кулишова охарактеризовала материалы хранящегося в СПбФ АРАН фонда А.В. Никитского (Ф. 84. Оп. 1. Д. 1–62), которые позволили ей рассмотреть важнейшие вехи биографии ученого. Особое внимание в докладе было уделено сохранившимся в данном фонде эпиграфическим заметкам А.В. Никитского, главной темой научных занятий которого были дельфийские надписи. Доклад *И.А. Ладынина* (Москва) «“Продолжать и углублять свои студии в области египтологии и семитологии...” Выступления С.Я. Лурье на заседаниях Российского палестинского общества в 1923 г.» был посвящен сообщениям известного антиковеда по проблемам истории древнего Востока, сохранившимся в протоколах заседаний РПО в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН, в которых он высказывал сомнение в историчности сведений ряда египетских источниках о крупном социальном перевороте в Египте и ветхозаветной традиции о пребывании в Египте евреев и об Исходе и постарался показать, что в обоих случаях имеют место литературные фикции, отдаленной первоосновой которых были мифологемы. Как отметил И.А. Ладынин, эти заключения С.Я. Лурье подверглись серьезной критике, что, возможно, повлияло на некоторую корректировку его выводов в публикациях на эту тему, а далее и к его отходу от этой тематики в своих работах. *Х. Туманс* (Рига) в докладе «Проблема пайдейи в классических Афинах» рассмотрел вопрос о понимании пайдейи как системы образования и воспитания в Афинском полисе классического времени, проследил историю развития представлений о смысле образования в греческой литературе, начиная с гомеровских текстов, а также показал эволюцию представлений о пайдейе и актуализацию этого вопроса в классических Афинах. *Ю.Б. Циркин* (Санкт-Петербург) в докладе «Публий Деций Мус – плебейский герой» отметил, что к концу сословной борьбы у плебеев вырабатывается своя концепция римской истории и появляются собственные герои, сыгравшие в этой истории не меньшую роль, чем представители патрициата. Докладчик подчеркнул, что важную роль в этой концепции играл обеспечивший своим самопожертвованием победу римлян над латинами

Публий Деций Мус, которого сопоставляли с Брутом: как патриций Брут был «отцом» свободы римского народа, так плебей Мус становится «отцом» гегемонии римского народа, осуществления его права на власть сначала в Лации, а затем и над всем миром.

Работа секции истории древней Греции предполагала два заседания, во время которых было обсуждено 13 докладов. *Н.А. Шергина* (Санкт-Петербург) в своем выступлении на тему «Влияние географического положения острова Самос на его историю в архаический период» проанализировала как выгоды расположения острова на пересечении важнейших морских путей, так и влияние территориальной близости острова к сильным восточным державам Малой Азии. В докладе *А.С. Соловьевой* (Санкт-Петербург) «Реформы Солона в области имущественных отношений семьи и брака» основное внимание было уделено вопросу об отношении законодателя к экономическим основаниям заключения брака и проблеме наследования имущества. Доклад *М.Н. Казанской* (Санкт-Петербург) «Первый совет Демарата Ксерксу (Hdt. VII. 2–3) как свидетельство о наследовании царского титула в Спарте» был посвящен разбору указанного сообщения Геродота, где упоминается спартанский νόμος, в соответствии с которым титул после смерти царя переходил не старшему сыну, а тому, который родился первым после воцарения отца. По замечанию автора доклада, ученые расходятся в том, насколько ему можно доверять: так, Митчелл, Джеффри, Макдауэлл принимают Hdt. VII. 3 как свидетельство о бытовании подобного νόμος, но его существование было поставлено под сомнение в недавней статье Гриффит-Уильямс. М.Н. Казанская предприняла попытку оценить, в какой мере упомянутый принцип опирался на реальный закон.

О.А. Рыканцова (Санкт-Петербург) в докладе «Образ Перикла в древней аттической комедии» отметила, что помимо шаржей, касающихся внешности Перикла, в комедиях присутствуют серьезные выпады в адрес политика: его обвиняют в развязывании Пелопоннесской войны и тираническом характере его власти. Она также рассмотрела дискуссионный вопрос, как воспринимала эти обвинения афинская публика. В докладе «Декрет Клиния (*IG* I^3 34) и культовые обязательства афинских союзников в середине 20-х гг. V в. до н.э.» *О.М. Макарова* (Самара) обратилась к дискуссионному вопросу о времени принятия упомянутого декрета. Автор доклада заключила, что, принимая во внимание имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства источников о том, как шел процесс вовлечения союзников в почитание богини Афины, ставшей общесоюзным божеством, по традициям афинского полиса, более вероятной датой принятия декрета Клиния следует признать середину 420-х годов до н.э. *О.А. Александрова* в докладе «Речь Лисия, посвященная делу об убийстве Эратосфена (Lys. I)» предприняла разбор высказанного в научной литературе суждения, что эту речь возможно рассматривать не только как яркую бытовую зарисовку, но и как свидетельство политических интриг в Афинах конца V до н.э., если предположить тождество Эратосфена-жертвы и Эратосфена – одного из Тридцати тиранов. Проанализировав доказательства, которые приводятся в пользу данной теории, автор доклада заключила, что все они весьма противоречивы и каждое из них может быть опровергнуто, так что говорить о слиянии двух персонажей невозможно. *И.А. Барсукова* (Санкт-Петербург) сделала доклад на тему «Беотийский союз в VI–IV вв. до н.э.: взаимоотношения Фив и Феспий», в котором она рассмотрела причины и обстоятельства столкновений Фив и Феспий во время греко-персидского противостояния (Hdt. VIII. 50) и Пелопоннесской войны (Thuc. IV. 133. 1), а также отметила участие феспийцев в разорении Фив в 335 г. до н.э. (Diod. XVII. 13. 5).

Т.Б. Гвоздева (Москва) в докладе «Право участия юных атлетов в Олимпийских играх» указала, что разделение на Играх атлетов на две возрастные группы – «мужчины» (andres) и «мальчики» (paides) – началось с 37-й Олимпиады (632 г. до н.э.). Автор доклада рассмотрела программу Олимпийских игр для «мальчиков», которая включала состязания в беге, борьбе, кулачном бое и панкратионе, а также принципы деления на старшую и младшую возрастную группу и порядок допуска юных атлетов к участию в состязаниях. *Д.В. Бубнов* (Пермь) в докладе «Дионисий Старший и святилище Олимпии в изображении Цицерона» изучил вопрос о происхождении известия Цицерона (*De nat. deor.* III. 83) о разграблении Дионисием Старшим святилища Зевса в Олимпии. Указав, что ряд деталей этого сообщения не позволяет вполне принять существующие в историографии представления о его непосредственной связи с сочинениями Филиста или Тимея, докладчик заключил, что рассказы Цицерона и некоторых более поздних авторов формируют особую традицию, отличную от свидетельств исторических сочинений. *Е.С. Данилов* (Ярославль) в докладе «Божественные персонификации в описании Павсания» обратил внимание на сохранившиеся у этого автора свидетельства поклонения «малым» богам (Деспойна, Илития, Климен, Котис, Мегистос, Тюхе, Эвмениды, Эпидот и т.п.), остановился на отдельных примерах почитания прозопопей (Айдос, Гибрис, Гомонойя, Пейто, Эйрена и др.), а также сделал попытку ответить на ряд важных для

этой темы вопросов, в частности, каким образом те или иные олицетворения становились самостоятельными божествами.

Секция истории эллинизма провела два заседания, на которых было заслушано 12 докладов. *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) сделал доклад «О датировке надгробия Никея, сына Никанора». Автор предпринял попытку заново датировать происходящее с некрополя Кеп надгробие некоего Никея, сына Никанора, которое на основании шрифта и формы стелы было отнесено издателем к IV в. до н.э. По мнению докладчика, наличие в эпитафии после имени усопшего слова χαῖρε, а также особенности начертания некоторых букв (например, *альфа* с прогнутой гастой и др.) позволяют датировать этот памятник более поздним временем – возможно, даже концом III в. до н.э. *О.А. Золотникова* (Брянск/Никосия) посвятила свое выступление теме «Некоторые неопубликованные артефакты позднеклассического (?) – эллинистического времени из Додоны: дионисийский элемент в святилище Зевса Додонского». В основу доклада были положены неопубликованные артефакты из святилища Зевса в Додоне, которые хранятся в Археологическом музее Янины: мраморный фрагмент, который представляет собой часть статуи Диониса и может быть датирован концом IV – первой половиной III в. до н.э., три фрагмента терракотовых фигур, которые можно отнести к III–II вв. до н.э. Данные артефакты свидетельствуют о значительном дионисийском влиянии в святилище Зевса в Додоне в эллинистическое время. Тему «Царский монетный портрет эпохи эллинизма в системе кросс-культурных и идеологических нарраций» рассмотрел в своем докладе *С.В. Смирнов* (Москва). По мнению докладчика, появление натуралистического портрета царей с персональными чертами относится ко времени раннего эллинизма и связано с трансформацией представлений о личности и власти.

Доклад на тему «К вопросу об участии коренного населения в военном деле эллинистической Бактрии» сделал *В.П. Никоноров* (Санкт-Петербург). Анализируя рассказ Полибия о битве на реке Арий, происшедшей в 208 г. до н.э. между армиями селевкидского царя Антиоха III и греко-бактрийского правителя Евтидема, и сопоставляя его с археологическими и иконографическими свидетельствами, проливающими свет на особенности военного дела бактрийцев в IV–II вв. до н.э., автор доклада критически оценил существующие теории У. Тарна и других ученых о значительном участии представителей коренного населения в политической, социальной и экономической жизни греческой Бактрии. Доклад *Н.П. Писаревского* (Воронеж) «Боспорский флот на рейде Нимфея (к исторической интерпретации иконографического памятника III в. до н.э.)» был посвящен открытой при раскопках храма Афродиты в Нимфее фреске с изображением гребного корабля «Изида». На основе анализа изображения, нарративных источников, материалов античных кораблекрушений и находок отдельных элементов конструкции боевых эллинистических кораблей автор доклада пришел к выводу о возможности датировать изображенное на фреске событие 288 г. до н.э. *Е.Г. Тейтельбаум* (Казань) посвятил свое выступление теме «Цена ошибки: к вопросу о роли Клеомена III в битве при Селассии». Автор доклада высказал предположение, что поражение Клеомена III было вызвано скорее ошибками самого спартанского царя, который планировал навязать македонянам и ахейцам битву в горной местности, к чему не была готова его армия и сам полководец. Напротив, в состав македонской армии в этом сражении входило значительное количество иллирийцев, особенно эффективно действовавших в горной местности; именно их атака с тыла предопределила поражение спартанской армии.

Е.М. Берзон (Москва) предложила вниманию коллег доклад на тему «Антиох, прозванный Гераксом: к вопросу о смысле прозвища царя по данным нарративных источников и селевкидской иконографии». Смысл прозвища Гиеракс, под которым вошел в историю Антиох, сын Антиоха II и младший брат Селевка II,– «коршун» – не является единственно возможным; допустимы также варианты перевода «ястреб» или «сокол», явно имеющие более позитивную образную семантику. На основе анализа ряда источников, в том числе монетных выпусков Антиоха Гиеракса, особенно серии с изображением царя в нетипичной диадеме с крыльями (*SC* 843; 850; 874–886), автор доклада предположила, что прозвище Гиеракс изначально не имело негативных коннотаций и, возможно, даже являлось продуктом полуофициальной пропаганды самого царя-мятежника. *О.Ю. Климов* (Санкт-Петербург) в докладе на тему «Пропаганда в политике Атталидов Пергама» обратил внимание на несколько пропагандистских идей, которые встречаются в официальной эпиграфике Пергамского царства. Среди них – идея защиты греков и живущих в Малой Азии от варваров (кельтов), благодетельный характер всей политики Атталидов, а также особые достоинства самих царей и членов их семей. Данные идеи получили отражение также в труде Полибия, который, вероятно, обращался к произведениям придворного историописания Атталидов. *А.Я. Тыжов* (Санкт-Петербург)

сделал доклад на тему «Полемика Полибия со стоической философией», в котором выразил согласие с принципиальной оценкой Полибия как «философствующего», близкого к стоицизму писателя. При этом автор доклада на основании анализа пассажа III. 31. 1–4 доказывает наличие у Полибия прямой полемики со стоиками, ведущейся на почве стоической терминологии.

Секция истории древнего Рима провела три заседания, на которых было обсуждено 22 доклада. *А.В. Мосолкин* (Москва) в докладе «Герой с сохой: об одном сюжете на погребальных урнах из Кьюзи» проанализировал несколько десятков образцов этрусских погребальных урн, происходящих из Кьюзи (II в. до н.э.), на которых представлен полуобнаженный герой, сражающийся при помощи плуга с вооруженными соперниками. Исследователи видят в этом изображении сюжеты о марафонском герое Эхетле, об Этеокле и Полинике, о Ромуле и Реме или о неизвестном этрусском демоне/герое. Докладчик заключил, что категоричное решение вопроса, какой именно герой с плугом изображен, пока представляется невозможным. Доклад на тему «К вопросу об историчности применения evocatio deorum в случае с Юноной Региной из Вей» предложил вниманию участников секции *А.В. Васильев* (Санкт-Петербург). Автор проанализировал сообщение Тита Ливия (V. 21–22) о первом применении ритуала evocatio deorum в 396 г. до н.э., когда римляне после долгой осады взяли этрусский город Вейи. Поскольку в современной историографии предпринимаются попытки поставить под сомнение историчность применения ритуала эвокации в данном конкретном случае, автор доклада выдвинул дополнительные аргументы в поддержку традиционной точки зрения и попытался дать объяснение причинам редкого упоминания evocatio в текстах античных авторов. *В.А. Квашнин* (Вологда) сделал доклад на тему «Между мифом и пропагандой: Ганнибал в Кротоне», который посвятил повышенному интересу карфагенского полководца к храму Юноны Лацинии, находившемуся в окрестностях Кротона. Согласно сообщению Полибия, в 207 г. до н.э. Ганнибал распорядился поместить в храме надпись, содержащую перечень его побед на греческом и пунийском языках. По заключению докладчика, в этом проявилась борьба за умы и симпатии как греческих полисов южной Италии, так и населения Италии, в той или иной мере подвергшегося эллинизации.

О.В. Кармазина (Воронеж) в докладе «О значении термина «кампанцы» в трудах римских писателей» отметила, что термином Campani (Campanos, Campanorum, Campanis) в подавляющем большинстве случаев античные авторы обозначали жителей Капуи; гораздо реже термином Campani назывались жители области Кампания; наконец, в рассмотренных источниках не встречается употребление термина «кампанцы» в значении «жители городов Кампанской лиги»; выражение Campanus populus римские авторы употребляли для обозначения гражданского коллектива города Капуи. *И.В. Меркулов* (Новоаннинский) в докладе «Arator или δημοβιώνης. К вопросу о социальном и материальном положении Гая Мария» на основании свидетельств Цицерона высказал предположение, что Марий был посессором, т.е. землевладельцем, получившим крупные земельные владения по квесторскому праву в вечное пользование при условии ежегодного внесения vectigal в римскую казну. По мнению докладчика, приобрести крупные массивы плодородной земли Марий мог в Малой Азии, возможно, при помощи своих патронов (Метеллов и Геррения); сдавая свою землю в субаренду, он действовал как откупщик (δημοβιώνης), наживаясь на эксплуатации мелких землевладельцев. В докладе «Волнения в армии Помпея в Африке в 81 г. до н.э.» *А.В. Короленков* (Москва) пересмотрел данные Плутарха об этих событиях, в целом пользующиеся доверием современных ученых. Он предположил, что воины Помпея не отказывались от демобилизации (случай в римской истории небывалый) и не призывали его не доверять Сулле, а сам полководец вовсе не собирался враждовать с благоволившим ему диктатором; вероятнее, они добивались (и добились) от Помпея большей доли добычи, чем досталась им первоначально.

В выступлении на тему «Римский когномен – фамилия или прозвище?» *А.В. Коптев* (Хельсинки) отметил, что в ранний период патрицианские семьи были частью родовых объединений – gentes, возводивших себя к общему предку, поэтому трехсоставное имя появилось у них рано. Плебеи же gentes не имели, поэтому их двусоставное имя состояло из преномена (личное) и когномена (семейное). *Е.В. Смыков* (Саратов) посвятил свой доклад теме «Артавазд, царь Армении, между Парфией и Римом». Он рассмотрел политику армянского царя Артавазда II (55–34 г. до н.э.), который с самого начала правления был вынужден лавировать между двумя сильными соседями, используя их борьбу на благо своего государства. Такая политика стала невозможной в условиях начатой Антонием перестройки системы межгосударственных отношений на Востоке, и Артавазд, а вместе с ними и имперские амбиции армянских царей стали жертвой этой перестройки. *М.Н. Кириллова* (Москва) в докладе «Пророчество Вегойи: проблемы датировки и интерпретации» предприняла попытку анализа данного произведения, рассказывающего о сакральном статусе межевых камней в Этрурии. Ав-

тор доклада поддержала устоявшуюся датировку пророчества – I в. до н.э. и в этой связи сравнила статус межевых камней в римском и этрусском межевании: так, если для римлян в I в. до н.э. уже характерен более светский, правовой подход к землемерным институтам, то для этрусков защита межевых камней по-прежнему оставалась вопросом религиозной жизни.

А.Ю. Маркелов (Самара) в докладе «Реформа сенатского комитета в 13 г. н.э.» высказал предположение, что реформа комитета привела к глубоким изменениям в политическом устройстве Рима в конце правления Августа. *Е.С. Зайцева* (Екатеринбург) в докладе «Homines novi в составе позднеантичной nobilitatis: механизмы кооптации» показала, что в результате объединения возвысившихся homines novi и потомков раннеимперских сенаторских семейств в позднеантичном Риме произошло обновление nobilitatis, «ядра» сенаторского сословия. По ее мнению, «новые» gentes компенсировали свое незнатное происхождение либо установлением матримониальных связей, либо через adoptio. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) посвятил свой доклад теме «Amor patriae и philopatria: патриотический дискурс в эпиграфике Запада и Востока Римской империи». Автор предпринял попытку выявить специфику гражданского (полисного) патриотизма в разных частях Римской державы на основе сравнения римского и греческого вариантов «любви к отечеству» (соответственно amor patriae и philopatria), представленных в эпиграфических текстах, посвященных главным образом эвергетам. Докладчик подчеркнул, что «любовь к отечеству» и в греческих, и в латинских надписях – это реальная ценность в городской общине; в римских надписях в качестве синонима «отечества» как объекта любви нередко выступают res publica или civitas либо сами сограждане (cives, municipes), однако, в отличие от греческих, в них нет эквивалента греческого понятия philotimia, которое у греков часто ассоциируется с «отчизнолюбием».

На двух заседаниях секции культуры и религии античного мира было представлено 11 докладов. *Е.Е. Земцова* (Санкт-Петербург) в докладе «“За северным ветром”: миф о Гиперборее в античной традиции» рассмотрела данный сюжет не только в контексте истории мифа и географических представлений древних греков, но и утопических мотивов в античной литературе, так как гипербореи нередко становились объектом идеализации для античных авторов. *С.А. Тахтаджян* (Санкт-Петербург) представил участникам секции доклад на тему «Эгоистическая калькуляция в первой тетралогии Антифонта». Автор доклада указал на имеющиеся наблюдения исследователей о том, что эгоистическая калькуляция, учитывающая долговременные последствия поступков и рекомендующая не идти на поводу сиюминутных удовольствий, присутствует не только в трактатах, но и в речах Антифонта, и дополнил их указанием на смысловое сходство между отрывком из первой тетралогии и рассуждением из трактата «Об истине». С.А. Тахтаджян отметил также и лексическое сходство, которое он привел в качестве довода в пользу единого авторства речей и трактатов, дошедших до нас под именем Антифонта. В докладе *А.А. Синицына* (Санкт-Петербург) «Φθίσις, φῦμα, φθειρίασις, σώματος, φρένας и μανίη/ἱερὴ νοῦσος: свидетельства о соматических и психических недугах в “Истории” Геродота» были рассмотрены разного рода упоминания о болезнях и увечьях в труде Геродота, которые свидетельствуют о медицинских познаниях галикарнасского историка. Опираясь на исследования в этой области современных антиковедов, докладчик проанализировал случаи «Гиппократовых» параллелей в «Истории», пассажи, где Геродот описывает ранения, массовые болезни, физические и психические недуги и их последствия, а также медицинскую терминологию, встречающуюся в труде «отца истории». *А.С. Горский* (Санкт-Петербург) предложил вниманию слушателей доклад на тему «Дионис без вина», в котором указал на существующий парадокс: практически все важнейшие центры дионисийского культа в Греции – Сикион, Фивы, острова Наксос, Андрос, и даже Афины,– либо не оказывали влияния на глобальную винодельческую индустрию Средиземноморья, либо были откровенно бедны вином; при этом лидеры античной виноторговли либо были связаны с Дионисом опосредованно – через его мифическое потомство (как острова Лемнос, Пепарет, Хиос, или легендарная Маронея), либо (как Фасос, Лесбос, Кос, город Менда) вообще не были отмечены легендами дионисийского цикла. Причину этого автор доклада находит в хтонических и оргиастических чертах раннего культа, рассматривающего вино как источник пограничного состояния человека и слабо связанного с успехами в его реальном товарном производстве.

В докладе «Значение и функциональность римских портретных изображений в первой половине I в. н.э.» *М.С. Назарова* (Санкт-Петербург) отметила перемены, которые происходили в период ранней империи по сравнению с предшествующей республиканской эпохой: хотя узнаваемые большинством граждан репрезентативные формы портрета прошлого (разнообразные виды тогатусов, статуи полководцев в доспехах, конные монументы и др.) и сохранялись, значение разных типов почетных портретных статуй изменилось, а некоторые из их функций и вовсе исчезли. *С.В. Никоненко*

(Санкт-Петербург) в докладе «Образ философов у Лукиана: сатира или слепок с натуры?» представил систематизацию представлений Лукиана о философии и типологию школ конца II в.н.э. в отражении писателя. Докладчик подчеркнул, что образ философа у Лукиана – литературный; он выстраивается по законам жанров сатиры и комедии. Изучив вопрос о преемственности критической оценки роли философов в обществе от древней аттической комедии, С.В. Никоненко поставил под сомнение предположение, что Лукиан пишет об «упадке» философии времени Второй софистики и правления династии Антонинов, и в этой связи провел реконструкцию собственных философских убеждений Лукиана и его идеализированного проекта кинической философии. В докладе «Два оратора и два императора» *С.И. Межерицкая* (Санкт-Петербург) на примере двух выдающихся ораторов разных эпох – уроженца Смирны Элия Аристида (II в.) и антиохийца Либания (IV в.) показала, что в период так называемой второй софистики деятельность риторов подразумевала их активное участие в общественно-политической жизни, что означало, среди прочего, необходимость постоянно поддерживать престиж родного города и укреплять дружеские связи с высокопоставленными римскими чиновниками, и в том числе с самими императорами. Многочисленные сходства в судьбах двух ораторов позволили автору доклада сделать важные наблюдения о характере взаимоотношений между римской властью и греческой интеллектуальной элитой. *А.В. Зибаев* (Саратов) в докладе «Обитатели Ливийской пустыни в географических описаниях позднеантичных авторов: γαράμας у Филосторгия (*Hist. ecc.* III. 11) и Исидора Севильского (*Etymolog.* XII. 7. 1)» предложил соотнести термин γαράμας (лат. garamas) с птицами родов Alectoris (Kaup, 1829) и Pterocles (Temminck, 1815), обитающими в Ливийской пустыне. Докладчик отметил, что до настоящего времени традиция комментирования Филосторгия и Исидора Севильского не замечала специальных орнитологических исследований, в то время как применение методов естественнонаучных дисциплин в антиковедении и византинистике позволит глубже и шире изучить картину мира древних авторов.

Секция истории античного христианства провела одно заседание, на котором было заслушано и обсуждено 7 докладов. *В.Н. Парфенов* (Саратов) выступил с докладом «Власть и вероотступники в переписке Плиния Младшего с императором Траяном», в котором рассмотрел вопрос об отношении Траяна к отрекшимся от христианства: карать или миловать? Как отметил докладчик, Траян рекомендовал освобождать ренегатов, ограничившись в качестве доказательства вероотступничества минимумом – их молитвой языческим богам. По заключению автора доклада, кажущийся либерализм этой позиции объясняется прагматизмом принцепса, который, с одной стороны, не видел в христианстве политической угрозы, а с другой – считал, что должно быть наказано лишь открытое неповиновение власти. Тему «Что делают демоны в раннехристианской апологетике?» рассмотрел в своем докладе *П.Н. Лебедев* (Москва). Докладчик отметил, что демоны в раннехристианской апологетике ответственны за преследования христиан, за распространение недобрых слухов о них, за внушение людям любви к ложным богам и т.д. Автор доклада предположил, что сохранение веры в демонов было вызвано изменением характера отношений между христианами и Римской империей, тем, что их эсхатологические ожидания не оправдались и они были вынуждены жить долгое время в языческом мире. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) представил доклад на тему «Мученики и мученичество в “Церковной истории” Евсевия Кесарийского», в котором отметил, что рассказ Евсевия Кесарийского важен не только для создания образа прошлого Церкви, но и ее настоящего и будущего. В докладе было показано, как Евсевий меняет акценты в рассказах о мучениках, какая система ценностей декларируется в «Церковной истории» и какое место, по мнению Евсевия, должны занимать мученики и исповедники в мире победившей Церкви. В докладе *М.А. Ведешкина* (Москва) «От богов-врачевателей к святым лекарям: трансформация пространства ритуального исцеления в IV–V вв.н.э.» было показано на примере перехода нескольких крупных средиземноморских храмовых центров богов-целителей под контроль христиан, что в местах, связанных с целительскими культами, практика ритуального излечения зачастую сохранялась сначала в форме двоеверия, а впоследствии в новой, христианской оболочке. *А.А. Королев* (Москва) в докладе на тему «“Болландистский синтез” и дебаты начала XX века о происхождении позднеантичного культа святых» подчеркнул, что современные представления о формировании культа святых в раннем христианстве во многом опираются на результаты дискуссии между протестантскими и католическими учеными конца XIX – начала XX в. В своей работе И. Делеэ («Sanctus: Очерк культа святых в античности», 1927) обосновал независимость христианского культа святых от «языческих» верований, рассматривая культ святых главным образом как культ мучеников. Автор доклада предпринял попытку скорректировать выводы И. Делеэ с помощью наблюдений его предшественников, которые остались практически невостребованными в современной историографии.

25 октября 2019 г. состоялось заключительное пленарное заседание, на котором было представлено 4 доклада. *Р.В. Светлов* (Санкт-Петербург) избрал для выступления тему «Археология Гиппия». Автор указал, что в «Гиппии Большем» мы впервые встречаемся со словом «археология» (285d) в смысле повествования о делах минувших, о происхождении родов, племен и городов. Р.В. Светлов отметил отличие Гиппия от других софистов в том, что он немалое внимание уделял «коллекционированию» исторического опыта, которое, вероятно, получило выражение в его сборнике «Synagoge». В докладе была высказана гипотеза о том, какую форму имел характер творчества Гиппия в аспекте формирования греческой истории как особого литературного жанра и как особого дискурса. *С.К. Сизов* (Нижний Новгород) предложил вниманию аудитории доклад на тему «Источники пополнения союзного бюджета в греческих федерациях эллинистического времени», в котором указал, что главным и почти единственным источником пополнения федеральной казны в таких союзах, как Ахейский, Этолийский, Беотийский и Акарнанский, являлись денежные взносы, которые выплачивались полисами – участниками федерации пропорционально величине каждого из них, причем размеры этих взносов и сроки уплаты не были постоянными, поскольку зависели от потребностей бюджета, которые изменялись из года в год. Второстепенный характер имели прочие статьи дохода: средства от продажи военной добычи, штрафы, взимаемые в пользу федерации, безвозмездная помощь царей-союзников и некоторые другие. Важно, что федеральные органы власти практически не занимались непосредственным сбором налогов и пошлин, целиком доверяя это местным властям.

В.О. Никишин (Москва) посвятил свой доклад теме «Рим и провинции в период Поздней республики: проблема ответственности за тех, кого покорили». Автор доклада заметил, что управление провинциями в конце эпохи Республики было не столько государственным, сколько частным делом представителей римской правящей элиты, наделенных, в сущности, неограниченными властными полномочиями. По мнению докладчика, такая ситуация порождала, с одной стороны, практически полное бесправие провинциалов, а с другой – разнообразные злоупотребления, произвол и беззакония со стороны римских должностных лиц и публиканов; чувство ответственности за судьбы покоренных народов появилось у римской правящей элиты лишь в самом конце эпохи Республики. *О.Л. Габелко* (Москва) в докладе «Неофициальные имена и прозвища государственных деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен: итоги проекта» рассказал о результатах, достигнутых коллективом исследователей в рамках гранта РФФИ по изучению неофициальных имен и прозвищ правителей и политиков Древнего мира – персидских царей, государственных деятелей архаической и классической Греции, эллинистических монархов, римских политиков республиканского периода, императоров Рима. Была предложена классификация прозвищ, рассмотрены новые их трактовки, а иногда и определено конкретное значение некоторых имен, ранее остававшихся «загадочными».

Пленарное заседание завершилось выступлением председателя программного комитета О.Ю. Климова, который подвел итоги форума, поблагодарил участников за тематическое разнообразие представленных докладов, за их научную актуальность и высокий исследовательский уровень, а также отметил в качестве несомненно положительного результата активное участие в ее работе молодых ученых, преподавателей и аспирантов из многих российских университетов.

Oleg Yu. Klimov,

E-mail: o.klimov@spbu.ru

Oksana V. Kulishova,

E-mail: o.kulishova@spbu.ru

St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

О.Ю. Климов,

д.и.н., профессор кафедры
истории древней Греции и Рима

О.В. Кулишова,

д.и.н., профессор кафедры
истории древней Греции и Рима,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 536–538
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 536–538
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014836-2

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВЕТСКАЯ ДРЕВНОСТЬ – VI. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ В XX–XXI вв.»

(Москва, 27–28 ноября 2020 г.)

Очередная международная научная конференция «Советская древность – VI. Древняя история в XX–XXI вв.» (организатор С.Г. Карпюк) прошла в Институте всеобщей истории РАН 27–28 ноября 2020 г. частично в онлайн-формате. В ней приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Челябинска и Варшавы, занимающиеся советской историографией истории древности, а также рецепцией античности в СССР. Конференция, посвященная памяти Ю.Н. Литвиненко, состояла из нескольких тематических заседаний, всего было заслушано и обсуждено 13 докладов.

В первый день после краткого вступительного слова организатора началось самое обширное заседание «От марксизма к державности. Струве и рабство», посвященное первым десятилетиям XX в. *С.Б. Крих* (Омск) выступил с докладом «Опасные аналогии: восточный деспотизм в творчестве Г.В. Плеханова», в котором была поставлена проблема начальных представлений марксистов о древней истории в дореволюционный период. В докладе было проанализировано использование Плехановым библейских образов и современных ему исторических исследований о ближневосточной древности, показана роль концепта восточной деспотии в концепции русского общества, выдвинутой основателем ортодоксального марксизма.

В докладе *М.Д. Бухарина* (Москва) и *В.Г. Ананьева* (Санкт-Петербург) «Академик В.В. Струве и формирование советского марксистского историописания (новые архивные материалы)» было показано, как Струве стремился обосновать единство принципов развития общества в древности на примере античной и древневосточной цивилизаций, рассматривая их как рабовладельческие в своей основе. В фонде академика С.Ф. Ольденбурга в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранились рукописи докладов Струве «Азиатский способ производства» (весна 1931 г.) и «О способе производства древнеегипетского общества» (февраль 1932 г.), которые показывают, что переход Струве от концепции феодальной основы древневосточного общества к рабовладельческой состоялся именно в 1931 – начале 1932 г. Между тем в это время партийное и научное руководство не рассматривало Струве как ученого-марксиста, и вопрос о его принадлежности к марксистской науке в середине 1930-х годов оставался для властей СССР и руководителей науки открытым.

Доклады *А.И. Немировского* (Москва) «“Мировая держава”: азиатские завоевания XVIII династии в советской научно-учебной литературе довоенного времени» и *И.А. Ладынина* (Москва) «“Рабовладение 1.0” и его судьба: концепция В.В. Струве и “История древнего мира” издания ГАИМК» были посвящены важным проблемам развития советской науки о древности в 1930-е годы.

Следующее заседание «Ленинград, всеобщая история и классическая филология» открыл доклад *Т.В. Кудрявцевой* (Санкт-Петербург) «Историки античности на кафедре всеобщей истории ЛГПИ им. А.И. Герцена (А.А. Мотус)», которая рассмотрела биографию, преподавательскую и научную деятельность Алеси Акимовны Мотус (Мотус-Беккер). В основу доклада легли материалы из архива РГПУ им. А.И. Герцена. А.А. Мотус оказалась в антиковедении по воле случая: она была переведена в аспирантуру ЛГПИ из аспирантуры при Минском институте школьной педагогики в связи с переводом по службе в Ленинград мужа-военного. Ее научные

успехи и достижения были более чем скромными, однако в нескольких своих статьях, опубликованных в «Ученых записках ЛГПИ» и в ВДИ в конце 1940–1950-х годах, она полемизирует с А.В. Мишулиным, обосновывая свою точку зрения данными источников. В ЛГПИ А.А. Мотус проработала с 1937 г. до своего увольнения в связи с уходом на пенсию в 1960 г., одно время (с 1947 по 1950 г.) даже заведовала кафедрой истории древнего мира. В годы Великой Отечественной войны она оставалась в блокадном городе и мужественно исполняла нелегкие обязанности хранителя исторического и литературного факультетов.

А.Б. Шарнина (Санкт-Петербург) в докладе «Историки античности на кафедре всеобщей истории ЛГПИ им. А.И. Герцена (Л.М. Глускина)», используя документы и фото из своего личного архива, рассказала о профессоре кафедры всеобщей истории ЛГПИ Лии Менделевне Глускиной. Лишенная в детстве как дочь раввина права на образование, Лия Менделевна тем не менее смогла самостоятельно освоить программу средней школы, а потом успешно закончить исторический факультет Ленинградского университета, защитить кандидатскую, а спустя годы – и докторскую диссертации. Более 20 лет она проработала на кафедре всеобщей истории ЛГПИ, читала лекции и вела семинары по истории Древней Греции и Древнего Рима, преподавала древние языки. Научные труды Лии Менделевны были посвящены истории Дельфийского святилища, а также социально-экономическим проблемам античных Афин.

А.М. Скворцов (Санкт-Петербург/Челябинск) в докладе «Судьба отделений классической филологии в советских университетах в 1950-е гг.» проанализировал действия филологов-классиков по укреплению позиций их специальности после прекращения в 1955 г. преподавания латыни в средних школах: были внесены изменения в учебные планы, организованы общесоюзные конференции, публиковались статьи в газетах. Автор пришел к выводу, что под влиянием внешних обстоятельств впервые произошла консолидация классицистов. Инициатива исходила от московских филологов (в частности, от Н.Ф. Дератани), они же претендовали на лидерские позиции в этом сообществе. Раскол же внутри ленинградской кафедры классической филологии препятствовал объединению. Но даже эти небольшие усилия сыграли роль в сохранении классической филологии в СССР.

Второй день конференции открыло заседание «Рецепция, до и после», в рамках которого был заслушан доклад *А. Павловской* (Варшава) «Жизнь замечательных древних. Античные выпуски ЖЗЛ». В докладе был сделан краткий обзор истории серии «Жизнь замечательных людей» и проанализирован характер выпусков серии, изданных в советский период и посвященных античным персоналиям. Из 842 томов серии этого времени им были посвящены всего шесть, трем из римской и трем из греческой истории. В докладе было проанализировано время создания томов, их авторство, характер информации, содержащейся в выпусках, особенности языка повествования, приемлемость для юношеской читательской аудитории. Как и в древности, в советское время биографии знаменитых мужей должны были служить примером для подрастающего поколения и быть проводниками доминировавших в обществе идеалов.

Следующее заседание, посвященное послевоенным десятилетиям, называлось «Не весна, а оттепель». Его открыл доклад *Н.К. Спиченко* (Москва) «Советские историки об упадке Римской Африки, или Почему месье Штаерман не цитирует Св. Августина», который был посвящен публикации П. Гачича, изданной в 1957 г. в «Анналах», под заголовком «В Римской Африке. Классы и социальная борьба согласно советским историкам». В статье П. Гачича был дан обзор работ Н.А. Машкина, А.Б. Рановича, Д.А. Дмитрева, Е.М. Штаерман и Г.Г. Дилигенского о последних веках римской Африки, опубликованных в ВДИ в конце 1940 – первой половине 1950-х годов. Особое внимание Гачич уделяет работам Елены Михайловны Штаерман, которую по причине незнания имени исследовательницы называет «Месье Штаерман» (M. Staërman). Характерной особенностью советских работ, по мнению Гачича, являлась исключительная сосредоточенность на классовой борьбе, обусловленной растущей эксплуатацией угнетенных классов. Отдавая должное высокому уровню работы с источниками, Гачич отмечал, что в статьях советских исследователей чувствовался дифференцированный подход к ним и необъяснимое замалчивание некоторых источников, которые даже не противоречили основным тезисам самих исследователей. Причину такого подхода П. Гачич находил в идеологических установках, принятых в советской историографии.

В докладе *А.В. Ашаевой* (Москва) «Вне научной школы: судьба советского историка античности» была представлена научная биография историка, доцента ЛГПИ им. А.И. Герцена В.Н. Андреева (1927–1984). На основе архивных материалов, опубликованных воспоми-

наний современников и учеников Андреева, а также его научных публикаций было показано, как выбранная тема исследования (социально-экономическая история Афин V–III вв. до н.э.) и возникший из-за этого конфликт интересов привел к разногласиям в академическом сообществе антиковедов и стал причиной недопуска к защите сначала кандидатской, а потом и докторской диссертаций В.Н. Андреева. Автор показала, что за дискуссией об «антимарксистских взглядах» ученого стояло столкновение личных представлений историков о допустимых темах исследования в советском антиковедении и вызванное этим нарушение иерархии и неформальных традиций сообщества, приведшее к конфликту.

В докладе *С.Г. Карпюка* (Москва) «Владислав Андреев, ученик Мозеса Финли» была рассмотрена переписка двух ученых конца 1950 – начала 1960-х годов. В.Н. Андреев восторженно отзывался о работах М. Финли и обратился к английскому ученому с просьбой оценить его план исследований в области аграрных отношений в Аттике классического периода. Знакомство с работами Финли и переписка с ним значительно повлияли на Андреева: он стал последователем английского ученого, работая вне рамок существовавших в советском антиковедении научных школ. Переписка Андреева и Финли также демонстрирует высокую степень вовлеченности ленинградского ученого в актуальную повестку мировой науки об античности.

Завершающее заседание «От Москвы до самых до окраин» открыл доклад *М.Н. Кирилловой* (Москва) «Древность в академическом проекте “Истории СССР” (1938–1941)». В нем была освещена история работы над первым томом многотомной «Истории СССР», которую планировалось выпустить в конце 1930 – начале 1940-х годов. Целью тома было представить историю народов, населявших СССР в древности, и показать их развитие от первобытного строя к рабовладельческой формации. Достижению этой цели, однако, не способствовали ни условия и сроки работы, ни отсутствие единства среди авторов по ряду вопросов, в том числе и по принципиально важным проблемам периодизации. При работе над томом редакторы не стремились акцентировать спорные места, но насыщали текст конкретным материалом. Такая стратегия, с одной стороны, позволила закончить работу над текстом, но, с другой стороны, имеющийся материал по древней истории все больше контрастировал с историей российской государственности, которой были посвящены оставшиеся тома проекта, и должен был восприниматься как нечто самостоятельное.

В докладе «Провинциальная наука или наука в провинции: опыт советской историографии древности» *О.В. Метель* (Омск) обратилась к изучению советской науки о древности в провинции. Она показала, что основными организационными формами изучения древней истории (в самом широком смысле) в регионах РСФСР и союзных республиках с 1930-х годов являлись музеи, академические институты и кафедры университетов и педвузов. Формирование данных структур началось в 1930-е годы в связи с «научным освоением» советским правительством территорий страны. Наиболее часто региональные институции брали на себя задачу изучения местной древней истории. Особенно ярко это проявилось в деятельности институтов региональных академий наук. Основные проблемы, связанные с развитием советской науки о древности, были обусловлены нехваткой кадров и иерархизированной организацией науки в СССР.

В заключительном слове С.Г. Карпюк подвел итоги конференции. Несмотря на частично виртуальный формат (интернет-модератор А.В. Ашаева), дискуссии получились вполне реальными. Материалы конференции (программа, а также запись первого и второго дня заседаний) доступны на сайте sovdrevnost.ru. Участники выразили пожелание встретиться через год на очередной конференции «Советская древность».

Sergey G. Karpyuk,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: oxlos@yandex.ru

С.Г. Карпюк,

д.и.н., в.н.с. отдела сравнительного изучения древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 539–568
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 539–568
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014837-3

ΦΕΡΕΚΥΔΟΥ ΤΟΥ ΑΘΗΝΑΙΟΥ ΙΣΤΟΡΙΑΙ

ФЕРЕКИД АФИНСКИЙ ИСТОРИИ

(Перевод с древнегреческого и комментарий И. Е. Сурикова)

От переводчика

Ферекид Афинский, работавший в первой половине – середине V в. до н.э., принадлежит к плеяде самых ранних греческих историков, предшественников Геродота. Кстати, последний, несомненно, был знаком с трудом Ферекида (относительно названия которого см. ниже, в прим. 34) и пользовался им[1]. Помимо прочего, данный автор является первым по времени афинским прозаиком[2] (хотя писал он, судя по всему, еще на ионийском, а не на аттическом диалекте).

Ферекид Афинский – фигура достаточно проблематичная, сведения о нем смутны и противоречивы. Главная причина такого положения вещей – в том, что в позднейшей нарративной традиции его часто путали с его тезками, Ферекидом Сиросским и Ферекидом Леросским. Относительно некоторых фрагментов даже нет полной уверенности, действительно ли они принадлежат Ферекиду Афинскому, а не кому-либо из этих тезок (хотя Феликсом Якоби была проделана большая работа в данном направлении). Соответствующие сомнительные случаи также оговариваются в примечаниях.

Ферекид – фигура, стоящая еще на грани между мифографами и историками как таковыми (в этом он сродни Гекатею Милетскому, Акусилаю Аргосскому и, в общем-то, практически всем историкам этого поколения). То, о чем он рассказывает в своем историческом сочинении, мы скорее отнесли бы к мифологии. Однако

[1] Ruschenbusch 2000.
[2] Jacoby 1956, 116.

прекрасно известно, что в античности легендарно-мифологическая традиция «воспринималась и трактовалась как историческая»[3].

Перевод выполнен в основном по классическому изданию: Jacoby, F. *Die Fragmente der griechischen Historiker* (*FGrHist*). Tl. 1: *Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz*. Leiden–New York–Köln, 1995 (репринтное воспроизведение издания 1957 г., которое готовил еще сам Ф. Якоби). Номер Ферекида в *FGrHist* – 3.

Мы привлекали и более поздние издания[4] и особенно часто обращались, как будет видно из дальнейшего, к тому, которое на сегодняшний день является итоговым по отношению к остальным,– фундаментальному своду Р. Фаулера (о нем см. чуть ниже). Однако, как бы то ни было, все они уступают труду великого Якоби, который остается непревзойденным (называя вещи своими именами, признаем, что ничего принципиально нового и важного после него не было сказано) и при переводе принят нами за основу.

Итак, сравнительно недавно появился огромный двухтомник Р. Фаулера, в котором Ферекид, естественно, тоже присутствует и занимает весьма почетное место[5]. В нем нумерация свидетельств и фрагментов та же, что и в *FGrHist*, но добавлен некоторый новый (не очень обильный) материал. Хотя правомерность его включения для нас не всегда очевидна (например, появились свидетельства, которые Якоби явно не упустил по недосмотру, а сознательно оставил в стороне, поскольку резонно считал их относящимися к другому Ферекиду – Сиросскому), мы все-таки приводим и его – в конце, отдельными addenda. Также все случаи сколько-нибудь влияющих на смысл текстуальных расхождений между изданиями Ферекида в *FGrHist* и *EGM* мы оговариваем в примечаниях.

Схолии и тексты подобного им характера приводятся по тем изданиям и в тех чтениях, которые фигурируют в *FGrHist* (например, схолии к Пиндару – по изданию Драхмана).

Литература / References

Dolcetti, P. 2004: *Ferecide di Atene: testimonianze e frammenti.* Alessandria.

Fowler, R.L. 2007–2013: *Early Greek Mythography*. Vol. I. *Text and Introduction*. Vol. II. *Commentary*. Oxford.

Jacoby, F. 1956: *Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung.* Leiden.

Pàmias i Massana, J. 2008: *Ferecides d'Atenes: Històries*. Barcelona.

Ruschenbusch, E. 2000: Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3). *Klio* 82/2, 335–343.

Starr, C.G. 1962: *The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C*. London.

Vidal-Naquet, P. 2001: *Chernyy okhotnik* [*The Black Hunter*]. Moscow.
Видаль-Накэ П. *Черный охотник*. М.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

И.Е. Суриков,

д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного
изучения древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,

Москва, Россия

[3] Vidal-Naquet 2001, 228; ср. Starr 1962, 68.

[4] Dolcetti 2004; Pàmias i Massana 2008 и интернет-издание *Brill's New Jacoby* (URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/brill-s-new-jacoby/pherekydes-of-athens-3-a3?s.num=5; дата обращения: 03.05.2021).

[5] Fowler 2007–2013 (далее – *EGM*).

ФЕРЕКИД АФИНСКИЙ

СВИДЕТЕЛЬСТВА

T1: «Суда»[6], статья «Ферекид, сын Бабия, сиросец[7]». ...Жил же он во времена царя лидийцев Алиатта, так что был современником 7 мудрецов, а родился в 49-ю олимпиаду[8]... Некоторые же рассказывают, что он первым обнародовал сочинение в прозе, в то время как другие приписывают это Кадму Милетскому[9]... Вот всё, что он написал: «Семинедрие», называемое также «Соединением богов» или «Происхождением богов»[10]; это – богословие в 10 книгах, содержащее рассказ о рождении и последовательности богов.

T2: «Суда», статья «Ферекид, афинянин». Он старше сиросца[11]; о нем есть молва, что он собрал сочинения Орфея[12]. Он написал «Автохтонов» – это труд об аттических древностях – в 10 книгах, а также «Увещевания» в эпических стихах[13]. Порфирий[14] же принимает, что никто не был старше предыдущего[15], и считает его одного основоположником прозы.

T3: «Суда», статья «Ферекид, леросец». Историк, родившийся незадолго до 75-й олимпиады[16]. «О Леросе[17]», «Об Ифигении[18]», «О праздниках Диониса» и прочее.

---

[6] Известный византийский энциклопедический словарь, датирующийся обычно X в. Произведение анонимное; иногда встречающиеся в отечественной литературе ссылки на некоего Свиду как автора этого лексикона являют собой плод недоразумения.

[7] Т.е. уроженец Сироса – острова в Эгейском море.

[8] Якоби исправляет текст по свидетельству Диогена Лаэртского (I. 121). В статье «Суды» стоит «в 45-ю олимпиаду». 49-я олимпиада – 584/583–581/580 гг. до н.э.; 45-я олимпиада – 600/599–597/596 гг. до н.э. Правление Алиатта в Лидии датируется 617–560 гг. до н.э. или 605–560 гг. до н.э. (второй вариант представляется более вероятным). Строго говоря, и 45-я, и 49-я олимпиады приходятся на царствование Алиатта. Ферекида Сиросского обычно называли учителем Пифагора; рождение последнего обычно относят ко времени около 570 г. до н.э. В *EGM* после слов «в 49-ю олимпиаду»: «Есть молва, что у него учился Пифагор, а сам он не имел наставника, а обучился самостоятельно, приобретя тайные книги финикийцев». После слов «Кадму Милетскому»: «...и что он первым прибегнул к рассуждениям о метемпсихозе. А завидовал он славе Фалеса. И умер от вшей...». Всё это относится не к Ферекиду Афинскому, а к Ферекиду Сиросскому, и в издании Якоби исключено из свидетельства вполне оправданно.

[9] Кадм Милетский – фигура полулегендарная. Если он действительно существовал, то должен был относиться к самому первому поколению древнегреческих историков (к тому самому, представителей которого неправомерно называют «логографами»). Но античные авторы нередко контаминируют этого Кадма с финикийцем Кадмом – тем самым, который, согласно мифам, во II тыс. до н.э. основал Фивы и впервые познакомил греков с письменностью. Как бы то ни было, все-таки Ферекид Сиросский имеет большее право считаться первым греческим прозаиком.

[10] Здесь Ферекиду Сиросскому ошибочно приписан труд «Происхождение богов» («Теогония»); в действительности это второе название исторического трактата Ферекида Афинского. «Семинедрие» – отличное от него сочинение, принадлежащее действительно Ферекиду Сиросскому.

[11] Грубая ошибка. Ферекид Афинский жил и работал позже, чем Ферекид Сиросский, в первой половине V в. до н.э.

[12] Из конструкции фразы не вполне ясно, какой из двух Ферекидов имеется в виду. Это скорее должно относиться к Ферекиду Сиросскому, который явно имел какое-то отношение к орфизму (мистическому религиозно-философскому течению, возникшему в VI в. до н.э. и возводившему свое происхождение к мифическому певцу Орфею).

[13] Стихотворное произведение вряд ли могло принадлежать перу Ферекида Афинского.

[14] Известный философ-неоплатоник III–IV вв. н.э., энциклопедист.

[15] Т.е. Ферекида Сиросского.

[16] 75-я олимпиада – 480/479–477/476 гг. до н.э. Относительно реального существования Ферекида Лесосского высказываются сомнения.

[17] Лерос – остров в Эгейском море.

[18] Ифигения – в мифологии дочь микенского царя Агамемнона; при подготовке похода на Трою была принесена в жертву, но не погибла, а оказалась у тавров (в Крыму); вернул ее на родину ее младший брат Орест.

Т4: Диоген Лаэртский[19], I. 119. А Андрон Эфесский[20] говорит, что было два сиросца Ферекида: один – звездочет, другой же – богослов, сын Бабия...[21] Но Эратосфен[22] знает только одного Ферекида-сиросца, а другого – афинянина, автора родословных.

Т5: Страбон[23], X. 5. 8. Сирос[24], ...с которого происходил Ферекид, сын Бабия; а Ферекид-афинянин моложе его.

Т6: Евсевий[25], «Хроника», версия Иеронима[26], под 1-м годом 81-й олимпиады[27]. Становится известным Ферекид, второй автор исторических сочинений[28].

Т7: Дионисий Галикарнасский[29], «Римские древности», I. 13. 1. ...Мужа из числа древнейших историков... Ферекида-афинянина, не уступающего никому из авторов родословных[30].

Т8: Цицерон, «Об ораторе», II. 53. Этого однообразия в манере писать придерживались многие, оставившие после себя – без всяких прикрас – только упоминания о временах, людях, местах и деяниях; поэтому каковы были у греков Ферекид, Гелланик[31], Акусилай[32] и весьма многие другие – таковы наши Катон, Пиктор и Пизон[33]...

---

[19] Автор начала III в. н.э., от которого дошел сборник биографий древнегреческих философов. С написанием его имени до сих пор между специалистами нет согласия (Диоген Лаэртский, Диоген Лаэрций, Диоген Лаэртий, Лаэртий Диоген...).

[20] Автор труда о семи мудрецах (рубеж V–IV вв. до н.э.).

[21] В *EGM* после слов «сын Бабия»: «...у которого учился и Пифагор».

[22] Эратосфен Киренский (III в. до н.э.) – один из знаменитейших представителей эллинистической учености.

[23] Известнейший географ (и историк) времени начала Римской империи.

[24] В *EGM* после слова «Сирос»: «...первый слог в названии которого – долгий».

[25] Евсевий Кесарийский – крупнейший христианский историк IV в. н.э.

[26] Как известно, «Хроника» Евсевия в своем изначальном виде не сохранилась. Поэтому на нее ссылаются по дошедшим разным, так сказать, изводам («версия Иеронима», «армянская версия», «версия Синкелла»). В данном случае фигурирует «версия Иеронима» (Иероним Стридонский, IV в. н.э.– один из крупнейших представителей западной патристики).

[27] В армянской версии – под 3-м годом 81-й олимпиады, в прочих версиях – под 2-м годом 81-й олимпиады. 81-я олимпиада – 456/455–453/452 гг. до н.э. Данная датировка является ключевой для определения времени акме Ферекида. Для этого свидетельства Якоби дает также ссылку Isid. *Orig*. I. 42. 2 («Начала» Исидора Севильского – видного христианского энциклопедиста рубежа античности и средневековья).

[28] Почему здесь употреблена именно такая, не вполне понятная формулировка? Если Ферекид – «второй» (secundus) историк, то второй после кого? При обсуждении данного перевода на заседании редколлегии ВДИ была высказана мысль, что Ферекид назван здесь вторым после Геродота (в соответствии с цицероновской схемой, в которой Геродот – «отец истории»). Видимо, так оно и есть; но в таком случае налицо грубая хронологическая ошибка (у хрониста!): Ферекид писал раньше Геродота.

[29] Известнейший греческий ритор и историк времен начала Империи. «Римские древности» – его главное сочинение.

[30] Характерно, что Дионисий Галикарнасский не упоминает Ферекида в своем главном пассаже о древнейших греческих историках (Dion. Hal. *De Thuc*. 5). Однако, как видим, знаменитый ритор все-таки весьма высоко оценивает этого автора. В *EGM* свидетельство имеет вид: «Давайте же покажем и то, откуда пошел род энотров, представив в качестве свидетеля другого мужа из числа древнейших историков – Ферекида-афинянина, не уступающего никому из авторов родословных».

[31] Один из крупнейших представителей первой плеяды греческих историков, родом с Лесбоса, жил в V в. до н.э. (родился раньше Геродота, но пережил его). Написал множество сочинений. Незаслуженно недооценен (во многом из-за негативного отзыва Фукидида: I. 97. 2) и достоин отдельного исследования.

[32] Акусилай Аргосский – еще более ранний, чем Гелланик (и, похоже, даже более ранний, чем Гекатей Милетский), представитель греческого историописания. Его приходится датировать VI веком до н.э. Строго говоря, этот автор стоял еще на грани мифографии и историографии, но ведь то же самое можно сказать и о Ферекиде (а, по большому счету, в чем-то это относится даже и к Гекатею).

[33] С древнейшими греческими историками Цицерон сопоставляет (и, в общем-то, небезосновательно) римских старших анналистов: Катона Старшего (II в. до н.э.), Фабия Пиктора (конец III в. до н.э.), Пизона Фруги (вторая половина II в. до н.э.).

ФРАГМЕНТЫ

«ИСТОРИИ» («ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОГОВ»)

В 10 книгах[34]

1-я книга[35]

F1. а) Схолии к Пиндару, «Немейские оды», IV. 81[36] (к словам: «Эноне[37] / И Кипру, / Где царствует вдали Теламонов Тевкр[38], / Как Аянт – на отчем Саламине[39], / Как Ахилл – на Евксинском блистательном острове[40], / Как Фетида – во Фтии[41], / А Неоптолем – в пронизывающем дали Эпире[42]»[43]). Кажется, Пиндар упоминает о Фетидии, о котором Ферекид в первой книге пишет так: «Затем Пелей отправлялся[44] во Фтию, везя и Фетиду на этих конях, и живет[45] в Фарсале и в Фетидии – этот город так называется в честь Фетиды».

---

[34] Точное название труда Ферекида неизвестно. У позднейших авторов, цитирующих его, он фигурирует то как «Истории» (именно так, во множественном числе), то как «Теогония» («Происхождение богов»), то как «Автохтоны», то без упоминания заголовка. Вариант «Теогония» представляется маловероятным, поскольку речь в сочинении идет не столько о происхождении богов, сколько о родословных различных героев, а также и реальных лиц (таких как Мильтиад). Не думаем, что верен и вариант «Автохтоны»: автохтонами называли обычно афинян, а труд Ферекида посвящен отнюдь не только Аттике (хотя она занимает в нем немалое место, что неудивительно, учитывая афинское происхождение автора). Но если произведение называлось «Истории» или «История», то получается, что Ферекид пользовался данным термином еще до Геродота, причем употреблял его, судя по всему, в том же значении – «исследования, изыскания». Практически несомненно, что Ферекид оказал немалое влияние на Геродота.

[35] Вначале у Якоби перечислены те фрагменты труда Ферекида, для которых цитирующими источниками указываются номера книг. Далее идут фрагменты, для которых такой информации нет. Но и их, как увидим ниже, издатель гипотетически разделяет по книгам, исходя из их тематики.

[36] Это номер схолия по изданию Драхмана (так и впредь, когда цитируются схолии к Пиндару). Соответствующее место у Пиндара: *Nem.* IV. 46–51.

[37] Согласно мифологической традиции, Эноной в древности называлась Эгина. Новое название остров получил в честь нимфы Эгины, перенесенной туда влюбившимся в нее Зевсом и родившей от него Эака.

[38] Тевкр, внук Эака, незаконнорожденный отпрыск его сына Теламона, правившего на Саламине – острове в Сароническом заливе. Изгнан отцом за то, что не уберег от гибели своего (законнорожденного) брата Аякса (Аянта), и отправился на Кипр, где основанному им городу дал название в честь своей родины (Саламин Кипрский).

[39] «Царствует» – повсюду в этом пассаже, конечно, не в смысле реального царствования (речь идет о персонажах легендарной старины), а в смысле статуса героя-покровителя данного места.

[40] Остров Левка (Белый) в Черном море, близ устьев Дуная, где было почитаемое святилище Ахилла. Ныне о. Змеиный, территориально принадлежащий Украине.

[41] Как супруга Пелея (также сына Эака), правившего в фессалийской Фтие. Хотя Фетида, конечно, была не героиней, а второстепенной богиней, нимфой-нереидой. Именно с неожиданностью ее упоминания здесь связан данный комментарий в схолиях.

[42] Неоптолем, сын Ахилла, после Троянской войны правил в Эпире. К нему возводила свое происхождение молосская царская династия. Обратим внимание на то, что все перечисляемые здесь лица – либо потомки Эака Эгинского, либо лица, имеющие к ним отношение.

[43] Пиндар здесь и далее цитируется в переводе М.Л. Гаспарова.

[44] Имперфект труднообъясним. Якоби предлагает заменить на praesens historicum: «отправляется».

[45] Очевидная несогласованность настоящего времени, употребленного тут, со стоящим выше однородным членом предложения в имперфекте. Надо либо заменять этот имперфект на настоящее (см. предыдущее примечание), либо тут изменить настоящее на имперфект (это тоже предлагалось; см. аппарат в издании Якоби).

b) Цец, схолии к Ликофрону[46], 175, p. 84, 27. Пелей же, согласно Ферекиду, получает очищение от руки Еврита[47], сына Актора, дочь которого, Антигону, он берет в жены[48]; и, взяв ее с собой, он отправлялся[49] во Фтию, везя и Фетиду на этих конях, и живет в Фарсале и в Фетидии – этот город так называется по Фетиде.

c) Схолии к Еврипиду, «Андромаха», 17 слл. (к словам: «...И равнину, / Где фтийские с фарсальскими сады / Сливают тень, я обитаю... эти / Когда-то, брак с Пелеем заключив, / Поля себе избрала Нереида, / Таясь толпы... И фессалийский люд / Фетиды им оставил имя, гордый / Невестою Пелея»[50]). Это автор взял из исторического сочинения. Ведь здесь с ней[51] вступил в брак Пелей, и Фетидий был [под властью][52] Ахилла. Это – город в Фессалии, как говорят Ферекид и Свида[53].

F2: Маркеллин[54], «Жизнь Фукидида», 2–4[55]. Ибо он[56] с древности родом был близок к полководцу Мильтиаду, а через Мильтиада – к Эаку, сыну Зевса... (3) И об этом свидетельствует Дидим[57], заявляя, что Ферекид в первой книге «Историй» говорит так: «Филей же, сын Аякса[58], живет[59] в Афинах; от него же происходит Даикл[60]; от того – Эпилик[61]; от того – Акестор; от того – Агенор; от того – Улий[62]; от того – Лик; от того – Тофонт[63]; от того – Лай; от того – Агаместор; от того – Тисандр[64]; от того – Гиппоклид[65], в чье архонтство [в Афинах][66] были учреждены Панафинеи;

---

[46] Иоанн Цец – византийский филолог XII в. В данном случае цитируются составленные им схолии к «Александре» – знаменитой поэме эллинистического стихотворца-эрудита Ликофрона «Темного».

[47] Иногда в традиции этого персонажа называют также Евритионом. Это – правитель Фтии; очистил Пелея он после того, как последний нечаянно убил на Эгине своего брата Фока и вынужден был поэтому покинуть родину.

[48] Антигона (не путать с более известной фиванской царевной, дочерью Эдипа) – первая жена Пелея. Покончила с собой, получив ложное известие об измене мужа. Кстати, ее отца Еврита (Евритиона) Пелей еще до того опять же нечаянно убил на Калидонской охоте.

[49] Отсюда и до конца фрагмента – дословное повторение предыдущего (F1a).

[50] Еврипид цитируется в переводе И. Анненского.

[51] С Фетидой.

[52] Добавление издателей.

[53] Нельзя отождествлять этого писателя (III в. до н.э.) с анонимным автором византийского словаря, название которого ныне читают как «Суда».

[54] Малоизвестный автор (предположительно датирующийся IV в.н.э.), от которого дошла только биография историка Фукидида, весьма путаная, но содержащая некоторые интересные сведения.

[55] Данный фрагмент содержит генеалогию знатного афинского рода Филаидов, к которому принадлежали историк Фукидид, а также полководцы и политики Мильтиад (марафонский победитель) и его сын Кимон. Весьма вероятно, что Ферекид принадлежал к окружению Филаидов и составил их родословие по заказу Кимона. Безусловно, эта генеалогия в своей древнейшей части легендарна, а в части более поздней подверглась порче.

[56] Фукидид.

[57] Знаменитейший эллинистический филолог.

[58] Аякс, согласно легендарной традиции, был внуком вышеупомянутого Эака.

[59] Характерно, что Ферекид, рассказывая о прошлом (порой весьма отдаленном), предпочитает пользоваться глагольными формами настоящего времени (praesens historicum). Очевидно, прошлое было для него неотделимо от настоящего.

[60] Предлагалась поправка «Экл».

[61] В оригинале – «Эпидик», причем с *ипсилоном* в третьем слоге, что невозможно. Поэтому правомерна поправка на «Эпилик»: это имя и впоследствии было распространено в роде Филаидов.

[62] В V в. до н.э. Кимон назвал одного из своих сыновей Улием, – возможно, под влиянием генеалогических изысканий Ферекида.

[63] Несуществующее имя. Резонна поправка «Иофонт».

[64] Далее исключается грамматически неправильный пассаж «в чье архонтство в Афинах; от того – Мильтиад». Это явная ошибка переписчика.

[65] Известное лицо, архонт-эпоним 566/565 г. до н.э.

[66] Слова в квадратных скобках здесь и чуть дальше – необходимые добавления издателей.

[от того – Кипсел;] от того – Мильтиад[67], населивший колонистами Херсонес[68]». (4) Свидетельствует об этом и Гелланик в приписываемой ему «Асопиде»[69].

F3. a): Схолии к Пиндару, «Пифийские оды», III. 59[70]. О том, что Коронида обитала в Лакерии[71], рассказывает Ферекид в 1-й книге: у источников Амира[72]. Повествует он и о во́роне[73], и о том, что Аполлон послал Артемиду, которая убила сразу многих женщин. А Исхия убивает Аполлон, Асклепия же отдает Хирону. А Бебиада[74] называлась также Нессонидой[75], как говорит Архин[76] в «Фессалийских делах». Бебиадой же она стала зваться по одной из нимф, Бебеиде.

b): Схолии к Еврипиду, «Алкестида», 1. См. фрагмент F35a от слов «А дельфиец Анаксандрид...» до конца.

F4: Схолии к Аполлонию Родосскому, IV. 1091. Ибо Диктис и Полидект[77] были детьми Андрофои, дочери Перикастора, и Перисфена, сына Дамастора, сына Навплия, сына Посейдона и Амимоны, как сообщает Ферекид в первой книге[78].

F5: Стефан Византийский[79], статья «Гисия». Город в Беотии, ...о котором пишет Фукидид в 3-й книге[80]. Колония гирийцев[81]; основателем ее был Никтей, отец Антиопы[82]... Есть и в аргивской земле деревня Гисия, как сообщает Фукидид[83]... Есть такой город и в Аркадии, как говорит Ферекид в 1-й книге.

---

[67] А вот здесь уже пошла путаница: этот Мильтиад (Мильтиад Старший; не следует путать его с марафонским победителем) и его отец Кипсел не имели к Гиппоклиду прямого отношения, принадлежали к другой ветви рода. Трудно допустить, что столь грубую ошибку допустил сам Ферекид: ведь речь тут идет о временах, отстоящих от него всего на какой-нибудь век. У Маркеллина это место несет явные следы порчи. Предполагаем поэтому, что текст искажен кем-то из переписчиков, а у Ферекида генеалогический список был верен.

[68] Херсонес Фракийский.

[69] В издании *EGM* отвергаются эмендации Якоби в этом фрагменте, поскольку они-де были сделаны с единственной целью – согласовать данные Ферекида с данными Геродота, а этого делать как раз и не следует, поскольку здесь якобы налицо сознательная полемика между двумя историками. Однако если мы принимаем как есть этот явно испорченный пассаж передающего Ферекида Маркеллина, никак не пытаясь его исправить, то получается нечто близкое к абсурду. Уж не говорим о том, что тогда мы остаемся при грубейшем анаколуфе. Главное – в другом: Мильтиад Старший, ойкист Херсонеса Фракийского, оказывается сыном Гиппоклида (Геродот сообщает настоящее имя отца Мильтиада – Кипсел), а это решительно невозможно. Гиппоклид занимал пост афинского архонта-эпонима в 566/565 г. до н.э., а за пять лет до того, будучи еще холостым, сватался к Агаристе, дочери тирана Клисфена Сикионского, Мильтиад же уже в 560 г. до н.э. одержал победу в Олимпийских играх.

[70] Сюжет данного фрагмента – рождение Асклепия от Аполлона и нимфы Корониды.

[71] Город в Магнесии, фессалийской области.

[72] Фессалийская речка.

[73] Коронида изменила Аполлону со смертным по имени Исхий, о чем, согласно мифу, богу сообщил ворон.

[74] Область города Бебы в Фессалии.

[75] Нессонидой также иногда называли всю Фессалию (Strab. IX. 444).

[76] Историк IV в. до н.э.

[77] Полидект – мифологический царь острова Серифа; Диктис – его брат, простой рыбак, выловивший из моря ящик с Данаей и младенцем Персеем.

[78] Типичный образчик стиля Ферекида и ранних генеалогов в целом. Перед нами – сухой, непритязательный перечень имен, многие из которых ничего не скажут даже специалисту. Такие мы и впредь нередко встретим у этого автора.

[79] Стефан Византийский жил в VI в. н.э., написал известный лексикон «Этника» о географических названиях.

[80] Thuc. III. 24. 2. У Фукидида топоним имеет несколько иной вид – «Гисии».

[81] Гирия – городок в Беотии.

[82] Антиопа – мать известных героев Амфиона и Зета, играющих значительную роль в беотийской легендарной традиции.

[83] Thuc. V. 83. 2 (тоже как «Гисии»).

F6: Схолии к Алкману, фрагмент 23, 6 Bergk (к словам: «И Эвтейха-царя, и Аретия»[84]). Ферекид в 1-й (?)[85] книге упоминает Ареита из Гиппоконтидов. Итак, и здесь не следует писать с буквой «т»; или же Алкман называет Ареем Ареита.

2-я книга

F7: Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 1248. Ферекид же[86] во второй книге говорит, что орел, насылавшийся на Прометея, был порождением Тифона и Ехидны, дочери Форкина.

F8: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 1212. Ферекид же во второй книге говорит, что «с Полидорой, дочерью Даная, совокупляется река Пеней (?)[87]; и рождается у них Дриоп, по которому называются дриопы[88]; а живут они у реки Сперхея[89]».

F9: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 146. Ферекид же[90] во 2-й книге говорит, что Леда[91] и Алфея родились у Фестия от Лаофонты, дочери Плеврона[92].

F10: Схолии к Аполлонию Родосскому, IV. 1091. Ферекид во 2-й[93] книге повествует, что Акрисий[94] женится на Евридике, дочери Лакедемона[95], а рождается у них Даная. Когда же он вопрошал оракул о ребенке мужского пола, бог в Пифо[96] возвестил, что ребенка мужского пола у него самого не будет, но будет у его дочери, и что от этого ребенка ему предстоит погибнуть[97]. А он, возвратившись в Аргос, сооружает во дворе дома медный покой под землей, помещает туда Данаю с кормилицей, чтобы та ее стерегла и чтобы у нее не родился ребенок. Зевс же, влюбившись в девушку, течет

---

[84] Перевод В. Вересаева. В оригинале на самом деле не «Аретий», а «Арей» (с чем и связано рассуждение схолиаста). Речь идет о сыновьях героя Гиппокоонта, убитых Гераклом.

[85] Текст испорчен. Возможный вариант перевода фразы: «Ферекид упоминает Ареита, одного из Гиппоконтидов». Соответственно, в *EGM* этот фрагмент исключается из 1-й книги.

[86] В *EGM* перед словами «Ферекид же»: «И Геродор необычно рассказывает о заточении Прометея вот что: он ведь говорит, что тот был царем скифов и, будучи не в силах обеспечить подданных съестным из-за того, что река Аэт (Ἀετός, «орел». – *И. С.*) затопила равнину, был закован скифами. Но тут явился Геракл, реку повернул в море (и потому в мифах повествуется, что Геракл убил орла), а Прометея освободил от оков».

[87] Предлагалась поправка (с опорой на Антонина Либерала): вместо «Пеней» – «Сперхей». В любом случае, как видим, Ферекид не отрицает чудесное в мифах.

[88] Племя в Северной Греции.

[89] Якоби не уверен, что часть фрагмента от последней точки с запятой до конца является продолжением цитаты из Ферекида.

[90] В *EGM* перед словами «Ферекид же»: «Похоже, он (Аполлоний Родосский. – *И. С.*) назвал ее (Леду. – *И. С.*) этолиянкой потому, что Фестий – этолиец. И он употребил название страны, как если бы кто-нибудь называл сиракузянина сицилийцем или римлянина италийцем. А Ивик называет ее плевронянкой, Гелланик же – калидонянкой. А была Леда дочерью Фестия, царя Этолии, сына Ареса и Демодики, матерью же Леды называют Деидамию. А Евмел в “Коринфских песнях” говорит, что отец Леды – Главк, сын Сизифа, а мать – Пантидия, повествуя, как Главк, потеряв коней, пришел в Лакедемон и там совокупился с Пантидией; потом, утверждает он, ее отдали в жены Фестию, и потому Леду, хоть она родом от Главка, называли дочерью Фестия».

[91] Мать Елены Прекрасной и Клитемнестры, жена спартанского царя Тиндарея. Родом, согласно мифам, из Этолии; соответственно, ее сестрой названа Алфея, мать Мелеагра.

[92] В *EGM* после слов «дочери Плеврона»: «На то, что она дочь Главка, намекает и Алфей (имя явно испорчено; скорее всего имеется в виду Алкей, хотя некоторые издатели считают, что Алкман.– *И. С.*) словами: “Их родила дочь Главка блаженная”».

[93] Цифра в рукописи испорчена, восстанавливается издателями.

[94] Царь Аргоса. Во фрагменте излагается миф о рождении Персея.

[95] Т.е. героя-эпонима спартанского государства.

[96] Т.е. в Дельфах.

[97] Гибель или ниспровержение от руки имеющегося родиться ребенка – популярный мифологический мотив как в Греции (рождение Эдипа), так и за ее пределами (рождение Кира Персидского).

с потолка подобно золоту, а она принимает его на лоно. Тут Зевс, явив себя, совокупляется с девушкой. А рождается у них Персей; Даная и кормилица воспитывают его втайне от Акрисия. Когда же Персею исполнилось три и четыре года, Акрисий услышал его голос – тот в это время играл – и, приказав слугам привести Данаю с кормилицей, последнюю казнит, а Данаю с мальчиком приводит к алтарю Зевса Оградного и без свидетелей спрашивает ее, откуда у нее мог взяться ребенок. Она же сказала: «От Зевса». А он не верит и сажает ее с мальчиком в ящик, ящик же, заперев, бросает в море. И они, носимые волнами, попадают на остров Сериф[98], и их вытаскивает на сушу Диктис, сын Перисфена, ловивший рыбу неводом. Тогда Даная молит открыть ящик. Тот же, открыв и узнав, кто они, ведет их в свой дом и кормит, как будто они его родственники.

F11: Схолии к Аполлонию Родосскому, IV. 1515. В то время как Персей[99] с матерью оставался на Серифе у Диктиса и возмужал, Полидект, единоутробный брат Диктиса[100] и царь Серифа, случайно увидев Данаю, влюбился в нее, но не знал, как сделать ее своей сожительницей. И вот он, устроив обед, пригласил как многих других, так и самого Персея. Тут Персей спросил, чем нужно оплатить участие в пире[101]; тот ответил, что конем, а Персей сказал – головой Горгоны[102]. После же пира, на следующий день, когда другие его участники привели коней, привел и Персей. Но Полидект от него коня не принимал, а требовал голову Горгоны, согласно обещанию, и говорил, что если тот ее не принесет, то он, Полидект, возьмет в жены его мать. Персей же в печали уходит на окраину острова, оплакивая свое несчастье. А Гермес, явившись ему и расспросив, узнает о причине его плача. Он, призвав Персея мужаться, прежде всего ведет его к Граям[103], дочерям Форка,– Пемфредо, Энио и Дино (а Афина уже была там),– и тот похищает у них глаз и зуб, в то время как они передавали их друг другу. Те же, ощутив потерю, кричат и просят отдать глаз и зуб: у них был на троих один глаз и один зуб, и они пользовались ими по очереди. А Персей говорит, что глаз и зуб у него и что он их отдаст, если Граи укажут ему путь к нимфам, у которых хранятся шапка Аида[104], крылатые сандалии и сума[105]. Те же ему объясняют, и Персей отдает глаз и зуб. И, отправившись с Гермесом к нимфам, попросив и получив от них перечисленные вещи, он обувается в крылатые сандалии, суму накидывает на плечи, а шапку надевает на голову. Затем он летит к океану и Горгонам, причем Гермес и Афина сопровождают его. Горгон он находит спящими. Эти божества подсказывают ему, как нужно отрубить голову – отвернувшись[106], – и показывают[107] Медузу, которая – единственная из Горгон – была смертной. А он, подобравшись близко, отрубает[108] и, положив в суму, спасается бегством. Горгоны же, поняв, что случилось,

---

[98] Сериф (Серифос) – остров в Эгейском море.

[99] Продолжение мифа о Персее.

[100] Однако обратим внимание на другой фрагмент того же Ферекида (F4), где Полидект и Диктис охарактеризованы как полные, а не единоутробные братья.

[101] Речь идет о пире в складчину.

[102] Видимо, предполагается, что Персей употребил какое-то идиоматическое выражение (со смыслом «да хоть головой Горгоны!»), которое Полидект намеренно предпочел истолковать буквально.

[103] Известные мифологические старухи (собственно, «Граи» и означает «старухи»), дочери морского бога Форка (Форкия). Имели на троих один глаз и один зуб, которыми пользовались поочередно; на этом и основан нижеследующий эпизод мифа о Персее.

[104] Шапка-невидимка.

[105] Сума потребуется Персею для того, чтобы положить в нее голову Медузы.

[106] Вариант: «а именно – отвернувшись к зеркалу, которое он получил от Афины». Имеется в виду, что на Медузу можно смотреть только в зеркале: прямой взгляд на нее обращает в камень.

[107] Вариант (явно неверный): «показывают в зеркале». На Горгон нельзя было смотреть из-за опасности окаменеть.

[108] Вариант (тоже неверный): «отрубает голову серпом».

бросаются в погоню, но не видят его[109]. А Персей, прибыв на Сериф, является к Полидекту и приказывает созвать народ, чтобы показать им[110] голову Горгоны: он знал, что, если они ее увидят, то станут камнями. Полидект же, собрав толпу, приказывает ему показать. А тот, отворачиваясь, вынимает голову из сумы и показывает. Увидевшие ее стали камнями. Афина же, взяв у Персея голову, помещает ее на свою эгиду[111]. А суму, сандалии и шапку Персей отдает Гермесу, [тот же снова возвращает][112] нимфам. Так повествует Ферекид во 2-й книге.

F12: Схолии к Аполлонию Родосскому, IV. 1091. В дальнейшем же он[113] говорит и о смерти Акрисия: что после того, как Полидект и те, кто был с ним, окаменели от головы Горгоны[114], Персей оставляет на Серифе Диктиса царствовать над оставшимися серифянами, а сам отплыл[115] в Аргос с киклопами[116], Данаей и Андромедой[117]. Прибыв, он не находит Акрисия в Аргосе. Ведь тот, испугавшись, удалился к пеласгам в Лариссу[118]. Не застав же его, Персей оставляет Данаю – на попечение ее матери Евридики,– а также Андромеду и киклопов, а сам отправился в Лариссу. И, прибыв туда, он узнаёт Акрисия и убеждает его вместе вернуться в Аргос. И именно тогда, когда они собирались в дорогу, случается им оказаться на состязании юношей в Лариссе; и Персей принимает участие в состязании, и, взяв диск, бросает его: пятиборья тогда не было, а атлеты состязались в каждом виде спорта по отдельности[119]. Диск же, попав в ногу Акрисию, наносит ему рану. А Акрисий, заболев от этого, умирает там же, в Лариссе; Персей и лариссяне хоронят его в предместье города, и там же местные жители сооружают ему святилище как герою. Персей же покидает Аргос.

F13. а) Афиней[120], XI. 474f[121]. А древнейшим видом чаши для питья является кархесий[122], коль скоро Зевс, вступив в связь с Алкменой[123], дал его[124] ей в дар на память о совокуплении, как повествуют Ферекид во второй книге[125] и Геродор-гераклеот[126].

---

[109] Из-за надетой шапки-невидимки Аида.

[110] Именно так: «им», несмотря на предшествующее единственное число «народ».

[111] Эгида Афины, как известно, изображалась с головой Горгоны в центре.

[112] Необходимое дополнение Якоби.

[113] Ферекид.

[114] Далее Якоби убирает слова «на Серифе».

[115] Несколько режущий глаз перебой настоящего времени прошедшим совершенного вида (здесь и несколько раз ниже) оставлен нами потому, что он имеется в оригинале и, видимо, тоже относится к особенностям стиля Ферекида.

[116] К чему тут упоминаются киклопы – непонятно. Возможно, путаница. Ср. один из следующих фрагментов (F46), который вносит некоторую ясность.

[117] Андромеда – жена Персея, спасенная им от чудища в Эфиопии.

[118] Ларисса – город в Фессалии.

[119] Имеется в виду, что в более привычной впоследствии олимпийской программе отсутствовало метание диска как отдельная дисциплина. Оно входило в состав пятиборья (пентатла), наряду с метанием копья, прыжками, бегом и борьбой. Еще в 23-й песни «Илиады», повествующей о состязаниях, устроенных Ахиллом при похоронах Патрокла, мы встречаем упоминание об отдельном состязании в метании диска.

[120] Афиней из Навкратиса (начало III в. до н.э.), автор, принадлежавший ко «Второй софистике», эрудит, написавший огромный «гастрономический» трактат «Дейпнософисты» (что в русском переводе несколько приблизительно передано как «Пир мудрецов»).

[121] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку на энциклопедический трактат «Сатурналии» Амвросия Феодосия Макробия (V. 21. 3), римского эрудита V в. н.э.

[122] Кархесий – чаша для питья, сужающаяся к середине по сравнению с краями и дном.

[123] Знаменитое совокупление Зевса с Алкменой из Персеидов (дочерью Электриона и женой Амфитриона), имевшее место в Фивах, длившееся три ночи и приведшее к рождению Геракла.

[124] Комментарий Макробия (*Sat.* V. 21. 3): «его – золотой кархесий».

[125] Комментарий Макробия (там же): «Ферекид в исторических книгах».

[126] Геродор Гераклейский, историк IV в. до н.э.

b) Схолии к Гомеру, «Одиссея», XI. 1266. Телебои[127], пойдя войной на аргивян[128], убивают сыновей Электриона[129], борющихся[130] с ними за скот. И Амфитрион, нечаянно убив Электриона, уходит в изгнание в Фивы. А Алкмена, дочь Электриона, не хотела идти за него замуж, пока он не отомстит телебоям за ее братьев. Амфитрион же обещает это сделать и, перевезя ее в Фивы, отправляется на телебоев[131]. В это время Зевс ночью приходит в дом Амфитриона с кархесием, уподобившись обликом Амфитриону, а Алкмена, думая, что это ее возлюбленный[132], спрашивает о телебоях: перебил ли он их? Зевс же, рассказывая ей всё как было, дает и кархесий, заявляя, что это – награда за доблесть, полученная им от воинов; а она с радостью сохраняет его. Затем, переспав с ней, Зевс удаляется, и, прибыв той же ночью, Амфитрион совокупляется с ней. И рождает Алкмена от Зевса Геракла, а от Амфитриона Ификла. Этот рассказ содержится у Ферекида.

c) Схолии к Гомеру, «Илиада», XIV. 323–324. В Алкмену, дочь Электриона и Анаксо, дочери Алкея[133], влюбился Амфитрион, который, убив Электриона из-за спора о быках, из Аргоса ушел в изгнание в Фивы, а с ним и Алкмена. Радушно принятые царствовавшими в городе Креонтом[134] и Гениохой, они удостоились величайших почестей. Поскольку Алкмена не хотела выходить замуж, если не будут истреблены убийцы ее братьев – телебои,– Амфитрион покорил их, взяв себе в союзники беотийцев и локров; покорил он еще и фокидян после годичной осады. Когда же он, вернувшись из похода, играл свадьбу с Алкменой, в ту же ночь Зевс, влюбившись в нее и уподобившись обликом Амфитриону, совокупился с ней и зачал сына; подобным же образом совокупился с ней и Амфитрион в ту же ночь. А когда она была уже на семимесячном сроке от совокупления, рождается Геракл от Зевса, а Ификл от Амфитриона. Рассказывают, что Зевс, когда спал с Алкменой, уговорил Гелиоса не восходить в течение трех дней; потому-то Зевс, совокупившись с ней на протяжении трех ночей, породил «трехвечернего» Геракла. Этот рассказ содержится у Ферекида.

F14: Схолии к Пиндару, «Истмийские оды», IV. 104[135] (к словам: «Это для него у Электриных ворот / Мы, его одноземцы, / Правим мир, / Свежие вьем венки для алтарей / И в огонь громоздим / Жертвы павшим восьмерым, закованным в медь, / Сынам от Мегары, дочери Креонта»). О детях Геракла от Мегары, по словам Лисимаха[136], некоторые рассказывают, что они были коварно умерщвлены не Гераклом[137], а некими чужеземцами; другие же говорят, что их убил царь Лик[138], а Сократ[139] утверждает, что они были коварно умерщвлены Авгием[140]. Расходятся и относительно их числа. Дионисий[141] в первой книге «Киклов» называет Феримаха и Деикоонта;

---

[127] Телебоев помещали в Акарнании.
[128] В одной из рукописей стоит еще «из-за кархесиев».
[129] Электрион – сын Персея; дядя Амфитриона и отец Алкмены, родителей Геракла.
[130] Исправление издателей. В оригинале – «сына Электриона, борющегося...».
[131] Далее Якоби предполагает лакуну.
[132] Слово испорчено, перевод по смыслу.
[133] Исправление издателей. В тексте – «Анкея».
[134] Креонт Фиванский – брат Иокасты, матери и жены Эдипа. Воцарился в Фивах после того, как сыновья Эдипа – Этеокл и Полиник – погибли, сражаясь друг с другом.
[135] Соответствующее место у Пиндара: *Isthm*. IV. 61–65.
[136] Лисимах – историк эпохи раннего эллинизма.
[137] Согласно основному варианту мифа, Геракл, придя в безумие, сам убил своих детей от Мегары.
[138] Фиванский аристократ, захвативший власть в городе в отсутствие Геракла и за это убитый им.
[139] Видимо, Сократ Аргосский или Сократ Родосский (оба этих малоизвестных историка писали в I в. до н.э.).
[140] Авгий, известный царь Элиды, появляется в этом сюжете явно ошибочно.
[141] Дионисий Самосский, эллинистический автор.

Еврипид[142] прибавляет к ним еще Аристодема; Диний[143]-аргивянин[144] перечисляет Феримаха, Креонтиада, Деикоонта и Деиона. Ферекид же во второй книге – Антимаха, Климена, Глена, Феримаха и Креонтиада; он говорит, что они были брошены отцом в огонь. А Батон[145] во 2-й книге «Аттических историй» перечисляет Полидора, Аникета, Мекистофона, Патрокла, Токсоклита, Менебронта и Херсибия. Геродор же утверждает, что Геракл даже дважды впадал в безумие. А очищен он был Сикалом[146], как заявляет Менекрат[147], говоря, что сыновей у него было восемь, причем назывались они не Гераклидами – ибо сам он еще не звался Гераклом,– а Алкеидами[148].

F15. a) Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 992[149] (к словам: «Все они[150] живут в цветущей Деантской равнине[151]... / Даже свой род они ведут от Ареса и нимфы, / Имя же нимфы Гармония[152]. Дев этих войнолюбивых / Нимфа богу войны родила, сочетавшись любовью / В зарослях дальних рощи густой Акмонийской[153] на ложе»[154]). Акмонийскую рощу нигде не обнаружил Ириней[155]... Находится же она близ Фермодонта[156]. О ней упоминает Ферекид во 2-й книге.

b) Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 373 (к словам: «Там Деанта равнина, а рядом три амазонок / Града лежат»). Деант и Акмон – братья; а кто был их отцом – не сообщается, по словам Ферекида.

c) Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 990. Гармония – нимфа-наяда; от нее и Ареса родились амазонки, как говорит Ферекид, которому следует Аполлоний.

F16. a) Схолии к Аполлонию Родосскому, IV. 1396 (к словам: «К месту они подошли знаменитому, где ужасный / Змей Ладон[157] еще вчера охранял золотые / В поле Атланта плоды. При нем Гесперид резвились...»). Ферекид во второй[158] книге говорит, что, когда Гера выходила замуж, Гея произвела яблони, дающие золотые плоды. И, продолжает он, нимфы Зевса и Фемиды[159], живущие в пещере[160] близ Эридана, посоветовали Гераклу, находящемуся в затруднении, узнать у Нерея[161], где взять золотые яблоки; и Геракл захватил Нерея силой: тот вначале превращался в воду

---

[142] Драматург (речь идет о его трагедии «Геракл»).
[143] Исправление издателей вместо неверного «Эней» рукописи.
[144] Автор III в. до н.э.
[145] Исправление издателей вместо неверного «Бат» рукописи. Батон Синопский – историк и ритор II в. до н.э.
[146] Неизвестный персонаж.
[147] В позднеклассическое и эллинистическое время работали несколько историков по имени Менекрат; какой из них имеется в виду здесь – неясно.
[148] Как известно, исконным именем героя было «Алкид», а «Геракл» («прославленный Ге́рой») – прозвище.
[149] Для этого свидетельства Якоби дает также ссылку на Стефана Византийского (статья «Акмония»).
[150] Амазонки.
[151] Долина Фермодонта (река в северо-восточной части Малой Азии), где мифы особенно часто помещали царство амазонок.
[152] Согласно основной версии мифа, Гармония – не жена, а дочь Ареса (от Афродиты), выданная замуж за Кадма, основателя Фив.
[153] Также в районе Фермодонта.
[154] Аполлоний Родосский цитируется в переводе Н.А. Чистяковой.
[155] Видимо, раннехристианский автор Ириней Лионский (II в. н.э.).
[156] См. прим. 151.
[157] Змея Ладона миф называет сыном Форка (Форкия). Он охранял золотые яблоки в саду Гесперид (нимф, дочерей Ночи, живущих на крайнем западе). Поход за этими яблоками – один из «канонических» подвигов Геракла.
[158] Исправление издателей вместо неверного «десятой» рукописи.
[159] Гесперид, которые, согласно Ферекиду, являлись дочерьми Зевса и Фемиды.
[160] Теоретически возможен и перевод «нимфы, живущие в пещере Зевса и Фемиды...».
[161] Нерей – «морской старец», сын Геи и Понта. Отличался умением принимать любой облик (потому-то его и трудно было поймать).

и огонь, но затем возвратился в свой прежний вид и указал, как говорит Ферекид, где эти яблоки.

b) Схолии к тому же месту. О том, что, когда Гера выходила замуж за Зевса, Гея в качестве подарка произвела золотые яблоки у Океана, говорит Ферекид во 2-й книге. Стерег же их Змей, порождение Тифона и Ехидны[162]; у него было 100 голов и разнообразные голоса.

c) Эратосфен, «Катастеризмы»[163], 3, p. 60 Rob.[164] Ведь Ферекид говорит, что, когда Гера выходила замуж за Зевса и боги несли ей подарки, пришла Гея, неся золотые яблоки. Гера же, увидев их, восхитилась и велела посадить их в саду богов, который был близ Атланта. А так как его девушки постоянно похищали яблоки, она поставила сторожем змея, который был огромен.

d) Схолии к Еврипиду, «Ипполит», 742 (к слову «Гесперид»). Там были посажены золотые яблоки. Ферекид же говорит, что они[165] были дочерьми Зевса и Фемиды[166].

F17: Схолии к Аполлонию Родосскому, IV. 1396. Он же[167] идет, таким образом, за золотыми яблоками. А прибыв в Тартесс[168], он переправляется в Ливию[169], там убивает Антея, сына Посейдона, который был наглецом; затем прибывает по Нилу в Мемфис к Бусирису[170], сыну Посейдона; его он умерщвляет, а также его сына Ифидаманта, глашатая Халба и их слуг – перед алтарем Зевса, где они убивали чужеземцев. Прибыв же в Фивы[171], он через горы шел во внешнюю Ливию[172], в пустынях которой убивает, стреляя из лука, множество зверей. Очистив от них Ливию, он спустился к морю, лежащему по внешней стороне[173], взяв золотую чашу у Гелиоса[174], и переправляется в ней на другую сторону через сушу и море, и через океан плывя. Выйдя же возле Прометея[175], который, увидев его, жалобно его умолял о помощи, он убивает орла, клевавшего Прометееву печень, застрелив его из лука, когда тот подлетал. А за это Прометей советует не идти за яблоками, а, придя к Атланту, приказать ему принести их, а тем временем самому вместо Атланта держать небо, пока он не принесет яблоки от Гесперид. Геракл же, услышав это, приходит к Атланту и приказывает ему принести яблоки от Гесперид, взяв три из них; перед этим он поведал ему совершаемый им подвиг. А Атлант, положив Гераклу на плечи небо и придя к Гесперидам,

---

[162] Таким образом, здесь иная версия о страже яблок Гесперид. Тифон – сын Геи и Тартара, чудовище колоссальной силы, дерзнувшее даже на борьбу с Зевсом; стоголовым и имеющим разнообразные голоса обычно представляли именно Тифона. Ехидна – дочь Форка (Форкия).

[163] Название этого трактата означает «Превращения в звезды». В нем речь шла о созвездиях, в том числе в мифологическом контексте. Принадлежность сочинения Эратосфену многими оспаривается.

[164] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылки на «Поэтическую астрономию» римского автора Гигина (II. 3) и на схолии из так называемых Codices Germanici (p. 60, 10 Br.) – каталога рукописей греческих астрологов.

[165] Гесперид.

[166] В *EGM* после слов «и Фемиды»: «...а некоторые говорят, что они тождественны Атлантидам».

[167] Геракл.

[168] Царство в Испании.

[169] Ливия здесь в широком (собственно, исконно греческом) смысле – как вся Африка.

[170] Мифологический царь Египта, приносивший в жертву иноземцев; при попытке поступить так же и с Гераклом был им убит. В действительности это имя по-древнеегипетски должно означать «дом Осириса» и, следовательно, вряд ли может быть антропонимом.

[171] Египетские, «стовратные» Фивы.

[172] Испорченное место. Предлагается наиболее вероятный вариант перевода.

[173] Т.е. к Атлантическому океану.

[174] Ту, на которой, согласно мифам, солнечный бог со своими конями и колесницей ночью переправлялся обратно с запада на восток.

[175] Прометей, как известно, был прикован на Кавказе. Географическую неразбериху, царящую в данном фрагменте, просто невозможно комментировать.

получив от них яблоки и вернувшись к Гераклу, говорит, что сам отнесет яблоки Еврисфею, а небо держать вместо себя приказывает ему. Геракл же, дав такое обещание, хитростью возложил небо снова на Атланта. Ведь Прометей, советуя ему, сказал, чтобы он приказал Атланту подержать небо, пока он не прикрепит себе канат[176] на голову. А тот, положив яблоки на землю, перенимает небо. А Геракл, взяв яблоки и попрощавшись с Атлантом, уходит в Микены к Еврисфею и показывает их ему. Так повествует тот же Ферекид во 2-й книге.

3-я книга

F18. a) Афиней, XI. 470cd[177]. Ферекид же в третьей книге «Историй», повествуя об океане, прибавляет: «Геракл[178] же направляет на него[179] лук, чтобы выстрелить; и Гелиос приказывает остановиться, а тот, убоявшись, останавливается. Гелиос же за это дает ему золотую чашу, которая перевозила его самого с кобылицами всякий раз, когда он заходил, ночью через океан на восток, чтобы он взошел. Затем Геракл отправляется в этой чаше на Эрифию, и, когда он был далеко в море, Океан, испытывая его, стал вздымать чашу на волнах и сам показался. А Геракл намеревается стрелять в него из лука, и Океан, убоявшись его, приказывает прекратить».

b) Страбон, III. 5. 4. Похоже, что Ферекид считает Гадиры[180] Эрифией, на которой, как рассказывают, происходили события, связанные с Герионом; другие же[181] говорят, что Эрифия – близкий к этому городу остров, отделенный проливом шириной в стадий, учитывая изобилие пастбищ на острове...[182]

F19: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 1212. Придя[183] в Дриопию[184] – а это разбойничье племя, граничащее с малидянами[185], как говорит Ферекид в третьей книге...

F20: Схолии к Гомеру, «Илиада», XXIII. 296. И Ферекид[186] говорит в 3-й книге[187]: «А Клеоним, сын Пелопа[188], жил в Клеонах[189], куда его отправил Атрей; от него же рождается Анхис, а от того – Эхепол».

---

[176] Один из возможных вариантов реконструкции испорченного места. Другой – «суму». Общий смысл ясен: Геракл просит Атланта перенять у него небо на несколько мгновений, чтобы встать поудобнее, а потом уходит.

[177] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку на «Сатурналии» Макробия (V. 21. 19).

[178] Рассказывается о другом подвиге Геракла – его путешествии на далекий Запад, на некий остров Эрифию, с целью похитить коров великана Гериона.

[179] Гелиоса.

[180] Гадиры (Гадес) – город на юге Испании.

[181] Известно, что так считал Эфор (Plin. *NH*. IV. 120).

[182] В *EGM* после слов «пастбищ на острове»: «...поскольку у пасущихся там овец молоко предела не имеет».

[183] Речь идет о Геракле.

[184] В *EGM* перед словами «придя в Дриопию»: «Затем, двигаясь вперед, он нес и сына Гилла и...». После слов «в третьей книге»: «...когда ребенок проголодался...».

[185] Малида – область в Средней Греции. Характерно, что во фрагменте читаем Μηλιεῦσιν, а не Μαλιεῦσιν. Это, похоже, свидетельство в пользу того, что труд Ферекида был написан на ионийском диалекте, а не на аттическом.

[186] В *EGM* перед словами «и Ферекид»: «Акусилай в третьей книге "Генеалогий" так истолковал личное имя Эхепол: "От Клеонима же Анхис; а от него Эхепол"».

[187] Испорченное место. Не исключено, что в действительности имеется в виду десятая книга: с тематикой третьей (постольку, поскольку о ней известно) содержание данного фрагмента слабо коррелирует.

[188] Эпоним Пелопоннеса и, как считалось, древний его владыка; сын Тантала, прибывший в Грецию и женившийся на Гипподамии, обманом победив в состязании колесниц ее отца Эномая. Из сыновей Пелопа наиболее известен Атрей – отец Агамемнона и Менелая.

[189] Городок в Арголиде. Впоследствии именно на его территории проводились панэллинские Немейские игры.

4-я книга

F21: Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 1186 (к словам «Кадм Агенорид»). Одни утверждают, что Кадм[190] – сын Агенора, а другие – что сын Феника[191]. Ферекид же в 4-й книге говорит так: «А Агенор, сын Посейдона, женится на Дамно, дочери Бела[192]. У них рождаются Феник, Исея, которую берет в жены Египт[193], и Мелия, которую берет в жены Данай. Затем Агенор берет в жены Аргиопу, дочь реки Нила, и у них рождается Кадм».

5-я книга

F22. а) Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 1179. О прибытии Кадма в Фивы повествует Лисимах в «Собрании фиванских странностей», а также Гелланик в 1-й книге «Форониды», рассказывающий, что он и зубы змея посеял[194] по воле Ареса, и выросли из них пять вооруженных мужей: Удей, Хтоний, Пелор, Гиперенор, Эхион. Аполлоний же считает, что было и много других и что они сразились друг с другом[195]. А Мусей в 3-й книге «Описания титанов»[196] говорит, что Кадм шел из Дельфийского святилища, следуя за коровой[197]. А Гиппий Элидский[198] в «Названиях народов» пишет, что некое племя называлось спартами; равным образом утверждает Атромет[199]. Ферекид же в пятой книге говорит так: «А когда Кадм поселился в Фивах, Арес и Афина дают ему половину зубов змея, а другую половину – Ээту[200]. И Кадм тотчас сеет их на поле по приказу Ареса, и вырастают ему многочисленные вооруженные мужи. А Кадм, испугавшись, бросает в них камнями; они же, думая, что это бросают другие из их же числа, сражаются друг с другом и погибают, кроме пяти мужей – Удея, Хтония, Эхиона, Пелора и Гиперенора[201]. И этих Кадм делает гражданами».

---

[190] Знаменитый финикиец, брат похищенной Зевсом Европы, основавший, согласно греческим мифам, Фивы.

[191] Феник – собственно, «финикиец». В греческих представлениях – эпоним финикийского народа.

[192] Бел – в греческой мифологии обычно египетский царь, отец Даная. Но здесь, похоже, речь идет о каком-то другом Беле (причем есть все основания связать его имя с западносемитским «Баал/Ваал»).

[193] Сын египетского Бела, брат Даная.

[194] Близ будущих Фив: из этих зубов выросли спарты («посеянные») – первые насельники города, предки знатнейших фиванских аристократов. Далее перечисляются имена спартов.

[195] Когда войско спартов выросло из земли и двинулось на Кадма, тот, по божественному внушению, бросил в их ряды камень, что заставило их начать убивать друг друга; в результате в живых осталось только пятеро. Абсолютно аналогичный мотив – в мифе об аргонавтах (Ясон в Колхиде); по вопросу о том, который из них первичен, а который является дублетом, единого мнения нет.

[196] Место испорчено. Очевидно, речь идет о полумифическом эпическом поэте, считавшемся одним из предшественников Гомера.

[197] В Дельфах Кадму было дано прорицание: идти за коровой, которая им встретится, и основать город там, где она ляжет.

[198] Известный софист V в. до н.э.

[199] Автор, неизвестный из других источников. Заметим, что такое же – достаточно редкое – имя носил отец оратора Эсхина, причем этот последний был школьным учителем и, стало быть, в литературе и мифологии разбирался. Уж не он ли здесь упоминается?

[200] Царю Колхиды. Попытка установить корреляцию совпадающих мотивов в различных мифах.

[201] Имена спартов практически все имеют, как и ожидаемо, хтонический характер.

b) Схолии к Пиндару, «Истмийские оды», VII. 13. Ибо Ферекид[202] говорит, что есть два рода спартов: ведь Арес и Афина половину зубов дали Кадму, а половину – Ээту[203].

c) Аполлодор, «Мифологическая библиотека»[204], III. 24[205]. Ферекид же говорит, что Кадм, увидев вырастающих из земли вооруженных мужей, стал бросать в них камни; а они, считая, что это бросают другие из их же числа, вступили в сражение. Выжили же пять: Эхион, Удей, Хтоний, Гиперенор, Пелор.

F23: Схолии к Пиндару, «Олимпийские оды», IX. 87a[206] (к словам: «Ибо некогда олимпийский вершитель, / Унесши дочь Опунта из Эпейской земли / И смешавшись с ней в тиши под гривой Менала, / Вверил ее Локру»). Пиндар говорит, что Протогения, унесенная Зевсом, была доставлена[207] на Менал[208]... а Протогения была дочерью Опунта, царя элидян, при том, что другие называют Протогению дочерью Пирры и Девкалиона[209], как утверждает Ферекид в 5-й книге[210].

F24: Схолии к Гомеру, «Илиада», XV. 336 (к словам: «...Мачехи брата убив Эриопы, жены Оилея»[211]). Подобно поэту, и Гелланик называет Эриопу матерью Аякса[212], а Ферекид в 5-й книге[213] и Мнасей[214] в 8-й книге – Алкимаху. А автор «Навпактских песен»[215] говорит, что у нее было два имени: «Самой же младшей из дев наречение дал Эриопа, / Звали, однако, ее Алкимахой Адмет[216] и родитель»[217].

6-я книга

F25. a) Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 1149 (к словам «Там владыка Ээт к себе его[218] принял радушно, / Дочь Халкиопу сосватав ему»). Ферекид в шестой книге говорит, что ее звали Евенией; а прозвища у нее были Халкиопа и Иофосса[219].

---

[202] В *EGM* перед словами «ибо Ферекид»: «Тех (речь идет о спартах. – *И. С.*), что произросли в Фивах из драконовых зубов; о них упоминает и Еврипид (в трагедии “Финикиянки”. – *И. С.*). Или он (Пиндар. – *И. С.*) говорит о спартах как о слишком воинственных».

[203] Выросшие из земли колхидские воины обычно все-таки спартами не именуются.

[204] Принадлежность «Мифологической библиотеки» выдающемуся эллинистическому ученому II в. до н.э. Аполлодору Афинскому часто оспаривается (в частности, и в издании Якоби повсюду этот труд фигурирует как сочинение Псевдо-Аполлодора), но для нас это сейчас значения не имеет.

[205] Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* III. 4. 2.

[206] Соответствующее место у Пиндара: *Ol.* IX. 57–59.

[207] Поправка издателей. Рукописное «украшена» смысла не дает.

[208] Этот топоним локализовали по-разному. В *EGM* после слов «на Менал»: «...гору в Аркадии...».

[209] Мужчина и женщина, уцелевшие при всемирном потопе и давшие начало последующему человечеству.

[210] В этом фрагменте речь идет о мифологической генеалогии опунтских (восточных) локров (герой Опунт – их эпоним, а город Опунт – центр их области). Эпейская земля – Элида.

[211] «Илиада» цитируется в переводе Н.И. Гнедича. Необходимо оговорить, что в оригинале у Гомера – не «Эриопа», а «Эриопида»; а вот в цитируемом пассаже из схолий – действительно повсюду «Эриопа».

[212] Речь идет об Аяксе Меньшем (Аяксе, сыне Оилея).

[213] Восстанавливается из испорченного чтения рукописи.

[214] Писатель III в. до н.э., периегет.

[215] Киклическая поэма, созданная в архаический период Каркином Навпактским или Керкопом Милетским.

[216] Адмет – царь Фер в Фессалии, главный герой одного из самых колоритных мифов (главные моменты которого – служба Аполлона у Адмета, достигнутая этим богом отсрочка смерти Адмету, самоотверженность его супруги Алкестиды, ее спасение от смерти Гераклом).

[217] *Carmen Naupactium* fr. 1 Bernabé (перевод О.П. Цыбенко).

[218] Фрикса.

[219] В рукописи – Офиусса («Змеиная»). Издатели вносят исправление, опираясь на следующий далее фрагмент F25b (который, впрочем, сам по себе проблематичен; см. примечание к нему).

b) Гесихий[220], статья «Иофосса». Халкиопа[221], как говорит Ферекид.

F26: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 23 (к словам: «Вспомним сперва про Орфея»). Геродор говорит, что Орфея два, и один из них поплыл с аргонавтами. Ферекид же в 6-й книге говорит, что поплыл с ними Филаммон[222], а не Орфей[223].

F27: Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 181 (к словам: «Против Финейской земли[224] причалы “Арго” привязали. / Сын Агенора Финей владел там прибрежным жилищем»). О том же, что Финей правил всеми фракийцами в Азии до Боспора – а это вифины и пафлагонцы,– говорит Ферекид в 6-й книге...[225] Говорят, что детьми его были Мариандин и Фин[226]. И утверждают, что по Фину была названа Финеида[227], а по Мариандину – Мариандиния[228].

F28: Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 271 (к словам: «Те же[229], всё пожрав, шумя полетели над морем... / Вслед за ними сейчас же вместе два сына Борея / Бросились вслед... / И, вероятно, бы их растерзали богов против воли, / На Плавучих догнав островах, лежащих далеко,– / Если бы их Ирида[230] проворная не увидала... / Так сказав, водою Стикса она поклялася[231]... / Что никогда отныне не будет их в доме Финея / Агенорида... / Речь такую услышав и клятву приняв, повернули / На корабль назад Бореады. А народ называет / Те острова “Строфадами”, что “Поворотные” значит... / Вместе с Иридой и гарпии вновь улетели поспешно – / В недра они опустились минойского Крита»). О том, что они преследовали их[232] через Эгейское и Сицилийское моря, говорит Ферекид в шестой книге.

F29: Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 299. Они скрылись в долину Крита. Это же говорит и Неоптолем[233]. А тот, кто сочинил «Навпактские песни»[234], и Ферекид в 6-й книге говорят, что они бежали в критскую пещеру, что под холмом Аргинунтом.

---

[220] Известный лексикограф VI в. н.э.

[221] Эмендация издателей: рукописное чтение не дает удовлетворительного смысла.

[222] Филаммон – другой знаменитый мифологический певец и музыкант, отец Фамира (Фамирида). Как видим, версия Ферекида весьма оригинальна. Обычно традиция называет именно Орфея участником похода аргонавтов.

[223] В *EGM* после слов «а не Орфей»: «Но спрашивается, почему Орфей, будучи больным, поплыл с героями. А это потому, что Хирон, будучи прорицателем, изрек, что они смогут миновать и сирен, если с ними поплывет Орфей. А говорит это Геродор».

[224] У Якоби – чтение «вифинской земли».

[225] В *EGM* после слов «в 6-й книге»: «А Гесиод в “Великих Эоях” говорит, что Финей был изувечен потому, что указал путь Фриксу, а в 3-й песни “Каталогов” объясняет это тем, что он предпочел зрению долгую жизнь». Эпическая поэма «Великие Эои» приписывалась Гесиоду, но в действительности явно принадлежит более позднему времени. Это – расширенный вариант поэмы «Эои» («Каталог женщин»); даже и для последней гесиодовское авторство ныне практически никем не признается.

[226] Эпонимы, соответственно, мариандинов (народа фракийского происхождения на хоре Гераклеи Понтийской) и финов. Фины, наряду с вифинами,– фракийские племена, переправившиеся из Европы на северо-запад Малой Азии и положившие начало вифинскому этносу. Имя «Финей» (Φινεύς) в оригинале не имеет ни малейшего сходства с именем «Фин» (Θυνός).

[227] Финеида, или Финиада – местность, напротив, на европейском берегу Черного моря (в районе Салмидесса и Аполлонии Понтийской). Получила название тоже, естественно, от финов. Финей, согласно основной версии мифа, правил именно в Салмидессе.

[228] В Мариандинии была основана Гераклея Понтийская.

[229] Гарпии, которые досаждали Финею и были прогнаны сыновьями Борея, Зетом и Калаидом, участвовавшими в походе аргонавтов.

[230] Вестница богов.

[231] Клятва Стиксом, известной рекой в Аиде, в мифах считалась самой страшной клятвой для богов.

[232] Т.е. Бореады – Гарпий.

[233] Видимо, Неоптолем Паросский, грамматик III в. до н.э.

[234] Следуем поправке к рукописному тексту, которую принял и Якоби. В рукописи – неверное «Неоптолем, который сочинил “Навпактские песни”».

F30: Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 411 (к словам: «Двое быков медноногих пасется в роще Ареса, / Двое быков у меня, изо рта выдыхающих пламя. / Их, запрягши в ярмо, гоню я[235] по четырехдольной / Твердой ниве Ареса»). Ферекид в 6-й книге говорит, что в ниве было пятьдесят долей[236].

7-я книга

F31: Схолии к Аполлонию Родосскому, IV. 156. В этих и дальнейших строках автор говорит, что Медея, окропляя можжевельником снадобье, усыпила дракона колдовством и таким образом взяла руно; и оба[237] удалились на корабль в то время, как чудовище спало. Здесь он согласен с Антимахом[238]. А Ферекид в седьмой книге говорит, что дракон был убит Ясоном.

F32. a) Схолии к Аполлонию Родосскому, IV. 223. Аполлоний говорит, что Ээт, ничего не добившись, отступил с судном, которым правил Апсирт[239]; а Дионисий Милетский[240] утверждает, что Ээт, когда он настиг корабль и герои построились, убил аргивянина Ифида, брата Еврисфея, и сам потерял многих людей. Ферекид же в седьмой книге говорит, что Медея подняла Апсирта – маленького ребенка – с постели, когда Ясон велел ей принести его к аргонавтам; а когда они подвергались преследованию, они убили Апсирта и, разрубив на куски, бросили в реку. Софокл же в «Скифах» утверждает, что у Медеи и Апсирта были разные матери.

b) Схолии к Аполлонию Родосскому, IV. 228. ...А Ферекид[241] в седьмой книге говорит, что они[242], когда их преследовали, взвели на корабль Апсирта и, разрубив на куски, бросили в реку. Софокл же в «Колхидянках» утверждает, что мальчик был убит в доме Ээта.

c) Схолии к Еврипиду, «Медея», 167 (к словам: «Отец мой[243], о город, от вас я / Постыдно бежала, и труп / Родимого брата меж нами»). По утверждению Тимахида[244], на которое все ссылаются как на общепринятое, она говорит об Апсирте, хотя Еврипид ни здесь, ни в «Эгее» прямо не упоминает имени Апсирта. А Ферекид на протяжении 7-й книги[245] называет именно его. Дикеоген[246] же в «Медее» называет его Метапонтием. Убит же он был, по мнению одних, Медеей, по мнению других – аргонавтами. А ритор Леонт[247] утверждает, что его не зарезали, а погубили ядами.

---

[235] Говорит Ээт, царь Колхиды.

[236] Перевод условный. Имеется в виду какая-то мера площади, установить точное значение которой теперь трудно.

[237] Т.е. Медея с Ясоном.

[238] В античности было несколько поэтов с этим именем.

[239] Сын Ээта, брат Медеи.

[240] Один из ранних ионийских историков (V в. до н.э.).

[241] В *EGM* перед словами «а Ферекид»: «Аполлоний в этих строках говорит, что Ээт повернул назад, ничего не добившись, а далее он говорит, что Апсирт, слишком молодой, чтобы быть возницей, находился при отце. А Дионисий Милетский (в данном случае это, как считается, Дионисий Скитобрахион. – *И. С.*) утверждает, что Ээт догнал их и аргонавты героически сражались дротиками, а Ээт со своими были на конях; тогда погиб и Ифит, сын Сфенела, – он, повергнув двух коней из тех, что были при Ээте, был-таки настигнут Ээтом и пойман им с помощью петли. А далее он говорит, что колхи обратились в бегство».

[242] Аргонавты.

[243] Говорит Медея; соответственно, имеется в виду Ээт.

[244] Тимахид Родосский – историк I в. до н.э.

[245] В рукописи явно ошибочное «60-й». Греческие буквы *дзета* (в цифровом значении – 7) и *кси* (в цифровом значении – 60) ввиду схожего написания могли в рукописной традиции смешиваться.

[246] Драматург IV в. до н.э.

[247] Неясно, кто из авторов с этим именем имеется здесь в виду.

F33: Схолии к Гомеру, «Одиссея», XI. 287: Нелей[248], сын Посейдона, имея дочь по имени Перо, непревзойденную по красоте, не давал ее в жены никому, кто перед тем не пригонит из Филаки[249] от Ификла коров его матери Тиро. Многие терпели неудачу, и лишь Биант[250], сын Амифаона, обещал сделать это; и вот, он убеждает своего брата Мелампа совершить такое дело. А тот, хотя и знал (он был прорицателем), что в течение года будет в заключении, отправляется на Офриду[251] за коровами. Там сторожа и пастухи застают его за кражей и передают Ификлу. Его связали и сторожили: к нему были приставлены двое слуг – мужчина и женщина. И вот, мужчина-то служил ему подобающим образом, а женщина – хуже. Когда же год подходил уже к концу, Меламп слышит, как наверху разговаривают какие-то черви: дескать, они прогрызли стропила. Услышав это, он зовет прислужников и велит им вынести его. Берутся они за ложе – женщина у ног, мужчина у головы. Так его взяв, они и выносят. И в самое это время стропила ломаются, падают на женщину и убивают ее. Мужчина же оповещает о свершившемся Филака[252], а Филак – Ификла. Придя к Мелампу, они спрашивают его, кто он такой, а он говорит, что прорицатель. А они обещают отдать ему коров, если он изобретет какое-нибудь средство, чтобы у Ификла появились дети, и клянутся ему в этом. Меламп же, принеся в жертву Зевсу быка, начинает толковать судьбу по всем птицам; и они все являются, кроме одного коршуна. Меламп спрашивает всех птиц, знает ли какая-нибудь из них средство, чтобы у Ификла появились дети. Птицы затрудняются, но тут доставляют и коршуна. А тот вскоре нашел причину бездетности и способ избавления от нее: ибо, когда Ификл был еще младенцем, Филак погнался за ним с ножом, поскольку увидел, что тот делает что-то непристойное. Когда же Филак, не настигнув его, вонзил нож в какое-то грушевое дерево, он врос в кору, и с тех пор Ификл из-за страха больше не мог порождать детей. Итак, коршун приказал принести нож, что торчал в грушевом дереве, и, счистив с него ржавчину, давать ее Ификлу выпить в вине в течение десяти дней[253]; дескать, от этого у него и родятся дети. Ификл же, сделав это, укрепляет свое семя, и у него появляется сын Подарк. И Ификл дает коров Мелампу; а тот, взяв их [и пригнав][254] в Пилос, дает их Нелею в качестве выкупа за Перо. И получает ее в жены своему брату Бианту, а у тех рождаются дети Периалк, Арет и Алфесибея. Это повествование содержится у Ферекида в седьмой книге.

F34: Схолии к Гомеру, «Одиссея», XI. 321. Кефал[255], сын Деионея, взяв в жены Прокриду, дочь Эрехтея, жил в деревне торейцев[256]. Как говорят, он, желая испытать жену, удалился в чужую страну на восемь лет, оставив ее новобрачной[257]. Затем он, приукрасившись и придав себе иной вид, приходит в свой дом во всей красе и начинает убеждать Прокриду принять его и совокупиться с ним. А Прокрида, соблазнившись красотой и видя, что уж очень хорош Кефал, совокупляется с ним. А Кефал, показав, кто он есть

---

[248] Знаменитый царь Пилоса, отец Нестора – одного из главных героев «Илиады», – предок афинских царей из династии Кодридов-Медонтидов (к Нелею возводили свое происхождение и Солон, и Писистрат, и философ Платон...). В данном пространном фрагменте излагается редкий, интересный миф.

[249] Эта Филака – в Фессалии; соответственно, правившего там Ификла не следует путать с его тезкой, единоутробным братом Геракла.

[250] Брат известного героя-прорицателя Мелампа, о котором как раз говорится ниже. Меламп и Биант – фессалийцы из Иолка.

[251] Гора в Фессалии.

[252] Здесь, судя по контексту, имеется в виду отец правившего в Фессалии Ификла, а не его сын, которого также звали Филаком: на момент описываемых событий Ификл еще бездетен.

[253] Напрашивается параллель с мифом о Телефе.

[254] Необходимое добавление издателей.

[255] Весьма известный миф о Кефале и Прокриде.

[256] Имеются в виду Торы – дем в Аттике (не путать с более известным Ториком).

[257] Т.е., видимо, девственницей.

на самом деле, обвиняет Прокриду. И, никак не примирившись с ней, отправляется на охоту. Он стал часто это делать, и Прокрида заподозрила, что он там совокупляется с другой женщиной. Итак, подозвав к себе раба, она спрашивала, не знает ли он чего-нибудь об этом. А раб отвечал, что видел Кефала на вершине какой-то горы постоянно твердившим[258]: «О облако, приди!» – только это он-де и знал. Прокрида же, услышав, отправляется на эту вершину и прячется. И, убедившись, что именно это самое Кефал и говорит, она подбегает к нему. А Кефал, внезапно увидев ее, выходит из себя, и копье, которое у него было в руке, мечет в Прокриду, и убивает ее. Послав за Эрехтеем, он ее роскошно погребает. Это повествование содержится у Ферекида в седьмой книге.

8-я книга

F35. а) Схолии к Еврипиду, «Алкестида», 1 (к словам: «Вот дом царя Адмета, где, бессмертный, / Я[259] трапезу поденщиков делил / По Зевсовой вине. Когда перуном / Асклепия сразил он, злою долей / Сыновнею разгневанный, в ответ /Я перебил киклопов, ковачей / Его перуна грозного»). Находящийся у всех на устах и общеизвестный рассказ о службе Аполлона у Адмета – тот самый, который использует тут Еврипид. Так же говорит и Гесиод, и Асклепиад[260] в «Трагических представлениях». Ферекид же утверждает, что не киклопы были перебиты Аполлоном, а их сыновья; пишет он так: «Аполлон приходит к самому [Адмету][261], чтобы в течение года служить ему по приказу Зевса, поскольку он убивает детей Бронта, Стеропа и Арга[262]. А убивает их Аполлон, сердясь на Зевса, за то, что убивает Зевс Асклепия, его сына, молнией в Пифо: ведь тот своим лечением воскрешал умерших». А дельфиец Анаксандрид[263] говорит, что он служил из-за того, что убил змея Пифона[264]. Риан[265] же говорит, что Аполлон из любви к Адмету добровольно пошел к нему в рабство. Вот что можно сказать о службе Аполлона. А Аполлодор говорит, что Асклепий был поражен молнией за то, что воскресил Ипполита[266]; а Амелесагор[267] – что Главка[268]; а Паниассид[269] – что Тиндарея[270]; а орфики – что Гименея[271]; а Стесихор[272] – что это произошло из-за

---

[258] Якоби допускает вариант: «...что Кефал всходил на вершину какой-то горы и постоянно твердил». С грамматической точки зрения этот вариант действительно правилен, но эмендация ἰδεῖν на ἰέναι нелегка.

[259] Говорит Аполлон.

[260] Мифограф IV в. до н.э.

[261] Необходимое дополнение издателей.

[262] Имена киклопов.

[263] Историк III–II вв. до н.э.

[264] Ранее властвовавшего в Дельфах, где после этого Аполлон основал свое святилище (отсюда «Пифо», «пифия», Аполлон «Пифийский»).

[265] Эпический поэт III в. до н.э.

[266] Ипполит – сын Тесея от амазонки Антиопы; проклят отцом из-за оговора мачехи Федры и в результате погиб (известнейший сюжет, на протяжении многих веков привлекавший внимание поэтов – Еврипида, Расина, Мандельштама...).

[267] Либо Амелесагор (Мелесагор) Халкедонский, которого Дионисий Галикарнасский (*De Thuc.* V) относит к числу древнейших историков, либо Амелесагор Афинский, историк IV–III вв. до н.э.

[268] В древнегреческой мифологии есть несколько второстепенных персонажей по имени Главк; неясно, кто из них здесь имеется в виду.

[269] Паниассид (Паниасид) Галикарнасский – знаменитый эпический поэт V в. до н.э., близкий родственник (видимо, дядя) «отца истории» Геродота.

[270] Кажется, в эллинской мифологии известен только один Тиндарей: царь Спарты, супруг Леды, отец Елены Прекрасной, Клитемнестры и Диоскуров. Что за история, связанная с его воскрешением Асклепием, здесь имеется в виду,– неясно.

[271] Не указано, кто именно из орфических авторов имеется здесь в виду. Гименей – прекрасный юноша, внезапно скончавшийся на свадьбе Диониса.

[272] Знаменитый архаический лирик.

Капанея[273] и Ликурга[274]. А Ферекид в 1-й[275] книге «Историй» говорит, что он воскрешал умиравших в Дельфах. Филарх[276] же считает, что дело в Финеидах[277]; а Телесарх[278] – что в Орионе[279]; а киренянин Полиарх – что он исцелил дочерей Прета[280] и за это был поражен молнией.

b) Схолии к Пиндару, «Пифийские оды», III. 96. Ферекид же сообщает, что он[281] заставил оживать умиравших в Дельфах.

c) Филодем[282], «О благочестии», 45b, p. 17 Gomperz[283]. О том, что Асклепий был убит Зевсом, писали Гесиод, Пиндар, афинянин Ферекид, Паниассид, Андрон[284] и Акусилай. Так говорит и Еврипид: «Ведь Зевс, убив сына моего...»[285].

F36: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 188 (к словам: «Прибыли также[286] и двое других сыновей Посидона. / Первый Эргин[287], покинув Милета славного город. / Вслед ему надменный Анкей[288], оставив твердыню / Геры, имбросийской богини...»). И Ферекид в 8-й книге говорит, что Анкей умер, пораженный в бедро калидонским вепрем.

F37. a) Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 752. Ведь Эномай[289], будучи сыном Ареса и Гарпины, дочери Асопа[290], либо же Еврифои, дочери Даная, имея дочь Гипподамию и получив прорицание, что будет убит собственным зятем, не хотел выдавать ее замуж – разве что жених победит его в конских бегах. В этих бегах местом начала была установлена река Кладей[291], а местом завершения – Истм[292]. И убил он тринадцать женихов, как повествует Пиндар[293]. А когда на состязание пришел Пелоп с конями, данными ему Посейдоном, влюбившаяся в него Гипподамия убедила Миртила, сына Гермеса, колесничего и возницу Эномая, устроить так, чтобы ее отец

---

[273] Один из «Семерых против Фив»; за свою чрезмерную надменность сражен молнией Зевса при попытке взобраться на фиванскую стену.

[274] Наиболее известный из мифологических Ликургов – фракийский царь, однажды напугавший Диониса, потом за это ввергнутый им в безумие, убивший своего сына Дрианта, впоследствии за это казненный фракийцами. Возможно, он здесь и имеется в виду.

[275] Исправление Якоби (в рукописи – «в 8-й»), но если оно верно, то почему тогда приводимый фрагмент помещен в данном месте?

[276] Афинский историк III в. до н.э.

[277] Неясно. Очевидно, имеются в виду дети Финея.

[278] Время жизни этого автора не определяется (сказанное относится и к упомянутому чуть ниже Полиарху).

[279] Известный великан-охотник, погибший от стрел Артемиды.

[280] Основная ветвь традиции приписывала исцеление дочерей тиринфского царя Прета Мелампу.

[281] Асклепий.

[282] Филодем Гадарский (I в. до н.э.) – философ-эпикуреец. Его фрагменты сохранились на папирусах, открытых в Геркулануме.

[283] Фрагмент дошел в очень плохой сохранности, приводится с конъектурами издателей (впрочем, безусловными и поэтому специально не оговаривающимися).

[284] Древнегреческих историков, носивших имя Андрон, известно несколько. Здесь, очевидно, Андрон Галикарнасский, историк и генеалог IV в. до н.э.

[285] Здесь приводим текст Еврипида (*Alc.* 3) в своем переводе, поскольку перевод Анненского уж слишком далек от оригинала.

[286] Речь идет об участниках Калидонской охоты.

[287] Впоследствии кормчий «Арго».

[288] Несколько мифологических героев носили имя Анкей. Здесь, видимо, имеется в виду Анкей из Тегеи. Но тогда почему упомянута Гера как «имбросийская богиня»? Потому что она почиталась и в Тегее, и на острове Имбросе?

[289] Известный царь Писы в Элиде (о его состязании с Пелопом из-за Гипподамии упоминалось выше).

[290] Асоп – река в Беотии и, соответственно, бог этой реки.

[291] Река близ Олимпии (все-таки не такая знаменитая, как Алфей).

[292] Коринфский перешеек. Дистанция, как можно видеть, колоссальна, но на то они и герои, а не обычные люди.

[293] *Ol.* I. 79.

упал с колесницы: она хотела выйти замуж за Пелопа. Миртил же, сам влюбленный в нее и желая сделать ей приятное[294], изготовил чеку колеса из воска, чтобы во время бегов она развалилась; и Пелоп, победив, получил Гипподамию в жены. Ферекид же в 8-й книге говорит, что Миртил не вставил чеку в ось; таким образом, колесо скатилось с оси и Эномай выпал. А лошади Эномая – Псилла и Гарпинна[295]. Миртил же – сын Гермеса от Фаетусы, одной из дочерей Даная; а иные говорят, что от Климены[296], а иные – что от Мирто, одной из амазонок[297].

b) Схолии к Софоклу, «Электра», 504. Ферекид говорит: «Пелоп, победив в состязании и взяв в жены Гипподамию, вернулся в Пелопоннес с быстрыми конями и Миртилом; а по пути он, заметив, что Миртил собирается поцеловать ее, бросил его в море».

F38: Схолии к Гомеру, «Илиада», XXIV. 617. ...Ферекид же говорит в 8-й книге: «А Ниоба[298] от скорби удаляется на Сипил[299] и видит, что город преобразился, а над Танталом нависает камень. И молит она Зевса о том, чтобы ей и самой стать камнем. Из нее текут слезы, и смотрит она на север».

9-я книга

F39: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 102. Ферекид в 9-й книге говорит, что Элат, сын Икария, берет в жены Эримеду, дочь Дамасикла; и рождается у него Тенар, по имени которого получают название «Тенар» и город, и мыс, и гавань[300].

10-я книга

F40: Схолии к Еврипиду, «Орест», 11 (к словам: «Ему[301] Пелоп наследовал»). От Еврифемисты[302], дочери Ксанфа; или от Клитии, дочери Амфидаманта, как повествует Ферекид в 10-й книге; а как повествует...[303] – от Еврианассы, дочери Пактола.

F41. a) Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 740 (к словам: «Было там двое сынов Антиопы, дщери Асопа, / Зет с Амфионом. Вдали еще без башни виднелись / Фивы... / ...Амфион с золотою звонкою лирой[304]»). О том, что за лирой Амфиона сами собой следовали камни, повествует и Арменид[305] в первой книге. Он говорит, что лира была дана Амфиону музами. Диоскорид[306] же – что Аполлоном. И Ферекид в десятой[307] книге повествует, что музами.

---

[294] От начала фразы и до этого места – дополнение, резонно делаемое Якоби с опорой на «Мифологическую библиотеку» Аполлодора.

[295] Бросается в глаза созвучие имени этой лошади Эномая с именем его матери.

[296] Нимфа-океанида.

[297] Амазонок вообще-то помещали восточнее. Но вот перед нами лишнее свидетельство, что их мыслили когда-то живущими и в Греции.

[298] Дочь Тантала, жена Амфиона Фиванского. За ее хвастовство Аполлон и Артемида перебили ее детей, и она окаменела от горя.

[299] Гора в Малой Азии. Именно в тех местах правил Тантал.

[300] На юге Лаконики. В этом фрагменте отразились малоизвестные спартанские мифы (получается, и их знал Ферекид).

[301] Танталу. На самом деле в оригинале не вполне так, как в переводе Анненского, а (дословно): «Он (Тантал. – *И. С.*) порождает Пелопа». Только исходя из этого становится ясен комментарий схолиаста.

[302] Тут указываются возможные матери Пелопа.

[303] Имя автора утрачено. Есть предположение, что имелся в виду Гелланик.

[304] В оригинале фигурирует не лира, а форминга. Речь идет о знаменитой нерукотворной постройке фиванских стен Зетом и Амфионом.

[305] Малоизвестный историк V в. до н.э. Здесь имеется в виду его труд «Фиванские дела».

[306] Историк, датировка жизни которого неясна (время поздней классики или эллинизма).

[307] Якоби ставит здесь знак вопроса.

b) Схолии к Гомеру, «Одиссея», XI. 264 (к словам: «...Асопова дочь Антиопа. / Гордо хвалилась она, что объятия Дий[308] отворил ей: / Были плодом их любви Амфион и Зефос[309]; положили / Первое Фив семивратных они основанье и много / Башен воздвигли кругом, поелику в широкоравнинных / Фивах они, и могучие, жить не могли б без ограды»[310]). Из-за того, что[311] многочисленными были соседние народы, а именно флегии. А после их кончины Евримах[312] опустошил Фивы, как говорит Ферекид в десятой книге[313].

c) Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 735. Были две Антиопы, одна – дочь Никтея, другая же – дочь Асопа... От последней и Зевса – Амфион и Зет[314], которые окружили стеной Фивы, как говорит и Гомер... А Ферекид указывает и причину: потому что они остерегались флегиев, которые были врагами[315].

d) Схолии к Гомеру, «Илиада», XIII. 302. И Ферекид повествует о флегиях: ведь и сами Фивы Амфионом и Зетом были из-за этого окружены стеной – из-за страха перед флегиями. А после этого Фивы были ими взяты в царствование Евримаха, и город стал безлюдным вплоть до прибытия Кадма[316].

e) Схолии к тому же месту. Флегии, населяющие Гортину[317], вели беззаконнейшую и разбойничью жизнь и, совершая набеги на соседей, тяжко их обижали. Фиванцы же, живя поблизости к ним, боялись бы их еще долго, если бы Амфион и Зет, сыновья Зевса и Антиопы, не окружили Фивы стеной. Ведь Амфион имел лиру, данную ему музами... Итак, пока они были живы, флегии ничего не могли сделать фиванцам; а когда те умерли, флегии, напав с царем Евримахом, взяли Фивы. Они дерзали и на бóльшие несправедливости, но были по воле Зевса истреблены Аполлоном. Они же сожгли и храм Аполлона в Дельфах. Этот рассказ содержится у Ферекида[318].

ФРАГМЕНТЫ БЕЗ УКАЗАНИЯ НОМЕРА КНИГИ

Теогония и сыновья богов (1-я, 2-я книги)

F42: Аполлодор, «Мифологическая библиотека», II. 148[319]. Амалфея же была дочерью Гемония; она имела бычий рог. А этот последний, как говорит Ферекид[320], имел такую силу, что доставлял обильную пищу и питье, о чем бы кто ни просил.

---

[308] Т.е. Зевс.

[309] Так в переводе Гнедича. Ныне принято писать «Зет».

[310] «Одиссея» цитируется в переводе В.А. Жуковского.

[311] В *EGM* перед словами «из-за того, что»: «Из-за чего они не могли жить в неукрепленном городе?».

[312] Царь флегиев (флегийцев), которых сказания локализуют в Беотии или Фессалии.

[313] Якоби ставит и здесь знак вопроса.

[314] Обычно в мифах принимается, что Антиопа, мать Амфиона и Зета,– дочь Никтея, одного из потомков спартов. Асоп же – река в Беотии, с которой (точнее, с ее речным богом) связано немало в беотийской мифологической традиции. Соответственно, не приходится удивляться тому, что здесь, вопреки основной версии, Антиопа фигурирует как дочь Асопа.

[315] Некоторыми издателями добавляется здесь «в царствование Кадма».

[316] Полная хронологическая путаница (разумеется, не у Ферекида, а у схолиаста): Кадм, естественно, помещался раньше во времени, чем Зет и Амфион.

[317] Это, конечно, не всем известная критская Гортина, а какая-то другая (топоним фиксируется и в других местах Греции).

[318] В *EGM* фрагменты F41c и F41d не включены. Фрагмент F41e дается как F41c, с дополнением. После слов «данную ему музами»: «...с помощью которой он околдовывал и камни, так что они сами шли на стройку». Далее в *EGM* в качестве F41d дается новый, отсутствующий у Якоби фрагмент (см. в addenda).

[319] Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* II. 7. 5.

[320] Ферекид, как видим, придерживается версии мифа, конкурирующей с основной, согласно которой нимфа Амалфея, вскормившая младенца Зевса на Крите, имела облик козы (и рог ее, соответственно, был козьим).

F43: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 831. А некоторые говорят[321], что море[322] было названо в честь Посейдона. Ведь этого бога называют Эгеем, как говорит Ферекид[323].

F44: Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 467 (к словам: «Персеида владычица»). Некоторые говорят, что она[324] – дочь Зевса. А в орфических сочинениях она возводится родом к Деметре: «и тогда, конечно, Гекату Део[325] родила от благородного отца». Вакхилид[326] же называет ее дочерью Ночи... А Мусей – дочерью Астерии[327] и Зевса. А Ферекид – дочерью Аристея, сына Пеона[328].

F45: Евстафий[329], Комментарий к Гомеру, «Илиада», VI. 378. О том, что[330] Даира означает «тетка», свидетельствует сказавший[331]: «Ферекид рассказывает, что Даира – сестра Стикса».

F46: Полидевк, X. 39. О заплечных сумках (аортах) говорится в «Постояльце» Посидиппа...[332] А вот что в «Женоненавистнике» Менандра[333]: «хламиду, шляпу, копье, заплечную суму (аорту), гиматии»: тут перечисляется одежда. Так что некоторые пишут название этого предмета как «аортер» (перевязь). А в 3-й книге «О животных» Аристотеля аортой называется левая из двух жил в спине. А у Ферекида так назван один из киклопов[334].

F47: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 1129 (к словам «Дактили идейские»[335]). Говорят, что их было шесть и пять: правые – мужчины, а левые – женщины[336]. Ферекид же говорит, что правых было двадцать, а левых – тридцать два. Были же они

---

[321] В *EGM* перед словами «а некоторые говорят»: «Поэт (Аполлоний Родосский. – *И. С.*) говорит об Эгейском море. А названо оно от острова, именуемого Эгами. Гомер: “Тех, что и в Эге тебе, и в Гелике...” (на самом деле Гомер говорит здесь не об острове, а о городе в Ахайе. – *И. С.*). Ведь он посвящен Посейдону, и говорят, что на нем никто не ложится спать из-за насылаемых богом во сне призраков, как утверждает Никократ (историк II в. до н.э. – *И. С.*)». После слов «как говорит Ферекид»: «Никократ же утверждает, что в честь Эгея, бросившегося с Акрополя в море. Это неверно: ведь Акрополь находится далеко от моря».

[322] Эгейское.

[323] Похоже, опять наш автор выступает как адепт неортодоксальной версии. Ведь обычно считалось, что Эгейское море называется в честь бросившегося в него афинского царя Эгея, отца Тесея.

[324] Геката.

[325] Део – Деметра.

[326] Один из последних крупных греческих эпических поэтов (V в. до н.э.); племянник Симонида, малоуспешный соперник Пиндара.

[327] Астерия – одна из титанид.

[328] Вновь перед нами свидетельство, что Ферекид сознательно выбирал для своего труда маргинальные варианты мифов.

[329] Евстафий Солунский (т.е. Фессалоникийский) – высокоученый византийский клирик XII в., автор пространнейших комментариев к гомеровским поэмам.

[330] В *EGM* перед словами «о том, что»: «Следует знать... что слова для родства у Гомера, такие, как “деверь”, “свекор”, “тесть”, а также “золовка” и “свояченица”... (перевод древних терминов родства в известной мере условен: точное значение некоторых из них уже позднейшим грекам было не вполне ясно. – *И. С.*)». После слов «сестра Стикса»: «И, говорит он (Элий Дионисий или Павсаний Аттикист. – *И. С.*), похоже, что так оно и есть: ведь древние помещают Даиру во влажной стихии».

[331] Элий Дионисий, аттикист II в. до н.э. из Галикарнасса, или Павсаний Аттикист, лексикограф того же времени.

[332] Автор новой аттической комедии (III в. до н.э.).

[333] Менандр (342–292 гг. до н.э.) – крупнейший представитель новой аттической комедии. Несохранившаяся драма Менандра «Женоненавистник» считалась одним из лучших его сочинений.

[334] Ср. фрагмент F12.

[335] В данном случае не пользуемся переводом Н.А. Чистяковой, передающей сие выражение лишь описательно. О таких интересных и отчасти загадочных мифологических персонажах, как дактили, здесь, конечно, говорить подробно не приходится.

[336] Здесь нужно оговорить, что вообще-то «дактиль» по-древнегречески – это просто «палец». Отсюда и вся сия числовая казуистика.

колдунами, знахарями, и, говорят, они стали первыми мастерами по железу и горняками. А имя свое они получили от матери Иды[337]; как говорит Ферекид, левые из них – колдуны, а правые уничтожают их чары[338].

F48: Страбон, X. 3. 21. А Ферекид: от Аполлона и Ретии – девять кирбантов[339], поселились же они на Самофракии[340]. А от Кабиро, дочери Протея[341], и Гефеста – три кабира и три нимфы-кабириды, причем в честь и тех и других совершаются священнодействия.

F49: Кирилл, «Лексикон»[342], Cram. Anecd. Paris. IV 183. 21. Фриафрика[343] – у Архилоха. И о том, что они были названы в честь Фрий, дочерей Зевса, как повествует Ферекид, поскольку они были трии, то есть их было три числом.

F50: Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 1231 (к словам: «Филириду[344] / Остров, где Кронос, сын Урана (а правил тогда он / На Олимпе титанами)... / Ложе с Филирой делил, от Реи таясь. Но богиня / Все же сумела застать их. Кронос умчался, / Тотчас облик приняв коня с размашистой гривой; / А Океанова дочь Филира в горах у пеласгов / Спряталась, там родив Хирона огромного, частью – / Бога, частью – коня...»). Ферекид говорит, что Крон, уподобившись коню, совокупился с Филирой, дочерью Океана, и потому-то Хирон имеет две природы. А Свида в 1-й книге «Фессалийских дел» говорит, что Хирон – сын Иксиона[345] и брат Пирифоя.

F51. а) Схолии к Пиндару, «Пифийские оды», II. 40b. Происхождение же Иксиона одни возводят к Антиону, как Эсхил; Ферекид же – к Писиону; а некоторые к Аресу, а некоторые к Флегию[346]. Пишет же так Асклепиад в третьей книге «Трагических представлений». А сверх того некоторые, как Ферекид, рассказывают, что

---

[337] Ида – гора на северо-западе Малой Азии, близ Трои. В «Илиаде» Зевс часто сидит на Иде. Связь мифических идейских дактилей с обработкой железа, полагаем, восходит к воспоминаниям о заимствовании техники добычи и обработки железа в Эгейский бассейн из хеттской Анатолии на рубеже II–I тыс. до н.э.

[338] В *EGM* после слов «уничтожают их чары»: «А названы они (идейские дактили. – *И. С.*), говорит он, от матери Иды. Но, как говорит Гелланик, они получили такое имя потому, что, встретившись на Иде с Реей, приветствовали богиню и коснулись ее пальцев. По словам же Мнасея в 1-й книге сочинения “Об Азии”, идейские дактили именуются так из-за отца Дактиля и матери Иды. А тот, кто составил “Форониду”, пишет следующее: “Там чародеи / Мужи Идейцы Фригийские в горных домах обитали – / Келмий и Дамнеменей, и огромный Акмон многомощный, / В деле проворные слуги владычицы гор Адрастеи, / Первыми кои искусства обильного мыслью Гефеста / В рощах измыслили горных: фиалково-темные руды / В огнь погрузили они и свершили прекрасное дело” (фрагмент из киклической поэмы “Форонида” цитируется в переводе О.П. Цыбенко. – *И. С.*)».

[339] Имеются в виду, очевидно, корибанты (тем более что тут же упоминаются традиционно связываемые с ними кабиры).

[340] С Самофракией, островом на севере Эгейского моря, связывали обычно кабиров (там даже справлялись мистерии Кабиров), а корибантов – чаще с Критом, где они охраняли младенца Зевса, спрятанного от отца, Крона.

[341] Протей – один из «морских старцев», наряду с Нереем.

[342] Этот лексикон приписывается Кириллу Александрийскому (известному христианскому деятелю V в.), но не все согласны с такой атрибуцией.

[343] Непонятное слово, гапакс (скорее всего налицо порча текста; предлагались эмендации, но общепринятой не стала ни одна из них). Соответственно, весь смысл данного фрагмента темен.

[344] Филириду мыслили как остров в Понте. Филира – океанида, одна из возлюбленных Крона, родившая от него кентавра Хирона.

[345] Иксион – царь лапифов в Фессалии, отец Пирифоя, – обычно изображался мифами как отец кентавров (когда он хотел совокупиться с самой Герой, Зевс подослал в ее виде тучу – Нефелу, и от этого-то «брака» произошли данные миксантропические существа). Однако Хирон всегда отделяется традицией от остальных кентавров, поэтому неудивительно, что Ферекид приписывает ему и иное происхождение.

[346] Традиция о происхождении Иксиона от Флегия стала господствующей.

Иксион сошел с ума, и неверно представляют наложенное на него наказание колесом; ведь они говорят, что он погиб, подхваченный вихрем и бурями[347].

b) Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 62. А сын Флегия – Иксион, как говорит и Еврипид... Ферекид же говорит, что он – сын Писиона; а Эсхил – что он сын Антиона[348]. И говорят, что он, взяв в жены Дию, дочь Эонея[349], обещал дать за нее многочисленные дары. А когда Эоней пришел за ними, Иксион, выкопав яму и поместив туда огонь, покрывает ее тонкими ветвями и мелкой пылью. Эоней же, упав в нее, гибнет. А на Иксиона из-за этого нашло безумие, и никто ни из богов, ни из людей не желал его очистить: ведь он первый убил родственника. Зевс же, пожалев, очистил его. И тот, очистившись, влюбился в Геру. А Зевс, придав облик Геры туче, делает так, что тот переспал с ней, а позже наказывает Иксиона, изготовив колесо с четырьмя спицами и приковав его к нему.

F52: Аполлодор, «Мифологическая библиотека», I. 25[350]. А Ориона убила Артемида на Делосе. Говорят, что он был земнородным, с огромным телом. Ферекид же называет его сыном Посейдона и Евриалы[351].

F53: Аполлодор, «Мифологическая библиотека», I. 32[352]. А Паниасид сообщает, что Триптолем был сыном Элевсина[353]. Ведь он говорит, что к нему пришла Деметра[354]. Ферекид же говорит, что он – сын Океана и Геи[355].

F54: Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 1210 (к словам: «На вершине Кавказа, где скала Тифаона[356]. / Там, говорят, Тифаон, пораженный перуном Кронида... / Жаркую кровь излил с головы, устремляясь паденьем / В горы и долы Нисейские[357], где Тифаон и поныне / Распростертый лежит под стоячей водой Сербониды[358]»). Ферекид в «Теогонии» повествует о том, что преследуемый Тифон убежал на Кавказ, а поскольку эта гора горела, он бежал оттуда в Италию, где на него был наброшен остров Питекусса[359], а вовсе не о том, что он был загнан и в места близ Сирии, как говорит Аполлоний.

F55: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 761 (к словам: «Феб Аполлон... / Стрелы метал он свои в ухватившего мать его дерзко / За покрывало ее могучего Тития[360],

---

[347] Рационализация древнего мифа, который гласил, что Иксион – именно за свое нечестивое желание совокупиться с Герой – был после смерти привязан к огненному колесу в Аиде или Тартаре. В *EGM* после слов «вихрем и бурями»: «А Асклепиад в третьей книге “Трагических представлений” пишет так: “Он взял в жены Дию, дочь Эионея”».

[348] Исправление издателей из рукописного «Ферекид говорит, что он – сын Антиона».

[349] Имя в рукописи искажено. Возможно, должно быть «Эионея», «Деионея», «Гесионея» или «Ионея».

[350] Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* I. 4. 3.

[351] Евриала – одна из Горгон.

[352] Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* I. 5. 2.

[353] Элевсин – мифологический эпоним одноименного города в Аттике, с VII в. до н.э. входившего в состав афинского полиса.

[354] То, что Деметра явила свои дары в Элевсине, – общее место мифологической традиции. Но чаще Триптолем, которого она научила земледелию, фигурирует в мифах как сын элевсинского царя Келея, к которому, соответственно, и пришла богиня.

[355] Космологическая трактовка мифа. Уж не принадлежит ли в действительности этот фрагмент Ферекиду Сиросскому?

[356] Т.е. Тифона.

[357] Какая Ниса здесь имеется в виду – даже не вдаемся в обсуждение.

[358] Это озеро античная традиция означала как границу Египта и Сирии. Мертвое море?

[359] Известный остров близ берегов Кампании, где не позже середины VIII в. до н.э. была основана древнейшая греческая колония в италийском регионе.

[360] Титий – один из «первогрешников» (наряду с Танталом, Сизифом, Иксионом). Великан из минийского Орхомена. Пытался овладеть Лето (Латоной), матерью Аполлона и Артемиды, и был за это убит ими из луков. После смерти терпит вечную кару: коршуны клюют ему печень (несомненно сходство с мотивом наказания Прометея).

сына / Славной Элары, которого Гея взяла и вскормила»)[361]. Элара – мать Тития. А после смерти матери, как говорят, он был вскормлен Геей, как повествует и Гомер: «Тития также увидел я, сына прославленной Геи»[362]. Ферекид же говорит, что Зевс, совокупившись с Эларой, дочерью Орхомена, низверг ее на землю уже беременной, боясь ревности Геры, и Титий был извергнут из земли. Потому его и называют земнородным.

F56: Схолии к Пиндару, «Пифийские оды», IV. 160b[363] (к словам: «И разве из победного колчана Артемиды не догнала быстрая стрела / Тития, / Чтобы лишь посильных ласк желал человек?»). О том, что он[364] погиб от руки Аполлона и Артемиды, говорит Ферекид.

F57: Схолии к Пиндару, «Пифийские оды», IX. 27b[365] (к словам: «Мощного Гипсея, / Царя оружных лапифов, / Третьего в роду от Океана,– / А его в славных складках Пинда[366] / Родила, возрадовавшись о ложе Пенея[367], / Наяда Креуса[368], / Дочь Земли. / Это он вскормил Кирену[369]...»). Гипсея называет сыном наяды и Пенея Ферекид. А Акесандр[370] повествует, что он был сыном Филиры, дочери Асопа, и Пенея.

F58: Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 498. А о Кирене повествует Пиндар в «Пифийских победителях»[371]... Ферекид же и Ареф[372] говорят, что она, улетев на лебедях, по воле Аполлона прибыла в Кирену... А Мнасей говорит, что она пришла в Ливию по собственной воле, а не под водительством Аполлона. Акесандр[373] же в книгах «О Кирене» повествует, говоря об Еврипиле, царствовавшем в Кирене, будто бы Кирена была перенесена Аполлоном. Льва же... А Филарх говорит, что она прибыла в Ливию спустя более продолжительное время...

F59: Соран[374], «Жизнеописание Гиппократа», 1, p. 449, 1 West. Гиппократ[375] родом был ко́сец[376]... возводящий род к Гераклу и Асклепию; от одного из них он происходил в двадцатом поколении, а от другого – в девятнадцатом. Упоминают же о его родословной и Эратосфен, и Ферекид, и Аполлодор, и Арей Тарсийский[377].

---

[361] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: *Et. Gen*. 107 Mill. (*Etymologicum genuinum*, «Подлинный Этимологик»,– византийский лексикон).

[362] Hom. *Od*. XI. 576.

[363] Соответствующее место у Пиндара: *Pyth*. IV. 90–91.

[364] Т.е. Титий.

[365] Соответствующее место у Пиндара: *Pyth*. IX. 13–17.

[366] Хребет в Северной Греции, между Фессалией и Эпиром.

[367] Пеней – знаменитая фессалийская река и, соответственно, ее бог. Он – сын Океана, его же сын – Гипсей (поэтому он – «третий в роду от Океана», его внук).

[368] Одна из многочисленных Креус («правящих») древнегреческой мифологии.

[369] Эпонимная героиня знаменитой греческой колонии в Северной Африке.

[370] Историк периода поздней классики или раннего эллинизма.

[371] Т.е. в «Пифийских одах» (в данном случае имеется в виду Pind. *Pyth*. IX). В *EGM* после слов «Пиндар в “Пифийских победителях”»: «...что она, долгое время будучи девственницей, охотилась вместе с Артемидой. Однажды, когда она боролась со львом, ее полюбил Аполлон. Он, похитив, перенес ее в называемую ныне в ее честь ливийскую Кирену и, совокупившись с ней, породил Аристея». После слов «прибыла в Кирену»: «Агрет же (историк III–II вв. до н.э. – *И. С.*) в 1-й книге “Ливийских дел” утверждает, что она была перенесена Аполлоном на Крит, а оттуда в Ливию. Сестра же Кирены – Лариса; город, одноименный ей, есть в Фессалии. А некоторые говорят, что Кирена была дочерью Пенея, но это неверно: она была им воспитана, но дочерью ему не приходилась».

[372] Текст испорчен. Соответственно, неясно, какой автор имеется в виду.

[373] Исправляется издателями из явно неверного «Акестор».

[374] Соран Эфесский, медик II в. н.э.

[375] Знаменитый врач V–IV вв. до н.э.

[376] Т.е. с острова Коса, откуда и вправду был родом Гиппократ. В *EGM* после слов «родом был ко́сец»: «сын Гераклида и Фенареты».

[377] Неизвестный из других источников автор.

Эакиды (1-я книга)

F60: Аполлодор, «Мифологическая библиотека», III. 158[378]. Эак же берет в жены Эндеиду, дочь Скирона[379], от которой у него рождаются сыновья Пелей и Теламон. Но Ферекид говорит, что Теламон был другом, а не братом Пелея[380], в действительности – сыном Актея и Главки, дочери Кихрея.

F61. a) Схолии к Гомеру, «Илиада», XVI. 175 (к словам: «Пестродоспешный Менесфий, / Сперхия сын... / Тайно его Полидора, прекрасная дочерь Пелея, / С Сперхием бурным родила, жена, сочетавшаяся с богом[381]; / Но, по молве, с Периеридом[382] Бором...»). Что Ферекид называет Полидору сестрой Ахилла. Но, исходя из Гомера, нельзя в этом вполне поручиться. Итак, вероятнее, что тут совпадение имен...[383] Поскольку иначе он прибавил бы свидетельство о родстве с Ахиллом.

b) Схолии к тому же месту. От кого у Пелея была Полидора? Как говорит Стафил[384] в 3-й книге «Фессалийских дел», от Евридики, дочери Актора; а по мнению Ферекида – от Антигоны, дочери Евритиона; другие же считают, что от Лаодамии, дочери Алкмеона[385]. А Зенодот[386] называет эту женщину Клеодорой, в то время как Гесиод и остальные зовут ее Полидорой[387].

F62: Схолии к Пиндару, «Немейские оды», III. 57[388] (к словам: «Пелей... / Один, без войск, взял он Иолк / И силой поверг морскую Фетиду»). Может показаться, что Пиндар хвалит Пелея ради эгинета[389]. Ведь не один он взял Иолк, а с Ясоном и Тиндаридами[390], как повествует Ферекид.

F63: Схолии к Еврипиду, «Орест», 1654 (к словам: «Тебе судьба в невесты Гермиону / Из-под ножа готовит[391]. Никогда / Неоптолем ее не будет мужем. / Он от меча дельфийского падет, / Мной за отца наказан, за Пелида...[392] / Ты обещал Пиладу дать сестру»). У Ореста и Гермионы – Тисамен[393]; у Пилада и Электры[394] – Строфий

---

[378] Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* III. 12. 6.

[379] Очевидно, известного разбойника Скирона, устроившего свое логовище где-то между Афинами и Мегарами.

[380] Очень редкая, необычная версия. В главной ветви традиции Пелей и Теламон – сыновья Эака, родные братья; соответственно, Ахилл и Аякс Теламонид – двоюродные братья. В данной же версии появляются какой-то Актей и Кихрей, царь Саламина. Стремление отделить Теламона (тем самым Аякса и его потомков Филаидов, покровителей Ферекида) от Эгины и приблизить их к Афинам?

[381] Богом реки Сперхия (Сперхея) в Фессалии.

[382] Героя Периера обычно помещали в Мессении.

[383] В *EGM* после слов «совпадение имен»: «подобно тому, как и в других случаях».

[384] Эллинистический историк.

[385] Тут перечислены крайне малоизвестные герои и героини, имена которых даже специалисту практически ничего не говорят.

[386] Очевидно, трагедиограф неопределенного времени.

[387] В *EGM* фрагмент F61b разделен на F61b и F61c. В F61b появляются слова «Свида – что от Лаодамии, дочери Алкмеона».

[388] Соответствующее место у Пиндара: *Nem*. III. 33–35.

[389] Имеется в виду эгинет Аристоклид, для которого написана эта ода Пиндара. Не то чтобы Аристоклид напрямую возводил себя к Пелею, но он мог указывать на отдаленное родство с ним: ведь Пелей и Теламон, согласно мифам, являлись сыновьями Эака, населившего Эгину.

[390] Тиндариды (сыновья Тиндарея) – Диоскуры, Кастор и Полидевк.

[391] Говорит Аполлон. В этот самый момент Орест, находящийся в припадке безумия, держит меч у горла своей будущей жены Гермионы, дочери Менелая и Елены, первоначально предназначавшейся в невесты Неоптолему, сыну Ахилла.

[392] В оригинале, собственно, не «Пелид», а просто «Ахилл». Аполлон, естественно, ненавидел Ахилла, поскольку тот убил его любимца Гектора.

[393] Тисамен, сын Ореста и Гермионы, – последний великий царь Микен из династии Пелопидов–Атридов.

[394] Пилад, верный друг Ореста, женился на его сестре Электре.

и Медонт[395]. Это Еврипид взял у Ферекида: ...«когда он выдал ее замуж за Неоптолема и тот погиб... Рождается же у них Тисамен[396]». Однако Еврипид здесь вообще не говорит, что Неоптолем женился на Гермионе.

F64. a) Схолии к Еврипиду, «Орест», 1655 (к словам: «Неоптолем ее не будет мужем»). Он не женился на ней[397], потому что она не имела от него детей. И Еврипид из-за этого говорит, что Неоптолем был убит дельфийцами, поскольку он пришел в Дельфы, чтобы требовать к ответу бога за смерть своего отца[398]. Ферекид же говорит, что Неоптолем был убит, когда пришел вопросить у оракула о детях; он пишет так: «Затем[399] Неоптолем женится на Гермионе, дочери Менелая; и приходит в Дельфы, дабы вопросить о потомстве; ведь не рождались у него дети от Гермионы. И в то время как он видит у прорицалища дельфийцев, расхищающих мясо, он отнимает мясо у них и убивает себя кинжалом. Жрец же их закапывает его под порогом храма»[400].

b) Схолии к Еврипиду, «Андромаха», 1240 (к словам: «На алтарь / Дельфийский ты положишь это тело... / Пусть будет гроб Ахиллова птенца...»). О том, что Неоптолем похоронен в Дельфах, повествует и Ферекид. А что тот, придя мертвым во Фтию, был послан обратно в Дельфы[401], – в этом он ошибается.

F65: Схолии к Гомеру, «Илиада», XXIII. 87 (к словам: «Младого меня[402] из Опунта Менетий[403] / В дом ваш привел, по причине печального смертоубийства, / В день злополучный когда, маломысленный, я ненарочно / Амфидамасова сына убил»). Ферекид повествует, что его[404] звали Клисонимом.

Аргосское родословное древо (2-я книга)

F66: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 1116. Ибо Ферекид говорит, что он[405] имел глаз на затылке, одновременно поясняя, что были два Аргуса. Пишет же он так: «Аргус, сын Зевса, женится на Пейто, дочери Океана, и рождается у него Криас. А у того – Эревталион, в честь которого называется город Эревталия в Аргосской земле, и Форбант. У последнего рождается Арестор[406], а у него – Аргус, которому

---

[395] Строфием звали отца Пилада, так что он, по греческому обычаю, назвал старшего сына в честь деда. Медонт – «суперариcтократическое», царское имя рубежа II–I тыс. до н.э.

[396] Здесь текст, похоже, несколько испорчен. Гермиона, согласно основному варианту мифа, так и не была выдана Менелаем за Неоптолема, и Тисамен – сын не этого последнего, а Ореста. Или же предположить, что Ферекид принял здесь какую-то совсем уж экзотическую версию? Вопрос нуждается в дальнейшем осмыслении. Кстати, следующий фрагмент полностью подтверждает наше предположение.

[397] На Гермионе.

[398] Ведь Ахилла фактически убил именно Аполлон (это он направлял стрелу Париса).

[399] Верная поправка Якоби: «затем» вместо «когда».

[400] В *EGM* после слов «под порогом храма»: «Такую родословную строит и Софокл».

[401] Какой-то маргинальный вариант мифа с явлением мертвеца.

[402] Речь ведется от лица погибшего Патрокла, явившегося во сне Ахиллу.

[403] Отец Патрокла.

[404] Т.е. сына Амфидаманта – сверстника юного Патрокла, случайно убитого им. Вообще говоря, в эпосе весьма нередок этот мотив: высокородный юноша, вынужденный уйти в изгнание на чужбину из-за убийства соотечественника, причем зачастую именно нечаянного убийства, которое тем не менее тоже могло породить вспышку кровной мести.

[405] Всевидящий Аргус (часто в русских изданиях встречаем имя также в написании «Аргос»; однако не следует прямо отождествлять его с названием города Аргоса: имя чудовищного стража – мужского рода II склонения, а название города – среднего рода III склонения, так что совпадение имеет место только в номинативе), согласно мифу, сторживший Ио, возлюбленную Зевса, и убитый Гермесом.

[406] Характерная для Ферекида (и многих историков-мифографов его поколения) тенденция изыскивать редкие родословные, приводя цепочки крайне малоизвестных имен.

Гера делает глаз на затылке, лишает его сна и назначает его стражем Ио. А затем Гермес его убивает»[407].

F67: Аполлодор, «Мифологическая библиотека», II. 6[408]. Гера же, выпросив корову[409] у Зевса, приставила к ней стражем всевидящего Аргуса, которого Ферекид называет сыном Арестора, а Асклепиад – сыном Инаха[410], а Керкоп[411] – сыном Аргуса и Исмены, дочери Асопа. Акусилай же говорит, что он был земнородным.

(Окончание следует)

[407] Очередная рационалистическая попытка «навести порядок» в хаотичном мире древней мифологии. В *EGM* после слов «его убивает»: «Дионисий же в 1-й книге “Кикла” говорит, что он был одет в шкуру и всё его тело было по кругу покрыто глазами. А поэт, написавший “Эгимия”, говорит: “Стражем к Ио был Аргус приставлен, великий и мощный, / Четверо глаз у которого бдели, взирая повсюду. / Силой богиня его наделила безустальной: очи / Сон ему не смежал, он был непрестанно в надзоре”». «Эгимий» – эпическая поэма, иногда приписывавшаяся Гесиоду. Отрывок из нее цитируется в переводе О.П. Цыбенко.

[408] Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* II. 1. 3.

[409] Т.е. превращенную в корову царевну Ио.

[410] Бог одноименной реки в Арголиде, отец Ио.

[411] Видимо, Керкоп Милетский, эпический поэт.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	–	*Вестник древней истории*. Москва
ГАИМК	–	Государственная академия истории материальной культуры, Ленинград, 1926–1937
ГАРФ	–	Государственный архив Российской федерации, Москва, Россия
ИАН	–	Императорская академия наук, 1803–1917
КСИА	–	*Краткие сообщения института археологии*. Москва
КСИИМК	–	*Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. Москва–Ленинград, 1939–1960
МАИЭТ	–	*Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь
НАВ	–	*Нижневолжский археологический вестник*. Волгоград
НО	–	Книпович, Т.Н., Леви, Е.И. (ред.), *Надписи Ольвии (1917–1965*). Ленинград, 1968
ОАК	–	*Отчеты императорской археологической комиссии*. Санкт-Петербург, 1862–1918
ПИФК	–	*Проблемы истории, филологии, культуры*. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
СА	–	*Советская археология*. Москва, 1957–1992
СПбФ АРАН	–	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
ТГИМ	–	*Труды Государственного Исторического музея*. Москва
Bull. ép	–	*Bulletin épigraphique*. (Suppl. *Revue des études grecques*). Paris
CAH^2	–	*The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. I–XIV. Cambridge, 1970–2005
CG	–	*Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire*. Le Caire
CIL	–	*Corpus inscriptionum Latinarum*. Berolini
CTH	–	Košak, S., Müller, G.G.W., Görke, S., Steitler, Ch. *Catalog der Texte der Hethiter*. URL: https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/CTH/
FGrHist	–	Jacoby, F. (Hrsg.), *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Bd. I–III. Berlin–Leiden, 1923–1958
IG	–	*Inscriptiones Graecae*. Berolini
ILS	–	Dessau, H., *Inscriptiones Latinae Selectae*. T. I–V. Berolini, 1892–1916
IOSPE I^2	–	Latyschev, B., *Inscriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Ed. 2. Petropoli, 1916
KBo	–	*Keilschrifttexte aus Boghazköi*. Leipzig–Berlin, 1916–2019
LGG	–	Leitz, Ch. (Hrsg.), *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. I–VIII. Leuven, 2002–2003
LIMC	–	*Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Vol. I–VIII, Suppl. Zürich–München–Düsseldorf, 1981–2009
PM III.1	–	Porter, B., Moss, R.B. (eds.), *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. III. *Memphis*. Pt. 1. *Abû Rawâsh to Abûṣîr*. 2nd ed. Oxford, 1974
PM III.2	–	Porter, B., Moss, R.L.B., Malek, J. (eds.), *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. III. *Memphis*. Pt. 2. *Saqqâra to Dahshûr*. 2nd ed. Oxford, 1981
PM V	–	Porter, B., Moss, R.L.B. (eds.), *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. V. *Upper Egypt: Sites (Deir Rîfa to Aswân, excluding Thebes and the temples of Abydos, Dendera, Esna, Edfu, Kôm Ombo and Philae)*. Oxford, 1937

PM VIII.1	–	Malek, J., Magee, D., Miles, E. (eds.), *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Statues, Reliefs and Paintings*. Vol. VIII. *Objects of Provenance Not Known*. Pt. I: *Royal Statues, Private Statues (Predynastic to Dynasty XVII)*. Oxford, 1999
PM VIII.3	–	Malek, J., Fleming, E., Hobby, A., Magee, D. (eds.), *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Statues, Reliefs and Paintings*. Vol. VIII. *Objects of Provenance Not Known*. Pt. 3. *Stelae (Early Dynastic Period to Dynasty XVII)*. Oxford, 2007
RE	–	Pauly, A., Wissowa, G., Kroll, W., Witte, K., Mittelhaus, K., Ziegler, K. (Hrsg.), *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894–1980
RIB	–	Collingwood, R.G. *et. al.* (eds.), *Roman Inscriptions of Britain*. Vol. I–III. New ed. with addenda and corrigenda. Stroud, 1995–2009
SC	–	Houghton, A., Lorber, C. (eds.), *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Pt. I–II. Lancaster–London, 2002–2008
Urk. I	–	Sethe, K. (Hrsg.), *Urkunden des Alten Reiches*. 2. Aufl. (Urkunden des ägyptischen Altertums, 1. Abteilung, 1). Leipzig, 1932–1933
Wb.	–	Erman, A., Grapow, H. (Hrsg.), *Wörterbuch der Aegyptischen Sprache*. Bd. I–V. 4. Aufl. Berlin, 1982

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 571–587
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (1021), 571–587
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910015604-7

CITY AND MONASTERY: STORIES OF FOOD DONATION FROM PĀLI VINAYA (SUTTAVIBHAṄGA AND MAHĀVAGGA)

Natalia V. Aleksandrova, Maxim A. Rusanov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia

E-mail: surnevo@mail.ru

The compendium of rules of conduct for Buddhist monks and nuns known as Vinaya contains a series of stories about ascetics who relied on alms to survive. These stories present a variety of everyday situations that reflect the relations between the ancient Indian monastic community and surrounding society. The article attempts to identify the problems causing concern to the compilers of *Vinaya-piṭaka* and to show how various relationships between city and monastery contributed to the formation of a new social hierarchy. Such an interest was manifested particularly in the urban environment because the lack of overlap between social status and material well-being was most sharply felt in that milieu.

Keywords: Buddhism, Pāli Canon, Vinaya-piṭaka, ancient Indian city, Buddhist monastic community

The emergence and development of urban culture in the valley of the Ganges led to radical changes in the structure of ancient Indian society, in which new social groups were taking shape – groups characterised not merely by new functions but also by a range of special outward signs distinguishing them. At a time when the urban environment was unavoidably experiencing fairly complex stratification, associated first and foremost with craft production and trade, the situation was further complicated by the appearance of religious communities, which had established specific links with the urban population. Small

Information on the authors. Natalia Vladimirovna Aleksandrova is a Doctor of Historical Sciences and a senior researcher at the Institute of Oriental Studies of the RAS; a senior lecturer and researcher at the Institute of Oriental and Classical Antiquities in the National Research University of the Higher School of Economics; Maxim Albertovich Rusanov (1966–2020) – Doctor of philology and Professor at the Institute of the Classical East and the Classical World in the National Research University of the Higher School of Economics

This article is a translation of: Александрова Н. В., Русанов М. А. Город и монастырь: рассказы о дарении пищи из палийской Винаи // Vestnik drevnei istorii 81/1 (2021), 62–79. DOI: 10.31857/S032103910013521-6

groups of students following their itinerant mentors, who preached to them about various paths to salvation, were gradually growing in size and emerging as Śramana movements and communities, which developed a hierarchy all of their own and were creating their own canonical literature. The figure of the Buddhist monk – with his shaven head, clad in his saffron-colured habit (*kāṣāya*) and holding a bowl for donations – became a common sight on the streets of Shravasti or Varanasi.

Religious communities of this kind were able to maintain a stable status status, after merely preparing a specific compendium of rules for the everyday life of their members. For Buddhist monks and nuns, the *Vinaya* was one such compendium, which included both rules and also numerous stories providing explanations of the need for various prohibitions and recommendations. In this section of the Buddhist canon extremely detailed clarification of the rules for obtaining and using food was provided. The food eaten by the residents of Buddhist monasteries was naturally also discussed on more than one occasion in general works on Indian Buddhism and also in specialist research[1]. In Buddhist teaching, however, the *Vinaya* developed mainly in one of two directions: attempts were made to put together a picture of the monastic community's way of life in ancient India[2] or to explain the disciplinary prescriptions in the context of Buddhist soteriology, in order to establish the link between doctrine and the way of life of its adherents[3]. This involved turning to texts on the subject of monastic food by those who sought to establish what the composition of monastic rations should be or to illustrate the rejection of harsh asceticism fundamental to Buddhism within the context of Indian culture, which usually requires fasting (a typical feature of Jain ascetics[4] in particular).

In this paper we sought to draw attention to another question, which can be raised when we consider the materials from the *Vinaya*, which have the theme of food in common. It is precisely in connection with food that the hugely important interaction between monks and the laymen supporting them comes into play, i.e. the giving and receiving of food[5]. It is true to say that one of the main questions, which were of concern to the authors of the *Vinaya*, was the existence of the community as a social organism bringing together monks and laymen. The subject of food was very revealing in this respect.

Yet it is impossible to understand the role of food in those social relationships, which the Buddhist community shaped, without considering material from the pre-Buddhist tradition. The subject of food constantly attracted the attention of those who created the Vedic canon. In Brahminical prose, food became an important focus for conceptualisation and in the context of those speculations, which were always being raised by the priestly élite, general

---

[1] Crosta 2015.

[2] See, for example, Daswani 2006.

[3] See, Holt 2015; Analayo 2017.

[4] Glasenapp 1999, p. 419; Johnson 1995, pp.196–200; Zheleznova 2018.

[5] In a monograph devoted to the subject of donations (*dāna*) to the monastic community (Findly 2003), significant material has been assembled on the role of laymen in the "exchange of gifts and merits". In this article, however, our attention is focused precisely on the subject of offering food as one kind of *dāna* and the mechanisms, which facilitate the functioning of this ritual: the latter are considered through analysis of specially selected textsthe text and shaped through their specific features.

cultural ideas associated with food were reflected as well: otherwise they would have remained without an outlet.

One of the versions of the cosmogonic myth, as presented in the Brahmanas, has a direct link to food. The creator-deity (Prajāpati) identified with hunger and death, creates all that exists with the intention of swallowing it: "He has decided to eat everything he has created. [Since they say]: 'He shall truly eat (*ad*) everything' and that is why the name for what is limitless [everything] is *aditi*" (*Shatapatha-Brahmana* X.6.5.5)[6]. This cosmogony of hunger equates the whole world with food and he who brought forth this world, Prajāpati (literally – "The Ruler of posterity") appears in the role of an eater.

Therefore the whole fullness of being can be expressed through the unity of food and eater. He who has achieved *atmana* says of himself: "I am food, I am food, I am food. I am an eater of food, I am an eater of food, I am an eater of food. [...] I am food, I shall eat the eater of food (*aham annam annam adantam ādmi*). I have overcome the whole world" (*Taittiriya-Upanishad*, Bhrigu section, 10.6)[7]. Within the framework of this world outlook, the whole world and its existence are presented as an unending cycle of food. It is important to note that this process includes a social hierarchy, in which internal relations are expressed through a metaphor of eating. An address to Prajāpati includes the following text: "The Brahman is your mouth alone, with this mouth you shall eat kings and with this mouth you shall make me an eater of food. Your mouth alone is king and with this mouth you shall eat the people, with this mouth you shall make me an eater of food" (*Kaushitaki Upanishad* 2. 9)[8]. In the Vedic era relations between people and ruler were often clarified through images of food and eater[9]. For that reason, while statehood was taking shape, the king, when he was collecting taxes, was presented as a consumer of food and the accumulation of his riches as his satisfaction[10].

Performing the requirements of their religion, which were an expression of the interaction between men and gods, was based on, among other things, the meaning of food. In this context attention was no longer focused on food and the individual partaker of it, but on the meal shared by the host with his guest. The Vedic *Yajna* is always compared in Brahminic prose with the ceremonies of hospitality. A donor, after inviting gods into his home, would feed them and then eat the remains of the sacrificial food with the priests who were assisting him. The main purpose of these ritual acts was to establish mutual obligations which brought together the donor-host and the invited gods. The individual with the status of the master of the house, fed not only gods but also ancestors. In this case the rite did not involve shared eating of food, since participation in such a meal would have acquainted the donor with the world of the dead[11].

After considering this system of ideas in general, it can be said that there is a single concept on which it is based – a concept which determines the whole structure of relationships – the possession of food. The master of food is a figure possessed of importance and independence both within human society and also within the confines of the whole cosmos complete with

[6] Romanov 2010, 174.
[7] Syrkin 1991, 93.
[8] Syrkin 1991, 54.
[9] Rau 1957, 94.
[10] Romanov 1978, 31.
[11] Romanov 2002, 150–151.

gods and ancestors. It is precisely in his capacity as the owner of food that a king exercises his rule and the master of a household arranges his system of connections, which determine his place within the hierarchy of society and the universe.

The ideas expressed above can provide an explanation for the most important feature of Indian asceticism. Unlike ascetic practices in many other cultures, in India, for an individual to turn his back on the world meant a complete renunciation of obtaining food and possessing it. In other words, the ascetic (the Buddhist or Jain monk, the Hindu *Sanyasin*) could only eat donated food. Since the production of food makes a man its master and, therefore, places him on one or other step of the social ladder, the only way to remove himself from that system is to cease all productive activity. Paradoxically this asceticism ties him who has renounced the world to a lay community (in city or village), since in order to survive he depends on householders able to share food with him. The usual location for a Buddhist monastery would be on the outskirts of a large city or in places through which busy caravan routes passed. Withdrawal from society does not therefore involve spatial distance, but first and foremost renunciation of earnings and, as a result, renunciation of former social status.

Buddhist monks through this process come to form a significant social group of a new type which, on the one hand, is outside society based on the Varna principle and the profession to which an individual belongs, but on the other is inextricably linked to society. This interconnection can be described as an exchange of "gifts" (*dāna*) received by the monks and "merits" (*punya*) received by laymen[12]. In this context the most important and the daily gift is food, or charity (*bhikṣā*, from which is derived the word *bhikṣu* or monk, literally "beggar").

It is not surprising that the theme of receiving food occupies such a prominent place in the Buddhist tradition. In the hagiographic literature, tales of the four main deeds of the Buddha include episodes involving the donation of food: his birth (Brahma brings to the Bodhisattva a "drop of strength"[13]), his enlightenment (the daughter of the village elder brings him rice pudding[14]), the first sermon (merchants from Trapusha and Bahalika bring the Buddha a honey dish, after which he acquires the strength needed to embark upon his preaching activity[15]) and the Parinirvana (when the blacksmith Chunda arranges the Buddha's last meal for him[16]).

The exclusive importance, which is attributed to food in the Buddhist hagiographic tradition, is also in line with the important role played by the monastic rules of the *Vinaya* relating to receiving food.

In the section entitled "*Suttavibhaṅga*"[17], which includes the *Pāṭimokkha* (Sanskrit *Pratimokṣa* – a list of prohibitions obligatory for every monk or nun), the rules concerning food are outlined with a considerable amount of detail. In this most important part of the *Vinaya*, misdeeds are classified according to how serious the transgression is. The transgressions range from serious sins, leading to life-long exclusion from the monastic community, to minor infringements of monastic etiquette, which only involve a reprimand. The prescriptions relating to food are concentrated in the fifth and sixth sections: the *Pācittiya* and *Pāṭidesanīya*,

[12] Findly 2003, 268–272.
[13] Aleksandrova, Rusanov, Komissarov 2017, 362, 385.
[14] Aleksandrova, Rusanov 2012, 45–51; Aleksandrova 2018, 41–44.
[15] Aleksandrova, Rusanov 2019a; 2019b.
[16] Waldschmidt 1967, 88–119.
[17] Oldenberg 1879.

i.e. these do not involve particularly serious breaches of the charter and only require of the offender a public acknowledgement of his guilt for him to achieve expiation.

Another source for material of this kind is the sixth chapter of the *Mahāvagga*[18], entitled *Bhesajjakkhandhako*, the "*Chapter on medicines*". Although this chapter is devoted to illness suffered by monks and the medicines they can use, it contains numerous rules and stories concerning food.

According to the *Vinaya* the Buddhist monk must obtain food by collecting alms: during the morning he would leave the confines of his monastery holding a bowl for offerings. This daily activity dictated in many respects the way his life was ordered and it was reflected in the structure of the main canonical genre – the *sutra* (or *sutti*), in which the Buddha often encounters his interlocutors and those who listen to his sermons, when they are outside their monastery in order to obtain offerings. Apart from specially defined cases connected with calamities or sickness, it was not permitted to store food or prepare it in the monastery[19]. What the monks succeeded in collecting, they were supposed to eat by midday, since eating after that time was regarded as a sin (*Pāṭimokkha*, V. 37). The composition of food and drink was also laid down according to rules: there exist various lists classifying permitted types of produce[20]. These are the most general of stipulations regarding eating for Buddhist monks.

Yet perusal of the relevant texts from the *Pāṭimokkha* reveals that questions of prime concern to its compilers were not those concerning the number or composition of meals or when they took place. The attention of those who compiled the monastic code was focused on the actual situation involved in the acceptance of offerings – the moment of interaction between the monks and the laymen supporting them. The exchange of "gifts" for "merits" had to function smoothly, without interruption: everything which might interrupt it is viewed as a threat, is declared sinful and is forbidden. In a number of cases the link between one or other rule and the general question concerning relations between sections of the community only becomes clear from the stories which are cited in the *Suttavibhaṅga* or the *Mahāvagga* and provide a precedent leading up to the introduction of the prescription in question.

This corpus of texts contains a range of stories, in which the theme of merits linked to the donation of food is clearly to the fore. Naturally all the rules of the *Vinaya* are addressed exclusively to monks, but in this particular case the persons implicitly addressed in the stories are laymen, since it is precisely they who give alms and acquire merit.

The promise of merit is clearly presented in the story of a certain minister (*mahāmatta*), who invited a monastic community to a meal. He was, however, angered by the fact that the monks had already found time to eat early in the morning and were partaking of too few of the dishes which had been prepared for them. Later on, concerned by the fact that he had manifested his dissatisfaction, the minister sets off to the Buddha to ask whether feeding the monks in this way was of benefit to him. The answer given him by Tathāgatta is unambiguous:

---

[18] Oldenberg 1882.

[19] Frauwallner 1956, 94–95. Moreover accounts exist to the effect that in some regions there were stores of food in monasteries: see, for example testimony by Fa-syanya (5th century) about Khotan (Aleksandrova 2008, 116).

[20] Daswani 2006, 113–116.

"When you, my friend, invited the community of monks led by Buddha to be your guests the next day, this was a source of great merit for you. When each of the monks accepted from you a handful of rice, this was a source of great merit for you. You have attained Heaven" (*Mahāvagga*, VI. 25. 6).

Any story in the *Vinaya* ends with a formulation of a corresponding rule and in this case that rule is the ban on monks accepting food in the house of a layman. Yet the significance of the story is obviously of a wider nature than would have been required to explain the ban of this kind. From the Buddha's reply it follows that merit acquired by a donor does not depend either on the behaviour of the monks, who accepted the offering reluctantly, or even on the behaviour of the donor himself, who had manifested annoyance.

Within the system of values, which is reflected in the *Vinaya*, merit acquired through donation is so desirous that it even leads to a certain kind of rivalry between laymen. In one of the stories included, readers are told how a large group of people accompanied itinerant monks bearing supplies of food.

At the same time people from the locality in question loaded up carts with salt, butter, rice and solid food (*khādanīya*) and followed the community of monks led by the Buddha [having decided]:

"When our turn comes, we shall prepare food [for them]." [And there were also] five hundred people who were eating the leftovers (*vighāsāda*). Meanwhile Bhagavan, who was moving from one place to another, came to Andhakavind. Then a certain Brahman, whose turn had not yet come, thought to himself:"Two months have passed, while I have been following the community of monks led by the Buddha and counting on the fact that when my turn came, I should prepare food. Yet my turn has not come. I am here alone and many of my family commitments are not being fulfilled. How will it be, if I peep into the refectory (*bhattagga*) and supply what is missing there?" (*Mahāvagga* VI. 24. 1–2).

A situation of this kind was seen by the authors of the *Vinaya* as typical, as can be seen from another story, which took place in Kusinārā. Ananda's friend by the name of Rodja, expressed the wish to become the only donor, who would personally supply the community with all that was needed. The Buddha rejected that suggestion, saying that many laymen wished to donate food. As a result turns were re-introduced for those who wished to feed the community. Rodja, like the Brahman from the previous story, inspected the meal and supplied whichever products were lacking (*Mahāvagga* VI. 36. 5–6).

While the information addressed to the laymen appears fairly simple, namely that supplying monks with food is a valuable opportunity for acquiring guaranteed merit, addressing the members of the monastic community covers a far wider range of ideas associated with receiving food.

First of all those participating in this interaction need to understand clearly that they are all identical beings against the background of the whole varied range of Indian society. The main danger is that the image of those who receive gifts ceases to be clear-cut, since a wide variety of people can lay claim to this charity – other ascetics, beggars, pilgrims and travellers.

Precisely this fact can explain the presence in the *Suttavibhanga*, of the prescription to the effect that a monk may receive food at the place where food is distributed only on one occasion (*eko āvasathapindo bhuñjitabbo*). Pious Buddhist laymen arranged roadside shelters (*āvasatha*), where all travellers might receive food and water. In the *Vinaya* a story is told of how a group of six monks used to visit such a place every day and receive food there. Their behaviour became the subject of public censure and it became the direct pretext for the introduction of the following prohibition:

The people grew indignant, were filled with rage and anger:

"How can those *shramans*, sons of Shakyas, linger [here] all the time, and eat offerings in the shelter?! The offerings in the shelter are not meant [only] for them, the offerings in the shelter are meant for everyone" (*Suttavibhaṅga*, Pācittiya XXXI).

On learning of this story, the Buddha called upon the guilty men and announced a new rule limiting the right to visit such a place to a single occasion.

The six monks, who had been constantly receiving food destined for any travellers, first refused to collect the offerings, which the laymen specially provided for Buddhist monks and then behaved like ordinary beggars, abandoning their monastic appearance when receiving offerings.

One other story tells of a monk who settled in a place where corpses were cremated:

At that time a certain monk, dressed in nothing but rags, lived at a cremation site. He did not want to accept what people donated. He himself took offerings which had been intended for ancestors [left] in the cremation ground, under a tree and on the threshold and ate them himself. The people grew indignant, were filled with rage and anger:

"How can that monk take our offerings to our ancestors and eat them? That respected monk is stout, he probably eats human flesh!" (*Suttavibhanga*, Pācittiya XL)

On hearing that, the Buddha reproached the monk and issued a ban on "food" which was "not donated" (*adinna*).

In this instance the monk demonstrates his asceticism and there are plenty of examples of this in the Indian tradition. He lives at a *shmashāna* – a place regarded as the most impure of all – wearing discarded cloth (*pamsukūla*), which had probably been used to wrap corpses in, and feeding on offerings to ancestors previously scattered on the ground. This degree of self-abasement might seem to command respect, but laymen do not approve of such behaviour and even suspect the monk of eating corpses. The Buddha, as usual, associates himself with the condemnation from the onlookers and formulates an additional rule. Taking "what has not been donated" is usually associated with thieving in Buddhist texts, but in this particular case the term is used in a wider sense. It is no coincidence that at the very beginning of the story it is emphasised that the monk had not wished to accept charity. By so doing he had disrupted the basic relationships between the two sections of the community and rejected the social function incumbent upon the Buddhist monk.

While the rules outlined above are aimed at preventing the Buddhist monk from resembling other ascetics, in the *Vinaya* it is also possible to find prescriptions aimed at preventing him from resembling a "householder", i.e. a man who possesses property – first and foremost food.

In this connection it is interesting to turn attention to a story about the censure, to which the highly respected monk Belatthasis was subjected.

At that time the Buddha Bhagavan was staying in Shravasti, in Jetavana, in the monastery of Anathapindada. The mentor of the respected Ananda, the respected Belatthasis was living in the forest. He would set out to collect offerings and bring back boiled rice to the monastery: after it had dried he would store it. When he needed food, he would soak [rice] in water and eat it. This meant that he could go for a long time without setting forth to the settlement to collect new offerings. The monks asked respected Belatthasis:

"Why do you, our friend, venture into the settlement for charitable offerings only after a long period?" Then the respected Belatthasis told them what he was doing. "Does this mean, our friend, that you eat stored food (*sannidhikārakam bhojanam*)?" [they asked]. "Precisely that, my friend." The monks, who made do with little, who were satisfied, modest, well-behaved and who loved to study, grew indignant and were filled with rage and anger, exclaiming: "How can that be, how can the respected Belatthasis eat stored food!" (*Suttavibhanga*, Pācittiya XXXVIII)

On this occasion the laymen are not mentioned in the story. The conduct of Belatthasis made the virtuous monks indignant. It was precisely they who informed Bhagavan about what had happened, the very man who had formulated the rule prohibiting the eating of stored food.

The reason which had led Belatthasis to store food is made quite clear in the story: he was living not in a monastery but in a forest and therefore he had been living the life of a hermit. This practice had always existed in the monastic world and it was regarded as perfectly permissible. At the same time the indignation of the monks in the text is not in any way justified. Belatthasis was living on offerings of food, as prescribed: he had not taken anything which had not been offered as charity. Between visits to the settlement however, he found himself in the position of a self-sufficient owner of food and, in the eyes of the other monks, that appeared as such a blatant transgression that the compilers of the *Vinaya* did not even regard it as necessary for them to outline the reason for their disapproval. The point was evidently not that Ananda's mentor was failing to go forth to collect offerings at regular intervals, but that he was from time to time self-sufficient, when he had adequate supplies. When he soaked dried rice, he resembled a householder engaged in the preparation of food.

The danger of identifying a monk possessed of stored food with a householder preparing food comes even more clearly to the fore in another story in the *Suttavibhaṅga*.

On one occasion Ananda informed the Buddha that too much food had been brought into the monastery. Bhagavan issued instructions for the excess food to be given to those "who eat leftovers" (the *vighāsāda*). Preparations were made for a distribution of food and during the distribution Ananda, by chance, gave more flatbreads to one of the female ascetics than to the others, which gave rise to gossip. For our theme another episode, however, is more significant – one connected with the proponents of Ajivikism, a Śramana teaching advocating extreme asceticism and opposed to Buddhism.

An Ajivika appeared when food was being given out. One of the monks, after mixing rice with a large quantity of clarified butter, gave the Ajivika a generous portion. After the Ajivika had taken the offering, he departed. Another Ajivika asked the first one:

"My friend, where were you given this offering?" – "My friend, when food was given out by the Śramana Gautama, the householder with a shaven head." This conversation between the Ajivikas was overheard by Buddhist laymen (*upāsaka*). These laymen came to Bhagavan and, when they arrived, they greeted Bhagavan and sat down to one side. After sitting down, the laymen said to Bhagavan: "These followers of a different faith seek to discredit the Buddha, they seek to discredit the *dharma*, to discredit the community. It would be right, Master, if the noble ones did not bestow offerings on followers of a different faith with their own hands." (*Suttavibhanga*, Pācittiya XLI).

After listening to their advice, the Buddha introduced a ban on distributing charitable offerings to "naked ascetics" (*acelaka*) and other ascetics – men (*paribbājaka*) and women (*paribbājikā*).

In this legend, what became the immediate pretext for the ban were the words uttered by the enemies of the Buddhist *dharma*. The Ajivika calls the Buddha the "householder with a

shaven head" (*mundagahapatika*): in other words, from the point of view of a strict ascetic he accuses Buddhists of behaving like laymen, distinct from the latter only by their shaven heads. This defamation reaches the ears of the Buddhist laymen, who fear lest such utterances might discredit their community. The ban introduced by the Buddha, contains a significant reservation: it is wrong for monks to give offerings to ascetics "with their own hands" (*sahatthā*). In the commentary it is made clear that it is permitted to pass food to an ascetic with the help of another person or simply to lay it down on the ground. It is evident that in such cases the passing of food will not legally be regarded as an offering and, therefore, a monk will not be performing the role of a householder.

It would be difficult to overlook the fact that what underlies all these stories is not so much concern regarding the moral striving towards perfection by the monk as the worry about how the monastic community might look in the eyes of laymen. For this reason, even monks who abide by strict rules may be subject to censure. Indeed, in most stories in the *Suttavibhanga* concerning food, the theme of "image" comes to the fore, serving one way or another as a warning to avoid careless actions, which could prove harmful.

In a number of cases attention is focused not on actions which might directly undermine the interests of laymen, but those which give rise to an unfavourable impression of monks. In one such episode the main "dissenter" against the Buddhist tradition is Devadatta.

At that time Devadatta, after losing property and respect, used to eat with his followers in many houses, each time making his preferences known. People grew indignant and were filled with rage and anger:

> "How can monks, sons of Shakyas, eat in many houses, each time making [their preferences] known?! Who does not enjoy well prepared food? Who does not relish what is tasty?" The monks heard these people who had grown indignant and were filled with rage and anger (*Suttavibhanga*, Pācittiya XXXII).

This story, related in order to explain the introduction of the ban on "group food" (*ganabhojana*) which, however, is permitted "at the correct time" (during illness, the distribution of monks' garments, when travelling, sailing in ships, or when food is in short supply and also when an invitation is extended by a fellow ascetic). It is obvious that the nature of the ban does not fit the cited story, in which the indignation of the laymen and later that of the monks, who had overheard their conversations, resulted from the fact that Devadatta and his companions told (the verb *viññāpeti* means "to inform") their donors of their preferences and not at all from the fact that the suppliants had arrived in a group. If we focus attention on the story itself, then the rhetorical questions addressed to the monks led by Devadatta imply an accusation against them of having striven after pleasures, as might ordinary people. They want to receive tasty food and do not wish to forgo the opportunity to do so. These monks undermine the image of the ascetic, who has to earn respect from laymen.

Another story gives an example of relations within the monastic community, which became the pretext for harsh criticism voiced by a layman:

At that time a nun, who had gone to find food in Shravasti, saw a monk on her way home and said to him: "Noble one, take this offering". He [said]: "So be it, sister" and he took everything she had. When the time came [to eat], she could not set off [again] to find food and she was still hungry. The second day [...] and also on the third day [...] and then on the fourth day, this nun walked on, weak with hunger. A merchant-householder was travelling towards her in his chariot and he said to the nun: "Move out of the way, noble sister!" She moved to the side and straightway fell to the ground. The merchant-householder apologised

to the nun: "Forgive me, noble one, that you fell because of me". "Householder, I did not fall because of you, I simply have no strength". "But why do you have no strength, noble sister?" Then the nun told the merchant what the matter was. After that the merchant took the nun home and began to grow indignant and be filled with rage and anger: "How could the respected ones take food from the hands of a woman?! After all, it is difficult for women to receive [what they need]". The monks heard how the merchant grew indignant and was filled with rage and anger" (*Suttavibhaṅga*, Pāṭidesanīya I).

The Buddha, when he was informed of what had taken place, introduced an appropriate ban: a monk must not accept food from a nun, unless she is a relative of his.

The crucial moment in this dramatic story is not the selfish behaviour of the monk and not the meek self-sacrifice of the nun, but the indignation expressed by the merchant. It is typical that he should use the word "respected one" (*bhadantā*) in the plural, extending as it were his censure to the whole monastic community.

While in the last two cases laymen have appeared as observers of monks' actions, in a number of other stories they personally are offended by actions of the latter. Sometimes there is mention of an offence committed against a donor. This was the case in relation to a certain "poor workman" (*daliddo kammakāro*).

At that time in Vaishali a series of excellent dishes [for monks] appeared. Then a poor workman thought to himself: "It would not be a bad thing if these people were to eat properly. I shall prepare food as well." The poor workman then made his way to Kirapatika[21]. When he arrived he said to that same Kirapatika: "O, noble one, I wish to prepare food for a community of monks led by the Buddha. Give me money for this." Kirapatika was a man of faith and virtue and he gave the poor workman a sum larger than usual. Then the poor workman went to Bhagavan and when he arrived, he greeted Bhagavan and sat down to one side. After sitting down to one side, the poor workman said to Bhagavan: "Revered one, let Bhagavan agree to eat tomorrow at my house together with the community of monks." "My friend, the community of monks is large – do not forget [this]." "Revered one, let the community of monks be a large one. I have prepared many jujube fruits. Drinks mixed with jujube fruit will be in abundance." Bhagavan expressed his agreement through silence. Then the poor workman, on understanding that Bhagavan had agreed, rose from his seat, took his leave from Bhagavan, walked round the circle and went on his way. The monks heard that the poor workman had invited the community of monks, led by the Buddha, to come the next day and that there would be plentiful drinks mixed with jujube fruit. They went to collect offerings of food in good time and ate their meal. The people heard that the poor workman had invited the community of monks led by the Buddha and they brought the poor workman much hard and soft food. They informed Bhagavan about the time: "It is time, Revered one, the food has been prepared." Then Bhagavan dressed at the beginning of the day, took his bowl and robe (*chivara*) and made his way to the dwelling of the poor workman. On his arrival he sat down at the place indicated to him, surrounded by the community of monks. Then the poor workman began to serve the finest food to the monks. The monks, however, said: "Our friend, give us less food. Our friend, give us less food." "Dear guests, do not think to yourselves that here is a poor workman, we shall take only a little. I have prepared much

[21] Buddhaghosha believes that this must be a person by the name of Kira, who was known as *patika* or "Noble one" on account of his high position and influence (Malalasekera 12960, I, 606)

hard and soft food. Take however much you need, dear guests." "Dear friend, we are not taking only a little for that reason. We assembled together early to go and collect offerings of food and have eaten. That is why we are only taking a little." Then the poor workman grew indignant and was filled with rage and anger:

"How could that be, that the persons invited by me should eat in another place?! Surely I should be able to give them what they need?!" [The people] heard how that poor workman grew indignant and was filled with rage and anger (*Suttavibhanga*, Pācittiya XXXIII).

After that incident the Buddha forbade his followers to eat several times in close succession (*paramparabhojana*).

In this story it is constantly emphasised that the layman, who expressed the wish to feed the community, was poor (*dalidda*), i.e. did not fully fit the role of donor. The Buddha himself warns him about ill-considered promises. It turned out, however, that as soon as that righteous man declared publicly his pious intention, other laymen came to assist him: the layman in charge paid more than was due and the neighbours supplied good food for the monks' meal. The mere wish of the potential donor proved sufficient for the manifestation of generosity, which had made possible the earning of significant merit. Yet those who received the gift of food reduced to nothing the efforts of the "poor workman", since they had rendered his gift superfluous. In this way there had been a breach of the correct interaction of two sections of the community, which guarantees its viability. The ban formulated by the Buddha was expressed in one interpretation of *paramparabhojana*, literally "eating in sequence", but implicit in the story is a wider meaning: it is more than a simple condemnation of receiving food in several places in succession. After acquainting himself with the story, the reader is bound to conclude that any individual can be a donor for the whole community, regardless of his social status (here – a hired labourer, hired by the day) or material prosperity. In this situation a crucial aspect of Buddhist teaching is touched upon: it is precisely the fulfilment of *dharma*, which is important for assessing a particular individual, not his place on the social ladder, and for this reason the status of a donor ensures a higher position in the hierarchy than the status of the individual determined by his birth.

Another significant factor is the behaviour of the other party – those who accept the gift. It should not be forgotten that the offering made by a Buddhist donor is not to a deity (as it would be in Hinduism) but directly to the monastic community. For this reason the community can, through its behaviour, reduce to nothing all the worthy efforts of the donor.

A situation of this kind is also elaborated in another episode from the *Suttavibhanga*:

At that time a certain Brahmin invited monks to his house and fed them. The monks, after they had received sufficient food, went to houses of their relatives: some began to eat and others, after accepting offerings, went their separate ways. Then the Brahmin spoke thus to his neighbours:

"O, noble ones, I have fed the monks. Come to me and I shall feed you as well." The neighbours said: "How should that be, noble one, that you should feed us. Those whom you invited came afterwards to our houses: some began to eat, while others – after accepting offerings – went on their way." Then the first Brahmin grew indignant and was filled with rage and anger: "How could that be noble neighbours, that after eating in my house, they then ate again in another place?! Surely I am able to give them what they need?!" The monks heard that this Brahmin was growing indignant and was filled with rage and anger (*Suttavibhanga*, Pācittiya XXXV).

This story provides the reason for the introduction of the rule, according to which he who has received sufficient food in one place, cannot accept food over again.

Despite a certain similarity between the shared transgression of the monks and the fault of their brothers in the previous story, attention should also be focused on a number of differences between the two situations. While the first case was concerned with a "poor workman", the second is the story of a man with a high position in society (a Brahmin), who is clearly quite prosperous. The behaviour of the monks is also presented with different motivation in the two cases: while in the house of the day-labourer the monks were afraid they would not receive enough food and for that reason had eaten previously, there was no such risk when the monks were invited to the house of the Brahmin, since – as the compilers of the *Vinaya* underline – when the monks left his house there remained enough food for him to be able to feed his neighbours as well. Why did the monks not make do with what the Brahmin had offered them? Evidently what indicates the reason is the comment to the effect that they set out to "houses of their relatives". For many members of the monastic community, the visit to relatives and receiving charity from them was a daily practice and, clearly, they did not wish to forego it. As a result, the Brahmin, who had performed a pious act, was subjected to criticism from his neighbours and accordingly his donor status had suffered.

In the *Suttavibhanga* there is also a story recounting the incorrect behaviour of a monk in the house of a layman. In this instance the monk does not cast any doubts on the merits of the donor, but makes him feel uncomfortable, thus giving rise to his irritation:

At that time a respected Upananda, a son of Shakyas, came to the house of his friend and sat down in the bedroom together with his friend's wife. The friend then came up to the respected Upananda, a son of Shakyas, and then greeted the respected Upananda, a son of Shakyas, and sat down at the side of the room. While sitting at the side of the room, the friend said to his wife:

"Give our noble friend charity". The woman gave charity to the respected Upananda, a son of Shakyas. Then his friend said to the respected Upananda, a son of Shakyas: "May you now go on your way, noble friend, since charitable alms have been donated to our noble guest." Then the woman, after thinking to herself: ..."This man is irritated", said to respected Upananda, a son of Shakyas: Please noble guest, stay seated, do not go away." Then for a second time and for a third time the friend said to the respected Upananda, a son of Shakyas: "May you now go on your way, noble friend, since charitable alms have been donated to our noble guest." Then for a third time the woman said to the respected Upananda, son of Shakyas: "Please noble guest, stay seated, do not go away." Then his friend grew indignant and was filled with rage and anger. He said: "This noble Upananda is sitting in the bedroom with my wife. Despite my demands, he does not want to leave, but I have many things to do." (*Suttavibhanga*, Pācittiya XLIII).

This story provides the basis for the prohibition banning monks from sitting in a house, where there is food, after they have made their way into inner chambers. This story is followed by a further two, which are also devoted to Upananda (*Suttavibhanga*, Pācittiya XLIV, XLV) sitting in a house together with the wife of its owner, but in those two stories there is no mention of food or charity.

These three stories are part of a long series about Upananda, which are scattered through different parts of the *Vinaya* and which are to be found in certain *Jataki* tales. In an attempt to generalize the material connected with Upananda, it is possible to single out as his defining characteristic, the urge to use his monastic status in order to gain material advantage. He is greedy, inclined to deceive others and often provokes disputes. His actions are constantly

being criticised by the Buddha and providing the basis for the elaboration of new prohibitions aimed at limiting opportunities for monks to accumulate personal property[22].

In this instance the subject under consideration is incorrect behaviour of monks while offerings are being received. Attention should be focused on a number of details, which have evidently been introduced into the narrative for a specific reason. Upananda is in the house of a "friend" (*sahāyaka*). As a result he is maintaining contacts which had been made at some time in the period of his life as a layman. His status is therefore unclear: he is in the house of a layman in his capacity as a monk who has come to receive charity, or as a guest who has come to visit a friend, which would have placed him at an advantage over an ordinary member of the community. The place where Upananda sits is defined in precise terms: he is in the "bedroom" (*sayanighara*). It is important to bear in mind, that the bedroom is an inner space within the house, which is completely closed to outsiders. The status of friend and guest does not in any way imply admission into such a room: restrictions of that kind would apply to anyone apart from an ascetic, given that the latter stands outside relations of a lay kind.

After Upananda has received the charitable offering, there is a disagreement between husband and wife: they turn to the monk with two opposite wishes. The husband asks Upananda to leave and the wife asks him to stay. This behaviour by a woman is motivated by her thought: *pariyuṭṭhito ayam puriso.* The participle *pariyuṭṭhito* means "gripped by something" or "possessed by something": as a rule the emotions involved are negative ones, such as *kāmarāgaparyutthita,* "gripped by passion and desire". Yet, as noted by F. Edgerton, the Sanskrit form of this participle (*paryavasthita*) is, in most cases, combined with the word *krodha* meaning anger and in a number of cases it can be used on its own, implying "gripped [by anger]"[23]. The wife of the householder, as viewed by the compilers of the text, evidently considers the behaviour of her husband as unjust and the result of his irritation.

The fact that Upananda complies with the wish of the wife and not that of the husband, leads to conflict, the results of which can have a negative influence on the life of the community, if a householder of this kind starts to regard visits by monks as an encumbrance. Upananda should have confined his role to that of a recipient of offerings.

The extent to which the compilers of the *Vinaya* tried to encourage caution with regard to questions concerning the image of the monastic community is made clear in the story about the military leader of the Lichchavi, Siha. For many years Siha had protected the community of the Niganthy (Jains) but after his meeting with the Buddha he changed his ideas and asked the Bhagavan to accept him as a student. Although the Buddha admits Siha into the community, he asks him to continue to supply the Niganthy with food (*Mahāvagga*, VI. 31. 1–11). This is unlikely to be a question of showing concern in relation to the followers of a different teaching, but rather the expression of an unwillingness to stir up conflict by tempting over to their side valuable donors, which might have undermined the authority of the Buddhist community.

In the *Suttavibhanga*, there are also story-lines concerning monks who deliberately cause loss to laymen. A striking example of this is provided by the story of the laywoman (*upāsikā*) referred to via her daughter's name as "mother of Kana" (*kānamātā*). This story is to be

[22] Malalaskera 1960, I, 393–396.
[23] Edgerton 1998, 334.

found not only in the *Vinaya* (*Suttavibhanga*, Pācittiya XXXIV), but also in the collection of Pāli *jataka* tales[24]. In both versions the narrative opens with Kana, who had been given away in marriage to a husband in another village, coming to visit her mother. A short time later her husband demanded that Kana should return home. Her mother felt awkward about sending her daughter back empty-handed. She was baking a certain cake (*pūva*), when a passing monk asked her for a food offering and she gave him the cake. The monk told her about another monk, who also appeared in that house and also received a cake. Then a third monk came by, followed by another and so, every time the mother baked a cake, it would be carried off by yet another monk. In the meantime Kana's husband was sending messengers and insisting on Kana's return: eventually he threatened that he would take another wife into his house. Indeed, that is what happened. When he learnt that Kana was crying all the time, Bhagavan came to her mother, listened to her account of what had happened and comforted the laywoman with a sermon on *dharma*.

Immediately after that story there follows another, which depicts a similar situation:

At that very time a certain caravan was preparing to set off south from Rājagriha. One monk, who was collecting alms, came to that caravan in search of charity and a layman (*upāsaka*) gave that monk barley pudding (*sattu*). On his way out, the monk told another, who was also given barley pudding. Each time the layman had prepared this dish for his travels, it disappeared. Then the layman said to the people from the caravan:

"Noble friends, please wait till tomorrow. Each time I prepare provisions for myself, they have to be given to the noble (monks). I shall be preparing [further] provisions." "Noble friend, we cannot wait, the caravan has [already] departed." After saying that the men [of the caravan] departed. The very same layman, who had been preparing provisions and set off later, was robbed by thieves. People began to grow indignant and were filled with rage and anger: "How can that be that shramans, sons of Shakya, accept [charity] knowing no moderation?! This [man], after giving them offerings, set off later and was robbed by thieves." (*Suttavibhanga,* Pācittya XXXIV).

In the light of these two stories a rule was later established, which forbade monks to accept in the house of laymen more than two or three bowls of pies and food made of barley flour (*mantha*) and even those few bowls had to be taken to the monastery and the contents shared out with their fellow monks.

The characters in both these stories were referred to directly as Buddhist laymen (*upāsikā* and *upāsaka*). It is clear that these people cannot refuse a monk who has come to seek charity. What also unites these donors is that the importunate behaviour of members of the monastic community can lead to serious misfortunes: a woman loses her husband or a merchant his property. It is in cases such as those that social condemnation of the "shramans, sons of Shakyas" is at its most severe.

In some tales of suffering borne by laymen after their feeding of monks, the misery can assume an extreme form. A pious woman from Varanasi by the name of Suppia, for instance, on hearing a request from an ill monk for meat broth, failed to find meat and cut off a piece of flesh from her own thigh. On hearing what had come to pass, the Buddha healed Suppia and severely criticised the monk, who had asked no questions about the origin of the gift of food he had received. As a result a prohibition was issued to the effect that human flesh could

[24] The *jataka* about the mother of Kana is available in a Russian translation entitled "The Jataka about the Tom-cat" (Zakharin 1979, 309–312).

not be used in food and it was also ruled that questions had to be asked on every occasion as to how meat had been obtained (*Mahāvagga*, VI. 23. 1–9).

We have considered fragments from the "*Suttavibhanga*" and the "Mahāvagga" and now we are able to make some general observations. What the attention of those, who compiled the *Vinaya* and elaborated the question of monks' food, is focused on is not the inner life of the monastic community but its interaction with the surrounding world. All the prescriptions, which may seem far from consistent, become clear and acquire a general significance, if we focus on the main question in them and the stories shedding further light on that question – namely how the image of the Buddhist monk takes shape in the eyes of laymen, their potential donors. The formation of the pleasant image of the monastic community and the preservation of that image are based on principles expressed in the *Vinaya*, which can be laid out systematically as follows below.

A monk must live supported by charity and must not reject it. At the same time he needs to uphold his own identity: he must not allow himself to be associated with other ascetics and ordinary beggars. It is also unacceptable for him to resemble a householder capable of making donations. He needs to go out of his way to avoid situations in which he might insult or cause harm to his donor, i.e. everything which might make laymen avoid association with monks.

These principles make it clear that the task is not to persuade householders to support monasteries (that is the function of a sermon) but to retain them as donors. Keeping the latter interested in their role is bound up with the idea of "merits" (*punya*), a key feature of which was their dependence on a person's own actions and not on the social groups to which he belonged – something which is determined by his birth. At the same time it is important that his merits are related not only to the prospects for his next re-birth[25]. They made it possible for him to acquire authority within society during this life as well. Relations within the monastic community were laying the foundations for a new social hierarchy, which was taking shape above the traditional one. It was the urban population which first and foremost stood to gain from this, since it was precisely within its ranks that the problem arose concerning the mismatch between status and material prosperity.

In the texts of the Buddhist canon we encounter many individuals, whose position within traditional Indian society was often quite lowly: this would apply to successful traders, craftsmen, doctors or even *hetairai*. The merchant Anathapindada, the merchant Chunda, the doctor Jivaka and the *hetaira* Ambapali, thanks to their generosity towards the monastic community, became symbolic figures in the city's Buddhist circles, the embodiment of the greatest merits.

Furthermore, in cases when a potential donor – for example a hired workman – does not enjoy high social status or prosperity, but expresses the desire to help the community, he will without fail receive support from those around him. This shows that sometimes intentions alone are enough to enhance status among Buddhist laymen.

Rivalry between donors, which is portrayed in a number of episodes in the *Vinaya*, testifies to the fact that the monastic community – in its capacity as a new social structure – not only interacted with laymen but also created new relationships within the city's population. Opportunities emerged for certain adjustments to the hierarchical structure of society, which

[25] Epigraphic material also testifies to the "passing on of merits" to other individuals – see: Schopen 1997, 30–42.

were in step with what were, by this time, urgent needs for change. In this respect, the existence of monasteries was one of the ways in which questions of social stratification might be resolved. While the patronage of the ruling dynasties could provide major investment necessary for building monasteries, the everyday life of the Buddhist monastic community was bound up mainly with the presence of donors within urban circles.

The sources for our information regarding these everyday relationships are rather limited. It is difficult to form opinions of these relationships with reference to epigraphic or archaeological data. Even written accounts by pilgrims, consisting of descriptions of holy places and paraphrases of legends, hardly contain any such information. The only source in which a large variety of situations drawn from everyday life can be found is the Buddhist *Vinaya*. Yet a literal reading of this enormous work with its many variants does not provide an authentic historical picture. It would be wrong to assert that all the rules and regulations laid out in it were duly observed or that the stories included were all drawn from real life. The *Vinaya* provides extremely valuable material for any study of the history of Buddhism in the context of urban culture in ancient India, but only on condition that we focus our attention not on the direct assertions to be found in the text, but on the intentions which inspired its creators. An attempt to single out these practical implications in the rules from the *Vinaya* concerned with the subject of food and the narratives accompanying those rules has been undertaken in this article.

References

Aleksandrova, N.V. 2008: *Put' i tekst. Kitayskie palomniki v Indii* [*The Path and the Text: Chinese Pilgrims in India*]. Moscow.
Александрова, Н.В. *Путь и текст. Китайские паломники в Индии*. М.

Aleksandrova, N.V. 2018: [The sacred topography of Bodh-Gaya and Buddhist narration]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [*Journal of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*] 5, 38–47.
Александрова, Н.В., Сакральная топография Бодх-гаи и текстовая традиция. *Вестник Института востоковедения РАН* 5, 38–47.

Aleksandrova, N.V., Rusanov, M.A., 2012: [Bodhisattva by the Nairañjana river. The history of the development of the plot]. In: I. S. Smirnov (ed.), *Indologica. Sbornik statey pamyati T.Ya. Elizarenkovoy*. Kn. 2 [*Indologica. T. Ya. Elizarenkova Memorial Volume*. Book 2]. Moscow, 21–62.
Александрова, Н.В., Русанов, М.А. Бодхисаттва на берегу Найранджаны: история развития сюжета. В сб.: И.С. Смирнов (ред.), *Indologica. Сборник статей памяти Т.Я. Елизаренковой*. Кн. 2. М., 21–62.

Aleksandrova, N.V., Rusanov, M.A., 2019a: [The first offering to Buddha: a poor meal, but wealth of meaning. Part I]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [*Journal of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*] 1, 105–113.
Александрова, Н.В., Русанов, М.А. Первое подношение Будде: бедная трапеза и богатство смыслов. Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН* 1, 105–113.

Aleksandrova, N.V., Rusanov, M.A., 2019b: [The first offering to Buddha: a poor meal, but wealth of meaning. Part II]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*] 2, 143–154.
Александрова, Н.В., Русанов, М.А. Первое подношение Будде: бедная трапеза и богатство смыслов. Часть II. *Вестник Института востоковедения РАН* 2, 143–154.

Aleksandrova, N.V., Rusanov, M.A., Komissarov, D.A. 2017: *Lalitavistara. Sutra o zhizni Buddy. Rozhdenie* [*Lalitavistara. The Sutra on Buddha's Life. The Birth*]. Moscow.
Александрова, Н.В., Русанов, М.А., Комиссаров, Д.А. *Лалитавистара. Сутра о жизни Будды. Рождение*. М.

Anālayo, Bh. 2017: *Vinaya Studies*. Taipei.
Crosta, A. 2015: *Cibo e salute nella ciotola del Buddha*. Torino.
Daswani, R. 2006: *Buddhist Monasteries and Monestic Life in Ancient India (From the Third Century BC to the Seventh Century AD)*. Delhi.
Edgerton, F. 1998: *Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary*. Vol. II. *Dictionary*. Delhi.
Findly, E.B. 2003: *Dana. Giving and Getting in Pali Buddhism.* Delhi.
Frauwallner, E. 1956: *The Earliest Vinaya and the Beginnings of Buddhist Literature*. Roma.
Glasenapp, H. von. 1999: *Jainism. An Indian Religion of Salvation*. Delhi.
Holt, J.C. 2015: *Discipline. The Canonical Buddhism of the Vinayapiṭaka*. Delhi.
Johnson, W.J. 1995: *Harmless Souls. Karmic Bondage and Religious Change in Early Jainism with Special Reference to Umāsvāti and Kundakunda*. Delhi.
Malalasekera, G.P. 1960: *Dictionary of Pāli Proper Names*. Vol. I–II. London.
Oldenberg, H. (ed.) 1879: *The Vinaya Piṭakaṃ: One of the Principal Buddhist Holy Scriptures in the Pāli Language*. Vol. I. *The Mahāvagga*. London–Edinburgh.
Oldenberg, H. (ed.) 1882: *The Vinaya Piṭakaṃ: One of the Principal Buddhist Holy Scriptures in the Pāli Language*. Vol. IV. *The Suttavibhaṅga, Second Part*. London–Edinburgh.
Rau, W. 1957: *Staat und Gesellschaft im alten Indien nach den Brāhmaṇa-Texten dargestellt*. Wiesbaden.
Romanov, V.N. 1978: [The notions "king" and "kingdom" in ancient Indian political theory] *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 26–33.
Романов, В.Н. Древнеиндийские представления о царе и царстве. *ВДИ* 4, 26–33.
Romanov, V.N. 2002: [What does it mean "to say the truth" according to Śatapathabrāhmaṇa]. In: V. V. Glebkin (ed.), *Trudy po kul'turnoy antropologii. Pamyati Grigoriya Aleksandrovicha Tkachenko* [*Cultural Anthropology Studies. In memoriam Grigoriy Tkachenko*]. Moscow, 144–167.
Романов, В.Н. Что значит «говорить сатью». По материалам «Шатапатха-брахманы». В сб.: В.В. Глебкин (сост.), *Труды по культурной антропологии. Памяти Григория Александровича Ткаченко*. М., 144–167.
Romanov, V.N. 2010: *Shatapatkha-brakhmana*. Kn. X. *Taynaya* [*Śatapathabrāhmaṇa*. Book X. *The Secret One*]. Moscow.
Романов, В.Н. *«Шатапатха-брахмана»*. Кн. X. *Тайная*. М.
Schopen, G. 1997: *Bones, Stones, and Buddhist Monks: Collected Papers on the Archaeology, Epigraphy, and Texts of Monastic Buddhism in India*. Honolulu.
Syrkin, A.Ya. 1991: *Upanishady. Perevod s sanskrita, predislovie i kommentariy* [*Upaniṣads. Translated from Sanskrit, with Foreword and Commentary*]. Moscow.
Сыркин, А.Я. *Упанишады. Перевод с санскрита, предисловие и комментарий*. М.
Waldschmidt, E. 1967: Beiträge zur Textgeschichte des Mahāparinirvāṇasūtra. In: E. Waldschmidt (Hrsg.), *Von Ceylon bis Turfan. Schriften zur Geschichte, Literatur, Religion und Kunst des indischen Kulturraumes*. Göttingen, 80–119.
Zakhar'in, B. 1979: *Dzhataki. Perevod s pali* [*The Jātakas. Translated from Pāli*]. Moscow.
Захарьин, Б. *Джатаки. Перевод с пали*. М.
Zheleznova, N.A. 2018: [Food as a basic element of religious identity in Jain tradition]. In: *Vkus Vostoka. Gastronomicheskie traditsii v istorii, kul'ture i religiyakh narodov Azii i Afriki* [*Taste of the Orient: Gastronomic Traditions in History, Culture and Religions of Asian and African Peoples*]. Moscow, 101–115.
Железнова, Н.А. Еда как базовый элемент формирования идентичности в джайнской традиции. В сб.: *Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки*. М., 101–115.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 588–603
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 588–603
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910015603-6

CHRONOLOGY OF THE "FAT BOY GROUP" SKYPHOI AND AMPHORAE FROM THE PRIKUBANSKIY BURIAL GROUND

Elena V. Kuznetsova[1], Natalya Yu. Limberis[2],
Ivan I. Marchenko[3], Sergey Yu. Monakhov[4]

[1, 4] *Saratov State University, Saratov, Russia*
[2, 3] *Kuban State University, Krasnodar, Russia*

[1] *E-mail:* ev_kuznetsova@list.ru [2, 3] *E-mail:* meot@mail.ru
[4] *E-mail:* monachsj@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 18-18-00096

The article discusses four graves of the Maeotian burial ground «Prikubanskiy» (№ 186, 253, 262, 384), dating from *ca*. 400–350 BC. Their funeral equipment included, along with local hand-made and fired pottery, red-figure skyphoi of the «fluent» style (*F. B. Group*), amphorae of different production centers, and a few black-glazed vessels. Cross-dating of various categories of ceramic imports has narrowed the chronology of table vessels and ceramic containers.

Keywords: burial ground «Prikubanskiy», Maeotian culture, ceramic imports, amphorae, red-figured skyphoi, black-glazed pottery

---

Information on the authors. Elena Vladimirovna Kuznetsova – Candidate of History, curator of the collections of the Institute of Archaeology and Cultural Heritage of the Saratov State University; Natalya Yuryevna Limberis – Senior Scientific Assistant of the Scientific Research Institute of Archaeology of the Kuban State University; Ivan Ivanovich Marchenko – Candidate of History, professor of the Faculty of History, Sociology and International Relations of the Kuban State University; Sergey Yuryevich Monakhov – Dr of History, Head of the Chair of the History of the Ancient World, Director of the Institute of Archaeology and Cultural Heritage of the Saratov State University.

The study was conducted with the financial support of the Russian Scientific Foundation (Project no. 18-18-00096).

This article is a translation of: Кузнецова Е. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Монахов С.Ю. Хронология скифосов «беглого стиля» и амфор из Прикубанского некрополя // Vestnik drevnei istorii 81/1 (2021), 149–165. DOI: 10.31857/S032103910013527-2

In 1998–2001, in the course of rescue investigations of the Krasnodar archaeological expedition of the Kuban State University, a considerable area of a Maeotian necropolis was excavated near the khutor (farmstead) of Prikubansky (Krasnoarmeysky district of Krasnodar Kray), that situated in the flood-plain part of the right bank of the Kuban River, in its lower reaches. Totally, during these four years, 429 burials have been excavated where several thousand items of burial inventory including Maeotian wheel-made pottery and handmade ceramics, jewellery, weapon, etc. were found. Also a large quantity of imported ceramic ware was uncovered. A monographic publication of all the finds is expected in the nearest future, but in the present article, we wish to publish a small block of four complexes (burials nos. **186, 253, 262** and **384**) which comprise a set of Attic red-figure skyphoi and amphorae from different production centres. Cross-dates of these categories of pottery considerably supplement our notions of the dynamics of importation of Greek products to the Maeotian milieu. Analysis demonstrates that Attic red-figured skyphoi were brought to the Maeotians of the Kuban region during a brief period within the first half of the 4th century BC.

In the burials mentioned, four red-figure skyphoi of the Attic type (type A) with painting in a 'fluent' style have been uncovered. In its style, the painting of these vessels is comparable to the latest group of the Attic red-figure ware ('Fat Boy Group' or the F.B. Group after J.D. Beazley). Fragments with details of a painting of this type and a single archaeologically complete skyphos of this group from the Athenian Agora are dated to the second – third quarters of the 4th century BC[1]. These skyphoi belong to the number of the vessels which were copiously distributed throughout the world of the Classic period until the mid-4th century BC[2].

All the skyphoi here considered are produced from light-brown clay without discernible admixtures suggesting their Attic origin. In terms of their shape they have walls sagged near the bottom and an outturned pointed rim. The handles are of round section and trapezoid in the plan, slightly raised. The foot is rounded with a raised edge. The red-figure painting in the 'fluent' style, rather carelessly applied, is similar on all these items in its subject and manner of representations: palmettes beneath the handles, and volutes at the sides of the handles. Between the handles, paired figures are represented of young men draped in himation standing opposite each other with muffled hands. The glaze covers the inner and near-bottom parts of the vessels as well as the handles. The glaze is black with brown spots.

Totally, at the Maeotian sites on the right bank of the Kuban, now there are known 24 red-figure skyphoi in the 'fluent' style (including the fragmentary and reused bottom parts). Only 9 items among them are archaeologically complete forms. A complete skyphos in an excellent state of preservation found in burial 46 of kurgan 2 at the Seregin-skaya necropolis in the trans-Kuban region is dated to the second quarter of the 4th century BC[3]. Generally, the period of the use of skyphoi with 'fluent' painting, as demonstrat-

[1] Moore 1997, 63, No. 1303–1305.

[2] Ivanov 1963, 199–201, Pl. 106–108, № 485–488; Trias de Arribas 1967, I, 272, 298, 399, 506–507, lám. CLXIV, 1, 7; CLXVI, 13; CLXXXI, 1; CLXXXV, 5; CCLVI; CCLVII; Picazo 1977, 73, lám. XX; Stoyanov, Erim-Ozdogan 2014, 174–175, Fig. 3, 8a-8b, Cat. № 25.

[3] Leskov, Lapushnian 1987, 149, Cat. № 206, Photo XXV; erroneously dated to the late 4th century BC.

ed by the complexes of the Prikubansky necropolis, is limited by the first – early third quarter of the 4th century BC[4]. This date corresponds well with the chronological situation with analogous ware in the Northern Black Sea littoral[5] and on the Lower Don[6].

For a more complete idea about the Maeotic complexes here considered, a brief description of the burials (in the chronological order) will be presented below while red-figure skyphoi, other black-glazed vessels and amphorae from different production centres encountered in association with them will be separately analysed.

BURIAL NO. 253

This burial was looted in antiquity, no human skeletal remains were here found[7]. The grave goods: red-figure skyphos, two Thasian amphorae, mesh lekythos, handmade and grey-ware pottery, a bronze mirror and several small objects (spindle-whorl, beads, knife).

Of four **skyphoi**, the vessel from burial No. 253 (Fig. 1, *2*) is distinguished in its squatter shape (with slightly tapering lower body) and, according to the standards of the Athenian Agora, it is datable to a slightly earlier time than the ware from other burials, i.e. to a range within 400–375 BC[8], as already noted before[9]. As to the painting, on this vessel also the figures of two youths in himation facing each other are depicted. A similar in its style fragment of a skyphos from the Athenian Agora is dated to the beginning of the 4th century BC[10]. Therefore the skyphos from burial No. 253 can be perhaps considered as belonging to a group preceding that of 'Fat Boy' (F.B. Group).

The same burial yielded a **lekythos** with mash ornament (Fig. 1, *1*) of which only the upper body is preserved; however it is obvious that this toilet vessel belongs to the Boulas Group[11]. The beginning of the manufacture of such lekythoi in the Mediterranean region is dated to the first quarter of the 4th century BC, while their mass production and wide use in the funerary rite falls on the second – third quarters of that century[12]. This date coincides with the period of the regular burying of such lekythoi at necropoleses of the Northern Black Sea Region[13]. Mash lekythoi are fairly rare finds at Maeotian burial grounds. Thus three complete examples were found in the Maryanskaya (Maryinskaya) kurgan[14], and yet another one was retrieved from the ritual complex of the Tenginskaya necropolis in the Transkuban region[15]. Several fragmentary examples come from the cemetery of Lebedi III[16]. They all belong to different issues and are widely dated to the first half of the 4th

---

[4] Limberis, Marchenko 2015, 234–239.

[5] Rogov, Tunkina 1998, 165; Maslennikov 2012, 70, 72, № 12, 13, Fig. 2, *4–5a*; Vdovichenko *et al.* 2019, 49, № 290–326.

[6] Brashinskiy 1980, 55.

[7] The iron nails uncovered here possibly suggest the presence of wooden litter or a coffin.

[8] Sparkes, Talcott 1970, 260, no. 349; Moore 1997, 304, no. 1294.

[9] Limberis, Marchenko 2010, 323; 2015, 237.

[10] Moore 1997, 304, no. 1294.

[11] Vdovichenko, Turova 2006, 42, 116–117, Fig. 21, № 134, 135.

[12] Robinson 1950, 148–150, 160–162, pl. 105–108.

[13] Rogov, Tunkina 1998, 173–174; Rogov 2011, 120–121.

[14] *OAK* for 1912, 54 Fig. 73, above, in the centre; Monakhov *et al.* 2019, 61, Fig. 46.

[15] Erlikh 2011, 26, 50, Fig. 68, *5*.

[16] Limberis, Marchenko 2016a, 67–68.

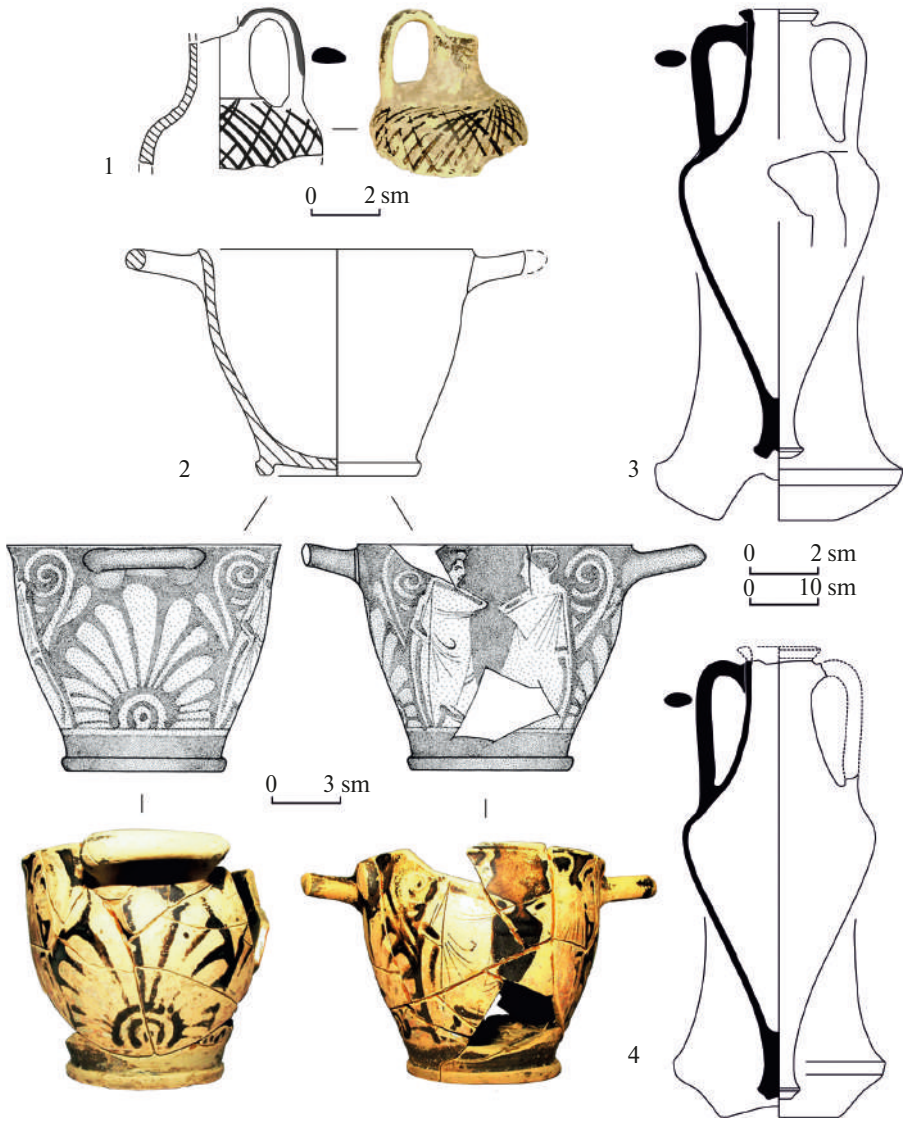


Fig. 1. Imports from burial No. 253 of the Prikubansky necropolis: *1* – net lekythos (KM 11600/1126); *2* – red-figure skyphos (KM 11600/1128); *3, 4* – amphorae from Thasos (KM 11600/1120 and KM 11600/1121). Photo and drawings by the authors. *Krasnodar, "Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn"* (*GBUK KK "KGIAMZ im. E.D. Felitsyna"*)

century BC. As to the lekythos from burial No. 253, it seems to have belonged to one of the earliest series and, probably, its date can be placed to within the boundaries of the first quarter of the 4th century BC. At least, a lekythos with exactly the same carefully executed 'checked' design over the body and with vertical white spots and bands on the throat comes

from burial M.04 at the necropolis of Panskoye I, where it was neighbouring an amphora of the Murighiol type of the beginning of the 4th century BC[17].

Practically identical **Thasian amphorae** from burial No. 253 (Pl. 1), one with the rim and handle lost (Fig. 1, *3, 4*), belong to the 'early biconical' series (II-B-1). Stamps on the handles or throats are absent inducing us to search for analogues among some reliably dated complexes.

The closest of these parallels include an amphora from the 'Yuzhny' kurgan excavated in 1913 near the stanitsa of Elizavetinskaya on Kuban, found together with a Heraklean amphora with a stamp of the early fabricant Aristippos[18], as well as two similar unstamped Thasian amphorae from the Dvugorbaya Mogila kurgan in the Azov Sea region where they were uncovered in association with Heraklean amphorae with stamps of early fabricants Archelas and Eukleiōn[19]. In both cases, the vessels are dated to the very beginning of the 4th century BC. In addition, there are similar Thasian amphorae with stamps of early magistrates Kuros and Saturos, in the first case from burial No. 254 of the Prikubansky necropolis and, in the second, from room No. 32 in Gorgippia, which, in turn, are well synchronized within the 390s BC[20]. In our case, amphorae from burial No. 253 are well correlated with the date of the skyphos from this burial which is datable to within the 390s – early 380s BC.

BURIAL NO. 384

Grave No. 384 was a burial of a male (?) aged 45–50 years and interred with numerous grave goods: a red-figure skyphos, amphorae from Mende and from an unidentified production centre, grey-ware and handmade vessels of the Maeotian production, ornaments and various small objects.

The red-figure **skyphos** from this burial has a slightly uncommon profile – its height is somewhat greater retaining the diameter of the rim with the decrease of the diameter of the foot (Pl. 2); the walls near the bottom are distinctly compressed. Forms of black-glazed skyphoi of a similar type are common for the second quarter of the 4th century BC[21]. The manner of the painting also somewhat differs: a band of black glaze on the lower body is broader than that of the example from burial No. 253; on both sides, figures of youths in himation are depicted standing at some distance and facing each other. Between them, at the level of the face, a round object, possibly a tympanum, is represented (Fig. 2).

The first amphora (Fig. 3, *1*) from this burial is a product of **Mende** of the 'Porticello' variant (II-B) and has a wedge-shaped rim separated by a slight cut from below, a high neck narrowing beneath the upper attachment of the handles, a smooth transition toward the broad and almost horizontal shoulder, the body of almost conical shape, and widened profiled foot with a hemispherical hollow. On the handle there is a relief stamp

---

[17] Monakhov, Rogov 1990, 127–128, Pl. 4; Rogov, Tunkina 1998, 173, Fig. 7, № 19; Monakhov 2003, 80, Pl. 55, *4*.

[18] Monakhov 1999, 177–178, Pl. 65; 2003, 66, табл. 42, *1–4*; Monakhov *et al.* 2019, 124, Th.9.

[19] Monakhov 1999, 162–163, Pl. 55.

[20] Monakhov 1999, 234, Pl. 96; 2003, 66–67, Pl. 42, *4, 5*; Kats 2015, cat.. 32.

[21] Sparkes, Talcott 1970, pl. 16, no. 350.

in the form of the letter "Δ" in a triangular frame. Amphorae of this type are numerously recorded in a series of representative complexes, in particular in the eponimic Porticello Shipwreck, in kurgans No. 2 and at the Elizavetovskoye necropolis (of 1909), kurgan No. 28 at the cemetery of 'Plavni', in the Chersonesean well of 1992, in room No. 32 in Gorgippia, etc[22]. Through Heraklean and Thasian stamps in these complexes, they are reliably datable to the first two decades of the 4th century BC. Such Mendean amphorae were retrieved from two other burials of the Prikubansky necropolis (No. 32 and No. 157); moreover in the first of the latter, a Heraklean amphora with a stamp of the early fabricant Dionysios was found together with the amphora from Mende. The amphora from burial No. 157 mentioned above is practically identical to the one under consideration; moreover, it was found accompanying a vessel of the next 'Melitopol' variant dating the amphora from burial No. 384 to within the 370s – early 360s BC.

The second amphora from burial No. 384 is from an **unidentified centre of production** (Fig. 3, *2*). By the present day it finds no parallels. It has a small beak-shaped rim, a high neck flaring downwards, an ovoid body and a rather low carinated foot with a deep trapezoid hollow. The clay is dark brown on the outside with numerous black inclusions and large quantity of mica and red on the inside. Similar clay is occasionally found in Thasian vessels, however the common morphological features do not allow us to attribute the given example to products of Thasian workshops. On the basis of the date of the Mendean amphora and the skyphos from this burial, this vessel (as also burial No. 384 itself) is datable to the beginning of the second quarter of the 4th century BC[23].

BURIAL NO. 186

It was a burial of a man (?) in a wooden coffin. Grave goods: a red-figure skyphos, amphorae from Mende and Knidos, the base of a black-glazed skyphos, a yellow-ware mortar, a bronze cup, handmade and wheelmade grey-ware vessels (including a fish-plate and an askos), a spindle-whorl, a knife with a bone grip, a fragment of a mask-bead, a pebble, different jewelry and a bronze mirror.

The form of the red-figure **skyphos** is similar to the previously described one. The theme of the painting is the same: depiction of two youths in himation facing each other, between their heads a tympanum is placed (Fig. 4, *1*). The manner of depiction is however more careful; the figures touch each other with elbows.

In addition, this burial yielded the **foot of a cup-skyphos** (Fig. 4, *2*) reused as a small cup or a saltcellar. It is a very typical case for the Maeotian world. Only at the Prikubansky necropolis, five foots of vessels of this kind are known[24]. The presence of a decoration combining stamped and carved elements on the inside of the bottom of this foot suggests its date as the beginning of the 4th century BC[25].

The first amphora from burial No. 186 is of **Knidian** production; it has a mushroom-shaped outturned rim, a relatively low neck slightly tapering downwards (funnel-shaped)

---

[22] Monakhov 1999, 165, 176, 183, 188, 223, 233, 243, Pl. 57, 64, 68, 72, 93, 96, 99; 2003, 91, Pl. 63–*2*; Monakhov *et al.* 2017, 31, Fig. 7; 2019, 46–47, Fig. 26.

[23] Limberis, Marchenko 2010, 323; Monakhov *et al.* 2018, 163, 164, Fig. 1, *1*.

[24] Limberis, Marchenko 2010, 342, № 21–25.

[25] Sparkes, Talcott 1970, 112, no. 618.

Fig. 2. Red-figure skyphos from burial No. 384 of the Prikubansky necropolis (KM 11600/2186). Photo and drawings by the authors. *Krasnodar, "Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn"* (*GBUK KK "KGIAMZ im. E.D. Felitsyna"*)

with a distinct transition to the shoulder. The body is pythoid, the foot is broad carinated with a deep hemispherical hollow. The clay is light brown, soft and dense, containing

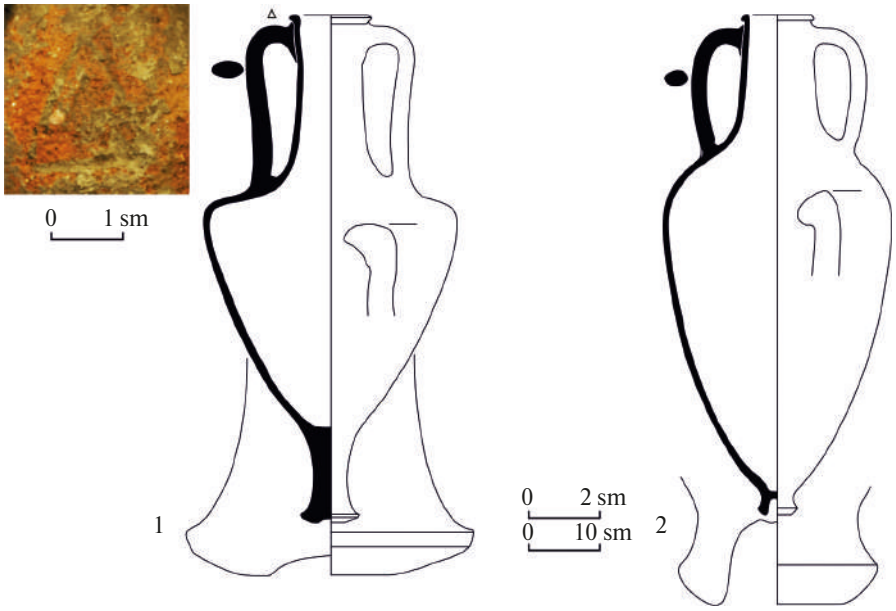


Fig. 3. Amphorae from burial No. 384 of the Prikubansky necropolis: *1* – Mende (KM 11600/2183); *2* – unidentified manufacturing centre (KM 11600/2188). Photo and drawings by the authors. *Krasnodar, GBUK KK "KGIAMZ im. E.D. Felitsyna"*

sparse shell inclusions. Amphorae of this type some time ago were attributed as an independent 'Elizavetovskoye' variant of Knidian containers (Fig. 4, *3*)[26].

There are numerous analogues to them. Firstly, a similar amphora comes from the central burial of kurgan No. 5 of the 'Five Brothers' group of the Elizavetovskoye necropolis, whereas at the ritual deposit related with this burial, there were found three Heraklean amphorae with stamps of early fabricants Euridamos and Dionysios 1, as well as still a stray amphora (also from Heraklea) with the stamp of the early fabricant Kromnios[27]. These facts provide us with a chronological link with the late 380 – early 370s BC.

Quite a number of analogous Knidian jars come from several burials of the same Prikubansky necropolis. Thus in burial No. **159**, an amphora of this type was encountered together with a biconical Thasian one and a Sinopean amphora (type I-A), which, according to all their analogues, are datable to within the end of the first – beginning of the second quarter of the 4th century BC[28]. Moreover, the Thasian amphora bears the stamp Ἀριστείδ(ης) | Θασ|ι Ἀριστα(γόρης)[29], belonging to the magistrate Aristidos who was active in the 350s BC[30]. In burial No. **202** of the Prikubansky necropolis, a Knidian amphora of this type was found together with another large amphora with a

[26] Monakhov 2003, 102, Pl. 71, *1–4*.
[27] Monakhov 1999, 251–253, Pl. 100.
[28] Limberis, Marchenko 2018, 101, Fig. 3.
[29] Reading by A.B. Kolesnikov.
[30] Kats 2007, 415, Supplement II.

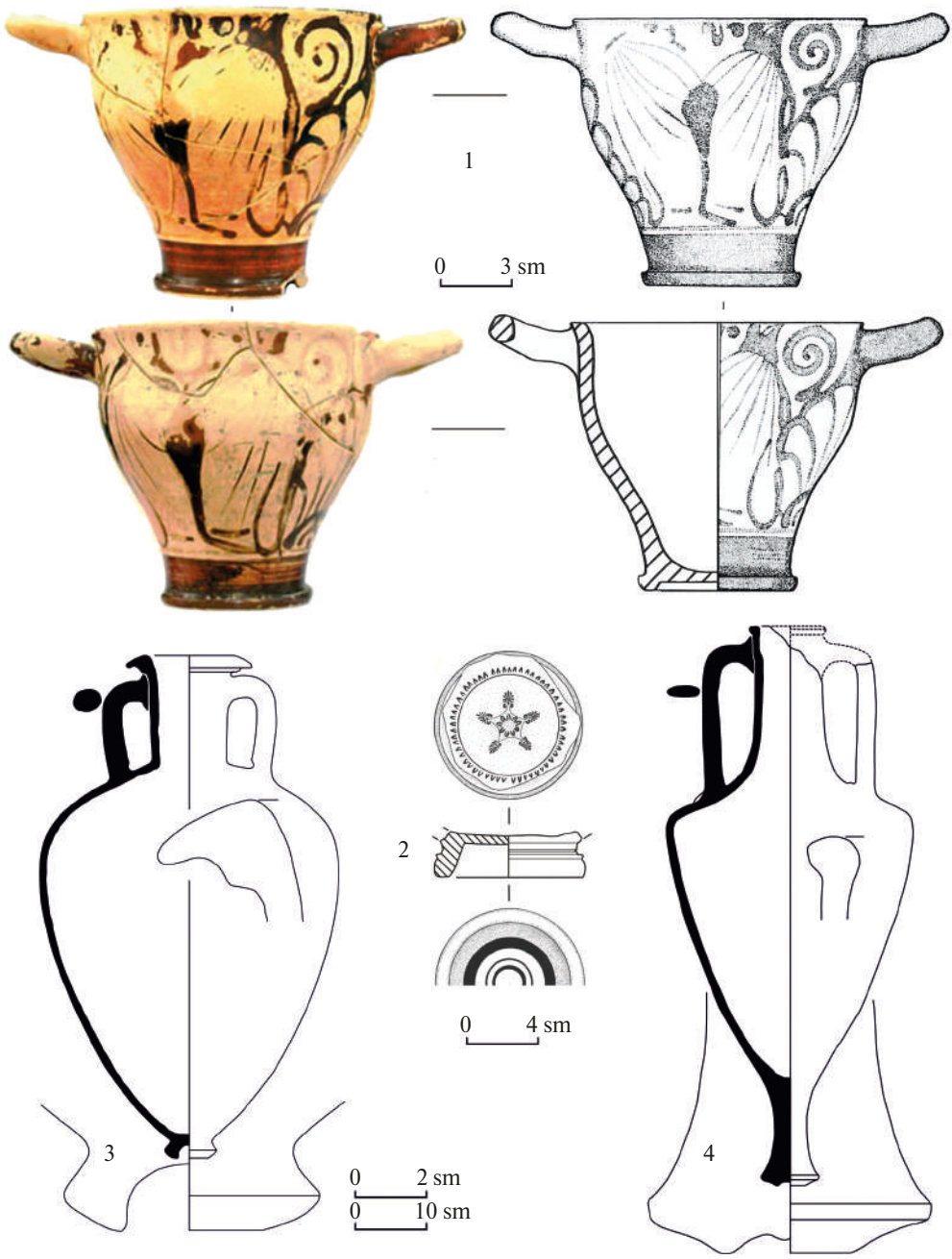


Fig. 4. Imported object from burial No. 186 of the Prikubansky necropolis: *1* – red-figure skyphos (KM 11600/415); *2* – base of black-glazed cup-skyphos (KM 11600/439); *3* – amphora from Knidos (KM 11600/440); *4* – amphora from Mende (KM 11600/438). Photo and drawings by the authors. *Krasnodar, GBUK KK "KGIAMZ im. E.D. Felitsyna"*

mushroom-shaped rim from an unidentified production centre[31]. In burial No. **224** of the same necropolis, the Knidian amphora of the 'Elizavetovskoye' variant was associated with a Thasian unstamped amphora of the 'developed' biconical series and an Attic black-glazed bolsal[32]. Similar bolsals were distributed particularly in the second half of the 5th century BC; in the next century, they began to loose their popularity because of the appearance of kantharoi, but their manufacture continued until the late 4th century BC[33]. The closest analogue among the materials of the Athenian Agora is dated to the 380–350 BC, but its handles are raised upwards as is characteristic of the younger pottery[34]. The bolsal from burial No. 224 is probably dating from the beginning of the second quarter, while the dates of the amphorae from the burial do not exceed the middle of the century.

Finally, burial No. **294з** of the necropolis of Starokorsunskoye settlement No. 2, yielded together with a Knidian amphora of the same 'Elizavetovskoye' variant yet another Knidian amphora of the 'Cherednikovy' variant, as well as a black-glazed skyphos and a black-glazed kantharos of the second quarter of this century[35].

Thus the entire circle of reliably dated parallels indicates the second quarter of the 4th century for the Knidian amphora of the 'Elizavetovskoye' variant from burial No. 186.

The second amphora from the burial belongs to the **Mendean** production of the 'Melitopol' variant (Fig. 4, *4*). As it was supposed before, this variant is a rather late one but the finds from burial No. 157 of the Prikubansky necropolis of at once two amphorae of the 'Porticello' and 'Melitopol' types suggest that for some time they were manufactured simultaneously. Nevertheless, considering a series of representative complexes with 'Melitopol' amphorae (kurgan No. 1 near the village of Olgino, kurgan No. 4s near v. Petukhovka, kurgan No. 14 near v. Gyunovka, kurgan No. 16 near v. Verkhny Rogachik[36]) it seems that the amphora from burial No. 186 should be dated to within the second quarter of the 4th century BC.

Taking in account the dates of all the categories of imports, the chronology of burial 186 may be placed within the second quarter of the 4th century BC.

BURIAL NO. 262

It was the grave of a female (?) 30–40 years old and contained a fairly diverse funerary inventory: a red-figure skyphos, amphorae from Knidos and Mende, a black-glazed saltcellar, Maeotian handmade and grey-ware pottery, diverse jewerly and numerous small objects.

The **red-figure skyphos** is morphologically identical to the previous one from burial No. 186 (Pl. 2). On its both sides, there are representations of two youths in himation facing each other: one with a staff in the right hand, the other – with a strigil in the left (Fig. 5, *1*).

---

[31] Limberis, Marchenko 2018, 101, Fig. 4.
[32] Limberis, Marchenko 2018, 101, Fig. 5.
[33] Sparkes, Talcott, 1970, 108.
[34] Sparkes, Talcott, 1970, 108, no. 558.
[35] Limberis, Marchenko 1997, 83, Fig. 2; Monakhov 2003, 102, Pl. 71, *3*; 72, *7*.
[36] Monakhov 1999, 220, 276, 379, 381.

The **saltcellar with a concave wall** belongs to the variant with a recessed underside resembling a pushed-in ring base. This form of saltcellars appeared in Attica in the second half of the 5th century BC and became most popular in the second and third quarters of the 4th century BC. About 315 BC, their manufacture ceased in Attica[37]. Some researchers supposed that the importation of such saltcellars to the Northern Black Sea region had ended before the mid-4th century BC[38], however analysis of the mass finds from North-Western Crimea and the Crimean Azov littoral has demonstrated that their main quantity comes from the cultural layers of the third quarter of the 4th century BC[39]. Saltcellars of this type were found also in burials nos. 230 and 346 of the second quarter of the 4th century BC at the Prikubansky necropolis[40]. In addition, they are known among the ceramic complexes of the Maryanskaya[41] and Elizavetinskaya No. № 7/1917[42] barrows. An example of the second quarter of the 4th century BC is the closest parallel among the materials from the Athenian Agora[43]. These facts entirely correspond to the dating of the skyphos from burial No. 262.

The **Knidian** amphora from burial No. 262, in terms of its morphological parameters (Pl. 1), belongs to the type with a 'high neck and mushroom-shaped rim', although not to the 'Elizavetovskoye' but to the 'Gelendzhik' or 'Cherednikov' variant (I-B or I-D) with flattened shoulders, less massive mushroom-shaped rims and a differing, very uncommon, profile of the feet (Fig. 5, *3*). The distinguishing of the 'Gelendzhik' variant presently seems not much reliable and moreover only its single examples are now known. Only a single amphora of this variant has been encountered in the complex of burial No. 13 at the necropolis of settlement No. 2 near the Lenin khutor (farmstead)[44], and moreover in a association with an amphora produced in Erythrai. The latter has not been included in the summary of amphorae from Erythrai but, evidently, it has a number of parallels among the examples of arbitrary type III dated extremely widely to the middle or, perhaps, the third quarter of the 4th century BC[45]. The closest analogues come from burial No. 652з of the necropolis of the Starokorsunskaya settlement No. 2 where two similar vessels were found, as well as a fragmentary amphora from Peparethos and black-glazed ware generally dated to the second quarter of the 4th century BC[46]. The above-mentioned amphora from burial No. 294з of the necropolis of the Starokorsunskaya settlement No. 2 is of greater height and slightly lesser diameter.

From the above, it follows that the amphora from burial No. 262 can be dated to the second quarter of the 4th century BC.

Amphora from Mende (Fig. 5, *4*) is similar to the vessel from burial No. 186 described above and also is datable to within the second quarter of the 4th century BC.

---

[37] Sparkes, Talcott 1970, 137–138, no. 921–938.
[38] Rogov, Tunkina 1998, 171.
[39] Egorova 2009, 38, № 359–371; Maslennikov 2012, 180, 182.
[40] Limberis, Marchenko 2010, 335, № 37–39; 2017, 208, № 1–3.
[41] *OAK* for 1912, 54 Fig. 73, top right; Monakhov *et al*. 2019, 61, Fig. 46.
[42] Galanina 2009, 89, Fig. 4.
[43] Sparkes, Talcott 1970, 137–138, no. 936.
[44] Monakhov 2003, 102–103, Pl. 71.
[45] Monakhov 2013, 40–41, Pl. V.
[46] Limberis, Marchenko 2016b, 80, Fig. 3.

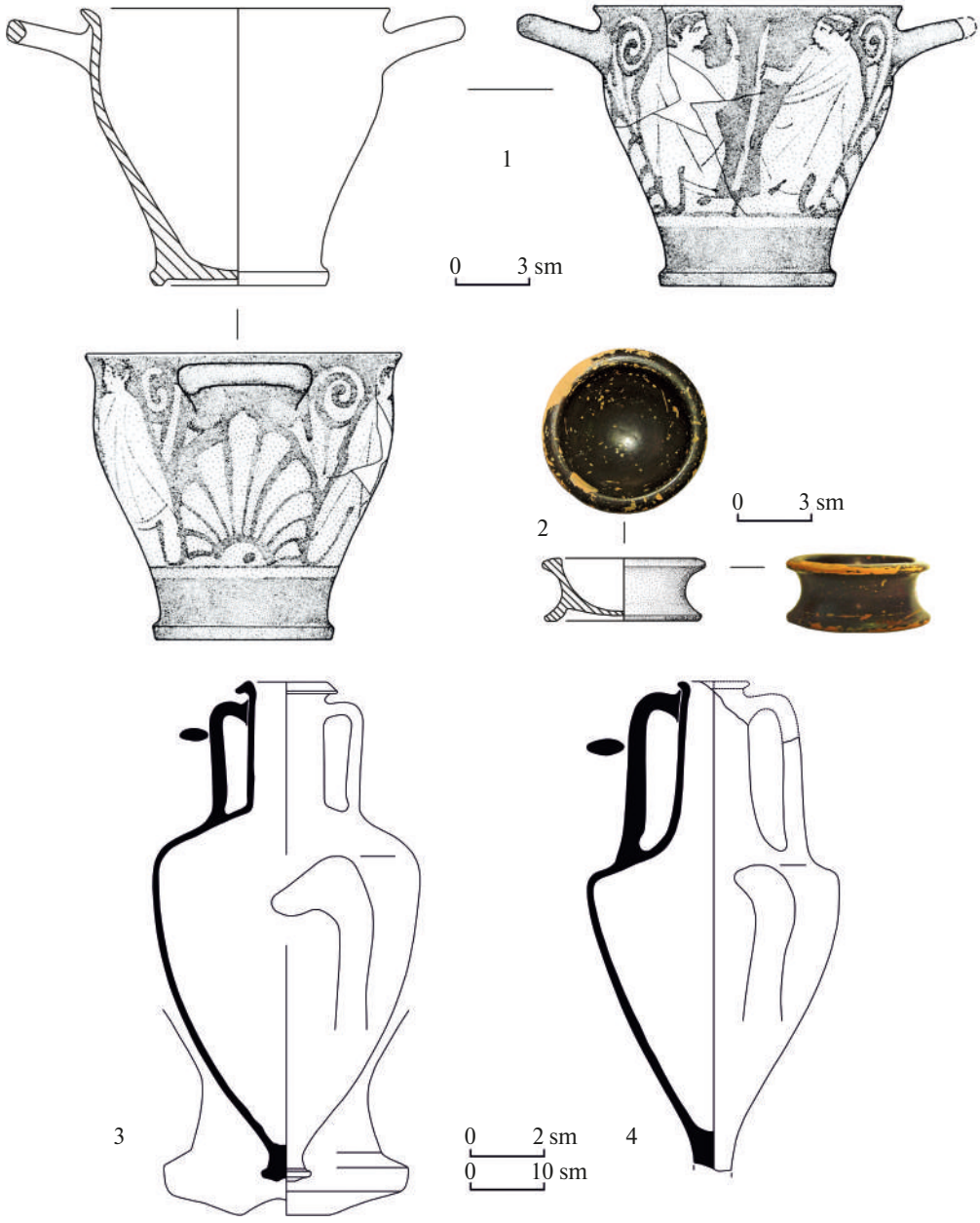


Fig. 5. Imported object from burial No. 262 of the Prikubansky necropolis: *1* – red-figure skyphos (KM 11600/1257); *2* – black-glazed saltcellar (KM 11600/1223); *3* – amphora from Knidos (KM 11600/1217); *4* – amphora from Mende (KM 11600/1219). Photo and drawings by the authors. *Krasnodar, GBUK KK "KGIAMZ im. E.D. Felitsyna"*

Generally, the burials with amphorae and red-figure skyphoi in the 'fluent' style are datable to within a fairly limited range of the 380–350s BC. Comparison of the dates of these two categories of grave goods, along with a consideration of known analogues of the little numerous other imports has allowed us to obtain slightly more narrow dates than those defined earlier, to describe in more details the chronology of the skyphoi and to date the complexes in general. In turn, this enables us to define more precisely the time of the manufacture and use of different objects of Maeotian production, mainly pottery.

Table 1

Metric parameters of amphorae from the Prikubansky necropolis[47]

Burial No.	Production centre	Linear dimensions, mm						Date, BC	Fig.
		H	H_0	H_1	H_3	D	d_1		
253	Thasos	660	572	260	155	290	115	390s	1, *4*
253	Thasos	–	567	281	187	280	–		1, *3*
384	Mende	710	576	290	213	358	116	370s – early 360s	3, *1*
384	Unidentified centre	700	668	300	160	315	100	370-e – early 360s	3, *2*
186	Knidos	706	675	310	150	420	176	Second quarter of the 4th cen.	4, *3*
186	Mende	786	635	290	202	344	110	Second quarter of the 4th cen.	4, *4*
262	Knidos	678	630	270	170	366	140	Second quarter of the 4th cen.	5, *3*
262	Mende	–	612	280	209	340	96	Second quarter of the 4th cen.	5, *4*

Table 2

Metric parameters of skyphoi from the Prikubansky necropolis

Burial No.	Manufacturing centre	Linear dimensions, mm			Date, BC	Fig.
		H	d of throat	d of base		
253	Attica	100	121	73	390s – early 380s	1, *2*
384	Attica	109	123	61	370s – early 360s	2
186	Attica	113	122	67	Second quarter of the 4th cen.	4, *1*
262	Attica	113	126	73	Second quarter of the 4th cen.	5, *1*

References

Brashinskiy, I.B. 1980: *Grecheskiy keramicheskiy import na Nizhnem Donu v V–III vv. do n.e.* [*Greek Ceramic Imports on the Lower Don in 5th–3rd cent. BC*]. Leningrad.
Брашинский, И.Б. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э.* Л.

Egorova, T.V. 2009: *Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma* [*Black-Glazed Pottery of the 4th–2nd cent. BC from the North-Western Crimea Settlements*]. Moscow.
Егорова, Т.В. *Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. М.

[47] H – height; H_0 – depth; H_1 – height of the upper body; H_3 – height of the neck; D – diameter of the body; d_1 – diameter of the rim.

Erlikh, V.R. 2011: *Svyatilishcha nekropolya II Tenginskogo gorodishcha (IV v. do n.e.)* [*The Sanctuaries of the Necropolis II Tenginsky Settlement (4th cent. BC)*]. Moscow.
Эрлих, В.Р. *Святилища некрополя II Тенгинского городища (IV в. до н.э.)*. М.

Galanina, L.K. 2009: [Contacts of Prikuban' Region with the ancient world (based on the materials of the Elizavethian burial mounds)]. In: *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiyu S.A. Skorogo* [*The Early Iron Age. Proceeding by the 60th Anniversary of Sergey Skory, Doctor of Archaeology*]. Kiev–Poltava, 86–90.
Галанина, Л.К. Контакты Прикубанья с античным миром (по материалам Елизаветинских курганов). В сб.: *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого*. Киев–Полтава, 86–90.

Ivanov, T. 1963: [Ancient pottery from necropolis of Apollonia]. In: *Apoloniya, Razkopkite v nekropole na Apoloniya prez 1947–1949* [*Apollonia. Excavations of the Necropolis of Apollonia in 1947–1949*]. Sofia, 65–273.
Иванов, Т. Антична керамика от некрополя на Аполония. В сб.: *Аполония. Разкопките в некропола на Аполония през 1947–1949*. София, 65–273.

Kats, V.I. 2007: *Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya)* [*Greek Ceramic Stamps of the Classical and Hellenistic Epoch (Complex Research Result)*]. Simferopol–Kerch.
Кац, В.И. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. (БИ, XVIII). Симферополь–Керчь.

Kats, V.I. 2015: *Keramicheskie kleyma Aziatskogo Bospora. Gorgippiya i ee khora, Semibratnee gorodishche. Katalog* [*Ceramic Stamps of Asiatic Bosporus. Gorgippia and its Chora, Semibratnee Settlement. Catalogue*]. Saratov.
Кац, В.И. *Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище. Каталог*. Саратов.

Leskov, A.M., Lapushnian, V.L. (eds.) 1987: *Shedevry drevnego iskusstva Kubani. Katalog vystavki* [*Art Treasures of Ancient Kuban. Catalogue of Exhibition*]. Moscow.
Лесков, А.М., Лапушнян, В.Л. (ред.). *Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки*. М.

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 1997: [Burials with the Heraklean amphorae from the excavations of the Necropolis of settlement Starokorsunskoe no. 2]. In: M.Yu. Vakhtina, Yu.A. Vinogradov (eds.), *Stratum Plus. Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Stratum Plus. Archaeological Bulletin of Saint Petersburg*]. Saint Petersburg–Chișinău, 81–93.
Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Погребения с гераклейскими амфорами из раскопок могильника Старокорсунского городища № 2. В сб.: М.Ю. Вахтина, Ю.А. Виноградов (ред.), *Стратум плюс. Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург–Кишинев, 81–93.

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2010: [Painted and black-glazed pottery from the cemetery of Prikubanskiy (attribution and chronology)]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of Bosporus*] 14, 322–356.
Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология). *Древности Боспора* 14, 322–356.

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2015: [Black-glazed skythos from Meotian settlements of the right bank of the Kuban River]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of Bosporus*] 19, 227–255.
Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Чернолаковые скифосы из меотских памятников правобережья Кубани. *Древности Боспора* 19, 227–255.

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2016a: [Lekythos in Meotian funeral rites on the Kuban right bank]. In: *Aziatskiy Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremya* [*Asian Bosporus and Kuban Region in Pre-Roman Time*]. Moscow, 64–70.
Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Лекифы в погребальном обряде меотов Правобережья Кубани. *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время*. М., 64–70.

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2016b: [A burial with a glass cup from the cemetery of Stary-Korsun city-site no. 2]. *Arkheologicheskie vesti* [*Archaeological News*] 22, 76–85.
Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Погребение со стеклянной чашей из могильника Старокорсунского городища № 2. *Археологические вести* 22, 76–85.

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2017: [Small black-glazed vessels for food service from Meotian burial grounds at the Right Banks of the Kuban River]. *Antichnyi mir i arkheologiya* [*Ancient World and Archaeology*] 18, 206–223.
Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Миниатюрные чернолаковые сосуды для сервировки стола из меотских могильников правобережья Кубани. *Античный мир и археология* 18, 206–223.

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2018: [Chronology of the burials with animal-style horse harness from the Prikubansky burial ground]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [*Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*] 23(3), 99–133.
Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Хронология погребений с конской упряжью в зверином стиле из Прикубанского могильника. *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 23(3), 99–113.

Maslennikov, A.A. 2012: [Painted pottery from the settlements of the "Royal" chora of the Azov Region]. In: A.A. Maslennikov, *Tzarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e)*. T. 2. *Individual'nye nakhodki i massovyy arkheologicheskiy material* [*Royal Chora of Bospor (Based on Archaeological Materials from the Crimean Azov Region)*. Vol. 2. *Individual Finds and Mass Archaeological Material*]. Moscow.
Масленников, А.А. Расписная керамика с памятников «царской» хоры Приазовья. В кн.: А.А. Масленников, *Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. Т. 2. *Индивидуальные находки и массовый археологический материал*. (ДБ, Suppl. III). М.

Monakhov, S.Yu. 1999: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: kompleksy keramicheskoy tary VII–II vv. do n.e.* [*Greek Amphorae in Black Sea Area: Complexes of Ceramic Containers of the 7th–2nd cent. B.C.*]. Saratov.
Монахов, С.Ю. *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э*. Саратов.

Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel'* [*Greek Amphorae in Black Sea Area: The Typology of Amphorae of the Leading Centers-Exporters of Goods in Ceramic Containers. Catalogue*]. Moscow–Saratov.
Монахов, С.Ю. *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель.* Москва–Саратов.

Monakhov, S.Yu. 2013: [Notes on localization of ceramic ware. III. Amphorae of Erythrai (Asia Minor) and their stamps]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 28–51.
Монахов, С.Ю. Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр. *ВДИ* 3, 28–51.

Monakhov, S.Yu., Rogov, E.Ya. 1990: [Ceramic complexes of the Necropolis Panskoe I]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [*Ancient World and Archaeology*] 8, 122–151.
Монахов, С.Ю., Рогов, Е.Я. Керамические комплексы некрополя Панское I. *Античный мир и археология* 8, 122–151.

Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2017: *Amfory V–II vv. do n.e. iz sobraniya gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy». Katalog* [*Amphorae of the 5th–2nd cent. BC from the Collection of the State Museum-Preserve "Tauric Chersonese". Catalogue*]. Saratov.
Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Чурекова, Н.Б. *Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог.* Саратов.

Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2018: [Rare forms of amphorae from the Prikubansky necropolis]. In: V.V. Mayko (ed.), *Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda* [*Archaeology of the Ancient and Medieval City*]. Sevastopol–Kaliningrad, 163–170.
Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Редкие формы амфор из Прикубанского некрополя. В сб.: В.В. Майко (ред.), *Археология античного и средневекового города*. Севастополь–Калининград, 163–170.

Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Chistov, D.E., Churekova, N.B. 2019: *Antichnaya amfornaya kollektsiya Gosudarstvennogo Ermitazha VI–II vv. do n.e. Katalog* [*The Ancient Amphorae Collection of The State Hermitage Museum 6th–2nd cent. BC. Catalogue*]. Saratov.
Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Чистов, Д.Е., Чурекова, Н.Б. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог.* Саратов.

Moore, M.B. 1997: *Attic Red-Figured and White-Ground Pottery*. (The Athenian Agora, 30). Princeton (NJ).
Picazo, M. 1977: *Las Cerámicas Áticas de Ullastret*. Barcelona.
Rogov, E.Ya., Tunkina, I.V. 1998: [Painted and black-glazed pottery from the necropolis Panskoe I]. *Arkheologicheskie vesti* [*Archaeological News*] 5, 159–175.
Рогов, Е.Я., Тункина, И.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I. *Археологические вести* 5, 159–175.
Rogov, E.Ya. 2011: *Nekropol' Panskoe 1 v Severo-Zapadnom Krymu* [*Necropolis Panskoye 1 in the North-Western Crimea*]. Simferopol.
Рогов, Е.Я. *Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму*. (МАИЭТ, Suppl. 10). Симферополь.
Robinson, D.M. 1950: *Excavaition at Olinthus*. Pt. XIII. *Vases Found in 1934 and 1938*. (The Johns Hopkins University Studies in Archaeology, 38). Baltimore.
Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970: *Black and Plain Pottery of 6th–5th and 4th Centuries BC*. Pt. I. *Text*. Pt. II. *Indexes and Illustrations*. (The Athenian Agora, XII). Princeton (NJ).
Stoyanov, R.V., Erim-Ozdogan, A. 2014: [Collection of black-figured and red-figured pottery from the excavations of the Menekse Çatağı settlement in Propontis]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury* [*Transactions of the Institute for the History of Material Culture*] 10, 166–179.
Стоянов, Р.В., Ерим-Оздоган, А. Коллекция черно- и краснофигурной керамики из раскопок поселения Менекше Чатай в Пропонтиде. *Записки ИИМК РАН* 10, 166–179.
Trias de Arribas, G. 1967–1968: *Ceramicas griegas de la Peninsula Iberica*. Vol. I–II. (Publicaciones de Arqueologia Hispanica, II). Valencia.
Vdovichenko, I.I., Turova, N.P. 2006: *Antichnye raspisnye vazy iz sobraniya Yaltinskogo istoriko-literaturnogo muzeya* [*Antique Painted Vases of the Yalta Museum of History and Literature Collection*]. Simferopol–Kerch.
Вдовиченко, И.И., Турова, Н.П. *Античные расписные вазы из собрания Ялтинского историко-литературного музея*. (БИ, XIV). Симферополь–Керчь.
Vdovichenko, I.I., Ryzhov, S.G., Zhestkova, G.I. 2019: *Antichnaya raspisnaya keramika Khersonesa Tavricheskogo. Iz raskopok S.G. Ryzhova v 1976–2011 godakh* [*Ancient Painted Pottery of Tauric Chersonesos. From the Excavations of S.G. Ryzhov in 1976–2011*]. Sevastopol.
Вдовиченко, И.И., Рыжов, С.Г., Жесткова, Г.И. *Античная расписная керамика Херсонеса Таврического. Из раскопок С.Г. Рыжова в 1976–2011 годах*. Севастополь.

IN MUSEUM COLLECTIONS AROUND THE WORLD

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 604–633
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 604–633
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910010015605-8

ASPECTS OF RELIGIOUS SYNCRETISM OF THE GODDESS ISIS IN GRAECO-ROMAN EGYPT: A CASE-STUDY OF THE TERRACOTTA FIGURINES FROM THE COLLECTION OF THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS

Olga A. Vassilieva[1], Svetlana E. Malykh[2]

[1] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;*
Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia
[2] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;*
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[1] *E-mail:* vassilievagmii@gmail.com [2] *E-mail:* malyh2002@mail.ru

The article provides a publication and analysis of ten Egyptian terracotta figurines of Isis from the Graeco-Roman period (collection of the Department of Ancient Orient, Pushkin State Museum of Fine Arts in Moscow). They come from the collections of V. S. Golenischev, N. G. Ter-Mikaelian and O. V. Kovtunovich and are dated to the broad period – from the early Hellenistic age (4th–3rd cent. B.C.), to the Late Ptolemaic (1st cent. B.C.) and Roman periods (1st–3rd cent. A.D.), giving evidence of the popularity of Isis' cult in Graeco-Roman Egypt. The images of the goddess studied in this paper have additional attributes adopted from the female deities of the Greek (Aphrodite, Demeter, Selene) and eastern pantheons. These features allow to consider the aspects of Isis' image as a syncretic deity, embodying both of a patroness of motherhood and female attractiveness.

Information: Olga A. Vasilyeva, Ph.D. (History), member of the research team on the Russian Science Foundation project 19–18–00369, History Department, M.V. Lomonosov Moscow State University; head of the Department of the Ancient East, A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts; Svetlana E. Malykh, Ph.D. in History, member of the research team on the Russian Science Foundation project 19–18–00369, History Department, M.V. Lomonosov Moscow State University; senior research associate of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

The article was prepared with the support of Grant No. 19-18-00369 of the Russian Science Foundation 'Classical East: culture, worldview, traditions of study in Russia" (based on materials from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts and archival sources)'.

This article is a translation of: Васильева О.А., Малых С.Е. Аспекты религиозного синкретизма богини Исиды в греко-римском Египте на примере терракотовой пластики из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина // Vestnik drevnei istorii 81/1 (2021), 166–197. DOI: 10.31857/S032103910013528-3

Keywords: Graeco-Roman Egypt, Egyptian terracottas, Isis, religious syncretism, ancient Egyptian religion, Pushkin State Museum of Fine Arts

This publication describes ten Egyptian terracotta figurines of the goddess Isis from the Pushkin Museum of Fine Arts: eight figurines come from the collection of V.S. Golenishchev, one (1.1a 7924) was acquired from N.G. Ter-Mikaelyan in 1981, another one (1.1a 7973) was purchased in 1986 from O.V. Kovtunovich.

By the number of Egyptian terracottas in museum collections and private collections, the first place is taken by images of Harpocrates, then Isis and the servants and goddesses associated with her[1]. Meanwhile, the popularity of Isis in the Greco-Roman era in popular and official beliefs, not only in Egypt, but also beyond its borders, far exceeded the glory of Harpocrates. Isis becomes a 'polyonymous' goddess[2]. assimilating the functions of many Egyptian and some Greek goddesses; she is also the goddess of the mysteries, which Apuleius eloquently testifies, in particular, in 'Metamorphoses', calling Isis 'the deliverer of the human race' (Apul. Met. XI. 25).

CATALOGUE

1. Statuette of Isis-Thermuthis (Fig. 1)

Inv. No. 1.1a 2740 (ИГ 3079). From the collection of V.S. Golenishchev (1911).

Date: Roman period, the reign of the Severan dynasty.

Place of discovery: unknown; purchased in Egypt.

Preservation: intact, slight chipping at the left ear.

Dimensions: H. 27.2 cm; W. 12.0 cm; Thk 5.6 cm.

Production method: impression in a double-sided mould; trimmed and smoothed connecting seams at sides; high quality impression of the front side, with excellent detailing; simple, smoothed back side, with a technological hole with a diameter of 1.3 cm.

Material: alluvial fine dense dark red-brown clay (2.5YR4/3), with large amount of mica, medium amount of limestone, small admixture of plant particles.

Outer surface finish: none.

Burning: even (i.e. quality) oxidizing.

Note: traces of milky white gypsum-like substance on the face.

Publications: Berlev et. al. 2002, cat. 670; Vassilyeva 2013, cat. 8.

Analogies: Kaufmann 1913, 45, Abb. 26; Breccia 1934, pl. VIII, 28–30; Bayer Niemeyer 1988, no. 230–233; Dunand 1990, no. 387; Fjeldhagen 1995, cat. 44–45; Bailey 2008, no. 3017–3019; cf. Weber 1914, Taf. 3, 30, cf. 33–34; Perdrizet 1921, pl. XV, 4; Ewigleben, Grumbkow 1991, Kat. 39.

2. Statuette of Isis suckling Apis (Fig. 2)

Inv. No.: 1.1a 2902 (ИГ 3078). From the collection of V.S. Golenishchev (1911).

Date: II–III cc.

Place of discovery: unknown; purchased in Egypt.

[1] Dunand 1979, 73.

[2] Bricault 1994.

Preservation: the lower part of the statuette at the back and the right corner of the pedestal have been lost; chips; traces of red paint and white coating; cracks; surface filth.

Dimensions: H. 26.7 cm; W. 14.7 cm; Thk. 7.0 cm.

Production method: impression in a double-sided mould; smoothed connecting seams at sides; medium quality impression of the front side, in places probably with additional detailing; the back is flat and smoothed, with a technological hole of 1.6 cm diameter.

Material: alluvial medium-fine dense red-brown clay (2.5YR4/3, exterior surface 5YR5/4 in places), with significant admixture of mica, medium amount of limestone and plant particles, small amount of white particles (crushed river shells?).

Outer surface finish: none.

Burning: even oxidizing.

Note: traces of white plaster-like substance on the face, sometimes covered over with red ochre.

Publications: Berlev *et. al.* 2002, cat. 677; Vassilyeva 2013, cat. 9.

Analogies: Breccia 1934, pl. X, *37*; Dunand 1979, no. 17/18; Ewigleben, Grumbkow 1991, Kat. 34; Fjeldhagen 1995, cat. 39; Török 1995, pl. LVI, *106*; Ashton 2003, 86 (UC33564); Boutantin 2006, 320, fig. 3.

3. Handle of the lamp in the form of Isis nurcing Harpocrates (Fig. 3)

Inv. No.: 1.1a 7924 (КП 358058). From the collection of N.G. Ter-Mikaelyan (1981).

Date: first century B.C., Roman period.

Place of discovery: unknown; purchased in Egypt.

Preservation: Lost: head, column trunk and body of the lamp; surface wear.

Dimensions: H. 6.5 cm; W. 3.9 cm; Th. 2.9 cm.

Production method: impression in a double-sided mould; medium quality front impression; embossed back side, medium quality impression; with two technological holes with a diameter of 0.3 cm and 0.35 cm on the back side;

Material: fine medium-dense yellowish-beige marl clay (10YR7/4), average amount of white particles (crushed river shells?), small amounts of mica and plant particles.

Outer surface finish: none.

Burning: even oxidizing.

Publications: Berlev *et. al.* 2002, cat. 680; Vassilyeva 2013, cat. 14.

Analogies: Weber 1914, Taf. 2, *19–20*; Perdrizet 1921, pl. XVI, *2*; Breccia 1926, tav. XXXVI, *7*; Breccia 1934, II.1, pl. XXIV, *5–8*, cf. pl. XLV, *8*; Tran Tam Tinh 1973, pl. LX–LXIX; Dunand 1979, cat. 6, pl. VI; Bayer-Niemeyer 1988, no. 28; Schürmann 1989, Taf. 170, Kat. 1023; Fjeldhagen 1995, cat. 36–37; Zych 2004, 83–84, fig. 5. Cf. Philipp 1972, Kat. 28.

4. Statuette of Isis-Demeter-Selene (Fig. 4)

Inv. No.: 1,1a 2916 (ИГ 2966). From the collection of V.S. Golenishchev (1911).

Date: latter half of the 2nd – beginning of the 3rd century A.D.

Place of discovery: unknown; purchased in Egypt.

Preservation: intact; chips and heavily scuffed surfaces.

Dimensions: H. 19,2 cm, W. 9,6 cm, Thk. 3,9 cm.

Fig. 1. Statuette of Isis-Thermuthis © *Pushkin Museum of Fine Arts. No. 1.1a 2740.*

Fig. 2. Statuette of Isis suckling Apis © *Pushkin Museum of Fine Arts. No. 1,1a 2902.*

Fig. 3. Handle of the lamp in the form of Isis nurcing Harpocrates © *Pushkin Museum of Fine Arts. No. 1,1a 7924.*

Production method: impression in a double-sided mould; trimmed and smoothed connecting seams at sides; high quality impression of the front side, medium quality impression of the embossed back side.

Material: alluvial fine dense brown clay (7.5YR4/3), with moderate amounts of mica and crushed shells, with a small amount of plant inclusions and a slight admixture of limestone.

Outer surface finish: partially polished front and rear sides; further refined relief details on the front surface; images scribed on the back surface (pruning on raw clay).

Burning: even oxidizing.

Note: probably from the same workshop and pottery batch as the lower part of statuette I, 1a 2920.

Publications: Berlev *et. al.* 2002, cat. 672; Vassilyeva 2013, cat. 11.

Analogies: Schürmann 1989, Taf. 171, Kat. 1029; cf. Mollard-Besques 1963, pl. 32a, 34c, 36b, 37a-f; Philipp 1972, Kat. 35.

5. Statuette of Isis-Demeter-Selene (Fig. 5)

Inv. No.: 1.1a 2920 (ИГ 2965). From the collection of V.S. Golenishchev (1911).

Date: latter half of the II century, early III century A.D.

Place of discover: unknown; purchased in Egypt.

Preservation: composed of two fragments; surface damage; surface filth.

Dimensions: H. 19.0 cm, W. 9.7 cm, Thik. 3.9 cm.

Production method: (head) impression in a double-sided mould; the connecting seams on the sides are trimmed and smoothed; good quality impression of the front side, medium quality impression of the back side; (body) impression in a double-sided mould;

the connecting seams on the sides are trimmed and smoothed; high quality impression of the front side, medium quality impression of the embossed back side.

Material: (body) alluvial fine dense brown clay (7.5YR4/3), with moderate amount of mica, with small amounts of crushed shells and plant inclusions; (head) clay visually close to body clay (7.5YR4/3 coating, 7.5YR5/4 abrasions).

Outer surface finish: the head has no additional finishing of details; the body has additional finishing of solid moldings on the front surface (trimming on raw clay), the back surface is smoothed in some places, additional images are drawn on raw clay.

Burning: even oxidizing.

Note: late restoration: two different statuettes are pieced together (the head is of the 'oranta' statuette type, the torso is analogous to I, 1a 2916), the head and the body are connected by grayish white plasterlike substance; the lower part of the statuette is possibly from the same workshop and pottery batch as I, 1a 2920.

Publications: Vassilyeva 2013, cat. 12.

Analogies: (head) Breccia 1934, pl. LVII, 280; Eisenberg 2014, 37, no. 71; (body) Schürmann 1989, Taf. 171, Kat. 1029.

6. Fragment of the statuette of Isis-Aphrodite-Anasyromene (Fig. 6)

Inv. No.: 1.1a 2929 (ИГ 3051). From the collection of V.S. Golenishchev (1911).

Date: late 3rd c. B.C.

Place of discovery: unknown; purchased in Egypt.

Preservation: the part of the statuette below the waist with the arms below the elbow is lost; the headdress is glued together; the paint layer is almost completely lost.

Dimensions: H. 7.1 cm, W. 4.0 cm, Thik. 2.6 cm.

Production method: impression in a double-sided mould; the connective seams on the sides are trimmed and smoothed; good quality impression of the front side, medium quality impression of the embossed back side, a technological hole with a diameter of about 1 cm.

Material: alluvial fine dense pale brown clay (5YR5/2 and 5YR4/2), with moderate amounts of mica, small amounts of white particles (crushed river shells?) and plant inclusions.

Outer surface finish: none.

Burning: even oxidizing.

Note: traces of pinkish-white plasterlike substance and blue pigment on the front side; traces of red pigment on the back side.

Publications: Berlev *et. al.* 2002, cat. 676; Vassilyeva 2013, cat. 3.

Analogies: Szymańska 2005, pl. V, cat. 46; cf. Ewigleben, Grumbkow 1991, Kat. 44; Szymańska 2000, 81, Fig. 3.

7. Fragment of the statuette of Isis-Aphrodite (Fig. 7)

Inv. No.: 1.1a 2848 (ИГ 3089). From the collection of V.S. Golenishchev (1911).

Date: Ptolemaic period.

Place of discovery: unknown; purchased in Egypt.

Preservation: lost feet; deep chipping on the left arm; surface damaged by scratches; surface filth.

Dimensions: H. 19.9 cm, W. 6.2 cm, Thik. 3.9 cm.

Fig. 4. Statuette of Isis-Demeter-Selene © *Pushkin Museum of Fine Arts. No. 1,1a 2916.*

Fig. 5. Statuette of Isis-Demeter-Selene © *Pushkin Museum of Fine Arts. No. 1,1a 2920.*

Fig. 6. Fragment of the statuette of Isis-Aphrodite-Anasyromene © *Pushkin Museum of Fine Arts. No. 1,1a 2929.*

Production method: impression in a double-sided mould; the connecting seams are trimmed and carefully smoothed on the sides; good quality impression of the front side; good quality impression of the embossed back.

Material: alluvial fine dense dark red-brown clay (2.5YR4/4), with moderate amount of mica, small admixture of white particles (crushed river shells?) and plant inclusions.

Outer surface finish: troweled in places.

Burning: even oxidizing.

Note: slight traces of white plasterlike substance on the face.

Publications: Berlev *et. al.* 2002, cat. 673; Vassilyeva 2013, cat. 1.

Analogies: Bayer-Niemeier 1988, Nr. 244; Dunand 1990, no. 328; cf. Weber 1914, Taf. 20, 201; Perdrizet 1921, pl. IV, 1; Szymańska 2005, pl. IV, cat. 28; Bailey 2008, No. 2995, 2997.

8. Statuette of Isis-Aphrodite (fig. 8)

Inv. No.: 1.1a 6889 (ИГ 3310). From the collection of V.S. Golenishchev (1911).

Date: I c. A.D.

Place of discovery: unknown; purchased in Egypt.

Preservation: glued together from several fragments; a part of the headdress, its left hand, four fingers of the right foot are lost; the surface of its nose and chest, leaves on shoulders are damaged; cracks; chipping.

Dimensions: H. 43.4 cm, W. 12.3 cm, Thik. 6.2 cm.

Production method: impression in a doublesided mould; the connecting seams on the sides are trimmed and smoothed; high quality impression of the front side; good quality

impression of the back; on the back of the head (behind the headdress) is a technological hole in the shape of an irregular oval 4.2 × 4.8 cm, the hole edges are trimmed.

Material: alluvial fine dense brown clay (5YR4/3), with small amounts of mica and plant particles, rare inclusions of limestone.

Outer surface finish: the front side is smoothed and partially polished, the rear side is slightly polished.

Burning: even oxidizing.

Note: slight traces of a yellowish-white plasterlike substance on the obverse.

Publications: Pavlov and Hodjash 1985, 17, Table 21; Berlev *et. al.* 2002, cat. 668; Vassilyeva 2013, cat. 2; Penna 2016, cat. 4.

Analogies: Weber 1914, Taf. 21, 200, 206; Breccia 1934, pl. IV, 10–11; Philipp 1972, Kat. 12, 18; Dunand 1990, No. 328–338; Ewigleben, Grumbkow 1991, Kat. 43; Fjeldhagen 1995, cat. 50–52; Bailey 2008, No. 3000.

9. Fragment of the statuette of Isis-Aphrodite (fig. 9)

Inv. No.: 1.1a 2803 (ИГ 3116). From the collection of V.S. Golenishchev (1911).

Date: Roman period.

Place of discovery: unknown; purchased in Egypt.

Preservation: the front part of the head is preserved; the upper part of the headdress and a fragment of curls from the left side and the body are lost; on the face is a crack, on the right side; chipping, scratches.

Dimensions: H. 6.2 cm, W. 4.3 cm, Thik. 2.3 cm.

Method of production: impression in a doublesided mould; high quality impression of the front side.

Material: alluvial fine dense pale red-brown clay (5YR6/4), with an average amount of white particles (crushed river shells?), a small admixture of quartz sand, mica and plant particles, rare inclusions of black stone.

Outer surface finish: none.

Burning: even oxidizing.

Note: Minor traces of a white plasterlike substance on the face.

Publications: Berlev *et. al.* 2002, cat. 672; Vassilyeva 2013, cat. 4.

Analogies: Szymańska 2005, pl. V, cat. 37.

10. Statuette of a nude goddess in a naos (Fig. 10)

Inv. No.: I, 1a 7973 (KP 374819). From the collection of O.V. Kovtunovich (1986).

Date: 4th-3rd c. B.C.

Place of discovery: Fayum.

Preservation: the object is glued together from several parts; chipping and abrasions on the obverse, the figure's feet have been lost.

Dimensions: 12.3 × 8.5 cm.

Method of production: singlesided impression; the front side is of medium quality, the face is poorly elaborated; the reverse is flat, with numerous imprints of plant particles (the piece was probably laid to dry on a bed of crushed straw).

Fig. 7. Fragment of the statuette of Isis-Aphrodite © *Pushkin Museum of Fine Arts. No. 1,1a 2848.*

Material: alluvial medium-fine dense reddish-brown clay (10R5/6), slightly darker outside (10R5/4), with a significant admixture of mica, a small admixture of white particles (river shells?) and plant inclusions, rare inclusions of quartz sand.

Outer surface finish: troweling.

Burning: even oxidizing.

Note: on the face are traces of milky white plasterlike substance, on the face and reverse sides in the upper part are traces of soot.

Publications: Berlev, Hodjash 2004, 476, cat. 198.

Analogies: Redford 1988, pl. XXIId; cf. Ashton 2003 (UC30186); Bailey 2008, No. 3108; Kaufmann 1913, Abb. 69–70; Perdrizet 1921, pl. LXXIX; Török 1995, pl. CVIII–CIX; Weber 1914, Taf. 20.198–199.

ISIS-THERMUTHIS

The figurine 1.1a 2740 (*see* Fig. 1) is therianthropic: the upper part is an image of a female torso, the lower part (instead of legs) is a serpent's tail twisted in a figure eight. The woman with the serpentine body is dressed in a long chiton and undershirt with fringes, a cloak is slung over her shoulders, the ends of which are tied under her breasts in a characteristic 'Isis knot', which in Roman times became one of the goddess' attributes[3]. The tunic's collar is carelessly open on her chest. Her head is crowned with the characteristic crown of Isis – a basileion with horns, a solar disk, and two feathers. The hair is neat: it is parted in a straight parting, smooth on top and curled on the forehead, it lies on the shoulders in curled curls. Such a hairstyle, according to J. Fisher, is characteristic of the early Severan era[4]. Around the woman's head is arranged a peculiar wreath of fruits, leaves and ears. Spikes of wheat are also present below, beneath the serpent's tail. In her right hand the goddess holds a long torch, in her left hand she holds a bundle of ears. On the left hand suspended situla – a small ritual vessel, an attribute of the goddess Isis.

What attracts attention is the superb quality of the execution of the statuette which has no exact parallel: fine modeling of the face, plump cheeks, almond-shaped eyes, burly body with lush breasts, thorough elaboration of hair, clothing folds, snake scales, feathers and ears. All known analogies of the same iconographic type[5] are much more conventional and flat.

The described iconographic type combines elements of the images of two goddesses – Isis and Renenutet[6]. The latter was considered the goddess of fertility and harvest and the mother of the grain god Nepri (hence her convergence with Isis as the mother goddess of Horus)[7]. In the Hellenistic era, Renenutet became known to the Greeks as Thermuthis, as evidenced by the four hymns by Isidoros of Medinet Madi (the fayoum city of Narmuthis) written in honour of the goddess Isis (III–II centuries B.C.)[8]. In the hymns, Isis

[3] See the discussion in Bailey 2008, 9.

[4] Fischer 1994, 96

[5] *See*, for example, terracotta figurine No. 1987, 0402.29 on display in the British Museum (URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1987–0402–29; date accessed: 22.01.2021.)

[6] Dunand 1967, 9.

[7] Vanderlip 1972, 20; Bergmann 1970, 86–85.

[8] Vanderlip 1972.

Fig. 8. Statuette of Isis-Aphrodite © *Pushkin Museum of Fine Arts. No. 1, 1a 6889.*

Fig. 9. Fragment of the statuette of Isis-Aphrodite © *Pushkin Museum of Fine Arts. No. 1,1a 2803.*

is identified with many goddesses, including Thermuthis; in some Fayoum inscriptions she is called 'Isis-Thermuthis', or 'Isermuthis.'[9] At Narmuthis there was a large temple of Isis-Thermuthis; small sanctuaries were also built in honour of this goddess in Fayum as well, for example at Thebtunis (heyday: 1st century B.C. – 1st century A.D.)[10]. Numerous terracottas found in Egypt show the popularity of the cult of Isis-Thermuthis not only in Fayoum, but also in other regions of the country.

[9] Vanderlip 1972, 17. Hymn I.1. *See* notes 1–3 on p. 19: about two variants of the Greek transliteration (Hermouthis/Thermuthis) of the name of the Egyptian goddess Renenutet (Rnn. wt.t/ Rnn.t). *See also:* Bricault 2013, 480.

[10] Gallazzi, Hadji-Minaglou 2000.

Fig. 10. Statuette of a nude goddess in a naos © *Pushkin Museum of Fine Arts. No. 1,1a 7973.*

Despite the fact that the ideas reflected in Isidore's hymns show us a virtually peasant world, the influence of the official temple religion is obvious here, creating various images of the goddess Isis[11]. The addition of the Isis-Thermuthis iconography apparently falls on the heyday of Hellenism. The goddess first of all guaranteed a rich harvest[12], from this function the use of various iconographic attributes – a torch, a sistra, a cornucopia, ears of corn – stems. The torch is an attribute of several goddesses with whom Isis could approach. Firstly, this is one of the symbols of the goddess Demeter – along with ears of wheat, flowers and fruit – as the goddess of fertility, with whom Isis was traditionally identified[13], At the same time, the torch, which obviously indicates the chthonic nature of Isis, also refers to the attributes of the underground goddess Hecate[14], but it may also be a symbol of Athena[15].

The symbolism of Isis-Thermuthis emphasizes the chthonic nature of the goddess and her features also peculiar to, as we have said, the Greek Demeter. However, in this case we are not talking about syncretism with Demeter, but the cult of a peculiar agrarian Isis. Sometimes goddesses with similar functions could be depicted side by side: for example, in one Alexandrian relief Greek Demeter stands together with the serpent Isis Thermufis and Agathodaemon[16]. The mentioned deity is the good demon of Alexandria, who became an incarnation of the Egyptian god Shai, who borrowed the serpent form from her female hypostasis – Renenutet (as the goddess of fate)[17]. Note that various de-

[11] Dunand 1979, 132–133

[12] Dunand 1979, 128–130.

[13] In many ancient authors, for example: Hdt. II. 59. 156; Diod. I. 13–14, 96; in many aretalogies, e.g: Isidoros. I. 3. 21 (Vanderlip 1972); Chalkis. 2 (Totti 1985, 15–16, Nr. 6).

[14] Kaufmann 1913, 86, Abb. 52–53.

[15] Bailey 2008, No. 3332.

[16] Dunand 1967, pl. IIIA (Alexandria. Inv. No. 3180).

[17] Dunand 1967, 9–10; См. Quaegebeur 1975.

pictions of serpentine creatures associated with chthonic and agrarian symbolism existed for centuries outside Egypt as well – suffice it to recall the Athenian fertility god Erichthonius[18]. In reliefs and small statuary Isis-Thermuthis was sometimes depicted close to traditional Egyptian iconography – with a snake body and a female head, but with an almost unexpressed female torso[19]. However, the majority of terracottas represent her with a female torso and serpent legs. The standard set of attributes (which may have varied) is as follows: horn of plenty, torch and sistrum; on the head, as a rule, is a 'basileion' crown, sometimes with ears on the sides[20].

The figurine of Isis-Thermuthis from the collection of the State Museum of Fine Arts is a fine example of the blending of Egyptian and Greek religious iconography; we are facing a classical, mature syncretic form of the Roman period, in the manufacture of which the hand of a skilled master can be seen.

ISIS LACTANS

The terracotta figurine 1,1a 2902 (*see* Fig. 2) refers simultaneously to the types of Isis seated on the throne and the so-called nursing Isis, or Isis lactans. But only instead of the infant Harpocrates, usually present on his mother's lap, the bull Apis is shown here next to the goddess.

Isis sits on a throne, the high back of which is decorated with a frieze of uraeus cobras. On her head is a floral wreath with a ribbon and a 'basileion' crown; long curls fall down on her shoulders from under the headdress. The cloak with fringes is tied on the chest with a characteristic 'Isis knot'. The long chiton is tied down to her heels, exposing the goddess's breast. On her left hand, she feeds her calf – a young Apis – standing to her left on the altar, the wall of which is decorated with the image of lotus stems. Certain parts of the gigurines (the chiton, details of the headdress, the frieze with the ureuses and the background behind Apis) are still painted in red ochre over white plaster. Traces of white pigment can be seen on many Greco-Roman terracottas, which could have been a kind of base, a primer for applying a color layer. It is also visible on some terracotta figurines found during the excavations in the Fayum city of Thebtunis[21].

In Egyptian terracotta statuary we often find images of Isis on the throne nursing the infant Harpocrates[22]. Isis nursing an infant is one of the most common images of the goddess, dating back to antiquity[23].

It is known that in Memphis Isis was worshipped in the form of a cow as the mother of the bull Apis; each cow was given a certain name, which included the component 'Isis'[24]. This is confirmed by the epigraphic material of the burials of sacred bulls in the northern

---

[18] Dunand 1979, 106, 112; Graves 2001, 25.2, 50.6.

[19] Gallazzi, Hadji-Minaglou 2019, 121, cat. 64 (relief from Thebtunis); Dunand 1967, pl. IA (relief: Alexandria Inv. 3171); Perdrizet 1921, pl. XV, *2* (terracotta).

[20] Perdrizet 1921, pl. XV, *4–5*.

[21] Gallazzi, Hadji-Minaglou 2019, 137, 139, 143

[22] Philipp 1972, 26, Kat. 27; Tran Tam Tinh 1973, pl. XXXVI–XLVIII; Bailey 2008, 3013–3014.

[23] The image of Isis (along with Hathor) feeding Horus is especially common in the "mammisi" of Egyptian temples of Greco-Roman times (*see*, for example: Tran Tam Tinh 1973, pl. II–IV).

[24] Smith 1972, 177.

part of the Sakkarian necropolis[25]. According to F. Dunant's interpretation, the image of Isis giving her breast to Apis is a visual assertion of the legal rights to the throne of the new bull Apis, the heir of the recently deceased[26]. Accordingly, such figurines may have been associated with the enthronement of Apis, which also included royal symbolism[27]. But it should be borne in mind that the terracotta statuary reflects the popularity of the iconographic image primarily in the sphere of private cult[28].

The Moscow figurine can be dated by its hair: a similar figurine (Isis on a throne, nursing Harpocrates) is dated to the late 2nd or early 3rd century A.D[29]. Y. Fisher attributes the type of breastfeeding Isis sitting on a modeled throne to the 2nd century A.D[30]. According to S.-A. Ashton, judging by the images on oil lamps, this type agrees with the iconography of the goddess established at the end of the first century B.C[31].

There is a certain variety of types within this iconography: for example, Isis sitting on a throne and nursing Apis standing on a column (UC33564)[32]. This figurine is a good analogy to the Moscow one, but, in contrast to the latter, its preservation is worse – the headdress and the lower part of the sculpture are knocked off. Another morphological variation is Isis, nursing Apis while standing, with the bull also located on a small dais – the altar[33].

The handle of lamp 1.1a 7924 (*see* Fig. 3), which is a bust-length portraiture of the goddess Isis (the head is not preserved) breastfeeding a child, also belongs to the type of images of Isis lactans. The bust of Isis is raised from the leaves of the acanthus. The image of half-busts on an acanthus flower is a very common motif in antique small sculptures[34]. This motif is also used in the decoration of the two terracotta handles of the lamps from the Berlin collection, which come from Alexandria and date back to the middle of the 2nd century A.D[35]. The material of the Moscow object – light-setting marl clay – also points to the Alexandrian production of this terracotta. This is also supported by archaeological material from the excavations at Marina el-Alamein. The found handles from the lamps were made in the form of terracotta figures of deities – Isis on the throne, the nursing Isis and Sarapis. At the same time, only one set (E253)[36] – the handle and the lamp itself – survived completely, which is quite rare. The found image of Isis nursing Horus is a full analogy to the Moscow terracotta[37]. The origin of the terracotta from the region of Alexandria is indicated by other analogies – from Canopus[38].

It is known that the maternal functions of Isis prevailed in her image and contributed to the fact that most of the mother goddesses in Egypt in the late period began to be

[25] Smith 1971, 11–12.
[26] Dunand 1979, 61.
[27] Ladynin 2018, 35–55.
[28] Dunand 1979, 61, No. 105; Török 1995, 88.
[29] Bailey 2008, No. 3014.
[30] Fischer 1994, 341, Nr. 844
[31] Ashton 2003, 86.
[32] Ashton 2003, 86.
[33] Perdrizet 1921, 53, pl. XVI, *6*; Kaufmann 1913, 68, Abb. 38.
[34] Jucker 1961, Bd. II, Taf. 13–21.
[35] Philipp 1972, 26–27. Kat. 28–29.
[36] Zych 2004, 84, Fig. 5.
[37] Zych 2004, 83–84, fig. 4–5.
[38] Breccia 1926, 77, tav. XXXVI, *7* (cf. tav. XXXVI, *2*).

identified with her. Nevertheless, in the heyday of religious syncretism, Isis borrowed not only the functions of fertility (from the Greek goddess Demeter and the Egyptian Renenutet), but also the patronage of sensual love and female fertility (from the Greek Aphrodite and the Egyptian Hathor)[39].

ISIS – DEMETER – SELENE

Two figurines 1.1a 2916 and 1.1a 2920 (*see* Fig. 4–5) depict the goddess Isis with the attributes of the Greek goddesses Selene and Demeter. Both figurines are of good quality and quite interesting, and both are notable for their peculiar iconography.

Figurine 1,1a 2916 (*see* Fig. 4) is a female figure in a cloak and long chiton, standing on sheaves of wheats. The ears of wheat, in turn, rest on a half-nude female figure holding a wicker basket filled with fruit. This is the embodiment of Euthenia, the fertile land[40]. On the reverse side of the terracotta, folds have been inscribed on the still wet clay, and behind the figure of Euthenia there are ears of wheat. The ears and the long cloak belong to the symbolism of Demeter. In this case, we have an example of the complete identification of the goddesses Isis and Demeter, mentioned by Herodotus (Hdt. II. 59, 156).

The figure of the goddess is shown as if flying; this impression is created by the image of the folds of her long chiton, as if blown by a gust of wind. Above her head, a veil hovers like a sail. The face is framed by short curls. On the goddess's head there is a small modius and a crescent moon. It is this attribute that enables us to identify the figure with Selene – the Greek goddess of the moon, while the modius is rather an accessory of Demeter[41]. However, even goddesses such as Demeter may sometimes have a lunar crescent[42]. In Roman times, in small sculptures there was a widespread type of the so-called Diana Lucifer, i.e. the goddess 'bearing light', who was depicted standing (on a stand or, more often, on a round sphere), dressed in a long chiton, holding one or two torches in her hands, on her head there was a half moon and the veil was blown in a semi-circle over her head, which fell on her shoulders and covered her arms with half-bent elbows[43]. However, the fully preserved figurines are unknown to us; all the bronze figures represent the goddess of the moon with broken hands[44]. So, what is common in iconograph is a long robe and a wind-blown cloak, which rises in a semicircle over her head and wraps around her arms; on her head is a crescent moon.

A fairly close analogy from the museum in Karlsruhe, dated to the first half of the 3rd century A.D., is called Isis (Demeter)-Selene;[45] its exact origin is not specified ("from Egypt"). The clay is notably redder in color (2.5YR4/6) than that of the Moscow figurine,

---

[39] Dunand 1979, 32.

[40] *LIMC* IV, 120.

[41] The specific headdress in the form of a basket with grain – modius (LIMC V.2, 518) – originally belonged to goddesses of Asian origin, such as Artemis of Ephesus or Astarte. Then the modius passed to Isis and Sarapis as a symbol of fertility, as these deities were considered associated with the growth of grain (Diod. I. 14; Macr. Sat. I. 20.18).

[42] Dunand 1990, 52–53, 75–76.

[43] For more, *see* Aponasenko 2019, 160.

[44] For example, Aponasenko 2019, 111, cat. 5: figurine of the 1st century A.D., originating from Rome (Berlin Antikelsammlung. Nr. Fr. 1845). Cf. Aponasenko 2019, 110, cat. 4.

[45] Schürmann 1989, 270.

which has a brown surface (7.5YR4/3). The terracotta fragment from the museum in Rostock, depicting a woman with a crescent on her forehead, is called 'Isis (Demeter/Fortuna/Selene/Nemesis).'[46]

There is a known type of terracotta depicting Aphrodite-Selene: a standing nude female figure, a crescent moon on its head, fluttering clothes above it[47]. The motif of the cloak fluttering over her head is found in Hellenistic terracottas depicting Aphrodite, for example, from the Greek necropolis of Myrina in Asia Minor[48]. However, in the Moscow artifact the symbolism associated with Aphrodite is indicated only by two large rose flowers near the face. The main attribute of the goddess Aphrodite – nudity – is missing.

In terms of its iconography, the lower part of the figurine 1.1a 2920 (*see* Fig. 5) is completely similar to the figurine 1.1a 2916: lush folds of the chiton, as if blown by the wind; a large cape; below – an allegorical figure of Euthenia, lying on sheaves of ears. The drawing on wet clay of the ears of wheat and the folds of the garment on the back of the object are also identical. Moreover, the clay of both objects is similar, which leads us to assume that they were made in the same workshop and in the same pottery batch. However, the head of the figurine 1.1a 2920 is completely different, round-faced, with a lush hairdo, arranged in braids and with a floral wreath. The old inventory rightly states that the head is from another figurine.

Indeed, it is clearly visible that the head and body of terracotta 1.1a 2920 are rather crudely joined using a grayish-white gypsumlike substance. It is now impossible to say whether this restoration was undertaken in Roman times or already in the 19th century at the behest of an Egyptian antiquities dealer in order to increase the value of the piece. After all, many terracottas are characterized by traces of white plaster, the presence of which could mislead the purchaser. It is unlikely that Golenishchev was deceived in his purchase, given that he also had a complete figurine of the same type in his collection. This object is an interesting example of human ingenuity.

A complete replica of the terracotta head 1.1a 2920 was found in the 2014 trade catalog of New York's Royal-Athena Galleries: in 1993, the object was sold in Britain at Christie's, with an indication of origin from Alexandria and a c. 1st century A.D. date[49]. We can now say with certainty that the head for 1.1a 2920 was borrowed from a figurine of a completely different type – the so-called oranta with raised hands.

ISIS – APHRODITE – ANASYROMENE

Figurine 1.1a 2929 (*see* Fig. 6) depicts a woman in a chiton with a characteristic Isis knot on her chest. Unfortunately, the entire lower part of the statuette has been lost. Nevertheless, by analogy, we attribute this depiction to the type of the so-called Isis-Aphrodite-Anasyromene (Anasyrmene) – the standing goddess Aphrodite lifting the hem of her dress and exposing the intimate parts of her body. Such statuettes were

[46] Attula 2001, 134, Kat. 50.

[47] Philipp 1972, 27, 29, Kat. 30, 35 (датировки: середина II в.н.э. и ок. 200 г.н.э.); Weber 1914, 177, Taf. 18.

[48] Mollard-Besques 1963, pl. 32a (LY1557), 34c (MYR49), 36b (MYR39), 36d (MYR38), 37a–f.

[49] Eisenberg 2014, 37, no. 71 (in the catalogue the figurine is mistakenly attributed as a 'baubo' type).

discovered at the excavations of Athribis in a domestic context[50]. In the tombs of the Alexandrian necropolis of Mustafa Pasha, many fragments of similar figurines of Aphrodite (late 3rd to the first half of the 2nd century B.C.) were found[51].

Figurine 1,1a 2929 refers, judging by analogies, to the Hellenistic period. It shows Aphrodite-Anasyromene, identified with Isis, as evidenced, firstly, by the purely Greek iconography, and secondly, by the headdress, representing simultaneously the attributes of Aphrodite (two floral wreaths in the form of rolls, the third of leaves) and Isis (a royal crown of two feathers with a solar disk). One of the wreaths is crossed by a wide ribbon; the *basileion* of Isis is at the top of the floral wreath. Spiraling curls of curls are spread over the shoulders. The figurine shows traces of pinkish-white smudge, blue and red paint.

The motif associated with lifting the hem of the dress and exposing intimate body parts is well known from the text of the New Egyptian *Trial of Horus and Seth*: the goddess Hathor lifts the hem of her dress in front of her father Ra to cheer him up, exposing her genitals[52]. Herodotus reports that during the festivities at Bubastis 'some of the women rattle their rattles, others dance, others tug at the hem of their dress' (Hdt. II. 60). Diodorus writes of the ritual actions during the funeral of the bull Apis, noting that only women can stand in his presence and in doing so they raise their robes and expose their genitals (Diod. I. 85. 3). Both of the festivals described are connected with the fertility cult; the women involved obviously perform ritual dances and demonstrate ritual gestures, the same as those shown on the terracotta figurines. H. Szymanska directly connected this type of depiction with the report of Diodorus about the rituals in honor of Apis[53].

'NUDE GODDESS' OR ISIS APHRODITE?

Figurine 1.1a 2848 (*see* Fig. 7) is a standing nude woman whose arms are stretched out along her body and tightly pressed against it. The legs are tightly closed (their lower part is not preserved). Her breasts and abdomen are emphasized. The *basileion*, a royal crown of Isis, is placed on the calathus.

The style of this figurine is similar to that of the early Protolemaic coroplastics from the workshops of Athribis in the eastern Delta. The presence of archaic features was noted by the researchers[54].

Figurine 1.1a 6889 (*see* Fig. 8) depicts a young nude woman with her hands pressed to her hips. The woman has long legs, thin waist, slightly protruding abdomen and well shaped breasts. The body surface is poorly modeled, with marked folds under the abdomen and on the neck. Well-modeled facial features, such as large almond-shaped eyes, a long nose, and puffy lips. The surface of the nose is slightly damaged. Her hair is parted in a straight parting over her forehead and arranged in a rich hairstyle with short bangs; carefully curled curls fall over her shoulders. The hair looks reminiscent of the corkscrew curls in the portraits of Hellenistic queens of the 2nd and 1st centuries B.C.[55] The head of

[50] Szymańska 2000, 81, Fig. 3.
[51] Fischer 1994, 81, Anm. 73.
[52] Livshits 1979, 112.
[53] Szymańska 2000, 81.
[54] Myśliwiec, Bakr Said 1999, 210, Fig. 22; Szymańska 2005, 272, pl. IV, cat. 28.
[55] Stanwick 2002, 188, pl. C19.

the goddess is crowned with a complicated and high headdress consisting of four floral wreaths put one on top of the other. The lower wreath is tied with ribbons and decorated with leaves and flowers. Two ribbons with garlands of ivy leaves descend on the woman's shoulders up to her elbows, which, as well as the headdress, resemble the style of the ribbons on the ceramic alabastrons of the Pushkin Museum of Fine Arts I, 1a 2845, I, 1a 2863 and I, 1a 7991 from the late Ptolemaic-Roman period)[56].

A noteworthy feature of this figurine is the advanced right foot. Meanwhile, similar terracotta figurines generally depict a standing figure with its legs tightly closed[57]. Recent restoration and visual analysis of the clay showed that the lower part of the legs is not a late addition (as previously thought) but quite authentic. Thus we have before us an example of a unique iconographic type of a walking nude goddess.

By analogies in other collections we can imagine how such a figurine could have been painted: ribbons of wreaths – yellow, blue, red; flower buds – bright pink; garlands of ivy leaves – emerald green; locks of hair and eyes – black[58].

Similar figurines of the 'nude goddess' can be dated to the early Roman period (I–II centuries A.D.)[59]. This is, of course, the standard type of the goddess standing at attention and her legs closed; at the same time the 'stephane' wreaths may be arranged on her head not only horizontally, but also vertically, in the form of 'halo' circles superimposed one on another. Some of them have an archaeological context and come from the Delta, such as the terracotta found in Tanis (in the dwelling house east of the 'great temple')[60].

The head of the female statuette 1.1a 2803 (*see* Fig. 9) is decorated with a hairdo with curled curls and a small floral wreath of Aphrodite. The wreath bears a wide ribbon. The upper part of the headdress is not preserved, but the fragment indicates that the calathus and the crown of Isis were once present; similar heads were found in Athribis[61]. On the basis of these hypothetical reconstructed elements, the head from the Moscow collection may be considered a depiction of Isis-Aphrodite.

This type of terracotta figurines was widespread in Egypt from the end of the 4th century B.C. up to the 3rd century A.D. There are several points of view regarding their interpretation in historiography. Sometimes this type of figurines was called 'concubines' or 'brides' of the dead[62]. less often 'idols' or 'dolls.'[63] However, such figurines are found not only in men's burials, they also come from houses, public buildings (thermae) and sanctuaries[64]. The erotic aspect of such depictions was emphasized by the nudity and the emphasis on purely female forms, especially the abdomen and thighs.

---

[56] Vassilyeva, Malykh 2016, 988–993.

[57] For example, Bailey 2008, no. 2993–2995, 3000; Weber 1914, Taf. 20, *202–205*; 21, *200, 206.*

[58] Philipp 1972, FarbTaf. V.

[59] Fjeldhagen 1995, 71–73, cat. 50–52, Attula 2001, 40, Kat. 3.

[60] Petrie 1885, 42, frontispiece, no. 11; Favard-Meeks 1998, 126, pl. XXII, *11* (British Museum, EA 22153).

[61] Szymańska 2005, 273, pl. V, cat. 37

[62] Philipp 1972, 21, Kat. 1; Ewigleben, Grumbkow 1991, 61, Kat. 43–44; Myśliwiec, Bakr Said 1999, 210; cp. Szymańska 2000, 81.

[63] Kaufmann 1913, 102–103, Abb. 70.

[64] Griesbach 2013, 24–30.

It is more common to call such figurines Isis-Aphrodite[65]. The goddess Aphrodite, who in Greco-Roman times was identified with Hathor, was extremely popular in Hellenistic Egypt; her cult was founded by Queen Arsinoe, wife of Ptolemy Philadelphus[66]. The identification of Isis and Aphrodite, fixed in numerous monuments of small sculptures from the 3rd century B.C. onwards, is due to some common functions of both goddesses, connected with love, beauty and femininity[67]. At the same time, the term 'Isis-Aphrodite' is often used (as a synonym) along with such ones as 'Hathor-Aphrodite'[68] or simply 'Hathor.'[69]

In some publications it is possible to meet such a name: 'figurine of fertility or nude Isis-Aphrodite';[70] thus two variants of interpretation are offered for choice at once. Strictly speaking, in most cases the figurines have no isic attributes and the identification of Isis with the 'goddesses of fertility' remains problematic[71], although it is possible if we take into account the specificity of the image of the polyonymous goddess.

More and more researchers are inclined to call the abovementioned type of terracotta a 'nude goddess,'[72] because the nudity and the specific headdress (a floral wreath and/or calathus) belong to different goddesses of love and fertility, from Aphrodite to Demeter and Isis, while the nudity is rather a feature of the Middle Eastern goddesses of fertility and sensual love, such as Ishtar or Hathor. The formation of the nude goddess type dates back to the early Hellenistic period[73].

The archaeological context of the existence of these figurines is diverse, with finds in houses and burials prevailing. A large amount of mass production was found in a villa in Athribis (II–III centuries A.D.)[74], in the same place, finds of terracotta with Isis-Aphrodite come from the context of public buildings (thermae)[75]. Numerous figurines of the 'nude goddess' made of various materials (including terracotta) were found in a domestic context in Tanis (I–II centuries A.D.)[76]. Heracleopolis Magna[77], Karanis (in the underground premises of granaries)[78]. Perhaps these were mortgage offerings at the foundation of the building[79]. The use in living quarters can be easily explained by the symbolism of fertility, with which the iconography of this kind of figurines was associated. Images of 'nude goddesses' were also common in funerary equipment, both in the graves of adults and children[80]. The predominance of figurines of Isis-Aphrodite may be associated with

---

[65] Dunand 1990, 125.
[66] Fraser 1972, I, 197.
[67] Bricault 2013, 484.
[68] Ashton 2003, 84 (UC48077).
[69] Bailey 2008, No. 2995, 2997, 3000; Walker, Higgs 2001, 108–109, cat. 133; Weber 1914, Taf. 21, *200, 206*.
[70] Lintz, Coudert 2013, 385, cat. 286.
[71] Dunand 1990, 16.
[72] Fischer 1994, 75; Philipp 1972, 21, 23; Fjeldhagen 1995, 71–73.
[73] Fischer 1994, 73–75.
[74] Szymańska 2005, 41–42.
[75] Szymańska 2005, 37–41.
[76] Petrie 1885, 41–50.
[77] Petrie 1905, 27–29.
[78] Gazda *et al.* 1978, 67.
[79] Griesbach 2013, 29.
[80] Weber 1914, 129–134, Nr. 202; Griesbach 2013, 31.

the idea of the magical power of Isis, who revived Osiris[81]. Thus, the figurines of the 'nude goddess' were also in demand for this – posthumous – side of life. The role of such figurines is not entirely clear; they could serve *ex voto* as patrons of married life and a guarantee of a woman's fertility; as votive offerings, they could also be funerary figurines and contribute to rebirth in another world.

'UNNAMED NUDE GODDESS'

Figurine-plaque 1,1a 7973 (*see* Fig. 10) depicts a standing nude woman inside a naos. The woman is shown wearing a short round wig, standing erect, her arms lying along her body. The abdomen and breasts are emphasized. The figurine may have been painted, as the plasterlike ground on the front is present in places. The fact that the figure stands in a small sanctuary indicates its divine status. The portico of the small temple is rectangular, with a horizontal beam resting on two columns in the form of papyrus stems. Adjacent to these tall columns are two other, lower ones, with lotus-shaped capitals (the right column cap is chipped). At the base of the two columns are two symmetrical figures of reclining lions: the figures are extremely poorly preserved, but judging by analogies we can say with certainty that they are lions[82].

Representations of goddesses inside temples are often found in small statuary, but, as a rule, the figure is given in a Hellenistic pose[83], often inside a Greek temple with a triangular pediment, but sometimes in an Egyptian naos with uraeus cobras.

The exact attribution of this kind of figurines is not possible. D. Bailey aptly defined this group of images as 'nameless goddess,'[84] while calling it 'a sanctuary with a nude goddess.'[85] This interesting group includes images of the goddess without any attributes. The analogies of this type of images go back to the period of the XXX dynasty and cover the area from Tanis, Mendes, Naucratis and Memphis to Heracleopolis. The pose of the goddesses is similar to the figures of Hathor in Ptolemaic and Roman times, but the identification with them is not necessary. It is interesting that R. Higgins who published material of Greek terracottas from the collection of the British Museum called a similar figure from Naucratis 'Greek Aphrodite' and dated it to the end of the VII century B.C.[86] Similar plaques are also known from the Fayum oasis: nude women standing in a room similar to a naos or edicule, often with a little girl by their side[87]. K. Kaufman calls them votive palettes, figurines for bestowing offspring, amulets of fertility – a kind of petition and gratitude to help in childbirth and birth of a healthy child. K. Kaufmann compares these votive plaques with 'Aphrodite' and the so-called nude goddess, images of which

---

[81] Bayer-Niemeyer 1988, 43; Fischer 1994, 75, Anm. 16; Griesbach 2013, 30.
[82] Bailey 2008, 41, No. 3108.
[83] Schürmann 1989, Taf. 173, 1042; Breccia 1934, pl. V, *13–14*. Török 1995, pl. V, No. 4; *LIMC* V.2, 259 (Turin, Museo Egizio cat. 1668).
[84] Bailey 2008, 19–20.
[85] Bailey 2008, 41–42, No. 3108–3110.
[86] Higgins 1954, 404, No. 1542.
[87] Kaufmann 1913, 102, Abb. 69–70.

are found in the themenos of the temple of Aphrodite in Naucratis[88]. D. Bailey also suggests that such images were used as ex voto to temples[89].

E. Bayer-Niemeyer attributes the depictions of two female figures, one larger and the other smaller (a girl?), standing inside a naos with lotus-shaped columns[90], to the type of 'votive offerings associated with fertility and sexuality.'[91] Similar fgurines of women are defined by L. Török as 'fertility ex-voto.'[92] Another variation of this type is the depiction of nude women standing not inside the naos, but as if leaning against a stele with an oval top[93]. A similar type of figurines on stone plaques is found in the collection of V.S. Golenishchev (State Museum of Fine Arts 1.1a 5887 and 5914) and dates to the Ptolemaic period; the women stand against the background of a rectangular niche[94].

Indeed, these images were very likely votive offerings to the temples. Numerous images of the goddess of this type were found in Memphis in a cache containing cult objects that had once been used in the temple, but had been hidden as superfluous. In another cache, near the sacred lake at Mendes, plaques depicting a "nude goddess" (or Isis-Aphrodite) were found: the clay plates show nude women inside a naos, with their legs closed and their hands at their sides[95].

Various analogies suggest that the goddess could be referred to as Aphrodite and Cybele (cf. Various analogies suggest that the goddess could be called Aphrodite and Cybele (cf. the stele of the State Museum of Fine Arts depicting the Asian goddess Kedshet standing on a lion)[96], originating in the Levant, while her prototype could be Astarte, the goddess of the Bronze Age; this is indicated by such details as lion figures on the base of the column, the capitals in the form of the head of Hathor or the images of Bes on the column shaft,– details found in other variations of this type[97]. In fact, these are various images of the so-called Eastern goddess, to which we can also refer the 'nude goddess' or the 'Eastern Aphrodite' (Isis-Aphrodite), discussed above.

The dating of this type of figurines basically covers the time from the (Sais) Late Egyptian to the Early Hellenistic period, if we take into account the various variations[98].

Thus, the type of the 'nameless goddess' should be attributed to the same circle of fertility goddesses as the 'nude goddess' and Isis-Aphrodite, but without any attributes.

The Moscow collection of terracottas depicting Greco-Roman Isis in all its guises and with various attributes testifies to the diversity of iconographic images of the goddess, which were intended to embody in a small figurine several functions connected with the

---

[88] Kaufmann 1913, 103, Abb. 70.
[89] Bailey 2008, 19.
[90] Weber 1914, 198, 199, Taf. 20.
[91] Bayer-Niemeyer 1988, 148, Kat. 266, 267.
[92] Török 1995, pl. CVIII, CIX, No. 202–209
[93] Bayer-Niemeyer 1988, 148, Kat. 263–265.
[94] Berlev, Hodjash 2004, 477, 479, Kat. 199, 201. Cp. Schürmann 1989, Taf. 172, No. 1037 – a plaque with a woman with her right arm bent at the elbow.
[95] Redford 1988, 67, pl. XXIId. The author reports that numerous figurines may have been from the so-called favissa, a special burial site for cult objects no longer needed to prevent them from being desecrated by the hands of the uninitiated.
[96] Hodjash, Berlev 1982, 131, cat. 74 (1,1a 5614).
[97] For references to analogies, *see* Bailey 2008, 20.
[98] Bailey 2008, 40–42.

most important aspects of life in the Ptolemaic and Roman periods. Given the lack of data on where the terracottas were found, it is difficult to say whether the views of the syncretic image of Isis spread throughout Egypt or whether they were tied to the most important urban centers of Greco-Roman Egypt concentrated on the Mediterranean coast, in the Delta and the Fayum Oasis, which is the range of most finds of ceramic figurines of Isis. Visual analysis of the clays of the Moscow figurines does not allow us to determine their place of origin, although the texture and admixtures of the clay are more similar to those of the Fayum and Middle Egyptian clays than to those of the Delta. In addition, the available material does not allow us to identify whether certain iconographic variations of the image of Isis belong to specific geographic locations or production centers, which is primarily due to the wide variation of the image of the goddess in Greco-Roman times.

Figurines depicting the goddess Isis reflect in one way or another the phenomenon common to her syncretic image – in the Greco-Roman period this polyonymous goddess was identified with a number of goddesses of the Egyptian and Greek pantheon. The best illustration of such syncretism is the iconographic types of Isis-Thermuthis and Isis-Demeter-Selene. Such hybrids are typical of Roman times, when the goddess appears in various images illustrating her various incarnations: the coroplasters used the iconography of various deities to represent the multiple functions of Isis. Most of the traditional depictions of the goddess Isis show her as a woman holding the child Horus in her arms, which indicates the predominance of maternal functions in her image[99]. In the Moscow collection there are only a few images with this motif – a fragment of the handle of a lamp with the figure of Isis lactans.

Among the variants of the iconography of the so-called nude goddess, researchers count 64 (!) variations[100]. The greatest variation is observed in the headdress. It was usually interpreted by coroplasters as a floral crown, which could also be perceived as a Greek calaphus. Sometimes the floral motif could be executed in the form of applique. A floral crown or calaphus may lie on one, two, rarely three wreaths, which are tied obliquely with a ribbon or thin garland, sometimes leaves can be seen near the face. Jewelry on the neck are rarely present, even more rarely are pendants.

As it becomes clear from the above examples, there were two variants of images of the so-called nude goddesses: the first was female figures with a floral wreath/wreaths and garlands on their heads; the second was women with a wreath and/or calathus/basileion on their heads. The first version can be considered a mere 'nude goddess', the second – because of the attributes of the goddess Isis – Isis-Aphrodite. Thus the State Pushkin Museum of Fine Arts figurine 1.1a 6889 belongs to the first variant, and the figurine 1.1a 2848 belongs to the second one. The position of the arms and legs of such figurines (with the legs closed and the arms resting along the hips, at side) is typical for the Egyptian pictorial canon, but on the whole this type demonstrates an interesting example of borrowing from the Greek tradition in terms of iconography. It is worth noting that the Moscow figurine 1,1a 6889 is just a deviation from this pictorial rule, but the advanced

[99] *See*, for example, fine sculptures in the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts: Berlev *et. al.* 2002, 174–179, cat. 623–650.

[100] Fink 2008, 290.

foot is precisely an element of Egyptian statuary[101] (for the Greeks the contraposto technique is characteristic). The images of the so-called nameless goddess are also executed within the framework of the Egyptian canon and are associated with the symbolism of fertility.

There are also several variations of the image of Aphrodite-Anasyromene;[102] her headdress is similar to that of the 'nude goddess', but the crown usually rests on more wreaths and there are decorations – garlands, flowers and leaves[103]. There is also variability in the pose – for example, there is a slight contraposto[104] in the position of the legs, sometimes the hands of the figurine are not held by the edge of the dress, but are lowered to the hips[105]..

The Aphrodite-Anasyromene type, to which the figurine 1.1a 2929 belongs, is close in its semantic content to the so-called nude goddesses. Both types are closely related not only to the idea of fertility, but also place emphasis on sexual attraction[106]. In making the distinction between Aphrodite and Aphrodite-Anasyromene, it is necessary to consider the atmosphere of religious syncretism of the Greco-Roman era, when Greek, Egyptian and Near Eastern goddesses converged and borrowed different functions from each other. Therefore the figurine of a 'nude goddess' with a particular set of attributes could be regarded in the appropriate environment as Isis, Aphrodite and even Astarte, i.e. as a goddess associated not only with maternity and fertility, but also with love and eroticism. Aphrodite-Anasyromene and the 'nude goddess' in particular were associated with the image of the Eastern goddess[107]. The relatively small size of such figurines (maximum height about 40 cm, and more often much smaller) may indicate their votive purpose, which indicates the popular popularity of images of this kind[108].

In the Moscow collection the type of figurines with the iconography of Isis-Aphrodite or the so-called nude goddess is the most numerous. The images of Isis-Aphrodite-Anasyromene and the 'unnamed goddess' are essentially a variation of the Isis types identified with Aphrodite and the 'nude goddess'. The identification of terracottas from the Roman period with Isis becomes particularly problematic because the figurines show the goddess in a variety of forms; their dating also sometimes floats within half a century or even a century (mid-1st to 2nd centuries A.D.)[109].

The process of religious syncretism formed the image of a female deity with various attributes characteristic of many goddesses (Isis, Demeter, Aphrodite, Selene, Thermuthis); this allowed the coroplasters to create various versions of works of fine plastics intended both for cult actions in temples and for domestic sanctuaries. In fact, in the terracottas of Greco-Roman Egypt the collective image of the goddess Isis, formed on the basis of the Egyptian tradition, but with the addition of features of the goddesses of Greek and Eastern pantheons, highlighting aspects associated with motherhood and female essence, received a pictorial embodiment.

---

[101] For example, the statue of a walking woman of Ptolemaic time from the State Museum of Fine Arts 1, 1a 6791 (б) (Berlev, Hodjash 2004, 380, cat. 124).
[102] Fink 2008, 295.
[103] Fink 2008, 294.
[104] Fink 2008, 291, Abb. 4.
[105] Fink 2008, 296, Abb. 5.
[106] Fischer 1994, 125.
[107] . Fischer 1994, 85, Anm. 130.
[108] Bricault 2013, 485.
[109] Ashton 2003, 86; Fischer 1994, 349–351, Nr. 871–873.

References

Aponasenko, A.N. (ed.) 2019: *Viktoria Kal'vatone: sud'ba odnogo shedevra. Katalog vystavki* [*The Calvatone Victory: The Fate of a Masterpiece. Exhibition Catalog*]. Saint Petersburg.

Апонасенко, А.Н. (ред.). *Виктория Кальватоне: судьба одного шедевра. Каталог выставки*. СПб. Ashton, S.-A. 2003: *Petrie's Ptolemaic and Roman Memphis*. London.

Attula, R. 2001: *Griechisch-römische Terrakotten aus Ägypten. Bestandskatalog der figürlichen Terrakotten*. Rostock.

Bailey, D. 2008: *Catalogue of the Terracottas in the British Museum*. Vol. IV. *Ptolemaic and Roman Terracottas from Egypt*. London.

Bayer-Niemeier, E. 1988: *Liebieghaus – Museum alter Plastik. Bildwerke der Sammlung Kaufmann*. Bd.I. *Griechisch-römische Terrakotten.* Frankfurt.

Bergmann, J. 1970: *Isis-Seele und Osiris-Ei. Zwei ägyptologische Studien zu Diodorud Siculus I. 27. 4–5.* Uppsala.

Berlev, O.D., Hodjash, S.I. 2004: *Skulptura drevnego Egipta v sobranii GMII im. A.S. Pushkina* [*Sculpture of ancient Egypt in the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts*. Moscow].

Берлев, О.Д., Ходжаш, С.И. *Скульптура древнего Египта в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина*. М.

Berlev, O.D., Vassilieva, O.A., Dyuzheva, O.P. *et al*. (eds.) 2002: *Put' k bessmertiyu. Pamyatniki drevneegipetskogo iskusstva v sobranii GMII im. A.S. Pushkina. Katalog vystavki* [*The Path to Immortality. The Monuments of Ancient Egyptian Art in the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Catalogue of the Exhibition*]. Moscow.

Берлев, О.Д., Васильева, О.А., Дюжева, О.П. и др. (сост.). *Путь к бессмертию. Памятники древнеегипетского искусства в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. Каталог выставки*. М.

Boutantin, C. 2006: Production de terres cuites et cultes domestiques de Memphis à l'époque impériale. *Chronique d'Égypte* 81/161–162, 311–334.

Breccia, E. 1926: *Le rovine e i monumenti di Canopo: Teadelfia e il Tempio Pneferôs*. Bergamo.

Breccia, E. 1934: *Terrecotte figurate greche e greco-egizie del museo di Alessandria*. (Monuments de l'Égypte gréco-romaine, II.2). Bergamo.

Bricault, L. 1994: Isis-Myrionyme. In: C. Berger, G. Clerc, N.-Ch. Grimal (eds.), *Hommages a Jean Leclant*. Vol. III. *Études isiaques*. Le Caire, 67–86.

Bricault, L. 2013: *Les cultes isiaques dans le Monde Gréco-Romain.* Documents réunis, traduits et commentés par L. Bricault. Paris.

Dunand, Fr. 1967: Les représentations de l'Agathodémon. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 67, 9–48.

Dunand, Fr. 1979: *Religion populaire en Égypte Romaine. Les terres cuites isiaques du Musée du Caire*. Leiden.

Dunand, Fr. 1990: *Catalogue des terres cuites gréco-romaines d'Égypte*. Paris.

Eisenberg, J.M. (ed.) 2014: *Art of the Ancient World. Greek, Etruscan, Roman, Byzantine, Egyptian, and Near Eastern Antiquities. Royal-Athena Galleries*. Vol. XXV. New York–London.

Ewigleben, C., Grumbkow, J. von. (Hrsg.) 1991: *Götter, Gräber und Grotesken. Tonfiguren aus dem Alltagsleben im römischen Ägypten*. Hamburg.

Favard-Meeks, C. 1998: Mise à jour des ouvrages de Flinders Petrie sur les fouilles de Tanis. In: P. Brissaud, Ch. Zivie-Coche (eds.), *Tanis: Travaux récents sur le Tell Sân el-Hagar. Mission française des fouilles de Tanis 1987–1997.* Paris, 101–178.

Fink, M. 2008: 'Näckte Göttin' und Anasyroméne. Zwei Motive – eine Deutung? (I. Teil). *Chronique d'Égypte* 83/165–166, 289–317.

Fischer, J. 1994: *Griechisch-Römische Terrakotten aus Ägypten. Die Sammlungen Sieglin und Schreiber. Dresden, Leipzig, Stuttgart, Tübingen*. Tübingen.

Fjeldhagen, M. 1995: *Catalogue Graeco-Roman Terracottas from Egypt. Ny Carlsberg Glyptotek*. Copenhagen.

Fraser, P.M. 1972: *Ptolemaic Alexandria*. Vol. I–III. New York.

Gallazzi, C., Hadji-Minaglou, G. 2019: *Trésors inattendus. 30 ans de fouilles et de coopération à Tebtynis (Fayoum)*. Le Caire.

Gallazzi, C., Hadji-Minaglou, G. 2000: *Tebtynis I. La reprise des fouilles et le quartier de la chapelle d'Isis-Thermouthis.* (Fouilles de l'Institut français d'archéologie orientale, 42). Le Caire.

Gazda, E.K., Hessenbruch, C., Allen M.L., Hutchinson, V. 1978: *Guardians of the Nile. Sculptures from Karanis in the Fayoum (c. 250 BC–AD450)*. Ann Arbor.

Graves, R. 2001: *Mify drevney Gretsii* [*The Greek Myths*]. Moscow.
Грейвс, Р. *Мифы древней Греции*. Пер. К.П. Лукьяненко под ред. А.А. Тахо-Годи. М.

Griesbach, J. (Hrsg.). 2013: *GRYPTISCH. Griechisch–Ägyptisch. Tonfiguren vom Nil*. Würzburg.

Higgins, R.A. 1954: *Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities British Museum*. Vol. I. *Greek, 730–330 B.*C. London.

Hodjash, S., Berlev, O. 1982: *The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*. Leningrad.

Jucker, H. 1961: *Das Bildnis im Blätterkelch. Geschichte und Bedeutung einer römischen Porträtform*. Bd. I–II. Olten.

Kaufmann, C.M. 1913: *Ägyptische Terrakotten der griechisch-römischen und koptischen Epoche*. Cairo.

Ladynin, I.A. 2018: [Life and death of one Apis: from the second Persian rule to the satrapy of Ptolemy]. In: *Drevniy Vostok i Antichnyy mir. Sbornik nauchnykh trudov kafedry istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU*. Vyp. 9 [*Ancient East and Ancient World. Collection of Scientific Works of the Department of the History of the Ancient World of the Historical Faculty of the Lomonossov Moscow State University*. Issue 9]. Moscow, 35–55.
Ладынин, И.А. Жизнь и смерть одного Аписа: от второго персидского владычества до сатрапии Птолемея. *Древний Восток и Античный мир. Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ*. Вып. 9. М., 35–55.

Lintz, Y., Coudert, M. (dir.) 2013: *Antinoé. Momies, textiles, céramiques et autres antiques*. Paris.

Livshits, I.G. (ed.) 1979: *Skazki i povesti drevnego Egipta* [*Tales and Stories of Ancient Egypt*]. Leningrad.
Сказки и повести древнего Египта. Пер. И.Г. Лившица. Л.

Mollard-Besques, S. 1963: *Musée Nationale du Louvre. Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre cuite grecs, étrusques et romains*. II. *Myrina. Illustrations*. Paris.

Myśliwiec, K., Bakr Said, M. 1999: Polish-Egyptian excavations at Tell Atrib in 1994–1995. *Études et Travaux* 18, 180–219.

Pavlov, V.V., Hodjash, S.I., 1985: *Egipetskaya plastika malykh form* [*Egyptian Plastic of Small Forms*]. Moscow.
Павлов, В.В., Ходжаш, С.И. *Египетская пластика малых форм*. М.

Penna, V. (ed.) 2016: *Heads and Tails. Tales and Bodies. Engraving the Human Figure from Antiquity to the Early Modern Period*. Ghent.

Perdrizet, P. 1921: *Les terres cuites grecques d'Égypte de la collection Fouquet*. Paris.

Petrie, W.M.F. 1885: *Tanis.* Bd. I. *1883–1884.* London.

Petrie, W.M.F. 1905: *Roman Ehnasya (Herakleopolis Magna) 1904.* London.

Philipp, H. 1972: *Terrakotten aus Ägypten im Ägyptischen Museum Berlin*. Berlin.

Quaegebeur, J. 1975: *Le Dieu ügyptien Shai dans la religion et l'onomastique*. Leuven.

Redford, S. 1988: The first season of excavations at Mendes (1991). *Journal of the Society of the Studies of Egyptian Antiquities* 18, 49–79.

Schürmann, W. 1989: *Katalog der antiken Terrakotten im Badischen Landesmuseum Karlsruhe*. Göteborg.

Smith, H. 1971: Preliminary report on the excavations at North Saqqâra, 1969–1970. *Journal of Egyptian Archaeology* 57/1, 3–13.

Smith, H. 1972: Dates of the obsequies of the Mothers of Apis. *Revue d'égyptologie* 24, 176–187.

Stanwick, P.E. *Portraits of the Ptolemies. Greek Kings as Egyptian Pharaohs*. Austin, 2002.

Szymańska, H. 2000: Tell Atrib excavations 1999. In: M. Gawlikowski, W.A. Daszewski (eds.), *Polish Archaeology in the Mediterranean XI. Reports 1999*. Warsaw, 77–82.

Szymańska, H. 2005: *Terres cuites d'Athribis*. Turnhout.

Török, L. 1995: *Hellenistic and Roman Terracottas in Egypt*. Roma.

Totti, M. 1985: *Ausgewahlte Texte der Isis-Serapis-Religion*. (Subsidia Epigrapha, 12). Hildesheim–New York.

Tran Tam Tinh, V. 1973: *Isis Lactans. Corpus des monuments gréco-romains d'Isis allaitant Harpocrate*. (EPRO, 37). Leiden.

Vanderlip, V.F. 1972: *The Four Hymns of Isidoros and the Cult of Isis.* (American Studies in Papyrology, 12). Toronto.

Vassilieva, O.A. 2013: [Terracottas from the collection of the State Pushkin Museum of Fine Arts: Representations of the Isis]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. T. LXVI. *Peterburgskie egiptologicheskie*

chteniya 2011–2012 [*Transactions of the State Hermitage Museum*. Vol. 66. *St. Petersburg Egyptological Readings 2011–2012*]. Saint Petersburg, 55–67.

Васильева, О.А. Терракоты из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина: изображения богини Исиды. *Труды Государственного Эрмитажа*. Т. LXVI. *Петербургские египтологические чтения 2011–2012*. СПб., 55–67.

Vassilieva, O.A., Malykh, S.E. 2016: [Ancient Egyptian relief ceramics of Greek-Roman times from the collection of Pushkin State Museum of Fine Arts]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 76/4, 981–1010.

Васильева, О.А., Малых, С.Е. Древнеегипетские рельефные керамические сосуды греко-римского времени из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. *ВДИ* 76/4, 981–1010.

Walker, S., Higgs, P. (eds.). 2001: *Cleopatra of Egypt. From History to Myth*. London.

Weber, W. 1914: *Die ägyptisch-griechischen Terrakotten*. (Königliche Museen zu Berlin. Mitteilungen aus der ägyptischen Sammlung, II). Berlin.

Zych, I. 2004: Marina El-Alamein. Some ancient terracotta lamps from Marina. In: M. Gawlikowski, W.A. Daszewski (eds.), *Polish Archaeology in the Mediterranean XV. Reports 2003*. Warsaw, 77–90.

.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 634–661
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 634–661
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910015606-9

DATING THE TOMB G 1111 AT GIZA

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

Until recently the provenance of the offering basin known through the transcription in Urk. I, 165 remained uncertain. On the basis of a photograph from the George Andrew Reisner's archive in the Museum of Fine Arts, Boston (Photo ID number: C10393_OS), it is possible to attribute to the tomb G 1111 (Giza West Field). The present publication of the texts on the offering basin contains a number of corrections to the previous transcription by Kurt Sethe, as well as a commentary on the names and titles of the deceased and his son. Their names and titles show that both served as commanders of mining prospectora. A prosopography of all persons named *jww-nmtj* in the sources of the Old and Middle Kingdom, as well as of the holders of the position *sḫḏ srjw* "inspector of prospectors" in the Old Kingdom, is compiled. In conclusion, it is suggested that the owner of the offering basin from the tomb G 1111 is identical to *jww-nmtj* mentioned in the inscription Sinai 13, which dates to the reign of *ḏd-k3-rˁ jzzj*. This is currently the earliest date for a tomb in Cemetery G 1100 in Giza established through indirect synchronism.

Keywords: Giza, Old Kingdom Egypt, Old Kingdom expeditions, Old Kingdom onomastics, Old Kingdom titles, Middle Kingdom onomastics

G 1111 tomb is located in south-east area of the northern part of G 1100 sector within the Giza necropolis – West Field which is immediately adjacent to the Pyramid of Cheops complex and is the largest burial ground at Giza.

According to architectural appearance, iconographic style of reliefs and sculpture typology, the earliest G 1100 cemetery monuments date to the end of IV – beginning of V dynasty[1]; however most of the tombs of this group belong to the category of the later

Information about the author. Ivan Vasilievich Bogdanov – PhD in History, senior research scientist, Ancient East department, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences.

[1] *PM* III.1 1974, 55–56. Statue of Berkeley, Hearst Museum 6–19785 from G 1109 tomb dates to the end of IV – beginning of V dynasty (Smith 1946, 62); this is the earliest dating for G 1100 tomb monument. G 1111 tomb is immediately adjacent to the big G 1020 mastaba which statues also date to this time (Smith 1946, 61; *PM* III.1 1974, 53).

This article is a translation of: Богданов И. В. К датировке гробницы G 1111 в Гизе // Vestnik drevnei istorii 81/2 (2021), 269–297. DOI: 10.31857/S032103910014827-2

construction dated to VI dynasty. Data on titles do not make possible to identify any reliable criteria for dating tombs of this cemetery to the end of V dynasty.

Epigraphy of G 1100 group of tombs is modest and for the most part is not published. Porter & Moss addresses only select data on tombs and monuments from this sector[2]:

G 1104 (statue *z3=j-ms(.j)*).

G 1105 (statue Cairo JdE37719[3]).

G 1109 (statue *mrt-jb=j*).

G 1111 (offering basin, data referred to in Porter & Moss are wrong; see further).

G 1151 (person commemorated *nfr-ḳd=j*).

G 1152 (wooden statue of a boy, unnamed).

G 1157 (unnamed statue).

G 1171 (person commemorated *k3=j-m-ṯnnt*).

All materials found in tombs of G1100 group are now available on website www.giza-pyramids.org. Here one can find archive photos of monuments from other tombs of this section of the necropolis as well as those that were found on its territory. The following epigraphical materials should be added to Porter & Moss body of information:

G 1105 and G 1107 (false door *jḥj*, found in the dump between these tombs)[4].

G 1107 (sacrificial altar for a group of people: *smsw pr* "home olders" *nfr*, *mrtrt* (rank of distinction for ladies, exact meaning is not clear) *špst*, *zš* "scribe" *wp*, a woman named *rwḏ-z3w=s*, a man named *prjw* (*?*); contains a dedication from *ḫm-k3* "slave *Ka*" *k3j*)[5].

G 1119 (offering basin *jj-ʿnḫ-n=f*, see further).

G 1123 (false door *tb3š*)[6].

G 1152a (false door post *nj-k3=j-mjnw*)[7].

G 1156 (false door *ptḥ-ḥtp*)[8].

G 1162+1172 B (false door panel *ttj*)[9].

G 1165 (offering basin *ṯntj*, see further).

G 1177 (statue *k3=j-pw-ptḥ*)[10].

The bulk of servants buried at G1100 cemetery were engaged in construction (G 1123, G 1105, G 1162+1172 B, G 1165) and organization of expeditions (G 1104, G 1111, G 1171). Two police titles (G 1171, G 1177), positions held in the corporation *ḫntjw-š* (G 1151, G 1152a) and some others, for example juridical (G 1156), were also noted.

---

[2] *PM* III.1 1974, 55–56.

[3] www.gizapyramids.org: B11698_OS; B11697_OS; B11696_OS; EG010647. Hereinafter references made to website www.gizapyramids.org are cited with only card number. Reading the name of a person commemorated by the statue is problematic: *PM* III.1 1974, 55: *pt-pn-nswt*; Fischer 1976, 23: «this *nj-pt-nswt*»; Scheele-Schweitzer 2014, 502 [2131]: *Nzw-p.t-pn* (?) «der König des Himmels ist er (?)».

[4] www.gizapyramids.org: B11757_OS; B13057–01_OS. Dating: dynasty (by title *špsj nswt* "royal nobleman").

[5] www.gizapyramids.org: C10453_OS.

[6] www.gizapyramids.org: C12692_OS; B12984_OS; C12693_OS; AAW888.

[7] www.gizapyramids.org: B8584_NS.

[8] www.gizapyramids.org: B7619_NS.

[9] www.gizapyramids.org: C12034_OS; C11216_OS.

[10] Cairo JdE37716. Fischer 1960, 301–302, fig. 2; www.gizapyramids.org: B11753_OS; C11955_OS.

Inscriptions of the tombs contain few, if any, Indicators which are important for their dating. Most notable is titulary *nfr-ḳd=j* of the owner of G1151 tomb who held the position *ḥm-nṯr rˁ m šzp(w)-<jb>-rˁ* „of the Sun priest in the Sun Temple Lust for the Sun"[11]. However this title of a functionary in the cult of the Sun Temple of the king *nj-wsr-rˁ* can not serve as a criterion for reliable dating; judging by other data G 1151 tomb should be dated to the later period of time – the end of V dynasty[12]. Moreover, *nfr-ḳd=j* is the only known priest of Cheops (*ḥm-nṯr ḫwfw*) buried at G 1100 cemetery.

Inscriptions on the sacrificial altar from G 1111 tomb provide an opportunity to date development of G 1100 cemetery.

OFFERING BASIN FROM G 1111 TOMB

First of all it is necessary to once again clear up misunderstanding about attribution of offering basins Boston MFA 13.3282 and Boston MFA 13.3283 which finding site is sometime attributed to G 1111 tomb[13]. This is wrong. According to data from the archive of G.A. Reisner, offering basin Boston MFA 13.3282 comes from G 1165 which belonged to *ṯntj*[14]. *Jjˁnḫ-n=f* form G 1119 tomb[15] was the owner of another offering basin, Boston MFA 13.3283.

According to documents from the archive of G.A. Reisner, another offering basin was found in G 1111 for which the following reference was made[16]: «Photo ID number: C10393_OS. Western Cemetery Giza; View: G 1111. Cemetery G "1100: G 1111, Photographer: George Andrew Reisner. Photo date: July 1904».

For photograph of offering basin C10393_OS visit the website www.gizapyramids.org. Despite this publication, so far no one has paid attention to the offering basin, although this artefact is of interest for many reasons.

---

[11] *PM* III.1 1974, 56; title noted on the false door in situ G 1151: www.gizapyramids.org: A6460_NS; A6478_NS, A6200_NS, A6458_NS. *nfr-ḳd=j* also bore the following titles: *rḫ nswt* (*n*) *pr-ˁ3* "king's court acquaintance", *ḥm-nṯr ḫwfw* "priest of Cheops", *wˁb nswt* "priest of king", *ḥrj-sšt3* "secretary", *sḥḏ ḫntjw-š* (*pr-ˁ3*) "inspector of (court) servants" and *jmj-r3 jst ḫntjw-š pr-ˁ3* "superior of (court) servants".

[12] Brovarski 2016, 86–87; cp. Nuzzolo 2018, 389–390 [74]: «Niuserre – Djedkare». E.M. Rot was inclined to identify him with *nfr-ḳd=j* the owner of G 2089 tomb which she dated to time *nj-wsr-rˁ – jzzj* (Roth 1995, 94–95), however this dating is highly doubtful.

[13] *PM* III.1 1974, 55; Lehmann 1995, 27, 69.

[14] Lehmann 1995, Taf. 24; www.mfa.org/collections/object/offering-slab-140858; www.gizapyramids.org: C11990_OS. Dating: VI dynasty. There was a misunderstanding, probably because of a mistake in manuscript by G.A. Reisner who specified G 1111 as a site of discovery of offering basin of Tjenti (G 1165): Reisner, G.A. *A History of the Giza Necropolis III*. 1942 (unpublished manuscript). [Chap.] 17: [Analytic Overview of] Cemetery G 1000–1600: [Pt.] 7: Chronology of Cemetery G 1000–1600. [Pt.] VII. P. 034 (giza.fas.harvard.edu/photos/63607/full/: UM2901). Appendix G: Cemetery G 1000–1100. P. 015 (giza.fas.harvard.edu/photos/63676/full/: UM2970).

[15] www.gizapyramids.org: SC167191; see also: www.mfa.org/collections/object/offering-basin-of-iyankhenef-140860. Dating: the end VI dynasty. The offering basin origin was mentioned in Reisner documentation again. Corrections of data of *PM* III bibliography are presented on the website www.gizapyramids.org (cards C11990_OS and SC167191) and on the website giza.fas.harvard.edu/sites/270/full/. See also Piacentini 2002a, 95, n. 3; 2002b, 334.

[16] www.gizapyramids.org: C10393_OS; giza.fas.harvard.edu/ancientpeople/2881/full/.

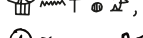
Epigraphy of the offering basin was introduced for scientific use long ago owing to K. Sethe who published transcription of its inscriptions in *Urk*. I[17]. According to Sethe, the text was copied by W. Spiegelberg in 1907 from an object seen at the merchant's in Giza. Sethe himself made a transcription after the reproduction by Spiegelberg. The offering basin was entered into Topographical Bibliography (Porter & Moss)[18] with reference to *Urk*. I and, as a result, actually remained non-attributed. At present it is exclusively quoted according to *Urk* publication. I[19].

Judging by the archive photograph C10393_OS, inscriptions on the offering basin from G 1111basically correspond to the transcription published by Sethe in *Urk*. I, 165.

Thus, the offering basin was discovered by G.A. Reisner in July of 1904, and already in 1907 it was noted by W. Spiegelberg at the merchant's; that is within those three years the artefact was simply stolen from the excavation site in Giza or from the temporary storage and made it to antiquities market. I do not know the current whereabouts of this offering basin.

The photograph on the website www.gizapyramids.org makes it possible to make inscriptions reading by Sethe more exact. Corrections refer to only reading the name in the inscription on the left side of the offering basin (line 3) and the final part of the offering formula. Besides that the title to the name on the right side is not shown in *Urk*. I at all.

INSCRIPTIONS

Transcription of the offering basin according to *Urk*. I, 165.4 and Urk. I, 165.8–10:  , Note by K. Sethe: a. So in einer andern Inschrift desselben Steines».

Transcription of the offering basin according to C10393_OS photograph published on the website www.gizapyramids.org:

1. Right side:	
2. Top:	
3. Left side:	
4. Bottom:	

1. *sḫḏ srjw nj-ˁnḫ=j-nmtj*	1. "chief of geological prospectors *nj-ˁnḫ=j-nmtj*".
2. *jmj-ḫt srjw nj-kȝ=j-rˁ ḏd(.j)*	2. *jmj-ḫt srjw nj-kȝ=j-rˁ ḏd(.j)* "chief-file closer of geological prospectors *nj-kȝ=j-rˁ* says:
3. *jrj.n=j nw n jt=j sḫḏ srjw* [*j*] *w*(*w*)*-nmtj* (*j*)*r pr*(*t*) *n=f ḫrw jm*	3. "I produced this for my father, chief of geological prospectors,[*j*]*w*(*w*)*-nmtj* so that through him for him were called up (offers)
4. *m t ḥnḳt kȝ* [*ȝpd*] (*j*)*ḫt nb*(*t*) *bnrt rˁ nb*	4. in form of bread and beer, beef, [poultry] and sweet things of all kinds every day".

[17] *Urk*. I 1932–1933, 165.8–10.

[18] *PM* III.1 1974, 310.

[19] For example, Wilson 1947, 240; Strudwick 2005, 245–246; Hannig 2003, passim.

Commentary to the offering formula

Line 3. *jrj.n=j nw n jt=j ...* (*j*)*r pr*(*t*) *n=f ḫrw jm* “I produced this for my father..., so that through him for him were called up (offers)”. One of the customary grammatical patterns of the formula *prt-ḫrw* “calling for (offers)”: in pseudo-verbal construction (*j*)*r pr*(*t*) *ḫrw jm* «so that from there (*or* «from it») offers were called up»[20]. As it is known, in the form *sḏm=f* this formula is presented by two models: *prj=f ḫrw* «he call up» (simple *sḏm=f*, structure: «he comes out by the voice») и *ḏj=f prj ḫrw* «he calls up» (structure: “he gives so that the voice would come out” is, in this case, analytical, compound causative in the form *ḏj=j rḫ=k* “I inform you” which in the Middle Egyptian was also used as conjunctive: “I would like to inform you; I have to tell you”[21]). In the first model the actor of “coming out” is a person while in the second model the voice itself “is coming out”. Such inversion of subjects of relationship for the verb *prj* “to come out” is also reflected in the form of passive voice *sḏm.tj=f: prj.tj ḫrw* “calling up, calling for” (structure: “coming out by voice”). The formula in the infinitive *pr*(*t*) *ḫrw* is often used as a fixed expression which simply means “call-out, appeal” (to the deceased). However two directions of an action still remain in its grammatical structure: it can be interpreted both as “coming out by voice” and as “call-out of the voice”. In this case the ritual appeal to the deceased is realized through inscriptions on the offering basin which name the sacrificial rituals.

Line 4. (*j*)*ḫt nb*(*t*) *bnrt rˁ nb* «...sweet things of all kinds every day». For a long time this phrase has been judged to be the only example of plene spelling of the word *nbt* “all, any” after *jḫt* “thing” in combination (*j*)*ḫt nb*(*t*) “all sorts of things, everything” which always lacked the ending in times of Old Kingdom – *t* in the word *nb*(*t*): [22]. Since this example was only written in transcription by Sethe in *Urk*. I, 165.10, it gave rise to certain concerns[23]. The concerns proved justified: according to the photograph from Sethe archive C10393_OS, not just *jḫt nbt* “everything” is in the text but the combination (*j*)*ḫt nb*(*t*) *bnrt* “sweet things oa all sorts” which is well known from for formulas on other monuments[24]. The feminine ending *t* in Sethe transcription relates precisely to the word *bnrt* which he missed. Likewise, the preposition *n* in the transcription Urk. I, 165.10 should be corrected to determinant pl. “3 grains” to the word *bnrt* “sweet”.

Comment to names

Three names remained on the offering basin: *nj-ˁnḫ=j-nmtj*, [*j*]*w*(*w*)*-nmtj* и *nj-kꜣ=j-rˁ*.

Starting from Sethe, the addressee name in the 3rd line of the declaration is traditionally reinstituted as [*nj-ˁnḫ*]*-nmtj* based of the perfectly survived name *nj-ˁnḫ=j-nmtj* in the 1st line (the right side). Nevertheless, as a matter of fact the name [*j*]*w*(*w*)*-nmtj*

---

[20] Clère 1935–1938, 771–773; Barta 1968, 26; Lapp 1986, 91–110, § 155–326, in particular 97–104, § 168–184.

[21] About this form, also noted in ancient Egyptian, see Luft 1984, 103–111. Meaning of the epistolary formula corresponds to Russian phrase “I bring to your attention”.

[22] Edel 1955–1964, 50–51, § 113.

[23] Sperveslage 2010, 221, Anm. 20.

[24] About this component of the offer in the formula: Barta 1963, 169 (Index); Kaplony 1963, 970 (1505); Lapp 1986, 134–138, 252 (§ 235–241); Hannig 2003, 203–205 {3691}, 422 {9875}; Daoud 2005, 140, pl. 70; Legros 2013, 154–155, 157 (g); Kanawati 2013, 351, fig. 2, 359, etc.

stands there which does not preclude from assuming that named on the right-hand *sḫḏ srjw* "chief of geological prospectors" *nj-ʿnḫ=j-nmtj* is still identical to the addressee. It turns out the the offering basin owner had two names with the element *nmtj* of the name of God-viator, patron saint of travellers[25].

Both anthroponyms with God name *nmtj* as a component are rare[26].

1. The name *nj-ʿnḫ=j-nmtj* "my life belongs to God *nmtj*" is built according to typical Old Egyptian model *nj-ʿnḫ=j-NN* "my life belongs to (king or God) NN" or "NN owns my life". The following evidence of the name *nj-ʿnḫ=j-nmtj*[27] are noted in the literature:

1.1. . False door Stockholm, Medelhavsmuseet, 11406[28]. Hypochoristics: *nj*[29]. Titles: *jmj-rꜣ mšʿ* «military commander», *rḫ nswt* «king's acquaintance», [*ʿḏ-mr grg*]*t mrr nb=f* «[settlement manager], beloved by his master», *ḫrp wʿbw nswt ꜣḫt*-[*ḫwfw*] «chief of king's priests of pyramid Horizon [of Cheops]». His eldest son and heir (*zꜣ=f smsw jwʿw=f*) *jj-m-ḥtp* had similar titles: *sḫḏ wjꜣ* «captain (of crew) of ship», *ḫrp* (*j*)*m*(*jw*)-*zꜣ* «chief of shift members»[30], *ʿḏ-mr grgt* «settlement manager», *ḫrp wʿbw nswt* «chief of king's priests». Judging by the titles, both relatives served in the military and river navigation field, organizing expeditions.

1.2. . Relief Cairo CG 1479[31]. The example is doubtful as neither photograph nor the inscription trace drawing are published. This man was *ḥm-kꜣ* «funeral priest" for *rn-*(*j*)*rj* father leather worker *wtꜣ*. H. Rancke reads his name as *nj-ʿnḫ-zkr*[32]. K. Scheele-Schweitzer gives a combined reading *N*(*.j*)-*ʿnḫ-ḥn.w*/*Nm.tj* «Besitzer von Leben ist die *ḥn.w*-Barke/Nemti» with a note: «M.E. ist die Lesung als *N*(*.j*)-*ʿnḫ-Nm.tj* hier zu bevorzugen»[33]. Doubts about the name reading are associated with multiple meaning of a sign given by L. Borchardt which allows of different readings: *nmtj*, *zkr*, или *ḥnw* «Socar's boat»[34]. Reading *nj-ʿnḫ=j-zkr* «my life belongs to Socar"[35]seems more likely to me although it is based only on trust to transcription by Borchardt; if it is accurate, then the ideographic name of God Socar is before us.

1.3. On the offering basin published in *Urk*. I, 165 which is the subject of this study.

---

[25] About God *nmtj* see Berlev 1969, 3–30; Graefe 1980, 1–27, 43–46, 49; Leitz 2002, 242–244.

[26] About names in times of Old Kingdom with component *nmtj*: Ranke 1935, 69–70; 1952, 36. Bland, Malek 1977, 119–120; Thirion 1985, 142; Scheele-Schweitzer 2014, Nr. [173], [765], [913], [1364], [1546], [1553], [1612], [1652], [1904], [1934], [1968], [2065]–[2068], [2585], [2723], [3311].

[27] Bland, Malek 1977, 119–120; Scheele-Schweitzer 2014, 419 [1546].

[28] *PM* III.1 1974, 137; Junker 1943, 239–240, Abb. 101 (collections.smvk.se/carlotta-mhm/web/object/3016006). Dating: the end of IV – beginning of V dynasty. Giza – West Field.

[29] Scheele-Schweitzer 2014, 449 [1740].

[30] About this title: Bogdanov 2018, 236, n. 60.

[31] The door post Cairo JdE30186: *PM* III.1 1974, 309; Borchardt 1937, 166 (without photograph). Dating: the end of IV dynasty. On the issue of dating the relief see also Diego Espinel 2014, 46–48 (the end of IV – beginning of V dynasty).

[32] Ranke 1952, 294.4.

[33] Scheele-Schweitzer 2014, 421 [1553], Anm. 48.

[34] Thirion 1985, 126.

[35] Ranke 1935, 172.1; 298.9 (?); Scheele-Schweitzer 2014, 424 [1564], 630 [2987] (?).

Thus there are only two reliable evidences about the name *nj-ʿnḫ=j-nmtj* in times of Old Kingdom, and one of them remained exactly on the offering basin from G 1111.

2. Name *jww-nmtj* occurs more often, it has been noted both in Old[36] and Middle Kingdoms. By a strange coincidence it is absent from Corpus of Egyptian names by H. Ranke. Reference book by K. Scheele-Schweitzer cites the following data on this anthroponym:

2.1. *jww-nmtj*. Inscription Hatnub Gr. 2.7 dating back to *ttj*[37]. Title: *jmj-rꜣ š* «chief of lake (i.e. contingent of solgiers and workers and their locations)»[38]. The name reading is doubtful. Hieratic original after Möller G. copy: .

2.2. *jww-nmtj*. Inscription Hatnub Gr. 3.2 dated «year of 14th time (of enumeration)» i.e. 27/28th year of the reign of King *ḥr nṯrj-ḫᶜw* (*ppj* II)[39]. Title: *ḫtmtj-nṯr* «treasurer of God». He was the expedition chief and the inscription ordering customer-producer. His identity with the first *jww-nmtj* who lived in times *ttj* is hardly possible as two graffiti are separated by 27 years.

2.3. *jww-nmtj*. Inscription in Wadi Maghareh[40]. Title: *jmj-rꜣ sr*(*jw*) «chief of geological prospectors». Dates back to *rnpt m-ḫt zp 4 ṯnwt jḫw ʿwt nb* « year after 4th time of enumeration of all cattle and small ruminants" i.e. 8th/9th year of the reign of King *ḏd-kꜣ-rᶜ jzzj*.

2.4. *jww-nmtj*. The name is noted on one or two figures from the series of so called Execration texts of Old Kingdom[41]. Altogether, four vessels with Execration texts containing 435 names of rebellious Nubians and Egyptians (some of them duplicated) were discovered in Giza. Dating marks going back to year (*m*)-*ḫt zp-5* "after 5th time (of enumeration)" i.e. to 10th/11th year of the reign of unknown king remained on three vessels, and namely:

1. vessel of series AB: (*m*)-*ḫt zp 5 ꜣbd* 3 *prt hrw* 29 «year after 5th time (of enumeration), 3rd month of sprouts, 29th day»[42];

---

[36] Scheele-Schweitzer 2014, 222 [173].

[37] Anthes 1928, 19, Taf. 9.

[38] About this title: Bogdanov 2019, 137, n. 109. Translation of Graffito 6 from Gebel el-Silsila which was published with low-quality photograph, wrong transcription and illiterate transliteration is also given here (Graffito 6. GeSW.RIS.9: Nilsson, Faraman, Said 2018, 78). However, translation of this inscription (Osing 2004, 5), not taken into account either by the publishers or me, was published earlier. On the basis of data from the article by J. Osing I herein give a new, slightly corrected translation, although it as well does not purport to be accurate: *jmj-rꜣ š rsj* «chief of south lake» *kꜣ=j-m-ṯnnt*(*?*), *jmj-rꜣ š rsj* «chief of south lake» *ḫnzw-ḥtp*, *ḫrj-ᶜ smntjw* 260 (?) «guide the way for: 260 (?) pointmen» (only from photograph, transcription is missing), *jmj-rꜣ š mḥtj* «chief of north lake» *ʿnḫ-m-ᶜ-rᶜ*, *ḫrp ʿpr š rsj* «captain of squad of south lake» *nfr-sšm-ptḥ*, *zš š* «scribe of lake» *mrw*.

[39] Anthes 1928, 20, Taf. 10.

[40] Inscription Sinai 13. Weill 1904, 109–116 (11–12); *Urk*. I 1932–1933, 56.6–8; Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 7; Baines, Parkinson 1997, 9–27, fig.1; Tallet 2018, 304.

[41] Abu Bakr, Osing 1973, 107 (AB100), Taf. 42–43; Osing 1976a, 139 (RB83), Taf. 44 (doubtful).

[42] Abu Bakr, Osing 1973, 131, Taf. 31–32. The earliest case of spelling of the word «day of month» in the form *zjw*/*zw* (*Wb*. IV, 57.8–58.1; Meeks 1998, I, 309, 77.3422) dates back to κ IX dynasty (stela *rdjw-ḫnmw*: Cairo CG 20543, line 14 (Lange, Schäfer 1908, 166). Dandarah;

2. vessel of series J: (*m*)-*ḫt zp-5 ȝbd 3 prt hrw* 22 «year after 5th time (of enumeration), 3rd month of sprouts, 22nd day»[43];

3. vessel of series RK: (*m*)-*ḫt zp 5 ȝbd* 2 *prt hrw* 5 «year after 5th time (of enumeration), 2nd month of sprouts, 5th day»[44].

According to these data the ritual, in the course of which the vessels were buried, took over 55 days (at minimum from *ȝbd* 2 *prt hrw* 5 "5th day of 2nd month of sprouts" to *ȝbd* 3 *prt hrw* 29 "29th day of 3rd month of sprouts"). I think that burial of the figures with the names of Nubian rebels in Giza was the result of the punitive campaign of King *mrj.n-rˁ* to Nubia which was accomplished in 9th/10th year of his reign. Campaign rock inscriptions, devoted to that event, contain the following dates of times *mrj.n-rˁ*[45]: *zp 5 ṯnwt ȝbd 2 šmw hrw 24* «year of 5th time of enumeration of harvest, 25th day»[46] и *zp 5 ṯnwt ȝbd 2 šmw hrw 28* «year of 5th time of enumeration, 2nd month of harvest, 28th day»[47]. If one accepts dating of the figures with Execration texts to reign of *mrj.n-rˁ*, that means that they were produced 6–8 months later than the above-noted graffiti[48]. During that period of time (between 2nd month of harvest of year of 5th time of enumeration and 2nd month of sprouts of year after 5th time of enumeration) King *mrj.n-rˁ* reached Nubia, defeated rebels, drew up a list of the casualty and executed, came back and conducted the ritual of burying the vessels with the rebels names in Giza. The name *jww-nmtj* is typical exactly for the expedition participants; thus, that military man or gold prospector repeatedly visited Nubia in the performance of duty. Most of the rebels, enumerated on the occasion of their rebellion suppression, had Nubian names[49], and only a few dozen – Egyptian names[50], at that Nubians with Egyptian names were singled out as a special group since they were clarified by the title *nḥsj* "Nubian"[51], though not always Some characters were of the mixed descent[52] which says about long-term contacts

---

cf. Schenkel 1965, 113, Anm. i); possibly, this word was derived from verb *jzj* «pass on» and initially sounded as (*j*)*z*(*j*)*w* «time, period» (Osing 1976b, I, 113; II, 588, Anm. 512). Existence of the word *zw* «day of month» in times of Old Kingdom is actually doubtful (cp. Edel 1955–1964, 182, § 420; Hannig 2003, 1079–1080; 2006, 2118–2120); this is why hereinafter for the ideograph «calendar day» I propose conditional reading *hrw* rather than *sw* which became almost generally accepted.

[43] Junker 1947, 31, Abb. 8, Taf. 6b; Abu Bakr, Osing 1973, 131.

[44] Osing 1976a, 154–155, Taf. 52.

[45] Third inscription (*Urk*. I 1932–1933, 111; between Assuan and Philae) does not include any date.

[46] Kaiser *et al.* 1976, 79; Seidlmayer 2005, 290–291, Anm. 11, Taf. 6b. Rock niche of Temple of Satet on Elephantine island. The name of King *nfr-kȝ-rˁ* without indication of the reign year is also indicated herein.

[47] *Urk*. I 1932–1933, 110.10–16. Sehel Island, First Cataract of the Nile.

[48] Inscription Hatnub VI (Anthes 1928, 14, Taf. 5 = *Urk*. I 1932–1933, 256.18) also dates to year after 5th time of enumeration (10th/11th year of reign) *mrj.n-rˁ*.

[49] Osing 1976a, 160–164.

[50] Osing 1976a, 158–159, 164.

[51] Osing 1976a, 159–160. Remarkable example: leader ("foreign ruler", *ḥḳȝ-ḫȝst*) of all rebels had the Egyptian name *ˁnḫ-wnjs* "Let live *wnjs*"; his Nubian name was *jȝtrȝs* (Abu Bakr, Osing 1973, 112–113 [199], Taf. 52–53).

[52] This fact is ascertained by the filiation data: Osing 1976a, 160.

between Egyptians and Nubians. This appreciable association of Nubians and Egyptians was in vassal dependence on Egypt for a long period of time, however for unknown reasons they rose in rebellion by the end of the reign of *mrj.n-rˁ*. Egyptian *jww-nmtj* probably was a member of the expedition contingent in Nubia who became involved in the aborigine rebellion, and he paid for that.

This report about the name *jww-nmtj* should be supplemented with the data collected by Michel Thirion[53]:

2.5. *jww-nmtj*. One of the bearers of gifts with the title *smr* "friend (court)"[54].

2.6. *jww-nmtj*[55]. He held a post *jmj-rꜣ st ḫntjw-š pr-ˁꜣ* of "head of bureau of court servants", was the son of the person commemorated by the statue *jmj-rꜣ mšˁ* "military commander" and *jmj-jrtj* "captain" *sbk-ḥtp* who held the ritual title *jmꜣḫw ḫr nmtj* of "blessed by God *nmtj*»[56]. Judging by this title, both of them were natives of XVIII (Sharuna-Al-Kom al-Ahmar/Savaris)[57], XII (Deir el-Gabrawi – El Ataula) or X nomos of Upper Egypt where the cult of God *nmtj* was practiced. Another son *sbk-ḥtp*, also named *sbk-ḥtp*, was *jmꜣḫw ḫr st-jrt nb ḏdw jnpw nb spꜣ nmtj nb ṯbt* "blessed by Osiris, sovereign of Busiris, Anubis, sovereign of Sep and Nemty, sovereign of Kau". If my reading of the settlement name ideogram as *ṯbt* «bottoms of the feet» (having in mind the cut off clows of God *nmtj*) is correct, then it is the first time when we see a reference to the city Antaeopol (*ṯbw*), and we are talking about that God *nmtj* which cult localized in X nomos of Upper Egypt.

2.7. *jw*(*w*)*-nmtj-wr*{*t*}[58]. This masculine name is sometimes read as *jwt-nmtj* or *nmtj-jwt*[59], however, judging by the photograph, it should be exactly read as *jw*(*w*)*-nmtj-wr*{*t*}, i.e. *jw*(*w*)*-nmtj* Elder (with the false feminization of the epithet *wr* «Elder» because of a mistake made when transferring from the hieratic script to stone[60]). This personage is shown in the bottom part of the stela: his name was chisel-handled while

---

[53] Thirion 2003, 178.

[54] Labrousse, Lauer, Leclant 1977, 108–109, fig. 99, doc. 73. Dating: *wnjs*.

[55] Statue Liverpool, World Museum, 1967.4. Reference data: *PM* VIII.1 1999, 280 (801-221-420); www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/statue-of-sobekhotep (unsatisfactory photographs). Ikhnasiya el-Medina. Dating: the end of Old Kingdom – beginning of 1st Transition period.

[56] Jones 2000, 25 (116), 28–29 (132–134); a ritual title of Middle Kingdom times *jmꜣḫw ḫr nmtj nb ꜣtft* «blessed by *nmtj* – lord of XII nome of Upper Egypt» is also known (Fischer 1974, 19 (fig. 21), 21–22 (fig. 29), 25–26 (fig. 24)). About god *nmtj nb ꜣtft* «*nmtj* – lord of XII nomos of Upper Egypt» on private monuments up to XVIII dynasty see also Abdel-Raziq 2017, 3–8, fig. 1–2.

[57] About the title *jmꜣḫw ḫr nmtj* «blessed by*nmtj*» for noblemen of XVIII nomos of Upper Egypt in Old Kingdom times see Müller, Schenkel, Gomaà 2004, I, 114, 130, 145, 173, 193; II, Taf. 56–57, 77, 91–92, 130, 167.

[58] Cairo CG 20440 (Lange, Schäfer 1902b, Taf. 31; 1908, 38). Abydos. Dating: the end of XIII dynasty. The major part of the inscriptions on the stela were made in hieratic script.

[59] Thirion 2003, 178; cf. Ranke 1935, 69.17.

[60] Cf. reading of this name as *Nmtj-jwjj nḏs*{*t*} «*Nmtj-jwjj* Junior» in Abu Bakr, Osing 1973, 107, Anm. 26–27. About writing *nḏs* «junior» with extra *t* (and reading *nḏs*{*t*}) see example of the masculine name *jtj=sn-nḏs*{*t*} (Moussa 1972, 290, Taf. 29). However, in this case the epithet *wr* «Elder» was used rather than *nḏs* «Junior».

several columns of the text, preceding it, were written in ink – nowadays, these inscriptions are totally lost. Name and title of the person commemorated by the monument are written on the top part of this stela in a mixture of hieratic script and ideographic writing, and the ideographic inscription on the stela top changed the writing direction and signary several times. The person commemorated held the post *jmj-rꜣ zꜣ n ḫrtjw-nṯr* «chief of the working shift of the necropolis», and probably his name is also read as *jw(w)-nmtj-wr*. If this is so, then the person commemorated was depicted on the stela two times. The boy with the title *zꜣ=s* "her son", standing behind the mother, also bears the name in honour of God *nmtj*: *nmtj-nḫt*. Such propensity of the family for the cult of God *nmtj* makes it possible to assume that it originated from XIII or XVIII nomes of Upper Egypt.

Several other names should be added to the above data:

2.8. *jww-nmtj*. Graffito in Gebel Abarak (Eastern Desert)[61]. Title: *jmj-rꜣ 10 srjw smntjw* «chief of 10 geological prospectors and pointmen»[62].

2.9.1. *jw(w)-nmtj*[63]. One of the servants *jꜣm* is the person commemorated by it. O.D. Berliev noted three cases of scriptiones plenae of God's name *nmtj* in anthroponyms on this stela: *nmtj-ʿnḫ(=f)* fem. (twice) и *nmtj-ʿnḫ=f* masc[64]., however the name *jw(w)-nmtj* with the same scriptio plena Berliev read simply as *nmtj*, although the sign «legs» 𓂻 in it is obvious: .

2.9.2–3. The name *jw(w)-nmtj* in the similar form was also noted on the stelas Cairo CG 20520 (masc.)[65] and Rio de Janeiro, Museu Nacional, 627 [2419] (fem.)[66]. This name was included in the book of reference by H. Ranke as an alternative to the simple name *nmtj* in scriptio plena[67]. The name *nmtj* without the ideograph of falcon in boat on the other stelas should also be understood as God's name *nmtj* adopted as the personal name[68] judging by the parallels on the other stelas or by names of the relatives

---

[61] de Bruyn 1958, 97–98, pl. 14 (1).

[62] Reading *zš* «scribe» instead of the digit *mḏw* (10) is implausible (cp. de Bruyn 1958, 97; Eichler 1993, 91 (188); Jones 2000, 218 (814)) since the title *jmj-rꜣ zšw* «chief of scribes» is not used without indication of the department name. About reading see also Fischer 1985, 31, n. 24.

[63] Stela Lyon, Le Musée des Beaux-Arts 1969–134 (*PM* VIII.3 2007, 204 (803–030–370)); formerly Guimet C13: Moret 1909, 29–31, pl. 12 (13); collections.mba-lyon.fr/fr/search-notice/detail/1969–134-stele – b4398http://www.bubastis.be/art/musee/lyon/lyon_086a.html). Many members of this family are also depicted on the stela Leiden, Rijksmuseum van Oudheden, CI.325 (она же Leiden V 111: *PM* VIII.3 2007, 166 (803–030–039); Boeser 1909, 7 [21], Taf. 20). Dating: the beginning of XII dynasty.

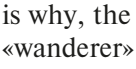
[64] Berlev 1969, 18–20.

[65] *PM* V 1937, 73; Lange, Schäfer 1902b, Taf. 36; 1908, 121; Simpson 1974, pl. 50 (ANOC32.1). Abydos.

[66] *PM* VIII.3 2007, 86 (803–026–718); Kitchen 1990, I, 16–17; II, pl. 1–2 (1), with a mistake in the name transcription. Abydos.

[67] Ranke 1935, 204.13–15, with references to Cairo CG 20077, 20098, 20520, 20591, 20605; to be added: Abydos field no. ANC11543: (Adams 2010, 5–7, fig. 4–5).

[68] The name *nmtj* with the ideograph of falcon in boat occurs frequently: Ranke 1935, 69.16. The tradition of giving a child God's name (*ḏḥwtj, ḥr, nmtj, ḥwt-ḥr*, etc.) without any epithet appeared in Middle Kingdom times. Ancient Egypt names *ḫnsw* (fem.) and *ḫnmw=j*/*ḫnmt=j* are not related to corresponding gods *ḫnzw* и *ḫnmw* (elsewise: Scheele-Schweitzer 2014, 603 [2783], 615–616 [2861]–[2863]).

(for example, the name *nmtj-ḥtp* on the stela Cairo CG 20605[69], *nmtj-wr* on the stela Cairo CG 20520[70], Antaeopol names on the stela Cairo CG 20591[71]). This is why, the sign «legs» could also not be the determinant for the hypothetic name *nmtj* «wanderer» from the verb *nmt* «walk, wander»: the name *nmtj* always meant only god-wanderer. Although, on rare occasions, God's name *nmtj* is presented only by the ideograph «legs» with the phonetic complements ( )[72], the sign after the ideograph of God-falcon in boat was not reliably attested. In connection with this I distinguish the name  from the simple name *nmtj* in scriptio plena and read it as *jw*(*w*)*-nmtj* despite the fact that the element *jw*(*w*) is presented in it by one sign, i.e. in the form which is never met in full versions of the name *jw*(*w*)*-nmtj*.

2.10. *jww-nmtj-wr* (т.е. *jww-nmtj* Elder). Stela Sinai 85[73].

Spelling of the name in inscriptions Abrak (2.8) and Sinai 85 (2.10) is of interest. In the first case the originator violated the rule of pronouncing God's name honoris causa, in the second case the component *jww* is presented in the full form. Thus it is necessary to read the name as *jww-nmtj* «coming *nmtj*» where *jww* is nomen actionis from the verb *jwj* «come». The word *jww* «coming»[74] means the child himself who impersonated "coming" to the father (a certain God).

Reading of the name as *jww-nmtj* is confirmed by examples of Old – Middle Kingdoms names that were formed on the similar principle – with the initial nomen actionis from the verb *jwj* «come». This model coexisted with the similar derivatives in the form *sḏm=f* or with a pseudo-participle from the verb *jwj*. The following examples of the names with nomen actionis *jww*/*jwt* «coming» can be given in the anthroponimics of Old-Middle Kingdoms:

1. *jww-bȝ* «coming of sacred Lamb»[75]. Double *waw* points at the form nomen actionis from the verb *jwj* «come».

---

[69] Lange, Schäfer 1902b, Taf. 48; 1908, 243–244. Abydos.

[70] *jmj-rȝ pr* «housekeeper» *nmtj-wr* () on the stela Cairo CG 20520 и *jmj-rȝ pr* «housekeeper» *nmtj-wr* () on the stela Leiden, Rijksmuseum van Oudheden, L.XI.2 (Leiden V 108: Boeser 1909, 13 [50], Taf. 38; Simpson 1974, pl. 16 (ANOC7.2) – apparently, the same person (Franke 1984, 217 (325)).

[71] *PM* V 1937, 58; Lange, Schäfer 1908, 230. Abydos; about ancestry of some members of this family from X nomos of Upper Egypt: Ilin-Tomich 2017, 84, 211.

[72] Indisputable examples from Coffin texts: Graefe 1980, 9.

[73] Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 23; Černý 1955, 92–94. Dating: 4th year of King [*jmn-m-ḥȝt* III]. Serabit el-Khadim.

[74] About «coming (of God)»: Hannig 2006, 100. For example, coming of God Sobek reawakens life in shrines of Gods – habitants of Underworld (*jmjw-dwȝt*) and habitants of waves (*jmjw-nwj*): *ḫʿj sbk wḥm.n=f mswt m jww=f jp nfrw* «when Sobek comes, he reawakens by his coming (all) – and amongst others, and by and large» (pRamesseum VI (BM EA 10759), col. 116–117: Gardiner 1957, 53, pl. 3; cp. Vernus 1980, 118; Assmann 1999, 462. Dating: *jmn-m-ḥȝt* III).

[75] Cf. Scheele-Schweitzer 2014, 222 [172]: *Jw*(*j*)*.w-Bȝ* «kommend ist der (heilige) Bock»; Gundacker 2013, 45: *Jwjw-Bt* «Bata soll kommen!»; Gundacker 2014, 67: *Jwjw-Bȝ* «Der heilige Bock soll kommen!».

2. *jww-bnw* «coming of phoenix». Two individuals are known who had that name having the different spelling: *1)* [76] и *2)* [77].

3. *jww-ptḥ*. This name in the form nomen actionis was attested in First Transition period[78]. A similar name, but in a different form was noted in Second Transition period: *pth-jw.j* where *jw.j* – pseudo-participle[79].

4. *jwt-n=j-ptḥ* «coming of Ptah to me» masc[80]. where the word *jwt* «coming» (in the feminine gender) was formed according to another model nomen actionis[81].

5. *jw(w)-n=j-sbk* «coming of Sobek to me»[82] where the word *jww* «coming» is nomen actionis for *-w* as in the name *jww-nmtj*[83]. Nomen actionis is used in names No. 4 and 5 instead of the simple form *sḏm=f* (as in the model *jj-n=j*-NN «NN came to me»[84]).

6. *jww-wp(j)-wꜣwt* «coming of Wepwawet», he is also known under the name *nfr-jww* «good coming» which his father also bore[85]. The version *nfr-jww* with the epithet

---

[76] The stela BM EA 1486 [1136] (Budge 1912, pl. 52; Fischer 1987–1988, 19–20, 23, fig. 3. Dating: XI/X dynasty.

[77] The stela Berlin, Ägyptisches Museum 14333 (Generalverwaltung 1913, 121. Dating: XI/X dynasty. Both stelas probably originate from Al Qasr wa as Sayyad necropolis (Brovarski 2018, 361, n. 83). To reading of the name cf. Ranke 1935, 97.10; 1952, 277.10; Schindler von Wallenstern 2011, 231.

[78] The stela Firenze, Museo Archeologico Nazionale, 6367 (1760) (Bosticco 1959, 22, fig. 15 (15); Fischer 1964, 80–81, pl. 24 (27). Naqada). Cf. Ranke 1935, 138.12.

[79] The stela BM EA 329 [1371] (Budge 1913, 7, pl. 16; Vernus 1987, 146–149, pl. 26 (46). Edfu). Cf. the stela Aix-en-Provence, Musée Granet, 849-1-1S (*PM* VIII.1 1999, 91: (803–027–141); Barbotin 1995, 46, 48–49 (7). Abydos (?)) where the name of the same model but with a different spelling was noted: with reading *pth-jj.j*.

[80] Cf. Ranke 1952, 358 [138,13]; Scheele-Schweitzer 2014, 222 [176]; Gundacker 2013, 45; Gundacker 2014, 67: everyone reads and interpret this name in the same way: *jwt-n=j-ptḥ* «möge Ptah zu mir kommen».

[81] The tomb LG 77 (*PM* III.1 1974, 212; Lepsius 1849–1859, II, Bl. 34d; *Urk*. I 1932–1933, 8.14; www.gizapyramids.org: A7429_NS; Kormysheva *et al.* 2015, 25, fig. 15, pl. 2, 14a–b. Giza – East field. Dating: V dynasty). Cf. the name with *sḏm=f*, with the same meaning: *ptḥ-jw(j)=f-n=j* «Ptah came to me» (Scheele-Schweitzer 2014, 362 [1146]).

[82] The relief Krannert Art Museum, University of Illinois, Champage-Urbana 1974–11–1; collection.kam.illinois.edu/Obj3799. Dating: *ppj* II.

[83] Cf. reading Gundacker 2010, 70; Gundacker 2013, 44; Gundacker 2014, 67: (*J*)*mj-n=j-Śbkw* «Komm zu mir, Sobek!» (m.). I interpret the grammatical form of the similar examples given in Gundacker 2010, 70: Ex. (53, *dwꜣ-n=j-Rᶜw*), Ex. (54, *ḥsj-n=j-Ptḥ*) и Ex. (55, *jꜣj-n=j-Ptḥ*)) as participium imperfecti passivi. It is difficult to interpret these names though the common content is approximately like the following: *dwꜣ.n-rᶜ* «the one who (came) by the grace of Ra» («begged for from the Sun»), *ḥzj.n-rᶜ* «the one who (came) by the merit of Ra» («reverenced by the Sun»; it is worth noting that the verb *ḥzj* «worship, respect, reward» always expresses action of a chief with respect to a subordinate or a father to his son, and not vice versa) и *jꜣj.n-ptḥ* «the one who (came thanks to) Ptah vespers» («begged for from Ptah»). Analogues of these names in the form perfecti passivi (i.e. without *n*) and with the same meaning are also known: *dwꜣ-rᶜ* (cf. Scheele-Schweitzer 2014, 743 [3770]: «der Re preist»), *ḥzj-rᶜ* (cf. Scheele-Schweitzer 2014, 554 [2510]: «Gelobter des Re»), *jꜣjw-ptḥ* (cf. Scheele-Schweitzer 2014, 207 [61]: «Verehrer des Ptah»).

[84] Scheele-Schweitzer 2014, 212–213 [97]–[103].

[85] The stela Cairo CG 20142 (Lange, Schäfer 1902a, 167–168; 1902b, Taf. 13). Abydos. Dating: XIII dynasty.

nfr «good» confirms once more the meaning of the word *jww* «coming» as nomen actionis. Names of this type with the element *nfr* in Middle Kingdom times were divided into two models: *nfr-jww*[86] and *jww-nfr* «good coming»[87], to which agjoined the name *jww-nfrt* «coming of the beauty»[88]. The name *jww-nfr*/ *nfr-jww* occurs dozens of times in Middle Kingdom, both for men and women. On the contrary, the equally widespread name *jww-nfrt* occurs only for women and in only Middle Kingdom times. Its Old Egypt prototype *nfrt-jww=s* «beauty – her coming»[89] gives more reason to see Hathor Goddess in this «beauty». This explains the constant carrying forward the word *nfrt* «beauty» in Middle Egypt name *jww-nfrt* whereas position of the verb *nfr* «be good» in the name *jww-nfr*/ *nfr-jww* is not stable; thus, models of the names *jww-nfr*/ *nfr-jww* (masc./fem.) and *jww-nfrt* (only fem.) are not equivalent. The model with pseudo-participle *nfrt-jj.tj* «the beauty came» on Middle Egypt material is not attested. As before, Hathor Goddess is hiding under the name *nfrt* «beauty[90]» which appeared during XVIII dynasty and made it to Ptolemy's times (*ʿlsq in the fqrm t3-nfr*(*t*)*-jj.tj*).

7. *nfr-jww-ḥwt-ḥr* «good coming of Hathor»[91]. The female name in which *jww* «coming» can be only nomen actionis.

The compound word *jmn-m-ḥ3t-nfr-jw*(*w*)[92] is also known, however in this case *nfr-jw*(*w*) is only the second name[93].

The feminine names *ḥwt-ḥr-jw*(*j*).*t*(*j*) «Hathor came»[94] и *sḫt-jw*(*j*).*t*(*j*) «Sageeth (goddess of the fields) came»[95] should be considered as pseudo-participle constructions, built according to the name model with the masculine subject *k3=j-jw*(*j.j*)/ *k3=j-jw*(*j*).*w* «my *Ka* came», with the element *k3* in the initial position[96]. The sign «legs» in the model *ḥwt-ḥr-jj.tj* / *ḥwt-ḥr-jw*(*j*).*tj*[97] was made more complicated, to *jj* ( ), purposely as a

---

[86] Ranke 1935, 194.7–8. There are two examples from Old Kingdom: Scheele-Schweitzer 2014, 462 [1839].

[87] Ranke 1935, 15.21, 194.7.

[88] Ranke 1935, 201.13–14.

[89] Scheele-Schweitzer 2014, 490 [2038].

[90] Ranke 1935, 201.12, 364.2; cp. 194.5.

[91] Scheele-Schweitzer 2014, 462 [1840] with reading *Nfr-jww-ḥw.t-ḥr.w*(*?*) «gut ist, daß Hathor kommt»; Gundacker 2014, 96, Ex. (109): «Vollkommen ist, daß Hathor kommt!».

[92] Stela Coll. Figeac (Marseille): Gauthier-Laurent 1933, 75–80, pl. 7.

[93] Vernus 1971, 196 (13); Vernus 1986, 8 (19).

[94] The tomb QH90. Edel 2008, II, 1135–1136, Text 6; Taf. 63. cf. Scheele-Schweitzer 2014, 222 [177]: *Jw.t-ḥw.t-ḥr.w* «möge Hathor kommen».

[95] El-Hagarsa D4. Woodward, Kanawati 1995, pl. 5a, 24, 27; cf. Scheele-Schweitzer 2014, 222 [178]; Gundacker 2013, 45; 2014, 67: *Jw.t-sḫ.t* «möge Sechet kommen».

[96] Scheele-Schweitzer 2014, 693 [3423]. The form *k3=j-jw*(*j*).*w* is an example of existence of pseudo-participle ending *-w* for the verb *jj*/*jwj* "go, come" already in Old Kingdom times (cf. Edel 1955–1964, 272, § 573; 278, § 579). which further demonstrates the diatopic character of divergence between the pseudo-participle forms, ending with *-j*, with *-w* and without any ending in Egyptian language. Cf. the names *jj-k3=j* "my *Ka* came" and *jj-k3w=j* "my *Kau* came» in the form *sḏm=f* (Scheele-Schweitzer 2014, 216–217 [124]–[126]).

[97] Ranke 1935, 235.7–8 (with references to the stelas Cairo CG 20076 and CG 20473; Louvre C111; Wien AS108). To add: *1)* the stela Louvre E27211 (Ziegler 1990, 74–77 (8); *2)* inscription Kumma 452 = Khartoum, Sudan National Museum 34381 (Hintze, Reineke 1989, I, 127; II, Taf. 172); *3)* the stela Langres 110 (Gauthier-Laurent 1931, 110–111, pl. 1); *4)* the statue

rule, since in the name form *jww*/*jwt* «coming» this sign was never used, only the sign *jw* ( ); on the contrary, this simple sign *jw* () was sometimes used to form the pseudo-participle – for example, on the stela Louvre C111[98] the name *ḥwt-ḥr-jw*(*j*).*tj* «Hathor came» was presented in the full form: . Thus, the pseudo-participle from the verb *jwj* in this name is presented in two versions: *jj.tj* и *jw*(*j*).*tj* «came» which also occurs in other names.

Judging by the anthroponymy materials, military servants, participants of expeditions and travellers often bore the name *jww-nmtj* which indicated that they followed in their fathers footsteps who served in the same field. A separate group is made up of those born in X, XII or XVIII nomes of Upper Egypt (No. 2.6, 2.7, 2.9.1–2, 3(?)) who got their names with the component *nmtj* out of reverence for the local god of their nome, Falcon in boat.

3. Producer of the inscription on the offering basin, son *jww-nmtj*, had the name *nj-kꜣ=j-rᶜ* «my Ka belongs to Ra».

This name was fairly common in Old Kingdom times. Reference book by K. Scheele-Schweitzer gives data about eight bearers of this name[99]. Besides them, the following personages are known:

3.1. *špsj nswt jmj-rꜣ ḳdw* «king's nobleman, chief of builders» *nj-kꜣ=j-rᶜ*, отец *jmꜣḫ*(*w*) *t* «of blessed» *ttj*[100]. Its correspondence to *sḥḏ ḳdw*, *sḥḏ ḥmw-kꜣ* «inspector of builders, inspector of funeral priests» *nj-kꜣ=j-rᶜ*, servant *jj-mrj*, of the person buried in tomb G 6020[101] remains questionable since presence of the title *špsj nswt* «king's nobleman» for *nj-kꜣ=j-rᶜ* on the offering basin is a clear evidence in favour of dating it to the reign of *ttj* while usually the tomb G 6020 (*jj-mrj*) is reasonably dated to the beginning – middle of V dynasty.

3.2. *nj-kꜣ=j-rᶜ*, son *ḫᶜj-mrr-nbtj*, grandson *ḥwfw-snb* and *ḥnwt=sn*[102].

Dahshur Magazine 160 (Fakhry 1961, 20, fig. 295, pl. 57A; Schulz 1992, I, 128–129 (053); II, Taf. 22c); *5)* the stela Москва, The Pushkin State Museum of Fine Arts I.1.a.1136 (Hodjash, Berlev 1982, 86–87 (40)); *6)* the stela Cairo CG 20656 (Lange, Schäfer 1902b, Taf. 50; 1908, 289; Stefanović 2011, 98, 100); *7)* the stela Cairo CG 20228 (Lange, Schäfer 1902a, 248; 1902b, Taf. 17). All the examples date to Middle Kingdom – Second Transition Period.

[98] https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010022897. Dating: XIII dynasty. The person commemorated by it *kkj* had a rare title *jrj-ḫtm*(*j*)*t* «manager of government property» (Hannig 2006, 346) which existed within the community of low-rank court's administration till the end of V–VI dynasty (Jones 2000, 334 (1231); Hannig 2003, 179–180; Bogdanov 2017b, 166–167; the title was also noted on the false door *sbk-ḥtp* in G 2420 tomb (www.gizapyramids.org: A7580_NS. A7588_NS); seals *ḏd-kꜣ-rᶜ* 27 and 30 (Kaplony 1981, IIA, 330–331, 333–334; IIB, Taf. 89–90); the false door *ḳdw* (Cairo CG 57196 = SR2/15892; Kamal El-din 2009, 19–26. Sakkara (?). Dating: VIII–IX dynasty. The last personage, who held the post *jrj-ḫtm*(*j*)*t* (*pr-ᶜꜣ*) «manager of government property (of court servants)», was also *jmj-ḫt ḫntjw-š pr-ᶜꜣ, sḥḏ ḫntjw-š pr-ᶜꜣ* and *ḫntj-š* of pyramid *mn-nfr-mrj-rᶜ*; he should be added, under No. 8, to the list of bearers of the combined posts *ḫntjw-š* и *jrj-ḫtm*(*j*)*t* in the article Bogdanov 2017b, 166–167)). In the narrative context, the title *jrj-ḫtmt* «contract holder (?)» was noted in the inscription on the statue pedestal *ḥr-jr-ᶜꜣ*, line 13 (Perdu 2016, 92–93, 115, n. ao), pl. 10. Dating: *psmṯk* II *nfr-jb-rᶜ*).

[99] Scheele-Schweitzer 2014, 443 [1698].

[100] Offering basin from tomb G 6027 A (www.gizapyramids.org, Field number: 38–2–13).

[101] Weeks 1994, 51, fig. 42 {2.120}.

[102] www.gizapyramids.org: PDM_06135; PDM_06142; Giza – Abu Bakr necropolis. Dating: V dynasty.

Comment to the titles

Two titles from the sphere of the expeditions organization are noted on the offering basin:

1. *nj-kꜣ=j-rᶜ*: *jmj-ḫt srjw* «chief-file closer of geological prospectors».

2. *nj-ᶜnḫ=j-nmtj* / *jww-nmtj*: *sḥḏ srjw* «chief of geological prospectors».

Range of problems connected with interpretation of the lexical item *srj* «prophesy, forecast, divine» etc[103]. Social designations from the sphere of lexicography *srj* deserve a separate study; this is why for the present I limit myself to judgemental conclusions on the initial results of my own work which hopefully shall be completed soon.

Based on the basic meaning of the word *sr*(*j*) «public servant»[104], many specialists interpreted the naming unit *sr*(*j*)*w* in the expedition titles as «public servants»[105]. However it should be noted that in principal the *post sr*(*j*) «*public servant*» did not existed in Old Kingdom times. The term *sr*(*j*) in Ancient Egyptian was used in the meaning, derived from the verb «envisage», however with many nuances depending on occupation of the bearer: «auditor, inspector, agent, informer». In most of the narrative contexts (i.e. outside the titulary) it appeared as a general notion with the non-determined contest *sr*(*j*) «public servant». The title *sr*(*j*) transformed into a functional post only in the expedition nomenclature where to it was included in the meaning «geological prospector». It occurs mostly in the hierarchical titles *jmj-rꜣ sr*(*j*)*w* / *sḥḏ sr*(*j*)*w* «chief / instructor of geological prospectors».

The contingents *srjw* often appear in the titles together with squads *smntjw* which is indicative of resemblance of their functions. And because *smntjw* are usually determined as «pointmen»[106], then for the title *srjw* a suitable equivalent is «geological prospectors», from the verb *sr*(*j*) in the meaning «surveying routes, plot sailing directions» which were widely used, in particular, in Coffin Texts. Units of «geological prospectors»-*srjw*, as a rule, were a part of the expeditionary force in the area of the rock-cut jobs in the Sinai, in Wadi Hammamat, Hatnub, Nubia and other remote locations. At the same time, judging by the titles of their superiors, *srjw* could serve in the Nile valley as well. Functions of such *srjw* in Egypt itself, probably, were to accompany goods and to send reports along the routes that were plotted by them, while outside of the Nile valley they were conducting the geological prospecting. In connection with the low status of the junior enlisted *srjw* and *smntjw*, along with different categories of soldiers and workers, the private inscriptions from them can hardly be found[107].

---

[103] Cannuyer 2010, passim.

[104] *Wb*. IV, 188.3–189.9; Jones 2000, 909 (3331); Cannuyer 2010, 577–579.

[105] Goelet 1982, 200–201 (n. 199); Fischer 1985, 31; Eichler 1993, 169; Martin-Pardey 1994, 159–160, 162; Moreno García 1997, 108; Jones 2000, 229–230 (849–851), 909 (3331–3335), 966–967 (3564–3565) et al.

[106] The title-nisba *smntj* apparantly comes from the word *smnt* «knapsack, bag» (*Wb*. IV, 135.18; Yoyotte 1975, 44–55; Jones 2000, 228–230 (846–851), 872 (3191); 891 (3262), 966 (3563); Mostafa 2014, 156, fig. 21, 158, 165, n. g, 166, n. b).

[107] Data about the title *smntj* of Middle Kingdom, presented in the dictionary by R. Hannig, are either wrong (for example, on the stela Cairo CG 20457 it is the personal name *mnjw*, cf. Fischer 1996a, 177) or doubtful (for example, on the stela «cCassirer» (Schlögl 1978, 49, 155; cf. Meeks 1998, II, 327, 78.3547) the title of a musician was marked, most probably, of «a castanets or sistrum player» (*srwj*?/*sḫmj*?) rather than *smntj*), or represent the group spelling

1. The title jmj-ḫt srjw «chief-file closer of geological prospectors».

I chose the contingent interpretation "chief-file closer" for the rank *jmj-ḫt* (literally meaning "follower, one who goes after"[108]). This rank was the second in the shift of servants directly after "inspector" *sḫḏ* (literally "enlightener, tutor"). In Middle kingdom the hierarchic rank *jmj-ḫt* disappeared from almost all departmental structures, except for the police: it remained only as part of the title *jmj-ḫt z3w-prw* "chief-file closer of police officers (or gendarmes, literally "children of home")"[109].

The title *jmj-ḫt srjw* «chief-file closer of geological prospectors», born by the producer of the inscription, *nj-k3=j-rˁ*, is unique. The only parallel to it, from the field of organization of the expeditions work force, is the post *jmj-ḫt smntjw* "chief-file closer of pointmen" which occurs very rarely as well:

1. In graffito *ḥtpw* in the form *jmj-ḫt smntjw mrr nb=f* «chief-file closer of pointmen loving his lord»[110].

2. On the seal with the name of king [*ḥr*] *wsr-ḫˁw* from Buhen[111].

3. On the seal with the name of king *ḥr ḏd-ḫˁw*, *ḏd-k3-rˁ* from Edfu in the form [*jmj*]-*ḫt smntjw jrr wḏt nb=f* «chief-file closer of pointmen obeying order of his lord»[112].

The unique title in Wadi Hammamat, published in transcription as *jmj-ḫt mšˁ* "chief-file closer of army"[113], should, most likely, be read as *jmj-ḫt smntjw*.

The only known namesake *nj-k3=j-rˁ*, working in the sphere of contingent management *srjw*, is *wr mḏw šmˁw zš* «chief (in) the 10 of South, scribe»[114] *nj-k3=j-rˁ*. He left behind many monuments[115], and his titulary is exclusively rich with posts from different

---

(Hannig 2006, 2212 {28076}). About the nondescript title *srj*: Tallet 2012a, I, 218–219, II, 154 (CCIS247).

[108] Jones 2000, 282–298 (1017–1090); Hannig 2003, 130–132.

[109] Jones 2000, 296 (1081): «under-supervisor of sons-of-houses (police)»; Hannig 2003, 132; 2006, 240–241.

[110] Wadi Hammamat M 156: Couyat, Montet 1912, 93, pl. 33; see also photographs of the inscriptions on the website ancienegypte.fr/ouadi_hammamat/page2.htm (45.jpg). To the reading of the inscription: Bogdanov 2018, 239, n. 75.

[111] Kaplony 1981, IIA, 227; IIB, Taf. 69 (*nfr-ir-k3-rˁ* 28). See also fragments of the title *jmj-ḫt smntjw* (?): Kaplony 1981, IIB, Taf. 16 (*rˁ-ḫˁ-f* 16); 46 (*mn-k3w-rˁ* 39); 64 (*s3ḥw-rˁ* 44); 132 (K.u. 138); 133 (K.u. 139); about reading cf. IIA, 124–125, 204, 500.

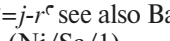
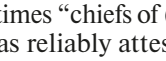
[112] Moeller, Marouard 2020, 16.

[113] Wadi Hammamat M 161: Couyat, Montet 1912, 93 (without photograph); cf. Jones 2000, 287–288 (1044).

[114] Another reading of the title: Jones 2000, 845–846 (3085) (*zš wr(w) 10 šmˁw*). The element *zš* "scribe" in this title should be considered as a functional addition to *wr mḏw šmˁw* "chief (in) the 10 of South".

[115] *PM* III.2 1981, 696–697. The monuments *nj-k3=j-rˁ* include: 1–2. The statue Cleveland Museum of Art 1964.90 and fragments of the false door Cleveland Museum of Art 1964.91 (Andreu 1997, 21–30; Fischer 1997, 178–179; Hamza Awad 2006, 73–87; Berman, Bohač 1999, 128–132 (71–72); www.clevelandart.org/art/1964.91; www.clevelandart.org/art/1964.90); 3. The statue Brooklyn 49.215 (James 1974, 13 (36), pl. 19; www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/3544); 4–5. The statues New York, MMA 52.19 и 48.67 (www.metmuseum.org/art/collection/search/543900; www.metmuseum.org/art/collection/search/543901). Probably, from Sakkara. Dating: *nj-wsr-rˁ*.

spheres of activity[116]. He was priest *ḥm-nṯr* of kings [*sꜣḥ*]*w*-[*rᶜ*], *ḥr* [*wsr-ḫᶜ*]*w* (*nfr-jrj-kꜣ-rᶜ*), *ḥr st-jb-tꜣwj* (*nj-wsr-rᶜ*) and *ḥm-nṯr rᶜ* « priest of the Sun» in the Siun temples [*st*]-*jb*-[*rᶜ*] (of king*nfr-jrj-kꜣ-rᶜ*) and *šzp*(*w*)-*jb-rᶜ* (of king*nj-wsr-rᶜ*). The main activity *nj-kꜣ=j-rᶜ* was associated with ministry of food where he held several posts[117]: [*jmj-rꜣ*] *šnwtj* «chief of (department) two graineries», [*jmj-rꜣ*] *zšw mḏꜣt n*(*j*) *šnwt* «chief of scribes of books for (department) grainery», *jmj-rꜣ šnwt n*(*j*)*t ḫnw* «chief of (department) grainery for residence», *ḫrj-tp šnwt* «chief of (department) grainery», *sḫḏ zšw šnwt* «inspector of scribes of (department) grainery»[118]. The title *jmj-rꜣ šnwt* «chief of (department) grainery» was also born by his son *ᶜnḫ-m-ᶜ-rᶜ*. *nj-kꜣ=j-rᶜ* himself was also involved into organization of cattle breeding and hunting which is evidenced by such his titles as *jmj-rꜣ ḫwt-ᶜꜣt* «chief of large office», *jmj-rꜣ ḫwt-jḫwt* «chief of organization for cattle breeding (with determinant «town»)», *jmj-rꜣ ꜣpdw-š* «chief pf lake birds»[119], *jmj-rꜣ pḥww nb* «chief of all marshlands», *jmj-rꜣ nww nb* «chief of all hunters», *jmj-rꜣ bjtjw nb* «chief of all bee-keepers»[120]. Such unusual posts as *jmj-rꜣ* (*ḫrjw*)-*sbꜣ nb* «chief of all bearers of umbrellas»[121] и *jmj-rꜣ msw nswt* (*prw*) *m prwj* «chief of (homes) king's children in two homes» can also be included into this category.

The title *jmj-rꜣ srjw*  on the false door Cleveland 1964.91 looks unusual[122]; writing of the word *srj* by only the ideograph of the servant without any phonetic complement was reliably attested only in the inscription Sinai 19 composed by *sḫḏ srjw* «inspector of geological prospectors» *snnw jdw*[123]. Nevertheless, the title *jmj-rꜣ srjw* on the false door Cleveland 1964.91 apparently has nothing to do with the expeditions organization. The titulary *nj-kꜣ-rᶜ* is in many respects similar to the titulary *dmḏ*[124] who also held the post  *jmj-rꜣ srjw* and also was *jmj-rꜣ zš* «chief of nest» (the title sense is

[116] About titles *nj-kꜣ=j-rᶜ* see also Baud 1999, II, 481, no. 103 (V 6); Nuzzolo 2018, 360–361 [51]; Florès 2015, 417 (Ni/Sa/1).

[117] In Old Kingdom times "chiefs of (two) grainery(ies)" performed functions of the agriculture minsters. This post was reliably attested from the beginning of V dynasty (Strudwick 1985, 251–275).

[118] The title *ḫrj-tp šnwt* «chief of (department) grainery» noted on the statues Cleveland Museum of Art 1964.90, New York, MMA 52.19 и 48.67; the titles *rḫ nswt* «king's acquaintance» и *sḫḏ zšw šnwt* «inspector of scribes (department) of grainery» noted only on the statue Brooklyn 49.215.

[119] To the reading *ꜣpdw-mr*/*š* «lake birds» Hayes 1951a, 53, fig. 13 (170–181); 1951b, 92–93; Wassell 1991, II, 27–28, n. 98; Bailleul-LeSuer 2016, 28, 341, 377–378, 381. Cf. Andreu 1997, 22; Fischer 1997, 178; Jones 2000, 52 (258); Diego Espinel 2006, 87; Hamza Awad 2006, 75, 80 Nuzzolo 2018, 360: read the title as *sš*(*.w*)*?*, or as *ꜣpd*(*w*), or as *ꜣpd*(*w*)-*mr*/*š*. Reading Florès 2015, 417: «(*j*)*m*(*y*)-*r*(*ꜣ*) *sꜣ mr*?».

[120] Reading Hamza Awad 2006, 75, 78: «*jmj-rꜣ* [...] *bjt nb*(*.w*)?» is wrong.

[121] Cf. readings Hamza Awad 2006, 75, 78: «*jmj-rꜣ sb*[...] *nb*(*.w*)?»; Nuzzolo 2018, 360: «*imy-r sb*(*w*) [...] *nb*(*w*)»; Florès 2015, 417: «(*j*)*m*(*y*)-*r*(*ꜣ*) *sb* [...?] *nb*». About this title: Bogdanov, Bolshakov 2004, 23; this article was afterwards reprinted in English: Bolshakov 2005, 47, n. j).

[122] Review of the readings of this title in the inscription: Hamza Awad 2006, 75, 83–84.

[123] Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 7; Černý 1955, 65; Edel 1983, 158–163, Abb. 1a–b. Tallet 2012a, I, 29, II, 10; 2018, 305 (CCIS8).

[124] The false door and reliefs in the tomb of his father *tj* (Сакkара D22; *PM* III.2 1981, 469–478; Steindorff 1913, Taf. 18–19; Épron, Daumas, Goyon 1939, pl. 17, 19–20, 44, 63) as well as the pedestals of the statues Cairo CG 305 и CG 313 (Borchardt 1911, 182, 184). Dating: *nj-wsr-rᶜ – mn-kꜣw-ḥr*.

not known), *jmj-rꜣ šnjw-tꜣ nb* «chief of all grass», *jmj-rꜣ pḥww* «chief of marshland», *jmj-rꜣ whꜥw* «chief of fishermen» и priest of the Sun (*ḥm-nṯr rꜥ*) in temples of the sun *sḫt*(*-rꜥ*) (of king *sꜣḥw-rꜥ*) and *st-jb*-(*rꜥ*) (of king *nfr-jrj-kꜣ-rꜥ*)[125].

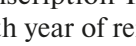
Judging by these indirect data, the post *jmj-rꜣ srjw* for servants *dmḏ* и *nj-kꜣ=j-rꜥ* was probably associated with management of auditors[126] or route pointmen[127]. Needless to say that the bosses themselves did not participated in the trips – their status did not allow them. Here and in the expedition inscriptions, the title *srjw* – in broad sense "informer, prospector, auditor, researcher" – has one meaning but different content. In Egypt *srjw* could play a role of attendants of delegations with military or fiscal missions, and in expeditions the many professional builders and miners, geological prospectors were called that.

Thus, competence of two *nj-kꜣ=j-rꜥ* with the resembling titles turns out to be ephemeral and their identity – unreliable.

2. The title sḫḏ srjw «inspector of geological prospectors»[128].

Bearers of the title *sḫḏ srjw* can be divided into two categories: 1. The expedition participants in the capacity of the inspector of geological prospectors. 2. Servants of the fiscal service, "inspectors of auditors". The first left behind their inscriptions outside of Egypt, the others, with few exceptions, are known by the monuments from their own tombs in Memphian region: Giza and Sakkara. Since it is not easy to identify occupations of servants of the 2nd group, I present their prosopography separately.

1. The expedition *sḫḏw srjw* "inspectors of geological prospectors" left behind inscriptions in Sinai, in Wadi Hammamat and Hatnub.

1.1. Group name:  *sḫḏ srjw* 20 «inspector of 20 geological prospectors». The inscription Hatnub Gr. 3.12[129] from «year of 14th time (of enumeration)» i.e. 27/28th year of reign of king *ḥr nṯrj-ḫꜥw* (*ppj* II *nfr-kꜣ-rꜥ*). The numeral 20 after the title,

---

[125] Cf. Nuzzolo 2018, 384–385 [70].

[126] Fischer 1968, 101, n. 458; 1996b, 10 (j); edict Coptus R (Cairo JdE41894: Weill 1912, 59–67, pl. 4 [1], 9; *Urk*. I, 1932–1933, 306.2–8; Goedicke 1967, 214–215, 222, Abb. 28); The Instruction for King Meri-Ka-ReE85–87 / M VI,5–6 (Quack 1992, 182) et al.

[127] *Urk* I, 65.17 = Brovarski 2000, 108–109, pl. 75–78a, fig. 23; text fig. 4; Diego Espinel 2011, 60, fig. 8 (no. 120); Edel 2008, I, 50–51, 243 (Abb. 32), Text 59, Taf. 9 = Seyfried 2005, 314–318 (tomb QH 26) et al.

[128] The main accounts of sources about the title *sḫḏ sr*(*j*)*w*: Jones 2000, 966–967 (3564–3565) («inspector of *sr*-officials/magistrates»); Hannig 2003, 1189–1190. Data about *sḫḏw sr*(*j*)*w* in Sinai inscriptions are summarized in the table in Tallet 2018, 135.

[129] Anthes 1928, 20, Taf. 10–10A. As a rule, this title is read as *smsw* "senior" instead of *sḫḏ srjw* (Anthes 1928, 20; Eichler 1993, 43 (39) et al.). This reading appeared because of a mistake in the transcription (cf. Anthes 1928, 20, Anm. 12: believe that it is the very draughtsmanship which is wrong and not the transcription). Although in the facsimile of the hieratic inscription by G. Muller it is the sign *ḫḏ* which is obvious and not *m*, everybody orients to the hieroglyphic transcription which results in a mistake. Based on this wrong reading, M.A. Lebedev devoted half a page of the text to description of activities of the expedition members with the title *sms.w* which he interpreted as "heads of (carpenter's shops)" (Lebedev 2015, 84, 419) although they were not mentioned in the expedition inscriptions at all.

with the determinant A1 pl. instead of the name, looks strange, although it is understandable in the standard list of members of the group.

1.2. *jḥj-n=s* (son*?*) *ḥnkw(?)*: *sḫḏ srjw* [*smntjw*] «inspector of geological prospectors and [pointmen]». The inscription Wadi Hammamat M 151[130]. E. Eichler[131]identified the inscription author *jḥj-n=s*[132] with *ꜥnḫ-mrj-rꜥ*/ *jḥj-n=s* of the stela Cairo CG 1483[133], however its identification was absolutely arbitrary. *ꜥnḫ-mrj-rꜥ*/ *jḥj-n=s* was an important nobleman, «chief of (department) all king's activities» (*jmj-rꜣ kꜣt nbt nt nswt*), a *jḥj-n=s*.

1.3. *jd*[*wꜣ?*]: [*sḫḏ?*] *srjw* «[inspector?] of geological prospectors». Hieratic ink inscription on Ayn Soukhna CCIS250[134] gypsum.

1.4. *wꜣš-k*(*ꜣ=j*), *ḥtp-n=j-j*, *nj-sbk:* three presonages with one title *sḫḏ srjw* «inspector of geological prospectors». The inscription Sinai 13[135]. All three in this post are not attested in the other sources.

1.5. *ḥtp*: *sḫḏ srjw* «inspector of geological prospectors». The inscription Ayn Soukhna CCIS214[136].

1.6. *sꜣbj-km*: *mšꜥ sḫḏ srjw* «field inspector of geological prospectors». The inscription Sinai 20[137]. The ideograph of the soldier with the meaning *mšꜥ* «soldier, army, march» is in front of the title. The title was formed in accordance with the standard, habitual for the titles with the element *pr-ꜥꜣ*, which in the isolated state simply means "court's servant" and, in most other cases, is placed in front of the title as the place of work, for example, as in the title *rḫ nswt pr-ꜥꜣ* «king's court acquaintance». Nevertheless, it should be recognized that the ideograph *mšꜥ* herein means "march" rather than "army". Similar method was used in the title *jdw*: *jmj-rꜣ srjw mšꜥ* «field chief of geological prospectors»[138], which is also known in the version with the sign *mšꜥ* «army» in the postposition and determinant A1 in the title *ḥtp*: *jmj-*(*rꜣ*) *srjw mšꜥ*[139].

---

[130] Couyat, Montet 1912, 92, pl. 34. Dating: VIII dynasty.

[131] Eichler 1993, 75.

[132] To the reading of the name *jḥj-n=s*: Fischer 1996a, 60–61; cf. Scheele-Schweitzer 2014, 260 [451]: *Jḥ.y-n=s* (*?*)/*N*(*.j*)*-sw-Jḥ.y* (*?*) «ein *Jḥ.y* für sie! (?)/ er gehört dem Ihi (?)».

[133] *PM* III.2 1981, 586; Borchardt 1937, 174–175, Bl. 39. Dating*: mrj.n-rꜥ – ppj* II.

[134] Tallet 2012a, I, 227, II, 161–162; 2018, 305; 2020, 6 [Doc. 2], pl. 4–5. Dating: [*rnpt-zp*] *7 ꜣbd 4 šmw hrw 4* «[year] of 7th time (of enumeration), 4th month of harvesting, 4th day » i.e. 13/14th year of reign of king *ḏd-kꜣ-rꜥ jzzj*.

[135] Weill 1904, 109–116 (11–12); *Urk*. I, 1932–1933, 56.6–8; Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 7; Baines, Parkinson 1997, 9–27, fig. 1; Tallet 2018, 304. Wadi Magharah. Dating: *rnpt m-ḫt zp 4 ṯnwt jḥw ꜥwt nb* « year after 4th time of enumeration of all cattle and small ruminants» i.e. 8/9th year of reign of king *ḏd-kꜣ-rꜥ jzzj*.

[136] Tallet 2012a, I, 197–198, II, 137; 2012b, 109, 114, fig.5; 2020, 15–16 [Doc. 6], pl. 14. Dating: the end of V–VI dynasty. The transcription by P. Tallet: . Judging by the photograph, the usual determinant A1 follows the sign *sr*, and the small sign *ḫꜣst* is absent at all.

[137] *PM* VII, 342; Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 10; Černý 1955, 65; Edel 1983, 165. Wadi Magharah. Dating: *jzzj* – VI dynasty. Cf. Eichler 1993, 36.

[138] Надпись Sinai 21 (CCIS9). Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 10; Černý 1955, 65; Edel 1983, 165–169, Abb. 3a–b; Tallet 2012a, I, 30, II, 10; 2018, 305. Wadi Magharah. Dating: *jzzj*(?).

[139] CCIS13. Tallet 2012a, II, 12; cp. I, 32 (the determinant A1 is absent from the transcription). Wadi Magharah. Dating: 2nd half of V – VI dynasty.

1.7. *snnw jdw*: *sḫḏ srjw* «inspector of geological prospectors». The inscription Sinai 19 (CCIS8)[140]. With high probability it is identical to 1.3. [*sḫḏ?*] *srjw jd*[*w?*][141].

1.8. *kȝj*: *sḫḏ srjw smntjw* «inspector of geological prospectors and pointmen». The inscriptions Wadi Hammamat M 163, M 166, M 167[142]. The title spelling[143]: (M 163); (M 167, M 166). *kȝj* also held posts *ḫrp ꜥprw nfrw* «commanding officer of squad of young men» и *jmj-rȝ 10 wjȝ* «chief of 10 boatmen» (Wadi Hammammat M 165).

2. Interpretation of the title *sḫḏ srj*(*w*) on monuments from tombs depends only on the context, namely accompanying titles clarifying the servant's sphere of activity and other indirect criteria. In most cases *srjw* should be understood as "auditors, fiscal agents, enforcers and informers", although those could be the expedition members as shown in the case of the offering basin from G 1111 tomb. Prosopography of bearers of the title *sḫḏ srj*(*w*) on the monuments from Memphian region include the following persons:

2.1. *ꜥnḫ-kȝkȝj*: *sḫḏ srj*(*w*) *jrj-jḫt jz nwd*(*w*) *ḫkr*(*w*) *nswt* «manager of products and inspector of auditors of slathering department (office) of king's decorations»[144]. That bureaucrat was an officer of the office of "king's decorations" (*ḫkr*(*w*) *nswt*) which was divided into two departments (*jzwj*)[145]. One of them included a division of slathering *nwd*(*w*)[146] where a small clerk *ꜥnḫ-kȝkȝj* worked holding in particular a post of "inspector of auditors" which is not surprising given the value of products manufactured at shops of the department.

2.2. *nj-ꜥnḫ=j-bȝstt*: *sḫḏ srj*(*w*). He was a funeral priest («slave *Ka*», *ḥm-kȝ*) for the person buried in the tomb *ḏfȝw* who was *jmj-rȝ prwj-ḥḏwj* «chief of two homes of silver»[147]. That nobleman, who was the manager of all fiscal authorities, made his proper menial *nj-ꜥnḫ=j-bȝstt* a clerk at public service the status of which corresponded to the status of *ꜥnḫ-ȝkȝj* (2.1).

2.3. *nfr-jḫj*: *sḫḏ srj*(*w*)[148]. He was holding the title *rḫ nswt* «king's acquaintance» which was the lowest rank of distinction. Occupation *nfr-jḫj* remains unclear.

2.4. *nṯr-nfr*: *sḫḏ srj*(*w*)[149]. Occupation is not clear.

---

[140] Gardiner, Peet, Černý 1952, pl. 9; Černý 1955, 65; Edel 1983, 158–163, Abb. 1a–b; Tallet 2012a, I, 29, II, 10; 2018, 305. Wadi Magharah. Dating: *ḏd-kȝ-rꜥ*.

[141] Tallet 2018, 108–109.

[142] Couyat, Montet 1912, 93–94. Dating: VI dynasty.

[143] There is no photographs of the inscriptions in Couyat, Montet publication. I was aiming at the photographs available on the website ancienegypte.fr/ouadi_hammamat/page2.htm (33.jpg, 41.jpg).

[144] False door Cairo CG 1424 (*PM* III.2 1981, 458; Borchardt 1937, 105. Sakkara, tomb D31). Dating: the first half of V dynasty.

[145] Bogdanov 2017a, 83–84.

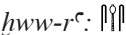
[146] About the element *nwdw* «slathering» in the titles see Koura 2003, 74–76.

[147] The false door in tomb D25: Mariette 1889, 254; Petrie, Murray 1952, pl. 14. Sakkara. Dating: *nj-wsr-rꜥ*.

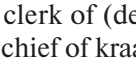
[148] The false door Saqqara Magazine no. 19545 (El-Tonssy, Yossef 2014, 450–451, Taf. 17, fig. 2). Dating: the first half of V dynasty.

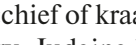
[149] The reliefs Cairo CG 1451; CG 1529 (*PM* III.1 1974, 308; Borchardt 1937, 137, 228, Bl. 34). Giza. Dating: the end of IV dynasty.

2.5. *ḫww-rᶜ:* *sḥḏ srjw*. He held a unique priest title *ḥm-ntr ḫnmw mrj ḥr* «priest of Khnum beloved by Hor»[150]. Occupation is not clear.

2.6. *kꜣ=j-ᶜpr*[151]*:* *jmj-rꜣ srjw*,  *sḥḏ n*(*j*) *srjw*. Othe titles: *rḫ nswt* «king's acquaintance», *sḳd n wjꜣ* «rower of boat»[152], [...] *sr n š*[...]*? wjꜣ* «[...] boat», *nst-ḫnt*(*j*)*t* «upper throne», *wḏᶜ-mdw m ḫwt-*[*wrt*] «judge in judicial sitting»[153], *wḏ-mdw n*(*j*) *ḫrj*(*w*)*-wḏbw* «sales clerk of (department) distributions»[154], *jmj-rꜣ mšᶜ* «military commander», *jmj-rꜣ šnwt* «chief of kraal»[155]. This personage combined naval, military and judicial titles in his titulary. Judging by the naval titles *kꜣ=j-ᶜpr*, I tend to interpret the group *srjw* on this monument as the expedition members, geological prospectors.

3. Dubia:

3.1. *jnj* bore the title  *smsw wḫr*(*j*)*t*, *sḥḏ* [...] «foreman of shipyard[156], inspector [...]»[157]. The reading *sḥḏ sr*(*w*) *ḳ*[*nb*]*t* «inspector of the law [court] *sr(w)*-officials (?)», indicated by the publisher is wrong.

3.2. *bbj* bore the title  *sḥḏ nfr*(*w*) *srjw*(*?*) «chief of young men and prospectors (?)»[158]. Possibly the sign *sr* happened to be here by chance instead of the determinant "child" to the word *nfrw* "young men" In another graffito *bbj* his title was already presented in a more standard form: *sḥḏ*(*w*) *nfrw stp-zꜣ* «chief of young men of security» *jj-mrj* и *bbj*[159].

TO THE IDENTIFICATION *sḥḏ srjw* OF "CHIEF OF GEOLOGICAL PROSPECTORS" *jww-nmtj*

It is possible to single out two persons with the name *jww-nmtj*, serving in the administration *srjw*, among the authors of the inscriptions. I present their data according to prosopography of the bearers of the name *jww-nmtj* given above:

---

[150] Two blocks on the wall of tomb G 2230+2231 (Roth 1995, 160, pl. 118c, 199; www.gizapyramids.org: A8221_NS). Dating: *wnjs*.

[151] The break jamb from G 8853 tomb (*PM* III.1 1974, 262–263; Hassan 1936, 155, 157, fig. 185). Dating: the second half of V dynasty.

[152] Jones 2000, 981 (3621); Hannig 2003, 1248.

[153] Jones 2000, 411 (1511).

[154] Jones 2000, 407–408 (1500).

[155] According to transcription and interpretation by Selim Hassan (Hassan 1936, 155, 157) the title means «the overseer of the granary» which is wrong. The question is about the post *jmj-rꜣ šnw* «chief of kraal» (Jones 2000, 252–253 (914–915); to add: the title *ḏfꜣ-nswt* (architrave from tomb G 1171: www.gizapyramids.org: C12000_OS) who also bore the title *ḫrp ᶜpr sḳd*(*w*) *jz*(*t*) *wjꜣ* «captain of rowing crew of the ship's company». to the meaning of *šnwt*/*šnw* «kraal, circular camp» of Nubian tribes in the title *jmj-rꜣ šnw* see Abu Bakr, Osing 1973, 101, 106, 109, 110; Osing 1976a, 135, 137, 155; см. aslo Bogdanov 2014, 7, 14, note 9). There is no reason to link "police" *šnṯ* (*šnṯ* > *šnt*) with "squad" *šnw*(*t*). Usage of this term in Egyptian military titles indicates that Nubian soldiers serving in Egyptian army were recruited in units based on their tribal background.

[156] Jones 2000, 899–900 (3301); Hannig 2003, 1144.

[157] Fragments of the relief Excav. no. 150b/GG/1995 из гробницы *ḳꜣr* Junior (Bárta 2009, 150, 186–187, fig. 6.3.10–6.3.11).

[158] Kuhlmann 2005, 244–246, Abb. 1–4. Dating: *rnpt m-ḫt zp 12 ṯn*(*wt*) ᶜ*wt nb*(*t*) «year after 12th time of enumeration of all sorts of small cattle» (24/25th years of Cheops reign).

[159] Kuhlmann 2005, 247–251, Abb. 5.

2.3. *jww-nmtj*. Title: *jmj-rꜣ sr*(*jw*) «chief of geological prospectors». The inscription Sinai 13 from *rnpt m-ḫt zp 4 ṯnwt jḫw ʿwt nb* «year after 4th time of enumeration of all cattle and small ruminants», i.e. 8/9th year of reign of king *ḏd-kꜣ-rʿ jzzj*.

2.8. *jww-nmtj*. Title: *jmj-rꜣ 10 srjw smntjw* «chief of 10 geological prospectors and pointmen». Graffito in Gebel Abarak (Eastern desert).

Discrepancies in the ranks *jmj-rꜣ*/*sḥḏ* «chief/inspector» are non-essential in this case. Two cases of combination of these ranks in the sphere of *srjw* can be singled out: 1. In the titulary *kꜣ=j-ʿpr* which gives the titles *jmj-rꜣ srjw* и *sḥḏ n*(*j*) *srjw* in his own tomb. 2. According to P. Tallet[160],, *jdw* (or *snnw jdw*) mentioned in the inscriptions Sinai 19 (CCIS8), Sinai 21 (CCIS9), Sinai 22 (CCIS7)[161] and CCIS250 is one and the same personage, a member of the expedition to Sinai during the reign of king *ḏd-kꜣ-rʿ jzzj*. Therefore, he held the posts *sḥḏ srjw* (noted in CCIS8 and CCIS250) and *jmj-rꜣ srjw* (noted in CCIS9) at the same time.

There is nothing worth saying about *jww-nmtj* in the inscription from Abarak; besides, it is difficult to accurately date it. As for *jww-nmtj* (2.3) of the inscription Sinai 13, nothing prevents this identification. Almost certainly, this actor is identical to the owner of the offering basin from G 1111 tomb, this is why the tomb should also be dated to the times of the reign of *ḏd-kꜣ-rʿ jzzj*.

Since long, the inscription Sinai 13 has attracted great attention of many researchers owing to its unusual content[162]. The list of members of the expedition for kallait presented therein includes the preamble which is often considered as the first evidence of the divine oracle in Egypt. According to this text, the expedition to Sinai was inspired by finding God's order on the precious stone in the temple yard *nḫn-rʿ* "Stronghold of the Sun", king's temple of the Sun *wsr-kꜣ=f*. The offering basin from G 1111 tomb may prove to be the first monument belonging to one of the members of that expedition – chief and inspector of geological prospectors – *sr*(*jw*) *jww-nmtj*.

References

Abdel-Raziq, A. 2017: An unpublished lintel of Ahmose-Nebpehtyre from El-Atâwla. *Journal of the American Research Center in Egypt* 53, 47–55.

Abu Bakr, A.M., Osing, J. 1973: Ächtungstexte aus dem Alten Reich. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo* 29, 97–133.

Adams, M.D. 2010: The stela of Nakht, son of Nemty: contextualizing object and individual in the funerary landscape at Abydos. In: Z. Hawass, J. Houser Wegner (eds.), *Millions of jubilees: studies in honor of David P. Silverman*. Vol. I. (Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Egypte, 39). Le Caire, 1–25.

Andreu, G. 1997: La fausse-porte de Nykarê, Cleveland Museum of Art 64.91. In: C. Berger, B. Mathieu (éd.), *Études sur l'Ancien Empire et la nécropole de Saqqâra dédiées à Jean-Philippe Lauer*. T. I. (Orientalia Monspeliensia, 9). Montpellier, 21–30.

Anthes, R. 1928: *Die Felseninschriften von Hatnub: nach den Aufnahmen Georg Möllers*. (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens, 9). Leipzig.

[160] Tallet 2018, 108–109.

[161] Tallet 2012a, I, 28, II, 9; 2018, 305. Wadi Magharah.

[162] Historiographical review: Baines, Parkinson 1997, 10–11; see also Kammerzell 2001, 153–164.

Assmann, J. 1999: *Ägyptische Hymnen und Gebete: übersetzt, kommentiert und eingeleitet*. 2. Aufl. Freiburg (Schweiz)–Göttingen.

Bailleul-LeSuer, R.F. 2016: *The Exploitation of Live Avian Resources in Pharaonic Egypt: a Socio-Economic Study*. PhD Diss. University of Chicago. URL: oi.uchicago.edu/sites/oi.uchicago.edu/files/uploads/shared/docs/Research_Archives/Dissertations/Rozenn%20Dissertation%20052516.pdf; дата обращения: 14.04.2021.

Baines, J., Parkinson, R.B. 1997: An Old Kingdom record of an oracle? Sinai inscription 13. In: J. van Dijk (ed.), *Essays on Ancient Egypt in Honour of Herman te Velde*. (Egyptological Memoirs, 1). Groningen, 9–27.

Barbotin, Chr. (ed.) 2020: *Collection égyptienne: Musée Granet, Aix-en-Provence*. 2ème éd., corrigée, révisée et augmentée. Aix-en-Provence.

Bárta, M. 2009: *Abusir XIII: Abusir South 2. Tomb Complex of the Vizier Qar, his Sons Qar Junior and Senedjemib, and Iykai*. Prague.

Barta, W. 1963: *Die altägyptische Opferliste von der Frühzeit bis zur griechisch-römischen Epoche*. (Münchner Ägyptologische Studien, 3). Berlin.

Barta, W. 1968: *Aufbau und Bedeutung der altägyptischen Opferformel*. (Ägyptologische Forschungen, 24). Glückstadt.

Baud, M. 1999: *Famille royale et pouvoir sous l'Ancien Empire égyptien*. T. I–II. Le Caire.

Berlev, O.D. 1969: ['Falcon in boat', a hieroglyph and a god]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 3–30.
Берлев, О.Д. «Сокол, плывущий в ладье»: иероглиф и бог. *ВДИ* 1, 3–30.

Berman, L.M., Bohač, J.K. 1999: *Catalogue of Egyptian art: the Cleveland Museum of Art*. New York.

Bland, L., Malek, J. 1977: Nemtywer, the beholder of the beauty of his lord (Ashmolean Mus. 1885.504). *Orientalia Lovaniensia Periodica* 8, 119–123.

Boeser, P.A.A. 1909: *Die Denkmäler der Zeit zwischen dem Alten und Mittleren Reich und des Mittleren Reiches*. 1. Abteilung: *Stelen*. (Beschreibung der aegyptischen Sammlungen, 2.1). Haag.

Bogdanov, I.V. 2014: [The administrative hierarchy in the Old Kingdom Egypt]. *Shidnij svit* [*The World of the Orient*] 4, 5–18.
Богданов, И.В. Должностная иерархия в Египте эпохи Древнего царства. *Східний світ* 4, 5–18.

Bogdanov, I.V. 2017a: [Crowning and economy: aspects of bureaucratic consciousness in the Old Kingdom Egypt]. In: I.F. Popova, I.V. Bogdanov (eds.), *Strany i narody Vostoka*. Vyp. 37. *Gosudarstvo na Vostoke* [*Countries and Peoples of the East*. Issue. 37. *The State in the East*]. Moscow, 5–120.
Богданов, И.В. Коронация и экономика: аспекты бюрократического сознания в Египте эпохи Древнего царства. В сб.: И.Ф. Попова, И.В. Богданов (ред.), *Страны и народы Востока*. Вып. 37. *Государство на Востоке*. М., 5–120.

Bogdanov, I.V. 2017b: Relief of *wnwj* (tomb G 2465): from Giza for sale (Tab. VIII–IX). *Orientalia* 86 (2), 164–180.

Bogdanov, I.V. 2018: New relief fragments from the tomb of the seafarer *jnj*. *Chronique d'Égypte* 93 (186), 227–247.

Bogdanov, I.V. 2019: The Old Kingdom evidence on the toponym *ḫntj-š* "Lebanon". *Ägypten und Levante* 29, 125–148.

Bogdanov, I.V., Bolshakov, A.O. 2004: [The Old Kingdom relief of *ḫw(j)-w(j)-nfr* from the Hermitage collection and the tomb G 2098]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 12–32.
Богданов, И.В., Большаков, А.О. Староегипетский рельеф *ḫw(j)-w(j)-nfr* в собрании Эрмитажа и гробница G 2098. *ВДИ* 2, 12–32.

Bolshakov, A.O. 2005: *Studies on Old Kingdom Reliefs and Sculpture in the Hermitage*. (Ägyptologische Abhandlungen, 67). Wiesbaden.

Borchardt, L. 1911: *Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten*. Teil I. *Text und Tafeln zu Nr. 1–380*. (CG, no. 1–1294). Berlin.

Borchardt, L. 1937: *Denkmäler des Alten Reiches (ausser den Statuen) im Museum von Kairo*. Teil I. *Text und Tafeln zu Nr. 1295–1541*. (CG, no. 1295–1808). Berlin.

Bosticco, S. 1959: *Museo Archeologico di Firenze*. Vol. I. *Le stele egiziane dall'Antico al Nuovo Regno*. Roma.

Brovarski, Ed. 2000: *Giza Mastabas 7. The Senedjemib Complex*. Pt. 1. *The Mastabas of Senedjemib Inti (G 2370), Khnumenti (G 2374), and Senedjemib Mehi (G 2378)*. Boston.

Brovarski, Ed. 2016: *Some Monuments of the Old Kingdom in the Field Museum of Natural History – Chicago*. (Bibliothèque d'étude, 166). Le Caire.
Brovarski, Ed. 2018: *Naga ed-Dêr in the First Intermediate Period*. Atlanta.
Bruyn, P. de 1958: Falcon graffiti in the Eastern desert. *Journal of Egyptian Archaeology* 44, 97–98.
Budge, E.A.W. 1912: *Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, &c., in the British Museum*. Pt. II. London.
Budge, E.A.W. 1913: *Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, &c., in the British Museum*. Pt. IV. London.
Cannuyer, Chr. 2010: *La girafe dans l'Égypte ancienne et le verbe* 𓃰𓎛𓄿: *étude de lexicographie et de symbolique animalière*. (Acta Orientalia Belgica, Subsidia IV). Bruxelles.
Černý, J. 1955: *The Inscriptions of Sinai from Manuscripts of Alan H. Gardiner and T. Eric Peet*. Part II. *Translations and Commentary*. (EES, 45). London.
Clère, J.J. 1935–1938: Le fonctionnement grammatical de l'expression *pri ḥrw* en ancien égyptien. In: *Mélanges Maspero I: Orient ancien*, fasc. 2. (MIFAO, 66). Le Caire, 753–797.
Couyat, J., Montet, P. 1912: *Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât*. (MIFAO, 34). Le Caire.
Daoud, Kh.A. 2005: *Corpus of Inscriptions of the Herakleopolitan Period from the Memphite Necropolis: Translation, Commentary, and Analyses*. (BAR International Series, 1459). Oxford.
Diego Espinel, A. 2006: *Etnicidad y territorio en el Egipto del Reino Antiguo*. Barcelona.
Diego Espinel, A. 2011: Blocks from the Unas causeway recorded in Černý's notebooks at the Griffith Institute, Oxford. In: N. Strudwick, H. Strudwick (eds.), *Old Kingdom, New Perspectives: Egyptian Art and Archaeology 2750–2150 BC*. Oxford, 50–70.
Diego Espinel, A. 2014: Surveyors, guides and other officials in the Egyptian and Nubian deserts: epigraphic and historical remarks on some Old Kingdom graffiti. *Revue d'égyptologie* 65, 29–48.
Edel, E. 1955–1964: *Altägyptische Grammatik* I–II. Roma.
Edel, E. 1983: *Beiträge zu den ägyptischen Sinaiinschriften*. Göttingen, 158–185.
Edel, E. 2008: *Die Felsgräbernekropole der Qubbet el Hawa bei Assuan. I. Abteilung*. Bd. I–III. *Die Architektur, Darstellung, Texte, archäologischer Befund und Funde der Gräber QH 24 – QH 209*. Paderborn.
Eichler, E. 1993: *Untersuchungen zum Expeditionswesen des ägyptischen Alten Reiches*. Wiesbaden.
El-Tonssy, M.A., Yossef, M. 2014: Two unpublished false doors from Saqqara. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 43, 439–455.
Épron, L., Daumas, F., Goyon, G. 1939: *Le tombeau de Tî: dessins et aquarelles*. (MIFAO, 65). Le Caire.
Fakhry, A. 1961: *The Monuments of Sneferu at Dahshur*. Vol. II. *The Valley Temple*. Pt. 2. *The Finds*. Cairo.
Fischer, H.G. 1960: Old Kingdom inscriptions in the Yale Gallery. *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung* 7 (3), 299–315.
Fischer, H.G. 1964: *Inscriptions from the Coptite Nome. Dynasties VI–XI*. Roma.
Fischer, H.G. 1968: *Dendera in the Third Millennium BC Down to the Theban Domination of Upper Egypt*. Locust Valley (NY).
Fischer, H.G. 1974: The mark of a second hand on ancient Egyptian antiquities. *Metropolitan Museum Journal* 9, 5–34.
Fischer, H.G. 1976: (Rev.:) B. Porter, R.B. Moss, assisted by E.W. Burney. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Vol. III. Memphis. Pt. I: Abû Rawâsh to Abûṣîr. 2nd ed., rev. and aug. by Jaromír Málek. Oxford, 1974. *Bibliotheca Orientalis* 33, 21–24.
Fischer, H.G. 1985: More about the *smntjw*. *Göttinger Miszellen* 84, 25–32.
Fischer, H.G. 1987–1988: A parental link between two Thinite stelae of the Heracleopolitan period. *Bulletin of the Egyptological Seminar of New York* 9, 15–23.
Fischer, H.G. 1996a: *Egyptian Studies III. Varia Nova*. New York.
Fischer, H.G. 1996b: *The Tomb of Ỉp at El Saff*. New York.
Fischer, H.G. 1997: Quelques particuliers enterrés à Saqqâra. In: C. Berger, B. Mathieu (éd.), *Études sur l'Ancien Empire et la nécropole de Saqqâra dédiées à Jean-Philippe Lauer*. T. I. (Orientalia Monspeliensia, 9). Montpellier, 177–189.
Florès, J. 2015: *Les céréales: analyse d'une gestion au protodynastique et sous l'Ancien Empire*. (Studien zur Altägyptischen Kultur, Beihefte 17). Hamburg.
Franke, D. 1984: *Personendaten aus dem Mittleren Reich (20.–16. Jahrhundert v. Chr.): Dossiers 1–796*. (Ägyptologische Abhandlungen, 41). Wiesbaden.
Gardiner, A.H. 1957: Hymns to Sobk in a Ramesseum papyrus. *Revue d'égyptologie* 11, 43–56.

Gardiner, A.H., Peet, T.E., Černý, J. 1952: *The Inscriptions of Sinai*. Pt.I. *Introduction and Plates*. 2nd ed. (EES, 36). London.
Gauthier-Laurent, M. 1931: Quelques objets égyptiens du Musée de Langres. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 30, 107–125.
Gauthier-Laurent, M. 1933: Une stèle du Moyen-Empire. *Revue d'égyptologie* 1, 75–80.
Generalverwaltung (ed.) 1913: *Ägyptische Inschriften aus den Königlichen Museen zu Berlin*. Bd.I. Leipzig.
Goedicke, H. 1967: *Königliche Dokumente aus dem Alten Reich*. (Ägyptologische Abhandlungen, 14). Wiesbaden.
Goelet, O. Jr. 1982: *Two Aspects of the Royal Palace in the Egyptian Old Kingdom*. PhD Thesis. Columbia University.
Graefe, E. 1980: *Studien zu den Göttern und Kulten im 12. und 10. oberägyptischen Gau (insbesondere in der Spät- und griechisch-römischen Zeit)*. Freiburg.
Gundacker, R. 2010: Eine besondere Form des Substantivalsatzes: mit besonderer Rücksicht auf ihre dialektale und diachrone Bedeutung. *Lingua Aegyptia* 18, 47–117.
Gundacker, R. 2013: Die Eigennamen der Könige der IV. Dynastie. Ihre Struktur und Bedeutung gemäß ägyptischen und griechischen Graphien. *Lingua Aegyptia* 21, 35–130.
Gundacker, R. 2014: Die Namen #Substantiv – *śḏm=f*# im Alten Reich. Über die onomasiologische Vielfalt hinter der graphischen Einheit. *Lingua Aegyptia* 22, 61–144.
Hamza Awad, Kh.A. 2006: Untersuchungen zu den Beamtentiteln des *Nj-kꜣ-Rˁ* anhand der Scheintür Nr. 64.91 im Cleveland Museum of Art. In: G. Moers, H. Behlmer, K. Demuß, K. Widmaier (eds.), *jn.t ḏr.w: Festschrift für Friedrich Junge*. Bd.I. Göttingen, 73–87.
Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. (Hannig-Lexica, 4). Mainz am Rhein.
Hannig, R. 2006: *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. (Hannig-Lexica, 5). Mainz am Rhein.
Hassan, S. 1936: *Excavations at Gîza*. Vol. II. *1930–1931*. Cairo.
Hayes, W.C. 1951a: Inscriptions from the Palace of Amenhotep III. *Journal of Near Eastern Studies* 10 (1), 35–56.
Hayes, W.C. 1951b: Inscriptions from the Palace of Amenhotep III. *Journal of Near Eastern Studies* 10 (2), 82–112.
Hintze, F., Reineke, W.F. 1989: *Felsinschriften aus dem sudanesischen Nubien*. Bd. I–II. (Publikation der Nubien-Expedition 1961–1963, 1). Berlin.
Hodjash, S., Berlev, O. 1982: *The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*. Leningrad.
Ilin-Tomich, A. 2017: *From Workshop to Sanctuary: the Production of Late Middle Kingdom Memorial Stelae*. (Middle Kingdom Studies, 6). London.
James, T.G.H. 1974: *Corpus of Hieroglyphic Inscriptions in the Brooklyn Museum*. Vol. I. *From Dynasty I to the End of Dynasty XVIII*. Brooklyn (NY).
Jones, D. 2000: *An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom*. Vol. I–II. Oxford.
Junker, H. 1943: *Gîza VI. Die Maṣṭaba des nfr (Nefer), ḳdfjj (Kedfi), kꜣḥjf (Kahjef) und die westlich anschließenden Grabanlagen*. Wien–Leipzig.
Junker, H. 1947: *Gîza VIII. Der Ostabschnitt des Westfriedhofs*. 2. Teil. Wien.
Kaiser, W., Dreyer, G., Gempeler, R., Grossmann, P., Haeny, G., Jaritz, H., Junge, Fr. 1976: Stadt und Tempel von Elephantine. 6. Grabungsbericht. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 32, 67–112.
Kamal El-din, N. 2009: Die Scheintür des *Qdw*. *Bulletin of the Egyptian Museum* 6, 19–26.
Kammerzell, F. 2001: "... within the altar of the sun": an unidentified hieroglyph and the construction of the sun temple *Nḫn-Rˁw*. In: O. Goldwasser, D. Sweeney (eds.), *Structuring Egyptian Syntax: a Tribute to Sarah Israelit-Groll*. (Lingua Aegyptia, 9). Göttingen, 153–164.
Kanawati, N. 2013: The mastaba of Kaihai: where the cemeteries of Weserkaf and Teti meet. *Études et Travaux* 26 (1), 347–362.
Kaplony, P. 1963: *Die Inschriften der ägyptischen Frühzeit*. Vol. II. (Ägyptologische Abhandlungen, 8). Wiesbaden.
Kaplony, P. 1981: *Die Rollsiegel des Alten Reiches*. Vol. II A–B. (Monumenta Aegyptiaca, 3^{A}-3^{B}). Bruxelles.

Kitchen, K.A. 1990: *Catálogo da Coleçao do Egito Antigo existente no Museu National, Rio de Janeiro / Catalogue of the Egyptian Collection in the National Museum, Rio de Janeiro. Preparado com a colaboraçao da Maria da Conceiçao Beltrao*. Vol. I. *Texto / Text*. Vol. II. *Illustraçoes / Plates*. Warminster.

Kormysheva, E., Malykh, S., Lebedev, M., Vetokhov, S. 2015: *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE17, GE18, GE47, GE48, and GE49*. Moscow.

Koura, B. 2003: Oils and fats manufacturing institutions: the names of workshops and titles of workers and officials. In: Chr. Leblanc (éd.), *Parfums, onguents et cosmétiques dans l'Égypte ancienne: actes des rencontres pluridisciplinaires tenues au Conseil national de la culture, Le Caire 27–29 avril 2002*. (Memnonia, Cahier supplémentaire, 1). Le Caire, 67–79.

Kuhlmann, K.-P. 2005: Der „Wasserberg des Djedefre" (Chufu 01/1): ein Lagerplatz mit Expeditionsinschriften der 4. Dynastie im Raum der Oase Dachla. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 61, 243–289.

Labrousse, A., Lauer, J.-Ph., Leclant, J. 1977: *Mission archéologique de Saqqara II. Le temple haut du complexe funéraire du roi Ounas*. (Bibliothèque d'étude, 73). Le Caire.

Lange, H.O., Schäfer, H. 1902a: *Grab- und Denksteine des Mittleren Reichs im Museum von Kairo*. Teil I. *Text zu No. 20001–20399*. (CG, no. 20001–20780). Berlin.

Lange, H.O., Schäfer, H. 1902b: *Grab- und Denksteine des Mittleren Reichs im Museum von Kairo*. Teil IV. *Tafeln*. (CG, no. 20001–20780). Berlin.

Lange, H.O., Schäfer, H. 1908: *Grab- und Denksteine des Mittleren Reichs im Museum von Kairo*. Teil II. *Text zu No. 20400–20780*. (CG, no. 20001–20780). Berlin.

Lapp, G. 1986: *Die Opferformel des Alten Reiches: unter Berücksichtigung einiger späterer Formen*. (Sonderschrift, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo 21). Mainz.

Lebedev, M.A. 2015: *Slugi faraona vdali ot Nila: razvitie kontaktov drevneegipetskoy tsivilizatsii s okruzhayushchimi oblastyami v epokhu Drevnego i Srednego tsarstv* [*Servants of the Pharaoh Far from the Nile: The Development of Contacts of the Ancient Egyptian Civilization with the Surrounding Areas During the Old and Middle Kingdom*]. Saint Petersburg.
Лебедев, М.А. *Слуги фараона вдали от Нила: развитие контактов древнеегипетской цивилизации с окружающими областями в эпоху Древнего и Среднего царств*. СПб.

Legros, R. 2013: Un cas de fabrication collective à Saqqâra? La table d'offrandes de Setjou. *Journal of the American Research Center in Egypt* 49, 153–166.

Lehmann, K. 1995: *Die Mastaba G 2009 auf dem Westfriedhof von Giza*. Magisterarbeit, Universität Heidelberg. URL: http://www.gizapyramids.org/static/pdf%20library/lehmann_mastaba.pdf; дата обращения: 9.04.2021.

Leitz, Chr. (Hrsg.) 2002: *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. 4. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 113). Leuven–Paris–Dudley.

Lepsius, C.R. 1849–1859: *Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien* II. Berlin.

Luft, U. 1984: *dj.j rḫ.k*. In: F. Junge (Hrsg.), *Studien zu Sprache und Religion Ägyptens: zu Ehren von Wolfhart Westendorf, überreicht von seinen Freunden and Schülern*. Bd.I. *Sprache*. Göttingen, 103–111.

Mariette, A. 1889: *Les mastabas de l'Ancien Empire*. Paris.

Martin-Pardey, E. 1994: Richten im Alten Reich und die *sr*-Beamten. In: B.M. Bryan, D. Lorton (eds.), *Essays in Egyptology in honor of Hans Goedicke*. San Antonio, 157–167.

Meeks, D. 1998: *Année lexicographique: Égypte ancienne*. T. I. *1977*. T. II. *1978*. 2ème éd. Paris.

Moeller, N., Marouard, G. 2020: Excavations on the Old Kingdom settlement at Tell Edfu. *The Oriental Institute News & Notes* 244, 10–17.

Moreno García, J.C. 1997: *Études sur l'administration, le pouvoir et l'idéologie en Égypte, de l'Ancien au Moyen Empire*. (Ægyptiaca Leodiensia, 4). Liège.

Moret, A. 1909: *Catalogue du Musée Guimet: galerie égyptienne, stèles, bas-reliefs, monuments divers*. (Annales du Musée Guimet, 32). Paris.

Mostafa, M.F. 2014: *The Mastaba of šm3j at Nag' Kom el-Koffar, Qift I: Autobiographies and Related Scenes and Texts*. Cairo.

Moussa, A. 1972: Lintels and lower parts of a leaf of a wooden relief-sculptured door of the Old Kingdom from Saqqara. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 28, 289–291.

Müller, M., Schenkel, W., Gomaà, F. 2004: *Scharuna I: der Grabungsplatz, die Nekropole, Gräber aus der Alten-Reichs-Nekropole*. Bd. I–II. Mainz.

Nilsson, M., Faraman, A., Said, A. 2018: Some rock inscriptions from Gebel el-Silsila. *Journal of Egyptian Archaeology* 104 (1), 71–79.
Nuzzolo, M. 2018: *The Fifth Dynasty Sun Temples: Kingship, Architecture and Religion in Third Millennium BC Egypt*. Prague.
Osing, J. 1976a: Ächtungstexte aus dem Alten Reich (II). *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 32, 133–185.
Osing, J. 1976b: *Die Nominalbildung des Ägyptischen*. Bd. I–II. (Sonderschrift, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo 3). Mainz.
Osing, J. 2004: Les graffiti de l'Ancien et du Moyen Empire au Gebel el-Silsila. In: A. Gasse, V. Rondot (eds.), *Séhel entre Égypte et Nubie: inscriptions rupestres et graffiti de l'époque pharaonique, actes du colloque international, 31 mai – 1 juin 2002, Université Paul Valéry, Montpellier*. (Orientalia monspeliensia, 14). Montpellier, 3–6.
Perdu, O. 2016: Un témoignage inédit sur un grand dignitaire saïte: le précepteur Horirâa (P. VI–X). *Revue d'égyptologie* 67, 77–140.
Petrie, H.F., Murray, M.A. 1952: *Seven Memphite Tomb Chapels*. (British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research Account, 65). London.
Piacentini, P. 2002a: Encore sur les scribes des offrandes divines. In: R. Pirelli (éd.), *Egyptological essays on state and society*. (Serie egittologica, 2). Napoli, 95–109.
Piacentini, P. 2002b: *Les scribes dans la société égyptienne de l'Ancien Empire*. Vol. I. *Les premières dynasties. Les nécropoles memphites*. (Études et Mémoires d'Égyptologie, 5). Paris.
Quack, J.F. 1992: *Studien zur Lehre für Merikare*. (Göttinger Orientforschungen, 4. Reihe: Ägypten, 23). Wiesbaden.
Ranke, H. 1935: *Die ägyptischen Personennamen*. Bd.I. *Verzeichnis der Namen*. Glückstadt.
Ranke, H. 1952: *Die ägyptischen Personennamen*. Bd. II. *Einleitung. Form und Inhalt der Namen. Geschichte der Namen. Vergleiche mit andren Namen. Nachträge und Zusätze zu Bd.I. Umschreibungslisten*. Glückstadt–Hamburg–New York.
Roth, A.M. 1995: *Giza Mastabas*. Vol. VI. *A Cemetery of Palace Attendants Including G 2084–2099, G 2230+2231, and G 2240*. Boston.
Scheele-Schweitzer, K. 2014: *Die Personennamen des Alten Reiches. Altägyptische Onomastik unter lexikographischen und sozio-kulturellen Aspekten*. Wiesbaden.
Schenkel, W. 1965: *Memphis, Herakleopolis, Theben. Die epigraphischen Zeugnisse der 7.–11. Dynastie Ägyptens*. (Ägyptologische Abhandlungen, 12). Wiesbaden.
Schindler von Wallenstern, E. 2011: *Die Reiher im Alten Ägypten. Ornithologische Betrachtungen und religionsgeschichtliche Bedeutung*. Diss. Tübingen. URL: https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/46883; дата обращения: 14.04.2021.
Schlögl, H. (Hrsg.) 1978: *Geschenk des Nils. Aegyptische Kunstwerke aus Schweizer Besitz: eine Ausstellung des Ägyptologischen Seminars der Universität Basel in Zusammenarbeit mit dem Schweizerischen Bankverein*. Basel.
Schulz, R. 1992: *Die Entwicklung und Bedeutung des kuboiden Statuentypus: eine Untersuchung zu den sogenannten "Würfelhockern"*. Bd. I–II. (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge, 33–34). Hildesheim.
Seidlmayer, St.J. 2005: Bemerkungen zu den Felsinschriften des Alten Reiches auf Elephantine. In: St.J. Seidlmayer (Hrsg.), *Texte und Denkmäler des ägyptischen Alten Reiches*. (Thesaurus linguae aegyptiae, 3). Berlin, 287–308.
Seyfried, K.-J. 2005: Qubbet el Hawa: Stand und Perspektiven der Bearbeitung. In: St.J. Seidlmayer (Hrsg.), *Texte und Denkmäler des ägyptischen Alten Reiches*. (Thesaurus linguae aegyptiae, 3). Berlin, 309–334.
Simpson, W.K. 1974: *The Terrace of the Great God at Abydos: the Offering Chapels of Dynasties 12 and 13*. (Publications of the Pennsylvania-Yale expedition to Egypt, 5). New Haven.
Smith, W. St. 1946: *A History of Egyptian Sculpture and Painting in the Old Kingdom*. London.
Sperveslage, G. 2010: Das Kongruenzverhalten von Adjektiven im Altägyptischen. *Lingua Aegyptia* 18, 217–251.
Stefanović, D. 2011: The *ḥm.t n t3-wr bbi*. *Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion* 231, 97–100.
Steindorff, G. 1913: *Das Grab des Ti*. (Veröffentlichungen der Ernst von Sieglin Expedition in Ägypten, 2). Leipzig.

Strudwick, N.C. 1985: *The Administration of Egypt in the Old Kingdom. The Highest Titles and their Holders*. London.
Strudwick, N.C. 2005: *Texts from the Pyramid Age*. (WAW, 16). Atlanta.
Tallet, P. 2012a: *La zone minière pharaonique du Sud-Sinaï*. I: *Catalogue complémentaire des inscriptions du Sinaï*. T. I–II. (MIFAO, 130). Le Caire.
Tallet, P. 2012b: New inscriptions from Ayn Soukhna: 2002–2009. In: P. Tallet, El-S. Mahfouz (eds.), *The Red Sea in Pharaonic Times: Recent Discoveries along the Red Sea Coast. Proceedings of the Colloquium held in Cairo. Ayn Soukhna 11th–12th January 2009*. (Bibliothèque d'étude, 155). Le Caire, 105–115.
Tallet, P. 2018: *La zone minière pharaonique du Sud-Sinaï*. III: *Les expéditions égyptiennes dans la zone minière du Sud-Sinaï du prédynastique à la fin de la XXe dynastie*. (MIFAO, 138). Le Caire.
Tallet, P. 2020: Le matériel inscrit d'Ayn Soukhna (2002–2016): doc. 1 à 71. In: G. Castel, P. Tallet (éd.), *Ayn Soukhna IV: le matériel des galeries-magasins*. (Fouilles de l'IFAO, 82). Le Caire, 1–119.
Thirion, M. 1985: Notes d'onomastique, contribution à une révision de Ranke *PN* [4ème série]. *Revue d'égyptologie* 36, 125–143.
Thirion, M. 2003: Notes d'onomastique, contribution à une révision du Ranke *PN* [12ème série]. *Revue d'égyptologie* 54, 177–190.
Vernus, P. 1971: Noms propres juxtaposés au Moyen Empire. *Revue d'égyptologie* 23, 193–199.
Vernus, P. 1980: Études de philologie et de linguistique. *Revue d'égyptologie* 32, 117–134.
Vernus, P. 1986: *Le surnom au Moyen Empire: répertoire, procédés d'expression et structures de la double identité du début de la XIIe dynastie à la fin de la XVIIe dynastie*. (Studia Pohl, 13). Rome.
Vernus, P. 1987: *Edfou, du début de la XIIe dynastie au début de la XVIIIe dynastie, études philologiques, sociologiques et historiques d'un corpus documentaire de l'Égypte pharaonique*. Thèse de doctorat d'État. Paris.
Wassell, B. 1991: *Ancient Egyptian Fauna: A Lexicographical Study*. Vol. I–II. PhD Diss. University of Durham. URL: http://etheses.dur.ac.uk/1152/; дата обращения: 14.04.2021.
Weeks, K.R. 1994: *Mastabas of Cemetery G 6000: including G 6010 (Neferbauptah); G 6020 (Iymery); G 6030 (Ity); G 6040 (Shepseskafankh)*. (Giza Mastabas, 5). Boston.
Weill, R. 1904: *Recueil des inscriptions égyptiennes du Sinaï: bibliographie, texte, traduction et commentaire, précédé de la géographie, de l'histoire et de la bibliographie des établissements égyptiens de la péninsule*. Paris.
Weill, R. 1912: *Les décrets royaux de l'Ancien Empire égyptien: étude sur les décrets royaux trouvés à Koptos au cours des travaux de la Société française des fouilles archéologiques (campagnes de 1910 et 1911) et sur les documents similaires d'autres provenances*. Paris.
Wilson, J.A. 1947: The artist of the Egyptian Old Kingdom. *Journal of Near Eastern Studies* 6 (4), 231–249.
Woodward, S.R., Kanawati, N. 1995: *The Tombs of el-Hagarsa*, 3. (Australian Centre for Egyptology: Reports, 7). Sydney.
Yoyotte, J. 1975: Les « sementiou » et l'exploitation des régions minières à l'ancien Empire. Communication du 5 juin 1974. *Bulletin de la Société Française d'Égyptologie* 73, 44–55.
Ziegler, Chr. 1990: *Catalogue des stèles, peintures et reliefs égyptiens de l'Ancien Empire et de la Première Période Intermédiaire vers 2686–2040 avant J.-C.* Paris.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 662–675
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 662–675
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910015608-1

OEDIPUS' EDICT AND CURSE

Sophocles' *Oedipus Tyrannus*, 236–243

Boris M. Nikolsky

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-59-14002 АНФ_а

The article deals with the problem of the addressee of Oedipus' curse in Sophocles' *Oedipus Tyrannus* 236–243. It is suggested that the curse is directed both against the murderer of Laius and against all potential informants who are concealing the murderer's name. The ambivalence, or rather the incongruity, of Sophocles' text is explained by the double rhetorical aim of Oedipus' monologue: it is at once an edict demanding to reveal the identity of the murderer and a curse against the murderer himself. The double rhetorical function of the monologue derives from its double dramatic role. On the one hand, it begins the action of the play, which consists in revealing the murderer's identity, and on the other hand, the curse acts as the play's leitmotif: it is cited throughout the tragedy and determines Oedipus' future fate.

Keywords: tragedy, Sophocles, Oedipus, edict, curse, murderer

Oedipus' monologue opening the first episode of Sophocles' *Oedipus Tyrannus* is crucial both for the development of the plot and for the thematic organization of the play. Oedipus declares here an edict requiring the Thebans to find and extradite the murderer, the edict which Oedipus himself will be destined to execute, and here he pronounces a curse which will eventually be turned against himself. At the same time, the monologue poses many problems related to textual criticism and to the interpretation of the text. We will attempt to resolve one of such issues in this article.

About the author: Boris M. Nikolsky, Doctor of Sciences in Classical Philology, Head of the Department of Ancient Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow at The School for Advanced Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Professor at National Research University Higher School of Economics.

This article is a translation of: Никольский Б. М. Указ и проклятие Эдипа (Софокл «Царь Эдип» ст. 236–243) // Vestnik drevnei istorii 81/2 (2021), 316–330. DOI: 10.31857/S032103910014828-3

When Oedipus proclaims his edict, he demands from the citizens of Thebes if any of them knows the murderer of Laius to share this knowledge with him (vv. 224–226):

ὅστις ποθ' ὑμῶν Λάιον τὸν Λαβδάκου
κάτοιδεν ἀνδρὸς ἐκ τίνος διώλετο,
τοῦτον κελεύω πάντα σημαίνειν ἐμοί·

Whoever among you knows at whose hands
Laius, son of Labdacus, perished,
him I command to tell me all![1]

Oedipus promises a reward to anyone who gives up the murderer; and if the murderer confesses himself guilty he will be released from punishment and will only have to leave the country (vv. 227–232):

κεἰ μὲν φοβεῖται τοὐπίκλημ' ὑπεξελὼν
αὐτὸς κατ' αὐτοῦ· – πείσεται γὰρ ἄλλο μὲν
ἀστεργὲς οὐδέν, γῆς δ' ἄπεισιν ἀβλαβής –
εἰ δ' αὖ τις ἄλλον οἶδεν ἐξ ἄλλης χθονὸς
τὸν αὐτόχειρα, μὴ σιωπάτω· τὸ γὰρ
κέρδος τελῶ 'γὼ χἠ χάρις προσκείσεται.

If he is afraid taking out an accusation
against himself: he shall suffer nothing else unwelcome,
but shall leave the land unharmed.
But if someone knows another of you,
or a foreigner, to be the killer, let him not be silent;
for I can dispense rewards, and gratitude also shall be his.

Then Oedipus announces what his actions will be if the Thebans remain silent and harbour the murderer (vv. 233–243):

εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καί τις ἢ φίλου
δείσας ἀπώσει τοὔπος ἢ χαὐτοῦ τόδε,
ἃκ τῶνδε δράσω, ταῦτα χρὴ κλυεῖν ἐμοῦ.
τὸν ἄνδρ' ἀπαυδῶ τοῦτον, ὅστις ἐστί, γῆς
τῆσδ', ἧς ἐγὼ κράτη τε καὶ θρόνους νέμω,
μήτ' ἐσδέχεσθαι μήτε προσφωνεῖν τινά,
μήτ' ἐν θεῶν εὐχαῖσι μήτε θύμασιν
κοινὸν ποεῖσθαι, μήτε χέρνιβος νέμειν·
ὠθεῖν δ' ἀπ' οἴκων πάντας, ὡς μιάσματος
τοῦδ' ἡμὶν ὄντος, ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ
μαντεῖον ἐξέφηνεν ἀρ,τίως ἐμοί.

But if you remain silent, and someone,
fearing for a friend or for himself, rejects this order—
what I shall do then you must hear from me!
I forbid all belonging to this land,
over which I rule and sit upon the throne,
to receive him or to speak to him,
or to let him share in prayers and sacrifices to the gods,
or to touch holy water;
but all must drive him from their homes,
since we are polluted, as the Pythian oracle of the god
has just now revealed to me.

[1] Here and elsewhere in this article the translation of Sophocles' plays by Lloyd-Jones is used (with some alterations).

He explains this edict by his ardent desire to fulfil Apollo's oracle demanding that the murderer of Laius be found and his willingness to help the deceased king (vv. 244–245):

ἐγὼ μὲν οὖν τοιόσδε τῷ τε δαίμονι
τῷ τ' ἀνδρὶ τῷ θανόντι σύμμαχος πέλω.

This is how I shall fight side by side with the god
and with the man who died.

Oedipus concludes his edict with two additional curses – one directed against the murderer and the other against himself if he deliberately conceals the murderer in his own house (vv. 246–251):

κατεύχομαι δὲ τὸν δεδρακότ', εἴτε τις
εἷς ὢν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα,
κακὸν κακῶς νιν ἄμορον ἐκτρῖψαι βίον.
ἐπεύχομαι δ', οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος
ἐν τοῖς ἐμοῖς γένοιτ' ἐμοῦ ξυνειδότος,
παθεῖν ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην.

And I pray that the doer of the deed,
whether a single man has gone undetected or he has acted with others,
may wear away a miserable life in misery, miserable as he is.
And I pray further that if he is by the hearth
in my own house with my own knowledge,
I may suffer the fate with which I have just cursed others.

The interpretation of this text is highly controversial. One of the main questions for commentators concerns the words τὸν ἄνδρ' ἀπαυδῶ τοῦτον in v. 236. Who is Oedipus referring to here?

Most scholars[2] believe that the order to exclude "this man" from social life in the city should refer to the murderer. There are compelling reasons for this point of view.

First, in vv. 241–243 Oedipus indicates the reason why "this man" should be denied communication and participation in shared sacrifices: he is the bearer of μίασμα, as the oracle revealed. We know that the oracle in calling for the expulsion of μίασμα was referring specifically to the murderer of Laius. Creon, conveying the command of the oracle in the prologue, begins by quoting this oracle: ἄνωγεν ἡμᾶς Φοῖβος ἐμφανῶς, ἄναξ, / μίασμα χώρας, ὡς τεθραμμένον χθονὶ / ἐν τῇδ', ἐλαύνειν μηδ' ἀνήκεστον τρέφειν "The lord Phoebus orders us plainly / to drive out from the land a pollution, one that has been nourished in this country, / and not to nourish it till it cannot be cured" (vv. 96–98). Then he explains that the bearer of the filth is the murderer: τούτου θανόντος νῦν ἐπιστέλλει σαφῶς / τοὺς αὐτοέντας χειρὶ τιωμρεῖν τινας "He was killed, and the god now tells us plainly to punish his killers, whoever they may be" (vv. 106–107).

Second, the words of Oedipus' command are repeated several times further on in the tragedy, and the characters when recalling them always refer to the murderer. Initially he is addressed by Tiresias. Annoyed by the anger of Oedipus who does not understand why the soothsayer conceals the name of the murderer from him Tiresias says (vv. 350–353):

[2] Blaydes 1859, 49, comm. to v. 242; Schneidewin 1856, 54, comm. to vv. 236–237; Ribbeck 1858; Ribbeck 1861; Jebb 1914, 43 (trans.: 'the slayer'); Lloyd-Jones, Wilson 1990, 86; Finglass 2018, 247–249, comm. to vv. 236–240.

ἐννέπω σὲ τῷ κηρύγματι
ᾧπερ προεῖπας ἐμμένειν, κἀφ' ἡμέρας
τῆς νῦν προσαυδᾶν μήτε τούσδε μήτ' ἐμέ,
ὡς ὄντι γῆς τῆσδ' ἀνοσίῳ μιάστορι.
I call on you to abide by the proclamation
you made earlier, and from this day on
address neither these men nor me,
since you are the unholy polluter of this land!

When Oedipus asks him to explain these words (ἀλλ' αὖθις φράσον "say it again", 361), Tiresias replies: φονέα σέ φημι τἀνδρὸς οὗ ζητεῖς κυρεῖν "I say that you are the murderer of the man whose murderer you are searching for" (362).

Then Oedipus himself begins to guess that the stranger he killed may have been Laius, and recalls his own curse in dread (vv. 815–820):

τίς τοῦδέ γ' ἀνδρὸς νῦν ἂν ἀθλιώτερος,
τίς ἐχθροδαίμων μᾶλλον ἂν γένοιτ' ἀνήρ,
ὃν μὴ ξένων ἔξεστι μηδ' ἀστῶν τινι
δόμοις δέχεσθαι, μηδὲ προσφωνεῖν τινα,
ὠθεῖν δ' ἀπ' οἴκων; καὶ τάδ' οὔτις ἄλλος ἦν
ἢ 'γὼ 'π' ἐμαυτῷ τάσδ' ἀρὰς ὁ προστιθείς.

who now could be more miserable,
and who more hateful to the gods, than I,
whom no stranger and no citizen may receive in his home,
whom no man may address,
but all must drive from their houses. And it was none other
than I myself who laid upon myself these curses.

Finally, Oedipus recalls the curse again at the end of the play when he learns a terrible secret about himself and is finally convinced that his curse is turned against himself. He wishes to flee the country and not stay in his house any longer, for he falls under the curse he has uttered (ὡς ἐκ χθονὸς ῥίψων ἑαυτόν, οὐδ' ἔτι / μενῶν δόμοις ἀραῖος, ὡς ἠράσατο, 1290–1291).

On the other hand, some commentators attribute this command of Oedipus not to the murderer but to those Thebans who will conceal the name of the murderer[3]. This interpretation can also be justified by quite strong arguments.

First, this meaning follows from the logical development of Oedipus' speech. Initially, Oedipus promises a reward to the one who will not remain silent and reveal the identity of the murderer (vv. 227–232). The next part, which begins with the words εἰ δ 'αὖ σιωπήσεσθε, should obviously contain a threat or a warning to those who will not carry out the edict and will not betray the murderer.

Second, Oedipus' words in vv. 249–251 ἐπεύχομαι δ', οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος / ἐν τοῖς γένοιτ' ἐμοῦ ξυνειδότος, / παθεῖν ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην "And I pray further that if he is by the hearth / in my own house with my own knowledge, / I may suffer the fate with which I have just cursed others", expressing the hero's readiness to take the curse upon himself if he harbours the murderer in his house, are understandable only if he has previously uttered the same curse against the other Thebans (ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην).

Third, only if Oedipus' curse is directed against those who know the murderer and do not denounce him, we can explain the response of the chorus to his monologue

[3] Classen 1861; Knox 1957, 81–82; 1959; Carawan 1999.

in vv. 276–278: ὥσπερ μ’ ἀραῖον ἔλαβες, ὦδ’, ἄναξ, ἐρῶ. / οὔτ’ ἔκτανον γὰρ οὔτε τὸν κτανόντ’ ἔχω / δεῖξαι “As you have made me subject to a curse, so, my lord, shall I speak. / I did not kill him, neither can I point to / the killer”. Commentators usually assume that the chorus, by calling itself ἀραῖος “subject to a curse”, refers to the final words of Oedipus’ monologue, where the hero appeals to the gods to continue sending misfortunes to those who fail to obey his edict: καὶ ταῦτα τοῖς μὴ δρῶσιν εὔχομαι θεοὺς / μήτ’ ἄροτον αὐτοῖς γῆς ἀνιέναι τινὰ / μήτ’ οὖν γυναικῶν παῖδας, ἀλλὰ τῷ πότμῳ / τῷ νῦν φθερεῖσθαι κἄτι τοῦδ’ ἐχθίονι “And for those who take no action I pray that the gods / may not send up crops from the earth / nor allow their women to bear children, but that they may perish / by the fate that now afflicts them or by one yet worse” (vv. 269–272)[4]. However, the combination of the two confessions οὔτ’ ἔκτανον ... οὔτε τὸν κτανόντ’ ἔχω δεῖξαι is too reminiscent of the condition previously defined by Oedipus under which the culprit should be excluded from public life: εἰ δ’ αὖ σιωπήσεσθε, καί τις ἢ φίλου / δείσας ἀπώσει τοὔπος ἢ χαὐτοῦ τόδε “But if you remain silent, and someone, fearing for a friend or for himself, rejects this order” (vv. 233–234). Furthermore, the expression μ’ ἀραῖον ἔλαβες coincides with the foregoing words from the finale of the tragedy, where Oedipus himself turns out to be “subject to the curse”: ἀραῖος, ὡς ἠράσατο, words that refer specifically to his edict of exclusion from public life.

Finally, it is only with this interpretation of the curse that the exchange of remarks between Oedipus and the chorus following Oedipus’ monologue (vv. 292–296) is understandable. The hero here expresses regret that, although everyone has heard that Laius was killed by some strangers, no one has seen the murderer (τὸν δὲ δρῶντ’ οὐδεὶς ὁρᾷ, 293). The chorus suggests, however, that if the murderer is familiar with fear, he will not resist Oedipus’ curse (ἀλλ’ εἴ τι μὲν δὴ δείματός γ’ ἔχει μέρος / τὰς σὰς ἀκούων οὐ μενεῖ τοιάσδ’ ἀράς, 294–295). This line can only have one meaning: according to the chorus, the murderer will certainly tell about his deed and then free himself from the curse[5]. Hence, the chorus considers the curse to be valid only if the murderer is hiding; it is the concealment of the secret, not the murder itself, that is the basis for the present punishment.

Thus, as we may see, Oedipus’ claim in vv. 236–243 can be understood in two ways, and each interpretation has a convincing evidence. Each commentator chooses one of these two interpretations and rejects the other, and that always leads to an artificial or simply wrong understanding of the words of the edict itself as well as other related passages. Let us first take a look at the mistakes made by those scholars who attribute the curse to the Thebans harbouring the murderer, while denying that it can refer to the murderer himself.

We shall begin with the text of this command. As I noted above, Oedipus demands that “this man” be excommunicated, referring to the oracle, which indicated the existence of μίασμα in the city (vv. 241–243):

...ὡς μιάσματος

[4] See Finglass 2018, 261, comm. to vv. 276–278.

[5] Finglass understands this passage in a different way. He believes that, according to the chorus, the murderer, in fear of Oedipus’ curse, must flee. However, it is unlikely that the murderer’s secret escape could be seen as fulfilling Apollo’s will and would satisfy Oedipus. In support of his point of view Finglass refers to the words in the first stasimon ὥρα νιν / ἀελλάδων / ἵπων σθεναρώτερον / φυγᾷ πόδα νωμᾶν (vv. 466–468), but there escape is a poetic image describing the murderer’s departure into exile.

τοῦδ' ἡμὶν ὄντος, ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ
μαντεῖον ἐξέφηνεν ἀρτίως ἐμοί.

since we are polluted,
as the Pythian oracle of the god
has just now revealed to me.

It would be reasonable to associate μίασμα precisely with the murderer and to understand the participle clause with ὡς as causal, just as it is used further when Tiresias repeats the curse, referring it to the murderer Oedipus ἐννέπω σὲ... / <...> / ...προσαυδᾶν μήτε τούσδε μήτ' ἐμέ, / ὡς ὄντι γῆς τῆσδ' ἀνοσίῳ μιάστορι (vv. 350–353). Usually τοῦδε is seen as the masculine genitive of ὅδε; we shall examine this phrase further and offer a slightly different interpretation, but in any case it is obvious, that it is the murderer who is the chief bearer of μίασμα, and it is the murderer to whom the oracle mentioned by Oedipus links μίασμα (ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ / μαντεῖον ἐξέφηνεν ἀρτίως ἐμοί, 242–243). Knox in his translation[6], when referring Oedipus' words not to the murderer but to the man who knows but conceals the truth, understands the first ὡς, introducing the participle, in a comparative rather than causal sense – "as if he were himself the source of infection". Carawan sees here an even stronger a more direct statement; in his opinion, it is already clear to the audience that the one who has been initiated into the murder mystery is a carrier of filth, so the participle clause can also have a causal meaning ("all must drive him from their homes as a defiler of us all"). But in both cases the reference to the words of the oracle remains unclear – the oracle did not say that one should persecute someone who knows but is concealing a murderer or that this particular person is associated with the filth. Carawan leaves this inconsistency in his interpretation unexplained, and Knox simply smoothes it out in his translation. He suggests that the reference to Apollo explains only the word μίασμα and not the entire preceding phrase ("as if he were himself the source of infection *which* Apollo's oracle has just made known to me"). In that case, however, the Greek text should read ὅ and not ὡς.

Carawan tries to relate to the potential informant and all the subsequent passages that bring us back to this curse[7]. In his view, when Tiresias, in his anger, reveals the secret to Oedipus, stating that he himself must undergo the punishment he has determined (ἐννέπω σὲ τῷ κηρύγματι / ᾧπερ προεῖπας ἐμμένειν, 350–351), he says only that Oedipus knows the murderer, but does not yet call him the murderer. But then what about the following statement by Tiresias, in which he clarifies the meaning of his enigmatic hint? Tiresias says it directly here: φονέα σέ φημι τἀνδρὸς οὗ ζητεῖς κυρεῖν – "I say that you are the murderer of the man whose murderer you are searching for" (v. 362). According to Carawan φονέα is not used in this phrase to mean "murderer/killer", but "guilty as the killer". Needless to say, such an interpretation is impossible and is only due to the scholar's desire to find the meaning he wants in the line. This same desire leads him to a highly dubious interpretation of two other passages in which Oedipus himself recalls the curse – first fearing that he might be the murderer (vv. 813–820) and then being convinced of it (vv. 1290–1291). In his view, Oedipus is referring here only to his "additional" curse, the one he has directed against himself in case of concealing the murderer

[6] Knox 1959.
[7] Carawan 1999, 213–217.

in his house (vv. 249–251). It is difficult to dispute the fact that he does not accidentally utter this "additional" curse and that it also echoes at the end of the drama, but the main and most tragic echo here is certainly with his strongest and the most emotional command in vv. 236–243, and it arises because Oedipus turns out to be the murderer and not someone who knows but is hiding the truth.

On the other hand, those commentators who link vv. 236–243 exclusively with the murderer also have to rely on far-fetched interpretations to prove their point.

Let us first turn to the very command to exclude the culprit from communication and the context in which it is made. Oedipus first promises leniency or a reward to those who will tell about the crime. Then he begins to talk about what he is prepared to do if the Thebans keep quiet. Obviously his words should sound like a threat and the threat should be aimed at those who will disobey, i.e. those who will remain silent (vv. 233–235):

εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καί τις ἢ φίλου
δείσας ἀπώσει τοὔπος ἢ χαὐτοῦ τόδε,
ἃκ τῶνδε δράσω, ταῦτα χρὴ κλυεῖν ἐμοῦ.

But if you remain silent, and someone,
fearing for a friend or for himself, rejects this order—
what I shall do then you must hear from me!

Commentators, for whom the subsequent curse is directed against the murderer, have to understand these three verses differently. Henry and after him Finglass explain them as follows[8]. In their view, Oedipus is not threatening but is willing to accept that the murderer will not be extradited. With his command to exclude the murderer from social life he only wants to reduce the risk of filth – he expects the Thebans to, if they are not ready to completely get rid of the filth, at least limit it by cutting off communication with the murderer. This is, by the way, how Shervinsky also understands the passage and translates it into Russian:

Но если *даже* вы и умолчите,
За друга ли страшась иль за себя,–
Дальнейшую мою узнайте волю:
Приказываю, кто бы ни был он,
Убийца тот, в стране, где я у власти,
Под кров свой не вводить его и с ним
Не говорить[9]...,

Not only does such an interpretation weaken the meaning of this claim, depriving it of the power of a terrible curse that can echo in crucial moments of the drama, it is also grammatically impossible. In the futural conditional sentence εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καί τις ἢ φίλου / δείσας ἀπώσει τοὔπος ἢ χαὐτοῦ τόδε it is not conjunctive that is used, but emphatic forms of the future tense which are supposed to express the meaning of admonition or threat. Thus Oedipus' command can only be a threat addressed to those who refuse to speak.

Those who attribute Oedipus' curse exclusively to the murderer point to the expression τὸν ἄνδρα τοῦτον in v. 236. According to Finglass, the generalizing τις standing in the

[8] Henry 1969, 126; Finglass 2018, 248.

[9] But *even if* you keep silent, / whether you fear for your friend or for yourselves. / Find out my further will: / I command you, whoever that murderer may be, / in the land where I am in power, / not to bring him under your roof, / nor speak to him...

subordinate clause cannot be continued by this emphatic and a very particular phrase, and therefore τὸν ἄνδρα τοῦτον cannot refer to those who are silent – it must necessarily refer to the murderer[10]. This argument, however, is flawed. We find a similar use of οὗτος ὁ ἀνήρ in a general rather than specific sense, and also with a reference to the preceding sentence, e.g. in *Antigone*, vv. 666–671:

ἀλλ' ὃν πόλις στήσειε, τοῦδε χρὴ κλύειν
καὶ σμικρὰ καὶ δίκαια καὶ τἀναντία.
καὶ τοῦτον ἂν τὸν ἄνδρα θαρσοίην ἐγὼ
καλῶς μὲν ἄρχειν, εὖ δ' ἂν ἄρχεσθαι θέλειν,
δορός τ' ἂν ἐν χειμῶνι προστεταγμένον
μένειν δίκαιον κἀγαθὸν παραστάτην.

One must obey the man whom the city sets up in power
in small things and in justice and in its opposite.
This is the man whom I would trust
to be a good ruler and a good subject,
and when assigned his post in the storm of battle
to prove a true and noble comrade in the fight.

Here τοῦτον τὸν ἄνδρα refers to an even more generalised character – not even τις, but the unexpressed and unspecified subject of the verb κλύειν. In another example, from *Philoctetes* (vv. 456–458), just like in the words of Oedipus, οὗτοι οἱ ἄνδρες in the main clause summarizes the previous subordinate clause that also has a generalizing meaning (it is introduced by ὅπου "wherever"):

ὅπου δ' ὁ χείρων τἀγαθοῦ μεῖζον σθένει
κἀποφθίνει τὰ χρηστὰ χὠ δειλὸς κρατεῖ,
τούτους ἐγὼ τοὺς ἄνδρας οὐ στέρξω ποτέ.

Where the worse man has more power than the better,
what is good perishes, and the coward is in power,
the men in that place I will never tolerate.

Those commentators who see τοῦτον τὸν ἄνδρα as the murderer and not the one who harbours him have to somehow manage the curse that Oedipus has turned against himself. Oedipus says (vv. 249–251):

ἐπεύχομαι δ', οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος
ἐν τοῖς ἐμοῖς γένοιτ' ἐμοῦ ξυνειδότος,
παθεῖν ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην.

And I pray further that if he is by the hearth
in my own house with my own knowledge,
I may suffer the fate with which I have just cursed others.

The pronoun τοῖσδε must refer to the chorus, the Thebans; hence, Oedipus here speaks of his readiness to take the punishment he had just threatened the citizens of Thebes with. Assuming that the command he had just made for excommunication applied to any citizen of Thebes who did not denounce the murderer, this new curse is understandable and stands in its place. If, however, τοῦτον τὸν ἄνδρα signified the murderer, then what is the meaning of the words ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην? Why does Oedipus use this demonstrative pronoun to indicate the present person, and also in plural? Jebb and Campbell assume that ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην refers to the curse upon the

[10] Finglass 2018, 248.

murderer uttered in vv 246–248: κατεύχομαι δὲ τὸν δεδρακότ', εἴτε τις / εἷς ὢν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα, / κακὸν κακῶς νιν ἄμορον ἐκτρῖψαι βίον "And I pray that the doer of the deed, / whether a single man has gone undetected or he has acted with others, / may wear away a miserable life in misery, miserable as he is". They suggest that the plural τοῖσδε derives from Oedipus' assumption that there may have been several murderers (εἴτε τις εἷς ὢν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα)[11]. However, the hero is hardly so concerned with this assumption as to start speaking about murderers in plural; the phrase εἴτε τις εἷς ὢν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα is more a rhetorical enumeration of all existing possibilities than an independent judgment. An even more obvious objection can be made by drawing attention to the adverb ἀρτίως. According to Jebb and Campbell, it should refer back to the previous phrase. However, when ἀρτίως refers to some words previously said in the text, it always brings us back to them – back after another conversation, another discourse, or another event. "As I have just said" always sounds like a reminder; this expression cannot follow immediately after the words spoken (cf. all examples from Sophocles: ἀρτίως in *Ajax* 1321 brings us back to the previous scene ending at vv. 1315, in *Electra* 347 to vv. 333–334, 481 to 417–423, in *Oedipus Tyrannus* 243 and 474 to 96–98, 726 to 716, 745 to the curse in vv. 236–237, 1054 to 859–860, in *Trachiniae* 346 to 248–290, in *Philoctetes* 764 to 656–657). Other commentators and publishers prefer to emend the text. Ribbeck moved these verses to the end of the monologue, inserting them after Oedipus' final curse upon all those who would not obey his edict (καὶ ταῦτα τοῖς μὴ δρῶσιν εὔχομαι θεοὺς / μήτ' ἄροτον αὐτοῖς γῆς ἀνιέναι τινὰ / μήτ' οὖν γυναικῶν παῖδας, ἀλλὰ τῷ πότμῳ / τῷ νῦν φθερεῖσθαι κἄτι τοῦδ' ἐχθίονι, 269–272)[12]. However, this generalising curse concludes the monologue perfectly, and the mentioning of Oedipus' particular case then disrupts the rhetorical ending; moreover, it intrudes inappropriately between this curse and an equally generalising wish for the welfare of all those who would agree to obey the king's commands (ὑμῖν δὲ τοῖς ἄλλοισι Καδμείοις, ὅσοις / τάδ' ἔστ' ἀρέσκονθ', ἥ τε σύμμαχος Δίκη / χοὶ πάντες εὖ ξυνεῖεν εἰσαεὶ θεοί, 273–275). Finglass and Lloyd-Jones, following Wecklein, exclude vv. 249–251 from the text[13]; however, these verses contain, and perhaps even most strongly express, the tragic irony with which the entire Oedipus' monologue is filled – the irony that Oedipus is actually turning his words on himself.

The only conclusion that can be drawn from all what has been said above is that both interpretations of Oedipus' command to deny communication to the culprit are correct, it is directed both against the murderer and against those of the Thebans who would conceal the truth. His curse is ambiguous[14], or rather inconsistent. In the context in which

[11] Jebb 1914, 44, comm. to vv. 246 and 45, comm. to v. 251; Campbell 1879, 162, comm. to vv. 246–251.

[12] Ribbeck 1858.

[13] Wecklein 1880; Finglass 2018, 251; Lloyd-Jones 1994.

[14] The double reference of the curse was suggested by Dyson, who sees here a deliberate authorial ambiguity (Dyson 1973, 205–206). According to him, an important fact, known to the audience but not yet understood by Oedipus, is the equivalence between the witness and the murderer, and the ambivalence of the curse should underline, for an informed audience, this equivalence. Dyson finds another example of the same identification in the conversation between Oedipus and the chorus that follows the monologue (vv. 292–296) already mentioned above. Here,

these words are spoken, we expect a threat against the person who harbours the murderer, but the command itself should rather refer to the murderer; then, over the course of the drama, these words are given one meaning and then another.

Some suggestions can be made about the reasons for this inconsistency. It may be due to the fact that Sophocles, in constructing Oedipus' monologue, seeks to solve two dramatic problems simultaneously. First, the monologue begins the action of gradually solving the murder of Laius. Oedipus must issue an edict allowing him to begin the search for the murderer – the edict requiring the Thebans to name the murderer. The denouement of this storyline will be the moment of recognition, i.e. the discovery of the murderer. Second, here Sophocles forces Oedipus to pronounce a curse upon the murderer, which will also be crucial to the plot: the author will come back to it throughout the drama, and it will determine Oedipus' fate after the recognition. The author solves both of these problems by ironically emphasising Oedipus' lack of understanding of his situation. On the one hand, the hero demands to share information with him, not realising that he is in possession of it. On the other hand, he threatens to punish the murderer, not realising that he himself is the murderer.

These two compositional tasks also determine the monologue's two rhetorical functions – it is both an edict addressed to the Thebans and a curse upon the murderer. It begins as an edict, demanding that the murderer be exposed (vv. 224–226):

> ὅστις ποθ' ὑμῶν Λάιον τὸν Λαβδάκου
> κάτοιδεν ἀνδρὸς ἐκ τίνος διώλετο,
> τοῦτον κελεύω πάντα σημαίνειν ἐμοί.
>
> Whoever among you knows at whose hands
> Laius, son of Labdacus, perished,
> him I command to tell me all!

---

to the words of the chorus about Laius' death θανεῖν ἐλέχθη πρός τινων ὁδοιπόρων (v. 292) Oedipus, according to the manuscript reading, replies: ἤκουσα κἀγώ· τὸν δ' ἰδόντ' οὐδεὶς ὁρᾷ (v. 293). This reading must refer to the witness who is hiding and thereby concealing the truth. The next chorus' remark ἀλλ' εἴ τι μὲν δὴ δείματός γ' ἔχει μέρος / τὰς σὰς ἀκούων οὐ μενεῖ τοιάσδ' ἀράς (vv. 294–295) in this case should also refer to the witness. However, Oedipus unexpectedly refers it not to the witness, but to the murderer: ᾧ μή 'στι δρῶντι τάρβος, οὐδ' ἔπος φοβεῖ (v. 296). In Dyson's opinion, here again we face the identification of the witness and the murderer – an idea which, as the researcher believes, runs "deep in the king' mind". This interpretation, however, can by no means be correct. First, we have to assume that the character's words do not express his own thoughts, but his subconscious notions, and this is alien to the whole structure of Greek tragedy. Second, Oedipus is convinced that this murder had no bystander. The only person who was present and survived was one of Laius' servants, who, as reported to Oedipus, fled in fear and saw nothing but that there were many murderers (118–123). Therefore we must certainly, together with Finglass (2018, 264, comm. to v. 293), accept the conjecture in v. 293 τὸν δὲ δρῶντ' οὐδεὶς ὁρᾷ.

It is impossible to agree with Dyson not only because of his misreading of v. 293. The equivalence between the witness and the murderer cannot be a mysterious truth known to the audience but escaping Oedipus for the moment. This equivalence is an obvious fact for everyone: a murderer is always a witness to his crime. Oedipus understands this perfectly well, repeating twice in his edict that the murderer is obliged to denounce himself (vv. 227–228 and 234); what he does not understand is that he himself is the murderer and the witness. Thus, if the ambivalence of this passage is deliberately conceived by the author, its purpose cannot be explained.

Sophocles then turns to the formula typical for edicts – he promises a reward for law-abiding citizens and threatens punishment for those who disobey[15]. Obviously, the reward is for those who tell about the murderer and the punishment is for those who keep quiet. However, the poet wants to put another, quite different theme into this context – punishing the murderer – and he introduces the murderer into both parts of the formula. It turns out that Oedipus is primarily waiting for information from the murderer himself. If the murderer reveals himself, he will only be removed from the country without any other punishment (κεἰ μὲν φοβεῖται τοὐπίκλημ' ὑπεξελὼν / αὐτὸς κατ' αὐτοῦ· – πείσεται γὰρ ἄλλο μὲν / ἀστεργὲς οὐδέν, γῆς δ' ἄπεισιν ἀβλαβής, – "If he is afraid (to tell) taking out an accusation against himself: he shall suffer nothing else unwelcome, but shall leave the land unharmed", 227–229); if he does not fulfil the commands of Oedipus and continues to hide, he will (of course, after the exposure) be excluded from social life in the city. The murderer becomes the main object of Oedipus' threat. Although the king mentions alongside with him those who are close to him and who may be harbouring him (καί τις ἢ φίλου / δείσας ἀπώσει τοὔπος, 233–234), it is the murderer himself that is important to Sophocles. He is named at the end of this conditional clause (ἢ χαὐτοῦ, 234), so the audience should refer the phrase τὸν ἄνδρ' ἀπαυδῶ τοῦτον to him first of all.

This insertion of the curse upon the murderer into the edict requiring the sharing of information raises other problems beyond the semantic ambiguity of the curse itself. First, it is not entirely clear how the fate of the murderer, if he confesses, will in fact differ from his fate if he remains silent. In both cases he faces exile. Both his leaving the country without any other harm to him in the first case and his excommunication in the second are essentially the same punishment: both mean exile. The contrast is created here purely rhetorically by opposing the word ἀβλαβής to a long series of phrases expressing the idea of punishment: μήτ' ἐσδέχεσθαι μήτε προσφωνεῖν τινά, / μήτ' ἐν θεῶν εὐχαῖσι μήτε θύμασιν / κοινὸν ποεῖσθαι, μήτε χέρνιβος νέμειν· / ὠθεῖν δ' ἀπ' οἴκων πάντας (vv. 238–241).

The second problem the author has to solve is how to turn this threat of punishment, which was originally part of the edict, into a curse. This is necessary for Sophocles so that later on in the tragedy, when he refers to this passage, it sound with particular force and really determine the whole fate of the hero: the execution of the punishment to which he has condemned himself must be supervised by the gods. This is why Oedipus immediately turns his edict into a curse. Solemnly concluding the edict with the words ἐγὼ μὲν οὖν τοιόσδε τῷ τε δαίμονι / τῷ τ' ἀνδρὶ τῷ θανόντι σύμμαχος πέλω (vv. 244–245), he adds a curse upon the murderer to it: κατεύχομαι δὲ τὸν δεδρακότ', εἴτε τις / εἷς ὢν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα, / κακὸν κακῶς νιν ἄμορον ἐκτρῖψαι βίον (vv. 246–248), and then he uses the word ἀρά to define the very command to exclude the murderer or

[15] We find a similar contrast, for instance, in Creon's edict in *Antigone*. Creon assigns posthumous honours to Eteocles and posthumous punishment – refusal of burial – to Polynices who fought against his native city. He ends the edict with words stressing the opposite treatment of law-abiding and bad citizens: τοιόνδ' ἐμὸν φρόνημα, κοὔποτ' ἔκ γ' ἐμοῦ / τιμῇ προέξουσ' οἱ κακοὶ τῶν ἐνδίκων. / ἀλλ' ὅστις εὔνους τῇδε τῇ πόλει, θανὼν / καὶ ζῶν ὁμοίως ἔκ γ' ἐμοῦ τιμήσεται (vv. 207–210).

his concealer from communication – in a new curse, already addressed to himself, Oedipus says ἐπεύχομαι ... παθεῖν ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην (vv. 249–251)[16].

Thus, the semantic ambivalence of vv. 236–243 arises from the fact that this passage, conceived and needed by the author as a curse upon the murderer, is placed in the context of an edict demanding that the Thebans extradite the murderer. This ambivalence also corresponds to the two roles which Oedipus himself unknowingly plays and which Sophocles ironically stresses: Oedipus is both the murderer and the one who knows about the murder; all the curses which he addresses against both the murderer and his concealers apply to himself.

Now it is worth looking at how Sophocles tries to resolve the resulting inconsistency in the passage in question.

As we have already noted, the basis for excluding the culprit from communication in the city here is the fact that he is, according to the oracle, the bearer of μίασμα (ὡς μιάσματος / τοῦδ' ἡμὶν ὄντος, ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ / μαντεῖον ἐξέφηνεν ἀρτίως ἐμοί, 241–243). This is true of the murderer, but in no way applies to the possible informant who is hiding the truth. Therefore Oedipus does not address his curse against every informant, but only to the murderer himself and his close ones. (εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καί τις ἢ φίλου / δείσας ἀπώσει τοὔπος ἢ χαὐτοῦ τόδε, 233–234). Those who are in direct contact with the murderer are subject to the same filth as he is; so Oedipus is ready to turn the curse upon himself if he deliberately harbours the murderer in his own home (ἐπεύχομαι δ', οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος / ἐν τοῖς ἐμοῖς γένοιτ' ἐμοῦ ξυνειδότος, / παθεῖν ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην, 249–251). An excellent illustration of this notion is a passage from Plato's dialogue *Euthyphro*, which reveals such a great lexical closeness to the passage from *Oedipus Tyrannus* that it could be considered an allusion to the text of Sophocles. Euthyphro explains to Socrates that he is right in prosecuting his father, whom he considers responsible for the death of the *thes* (θής), i.e. hired labourer. According to him, if he begins to live in the same house with the murderer, sharing the hearth with him, and, knowing about the murder, does not report on his father, the filth will spread on him:

> Γελοῖον, ὦ Σώκρατες, ὅτι οἴει τι διαφέρειν εἴτε ἀλλότριος εἴτε οἰκεῖος ὁ τεθνεώς, ἀλλ' οὐ τοῦτο μόνον δεῖν φυλάττειν, εἴτε ἐν δίκῃ ἔκτεινεν ὁ κτείνας εἴτε μή, καὶ εἰ μὲν ἐν δίκῃ, ἐᾶν, εἰ δὲ μή, ἐπεξιέναι, ἐάνπερ ὁ κτείνας συνέστιός σοι καὶ ὁμοτράπεζος ᾖ· ἴσον γὰρ τὸ μίασμα γίγνεται ἐὰν συνῇς τῷ τοιούτῳ συνειδὼς καὶ μὴ ἀφοσιοῖς σεαυτόν τε καὶ ἐκεῖνον τῇ δίκῃ ἐπεξιών (4b–c).
>
> It's ridiculous, Socrates, that you think it makes a difference whether the dead man is from outside or inside the household, but that you don't have to watch out solely for whether the slayer slew lawfully or not, and if it was lawful, let him go and if not, prosecute, even if the slayer

[16] Dyson (1973) has pointed out the genre duality of the monologue which includes both an edict and a curse. But he believes that firstly the command to exclude the culprit from communication only sounds like part of the edict, and only later, in the following parts of the play, it is reinterpreted as a curse. In his view, Oedipus adds the curse in vv. 246–248, referring to the situation in which the murderer remains unidentified: then let the gods make his life miserable. However, Oedipus cannot consider this option. The only aim he seeks is to discover the identity of the murderer. Dyson also misunderstands the phrase ἅπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην in v. 251, relating, following Jebb, τοῖσδε to the murderers mentioned in v. 247. As we have seen, this understanding of τοῖσδε is impossible, this pronoun can only refer to the object of the threat in vv. 236–243; thus already here in v. 251 this threat is called a curse.

shares your hearth and board. You see the pollution is just as great if you knowingly associate with such a person and don't cleanse both yourself and the other man by taking him to court[17].

The second way in which Sophocles softens the inconsistency of his text is by a certain ambiguity in the phrase ὡς μιάσματος τοῦδ' ἡμὶν ὄντος (vv. 241–242). Interestingly, Tiresias, quoting Oedipus' edict in the next scene, slightly changes the words and the whole construction. He commands the king (vv. 350–353):

ἐννέπω σὲ τῷ κηρύγματι
ᾧπερ προεῖπας ἐμμένειν, κἀφ' ἡμέρας
τῆς νῦν προσαυδᾶν μήτε τούσδε μήτ' ἐμέ,
ὡς ὄντι γῆς τῆσδ' ἀνοσίῳ μιάστορι.

I call on you to abide by the proclamation
you made earlier, and from this day on
address neither these men nor me,
since you are the unholy polluter of this land!

Instead of μίασμα he uses the word μιάστωρ, which unequivocally refers to the murderer and attributes the participle clause to σέ (the dative case depends on the verb ἐννέπω and is used here instead of the genitive, so that the participle clause is not dependent on ἐμέ). Thus, here the phrase is clearly referring to Oedipus the murderer, who is the source of the filth and therefore is to be punished. In Oedipus' monologue, however, the same participle phrase sounds completely different. The word μίασμα does not describe a person, but a phenomenon[18]; the participial construction does not correspond to τὸν ἄνδρα τοῦτον, but is used absolutely; the pronoun τοῦδε can hardly refer to 'this man', defined by a completely different demonstrative pronoun. Taken together, these three grammatical facts seem to suggest that Oedipus is not so much referring to the murderer, but to the filth that comes from murder in general. τοῦδε should then be understood as a form of the neuter gender rather than the masculine: "Since this is a filth to us". τόδε and μίασμα, denoting not a particular person, but the whole phenomenon of filth in general, can already be referred to anyone on whom the filth spreads, and with this interpretation the phrase would explain why not only the murderer himself, but also his close ones should be expelled.

In this article I have touched upon an important feature of Sophocles' style that needs to be taken into consideration when interpreting his text. Commentators tend to expect logical order and consistency from a text. However, they often achieve this order by distorting the obvious meaning of individual passages. We should admit that the poet may allow inconsistencies, sacrificing clarity in the presentation of facts for other purposes that prove to be more important to him. Sophocles aims more at rhetorical expressiveness and dramatic coherence than at logical clarity and certainty. In this case, he creates a passage of a great emotional power to which the characters will be able to refer again and again throughout the drama and which will ultimately determine Oedipus' fate itself. This passage is placed in a not entirely suitable context, the author tries to smooth over the contradictions that arise between the passage and its context, some inconsistency still remains, but this is not very important to Sophocles, as his artistic tasks are quite different.

---

[17] Trans. C. Emlyn-Jones and W. Preddy.

[18] In classical Greek literature μίασμα refers only once to a person who is a source of filth – in v. 1028 of *Choephori*, which may be a later interpolation (see Fraenkel 1950, 778 and 815).

References

Blaydes, F.H.M. (ed.) 1859: *Sophocles, with English Notes*. Vol. I. London.
Campbell, L. (ed.) 1879: *Sophocles*. Vol. I. *Oedipus Tyrannus. Oedipus Coloneus. Antigone*. 2nd ed. Oxford.
Carawan, E. 1999: The edict of Oedipus (*Oedipus Tyrannus* 223–51). *American Journal of Philology* 120, 187–222.
Classen, J. 1861: Ueber die Rede des Königs Oedipus in Sophokles *O.R.* 216–275 [mit Erwiderung]. *Rheinisches Museum für Philologie* 16, 489–500.
Dyson, M. 1973: Oracle, edict, and curse in *Oedipus Tyrannus*. *Classical Quarterly* 23/2, 202–212.
Finglass, P. (ed.) 2018: *Sophocles. Oedipus the King*. Cambridge.
Fraenkel, E. (ed.) 1950: *Aeschylus. Agamemnon*. Vol. I–III. Oxford.
Henry, A.S. 1969: Sophocles, *Oedipus Tyrannus* 222–43. *Classical Review* 19/2, 125–126.
Jebb, R. (ed.) 1914: *Sophocles: The Plays and Fragments*. Pt.I. *The Oedipus Tyrannus*. 3rd ed. Cambridge.
Knox, B.M.W. 1957: *Oedipus at Thebes*. New Haven.
Knox, B.M.W. (transl.) 1959: *Sophocles. Oedipus the King*. New York.
Lloyd-Jones, H., Wilson, N.G. 1990: *Sophoclea. Studies on the Text of Sophocles*. Oxford.
Lloyd-Jones, H. (ed.) 1994: *Sophocles*. Vol. I. *Ajax. Electra. Oedipus Tyrannus*. (The Loeb Classical Library, 20). Cambridge (MA)–London.
Ribbeck, O. 1858: Zu Sophokles. *Rheinisches Museum für Philologie* 13, 129–132.
Ribbeck, O. 1861: Erwiderung an Herrn Direktor Dr. Classen: die Rede des Königs Oedipus in Sophokles O.R. 216 ff. *Rheinisches Museum für Philologie* 16, 501–510.
Schneidewin, F.W. (Hrsg.) 1856: *Sophokles*. Bd. II. *Oedipus Tyrannus*. 3. Auflage besorgt von A. Nauck. Berlin.
Wecklein, N. (ed.) 1880: *Sophocles. Oedipus Rex*. Leipzig.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 676–683
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 676–683
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910015610-4

ON ONE FORGOTTEN OLBIAN RELIEF

Yuri A. Vinogradov[1], Igor Yu. Schaub[2]

[1,2] *Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia*

[1] *E-mail:* vincat2008@yandex.ru [2] *E-mail:* schaubigor@mail.ru

The article is devoted to a marble relief from Olbia, which was published by A.S. Uvarov in 1851 and has since been almost forgotten. This monument belongs to the fourth century BC. Aspects of the religious procession presented in the relief are explored. The article argues that there is a reason to believe that the deity whom this procession is approaching is neither Asclepius nor Zeus, but Achilles.

Keywords: Greek colonies, Northern Black Sea region, Olbia, votive reliefs, religion

The history of ancient archaeology of the Northern Black Sea Region names quite a bit of outstanding archaeological discoveries made at the very beginning of the archaeological investigation of a particular monument. Two examples are the discovery of the Kul Oba burial mound on Bosporus (1830) and the discovery of Decree in Honor of the Citizen Protogenes in the Context of the History of Olbia Polis. In their way, these monuments have marked a place in history books. Still, in the history of science, one can point to other outstanding discoveries that were regrettably long forgotten. In the latter category is the Olbia relief (see figure), published by S.A. Uvarov 170 years ago[1]. The author of the publication described it as follows: "The bas-relief<...>, presenting the sacrifice to Asclepius, is in poor condition but remains essential for us: first, as the greatest of the Olbia monuments of its kind; secondly, despite the damage, it gives evidence to the artistic work of the sculptor with its distinct decoration and flawless drawing of faces, clothing and its composition in general."

Unfortunately, this relief, which no one brought up until very recently, is most likely lost. Anyway, it is not in the State Hermitage Collection. As a result, we can only judge

About the authors. Yuri Alekseevich Vinogradov, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Scientist of the Department of the History of Ancient Culture of IMHC RAS; Igor Yuryevich Shaub, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Scientist of the Department of the History of Ancient Culture of IMHC RAS.

This article is a translation of: Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. Об одном забытом ольвийском рельефе // Vestnik drevnei istorii 81/2 (2021), 331–339. DOI: 10.31857/S032103910014830-6

[1] Uvarov 1851, 126, table XIII.

it by the trace drawing available. We agree with S.A. Uvarov that this relief is the greatest of the Olbia monuments or at least one of them.

Having had a thorn to place it in a pedestal, the relief depicts a solemn procession of people heading towards a character sitting on a throne (there is no doubt that this is a deity). The figures represented on the relief with its emphasis on the classical art of Hellas can be confidently dated to the 4th century BC. German researcher Anja Klöckner has recently taken notice of this monument. She believes that the procession depicted here bears a resemblance to the Parthenon frieze, suggesting that, found in Olbia, the relief could have been brought from Athens[2]. However, this resemblance seems very formal, and the badly damaged monument doesn't give a clear idea about where it was created based on its drawings. Moreover, the monument's origin is not essential; the central question of concern is which deity the Olviopolites wanted to honor with this relief.

In the relief drawing, we can see the procession that has already approached the altar, located in front of the figure of God. God is presented as an athletically built man sitting on a chair with curved legs, leaning back slightly on its back. He greets the approaching people with his left hand and holds a vial on a high stem in his right hand, lowered down. To the right of him is a big serpent, twirled up and standing upright. A woman with a large basket on her head (canephora) approaches the altar, followed by an ox with a figure on each side it. In contrast, the woman depicted in the foreground plays the flute, followed by a bearded man with an unclear object in his left hand (a pot?), the procession is complete with three women and a child (probably an image of a slave).

Judging by the six letters that survived in the upper-left corner of the plate above the image of God (the shape of the letters does not contradict the dating of the relief), the monument apparently has a dedicatory inscription. However, by the time the relief was discovered, the inscription had gone, and the surviving letters ... Σ(?)ATOMN(?)... prevent you from reading anything plausible here (the first and the last letters were most likely severely damaged). In any case, they do not help to interpret the image anyway.

We should note that this relief was well known during the first decades of the 19th century. So, its description is available in Antiquities of the coast of Pontus by Pyotr Köppen. We're reading: "In *Stol'ny*[3], there is another bas-relief from this colony depicting a sacrifice, where most of the Olbia monuments were transported to, as can be seen from the above. Here, behind the altar, the deity is seen sitting with his left hand raised; a serpent twirls under the throne. The deity puts a vial to it with his right hand. To the side, on top of the wall, is an ugly head. Before the altar, *canephora* stands with a vessel on the top of her head. Behind her, a young ox is seen, accompanied by several figures playing on pipes. Then comes the bearded figure (a priest?) and finally two more figures are seen, a woman with a child. Nevertheless, this marble is in such a bad condition that, unfortunately, not even a single face remains on it, which is why we do not consider it

[2] Klöckner 2019, 11.

[3] We express our gratitude to A.I. Ivanchik, who pointed out to us that Stol'ny is the estate of A.G. Kushelev-Bezborodko, the owner of the village of Parutino located near Chernihiv. This estate retained many Olbia antiquities collected by Kushelev-Bezborodko, including Decree in Honor of the Citizen Protogenes. Pyotr I. Köppen and E.E. Koehler saw them over there. Some of these antiquities were transported to St. Petersburg later, and some disappeared. See also Tunkina 2002, 76, 436, 443, 444, 621.

necessary to inform[4]. Let us only note that above the relief are the following letters ... ΟΞΑΤΟΜΗΙ ..., which were the beginning of some inscription[5]."

This description is somewhat different from what we see in the drawing in the book by A.S. Uvarov. First, Pyotr Köppen noticed several flutists next to the ox on the relief, not just one. It is entirely possible that there were two of them, and they marched on either side of the sacrificial animal. Secondly, Köppen saw two figures at the end of the procession (a woman and a child), and there are four of them in the drawing (three women and a child). Third, he also read the letters of the inscription in the drawings slightly differently, but even now, they do not allow us to at least come close to understanding the inscription. We have to admit that the preservation of the relief was very poor indeed. Still, nevertheless, in the main details, the description made by Köppen and the drawing reproduced in the book by Uvarov do not contradict each other.

The main character of the relief is a god sitting on a throne with a twirled serpent next to it. This character deserves special attention. The serpent belonged to the paraphernalia of several gods of Ancient Greece – mainly Athens, Demeter, Apollo, Zeus, Dionysus, Asclepius[6]. For obvious reasons, it is impossible to visualize the female deity on the Olbia relief. The central character has nothing to do with Apollonian too. Only the vial in the deity's hand can be considered a Dionysian attribute, but this is clearly not enough. In theory, one can assume the presence of Zeus Meilichius, Philia, or Ctesias, whose image was sometimes accompanied by a serpent, considered as his incarnation[7]. However, this assumption does not hold up to reality.

It is well known that in ancient Greece, the serpent was an incarnation and then an attribute of Asclepius (the god of healing)[8], and this symbolism has retained its significance in the medical field to this day. As noted above, A.S. Uvarov clearly recognized that the relief depicts Asclepius. You could accept it[9]if you ignore the objects hanging on the temple wall above the deity's head, and they are vital. P. Köppen concluded that "there was an ugly head" on the wall, and the reason for this erroneous conclusion was definitely the poor preservation of the relief. In fact, a muscular cuirass and a round Hoplite shield are hung next to the deity[10]. Anyway, this military paraphernalia does not correspond in any way to the image of Asclepius or Zeus. In addition, on the reliefs known to us, there is always Hygieia standing next to Asclepius seated[11]. Two further points do not match the iconography of these gods – beardless. Zeus and Asclepius were

---

[4] "The best image of this bas-relief, two feet and ten inches long and one foot and six inches high, is in an unpublished journey through Russia by Messers Borozdin and Yermolaev; the drawing of bas-relief is kept at the Imperial Public Library in St Peterburg (Pyotr Köppen's Note). If we can take any of these measurements, the relief dimensions were approximately 0.86 × 0.46 m.

[5] Kyoppen 1828, 141–142.

[6] Küster 1913, 104–119, 133–137, 140; Hoffmann 1997, 135.

[7] Küster 1913, 105–106; Cook 1925,1107–1112; Tiverios *et al.* 1997, no. 202.

[8] Cook 1925, 1082–1087.

[9] Klöckner 2019, 11.

[10] A piece of a similar shield was discovered in Olbia during archaeological excavations, see Rusyaeva, Nazarov 1994, 45–52; Treister 1994, 52–53; Vinogradov 2006, 29–30.

[11] Holtzmann 1984, 892.

Fig. Olbia relief with the image of a religious procession (according to Uvarov 1851, table. XIII)

invariably depicted as adult men with abundant facial hair[12]. As for the serpent's position, the god of healing usually has it twined around his staff. Finally, there is no reliable data on the cult of Asclepius in the Pre-Getae Olbia (as in its metropolis)[13]. And this point is important, considering that Olbia has been thoroughly studied. Of course, given the beardless and emphasized bodily power of the main figure of the composition and the presence of weapons in it, one can assume that the procession is heading to Ares, the god of war. But his veneration in Olbia is not attested[14], and he was not popular in Greece, and the monuments of his cult are very rare[15]. Also, women and a child participating in the procession isn't in line with the cult of the god of war. The image of the serpent is not much more associated with his veneration. Though, to be fair, it should

[12] However, Asclepius has several beardless images, but he is always bearded on the dedicatory monuments.

[13] Rusyaeva 1992, 130–132.

[14] Rusyaeva 1992, 132. Even if the name of Ares reconstructed by Yu.G. Vinogradov on the heavily damaged Olbia construction inscription of the Mithridatic VI era (Vinogradov 1989, 257) corresponds to reality, the dedication of the tower to the god of war cannot be considered as evidence of its Olbia cult. A.S. Rusyaeva, who accepts the version of Yu.G. Vinogradov without confidence, believes that the dedication, most likely, could have been made by the soldiers of the Pontic king who wery in Olbia (Rusyaeva 1992, 132). By the way, the publishers of this inscription read not a Greek theonym, but "probably a non-Greek" personal name in it, noting that "the similar name ασαρος is attributed to Iranian by Zgusta" (*HO* 75).

[15] Nilsson 1967, 517–519; Burkert 2004, 276–278. For the iconography of Ares, see Bruneau 1984, 490.

be noted that some kind of link between Ares and the serpent is still traced. This is evidenced by the fact that he was considered the father of the serpent killed by Cadmus (Apollod. III 4. 1; Hygin. *Fab*. 178). However, his images with a snake are not attested[16].

In our view, the image of the serpent on the Olbia relief should primarily indicate the connection of the main character with the chthonic world. It is no accident that images of rampant serpents can be seen on some of the dedicatory reliefs of the heroized dead[17]. In this context, the image of Achilles, the great hero of Hellas, who became very popular on the Periplus of the Euxine Sea[18] and was revered as a god in Olbia, is obviously at issue.

In addition to the monument under review, the serpent is present on another Olbia relief which is a marble slab, probably from the end of the third century BC, with an inscription dedicated to the Benevolently Listening hero[19]. However, it is Asclepius who appears in his image as A.A. Beletsky believed[20]. The interpretation of the Kiev scientist was almost immediately challenged by J. and L. Robbers[21]. Their criticism was supported by Yu.G. Vinogradov, who suggested that there is just a "chthonic genius"[22] depicted here, but his interpretation looks too vague. Most probably, this relief is dedicated to Achilles[23]. It is worth noting that the publisher of this monument attributed it to Asclepius but did not exclude the possibility that Achilles Pontarchus[24] might be hiding under the name of a Benevolent Listening hero.

Based on the works of P. Kretschmer and I.I. Tolstoy[25], as well as some other researchers, H. Hommel convincingly proved the presence of the god of the underworld's features in the image of Achilles[26], and V.N. Toporov clearly demonstrated the chthonic-serpentine real cause of this image[27]. Having analyzed the evidence of ancient authors about the Black Sea Achilles, and archaeological finds associated with his cult, one of the authors of this article concluded that this Homeric hero is originally typical for the religions of the eastern Mediterranean and the Middle East, a dying and resurrecting deity – a companion of the polyonymous Great Goddess of all things[28]. The main theriomorphic chthonic symbol of Achilles in Olbia was undoubtedly a serpent, evidenced by its repeated images on numerous graffiti dedications to this divine hero[29]. N.V. Pyatysheva suggested that on Levka, "there was a dwelling, perhaps mythical, of a giant serpent, worshipped by local tribes, long before the arrival of the Greeks here[30]."

---

[16] See Bruneau 1984, 490–492.
[17] Blümel 1966, Abb. 103, 111, 119, 122.
[18] Ivanchik 2005, 68–82.
[19] Rusyaeva 1992, 74, рис. 21.
[20] Beletskiy 1969, 155–161.
[21] *Bull. ép*. 1970, 408.
[22] Vinogradov 1984, 59, note 29.
[23] Yaylenko 1980, 88; Rusyaeva 1992, 74–75.
[24] Beletskiy 1969, 160.
[25] Kretschmer 1913, 305–308; Tolstoy 1918.
[26] Hommel 1981, 53–76.
[27] Toporov 1990, 64–95.
[28] Shaub 2002a; 2002b; 2007, 74–75, 182–198; 2011, 157–167.
[29] See, for example, Rusyaeva 2005, 472, fig. 4–12.
[30] Pyatysheva 1966, 68.

The rise of the cult of Achilles on Levka, and Olbia and its surrounding area was probably mainly because the archaic Achilles, the serpent, of the Greek colonists met here with a local deity who had similar features. If the chthonic, marine, soterian, healing, and a number of other aspects of the cult of Achilles can be explained in one way or another, based on Greek realities, then it is hardly permissible to interpreter the myths about Achilles possessing cannibal horses in a such a way (Philostr. *Her*. XIX. 20; comparison with the mares of King Diomedes of Thrace is hardly acceptable. Especially impossible is to find in them a foundation for understanding the testimony of Achilles the ogre (Philostr. *Her*. XIX. 18)[31]. In this connection, the results of the excavations made by S.B. Buyskikh of the sanctuary of Achilles on Cape Beikush, which dates back to the Archaic period, are significant. The materials obtained here contain graffiti with the name of this deity, images of serpents[32], and various magical symbols. This allowed V.G. Lazarenko to more clearly and convincingly demonstrate the ancient local "serpent" real cause of the cult of Achilles in the Northern Black Sea region[33].

In light of the above, it is most logical to assume that our relief represents the scene of the worship of Achilles, who not only in Olbia but also in the territories subject to it, was already revered in the archaic era as a powerful god with various functions, and in Roman times, having received the official epiclesis Pontarches, even took an undivided dominant position in the Olviopolites Pantheon.

The extensive iconography of Achilles, available on the monuments of Greek art[34], can neither confirm nor refute our interpretation. Similar images of the seated, half-naked, beardless hero depicted in the Olbia relief are known, but a serpent never accompanies them. At the same time, the permanent attribute of Achilles is a weapon – both offensive and defensive. Therefore, it seems quite natural that one graffiti dedication to Achilles, found in his sanctuary on Beikush (Chora Olbia), depicts a hoplite in a helmet with a sword and a round shield[35], one we see in the relief under consideration.

References

Beletskiy, A.A. 1969: [The "Kindly Heeding Hero" in Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 155–161.

Белецкий, А.А. Благосклонно внемлющий герой в Ольвии. *ВДИ* 1, 155–161.

Blümel, C. 1966: *Die klassisch griechischen Skulpturen der Staatlichen Museen zu Berlin*. Berlin.

Bruneau, Ph. 1984: Ares. In: *LIMC* II, 478–492.

Burkert, W. 2004: *Grecheskaya religiya: arkhaika i klassika* [*Greek Religion: Archaics and Classics*]. Saint Petersburg.

[31] Shaub 2002a, 356–367.

[32] Buyskikh 2001, 38–39, figure. 3, *2, 3, 6*; Lazarenko 2018, 372, fig. 2.

[33] Lazarenko 2018, 300–308.

[34] See Kossatz-Deißmann 1981, 37–222.

[35] The graffiti is made on the turned wall of the Ionian amphora of the second half of the 6th century BC. It is possible that the creator of the image of a walking hoplite carved on this shard meant Achilles himself (Buyskikh 2001, 37, Fig. 3, *11*). The exceptional importance attached to the shield of Achilles in mythology is evidenced by the cosmic scale of the images presented on this subject by Hephaestus: earth, sky, ether, winds, clouds, moon, sun, stars (Hom. *Il*. XVIII. 478–489; Quint. Smyrn. V. 4–10).

Буркерт, В. *Греческая религия: Архаика и классика*. СПб.
Buyskikh, S.B. 2001: [Investigation of the Achilles sanctuary on the Cape of Beykush (preliminary results)]. In: *ANAXAPΣIΣ. Khersonesskiy sbornik* [*ANAXAPΣIΣ. Chersonesos Collection*] *11*, 34–43.
Буйских, С.Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги). В сб.: *ANAXAPΣIΣ. Херсонесский сборник* 11, 34–43.
Cook, A.B. 1925: *Zeus. A Study in Ancient Religion*. Vol. II. Cambridge.
Hoffmann, H. 1997: *Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases*. Oxford.
Holtzmann, B. 1984: Asklepios. In: *LIMC* II, 863–896.
Hommel, H. 1981: [Achilles the God]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 53–76.
Хоммель, Х. Ахилл-бог. *ВДИ* 1, 53–76.
Ivantchik, A.I. 2005: *Nakanune kolonizatsii* [*On the Eve of Colonisation*]. (Pontus Septentrionalis, 3). Moscow–Berlin.
Иванчик, А.И. *Накануне колонизации*. (Pontus Septentrionalis, 3). Москва–Берлин.
Klöckner, A. 2019: Attischer Import oder lokale Produktion? Ein Weihrelief aus Olbia mit ungewöhnlicher Bildsprache. In: *An den Ufern des Bugs. Internationale Fachtagung anlässlich des Jubiläums: Fünf Jahre deutsch-ukrainishe Ausgrabungen in Olbia Pontica. Zusammenfassungen der Vorträge*. Frankfurt am Main, 11.
Köppen, P. 1828: *Drevnosti severnogo berega Ponta* [*Antiquities of the North Shore of Pontus*]. Moscow.
Кёппен, П. *Древности северного берега Понта*. Москва.
Kossatz-Deißmann, A. 1981: Achilleus. In: *LIMC* I, 37–222.
Kretschmer, P. 1913: Mythische Namen. 1. Achilleus. *Glotta* 4, 305–308.
Küster, E. 1913: *Die Schlange in der griechischen Kunst und Religion*. (Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten, 13.2). Giessen.
Lazarenko, V.G. 2018: *Akhill – bog Severnogo Prichernomor'ya* [*Achilles – God of the Northern Black Sea Region*]. Izhevsk.
Лазаренко, В.Г. *Ахилл – бог Северного Причерноморья*. Ижевск.
Nilsson, M.P. 1967: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. I. 3 Aufl. München.
Pyatysheva, N.V. 1966: [An archaeological survey of Levka Island (Zmeiny Island) in the autumn of 1964]. *Trudy Gosudarsrvennogo istoricheskogo museya* [*Transactions of the State Historical Museum*] 40, 58–70.
Пятышева, Н.В. Археологическое обследование острова Левки (о. Змеиный) осенью 1964 г. *ТГИМ* 40, 58–70.
Rusyaeva, A.S. 1992. *Religiya i kul'ty antichnoy Ol'vii* [*Religion and Cults of Ancient Olbia*]. Kiev.
Русяева, А.С. *Религия и культы античной Ольвии*. Киев.
Rusyaeva, A.S. 2005. *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu. Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroev* [*Religion of Pontic Greeks in Ancient Times. Myths. Sanctuaries. Cults of Olympic Gods and Heroes*]. Kiev.
Русяева, А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев.
Rusyaeva, A.S., Nazarov, V.V. 1994: [Fragment of a shield from Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 45–52.
Русяева, А.С., Назаров, В.В. Фрагмент щита из Ольвии. *ВДИ* 1, 45–52.
Shaub, I. Yu. 2002a: [Achilles, the God of the Northern Black Sea region]. *Novyy chasovoy* [*New Guard*] 13–14, 356–367.
Шауб, И.Ю. Ахилл – бог Северного Причерноморья. *Новый часовой*, 13–14, 356–367.
Shaub, I. Yu. 2002b: [Achilles at Bosporus]. *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha* [*The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Burial Objects and Sanctuaries*]. Vol. 1. Saint Petersburg, 186–189.
Шауб, И.Ю. Ахилл на Боспоре. *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища*. Т. 1. СПб., 186–189.
Shaub, I. Yu. 2007: *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n.e.)* [*Myth, Cult, Ritual in the North Pontic Area (7th-4th cent. B.C.*]. Saint Petersburg.
Шауб, И.Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.)*. СПб.
Shaub, I. Yu. 2011: *Ellinskie traditsii i varvarskie vliyaniya v religioznoy zhizni grecheskikh koloniy Severnogo Prichernomor'ya (VI–IV vv. do n.e.)* [*Hellenic Traditions and Barbaric Influences in the Religious Life of the Greek Colonies of the Northern Black Sea Region (6th-4th cent. BC)*]. Saarbrücken.

Шауб, И.Ю. *Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.)*. Саарбрюккен.

Tiverios, M., Voutiras, E., Leventi, I., Machaira, V., Karanastassi, P., Ralli-Photopoulou, E., Kremydi-Sicilianou, S. 1997: Zeus. In: *LIMC* VIII, 310–374.

Tolstoy, I.I. 1918: *Ostrov Belyy i Tavrika na Evksinskom Ponte* [*Bely Island and Taurica on the Pontus Euxinus*]. Petrograd.
Толстой, И.И. *Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте*. Петроград.

Toporov, V.N. 1990: [About the archaic layer in the image of Achilles. (The problem of the reconstruction of the elements of prototext)]. *Obraz – smysl v antichnoy kul'ture* [*Image – Meaning in the Antique Culture*]. Moscow, 64–95.
Топоров, В.Н. Об архаическом слое в образе Ахилла. (Проблема реконструкции элементов прототекста). *Образ – смысл в античной культуре*. М., 64–95.

Treister, M. Yu. 1994: [To the find of shield lining in Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 52–53.
Трейстер, М.Ю. К находке обкладки щита в Ольвии. *ВДИ* 1, 52–53.

Tunkina, I.V. 2002: *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [*Russian Scholarship on Classical Antiquities of Southern Russia (18th to mid 19th Cent.)*]. Saint Petersburg.
Тункина, И.В. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)*. СПб.

Uvarov, A. 1851: *Issledovaniya o drevnostyakh Yuzhnoi Rossii i beregov Chernogo morya* [*Research on the Antiquities of Southern Russia and the Black Sea Shores*]. Saint Petersburg.
Уваров, А. *Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря*. СПб.

Vinogradov, Yu.A. 2006: *Schastlivyy gorod v voyne. Voennaya istoriya Ol'vii Pontiyskoy (VI v. do n.e. – IV v.n.e.)*. [*Happy City in the War. Military History of Olbia of Pontus (6th cent. BC – 4th cent. AD*]. Saint Petersburg.
Виноградов, Ю.А. *Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э.– IV в.н.э.)*. СПб.

Vinogradov, Yu.G. 1984: [A decree honouring Anthesterios and the critical situation of Olbia in the Hellenistic epoch]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 51–80.
Виноградов, Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма. *ВДИ* 1, 51–80.

Vinogradov, Yu.G. 1989: *Politicheskaya istoriya Olviyskogo polisa VII–I vv. do n.e. Istoriko-epigraficheskoye issledovaniye*. [*Political History of Olbian Polis of 7th-1st cent. B.C. Historical-Epigraphical Study*]. Moscow.
Виноградов, Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование*. М.

Yaylenko, V.P. 1980: [Graffiti of Leuka, Berezan and Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 75–116.
Яйленко, В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии (окончание). *ВДИ* 3, 75–116.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 684–697
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 684–697
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910015611-5

WAS AURELIUS VIATOR A SOLDIER?

Daniil A. Kostromichev

The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia

E-mail: akfill@list.ru

The article is devoted to three tombstones from the excavations of Chersonesus in Taurica. Two gravestones preserved the names of the buried persons: Aurelius Viator and Sabinus; the third is nameless. The portraits of the buried are carved on the monuments. Each of them holds a bird in his hands. Judging by numerous analogies, birds were a common attribute of children's funeral portraits in antiquity and became a symbolic indication of childhood, as they were common pets. Keeping and caring for pets was an important part of education and a favorite pastime for children in the Roman Empire.

Keywords: Chersonesus in Tauris, tombstone, Aurelius Viator, Sabinus, portrait, children, birds, soldier's clothes, everyday life

In 1892, during the excavations of the southern section of Chersonesos in Taurica 's necropolis, a marble burial stele with a Latin epitaph and a fully preserved image of the deceased was discovered (Fig. 1, *1*). The stele was used for the second time as one of the stones for the lining of a child's grave (No. 77), which had been looted before excavations[1]. At present, the monument is kept in the collection of the State Historical Museum[2]. The stele has been repeatedly published with descriptions of the text's image,

Author. Daniil Aleksandrovich Kostromichev – Candidate of Historical Sciences, head of the department of the ancient settlement and necropolis of the National Preserve of Tauric Chersonesos (NPTC)

The article is an expanded and revised version of the report read at the conference Uvarov's Tauride Readings "Antiquities of The South Of Russia" by Kostromichev 2016. Valuable comments that have improved this work belong to A.A.Voloshin and V.V. Masyakin, whom I express my gratitude.

This article is a translation of: Костромичев Д.А. Был ли солдатом Аврелий Виатор? // Vestnik drevnei istorii 81/2 (2021), 408–422. DOI: 10.31857/S032103910014831-7

[1] Kosciuszko-Walużynicz 1894, 102, fig. 60.

[2] Zhuravlev 1997, 199, fig. 5, *1*.

translations, and commentaries[3]. The date of the monument is determined within the 3rd century A.D.[4]

In the upper part of the stele in the edicule, a full-length frontal view of the entombed man is depicted. He is dressed in a short tunic, with a cloak fastened with a fibula, a pointed cap on his head, holding a bird and fruit in his hands. The first four lines of the inscription are fully preserved[5]: D(is) M(anibus)./ Filio suo titu/ lum posuit/ Aurel(io) Viatori/ [--]- "To the gods Manes. To son Aurelius Viator put a tombstone inscription... ."

The end of the text has not been preserved. V.V. Latyshev believed that Aurelius Viator dedicated the inscription, and the name of his son was not mentioned[6]. E.I. Solomonik defined that the name of Aurelius Viator was given in the dative case. It was to Aurelius Viator that the father dedicated the tombstone[7]. This observation signifies the identity of the name and the person portrayed on the tombstone. The reading by Solomonik has not been further challenged.

Despite the clarity of the text and completeness of the image, there is still no unanimous understanding of the monument. Researchers have been split up as to the social affiliation of the buried man. Two views emerged, each based on either the text of the inscription or the iconography of the image. Both versions have several proponents. Based on the text, the epigraphers speculated that Aurelius Viator was the son of a Roman soldier but was not a soldier[8]. Based on the nature of the relief, art historians thought that the person depicted on the tombstone wore military clothing and a mustache, and therefore must be considered a soldier[9]. Both opinions in each case were formulated only in the abstract and were not supported by detailed evidence. Obviously, only one of these versions can be true. To answer the question whether Aurelius Viator was a soldier, it is necessary to examine the pros and cons in more detail, as well as to pay attention to details that have not previously been used to solve the problem.

The whole appearance persuades proponents of the buried soldier's status of the character. The clothing of Aurelius Viator indeed resembles that of a soldier. Each of the three elements depicted – tunic, cloak, and sandals – are part of the list of the Roman soldier[10]. However, the soldier's tunic and cloak themselves were in no way different from the clothing of wealthy citizens[11]. The Roman army did not have a uniform in the modern sense. Their military equipment determined visual identification of soldiers[12]. In the surviving pictorial monuments of the first centuries A.D., in the absence of weapons, the only signs that we are dealing with a soldier are a military belt and military sandals.

---

[3] Latyshev 1895, 16, 17, No 15; *IOSPE* I^2, 566; Solomonik 1983, 67, 68, No 42; Zhuravlev 2002, 90, No 379.

[4] Latyshev 1895, 16; Solomonik 1983, 68.

[5] The reading and translation are given according to Solomonik 1983, 67, 68, no. 42.

[6] Latyshev 1895, 16.

[7] Solomonik 1983, 68.

[8] Solomonik 1983, 67–68, № 42; Zubar' 1994, 90.

[9] Maksimova, Nalivkina 1955, 319–320, рис. 36; Ivanova *et al.* 1976, 126, № 391; Chubova *et al.* 2008, 121; Doroshko 2012, 111.

[10] Speidel 2012, 8, 9; Paetz gen. Schieck 2012, 93–95.

[11] Sander 1963, 148; Hoss 2012, 29.

[12] Bishop, Coulston 1993, 196.

We can find the confirmation in written sources. Petronius (*Satir. 82*) describes the remarkable adventure of Encolpius, who conceived, disguised as a soldier, to take revenge. For this purpose, the jealous man put on a belt and sword, but on the way, he was unmasked because of the Greek sandals on his feet. The Roman military open shoes (caligae) were a type of sandals characterized by a thick sole lined with many iron nails[13]. The author of the tomb of Aurelius Viator paid considerable attention to the depiction of the shoes. The straps covering the instep of the foot and ankle are shown. The longitudinal lace pulling the straps from the sole is visible. The thick sole draws attention. But we have to admit that regardless of the sculptor's intention to show military or civilian shoes, the relief does not show the main distinguishing detail – the iron nails on the sole[14]. Another obstacle to identifying the sandals of Aurelius Viator with the military *caligae* is that by the time of his life, the *caligae* were going out of use. Archaeological evidence suggests that heavy military sandals ceased in the first quarter of the second century A.D.[15] From that time on, only calcei, shoes that completely covered the heel, foot, and toes, remained used by the Roman army.

A more important and unambiguous meaning is the depiction of the belt (balteus, cingulum) on soldiers' tombstones and other images of soldiers[16]. Two types of Roman military portrait tombstones were most popular during the Empire period. The first type depicted soldiers in full armor. The second type showed soldiers dressed in a belted tunic and cloak[17]. The belt was the attribute that unmistakably distinguished soldiers from civilians; the sword depicted was not mandatory, although it was common. Examples of the tombstone steles depicting belts and weapons are numerous[18]. The tombstones of Aurelius Sylvanus and Marcus Mecilius can serve as such examples in Chersonesos[19]. In contrast to the above-mentioned examples, the portrait of Aurelius Viator is deprived of the belt. This is a fundamental argument against the possible soldier status of Aurelius.

Of course, the close connection between Aurelius Viator and the Roman garrison of the city cannot be denied. His name and epitaph language eloquently testify to it. All Latin inscriptions in Chersonesos are connected in one way or another with Roman servicemen or their families. For this reason, we can conclude with a high probability that Aurelius' father was a serviceman or a veteran of the Roman army. There is also evidence that the section of the necropolis near the Southern city walls where the stele was found was used in the 3rd century A.D. for burials of Roman soldiers and officers. Also, in 1892, two graves of soldiers were discovered near the stele[20].

---

[13] Bishop, Coulston 1993, 110, fig. 61. On the Roman *caligae* in Chersonesos and its surroundings, see Doroshko 2012.

[14] Here is an example of a shoe with a similar cut: a child's sandal from Bordeaux (Coulon 1994, 70).

[15] Bishop, Coulston 1993, 119; James 2004, 59.

[16] The significance of the belt as a symbol of service is emphasized by the procedure of removing the belt as a sign of termination or renunciation of service. See about it Woods 1993, 55–60.

[17] Speidel 2012, 1–4.

[18] Coulston 1987, 141–146; Bishop, Coulston 1993, 125, fig. 85; James 2004, 61, fig. 24, 25; Ďurianová 2011, 49–55; Papagianni 2013, 800.

[19] Solomonik 1983, 58–61, No 31, 33.

[20] Doroshko, Zhuravlev 2018, 360, 361.

Fig. 1 Tombstones of children with birds in their hands. Chersonesos: *1* – tombstone of Aurelius Viator (Zhuravlev 2002); *2* – tombstone of Sabinus. *NPTH. Number according to GIK (KP): HM CP-3594. Photo by D.A. Kostromichev*; 3 – unnamed tombstone. *NPTH. Number according to GIK (KP): HM CP-4535. Photo by K.V. Zykova*

The portrait's notable details can be pointed out as one of the arguments in favor of Aurelius' soldierly status. Some scholars have suggested that he has a mustache on his face[21], i.e., he is an adult. This view is controversial. In general, the portrait is a vivid example of the so-called provincial-Roman style. The flat relief is far from a realistic image. Certain details of the portrait are difficult to interpret unambiguously. Thus, in my opinion, the nasolabial folds were taken as the image of a mustache, which is conveyed by two dee sharp furrows.

It is striking that the carver provided the figure with a disproportionately large head. Many researchers of the monument paid attention to this feature, describing it as follows:

[21] Latyshev 1895, 16; Solomonik 1983, 68.

"a disproportionately short male figure"[22]; "the small figure of the deceased with a clearly outlined outline and an almost geometrically correct construction is completely disproportionate"[23]; "the depiction of the male figure... with gross disproportion (an inordinately large head and a short torso)[24]," "shortened body proportions[25]." Distortion of proportions is the norm for the fine art of late Roman times. Nevertheless, such detail may not be accidental. In Roman art, children were depicted in this way, with a somewhat enlarged head[26].

One element of the image has not previously been considered an argument in discussing whether Aurelius Viator was a soldier. It seems that it is the depiction of objects in his hands that finally resolves the issue of the interpretation of the character. The dead man holds a bird in his right hand and a large fruit (a grape or a cone) in his left hand. The bird in the hands of Aurelius Viator is his pet: a songbird or a pigeon. In particular, domestic animals and birds were an understandable symbol of childhood for contemporaries in antiquity. Like children today, boys and girls growing up in Roman cities kept pets and cared for their pets. This activity, along with games, was a favorite childhood activity and an important aspect of upbringing[27].

This attribute of childhood became a symbolic indication of age on images as early as classical Greece. Tombstones representing a single child figure appeared in Asia Minor and on the Aegean Islands[28]. The most famous stele found on Paros is the most heartfelt and highly artistic depiction of a child in ancient art[29] (Fig. 2, *1*). The motif of children holding birds is often found on tombstones in Attica[30]. In the Hellenistic era, this type of tombs continued to be popular32[31] (Fig. 2, *2*).

During the Roman Empire, the tradition spread throughout the provinces. As an illustration of this tradition, J. Mander calculated a large selection of Roman tombstones depicting children. On 174 tombstones, we see children with domestic animals[32]. Children's tombstones are known to depict the deceased accompanied with rabbits, dogs, and cats[33]. However, the most beloved character was the pet bird[34]. For the Imperial period,

---

[22] Latyshev 1895, 16.

[23] Maksimova, Nalivkina 1955, 319, 320.

[24] Solomonik 1983, 68.

[25] Zubar' 2004, 466.

[26] Minten 2000–2001, 75.

[27] Bradley 1998, 539–545; Minten 2000–2001, 73, 74.

[28] Oakley 2003, 180.

[29] Oakley 2003, 180, 181; Beaumont 2003, 74, fig. 11.

[30] Grossman 2001, 12; no. 3; Neils, Oakley 2003, 307, 308; cat. no.125; Grossman 2013, 91–92; no. 42; Margariti 2017, V, IX, XI, cat. no. E6, E12, E15, E25, E26, E41, E68, E82, E88.

[31] Vorster 1983, 331, 332, 338, 339, 342, 348–350, 353, 356, 364, Taf. 12, *1–3*; 14, *2*; 16, *1–3*; 17, *3*; 18, *3*; 20, *2*; 23, *1*; Spiliopoulou-Donderer 1990; Grossman 2001, 69, 95, 96; no. 24, 35; Oakley 2003, 189; cat. no.126.

[32] Mander 2013, 37, tab. 5. The figure is not based on the entire sample (881 specimens) but only on the reasonably well-preserved tombs, which make up more than half of the sample.

[33] Vorster 1983, 360, 361, 371, 372, Taf. 18, *1*; 20, *1, 3*; 21, *1*; Huskinson 1996, pl. 10, *2*; Johns 2003, 54–60, fig. 1; Grossman 2001, 18–20; no. 5.

[34] Pfuhl, Möbius 1979, 510, 522, 523, 528, Kat. Nr. 2112, 2187–2192; Taf. 304, *2112*; 312, *2190–2192*; Wujewski 1991, 45, pl. 57; Ortiz 1993, no. 242; Coulon 1994, 99–105; Huskinson

at least 118 tombstones with children and birds are known[35] (Fig. 2, *3–5*). The same tradition existed in the Middle East. On the burial reliefs of Palmyra, children were often depicted with birds and grapes in their hands[36].

It is noteworthy that this tradition, which is Greek in origin, made its way into Chersonesos in the 2nd and 3rd centuries as a part of provincial-Roman culture through the mediation of Roman garrison servicemen. This portrait of Aurelius Viator in Chersonesos is not the only one that depicts a child with a bird. There are two more tombstones of the same series. One of them is a portrait marble insert in tombstone with Latin inscription, which survived partially (Fig. 1, *2*). The relief depicts a bird in the left hand of the character and round fruit, held in the right hand close to the bird's beak. Below the Latin inscription is carved as follows: "To the gods Manes. ...Sabinus, soldier..., to son Sabinus... put[37]. The authors of Chersonesos sculpture vault considered the depicted man to be a soldier[38]. The inscription follows that the soldier was the father of the deceased, who was also named Sabinus. The situation when both father and son were soldiers at the same time is unlikely. It is much more plausible to assume that Sabinus junior was a child[39]. This is convinced not only by the inscription text but also by the familiar attributes in his hands.

The second anepigraphic limestone tombstone is completely preserved, but its surface is heavily weathered[40] (Fig. 1, *3*). Nevertheless, the nature of the portrait suggests that the person depicted on it is still very young. In his left hand, we can see a bird. We can see an object in the right hand, which, by analogy with the portraits of Aurelius Viator and Sabinus, can be considered a fruit. The listed tombstones date from the 2nd–3rd centuries A.D. All three images are not symbolic but quite realistic portraits of adolescents with animals represented in the same manner. These birds were the pets of young Chersonesos inhabitants who never got a chance to grow up.

The burial portraits preserved the examples of images of children together with domestic animals. In red-figure paintings, playing with pets is one of the usual children's activities[41]. In stone sculpture, birds and puppies, with which children were often depicted, are known in Classical, Hellenistic, and Roman times[42] (Fig. 3, *3, 4*). G.D. Belov, who published a marble statue of Eros with a bird from Chersonesos, pointed to a big group of marble statuettes in the Hermitage collection showing boys with birds[43]. Findings from the Mars Sanctuary in Trier play an important role in understanding the significance

---

1996, 39, pl. 1, *3*; Mesihović 2011, 50–52; Grossman 2013, 205, 207, no. 342, 347.

[35] Mander 2013, 37, fig. 19, 20, tab. 5.

[36] Parlasca 1990, 137, 142, Abb. 1, 16; Heyn 2010, 639, fig. 7; See also the reliefs from the Hermitage collection: inv. no. DV-4176; DV-4177.

[37] *IOSPE* I² 552; Solomonik 1983, № 32.

[38] Ivanova *et al.* 1976, 127, № 394.

[39] Solomonik 1983, 60.

[40] Ivanova *et al.* 1976, 117, No 364, ill. 146.

[41] Hoorn 1951, 46–49, cat. no. 91, 190, 235, 278, 288, 320–363, 504, 536; Neils, Oakley 2003, 280–285, cat. no. 91–95.

[42] Havé-Nikolaus 1998, 179–181, Kat. Nr. 48, Taf. 1, 2; Beaumont 2003, 77–79, fig. 14, 15, 17; Häuber 2014, 585, 586, fig. 99.

[43] Belov 1959, 22, 23, fig. 8.

Fig. 2 Classical, Hellenistic, and Roman tombstones of children with birds: *1* – stele from Paros Island Neils, Oakley 2003, 74, fig. 11); *2* – tombstone of Apollonia (Grossman 2001, 97, cat. 35); *3* – medallion of P. Cassius Maternianus, Noricus (Mander 2013, 34, fig. 18); *4* – Tombstone of Sabina from Aquinas, Pannonia (Mander 2013, 7, fig. 2); 5 – Tombstone of Alia from Boji, Gaul (Coulon 1994, 101)

of these sculptures. In inscriptions from there the deity is accompanied by Mars Iovantucarus, i.e. "the one who loves youth". During the excavations of the sanctuary, a series of statues of boys holding birds was found (Fig. 3, *1*). These sculptures in the sanctuary were dedications of parents by vow[44].

[44] Faust, Kuhnen 1996, 186–188, Kat. Nr. 33a–b; Derks 2008, 194.

Toreutics also provides examples of such representations: the bronze statue of a boy in a toga and holding a bird in his hand from the Louvre[45] (fig. 3, *2*); a bronze figure of Eros holding a bunch of grapes and a bird decorated a chariot from Mauretania[46]; the Metropolitan Museum has a statuette of a girl playing with a puppy[47].

Scenes of various children's games are present on the funerary stelai[48]. The most varied are the game scenes on a series of children's sarcophagi from various museums in Europe. Among the plots are playing with nuts, quackery, rolling a hoop, etc.[49] These activities are indulged in by young children, while images of domestic animals most often accompany portraits of adolescents. As an illustration of this tradition, J. Haskinson notes that one of the explanations for this is a symbolic reference to the localization of the portrait in a domestic, private setting. At the same time, some images are quite realistic[50].

Coroplast gives many examples of depictions of children accompanied by domestic animals Some terracotta figurines were obviously cheaper versions of offerings, copying stone and bronze statues. As such, terracottas depicting children with birds in their hands may have been used as gifts of parents as a thank-you for divine protection in the sanctuaries of gods, patrons of childhood[51].

Terracotta images of children with birds and animals appear in the Northern Black Sea region not earlier than the middle of 2nd century B.C[52]. In the necropolis of Kepoi in Bosporus, in burial 3 of barrow 17 was found 19 terracottas, among them, there are images of a boy with a goose, a boy with a doe, and a girl with a dog. The burial dates from the middle to the end of the 2nd century B.C[53]. Bosporan statuettes depicting children and dogs as well as children and geese are collected in the work of A.A. Zavoikin[54]. In the context of burials and sanctuaries, such genre terracottas are often interpreted as images of gods in infancy or adolescence accompanied by animals with a symbolic essence (most often chthonic)[55]. Such a conclusion is difficult to dispute when the terracottas come from burials where every item of burial inventory is in one way or another associated with representations of the afterlife. Still, let us note that the plots of terracottas with children playing with or feeding animals were suggested by life[56]. Undoubtedly, some of the figurines of children accompanied by pets represent humans rather than gods.

We can find examples of similar terracotta figurines in Chersonesos. A figurine of a little girl holding a bird and a bunch of grapes was found in tomb 1013[57] (Fig. 3, *5*). Another complete figurine showing a boy with a bird (Fig. 3, *6*) was found in the mound

---

[45] Derks 2008, 198, fig. 4.
[46] Boube-Piccot 1980, 283, nº. 494.
[47] Richter 1915, 160, 161, fig. 375.
[48] Coulon 1994, 100; Colling 2011, 166–168, ill. 7.
[49] Huskinson 1996, 16, 17.
[50] Huskinson 1996, 88, cat. no. 1, *46, 47, 49*; 5, *15*; 8, *22, 26*; 9, *43*.
[51] Derks 2008, 200, fig. 6.
[52] Nikolaeva 1974, table 11, *1, 3*; Zhuravlev *et al.* 2006, 37.
[53] Usacheva 1983, 80, fig. 2, 11–13, 15; Zhuravlev, *et al.* 2006, 28, 35, 36, рис. 15, *1–3*.
[54] Zavoykin 2006.
[55] Zavoykin 2006, 160, 161.
[56] Many of the terracottas clearly depict genre scenes. For example, children watching cockfights: Neils, Oakley 2003, 282, cat. no. 94.
[57] Shevchenko 2016, 120, cat. No 751.

Fig. 3 The statues and terracotta figurines of children with birds: *1* – a statue of a boy from the Sanctuary of Mars in Trier (Derks 2008, fig. 3); *2* – a bronze statue of a boy in a toga. Louvre (Derks 2008, fig. 4); *3* – a figurine of a girl from the Munich Glyptothek (Vorster 1983, Taf. 12, *1*); *4* – a figurine of a girl from Rome (Häuber 2014, 468, fig. 99); *5* – a terracotta figurine of a girl from Chersonesos (Shevchenko 2016, tab. CXV, *751*); *6* – a terracotta figurine of a boy from the mound of the necropolis Sovkhoz 10 (Shevchenko 2016, tab. LXX, *445*)

of necropolis Sovkhoz 10 in the nearby area of Chersonesos[58]. Several fragmented ter-

[58] Strzheletskiy *et al.* 2003–2004, 175, fig. 33, Shevchenko 2016, 80, cat. No 445.

racottas from Chersonesos could also depict children, but their incomplete preservation makes it difficult to be certain[59].

The above examples of images of children with birds leave no doubt that the portrait tombstone of Aurelius Viator depicts a child, most likely a teenager. This raises the question of why his clothing is so similar to that of a soldier. The answer can be found if we take into account a tradition which was quite widespread in the Roman army. The single portrait was not the only tombstone relief, and often many relatives were represented on the monument. Many tombstones depicted fathers along with their children. On such tombstones, there are numerous examples of depictions of sons with clothes, hairstyle, and facial features that repeat the appearance of their fathers. As an illustration of this tradition, J. Mander gives the tombstone of Aurelius Beatus, trumpeter of the Second Auxiliary Legion found at Aquincum. Aurelia Quintilila erected the monument to her husband, who died in battle, and her son Vitalinus, who lived for 4 years, 11 months, and 18 days. The monument shows Vitalinus next to his father. The image of the son is identical to the figure of Aurelius Beat in such details as face, hairstyle, pose, and military clothes[60].

The clothing of soldiers' sons imitated the appearance of their fathers not only in the fine arts but also in real life. To be convinced of this, it is enough to recall the famous explanation of the nickname of Gaius Caesar given by Suetonius in his biography (*Cal.* 9): "He owed his nickname "Caligula" to a camp joke, because he grew up among soldiers, dressed as a common soldier". The soldierly appearance of Aurelius Viator is an example of such traditions spreaded in a near-army environment. The young man was likely waiting for a military career, and the burial portrait conveys the image which the soldier's father wanted to depict: a child from a wealthy family, standing out by his clothing against the background of ordinary Greek Chersonesos inhabitants, following in his father's footsteps, a future soldier. This interpretation even explains the possible presence of a moustache in the portrait.

In my opinion, the degree of the symbolism of the images on the portrait tombstones of Chersonesos should not be exaggerated. In a certain sense, of course, both the gravestone itself and the subjects depicted on it are symbolic. Still, if we deal with a portrait, this symbolism should hardly be considered deeper than replacing an authentic image or object with its artistic embodiment. The idea of finding deep symbolism in portraits of children with birds pecking fruit is directly contradicted by the fact that we know no such portraits of adults. If the bird were understood as a symbol of the soul[61] or initiation into some spiritual knowledge[62], it would be impossible to explain why birds appear only in depictions of children. We cannot seriously assume that adults were perceived as spiritless beings or that the soul of adults took some other (non-bird) form.

A telling analogy to the degree of the symbolism of the three children's portrait tombstones with birds is the well-known group of burial stele from the 4th–3rd centuries B.C. from Chersonesos. In addition to the names, they contain concise symbols indicating the

[59] Shevchenko 2016, 59, 104, 136, 137, cat. No 286, 287, 633, 878.
[60] Mander 2013, 99, fig. 84, cat. no. 678.
[61] C.f. Oakley 2003, 180, 181; Margariti 2017, XI, n. 52.
[62] Wujewski 1991, 45, 50.

gender and age of the entombed people. Thus, the staffs clearly indicate the advanced age of the entombed. The swords on the porticoes indicate citizen warriors in the prime of life, the strigils and grease pans belong to young men engaged in gymnastic exercises and preparing for adulthood[63]. The staffs, swords, and strigils are symbolic in the same way as the pets of Aurelius Viator and Sabinus: they figuratively indicate the typical occupation of a person at a certain age[64], i.e., they are intended to emphasize the social position of the entombed person.

As mentioned above, the bird in hand was not the only pet option when depicting a child. Portraits of children with dogs, rabbits, cats, and horses were also common in Roman provinces. The variety of animals[65] indicates that there was no strict canon for the depiction and the choice of animal probably depended on the preferences of the child himself. From this point of view, it was important to indicate a pet for the customers of the tombstones, and the choice of a particular animal was not so crucial. If this reasoning is correct, then we are a direct reflection of the preferences of the young population of Roman cities. Judging by the greater popularity of children's portraits accompanied by birds, it was keeping feathered pets that children paid the most attention to.

V.I. Kadeev characterizes the daily activities of children in the city as follows: "It is likely that little Chersonesos inhabitants rode on a stick, played blindman's buff and with pets, bowled a hoop like their mates from other ancient Greek cities, but, unfortunately, we have no direct evidence of this[66]." I believe that the three children's burial portraits discussed in this article may well be considered as such evidence. What was theoretically known about children's daily routines in Chersonesos is now given a form of evidence, supported by facts: children played with their pets in the streets and courtyards of Chersonesos, cages with singing birds were in children's rooms, and pigeon-houses completed the image of the city above the roofs of the houses.

References

Beaumont, L.A. 2003: The changing face of childhood. In: J. Neils, J.H. Oakley (eds.), *Coming of Age in Ancient Greece: Images of Childhood from the Classical Past*. New Haven–London, 59–83.

Belov, G.D. 1959: [Report on the excavations in Chersonese in 1955]. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesus Collected Articles*] 5, 13–69.

Белов, Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. *Херсонесский сборник* 5, 13–69.

Bishop, M.C., Coulston, J.C.N. 1993: *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*. London.

Boube-Piccot, Chr. 1980: *Les bronzes antiques du Maroc*. III: *Les chars et l'attelage*. Rabat.

Bradley, K. 1998: The sentimental education of the Roman child: the role of pet-keeping. *Latomus* 57/3, 523–557.

[63] Danilenko 1969, 39–42, рис. 18, 19; Posamentir 2011, 147–149.

[64] Sokolov 2000, 320, 371.

[65] For a review of ancient written sources mentioning a variety of young townspeople's pets, see Bradley 1998, 525–527. In particular, children kept eiders (monerulae), ducks (anites), quails (coturnices), woodpeckers (cardeles), starlings (sturnus), nightingales (lusciniae), hens (pulli gallini), pigeons (columbae) and sparrows (passeres).

[66] Kadeev 1996, 113.

Chubova, A.P., Kolesnikova, L.G., Fedorov, B.N. 2008: *Arkhitektura i iskusstvo Khersonesa Tavricheskogo. V v. do n.e.– IV v. n.e.* [*Architecture and Art of Tauric Chersonese. 5th Cent. BC – 4th Cent. AD*]. Moscow.

Чубова, А.П., Колесникова, Л.Г., Федоров, Б.Н. *Архитектура и искусство Херсонеса Таврического. V в. до н.э. – IV в. н.э.* М.

Colling, D. 2011: Les scènes de banquet funéraire ou Totenmahlreliefs originaires d'Arlon. *Bulletin trimestriel de l'Institut Archéologique du Luxembourg* 87/4, 155–176.

Coulon, G. 1994: *L'Enfant en Gaule romaine*. Paris.

Coulston, J.C. 1987: Roman military equipment on third century tombstones. In: M. Dowson (ed.), *Roman Military Equipment: The Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Seminar, Nottingham 1985.* Oxford, 141–156.

Danilenko, V.N. 1969: [Grave steles]. *Soobshcheniya Khersonesskogo muzeya* [*Reports of The Chersonese Museum*] 4, 29–44.

Даниленко, В.Н. Надгробные стелы. *Сообщения Херсонесского музея* 4, 29–44.

Derks, T. 2008: Les rites de passage et leur manifestation matérielle dans les sanctuaires des Trévires. In: D. Castella, M.-F. Meylan Krause (eds.), *Topographie sacrée et rituels: Le cas d'Aventicum, capitale des Helvètes. Actes du colloque international d'Avenches, 2–4 novembre 2006.* Basel, 191–204.

Doroshko, V.V. 2012: [Roman military footwear from the excavations of Chersonese and its surroundings]. In: D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [*Eurasia in the Scythian and Sarmatian Time. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina*]. Moscow, 100–113.

Дорошко, В.В. Римская военная обувь из раскопок Херсонеса и его округи. В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной*. (Труды ГИМ, 191). М., 100–113.

Doroshko, V.V., Zhuravlev, D.V. 2018: [Two graves of Roman soldiers from the necropolis of Chersonesos Taurica]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/2, 349–364.

Дорошко, В.В., Журавлев, Д.В. Два погребения римских военнослужащих из некрополя Херсонеса Таврического. *ВДИ* 78/2, 349–364.

Ďurianová, A. 2011: Darstellungen von Soldaten und militärischen Dienern auf pannonischen Steindenkmälern. In: M. Verčik (ed.), *Rüstung und Waffen in der Antike*. Trnava, 35–69.

Faust, S., Kuhnen, H.-P. 1996: *Religio Romana: Wege zu den Göttern im antiken Trier*. Trier.

Grossman, J.B. 2001: *Greek Funerary Sculpture: Catalogue of the Collections at the Getty Villa*. Los Angeles.

Grossman, J.B. 2013: *Funerary Sculpture*. (The Athenian Agora, 35). Princeton.

Häuber, C. 2014: *The Eastern Part of the Mons Oppius in Rome: The Sanctuary of Isis et Serapis in Regio III, the Temples of Minerva Medica, Fortuna Virgo and Dea Syria, and the Horti of Maecenas*. Roma.

Havé-Nikolaus, F. 1998: *Untersuchungen zu den kaiserzeitlichen Togastatuen griechischer Provenienz. Kaiserliche und private Togati der Provinzen Achaia, Creta (et Cyrene) und Teilen der Provinz Macedonia*. Mainz am Rhein.

Heyn, M.K. 2010: Gesture and identity in the funerary art of Palmyra. *American Journal of Archaeology* 114/4, 631–661.

Hoorn, G. van. 1951: *Choes and Anthesteria*. Leiden.

Hoss, S. 2012: The Roman military belt. In: M.-L. Nosch (ed.), *Wearing the Cloak: Dressing the Soldier in Roman Times*. Oxford–Oakville, 29–44.

Huskinson, J. 1996: *Roman Children's Sarcophagi: Their Decoration and Its Social Significance*. Oxford.

Ivanova, A.P., Chubova, A.P., Kolesnikova, L.G. 1976: *Antichnaya skul'ptura Khersonesa: Katalog* [*Antique Sculpture of Chersonese: Catalog*]. Kiev.

Иванова, А.П., Чубова, А.П., Колесникова, Л.Г. *Античная скульптура Херсонеса: Каталог*. Киев.

James, S. 2004: *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armour and Other Military Equipment*. London.

Johns, C. 2003: The tombstone of Laetus' daughter: cats in Gallo-Roman sculpture. *Britannia* 34, 53–63.

Kadeev, V.I. 1996: *Khersones Tavricheskiy. Byt i kul'tura (I–III vv. n.e.)* [*Tauric Chersonese. Way of Life and Culture (I–III Cent. AD)*]. Khar'kov.

Кадеев, В.И. *Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.)*. Харьков.

Kostromichev, D.A. 2016: [Was Aurelius Viator a soldier? One aspect of children's subculture in Chersonese]. In: *Uvarovskie Tavricheskie chteniya «Drevnosti Yuga Rossii». Tezisy dokladov i soobshcheniy*

Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [*Uvarov Taurida Readings "Antiquities of South Russia". Abstracts and Reports of the International Scientific Conference*]. Sevastopol', 27–29.
Костромичев, Д.А. Был ли солдатом Аврелий Виатор? Один аспект детской субкультуры Херсонеса. В сб.: *Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России». Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции*. Севастополь, 27–29.

Kosciuszko-Walużynicz, K.K. 1894: [Enumeration of antiquities found in 1892 in a burial ground near the southern city wall of Chersonese]. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1892 g.* [*Report of Imperial Archaeological Commission for 1892*], 101–123.
Косцюшко-Валюжинич, К.К. Перечень древностей, найденных в 1892 году в могильнике у южной городской стены Херсонеса. *ОАК за 1892 г.*, 101–123.

Latyshev, V.V. 1895: *Grecheskie i latinskie nadpisi, naydennye v yuzhnoy Rossii v 1892–1894 gg.* [*Greek and Latin Inscriptions Found in Southern Russia in 1892–1894*]. Saint Petersburg.
Латышев В.В. *Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 гг.* (МАР, 17). СПб.

Maksimova, M.I., Nalivkina, M.A. 1955: [Sculpture]. In: V.F. Gaydukevich, M.I. Maksimova (eds.), *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya: ocherki istorii i kul'tury* [*Ancient Cities of the Northern Black Sea Region: Essays on History and Culture*]. Moscow–Leningrad, 297–324.
Максимова, М.И., Наливкина, М.А. Скульптура. В сб.: В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.), *Античные города Северного Причерноморья: очерки истории и культуры*. М.– Л., 297–324.

Mander, J. 2013: *Portraits of Children on Roman Funerary Monuments*. Cambridge.

Margariti, K. 2017: *The Death of the Maiden in Classical Athens*. Oxford.

Mesihović, S. 2011: *Antiqvi homines Bosnae*. Sarajevo.

Minten, E. 2000–2001: Roman children and their pets: a socio-iconographical survey. *Opuscula Romana* 25–26, 73–77.

Neils, J., Oakley, J.H. 2003: *Coming of Age in Ancient Greece: Images of Childhood from the Classical Past*. New Haven–London.

Nikolaeva, E. Ya. 1974: [Terracotta from the city of Kepoi]. In: M.M. Kobylina (ed.), *Terrakotovye statuetki*. Ch. 4: *Pridon'e i Tamanskiy poluostrov* [*Terracotta Figurines*. Pt. 4: *Don Region and Taman Peninsula*]. Moscow, 13–15.
Николаева, Э.Я. Терракоты города Кеп. В сб.: М.М. Кобылина (ред.), *Терракотовые статуэтки*. Ч. 4: *Придонье и Таманский полуостров*. (САИ, Г1–11). Москва, 13–15.

Oakley, J.H. 2003: Death and the child. In: J. Neils, J.H. Oakley (eds.), *Coming of Age in Ancient Greece: Images of Childhood from the Classical Past*. New Haven–London, 163–194.

Ortiz, G. 1993: *The George Ortiz Collection. Antiquities from Ur to Byzantium*. Berne.

Paetz gen. Schieck, A., 2012: A late Roman painting of an Egyptian officer and the layers of its perception. On the relation between images and textile finds. In: M.-L. Nosch (ed.), *Wearing the Cloak: Dressing the Soldier in Roman Times*. Oxford–Oakville, 85–108.

Papagianni, E. 2013: Grabreliefs römischer Soldaten aus Griechenland: Beobachtungen zu ihrer Typologie und Ikonographie. In: N. Cambi, G. Koch (eds.), *Funerary Sculpture of the Western Illyricum and Neighbouring Regions of the Roman Empire: Proceedings of the International Scholarly Conference held in Split from September 27th to the 30th 2009*. Split, 795–814.

Parlasca, K. 1990: Palmyrenische Skulpturen in Museen an der amerikanischen Westküste. In: M. True, G. Koch (eds.), *Roman Funerary Monuments in the J. Paul Getty Museum*. Vol. 1. Malibu, 133–144.

Pfuhl, E., Möbius, H. 1979: *Die ostgriechischen Grabreliefs*. Textband 2. Mainz.

Posamentir, R. 2011: *The Polychrome Grave Stelai from the Early Hellenistic Necropolis*. (Chersonesan Studies, 1). Austin.

Richter, G.M.A. 1915: *Greek, Etruscan and Roman Bronzes*. New York.

Sander, E. 1963: Die Kleidung des römischen Soldaten. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 12, 144–166.

Shevchenko, A.V. 2016: *Terrakoty antichnogo Khersonesa i ego blizhney sel'skoy okrugi* [*Terracotta of Ancient Chersonese and Its Near Rural Neighborhood*]. Simferopol'.
Шевченко, А.В. *Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи*. Симферополь.

Sokolov, G.I. 2000: *Ol'viya i Khersones (ionicheskoe i doricheskoe iskusstvo)* [*Olbia and Chersonese (Ionic and Doric Art)*]. Moscow.
Соколов, Г.И. *Ольвия и Херсонес (ионическое и дорическое искусство)*. М.

Solomonik, E.I. 1983: *Latinskie nadpisi Khersonesa Tavricheskogo* [*Latin Inscriptions of Tauric Chersonese*]. Moscow.
Соломоник, Э.И. *Латинские надписи Херсонеса Таврического*. М.

Spiliopoulou-Donderer, I. 1990: Das Grabrelief der Apollonia im J. Paul Getty Museum. In: M. True, G. Koch (eds.), *Roman Funerary Monuments in the J. Paul Getty Museum*. Vol. 1. Malibu, 5–14.

Speidel, M. 2012: Dressed for the occasion. clothes and context in the Roman army. In: M.-L. Nosch (ed.), *Wearing the Cloak: Dressing the Soldier in Roman Times*. Oxford–Oakville, 1–12.

Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.Yu., Zhestkova, G.I. 2003–2004: [The population in the neighborhood of Chersonesos Tauricus in the first half of the first millennium AD (by materials of the necropolis "Sovkhoz No. 10")]. *Stratum plus* 4, 27–277.
Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.Ю., Жесткова, Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum plus* 4, 27–277.

Usacheva, O.N. 1983: [Terracotta figurines from the burial mound near Kepoi]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 174, 77–82.
Усачева, О.Н. Терракотовые статуэтки из кургана близ Кеп. *КСИА* 174, 77–82.

Vorster, C. 1983: *Griechische Kinderstatuen*. Köln.

Woods, D. 1993: The ownership and disposal of military equipment in the late Roman army. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 4, 55–65.

Wujewski, T. 1991: *Anatolian Sepulchral Stelae in Roman Times*. Poznan.

Zavoykin, A.A. 2006: [Two subjects in the terracotta complex at the sanctuary of Eleusinian goddesses (Beregovoi 4)]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya* [*Northern Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages*]. Moscow, 158–168.
Завойкин, А.А. Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4). В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. (Труды ГИМ, 159). М., 158–168.

Zhuravlev, D.V. 1997: [Collections from Chersonese in the State Historical Museum]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 194–207.
Журавлев, Д.В. Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного исторического музея. *ВДИ* 3, 194–207.

Zhuravlev, D.V. (ed.) 2002: *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo* [*On the Edge of Ecumene. Greeks and Barbarians on the Northern Coast of the Pontus Euxinus*]. Moscow.
Журавлев, Д.В. (ред.), *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского*. М.

Zhuravlev, D.V., Il'ina, T.A., Lomtadze, G.A., Sudarev, N.I. 2006: [Materials from burial mound of Kepoi necropolis: a burial mound 17 (18)]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya* [*Northern Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages*]. Moscow, 12–46.
Журавлев, Д.В., Ильина, Т.А., Ломтадзе, Г.А., Сударев, Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18). В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. (Труды ГИМ, 159). М., 12–46.

Zubar', V.M. 1994: *Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Ocherki voenno-politicheskoy istorii* [*Tauric Chersonese and Roman Empire. Essays on Military and Political History*]. Kiev.
Зубарь, В.М. *Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории*. Киев.

Zubar', V.M. *et al.* (eds.) 2004: *Khersones Tavricheskiy v seredine I v. do n.e. – VI v. n.e. Ocherki istorii i kul'tury* [*Tauric Chersonese in the Middle of the Ist Cent. BC – 6th Cent. AD. Essays on History and Culture*]. Kharkov.
Зубарь, В.М. (отв. ред.) и др. *Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры*. Харьков.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 698–719
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 698–719
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910010015612-6

ON THE ORIGIN OF THE EARLY CHRISTIAN PAINTINGS IN CHERSONESOS TOMBS

Irina A. Zavadskaya

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

E-mail: zavadskaya_irina@mail.ru

Acknowledgements: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation Grant no. FZEG-2020-0029

The decorative programs of eleven painted tombs of Chersonesos (south-west Crimea), which include mainly floral-plant motifs, images of birds, imitation marble facings and in several tombs also a Christogram and a human figure, correspond to the iconography of early Christian funerary paintings of the Late Roman Empire. They date back to the last quarter of fourth century or the beginning of the fifth century AD. The article revises the traditional concept of the Syro-Palestinian origins of Chersonesos paintings. Based on their style, the specifics of the artistic repertoire, compositional features and the decorative system as a whole, the author concludes that the closest parallels to the Chersonesos monuments can be found in the eastern Balkan provinces of Thrace and Dacia and in the Western Asia Minor. Some features inherent in the Chersonesos paintings allow us to consider them as a local Chersonesos variant of the provincial East Balkan and West Asia Minor Late Antique funerary painting.

Keywords: Chersonesos, painted tombs, early Christian funerary paintings, Thrace, Asia Minor

---

About the author. Irina A. Zavadskaya-Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at V.I Vernadsky Crimean Federal University. Research Center for Archeology And HIstory of the Crimea.

The work is implemented within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. FZEG-2020-0029 on “The influence of the Byzantine Empire on historical processes in medieval Crimea”.

This article is a translation of: Завадская И.А. О происхождении раннехристианских росписей в склепах Херсонеса // Vestnik drevnei istorii 81/2 (2021), 439–462. DOI: 10.31857/S032103910010623-8

Painted tombs have a special place in the history of late-antique Chersonesos. They are among the earliest Christian monuments of the city and of great importance for reconstructing the initial stage of its Christianization. Being an integral part of the world fund of early Christian art, the burial painting of Chersonese carries information about the origin and ways of penetration of a new artistic tradition in the main ancient center of Southwestern Taurica.

The painted tombs of Chersonesos belonged to one of the most common types of rock-cut burial structures with dromos and a small quadrangular chamber with niche beds in the back wall and sidewalls. In different parts of the necropolis, more than 400 such tombs[1] have been discovered, of which only 13 contain the remains of polychrome wall paintings. Most likely, such ornamental decoration of burial structures was quite rare for Chersonesos.

The paintings of the two tombs (1894[2] and No. 2/2008) are radically different from the rest of the group: they are the earliest and are associated with pagan cults. In the tomb of 1894, dated 3rd century AD, by M.I. Rostovtseff, mythological stories were presented with a dancing thyiad and a scene of the abduction of a young man the deceased by winged genius[3]. Plot compositions with scenes of hunting and two horsemen in tomb No. 2/2008 of the end of 2nd – beginning of 3rd century AD can be associated with the cult of the Thracian horseman[4], who appeared in Chersonesos together with Roman legionaries – natives of the Danube lands[5]. The painting of each of these tombs is unique to Chersonesos. They reflect the views of supporters of different syncretic cults, have different plots and compositional solutions. The level of their execution is also different. Most likely, they were created by order of visiting masters representing different art schools. Therefore, there is no reason to talk about the existence of a local art center in Chersonesos in the 2nd–3rd centuries[6], having only two different samples of funerary painting in terms of plot, style, and quality of execution.

The remaining 11 painted tombs of Chersonesos belonged to a completely different artistic tradition and cultural and religious environment. A detailed description and stylistic analysis of the eight tombs discovered in the second half of the 19th – early 20th century were included in a monograph by M.I. Rostovtzeff published plans, drawings, and reconstructions of murals made by the artist M.I. Skubetov, and several colored copies by M.V. Farmakovsky[7]. Since then, these monuments have hardly been

[1] According to the calculations of V.M. Zubar', 411 tombs with niche beds were discovered in the Chersonesos necropolis by the end of the 1970s (Zubar' 1982, 25–29, 33). Further on, new tombs of the same type were researched in different parts of the necropolis, but the total number has not yet been specified.

[2] It is the custom to include the year of their discovery into the names of the Chersonesos tombs.

[3] Rostovtzeff 1914, 442–447.

[4] Rishnjak, Sadova, Turovs'kij, Filippenko 2012, 26–35, 53–79.

[5] Buyskikh 2008, 238; Zubar' 1994, 65–67, 94–95.

[6] Rishnjak, Sadova, Turovs'kij, Filippenko 2012, 79.

[7] Rostovtzeff 1914, 449–507.

investigated[8]. Three new painted tombs have been discovered and studied in our time, two in 1998–1999 and one in 2003/2006[9].

Even though the painting of each of the 11 tombs is largely individual and is generally not repeated anywhere in detail, all these paintings are similar in style, a set of picturesque elements, and a colorful palette. The images of trees, flowers, garlands, fruit, vines, birds, burning candles, decorative panels, and chrisms and human figures discovered in several tombs fully correspond to early Christian funerary art's iconography developed from the Greco-Roman artistic tradition. As a result of a recent discussion regarding the inception of painted tombs in Chersonesos, the dates suggested by M.I. Rostovtzeff more than a century ago were confirmed[10]. Considering the early Christian nature of the painting and the coins found in the tombs, he attributed the paintings of most of the tombs to the second half of the 4th century, although he did not rule out that some could have appeared in the 5th century[11]. Many monuments of early Christian funerary paintings from different areas of the Late Roman Empire, which are closest to the Chersonesos, date back from the middle/second half of the 4th – beginning/first half of the 5th century[12].

If the question of the inception of the painting of the Chersonesos tombs seems quite definite, although in a relatively wide chronological range, then the problem of their origin is still relevant and open. The purpose of this article is to consider this problem at a modern level and taking into account a wide range of monuments of burial painting of the Late Roman Empire, to identify the closest parallels and find the likely ways of penetration of this artistic tradition in this remote center of the early Christian ecumene.

For the first time, the origin of the early Christian Chersonesos paintings was considered by M.I. Rostovtzeff. After conducting a deep stylistic analysis of the Chersonesos paintings and comparing them with the monuments known at that time, similar in character, he formulated several fundamental conclusions for future research. First of all, he pointed out the unity of the style and system of the painting of the entire group of Christian tombs of Chersonesos. He was convinced that the simultaneity and absence of stylistic predecessors precluded the possibility of their local origin: "The painting of this group of Christian burials could not have originated in Chersonesos and developed from the local tradition... but was rather imported and borrowed[13]." The researcher also noted the strict observation of a certain "developed pattern," following the same system that divides the wall horizontally into a "heavy frieze-like bottom" with marble inlay imitation and a "light top, filled

---

[8] At present, the location of only three tombs is known. Published by M.I. Rostovtzeff. Modern explorations have shown that the entrance to the tomb of 1903 was covered with earth, and its painting condition is unknown. The painting of the tomb of 1853/1904 is completely lost. Only some picturesque fragments have been preserved in the tomb of 1905 (Rishnjak, Sadova, Turovs'kij, Filippenko 2012, 101).

[9] Zubar', Khvorostyanyy 2000; Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, 189–192.

[10] Diatroptov 2002; Zavadskaya 2005; 2009; 2013, 47–61; Khrushkova 2008; Turovskiy, Filippenko 2008.

[11] Rostovtzeff 1914, 451–479.

[12] Miyatev 1925; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999; Valeva 2001; Marki 2006; Rousseau 2019; и др.

[13] Rostovtzeff 1914, 440–441, 484–486.

with flowers and birds." At that time, he noted that the system is "completely independent and original" and is not repeated in other famous monuments[14].

The inlay and floral styles that were used in this system, according to M.I. Rostovtzeff, had undoubtedly Eastern origin. He believed that the floral style was already known in pre-Hellenistic Egypt, and the roots of marble inlay, which was a derivative of the Eastern Hellenic system, namely the first Pompeian style, "should be found in areas that were under the cultural influence of Mesopotamia." Both styles were combined in one system in a "purely mechanical combination" in the era of the early Roman Empire, and M.I. Rostovtzeff visualised the closest parallels to the already established system either in the Syro-Palestinian East, or in the field of monuments, the connection of which with Syria and Palestine seems very likely." This system was also used in the painting of Chersonesos tombs, which, according to the scientist, indicates "a close connection of the first Christians of the city not with Byzantium or the Balkan Peninsula," but with the more distant Syro-Palestinian Christian community[15].

M.I. Rostovtzeff saw the confirmation of the "connection of Chersonesos with the Syro-Palestinian south" in the Ives of the Bishops of Chersonesos, according to which the first preacher-bishops who arrived in Chersonesos during the Diocletian era and were martyred here, were the messengers of Hermon of Jerusalem, the bishop of the Church of Jerusalem. Considering the criticism of contemporary scholars who denied the historicity of the consecration of preachers as bishops and their sending by the head of the Jerusalem Church, M.I. Rostovtzeff nevertheless believed that this part of the Lives was based on the tradition preserved among local Christians about the first martyrs, "alien missionaries" from Syria or Palestine[16].

Hereafter, many researchers quite reasonably questioned the hagiographic message about the sending missionaries from Jerusalem, whose church at the dawn of the spread of Christianity did not have much influence and opportunities for such initiatives[17]. The names of the first martyrs were most likely associated with Jerusalem in the era of the creation of the Lives photograph, which dates, as a rule, not earlier than the 6th–7th centuries, i.e., much later than the paintings appeared. Despite the well-founded criticism of the historical component, the question of the origin of Christian paintings has long been either not discussed, or a priori accepted the conclusion of M.I. Rostovtzeff about their Syro-Palestinian origins[18]. It was only at the beginning of this century that new perspectives on this problem emerged. According to P.D. Diatroptov, the closest parallel to the Chersonesos paintings is represented by the paintings of the Christian tombs of the Necropolis of Saint Sofia Church[19]. Basically, the Balkan and Asia Minor analogies were used to consider the problems of chronology and genesis of the Chersonesos paintings, in my opinion, pieces[20]. Considering the painting of early Christian tombs in the Crimea

---

[14] Rostovtzeff 1914, 484.
[15] Rostovtzeff 1914, 500–503.
[16] Rostovtzeff 1914, 504–506.
[17] Meshcheryakov 1978, 128; Diatroptov 1986, 131–132; Zuckerman 1994, 547; Zubar', Khvorostyanyy 2000, 91; *et al.*
[18] Diatroptov 1986, 132; Zubar', Khvorostyanyy 2000, 87.
[19] Diatroptov 2002, 34–35.
[20] Zavadskaya 2005; 2013, 47–61.

in the context of the general development of early Christian burial art, L.G. Khrushkova concluded that the Crimean monuments can be attributed to the zone "between East and West", while noting their proximity to the Pontic-Balkan region[21].

Despite the emergence of new research on the origin of the paintings of the Chersonesos tombs, there are also supporters of the idea of the Middle Eastern origins of these monuments among national researchers. Thus, A.E. Filippov, drawing as the only analogy the frescoes of the baptistery of the family chapel in Dura-Europos, stated that the paintings of the Chersonesos tombs are "a rare example of a Middle Eastern version of early Christian painting[22]." Based on the supposed "stylistic proximity," primarily in the images of male figures in two Chersonessos tombs (1853/1904 and 1909) and the Myrrhophores on the northern wall of the baptistery in Dura-Europos, the author believes that these monuments "could have arisen almost in parallel." Taking as a reference point the time of the creation of the frescoes of the delubrum of Dura-Europos (between 232 and 256), as well as based on an arbitrary, highly subjective assessment of the composition and style of the Chersonesos paintings, the author offers an absolutely far-fetched "scale of relative chronology," within which he establishes the sequence of the appearance of the Chersonesos painted tombs from the first half of the third century to the beginning of the fourth century[23].

Such an early date is baseless in the context of the history of the city itself and the spread of Christianity in it and in the context of the history of Christian funerary painting throughout the Roman Empire. It is enough to note that the image of the Christogram in a wreath as a symbol of the triumphal victory over death, recorded on the vaults of several Chersonesos tombs, appeared in Christian monuments only in the 4th century, during the era of Constantine the Great, most likely after the Edict of Mediolan 313 AD, and had been spreading since the middle of that century[24].

The figures of young men from the Chersonesos tombs and the Myrrhophores walking to the Holy Sepulchre in the Baptistery of Dura-Europos[25] have different meanings and artistic solutions. They are united only by the en face position and the burning candle in their hands.

The frontal static presentation of figures is one of the distinctive features of the new style, which was the result of the cardinal transformations in art from the end of the 2nd to the beginning of the 4th century, called by Ernst Kitzinger the stylistic revolution, which led to the gradual rejection of the classical Greco-Roman traditions in art throughout the empire[26]. In late-antique burial paintings, the frontal characters are known everywhere – from Rome and Naples to the Middle East and North Africa. Sometimes there are figures with a candle in their hands. In the tomb of Aelia Arisuth of the second half of the 4th century from Gargaresh (Tripoli, Libya), two servants with burning candles in their

[21] Khrushkova 2008, 129.

[22] Filippov 2009, 315. This statement was supported by some authors without any analysis (Bolgov 2004, 18; Fomin 2014, 38–46).

[23] Filippov 2009, 312–315.

[24] Valeva 1998; Khrushkova 2005, 415–416; Zavadskaya 2009, 92–93; Patrich 2016, 275–276.

[25] Pergola 2010.

[26] Kitzinger 1977, 7–19.

hands on both sides of the burial niche were depicted[27]. Functionally, these figures are quite comparable to the characters from the Chersonesos tombs, although they are executed in a completely different way and can not have a direct genetic connection. Nevertheless, these paintings indicate that the image of the figure with a candle was known in late antique art and was embodied by artists in different regions[28].

Thus, the search for a direct connection between the paintings of the Chersonesos tombs and the baptistery at Dura-Europos cannot be productive. They show some trends common to late-antique art, but they belong to different periods and monuments different in nature. The first-ever iconographic program of iconographic scenes, presented on the walls of the Syrian baptistery in the second quarter of the 3rd century, largely anticipated the further development of church decorative painting. Appeared more than a hundred years after the destruction of Dura-Europos, in the last quarter of the 4th – beginning of the 5th century, the Chersonesos paintings decorated the burial structures, which predetermined their decorative program, radically different from the frescoes of Dura-Europos both in ideological content and in the artistic embodiment.

The problem of the origin of the paintings of the Chersonesos tombs can be considered in two different contexts, namely, in the context of the history of the formation of the art system and the style of painting in general, as well as the history of the appearance of this system established in Chersonesos. In his fundamental research, M.I. Rostovtzeff focuses primarily on the history of the artistic styles that formed the painting system and individual pictorial motifs. The monuments considered by him from Italy to the Middle East and Egypt belong to a wide chronological range – from Hellenism to the 4th–5th centuries AD. And, thus, they can illustrate the long path of formation of the decorative system embodied in the Chersonesos tombs and examples of the motifs used in it.

Supporting the idea of the Middle Eastern origin of this system, M.I. Rostovtzeff nevertheless noted its penetration into the West, in particular, in the paintings of the catacombs in Rome, Syracuse, and Naples. Especially in this respect, he singled out the series of tombs of the Necropolis of Saint Sofia Church, of which only the tomb with the archangels was published at that time. According to the scientist, "the scheme of their painting... is the same as in our tombs[29]." However, he made the conclusion about the origin of this system in favor of the Syro-Palestinian East.

The position of M.I. Rostovtzeff is quite understandable, considering that he, like many of his contemporaries, was strongly influenced by the innovative concept of J. Strzygowski about the dominant role of the Hellenized East in the formation of late Antique and early Christian art and, subsequently, medieval art in Western Europe[30]. The heated controversy between the defenders of the ideas of Orientalism and. Strzygowski and the romanists, supporters of romano-centrism, largely determined the history of late antique art as an independent discipline[31]. Later, however, the search for

---

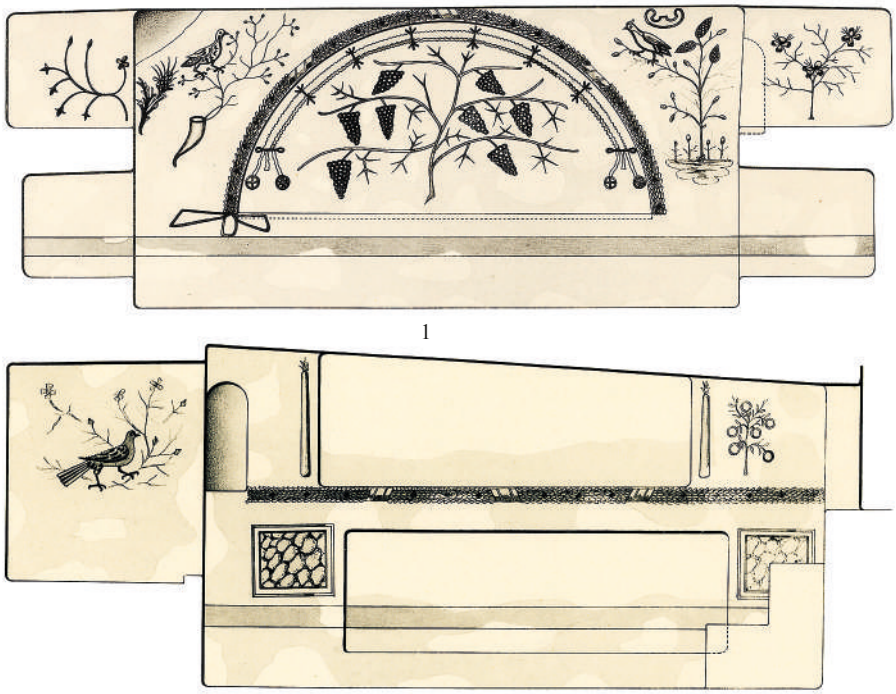
[27] Bianchi Bandinelli 1970, 264, fig. 242; Zavadskaya 2005, 275, рис. 19.

[28] In his fundamental research, M.I. Rostovtzeff cites as an example a fragment of Coptic fabric depicting a man in a tunic holding a candle holder with both hands (Rostovtzeff 1914, 491, fig. 91).

[29] Rostovtzeff 1914, 487–489, 493, 501.

[30] Strzygowski 1901.

[31] Elsner 2002.



1

2

Fig. 1 Chersonesos. Painting of the tomb of 1905: *1* – back wall; *2* – right wall
(Fig. by: Rostovtzeff 1913, Tables 107–108)

the causes of the transformations in art, associated with the collapse of the classical canon, went beyond the "East or West" dilemma, which lost its strength and relevance. A. Grabar believed that the origins of the "deformation" of Greco-Roman art should be sought in the peripheral provinces of the empire and border countries, not only in the east but also in the west – "from Mesopotamia and Armenia to Egypt and Great Britain," as well as Spain. In his opinion, the artists of these areas, which he called the "third world of antiquity," imitating classical models quite clumsily, sometimes disfiguring them, created a completely different system of artistic values[32]. E. Kitzinger, recognizing the possible influence of the peripheral regions of the Roman world on the development of late-antique art in Rome itself, focuses on the "mass revival of the local plebeian tradition," which has always existed both on the outskirts of the empire and in Rome. In the conditions of a deep internal crisis in the late-antique empire, the classical canons and forms in the art are being re-evaluated, which cease to be significant and gradually replaced by the aesthetics of the so-called "sub-antique", i.e., plebeian, folk art. This process, which Kitzinger called the stylistic (and aesthetic) revolution, was ubiquitous and, according to the scientist, "a broad, irresistible stream encompassed everyone and everything"[33] from Western Europe to Mesopotamia. Since the end of the 2nd century,

[32] Grabar 1972, 10, 20, 24.
[33] Kitzinger 1977, 10–11, 17.

and especially in the 3rd–4th centuries, in the works of sculpture and painting, including burial painting, the features of the sub-antique style have been increasingly manifested – heavy, angular, frontally located, planar figures with distorted proportions, with abrupt rough movements and gestures, the gradual rejection of drawing details, simplification of the composition, degradation, and disappearance of elements of the architectural style and signs of the landscape, inconsistency of scale within the composition, increasing patterning, and abstraction.

At this time and in these conditions, Christian art was born, which took both a rich arsenal of pictorial motifs and symbols and the existing stylistic techniques from the contemporary art culture. This was fully reflected in the funerary paintings of the 4th – beginning of the 5th century, whose monuments have been preserved from Italy to the Middle East and North Africa.

Almost everywhere, the main idea of the paintings of early Christian burial structures was primarily to express hope for salvation after death, faith in the resurrection of the dead, and their stay in the Kingdom of Heaven[34]. In different centers and regions, decorative programs inspired by this general idea were formed under the influence of certain artistic traditions, resulting in which, in addition to common features, they acquired their own special regional features.

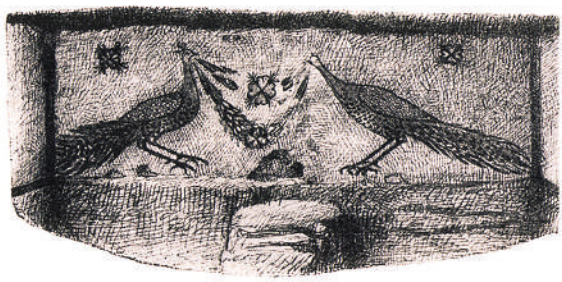
As already mentioned, a characteristic feature of the decorative painting system of the Christian tombs of Chersonesos is the combination of elements of floral and inlay styles, which divide the wall horizontally into two parts. The lower part of the walls consisted of rectangles (orthostats), usually imitating marble cladding. This design is recorded in six tombs (1903, 1853/1904, 1905, No. 2/1907, 1909, and No. 1/1998–1999). The set of decorative motifs that filled the upper part of the walls was relatively poor and unique for each tomb. Almost all of them were drawn in the spirit of the late antique art, rather conventionally, sometimes schematically, without transmitting the perspective and with a limited color palette. The compositions are straightforward and not overloaded with decorative elements. The most popular were images of garlands and wreaths tied with ribbons and strings with bows at the ends. In different tombs, two kinds of garlands and similar wreaths are registered: gray-green dried laurel leaves with interwoven red shamrocks and red flower petals[35]. The compositions of three tombs included a lush vine or branches with clusters of grapes (tombs of 1853/1904, 1905, 1909); two of them also had small trees with fruits or flowers (tombs of 1853/1904 and 1905) (Fig. 1). Trees without leaves and fruits were also present in the painting of the tombs in 1903. In almost all of the tombs, except the two poorly preserved ones (Nos. 1 and 2/1907), birds were painted – mostly pigeons, sitting on branches and/or peacocks. Flowers as separate motifs are presented in a red-yellow four-petalled rosette (1905, tomb on the land of N.I. Tour, 2003/2006) (Fig. 2) and a red open flower on a stem with leaves (No. 1/1998–1999) (Fig. 3). The overturned basket of flowers in tomb No. 2/1998–1999 is also a floral motif.

---

[34] Grabar 1946, 8–11.

[35] Laurel garlands were found in almost all of the Chersonesos tombs before the revolution (1853/1904, 1905, № 2/1907, 1909, 1912, the tomb on the land of N.I. Tour), four of them also had wreaths of the same type. Red flower garlands are known in three tombs: Nos. 1 and 2/1998–1999 and 2003/2006.

1



2

Fig. 2 Chersonesos. Tomb paintings: *1* – the back wall of the tomb of 2003/2006 (photo by: Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, fig. 2a); *2* – the back wall of the tomb on the land of N.I. Tour (fig. by: Rostovtzeff 1914, fig. 88)

Chersonesos paintings have rare images of people. The only scene with two figures, a man and a woman, near the schematically depicted city on the right wall of the tomb on the land of N.I. Tour most likely belongs to the time of its reconstruction into a chapel. This painting by M.I. Rostovtzeff called semi ecclesiastic[36]. The original funerary painting of this tomb includes the remains of a single male figure to the right of the entrance. The same figures of young men are depicted in the tombs of 1853/1904 and 1909; in the latter, the young man still has a burning candle in his hands (Fig. 4, *2*). There were also burning candles on both sides of the two beds in the 1905 tomb (Fig. 1, *2*). In two tombs, the remains of images of vessels – cantharus on the ceiling of the tomb of 1909 and a vial on the wall of tomb No. 1/1998–1999 are recorded. On the vault of two tombs (1853/1904 and 2003/2006), there is a Christogram in a wreath, which could have been in four more tombs judging by the remains of the painting[37].

Thus, the basis of the decorative program of the Chersonesos tombs was primarily floral motifs and birds. In addition to the individual meanings associated with Christian dogmas, these images, presented in a single composition, created a picture of a heavenly paradise. The souls of dead Christians live in the likeness of birds. The presence of the Christogram in the painting, a symbol of Christ's victory over death, further strengthened the belief in his own resurrection in the Kingdom of Heaven. The hope for a paradise existence and the presence of the soul of the deceased among the righteous is also contained in the only epitaph preserved in the tomb of 2003/2006: "Ariston, God rest his soul. Your soul is with the righteous[38]."

The garden of Eden decoration, which expressed the eternal dream of bliss in the afterlife and has been known in art since ancient times, as well as the marble cladding imitation, borrowed from the design of Hellenistic and Roman public buildings and noble houses, were trendy in the Late Roman Empire and were easily perceived and reinterpreted by early Christian art. Elements of the floral and inlay styles, separate artistic

[36] Rostovtzeff 1914, 476–479; Zavadskaya 2005, 273–274.
[37] Rostovtzeff 1914, 453–478.
[38] Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, 190.

Fig. 3 Chersonesos. Painting of the left wall of tomb No. 1/1998–1999
(photo by: Zubar', Khvorostyanyy 2000, fig. 65, *2*)

systems, are found independently or combined in burial paintings from Rome to the Eastern Mediterranean.

In the Roman catacombs, these motifs, extremely numerous and diverse, served primarily as a compliment, a background for multi-figure plot compositions, mythological, iconographic scenes, and individual characters, which formed the basis of the decorative system of catacomb painting[39]. Scenes from the Old and New Testaments, figures of saints and the dead surrounded by the Garden of Eden motifs are presented in the tombs of the 4th century in Pécs (Hungary) and Niš (Serbia)[40], as well as in several tombs from Thessalonica, the painting of which was sometimes supplemented with marble decoration[41]. The decorative system, in which floral motifs and marble inlay were combined with sculptural painting, has its own examples in the Palestinian East. In a lavish painting of a pagan tomb in Ashkelon (Israel) of the middle of the 3rd century, an idyllic painting of Elysius with a Nile landscape with nymphs and a lush vine, birds, animals, and mythical characters is presented above the imitation marble panels[42]. Above the same row of panels in the tomb of the turn of the 3rd–4th centuries in Or-ha-Ner (Israel) were numerous flowers, vines, and birds, surrounding 14 medallions with conditional portraits of the buried[43]. Motifs of the Garden of Eden and crosses, as well as the Old Testament story with Daniel in the den of lions, decorated the walls of the Christian tomb of the late 4th – early 5th century in Lohamei ha-Getaoth (Israel)[44].

A significant variety of decorative systems is demonstrated by the funerary painting of the Necropolis of Thessalonica, in which 78 painted tombs of the 3rd–7th/8th centuries were discovered. Many tombs of the 3rd–5th centuries, in addition to those mentioned

[39] Ferrua 1991.
[40] Valeva 2001, 185, fig. 450; Mirković 1956.
[41] Marki 2006, 130–156, no. 41, 46, 49, 52, 89. The use of iconographic scenes in the tombs of Thessalonica is considered a result of the Roman artistic tradition (Kuvatova 2017, 128–141).
[42] Michaeli 2001.
[43] Michaeli 1998.
[44] Maayan-Fanar 2010.

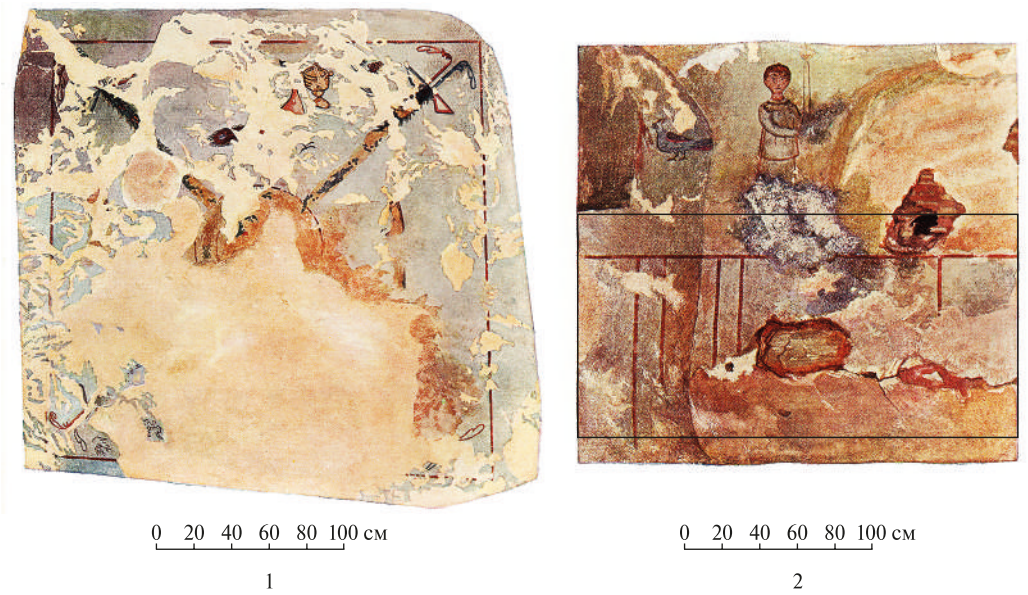


Fig. 4. Chersonesos. Painting of the tomb of 1909: *1* – the ceiling; *2* – the wall of the left and back walls (Fig. by: Rostovtzeff 1913, Tables 105, *1, 2*)

above with subject paintings, were decorated only with allegorical paintings of paradise[45]. The decoration of several tombs in the middle of the fourth century consisted exclusively of marble imitations, in one case combined with a circled Christogram[46]. There are also tombs of the 4th century, the decorative system of which combined paradise motifs and marble imitation panels. In one of the tombs, the imitation was replaced by a veneer of natural marble[47]. Thus, the same decorative system was used in these monuments as in the painted tombs of Chersonesos. However, unlike the Chersonesos paintings with a limited set of decorative and symbolic elements freely represented on the surface of the walls, the compositions of the tombs of Thessalonica are very rich in various motifs that occupy almost the entire space of the wall, creating the effect of horror vacui (fear of emptiness). And although modern trends are already evident in Thessalonica painting, manifested, in particular, in a simplified, striving for symmetry and devoid of perspective composition, individual motifs and images, executed very subtly and painterly, demonstrate the preserved classical skills of their performers.

Closer analogies to the Chersonesos paintings both in the set of decorative elements and in the style of their implementation are found on the territory of the Eastern Balkan provinces of Thrace and Dacia, as well as in the western part of Asia Minor. In the funerary paintings of these regions, the most common were floral and plant motifs and images of birds. Several tombs of the second half of the 4th century in Marcianopolis/Devnya, Philippopolis/Plovdiv, and Serdika/Sofia painted garlands, flowers, and birds scattered

[45] Marki 2006, 125–189, no. 20–22, 26, 46, 48, 51, 32, 37, 57, 95, *et al.*
[46] Marki 2006, 173–177, no. 16, 56, 78, 99.
[47] Marki 2006, 159–178, No. 53, 91, 94, Tomb of Telloglio, No. 29.

on the field formed symmetrical composition, in fact, turned into a decorative scheme[48]. A grape-vine, usually originating from acanthus leaves, was also popular, combined with other few floral motifs, sometimes combined with birds. These motifs are represented in the three tombs of the Necropolis of Saint Sofia[49] with various schematization levels. More naturalistic was the vine with birds and cantharus in the painting of the missing tomb of the western necropolis of Philippopolis[50].

On the territory of Thrace and Asia Minor, a decorative system was also popular, combining floral decor and marble imitation. Examples are the paintings of tomb No. 7 of the Necropolis of Saint Sofia and the tomb in Hisarya[51]. In St. Sophia's tomb No. 9, the marble panels formed part of a more elaborate program, including busts of the four archangels, a large radiant Latin cross in a wreath in the center of the vaulted ceiling decorated with round caissons, as well as images of four birds and a cantharus[52].

Close analogies to individual decorative elements and the system as a whole are also found in the burial painting in Sardis. Currently, there are 12 painted tombs, most of which are very similar in style and composition[53]. In Kâgirlik Tepe, one of the tombs preserved the image of a vine with thin branches and triangular clusters[54], reminiscent of the vine of the Chersonesos tomb of 1905. In the other tombs, the division into the lower and upper zones is recorded. One of the design options for the lower basement part was an imitation of marble cladding. In the tomb of the Flavius Chrysanthios family, the basement panels imitated three types of marble, two of which are comparable to the Chersonesos paintings[55] (Fig. 5). In particular, the pattern with the brecciated structure in the form of irregular ovals of different sizes is similar to the same motif in the Chersonesos tombs of 1903, 1853/1904, and 1905 (Fig. 1, *2*), and the marbling in the form of oblique dark stripes resembles the painting of tombs No. 2/1907 and No. 1/1998–1999. (fig. 3). The same stripes filled the foundation of the so-called "painted tomb" in Sardis[56]. A very close drawing of these two types of marble imitation is also preserved in the already mentioned tomb in Hisarya, and an imitation of brecciated marble is preserved in the St. Sofia tomb No. 7[57]. The repertoire of the upper zone of paintings in Sardis was quite monotonous and consisted of stylized garlands and wreaths, scattered flowers, baskets of fruit or flowers, and birds – peacocks and smaller birds. Filled baskets are often depicted as overturned. A similar composition in red color was preserved in the painting of the Chersonesos tomb No. 2/1998–1999. (Fig. 6). It consisted of a wicker basket drawn in several lines, tilted to

[48] Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 19–21, Nr. 9, 21–22, Nr. 11, 46–47, Nr. 36, 64–65, Nr. 47; Miyatev 1925, 36–44, No 5.

[49] Miyatev 1925, 23–35, № 4, 45–66, № 6, 7; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 62–64, Nr. 46, 65–66, Nr. 48, 66–67, Nr. 49.

[50] Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 47–48, Nr. 37.

[51] Miyatev 1925, 55–67, № 7; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 48–50, Nr. 38, 66–67, Nr. 49.

[52] Miyatev 1925, 86–105, № 9; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 68–72, Nr. 51.

[53] Rousseau 2019; Valeva 2001, 176.

[54] Rousseau 1999, 12–13, fig. 18.

[55] Rousseau 2019, 4–7, fig. 3–7.

[56] Rousseau 2019, 7–8, fig. 8–11.

[57] Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, Taf. 60, Abb. 98, 99, Taf. 68, Abb. 133.

Fig. 5. Sardis. Painting of the tomb of Flavius Chrysantius, 4th century (fig. by: Rousseau 2019, 5, fig. 4)

the left, with flowers spilling out of it in the form of red spots, and three vertical garlands-splitters located to the right of it, the image of a small bird was preserved between two of them. The shape of the basket has some analogies in Sardis (for example, in tomb 79.2)[58]. Its composition schematically reproduces a more picturesque plot from the 3rd century tomb of the "Seven Sleepers" in Ephesus[59] (Fig. 7). A vase or basket filled with flowers and tilted to the left with finely drawn weaving is depicted near a red garland. Probably, this composition was popular in the burial painting of this region in the next 4th century.

Despite a generally similar set of floral elements, the Chersonesos paintings have an important feature that distinguishes them from most of the above-mentioned Balkan-Asia Minor examples. One of the most popular motifs in Late Antique burial paintings throughout the empire, namely the motif of a flower field, with freely scattered flowers that create a background for other images, was not widely used[60]. M.I. Rostovtzeff noted that for the painting of the eight tombs published by him, images of whole branches or small trees, sometimes with flowers or fruits, are typical but there are no scattered flowers and petals[61]. A flower on a stem with leaves as an independent decorative element is an important part of the decor only in tomb No. 1/1998–1999[62] (Fig. 3). On the walls, it is presented repeatedly, although not as often as in the flower fields. Probably, flower buds without stems could create a background in the already mentioned composition with an overturned basket in tomb No. 2/1998–1999, as indicated by the preserved red spots here and there[63] (Fig. 6). In the tomb of 2003/2006, you can also see a resemblance

[58] Rousseau 2019, 30, fig. A11.

[59] Valeva 2001, 176, fig. 24; Strocka 2002, 286, Abb. 3; Zimmermann 2011, 386, Abb. 15.

[60] Most often, they were stylized flowers on a stem with leaves. Their numerous examples can be found in the paintings of the tombs of Thessalonica, Veria, Sofia, Silistra, Hisarya, Constanta, Nikaea, Sardis, and many other late-Antique centers (Valeva 2001, 174–176; Marki 2006; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999; Rousseau, 2019; *et al.*).

[61] Rostovtzeff 1914, 462.

[62] Zubar', Khvorostyanyy 2000, 146–147, рис. 65, *1–5.*

[63] Zubar', Khvorostyanyy 2000, 146–147, рис. 65, *6.* Color spots imitating flowers and entire flower fields are known, for example, in the painting of the tomb of Marcianopolis (Valeva 2001, fig. 25).

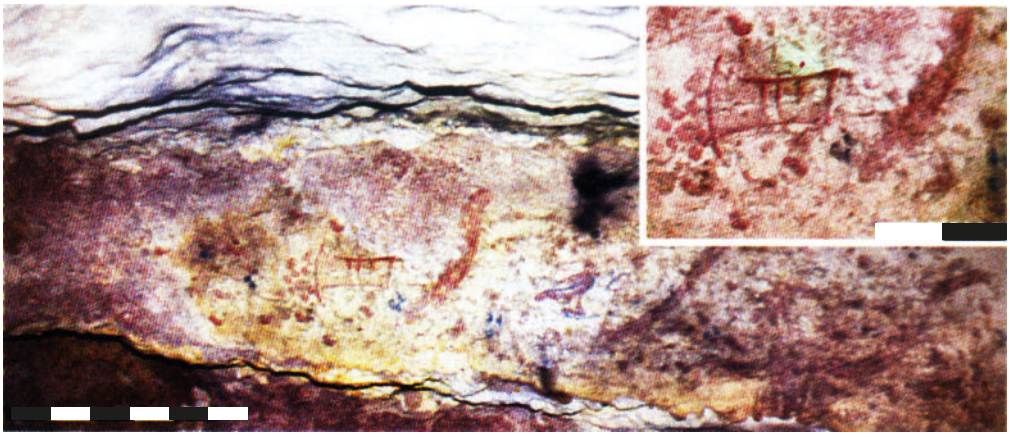


Fig. 6. Chersonesos. Painting of the left wall of tomb No. 2 of 1998–1999
(photo by: Zubar', Khvorostyanyy 2000, fig. 65, *6*)

of a flower field in the form of several stylized rosette flowers freely scattered on the walls with four heart-shaped petals and thin tendrils between them[64] (Fig. 2, *1*). In a composition with two peacocks in a tomb in the land of N.I. Tour, there were only three symmetrically arranged rosettes of the same type[65] (Fig. 2, *2*). Thus, the Late Roman flower fields in a much-reduced variation found their weak reflection only in the three toms of Chersonesos discovered in our time.

One characteristic feature of the late Antique funerary paintings of Thrace and Asia Minor, essential in searching for similarities to the Chersonesos monuments, is the small number of compositions with human figures. Of the 12 painted tombs in Sardis, the human image, most likely a personification, is preserved on the vault of only one tomb (07.3)[66]. On the territory of Thrace, with a few exceptions, figurative paintings were devoted to a single theme and represented the scene of a burial feast or a procession of servants[67]. The plot of servants going to their masters with offerings was derived from the popular pagan art scene of the burial feast, which in the Late Antique period underwent certain transformations and gradually lost its relevance[68]. Paintings with free-standing servants, usually placed in orthostats, have been preserved in several fourth-century

[64] Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, fig. 2a. This type of rosette flower was very popular in the Late Antique period and is found in various art monuments. The closest analogies in burial painting are the tombs in Viminacium and Brestovik (Serbia), tomb No. 37 in Thessalonica, and No. 7 in Sofia (Valeva 2001, 174, fig. 18, 36; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, Taf. 68, Abb. 133).

[65] Rostovtzeff 1914, 475, рис. 88, table CVII.

[66] Rousseau 2019, 10–11, fig. 12–14.

[67] Only in tomb No. 9 of the Necropolis of Saint Sofia, busts of archangels with their names in Latin are painted in the four corners of the vault (Miyatev 1925, 86–106). In the tomb of the mid-fourth century in Constance, in addition to the scenes of the funeral meal, there was also a plot with two orants in the Garden of Eden (Valeva 2001, 188, fig. 54).

[68] Valeva 2001, 180–185.

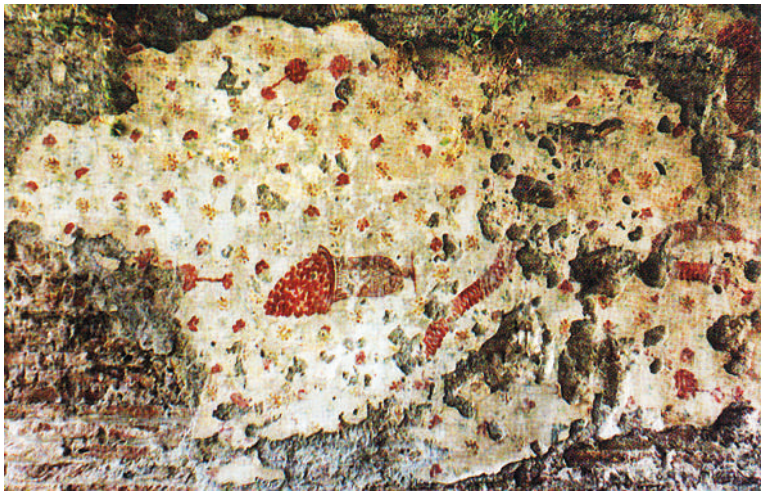


Fig. 7. Ephesus. Painting of the tomb of the "Seven Sleepers", 3rd century (photo by: Valeva 2001, 176, fig. 24; Zimmermann 2011, 386, Abb. 15)

Balkan tombs[69]. The images of the servants, their poses, and clothes in some tombs are very similar. The same type of knee-length, long-sleeved, belted tunic was worn by all the male servants from the tombs of Silistra and Viminacius. The figures of young men in the two Chersonese tombs of 1853/1904 and 1909 are also represented in the same tunics (Fig. 4, *2*). The similarity to the Balkan characters also allows them to be considered servants[70]. In the tomb on the ground of N.I. Tour, on the entrance wall, only the feet in sandals of the same figure were preserved. The figures of servants borrowed from the pagan repertoire included in the decorative program of the Chersonesos tombs were intended to emphasize the high social status of their owners, who had already become Christians. Among the Balkan examples with images of servants, only the tomb in Ossenovo, whose painting, executed in a primitive style, included a chrysanthemum in a circle above the entrance, was indisputably Christian[71].

The image of the Christogram or cross in a wreath, circle or medallion is one of the most common symbols of the new faith in early Christian art in the 4th century, starting from the era of Constantine the Great. At the same time, if in the west of the empire, as well as in the Balkans and in the western part of Asia Minor, the Christogram was more often used at this time, the cross was the dominant symbol in the monuments of Syria, Palestine, and Egypt[72].

---

[69] Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 13–16, Nr. 4, 22–28, Nr. 13, 42–46, Nr. 35; Valeva 2001, 182–184, fig. 36, 38.

[70] Zavadskaya 2005, 274–276; 2013, 58–59.

[71] Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, 22–28, Nr. 13.

[72] Patrich 2016, 275. In the catalog of tombs with cross-shaped symbols of Yu. Valeva, there are no monuments with the Christogram in the Syro-Palestinian region and Egypt (Valeva 1998, 772–782). Probably, in the 4th – early 5th century, the typical image there was a Latin cross with the letters α and ω in a lush floral wreath among various motifs of paradise decoration, as, for example, in the tombs of Lohamei ha-Getaoth (Israel) and Gabbari (Alexandria) (Maayan-Fanar 2010, 77, pl. 4; McKenzie 2007, 239, fig. 405).

Fig. 8. Chersonesos. Painting of the tomb ceiling of 2003/2006 (photo by Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, fig. 1)

In the tombs of Chersonesos, the main unconditional Christian symbol was the Christogram. It is fully preserved only in the two tombs – 1853/1904 and 2003/2006. On the vault of the tomb of 2003/2006, the monogram of Christ was located in a medallion consisting of a red circle with two floral-deciduous wreaths inscribed in it[73] (Fig. 8). A very similar medallion of red circles and a wreath between them, also containing a monogram, was on the wall of Tomb No. 4 in Sofia[74] (Fig. 9). The drawing of the Chersonesos monogram of thin straight red lines is comparable to the same motif in the tombs of Thessalonica[75] and the "painted tomb" in Sardis, the only one with a chrysanthemum in this necropolis[76].

On the vault of the tomb of 1853/1904, the chrysanthemum with the letters α and ω was part of a whole geometric composition consisting of a wreath of laurel leaves surrounding it, from which four straight garlands of the same leaves ran diagonally to the corners. The wreath and garlands were decorated with colored ribbons and ribbons tied at the ends of the garlands in lush bows. The remains of a similar compositional scheme are recorded in four more tombs: 1909 (Fig. 4, *1*), 1905, No. 2/1907, and on the land of N.I. Tours in which, according to M.I. Rostovtzeff, could be a chrism[77]. On the vault of the tomb of 1909, probably in each of the segments formed by garlands, there were images of a peacock, a cantharus, and a vine branch with clusters.

The diagonal ceiling decoration system is considered a Roman tradition[78]. Paintings with a central medallion and radially radiating lines or plant garlands from it to the corners emphasized the cross vaults of some rooms in the Roman catacombs[79]. Such a decoration system was very rarely used in tombs with a cylindrical vault, which was the most common type of burial structure in the Balkan-Asia Minor region in the late Roman period. Only in the necropolis of Thessalonica, one of the richest both in the number of painted tombs and in the variety of their decorations is known a single, very picturesque example of the diagonal design of the vault with lush flower garlands and a wreath, with two peacocks and large flower buds on a field dotted with small flowers[80]. Flower fields or painted caissons were more preferable decorations for elongated cylindrical vaults[81]. The choice of a diagonal decorative scheme for

[73] Stupko, Turovskiy, Filippenko 2007, рис. 1.
[74] Miyatev 1925, 23–35, № 4; Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, Taf. 66, Abb. 125.
[75] Marki 2006, 159, 173–175, no. 53, 165–167, no. 57.
[76] Rousseau 2019, 7, fig. 7.
[77] Rostovtzeff 1914, 453–478.
[78] Rostovtzeff 1914, 454; Valeva 2001, 172.
[79] Examples in the catacomb on Via Latina (Ferrua 1991, 123, fig. 112, 129, fig. 122).
[80] Marki 2006, 158–159, no. 52, fig. 99.
[81] Valeva 2001, 172–173.

Fig. 9. Serdica/Sophia. Painting of the eastern wall of tomb No. 4
(fig. by: Pillinger, Popova, Zimmermann 1999, Taf. 66, Abb. 125)

the Chersonesos tombs could be due to their architecture: for a flat or false-vaulted ceiling with a trapezoidal plan, close to a square, the imitation of a cross vault was the most suitable. To implement this system, the artists used a dry laurel garland popular in Chersonesos, sometimes with red shamrocks interwoven, and a similar wreath tied with colored ribbons and ribbons. As a result, a local version of the ceiling design appeared, which was very popular in the city but did not have close stylistic analogies outside of it.

Of course, the paintings of the early Christian tombs of Chersonesos are part of an extensive collection of monuments of late Antique burial painting. Decorative programs of many burials of this time, expressing, in fact, the universal aspirations of the afterlife, similar to the blooming Garden of Eden, had a universal character and were perceived by different faiths. Explicit religious symbols, such as the cross and the christogram, were not yet mandatory and are therefore relatively rare in Christian burials[82]. The polyvalent nature of these paintings allows us to consider them in the general context of late Antique burial art, regardless of their religious affiliation.

Almost all the artistic motifs and symbols recorded in the paintings of the Chersonesos tombs, as well as the decorative system that combined elements of floral and inlay styles, are found in many regions of the Late Roman Empire, both Western and Eastern. However, the specifics of the artistic repertoire with the absolute dominance of floral and plant motifs and birds and the limited presence of human figures, as well as the simplicity of the composition and the style of painting, in which classical picturesqueness gives way to decorativeness and conventionality – all these features of Chersonesos paintings, find the closest parallels in the eastern Balkan provinces of Thrace and Dacia and the western part of Asia Minor. These geographically close territories on both sides of the Propontis were closely connected. Since

[82] On the peculiarities of the use of cruciform symbols in Early Christian art (Zavadskaya 2009, 104–106).

the first centuries of our era, a common local culture has been formed over there, in the conditions of active migration processes, a similar socio-economic and political situation, and a constant traditional exchange of artistic ideas[83]. The peculiarity of the artistic culture and art of this region, in particular burial painting, allowed Yu. Valeva to conclude that in the Late Antique period, in parallel with the Roman metropolitan school, these territories were a separate center of artistic production. It is with the artistic culture of this region that the paintings of the early Christian tombs of Chersonesos should be associated.

The masters who painted these monuments followed the already established and well-known decorative and symbolic system and used a certain set of images. However, the observance of established canons did not deprive them of some creative freedom in the composition, the selection of motifs, and their interpretation. Probably, customers could also participate in this process. As a result, all the paintings are individual and are not exactly repeated anywhere. Nevertheless, in some tombs, there are decorative elements executed almost the same way, perhaps demonstrating the hand of one artist, while in other tombs they have a different pattern. Examples are the two types of garlands already mentioned – dry gray-green from laurel leaves and red floral ones and several variations of marble imitation. However, the stylistic diversity in the Chersonesos paintings, probably indicating the work of different masters or teams, is relatively limited and only confirms their belonging to the same artistic tradition. However, these paintings also have some distinctive features that give them a regional specificity. So, what they have in common is a very modest set of decorative elements and, as a rule, very concise and not overloaded with details of the composition. In addition, the variations of some motifs can be considered characteristic of Chersonesos since they do not find exact analogies outside of it. These include the mentioned above laurel garland and the diagonal composition of the ceiling formed from it, which, judging by the remnants of the paint layer, decorated most of the tombs. These features of the Chersonesos paintings allow us to consider them as a local Chersonesos version of the provincial East Balkan and West Asia Minor Late Antique burial paintings.

The introduction of this artistic tradition to Chersonesos from these regions is historically quite natural. Chersonesos had long-standing active trade, military-political, cultural and religious ties with Thrace and Asia Minor[84]. The Diocese of Chersonesos, which most likely arose in the first half of the 70s of the fourth century under Emperor Valens[85], was administratively adjacent to the Diocese of Thrace. The signature of its first bishop, Epherius, a participant in the Second Ecumenical Council in Constantinople in 381, was on the list of bishops of the Thracian region of Scythia. At this council, the Christian communities of Thrace were placed under the administration of the Head of the Church of Constantinople (Socr. V. 8)[86]. And in the following centuries, Thrace and Asia Minor, the unifying center of which was Constantinople as a capital, remained for Chersonesos/Cherson the main generators of artistic ideas, the influence of which was reflected in many areas and especially vividly in the church architecture of Cherson and the entire Crimea[87].

---

[83] Valeva 1979–1980, 117–129.
[84] Aibabin 2010, 353–356; Zubar' 1994, 141; Kadeev, Sorochan 1989, 57–76; Buyskikh 2008, 238.
[85] Zuckerman 1994, 549.
[86] Zavadskaya 2003, 416–417.
[87] Buchwald, Zavadskaya 2013; Zavadskaya 2019.

References

Aibabin, A.I. 2010: [Early Byzantine Chersonesos/Cherson]. In: *Vizantiya v kontekste mirovoy kultury. Materialy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.V. Bank* [*Byzantium within the Context of World Culture. Proceedings of the conference dedicated to the memory of A.V. Bank*]. Saint Petersburg, 353–379.
Айбабин, А.И. Ранневизантийский Херсонес-Херсон. В сб.: *Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк*. (ТГЭ, LI). СПб., 353–379.

Bianchi Bandinelli, R. 1970: *Rome. La fin de l'art antique. L'art de l'Empire romain de Septime Sévère à Théodose Ier*. Paris.

Bolgov, N.N. 2004: [Syrian cultural influences in the Late Antique Northern Black Sea Region]. In: *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kulture: materialy II Sudakskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (12–16 sentyabrya 2004 g.)*. Ch. I [*Black Sea, Crimea, Russia in History and Culture: Materials of the II Sudak International Scientific Conference (September 12–16.09.2004)*. Pt. I]. Kiev–Sudak, 17–19.
Болгов, Н.Н. Сирийские культурные влияния в позднеантичном Северном Причерноморье. В сб.: *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы II Судакской международной научной конференции (12–16 сентября 2004 г.)*. Ч.I. Киев–Судак, 17–19.

Buchwald, H., Zavadskaya, I. 2013: Early Christian basilicas in Crimea and their numeric proportions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] XVIII, 14–48.
Buchwald, H., Zavadskaya, I. Early Christian basilicas in Crimea and their numeric proportions. *МАИЭТ* XVIII, 14–48.

Buyskikh, A.V. 2008: *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu* [*Spatial planning development of Tauric Chersonesos in ancient epoch*]. Simferopol.
Буйских, А.В. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. (МАИЭТ, Suppl. 5). Симферополь.

Diatroptov, P.D. 1986: [Extension of Christianity in Tauric Chersonesos in the 4th-6th centuries]. In: *Antichnaya grazhdanskaya obshchina* [*Antique Civil Community*]. Moscow, 127–151.
Диатроптов, П.Д. Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. В сб.: *Античная гражданская община*. М., 127–151.

Diatroptov, P.D. 2002: [Once again to the question of the dating of mural painting of Chersonesos Christian tombs]. In: *Tserkovnaya arkheologiya Yuzhnoy Rusi: sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii "Tserkovnaya arkheologiya: problemy, poiski, otrkytiya"* [*Church Archeology of South Russia: Collection of Materials of the International Conference "Church Archeology: Problems, Searches, Discoveries"*]. Simferopol, 34–37.
Диатроптов, П.Д. Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов. В сб.: *Церковная археология Южной Руси: сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.)*. Симферополь, 34–37.

Elsner, J. 2002: The birth of late antiquity: Riegl and Strzygowski in 1901. *Art History* 25/3, 358–379.

Ferrua, A. 1991: *The Unknown Catacomb. A Unique Discovery of Early Christian Art*. Transl. by I. Inglis. New Lanark.

Filippov, A.E. 2009: [Painting of the early Christian tombs of Tauric Chersonesos in the context of artistic tradition: synthesis with architecture, symbolism, liturgical basis]. In: S.A. Belyaev (ed.), *Ocherki po istorii khristianskogo Khersonesa*. T. I, 1. *Khersones khristianskiy* [*Essays on the History of Christian Chersonesos*. Vol. I, 1. *Chersonesos Christian*]. Saint Petersburg, 193–318.
Филиппов, А.Е. Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа. В сб.: С.А. Беляев (ред.), *Очерки по истории христианского Херсонеса*. Т. I, 1. *Херсонес христианский*. СПб., 193–318.

Fomin, M.V. 2014: [On the problem of the formation of an Early Christian artistic tradition in Chersonesos of the 4th–5th centuries]. *Visnyk Harkivs'kogo nacional'nogo universytetu im. V.N. Karazina. Serija «Istorija»* [*The Journal of V.N. Karazin Kharkiv National University. Series: History*] 1117/48, 38–46.

Фомин, М.В. О проблеме формирования раннехристианской художественной традиции в Херсонесе IV–V вв. *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія «Історія»* 1117/48, 38–46.

Grabar, A. 1946: *Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*. Vol. II: *Iconographie*. Paris.

Grabar, A. 1972: Le tiers monde de l'Antiquité à l'école de l'art classique et son rôle dans la formation de l'art du Moyen Age. *Revue de l'art* 18, 8–25.

Kadeev, V.I., Sorochan, S.B. 1989: *Ekonomicheskie svyazi antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya v I v. do n.e. – V v. n.e. (na materialakh Khersonesa)* [*Economic Contacts of the Ancient Cities of the Northern Black Sea Region in the 1st Cent. BC – 5th Cent. AD. (Based on the Materials from Chersonesos)*]. Khar'kov.

Кадеев, В.И., Сорочан, С.Б. *Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса)*. Харьков.

Khrushkova, L.G. 2005: [On the beginning of the Christian Tauric Chersonesos: a cross-shaped church in the main cemetery]. In: *Sugdeyskiy sbornik*. Vyp. II [*Sugdaia collection papers*. Issue II]. Kiev–Sudak, 393–420.

Хрушкова, Л.Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище. В сб.: *Сугдейский сборник*. Вып. II. Киев–Судак, 393–420.

Khrushkova, L.G. 2008: [On the paintings in Early Christian tombs in the Crimea: one hundred years after Mikhail Rostovtzeff]. In: *Vizantiya v kontekste mirovoy kultury. Materialy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.V. Bank* [*Byzantium Within the Context of World Culture. Transactions of the State Hermitage Museum*] Saint Petersburg, 121–132.

Хрушкова, Л.Г. О живописи раннехристианских склепов в Крыму: сто лет после Михаила Ивановича Ростовцева. В сб.: *Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк*. (ТГЭ, XLII). СПб., 121–132.

Kitzinger, E. 1977: *Byzantine Art in the Making. Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art. 3rd–7th Cent*. London.

Kuvatova, V. 2017: Early Christian funerary painting in Thessaloniki. Macedonian and Roman traditions. In: N.A. Nalimova, T.P. Kishbali, A.V. Zacharova (eds.), *Makedoniya – Rim – Vizantiya: iskusstvo Severnoy Gretsii ot antichnosti do srednikh vekov: materialy nauchnoy konferentsii* [*Macedonia – Rome – Byzantium: the Art of Northern Greece from Antiquity to the Middle Ages: Proceedings of the Scientific Conference*]. Moscow, 128–141.

Куватова, В. Early Christian funerary painting in Thessaloniki. Macedonian and Roman traditions. В сб.: Н.А. Налимова, Т.П. Кишбали, А.В. Захарова (ред.), *Македония – Рим – Византия: искусство Северной Греции от античности до средних веков: материалы научной конференции*. М., 128–141.

Maayan-Fanar, E. 2010: An early Christian tomb at Lohamei HaGetaot: formation of christological symbolism. *Eastern Christian Art* 7, 71–89.

Marki, E. 2006: *E nekropole tes Tkhessalonikes stous usteroromaikus kai palyaiokhristianikus khronus (mesa tu 3u eos mesa tu 8u aj. m.kh.)* [*The Necropolis of Thessaloniki in the Late Roman and Early Christian Periods (from the Middle of the 3rd Century to the Middle of the 8th Century AD)*].

Μαρκή, Ε. *Η νεκρόπολη της Θεσσαλονίκης στους υστερορωμαϊκούς και παλαιοχριστιανικούς χρόνους (μέσα του 3ου έως μέσα του 8ου αι. μ.Χ.)*. Αθήνα.

McKenzie, J. 2007: *The Architecture of Alexandria and Egypt c. 300 BC to AD 700*. London.

Meshcheryakov, V.F. 1978: [About the time of the Appearance of Christianity in the Tauric Chersonesos]. In: *Aktualnye problemy izucheniya istorii religii i ateizma* [*Actual Problems of Studying of History of Religion and Atheism*]. Leningrad, 121–134.

Мещеряков, В.Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом. В сб.: *Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма*. Л., 121–134.

Michaeli, T. 1998: The pictorial program of the tomb near Kibbutz Or-ha-Ner in Israel. *Assaph Studies in Art History* 3, 37–76.

Michaeli, T. 2001: The iconographic and symbolism of the tomb of the Nymphs at Ashkelon. In: A. Barbet (ed.), *La peinture funéraire antique: IVe siècle av. J.-C.– IVe siècle ap. J.-C.: actes du VIIe Colloque de l'Association Internationale pour la peinture mural antique (6–10 Octobre 1998, Saint-Romain-en-Gal – Vienne)*. Paris, 163–170.

Miyatev, K. 1925: *Dekorativnata zhivopis na Sofiyskiya nekropol* [*Decorative Painting of the Sofia Necropolis*]. Sofia.
Миятев, К. *Декоративната живопись на Софийския некропол*. София.
Mirković, L. 1956: La nécropole paléochrétienne de Niš. *Archeologia Jugoslavica* II, 85–100.
Pergola, A. 2010: La discussa scena delle donne al sepolcro nel battistero di Dura Europos. Alle origini dell'iconografia della resurrezione di Cristo. *Rivista di Archeologia Cristiana* 86, 315–352.
Patrich, J. 2016: The early Christianization of the Holy Land – the archaeological evidence. In: *Acta XVI Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae. Romae (22–28.9.2013). Costantino e i Costantinidi: l'innovazione costantiniana, le sue radici e i suoi sviluppo.* Pars I. Vaticano, 265–293.
Pillinger, R., Popova, V., Zimmermann, B. (Hrsg.) 1999: *Corpus der spätantiken und frühchristlichen Wandmalereien Bulgariens*. (Schriften der Balkankommission, Antiquarische Abteilung, 21). Wien.
Rishnjak, O., Sadova, O., Turovs'kij, E., Filippenko, A. 2012: *Nekropol' Hersonesa Tavrijs'kogo. Novi storinky v istorii' doslidzhen'* [*Necropolis of Chersonesos Tauric. New pages in the History of Research*]. Lviv.
Рішняк, О., Садова, О., Туровський, Є., Філіппенко, А. *Некрополь Херсонеса Таврійського. Нові сторінки в історії досліджень*. Львів.
Rostovtzeff, M.I. 1913: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii. Atlas* [*Antique Decorative Painting in the South of Russia. An Atlas*]. Saint Petersburg.
Ростовцев, М.И. *Античная декоративная живопись на юге России. Атлас*. СПб.
Rostovtzeff, M.I. 1914: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii.* T.I. *Opisanie i issledovanie pamyatnikov* [*Antique Decorative Painting in the South of Russia. Text.* Vol. I. *Description and Researches of the Monuments*]. Saint Petersburg.
Ростовцев, М.И. *Античная декоративная живопись на юге России*. Т.I. *Описание и исследование памятников*. СПб.
Rousseau, V. 2019: Reflection, ritual, and memory in the Late Roman painted Hypogea at Sardis. *Arts* 8/103, 1–36. URL: https://www.mdpi.com/2076–0752/8/3/103/htm; дата обращения: 23.04.2021.
Strocka, V.M. 2002: Die Fresken von Hanghaus 2 – ein Vierteljahrhundert später. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien* 71, 285–298.
Strzygowski, J. 1901: *Orient oder Rom: Beitrag zur Geschichte der spätantiken und frühchristlichen Kunst*. Leipzig.
Stupko, M.V., Turovskiy, E. Ya., Filippenko, A.A. 2007: [On the fate of the painted tombs of the first Christians of Chersonesos]. In: *Sacrum et Profanum*. Vyp. III. *Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kulta* [*Sacrum et Profanum*. Issue III. *Heavenly Patrons and Terrestrial Ministers of Cult*]. Sevastopol, 189–192.
Ступко, М.В., Туровский, Е.Я., Филиппенко, А.А. О судьбах расписных склепов первых христиан Херсонеса. В сб.: *Sacrum et Profanum*. Вып. III. *Небесные патроны и земные служители культа*. Севастополь, 189–192.
Turovskiy, E. Ya., Filippenko, A.A. 2008: [Chronology of the tombs of the Early Christians of the Chersonesos necropolis (in the light of excavations of 2006)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [*Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*] I, 45–48.
Туровский, Е.Я., Филиппенко, А.А. Хронология склепов ранних христиан некрополя Херсонеса (в свете данных раскопок 2006 г.). *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма* I, 45–48.
Valeva, J. 1979–1980: Sur certaines particularités des hypogées paléochrétiens des terres et leurs analogues en Asie Mineure. *Anatolica* VII, 117–150.
Valeva, J. 1998: Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints. In: *Acta XIII Congressus internatinalis archaeologiae christianae (Split-Porec, 25.9.–1.10.1994)* III. Vaticano, 761–786.
Valeva, J. 2001: La peinture funéraire dans les provinces orientales de l'Empire Romain dans l'Antiquité tardive. *Hortus Artium Medievalium* 7, 167–208.
Zavadskaya, I.A. 2003: [Conversation to Christianity in early Byzantine Chersonesos (the 4th–6th centuries)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] X, 402–426.
Завадская, И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.). *МАИЭТ* X, 402–426.

Zavadskaya, I.A. 2005: [Decorative–symbolic system of painting in Chersonesos Christian tombs: aspects of chronology and genesis]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] XI, 258–288.
Завадская, И.А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса. *МАИЭТ* XI, 258–288.

Zavadskaya, I.A. 2009: [Christian painted tombs of Crimea in the context of funeral painting development in early Byzantine period]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] XV, 89–131.
Завадская, И.А. Христианские расписные склепы Крыма в контексте развития погребальной росписи в ранневизантийский период. *МАИЭТ* XV, 89–131.

Zavadskaya, I.A. 2013: Early Christian painted tombs in Crimea. *Mitteilungen zur Christlichen Archäologie* 19, 41–67.

Zavadskaya, I.A. 2019: [Numeric proportions of the early Byzantine basilicas of Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] XXIV, 135–159.
Завадская, И.А. Числовые пропорции ранневизантийских базилик Херсонеса. *МАИЭТ* XXIV, 135–159.

Zimmermann, N. 2011: Das Sieben-Schläfer-Zömeterium in Ephesos. Neue Forschungen zu Baugeschichte und Ausstattung eines ungewöhnlichen Bestattungskomplexes. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien* 80, 365–407.

Zubar', V.M. 1982: *Nekropol Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv.n.e.* [*Necropolis of Tauric Chersonesos of the 1th–4th Cent. AD*]. Kiev.
Зубарь, В.М. *Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв.н.э.* Киев.

Zubar', V.M. 1994: *Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Ocherki voenno-politicheskoy istorii* [*Tauric Chersonesos and Roman Empire. Essays on Military Political History*]. Kiev.
Зубарь, В.М. *Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории*. Киев.

Zubar', V.M., Khvorostyanyy, A.I. 2000: *Ot yazychestva k khristianstvu. Nachal'nyy etap proniknoveniya i utverzhdeniya khristianstva na yuge Urkainy (vtoraya polovina III – pervaya polovina VI v.)* [*From Paganism to Christianity. The initial Stage of Penetration and Confirmation of Christianity in the south of Ukraine (the Second Half of the 3rd – the First Half of the 6th Cent.*]. Kiev.
Зубарь, В.М., Хворостяный, А.И. *От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.)*. Киев.

Zuckerman, C. 1994: [Bishops and a garrison of Cherson in the 4th century]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [*Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*] IV, 545–561.
Цукерман, К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. *МАИЭТ* IV, 545–561.

Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 720–744
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 720–744
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910015609-2

THE COFFIN OF TAMIN FROM THE COLLECTION OF THE RESEARCH INSTITUTE AND MUSEUM OF ANTHROPOLOGY OF THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Alexey A. Krol[1], Elena G. Tolmacheva[2]

[1] *Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*
[2] *Russian Orthodox University of St. John the Apostle, Moscow, Russia; Paleoethnology Research Center, Moscow, Russia*

[1] *E-mail:* alexykrol@gmail.com [2] *E-mail:* etolma@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 17-29-04125

The authors present a new publication of Tamin's coffin from the collection of the Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. The article provides a detailed discussion of the coffin's provenance. Based on the translation and analysis of the inscriptions on Tamin's coffin and on the comparison of these inscriptions with similar texts on other coffins, the authors suggest an origin from Akhmim for it. The distinctive stylistic and paleographic features of the inscription, the language and errors encountered in the text, the titles and epithets further allow us to date the coffin to the Ptolemaic period. Comparison of Tamin's coffin with other similar objects, namely, with Tasheretmin's and Hentykhetyemhotep's coffins, as well as with a whole group of other stone sacrophagi, allows us to determine the possible date of the Moscow object more precisely: the end of the third – first half of the second centuries BC.

Keywords: Ptolemaic period, Akhmim, coffins, offering list, Tamin

---

Information about the authors. Aleksey Alekseevich Krol – PhD in Historical sciences, senior research scientist, Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University (MSU); Elena Gennadievna Tolmacheva – PhD in Historical sciences, assistant professor, Russian Orthodox University of Saint John the Divine (ROU), senior research scientist, Paleoethnology Research Center.

The authors express their sincere gratitude to professor at the University of Münster E. Grafe for help and support received on the study on Tamin's coffin inscriptions and to M. V. Panov for his valuable comments.

This article is a translation of: Крол А. А., Толмачева Е. Г. Саркофаг Тамин из собрания НИИ Музея антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова // Vestnik drevnei istorii 81/2 (2021), 463–490. DOI: 10.31857/S032103910012209-2

This article continues the series of publications of the artifacts[1] which are included in the collection of Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. At present it consists of three ancient Egyptian mummies, one of which lies in a coffin, and of linen burial fabrics. The subject of this publication is the mummy in the coffin.

ARTIFACT PROVENANCE

This coffin, according to the inscription on it, belonged to Dame Tamin (KP (KP (book of accessions) 5 № 3482/1,2; KO (brief description) 366), it made a very long, not fully traced, way through the museum collections of Russia before ending up in Museum of Anthropology of Lomonosov Moscow State University.

Archive sources make it possible to reconstruct the history of Tamin's coffin museum storage with confidence from only 1921. In that year, The Moscow public and Rumyantsev museum was defunct, and its collections were distributed among the other Moscow collections. 859 ancient Egyptian artifacts from the antiquarian section were transferred to Museum-Institute of the classical East (MICE)[2]. "Four mummies in coffins and paperboard containers" were among the Egyptian artifacts.

MICE "was organized at the end of 1917 on the premises of Russian historical museum and began its activities in January, 1918 which was in line with a pronounced request for establishing a specialized scientific and popularization institute in Moscow dedicated to issues of ancient oriental studies"[3]. MICE existed until 1924.

4 coffins with mummies, 1 coffin without mummy, 1 mummy in paperboard container, 1 mummy dated to Greco-Roman times and one unwrapped mummy were listed in the shorter inventory of artifacts stored in MICE in 1924[4]. 4 coffins with mummies are registered in MICE collection inventory for the same 1924[5]. The following was described under No 5 – "Anthropoid coffin, painted red, mask – yellow with blacken eyes and eyebrows. Below knees and on bottoms of feet (six vertical lines) and images of two jackals lying on the pylons. All that was poured over with black paint. The coffin is complete with a glass cover and wooden stand. The coffin encloses Woman's mummy, No. 6"[6].

It follows from the description of the mummy (No. 5) that it undoubtedly is that very artifact currently stored in Research Institute and Museum of Anthropology. It is curious that the mummy was defined as a woman's one. In the current preservation state of the mummy, it would became possible to determine that only after X-ray study. Apparently, the inventory compiler managed to read the deceased name or, based on the mask color,

---

[1] Krol 2017; 2019.

[2] Department of manuscripts, Pushkin State Museum of Fine Arts. 1922. F. (Fund) 4. Op. (List of files) 1. Ed. (Shelving unit) 11. L. (Sheet) 7.

[3] Department of manuscripts, Pushkin State Museum of Fine Arts. 1918–1923. F. (Fund) 4. Op. (List of files) 1. Ed. (Shelving unit) 3. L. (Sheet) 9.

[4] Department of manuscripts, Pushkin State Museum of Fine Arts. 1924. F. (Fund) 4. Op. (List of files) 1. Ed. (Shelving unit) 73. L. (Sheey) 3 ob. (reverse)

[5] Department of manuscripts, Pushkin State Museum of Fine Arts. 1924. F. (Fund) 4. Op. (List of files) 1. Ed. (Shelving unit) 73. L. (Sheet) 3.

[6] Department of manuscripts, Pushkin State Museum of Fine Arts. 1924. F. (Fund) 4. Op. (List of files) 1. Ed. (Shelving unit) 73. L. (Sheet) 8.

made an assumption that a woman's mummy was lying in the coffin. But it can be assumed that Tamin's mummy was X-ray studied which made it possible to unmistakably identify its gender. It is known that MICE started "X-ray analysis of mummies" already in 1921. As stated in the activity report of the Museum-Institute, "this analysis shall help to resolve several issues without any damage to the artifacts, and namely: presence of inclusions of all sorts – chest scarabs, amulets, decoration and, may be, papyruses, etc., in some cases – diseases which affected the mummified persons, etc."[7]. It is not excluded that Tamin's mummy was X-ray studied. MICE report for 1921 says that X-ray analysis of the following objects was performed:

1. Human arm and leg.
2. 3 mummies of hollen hawks.
3. Small crocodile mummy.
4. Woman's mummy dated to Ptolemaic times.

Roentgenograms helped to diagnose: 1) age, 2) breed and gender, 3) complete anatomical organization, 4) severe tuberculosis of the leg bones with the knee-cap dislocation. Necroscopy of the mummy dated to Ptolemaic times was also performed since earlier the mummy was stored in the unheated premises of Stroganov School for Teaching Drawing; and the rotting process started. The mummy was found if a relatively good condition. The detailed necroscopy protocol complete with sketches is being stored in the Museum-Institute premises[8].

Given that the very four mummies in coffins and paperboard containers were transfered from Rumyantsev museum to MICE, it is logical to assume that the coffin with mummy, stored in Research Institute and Museum of Anthropology at present, came exactly from Rumyantsev museum.

However, already in the same 1924, this coffin and mummy, among other wooden coffins with mummies (1,1a 1234, 1235, 1290), were transfered from MICE to the Fine Arts Museum (today's Pushkin State Museum of Fine Arts)[9].

Tamin's coffin with the mummy was stored in the Museum at Volkhonka, 12 through to 1932 when head of the oriental department, V.I. Avdiev exchanged it for Ius-Ankh's coffin from the collection of the Central anti-religious museum (CAM). After dissolution of CAM in 1948 Tamin's coffin with the mummy inside was transferred to Museum of Anthropology of MSU[10].

PUBLICATIONS

For the first time ever, Tamin's internal coffin was published by O.D. Berlev and S.I. Hodjash in 1998 in Catalogue of Egyptian artifacts from museums of Russian

---

[7] Department of manuscripts, Pushkin State Museum of Fine Arts. 1921–1923. F. (Fund) 4. Op. (List of files) 1. Ed. (Shelving unit) 3. L. (Sheet) 20.

[8] Department of manuscripts, Pushkin State Museum of Fine Arts. 1922. F. (Fund) 4. Op. (List of files) 1. Ed. (Shelving unit) 11. L. (Sheet) 8.

[9] Act dated March 4–10. Department of manuscripts, Pushkin State Museum of Fine Arts. 1924. F. (Fund) 4. Op. (List of files) 1. Ed. (Shelving unit) 75. L. (Sheet) 11.

[10] History of Tamin's coffin "travels" from and to museum collections after its accession to Fine Arts Museum for storage in 1924 was reconstructed in the article by Krol 2019, 762–766.

Federation, Ukraine, Belorussia, Caucasus, Central Asia and Baltic states which was issued in English in Goettingen[11]. The publication included two photographs of the artifact, English translation of the inscriptions on the coffin and comments to the translation. Unfortunately, it appears that the catalogue authors were unable to get acquainted with the artifact directly: the text does not describe the coffin, its dimensions, inventory number, information from the accession book, and from all appearances, the translation of the inscriptions was made according to a unpublished trace drawing and photographs[12]. Thus, no complete publication of the coffin and the mummy was not presented so far which makes it relevant to have a scholarly publication on the artifact complete with newest photographs, trace drawings of the inscription, hieroglyphic text, transliteration, redefined translation and comments.

In their comments to the inscriptions O.D. Berlev and S.I. Hodjash paid quite a lot of attention to the artifact historical context. In the view of the first publishers, the coffin is undoubtedly of Akhmin provenance, and some features of the text of the standard sacrificial formula *hetep-di-nesu*, made on it, indicate that the coffin owner, Tamin, belonged to the rebellious royal dynasty (researchers thought that she was a half niece of Horunnefer and Anjunnefer rulers) who led a rebellion of the Egyptians against Ptolemaic domination in 205–186 B.C. Moreover, O.D. Berlev and S.I. Hodjash thought that the coffin from the collection of Museum of Anthropology carried the first reference to representatives of that, so called anti-Ptolemaic, dynasty[13]. The coffin was not published anymore, however the monograph "Late Egyptian coffins from Akhmin. Study of typology and chronology." by German researcher R. Brech was published in 2008 where the author also presented some information about Namin's coffin based on O.D. Berlev and S.I. Hodjash publication[14]. Based on studying typology of Late Egyptian coffins and the very inscription on Tamin's coffin[15] R. Brech agreed to Moscow coffin dating proposed by the first publishers but saw no indication in this text of relation between the artifact and so called anti-Ptolemaic dynasty.

ARTIFACT DESCRIPTION

The anthropoid coffin was made of Egyptian fig tree wood[16]. It consists of two parts – lid with the mask and lower part (bottom) which are connected with each other in six places with the use of the standard tong-and-groove jointing (Figure 1; 2, *I*). The coffin length – 191 cm, width at shoulders – 48 cm, height – 35 cm. The lid is a sculptural image of the swaddled figure of the deceased. The arms are not delineated. The coffin ends with the rectangular base stand – pedestal on which the figure itself stands.

---

[11] Berlev, Hodjash 1998, 34–35, pl. 64–65, n. 47.

[12] Berlev, Hodjash 1998, 34, n. 1.

[13] Berlev, Hodjash 1998, 34–35.

[14] Brech 2008, 161–163, 332–334.

[15] R. Brech was unable to get acquainted with the inscription directly, all of her conclusions were made on the basis of studying the publication by Berlev and Hodjash and researching the coffin black-and-white photographs presented in this only publication.

[16] Determination of wood species was performed by the researcher of Biological faculty of Lomonosov Moscow State University M.V. Nilovoy.

Figure 1. The Tamin Sarcophagus© *Research Institute and Museum of Anthropology of the M.V. Lomonosov Moscow State University. University. Photo by K.S. Samursky, 2020*

The coffin lid is complex, its front part is made of three close-fitted wood boards, clearances between the boards are filled with sealing coat. Side faces of the coffin lid are made of six separate boards: three small ones of rectangular shape in the area of the head, two long boards of the coffin sides and almost square end-face board at the coffin foot. All seams between the boards are carefully sealed with a special plaster. The wood surface was subjected to additional treatment, primed and coated with red-brown paint. Study of the pigment composition and binding agent was not done. It is not known if any paint protecting coating was used in ancient times: it either did not survived or was partially removed during contemporary conservation.

The mask was made in manner and style typical for early Ptolemaic times (Figure 3): three-part wig with two long streaks at the front; in the back the wig contours were not traced clearly or were erased. The face and the front streaks of the wig were cut from a single piece of wood. The oval face with rounded cheeks, small full chin turning into short neck. Regular face features: wide, almost strait eyebrows, circled with black ink, are turned down to the external corners of the eyes. The almond-shaped eyes are brought out by the traditional contour encircling also made in black ink. The long straight nose with narrow bridge and small wings. The full lips are curved in a faint smile hardly visible in the corners of the mouth. The face and neck are coated with ocher-yellow paint and emphasized by the black edging.

Five columns of the hieroglyphic inscription containing the traditional sacrificial formula *hetep-di-nesu*, names and titles are sized to fit the rectangular in the bottom past of

the coffin lid (Figure 4). Besides, two jackals laying on the temple roof and the dedicatory inscription to God Upuaut are depicted on the foot board of the coffin.

The coffin bottom is complex, not decorated, primed from outside and coated with red-brown paint. The mummy, cocooned in several layers of semi-unwrapped burial shrouds and bandages, is laying in the coffin.

As far as our information goes, conservation of the coffin was performed in between 1939 and 1941[17]. Unfortunately, no documentation about that conservation survived. However, based on comparison of the artifact, known to us from photographs prior to conservation, and its current appearance, it is possible to assume that the conservation professionals fixed joints of the boards, made up for the lost primer in places of the boards joints, strengthened the painting priming and paint layer. Pigment losses were tinted.

PARALLELS AND ANALOGUES

It can be seen from the description that Tamin's coffin characteristic feature is absence of paintings featuring numerous gods and mythological figures typical for Egyptian wooden coffins. Similar anthropoid wooden coffins with a minimum of paintings and short inscriptions containing, as a rule, the sacrificial formula and designation of the deceased and his ancestors appear in different regions of Egypt at the end of Late period[18]. Some of them are high-quality products made of fine wood, well-finished, often polished, having obvious artistic merits, such as for instance child's coffin from the British Museum dated to the end of Late period – beginning of Ptolemaic times[19] or a fragment of Irtir coffin with the sacrificial formula skilfully cut on the lid, dated to the same times, also from the British Museum[20]. As a rule, the best specimens of such coffins come from the metropolitan areas. An attempt was made, in the article by S. Moser devoted to the wooden coffin from the collection of Padua Museum of Anthropology, to define the provenance areal, dating and typological characteristics of one of the groups of late lower-Egyptian, made of a single piece of wood, anthropoid coffins with laconic inscriptions[21].

Less expensive versions of such coffins were made of wood of native species, as for instance, in Tamin's coffin case – of sycamore. Often they were not cut from a single piece of wood, but rather were complex products made of several boards connected with each other using of the tong-and-groove jointing. Manufacturing of such coffins was a local tradition in Akhmim in IV–III centuries. Most of them were made of wood of native species for representatives of the so called middle class. G. Elias believes that refusal to cover the coffin's whole surface with images and texts was motivated by a desire to demonstrate the wood texture (if, for example, cedar was used for the coffin manufacturing). When craftsmen used the local wood, the surface was finished and coated with

---

[17] For more details, see Krol 2019, 766.

[18] For more details on evolution of inscriptions on coffins in different regions of Egypt see Elias 1993; 2019.

[19] Taylor, Strudwick 2005, 68–69, no. EA22938 (URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA22938; last accessed data: 27.09.2020).

[20] No. EA6658; URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA6658; last accessed data: 27.09.2020)

[21] Moser 2019, 157–167.

red-brown pigment which imitated the natural cedar color[22]. In Tamin's coffin case the surface was not only finished but also primed and paint-coated to smooth roughness and flaws in the wood and to hide gaps between the coffin's component parts.

The German researcher R. Brech in her fundamental study of the late Akhmim coffins singled such coffins out in the special group D[23] to which she attributed Tamin's coffin along with seven other artifacts from the international museums collections. Among characteristic features inherent to practically all coffins of this group, Brech pointed out the slightly straightened, on the sides, anthropoid shape, maximum width at the shoulders and sharp narrowing to the legs, absence of noticeable bulges on the coffin lid. The face image is slightly offset from the central axis on almost all coffins; this asymmetry is also noticeable in the case of Tamin's coffin. All male coffins have a beard with the exclusion of two coffins. The rectangular pedestal protrudes beyond the coffin "Legs" in the front part and on the sides[24]. The side pieces of the coffin's lower part are lower than the lid side pieces.

The masks of almost all coffins are not decorated with diadems or other headdresses; the standard three-part wig is typical for them. The face complexion is fair, the faces of two masks are gold-plated. Only three out of group D coffins have *usekh* chest necklaces. The coffin surface is not decorated with images, only the laconic inscription with *hepet-di-nesu* formula and genealogy of the deceased. Spells from Book of the Dead are depicted on some of the coffins. Images of two jackals lying on the sanctuary and a short text also decorate the coffin's foot board in some cases[25].

Based on the study of technological and iconographic features of some coffins from group D as well as paleography and linguistic usage in inscriptions on these coffins R. Brech dated the group broadly enough, practically to the whole period of Ptolemaic times[26]. Also, the author made an assumption that certain stylistic characteristics of group D coffins: smooth, three-part wig without additional decoration, gold-plated face[27], deeply-put on necklace-collar, chest necklace *usekh* with falcon head and the Sun disks – distinguish it from other types of Akhmim coffins (groups A, B and C) and appeared not earlier than in Ptolemaic times. R. Brech designated the protruding pedestal and image of two jackals lying on the sanctuary as the Ptolemaic features which were not so widespread although they could be met on the earlier coffins[28].

---

[22] Elias 2019.

[23] Brech 2008, 148–171.

[24] In Tamin's coffin case such pedestal is also present but does not protrude beyond the coffin's "legs".

[25] Brech 2008, 163–165.

[26] The author dates group D mainly based on the study of inscriptions on three coffins: Nesmin from the Metropolitan Museum of Art (no. 86.1.50 a, b, URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/551161; last accessed data: 27.09. 2020) which can be dated to late Ptolemaic time based on paleography and linguistic usage; Khat (no. ÄM 8501; URL: http://www.smb-digital.de/eMuseumPlus?service=ExternalInterface&module=collection&objectId=607488&viewType=detailView; last accessed data: 27.09. 2020) from the collection of The Egyptian Museum of Berlin, dated to the whole period of Ptolemaic reign, and Khorsaiset from Bremen museum (no. B15975 a–h) which dates also to Ptolemaic times (Brech 2008, 166–167).

[27] Additionally, in case of Tamin this is less expensive imitation of gold plating.

[28] Brech 2008, 167–168.

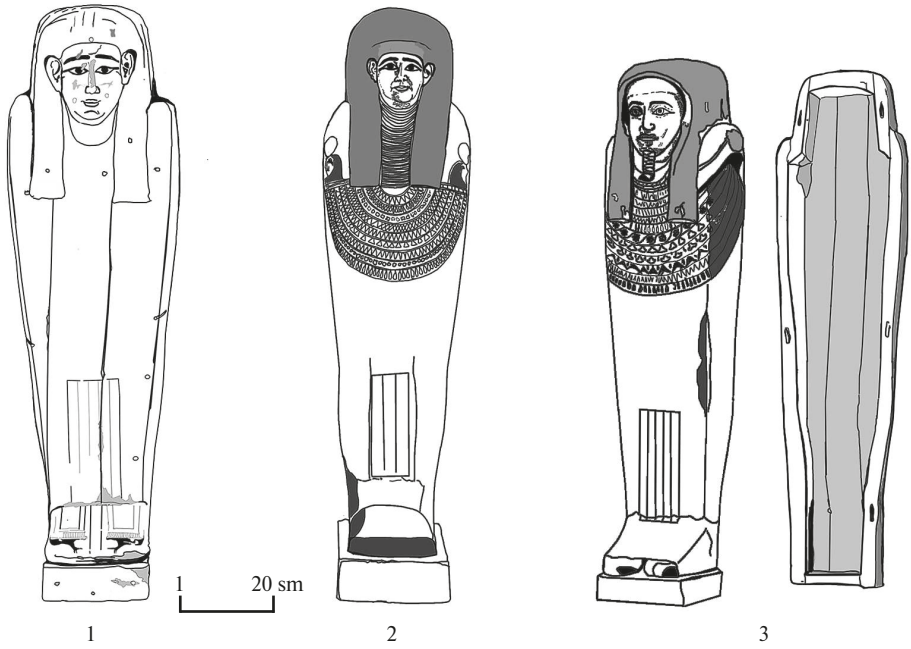


Figure 2. The Tamin sarcophagus and other Ahmian analogues: *1* – The Tamin sarcophagus, top view; *2* – Tagemenkhor sarcophagus (private collection); *3* – Tasheretmin sarcophagus (private collection). *Figure E.G. Tolmacheva*

Taking into account the considerations of R. Brech about dating and stylistic features of that group of Akhmim coffins to which Moscow Tamin's coffin belongs, we would like to present several other analogues. Firstly, it is necessary to mention the anthropoid coffin of woman-musician Tagemenkhor (Figure 2,*2*) which was put on auction at Sotheby's in 2019 (lot 64). G. Elias dates the coffin to 332–290 B. C[29]. By its design, stylistic features and text characteristics, the coffin fully corresponds to criteria proposed by R. Brech for coffins of this group: anthropoid shape, protruding rectangular pedestal, long three-part wig without additional decoration, deep necklace and polychrome chest necklace *usekh* with images of Hor head and the Sun disk, gold-plated mask, red-brown color of the coffin itself. The coffin length is 192 cm. Tagemenkhor's mask treatment: regular features of oval face with slightly rounded chin, straight going-down eyebrows, almond-shaped eyes; all resembling Tamin's mask. However, as opposed to Tamin's mask, Tagemenkhor's mask has the wig which is much higher in the upper part, and the face itself is more miniature.

Sotheby's website presents Tegemenkhor's coffin photograph from 1905 catalogue where this internal coffin is shown next to external rectangular decorated coffin which fate is not known at present. Documentary evidence of existence of the external coffin makes it possible to assume that the burial set of Akhmim coffins of Ptolemaic times

[29] Elias 2019.

Figure 3. The Tabnit sarcophagus Mask © *Research Institute and Museum of Anthropology of the M.V. Lomonosov Moscow State University. University. Photo by K.S. Samursky, 2020*

included the external coffin apart from the internal coffin, and somewhere in private collection one more coffin could be stored.

However, it is one more internal wooden coffin from a private collection put on auction at Bonhams auction house[30] (Figure 2,*3*) which is of greatest interest from the point of view of Tamin's coffin study. Tasheretmin's coffin came from New York private collection where it was stored since 1983. Prior to that, it belonged to the private gallery of known American antique dealer Samuel Haddad who bought it in Egypt in the 1970s. New York coffin is a close analogue of Tamin's coffin in its design[31], color, inscriptions placement, style and techniques used. However, Tasheretmin's coffin (female according to the inscription and name) has a man's beard by contrast with the Moscow coffin. Tasheretmin's coffin mask is made with great artistic skill, face looks, especially the eyes, attract attention because of their naturalism. Image of the polychromic chest necklace *usekh* on Tasheretmin's coffin, typical for many Akhmim coffins of group D, can be mentioned amongst other differences. The inscription was made by black ink over ochre yellow background (Figure 5, *1*)[32]. It is important to note a strong resemblance of inscriptions on Tamin's and Tasheretmin's coffins (excluding names, small changes in sequence of some epithets and other small differences). We can safely assume that both inscriptions have the same prototype and, possibly, were made in the same shop. The auction cataloguers dated Tasheretmin's coffin to the period of XXVI–XXX dynasty (approximately 664–332 B. C.). It seems possible for us to make a cautious assumption that New York coffin is somewhat younger than that date and can be dated to the same early Ptolemaic times[33] as Tamin's coffin. However, it is

[30] Bonhams 2014, 166–167 (188*[W]); also Ancient Resource Auctions 2015, Lot 0035B (see URL: https://www.liveauctioneers.com/item/34772046_an-egyptian-polychrome-wood-sarcophagus-akhmin; last accessed data 10.05.2021).

[31] Coffins dimensions differ. Tasheretmin's coffin length is 169 cm.

[32] Unfortunately, we did not have an opportunity to get acquainted with the artifact; however even careful examination of the photograph shows that the inscriptions were partially refreshed by the contemporary conservation professionals (the possible contemporary complements are shown in red in the trace drawing made bu us).

[33] The publication Elias, Lupton 2019, 181 gives attention to some stylistic features of the necklace *usekh* decoration which supposedly indicate at such dating. Unfortunately, the publication authors missed out criteria of dating the ornament. This is why we can use their data only as indirect evidence.

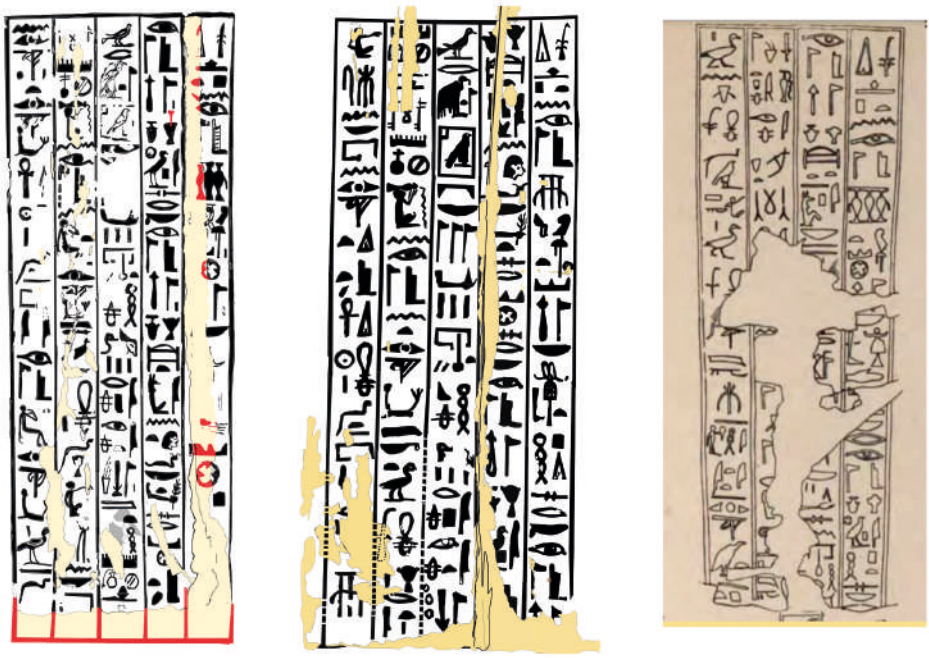
possible that Tasheretmin's coffin was made somewhat earlier than Tamin's one. Despite the obvious resemblance, the inscription text on Tasheretmin's coffin is a fuller version of the tentative prototype which can presumably be explained by the fact that the scribe who made the inscription could directly use the prototype which was already known in a distorted form by the period of time when Tamin's coffin was manufactured. Undoubtedly, other reasons of discrepancy between the texts on Tamin's and Tasheretmin's coffins are possible such as the customer expectations, erudition and attentiveness of the scribe who made those works. Thus, the discrepancy can be explained by other reasons rather than difference of times when the artifacts were manufactured. However, the fact of chronological and stylistic similarity of these two artifacts appears undeniable.

Figure 4. Inscription on the Tamin sarcophagus. © *Research Institute and Museum of Anthropology of the M.V. Lomonosov Moscow State University. University. Photo by K.S. Samursky, 2020*

Is it possible to date Tamin's coffin inside group D more accurately? We shall try to give a more definite answer to this question after analysis of the inscriptions on the Moscow coffin. Herein, we would like to show some other stylistic parallels for the Moscow coffin. For this reason we shall turn to one more fairly large group of artifacts of Late and Ptolemaic times – to stone anthropoid sarcophagi[34]. Several types, differing in stylistic and technological characteristics and also having chronological and regional features, can be distinguished amongst these sarcophagi. The most interesting for our study are the sarcophagi singled out by the Danish researcher M.-L. Buhl in group E.

There is no single answer to the question about interrelation of the stone and wooden sarcophagi, if the wooden ones were cheaper imitation of the stone ones or else they were a special type which was evolving independently during Late and Hellenistic

[34] Basically the only study devoted to the stone anthropoid sarcophagi of Late times (the author includes Ptolemaic period into this chronological framework) in which typology was presented and an attempt of dating these sarcophagi was made, was performed by M.-L. Buhl 1959.



1 2 3

Figure 5. Drawing of inscriptions on the sarcophagi: *1* – Tasheretmin; *2* – Tammin; *3* – Hentihetimhetepa. *Figure E.G. Tolmacheva*

periods. Most researchers take the view that the wooden coffins imitated contemporary, to them, stone sarcophagi[35], and that is why there were no polychromic paintings on them. However, researchers also pay attention to the fact that not in every instance paintings are absent on the stone sarcophagi[36]. R. Brech questioned whether all wooden sarcophagi were imitations of the stone ones. She supposed that, possibly, the internal coffins of group D could assume the function of the external ones[37].

Anyway, we can speak of presence of certain parallels between the stone sarcophagi of group E (according to classification by M.-L. Buhl) and Tamin's coffin. Amongst the possible parallels it is necessary to list, in particular, the sarcophagi from the Cairo museum: E, a 10[38] (Figure 6,*1*), E, a 11[39] (Figure 6, *2*), E, a 7[40]; from Ny Carlsberg Glyptotek: E, a16[41]; from The McManus: Dundee's Art Gallery & Museum: E, a 20[42];

[35] Buhl 1959, 212; Moser 2019, 167

[36] Moser 2019, 167.

[37] Brech 2008, 170.

[38] We retain the numbering of the artifacts given in the publication by M.-L. Buhl 1959, 48, fig. 12.

[39] Buhl 1959, 49, fig. 14.

[40] Buhl 1959, 45, fig. 17.

[41] Buhl 1959, 52, fig. 20.

[42] Buhl 1959, 57, fig. 23.

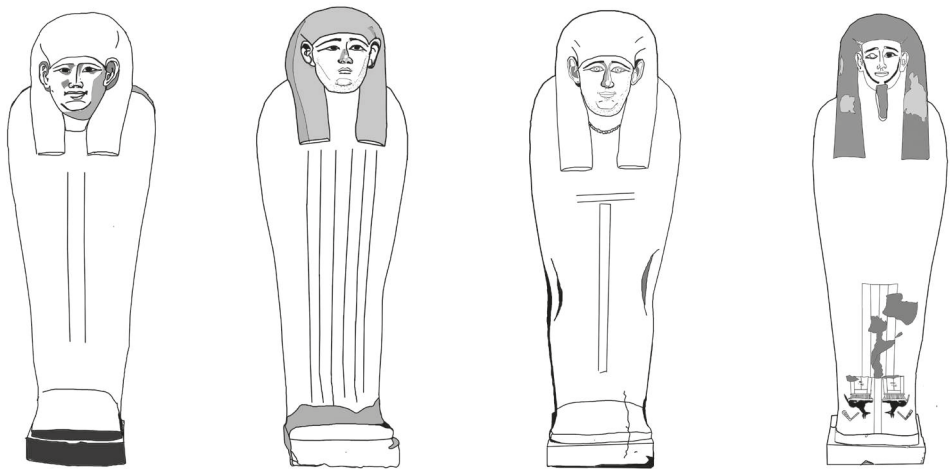


Figure 6. Stone sarcophagi: *1*, sarcophagus from the Egyptian Museum in Cairo (from: Buhl 1959, 48, fig. 12); *2*, sarcophagus from the Egyptian Museum in Cairo (from: Buhl 1959, 49, fig. 14); *3*, sarcophagus from the Metropolitan Museum (inv. no. 11.154.7a, b); *4*, Hentichetyhemhetepa sarcophagus from the Yale Peabody Museum of Natural History. *Figure E.G. Tolmacheva*

from the Metropolitan Museum: E, в 22[43] (Figure 6, *3*), etc. M.-L. Buhl dates all these stone coffins, based on stylistic, palaeographical and other criteria, to the end of III – the first half II century B. C[44]. which also can be one of the possible substantiations of the preliminary dating of Tamin's coffin based on the stylistic features. Unfortunately, M.-L. Buhl publication provides no clear criteria of dating of the published artifacts, that is why our conclusions can be only provisional.

Amongst the stone sarcophagi, not taken into account in the work by Buhl, the stone coffin of priest *sm3.tj* Khentikhetiemkhetep from the Peabody Museum of Natural History at Yale University[45] (Figure 6, *4*) is of particular importance for dating and iunderstanding of the inscriptions on Tamin's coffin. One can speak of an almost verbatim reproduction of the inscriptions texts (Figure 5, *1–3*) despite certain stylistic and technological differences of two coffins, as is in the case of Tasheretmin's coffin inscription. Comparison of three texts under consideration leads us to the conclusion that there was some common prototype, a stereotyped text, which served as a model for all three artifacts. However, the inscriptions on Khentikhetiemkhetep's coffin, in all likelihood, contain a fuller version of this prototext. We shall discuss this issue in detail in comments to translation of Tamin's coffin texts, herein giving just one example. A wrong sequence of hieroglyphic signs in the name *skr* is noted in Tamin name inscription. The same mistake is noted in the same place in the inscription on Tasheretmin's coffin, but it is absent

[43] Buhl 1959, 57, fig. 86.

[44] Buhl 1959, 214–215.

[45] No. ANT 006593.001 (URL: https://collections.peabody.yale.edu/search/Record/YPM-ANT-006593.001; last accessed data: 28.09.2020). There are different possible readings of the coffin's owner name; we stick to that one which is given in *LGG* (345, 39): *ḥntj-ḫtj-m-ḥtp*.

Figure 7. Fragment of the inscription on the Tamin Sarcophagus. © *Research Institute and Museum of Anthropology of the M.V. Lomonosov Moscow State University. University. Photo by K.S. Samursky, 2020*

in the text on Khentikhetiemkhetep's coffin. On the whole, less variants of wrong spelling and distortions are noted in the inscriptions on Khentikhetiemkhetep's coffin as compared to Tamin's and Tashretmin's texts. Again, as in the case of comparison of the inscriptions on Tamin's and Tasheretmin's coffins, this fact can have several explanations; however we think that Khentikhetiemkhetep's coffin is the earlier.

Strangely enough, Khentikhetiemkhetep's coffin does not originate from Akhmim. He was found in tomb No. 7 in Abydos at the beginning of the 20th century[46]. Aside from a heavily damaged sarcophagus, the tomb also contained a funeral stele, which contained more details about Khentikhetiemkhetep and his ancestors[47]. Almost half a century later after the first publication of findings from tomb No. 7, Belgian researcher H. De Meulener, analysing the funeral stele at the Roemer and Pelizaus museum in Hildesheim, managed to come up with a few theories directly relating to determing the origin of the owner of the Abydos tomb[48]. According to de Meulener, the stele from Hildesheim has multiple textual parallels with that of the priest Nesmin from the Field museum in Chicago (Inventory number 32169). However, if the circle of gods listed on the chicago stele and set of toponyms undoubtedly show its Akhmim origins, then the Hildesheim stele can undoubtedly be said to belong the Abydos region. Moreover, the name of the owner of the Hildesheim stele was Neskhor[49], just like the father of the owner of the Chicago stele, Nesmin. The Belgian researcher came to the conclusion that Neskhor and Nesmin were from the same family, which

[46] Randall-Maciver, Mace 1902, XXXV. 2; *PM* V, 68.
[47] Randall-Maciver, Mace 1902, XXXIII. *3.*
[48] De Meulenaere 1969.
[49] The first publishers read this name as Dzhutikhor (de Meulenaere 1969, 214).

Khentikhetiemkhetep, our priest from Abydos also belonged to- his father was also called Neskhor. Meulener offers the following hypothesis- the Abydos priest Neskhor had two sons- Nesmin (owner of the Chicago stele) and Khentikhetiemkhetep (from Abydos tomb No. 7). At some point Nesmin moved to Akhmim, and his stele, in general resembling that of his father, begins to take on some Akhmim characteristics. The other son, Khentikhetiemkhetep, stayed in Abydos. On the basis of his study of the texts from all these monuments, H. de Meulener dated them to the start of the Ptolemaic era in 300 BC[50].

However, as we can see, it is possible to reconstruct another timeline of events, as well as a genealogical origin story for the characters in our story. Firstly, the name Neskhor is quite a common ancient Egyptian name. The Khentikhetiemkhetep from Abydos tomb No. 7 could well be the son of a different Neskhor, with no relation to the owner of the stele in the museum in Hildesheim. But even if Meulener's hypothesis was right, nothing in the text on Khentikhetiemkhetep's sarcophagus suggests unambiguously that he was from Abydos. Khentikhetiemkhetep's mother bore the title of the musician of Min, and his grandfather was named Nesmin. It would be completely logical to suggest the existence of a Akhmim families, two representatives of which, father and son (Neskhor and Khentikhetiemkhetep), moved to Abydos at different times. Another explanation is possible: Being closely connected to the priesthood of Min, Khentikhetiemkhetep (or his family) ordered the carving of a sacrificial incantation from Akhmim on his sarcophagus.

In any case, as we can see, the earlier sarcophagus of Khentikhetiemkhetep, dated to 300 BC by de Meulener can serve as terminus ante quem for Tamin's sarcophagus.

So, the inscriptions for Khentikhetiemkhetep, and those of Tasheretmin (as far as they have been preserved) can served as a good source of understanding for translating the inscriptions of Tamin.

INSCRIPTIONS

As noted before, the basic inscription on Tamin's sarcophagus is a traditional sacrificial incantation with multiple offerings, which the deceased was endowed with, who bore the name Tamin, traditional for the Akhmim priesthood- a theophoric name, an abbreviation of "Tanetmin" ("She who belongs to min" (a servant of Min), *t3*-(*n.t*)-*mn.w*)[51] (fig. 4; 5, *2*). A particular characteristic of the inscriptions is that many of them had names and titles, lists of gods and their epithets, a set of those included in the ritual death offerings that clearly show their Akhmim origins[52].

The title of the deceased is not directly mentioned in the inscriptions, but the first publications of the text suggested that she was *jḫjj.t*, the musician! *Wb.* I, 121.18) of Min[53]. He mother Taditiset bore the same title

The question with regards to the name of Tamin's father remains open: due to the loss of the inscriptions here, a clear reading of the hieroglyphic signs is difficult, we can only talk

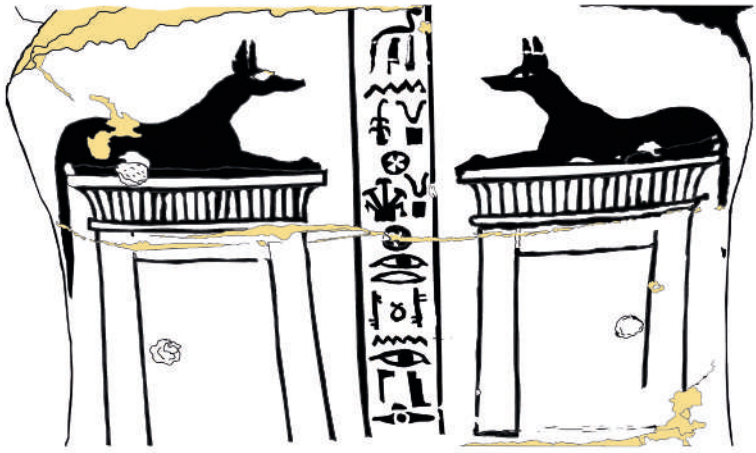
[50] De Meulenaere 1969, 220–221.

[51] Ranke 1935, 360, 13.

[52] Similar incantations have been spotted on other Akhmim sarcophagi and stele. For example, Elias 1996–2012; 2016, 4; Kamal 1905, 1 (stele 22001), 6 (stele 2205), 10 (stele 22009), 13 (22011), 26 (22025), 36 (22039), 37 (22040), 69–70 (22074), 107–108 (22123), 109 (22125), 114 (22133), 132–133 (22147), 140–141 (22152), 144 (22157) and others.

[53] Berlev, Hodjash 1998, 35.

1



2

Figure 8. The inscription at the feet of the Tamin Sarcophagus: *1* – foot of the sarcophagus; *2* – drawing of the inscription. *Photo by K.S. Samursky, Figure E.G. Tolmacheva*

about assumptions expressed with a greater or lesser degree of certainty. In their comments to the inscriptions O.D. Berlev and S.I. Hodjash put forward the hypothesis, according the which this group of signs (fig. 6) is read as "*mj ḥrj* (*ḥr.t*) *jb*"- "like the middle child"[54] (of three brothers) and such a veiled form points to the names of those who rebelled against the Ptolemies[55]. Other proof of their hypothesis regarding the royal origins of the deceased Tamin is the used of the epithet *mj Rʿw ḏ.t* ("like Ra eternal"), in the inscription, which comes after the name of the mother of the deceased and in preceding eras of Egyptian

[54] «Like the middle one» – Berlev, Hodjash 1998, 35.
[55] Berlev, Hodjash 1998, 35.

history was used in relation to pharaohs[56]. The authors expressed the idea that the late Tamin (or the one who wrote this text) allegorically proclaimed that her father belonged to the royal family and bore the same name as his middle brother, the pharaoh. The name of the reigning king was known by everyone, and any possible reader would know exactly who the inscription was talking about. The only three brothers of the royal family of the Ptolemaic era – the elder, middle and younger (thus the alleged father of Tamin, namesake of the middle brother, the pharaoh), and probably even related to the Akhmim priesthood, according to O.D. Berlev and S.I. Hodjash, were the leaders of the anti-ptolemaic revolts, Khorunnefer, Ankhunnefer and his younger brother with the same name[57].

How closely do these hypotheses match reality? The text of the inscription and its composition make mention of certain characters and certain orthographic and paleographic features as well as stylistic and technological characteristics of Tamin's sarcophagus that allow us to date it to the early Ptolemaic era and hypothesise that it was made in Akhmim. The question of how much the text of the inscription on the sarcophagus could reflect the peripheries of the Egyptian uprising of 205–186. BC, is far from unambiguous. Most of all it's connected with the fact we simply don't know much about this period of Egyptian history[58]. Greek sources, such as Polybius (V 107.1; XIV 107.1) are short and biased. The Egyptian narrative, excluding Demotic and Greek documents, which mentioned the names and years that the rebellious pharaohs ruled and some of the indirect consequences that followed the spread of the uprising across the country, and also some temple inscriptions[59], has been all but lost. One of the most famous Egyptian sources, the Rosetta stone (196 BC) talks of Ptolemy's victory over the rebels in the north. Based on a comparison of a few documents, researchers were able to approximately reconstruct the main outline of the events of the uprising: the beginning in 207/206 BC in Edfu, the restoration of Egyptian power over most of the country, the coronation of the local Egyptian pharaoh Khorunnefer[60] in 205 BC in Thebes, the death of Khorunnefer in 200 / 199 BC and the accession to the Theban throne of Ankhunnefer in 199 BC, and finally, the final defeat of the latter in 186 BC by the Ptolemaic commander Komanos. However we know almost nothing about the personalities of the rebel kings, their exact origins, or their families. There is not one single mention in any written monument we know of about them (apart from the hypothetical "middle brother" of hypothetical royal blood in the sacrificial formula of the Moscow sarcophagus) that allows us to speak with

[56] Berlev and Hodjash also point out that the epithet was was placed after the name of the mother of the deceased Tamin by mistake and should come after the name of the father, thus allegorically designated the namesake of the rebellious pharaoh (Berlev, Hodjash 1998, 35).

[57] Berlev, Hodjash 1998, 34–35.

[58] In order to reconstruct the probable events of the anti-ptolemaic rebellions, one can read the following publications: McGing 1997; Pestman 1995; Veïsse 2004; Recklinghausen 2018, I.

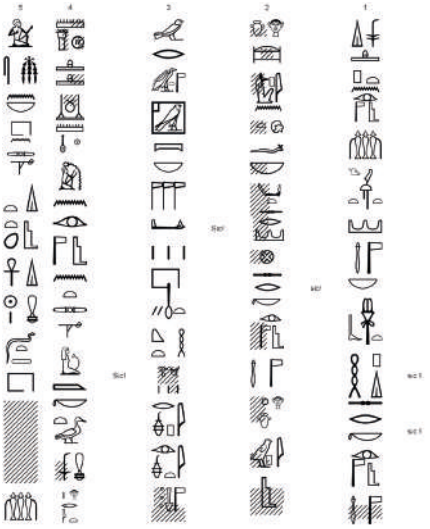
[59] Among the inscriptions on the tample of Khor in Edfu, Egyptian graffiti in the funeral temple of Seti I in Abydos (Pestman, Quaegebeur, Vos 1977, no. 11), the so called second decree of Ptolemy V on the victory over the rebels, carved on the walls of the temple in Edfu (Müller 1920, 59–88).

[60] The names of the pharaohs of the so-called anti-ptolemaic dynasty (Khorunnefer and Ankhunnefer) shared a few of common characteristics: they contain one of the main epithets of Osiris – "unnefer" ("abiding in goodness"). It's probable that these kings had southern Egyptian or even Nubian roots.

certainty of Tamin's royal connections. Moreover, the authors of this article do not know of a single example of such “allegorical” naming of relatives in funeral rites.

Let us look at the translation and textual analysis of the inscription (fig. 4;5 *2*).

I. *Sacrificial rites at the feet of the coffin lid*



Transliteration:

(1) *ḥtp-dj-ns.w n Wsjr ḫntj jmn.tjt nṯr ꜥ3 nb ȝb ḏ.w Ptḥ-Skr-Wsjr nṯr ꜥ3* (2) *ḥrj-jb štjj.t Jnp.w tp.j <ḏw> =f nb-(t3?)-ḏsrSkr-Wsjr nṯr ꜥ3 ḥrj-jb Jp.w* [*ȝ*]*s.t* (*3*) *wr.*(*t*) *mw.t nṯr Ḥw.t-ḥr.w nb.*(*t*) *p.t <nb.*(*t*)*> ntr.w*

dj=w pr.t-ḫr.w t ḥnḳ.t jḫ.w ȝpd.w jrp jrṯ.t snṯr (*4*) *<mrḥ.t> mnḥ.t šs* [*ḥtp.w?*] *ḫ.t <nb.*(*t*)*> nfr.*(*t*) *wꜥb.*(*t*) *n Wsjr n Tȝ-Mn.w mȝꜥ.*(*t*)*-ḫr.w sȝ.t mj n*(*n*) *Ḥr*(*j*)*-rtj* (*5*) *ms n nb.*(*t*) *pr <jḫjj.t> n*(*t*) *Mn.w Tȝ-dj-ȝs.t dj ꜥnḫ mj Rꜥw ḏ.tˢ pr.j* (*?*) [...]*ḫn.t*

Translation: (1) the king offers to Osiris, the first among the west, the great god, the lord of Abju (Abydos), Ptah-Sokar-Osiris, the great god, (2) who is in sanctuary- *štjj.t*, to Anubis who is on his <hill>, lord of the sacred land, Sokar-Osiris, the great god, who is in Ipu (Akhmim), Iside (3), the great mother god, Hathor, mistress of the skies and mistress of the gods.

They give the proclamation of offerings of bread, beer, bulls, bird, wine, milk, incense, (4) <oils (?)>, [Offerings?] Clothing and alabaster vessels, <different> beautiful and pure things for Osiris-Tamin, the right-hand, a daughter like the title (sic!) Kherireti (?), born the mistress of the house, the <musician> of Min, Taditiset, may she be given life like Ra forever. This leaves (?) [...].

Comments.

To part 1.

ḥtp-dj-ns.w – O.D. Belerv and S.I. Hodjash supposite that the beginning of the text is formulated according to the standard beginning of a sacrificial rite on a funeral stele. Taking into account the similarity between the memorial stelae texts from Greco-Roman times and the inscriptions on the sarcophagi, which could well have been compiled according to a single template, this is not too surprising.

Wsjr- is similar to a spelling of the name of Osiris[61], which appears in private inscriptions in the era of the XXV dynasty and is found up to the Ptolemaic era.

ḥntj jmn.tjt nṯr ꜥ3 nb 3b ḏ.w is the standard following for epithets to Osiris, which is seen on many sarcophagi and accompanying stelae. Could the mention of Abydos point to the Abydos origins of the sarcophagus? The answer to the question is not so simple, if you remember de Meulener's hypothesis regarding the Abydos origins of Khentikhetiemkhetep's family, and how the inscription on his sarcophagus is from the same template as on Tamin's. However, the study of the text of the inscription on the Tamin sarcophagus, the sequence of mentioning the gods and sacrificial offerings, and finally, the stylistics of the coffin itself rather testify to it belonging to the Akhmim circle of monuments.

Pṯḥ-Skr-Wsjr- in the text of the inscription there is an incorrect sequence of hieroglyphs in the name *skr*. This same mistake is present in the same place in the inscription on Tasheretmin's sarcophagus, but not on Khentikhetiemkhetep's[62], which allows us to date it earlier than the others.

To part 2.

The epithet *ḥrj-jb štjj.t* is a standard epithet for Ptah-Sokar-Osiris in many Akhmim texts from the Ptolemaic era[63].

Jnp.w tp.j <ḏw> =f – in this place on Tamin's sarcophagus the text has been lost, so it is not clear if the hieroglyph here should be *ḏw* or *t*, however in the same place on Tasheretmin's sarcophagus it clearly says *t*. On Khentikhetiemkhetep's sarcophagus this epithet is skipped or is on a missing part of the inscription.

...nb-(t3?)-ḏsr – O.D. Berlev and S.I. Hodjash offer this reading of the whole phrase: "Anubis, who is upon his hill, lord of the Sacred Land"[64]. The text contains an unusual epithet to Anubis, "lord of the sacred land" (*LGG* III, 774–775; see. *Wb.* V, 228.1). In this inscription the hieroglyph *t3* is missing, which gives reason to believe that here they meant to write *nb-ḏsr.t* (*LGG* III, 799). However, it is worth noting that the sign *t* , which in this case would act as the end of the word *ḏsr.t*, has shifted closer to the beginning of the phrase. This also shows the presence of the determinative for city ( ). A similar spelling is seen on the Tasheretmin sarcophagus. However on Khentikhetiemkhetep's sarcophagus, despite the damage, the epithet *nb-t3. wj* can be seen, one of the variant ways to write the standard *nb-t3 ḏsr*. It can be presumed that on Tamin's sarcophagus, and on Tasheretmin's, there is a local spelling variant seen on a lot of epithets to Anubis *nb-t3-ḏsr*, where the hieroglyph *t* is used instead of the standard *t3*.

Jp.w- this mention of Ipu – Akhmim, along with the standard set of gods and praises which are characteristic of the Akhmim inscriptions, indicates the origin of the sarcophagus.

To part 3.

nb.(t) p.t – the character *nb* is most likely to be read twice: *nb.(t) p.t <nb.(t)> ntr.w*. There are gaps in this place on Tasheretmin's and Khentikhetiemkhetep's sarcophagi.

---

[61] See also Leahy 1979; Shalaby 2014, 450.

[62] In the drawing from 1902, the sign *k* is rendered as *r*, but photographs of the monument from the museum's website convince of that the correct spelling is *skr*.

[63] Elias 1996–2012, 28, 66; 2016, 4; Kamal 1905, 1 (стела 22001) и др.; *LGG* V, 348.

[64] Berlev, Hodjash 1998, 34.

ḥnḳ.t- The names of all the drinks included in the list of offerings are written with the same determinative, W20 , which is another characteristic of the simplified Ptolemaic spelling or an individual feature of the inscription. In the texts on Tasheretmin's and Khentikhetiemkhetep's sarcophagi there is a similar spelling. The word *jrṯ.t* "milk" (*Wb.* 1, 117.1–5) is usually written with a determinative.

To part 4.

<*mrḥ.t*>- as far as can be seen, the standard *mrḥ.t* "blessed oil" (*Wb.* 2, 111.1–10) for lists of offerings to the dead was skipped on the Moscow sarcophagus. In the list of offerings on Khentikhetiemkhetep's sarcophagus, the sacred oil is written in the standard way, but the writer obviously made a mistake on Tasheretmin's while writing *mrḥ.t*, changing the sign at the beginning '*mr*' U6 to '*m*' Aa15.

...[*ḥtp.w?*]- the standard sequence in the list of offerings includes alabaster jugs and clothing (*šs mnḫ.t*), and it's exactly these things that are mentioned on Khentikhetiemkhetep's sarcophagus (*Wb.* 2, 87.16) and on the second inscription on the feet of the Moscow sarcophagus, however on Tamin's sarcophagus and Tasheretmin's we see a slightly different orthography. Also noteworthy is the use on Tasheretmin's and Tamin's sarcophagi of the sign instead of the sign . The probable[65] use of the word *ḥtp.w* (offerings) in the text of the list also raises questions, as this word usually goes together with *df. ȝw* (provisions), but in this case in the list of offerings, the word *df. ȝw* isn't there[66].

ḫ.t – a symbol , which is used instead of , in all likelihood should be read twice: at the end of the word *mnḫ.*(*t*) "clothing" and as a separate word *ḫ.*(*t*) "things".

n Wsjr- both in the inscriptions on Tamin's and Tasheretmin's sarcophagi, the word *kȝ* is skipped after the preposition *n*, which means it is not the standard collocation "For the Ka" of Osiris-Tamin.

Wsjr n Tȝ-Mn.w – O.D. Berlev and S.I. Khodzhash drew attention to the use in this case of the formula W*sjr n NN*[67], in which n is the index of the indirect genitive[68].

sȝ.t mj n(*n*) *Ḥr*(*j*)*-rtj* – here we are dealing with a fragment central to understanding the inscription. Unfortunately, as we have already noted, the preservation of the inscription in this place is poor. Due to a defect in the wood and a very thin layer of preparatory primer, the paint layer is partially lost. In their comments to the inscriptions O.D. Berlev and S.I. Khodzhash saw the phrase "m*j ḥrj* (*ḥr.t*) *jb*" here and came to far-reaching conclusions about the monument's connection with the history of the Egyptian revolt against the Ptolemaic dynasty. However, (figure 7) an examination of the text shows that what we have before us is most likely the use of the title *mj n*(*n*) (*Wb.* 2, 37.11: "similar to (title)"), which is used to show that the title of the father is similar to that of the son, and the name of the father himself, in this case without the title. The title *mj nn* is often found on Ahimi monuments[69]. A peculiarity of the inscription on the Tamin sarcophagus, as well as on two other similar monuments (the Tasheretmin and Hentikhetihetaepa sarcophagi), is the orthography (the form *mj n* instead of *mj nn*). We also know of no other examples (besides the inscription on the sarcophagus of Tasheretmin)

[65] If our interpretation of this character sequence is correct.
[66] See also on the Akhmim stele 22011 *ḥtp.w df. ȝw* follows *mnḫ.*(*t*) (Kamal 1905, 13).
[67] Berlev, Hodjash 1998, 34.
[68] See Smith 2006; 2012.
[69] See, e.g., Brech 2008, 103, 132, 215, 235, 237, 243.

of the use of this title in relation to the father of a daughter rather than a son. The poor state of preservation of the text in this place makes it impossible to offer a definite reading of the father Tamin's name, but we can only assume that it is a distorted spelling *ḥr(j)-jr.t*[70] или *ḥr(j)-rtj*. Such a form is not recorded in G. Ranke's dictionary, but various name variants beginning with *ḥr(j)-* or the name *rtj*[71] *ʿre knqwn*.

To column 5.

nb.(t) pr title *nb.(t) pr* is one of the most common female titles. According to J. Elias, this title implies having one's own household, separate from the temple household, which allowed one to earn one's own income, unrelated to the performance of temple services[72].

<*jḥjj.t*> – in the text of the stele the title Tamin is omitted, but O.D. Berlev and S.I. Khodzhash have suggested that what is meant is the standard Ahmami female priesthood title *jḥjj.t* (*Wb.* 1, 121.18)[73].

dj ʿnḫ mj Rʿw ḏ.t – the phrase *dj ʿnḫ mj Rʿw ḏ.t* used here served as the main argument of the first publishers of the sarcophagus in favor of the royal origin of Tamin's parent. However, R. Brech provides several examples of the use of such an epithet in relation to individuals[74]. Exactly the same epithet is inscribed on the sarcophagus of Tasheretmin (Figure 5, *1*).

The end of the inscription has barely survived. Probably by analogy with the inscription on the sarcophagus of Tasheretmin, it referred here to Ba's death However, it is possible that the typical sacrificial formula was interrupted halfway through due to lack of space on the inscribed columns.

II. *The text accompanying the images of Anubis at the foot of the coffin (Figure 8):*

[70] The transposition of the letters in the name is found in Ptolemaic texts, even in the very inscription of Tamin, the name of Ptah-Sokar-Osiris is written. An example of writing *jr* 𓂝 as *j* + *r* is given by Ranke: Ranke 1935, 41. G. Elias mentions that the name *ḥr-jr.t* is one of the most common Ahmic male names (Elias 2016, 6)

[71] Ranke 1935, 227.24.

[72] Elias 1996–2012, 129.

[73] Gauthier 1931, 95, 115–116.

[74] Brech 2008, 161 (footnote 24).

Transliteration:

ḏd md.w jn wp-<w3.wt> šm3 wp-<w3.wt> mḥ.w jr=(j) šs mnḫ.t n Wsjr t3-mn.w

Translation. The words spoken by the Up(uaut)om of Upper Egypt and the Up(uaut)om of Lower Egypt: "I make alabaster vessels and garments for Osiris-Tamin.

Commentary.

wp-<w3.wt> šm3 wp-<w3.wt> mḥ.w – a similar way of writing the name of the god Up(uaut) of Upper Egypt (*LGG* II, 347, Nr. 73) and Up(uaut) of Lower Egypt (*LGG* II, 345, Nr. 39) is recorded only in a similar inscription on the sarcophagus of Hentikhetihemhetep.

MUMMY SWADDLING CLOTHS

The Tamin Mummy, in a ruined state, is in a sarcophagus[75] (Fig. 9). At the mummy's feet there are two "binders" twisted from grass, the functional purpose of which can only be a matter of conjecture. The authors of the article believe that they were put under the layers of burial bandages to add volume. However, where did it happen: in ancient Egypt during the mummification, in modern Egypt in an antique shop to give the mummy a more "marketable" look or already in Russia in the process of preparing the mummy for display – we probably will never know[76]. The original bandage layers are damaged, but despite this, we can roughly reconstruct the layer-by-layer order of the bandage, determine the material and quality of the bandages and swaddling cloths.

During visual inspection, we took several tissue samples of different layers of mummy bandages (Fig. 10). The nature of the textile fibre was determined by microscopy, and the fabrics were also studied using a textile magnifying glass[77]. The following technical characteristics were obligatory for description: type of textile product, nature of textile fibres, spinning characteristics (order, direction and degree of twist, thread diameter), characteristics and weaving techniques (fabric density, presence of beginning and/or end of weaving piece, etc.), presence of decoration and traces of repair.

Since ancient times, flax has been the basis of ancient Egyptian textile production, so it is no coincidence that in all the samples that we selected for the study we identified

[75] A publication devoted to a comprehensive anthropological study of the Tamin mummy is currently being prepared for print.

[76] The analysis of plant remains was carried out at the Department of Geobotany, Lomonosov Moscow State University, by leading researcher V.E. Fedosov. According to his conclusion, "plant remains were found in the sarcophagus, which were attributed to 3 species of the cereal family (Poaceae) – Dactylis, Alopecurus and Secale, as well as Calliergonella cuspidata moss. Unfortunately, the state of inflorescences and the vegetative sphere of plants does not allow us to identify cereals to species, and the distribution of genera to which they are assigned is wide enough. These groups, like the moss Calliergonella cuspidate, occur both in arid ecosystems of the Mediterranean (so that their occurrence in Egypt in the past is not excluded) and in humid conditions of middle Europe, taking into consideration the European part of Russia. Therefore, their study does not provide information on the history of the object from the collection of the Museum of Anthropology of Moscow State University.

[77] For details about the methodology of analysis of Egyptian fabrics and the main categories of burial textiles in the Egyptian archaeological material, see. Orfinskaya, Tolmacheva 2016; 2018.

Figure 9. The Tamin Mummy. © *Research Institute and Museum of Anthropology of the M.V. Lomonosov Moscow State University. University. Photo by K.S. Samursky, 2020*

linen fibre. As with most Egyptian fabrics, the fabrics of the Tamin mummy bandages are plain weave, with a predominance of warp yarns, of medium quality. It can be assumed that one or two weaving pieces with approximately the same technical characteristics were used for bandages: with a twist density of 24–20 threads per cm^2 in the warp and about 10–12 threads in the weft. Medium and weak twist density, the diameter of warp threads is 0.2–0.3 mm, weft – 0.2–0.4 mm.

In total, there are about 20 layers of bandages on the mummy using medium width bandages (4–7 cm). Several larger fragments of good quality cloth (34–32 threads per cm^2 in the warp, 14–15 in the weft, medium twist) were found on top of the mummy, one of which had its edge (probably, the beginning of the weaving piece) sewn with a closed hem, and rows of thick weft threads were also fixed. Such technological characteristics suggest that these are fragments of the burial shroud that once covered the mummy placed in the coffin.

A fragment was found at the feet of the mummy, presumably the mummy's padding fabric. It shows signs of wear and tear, probably a fragment of clothing or interior textiles torn into bandages. All other bandages and fragments of the veil do not show traces of wear or seam fragments, which indicates a certain affluence of the family of the deceased, since for ordinary buried people, as a rule, old clothes or interior textiles were used to make bandages[78]. However, neither the quality of the fabric of the bandages nor the characteristics of the burial shroud that covered the mummy can be compared with the products of the royal workshops.

The technological characteristics of the fabrics are typical of ancient Egyptian textiles and allow us to date them no later than the Ptolemaic period.

Therefore, based on the translation and analysis of the inscriptions on the Tamin sarcophagus, as well as comparing these inscriptions with similar texts of the Tasheretmin and Hentikhetihemkhetepa sarcophagi, we can agree with the assumption of the first publishers of the Moscow sarcophagus of its Ahmim origin.

[78] See Orfinskaya and Tolmacheva 2018.

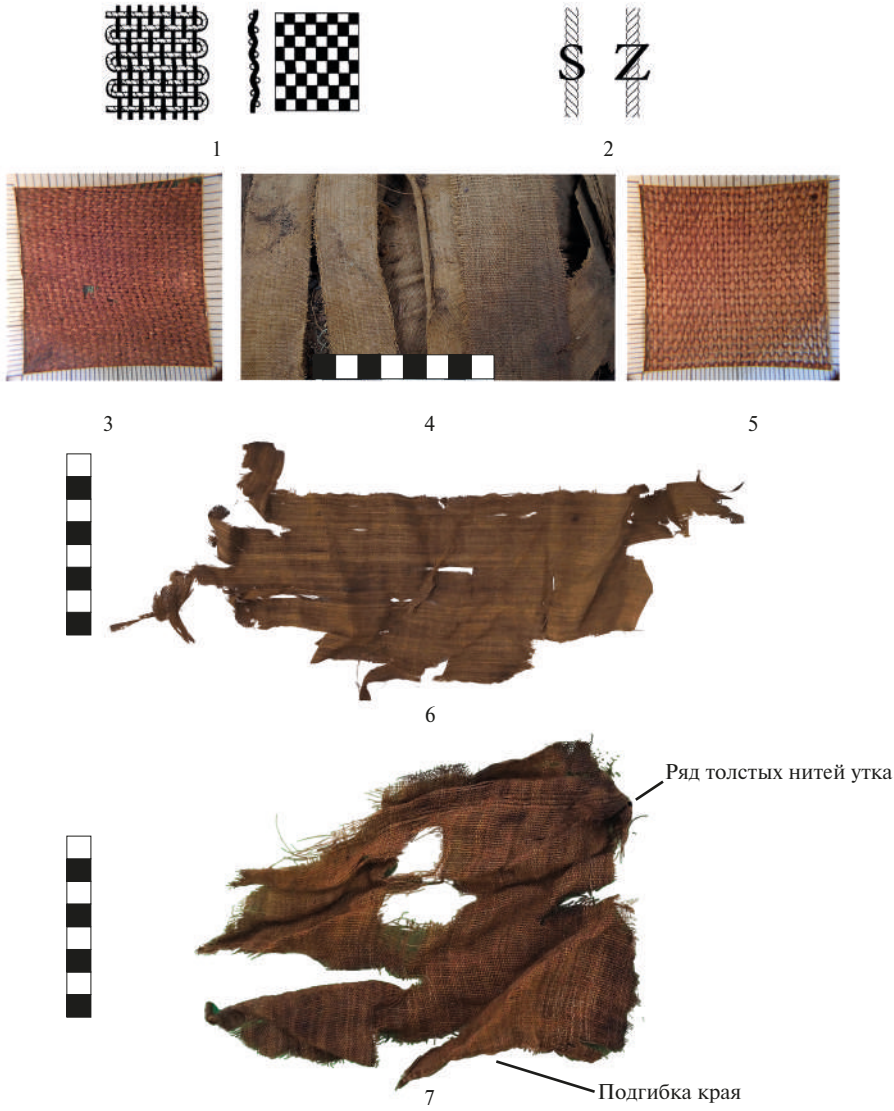


Figure 10. Linen fabrics from the Tamin mummy: *1* – scheme of plain weave; *2* – scheme of thread twist; *3* – microphotograph of a fragment of the swaddling upper layer; *4* – medium width bandages from the mummy; *5* – microphotograph of the mummy bandages; *6* – fragment of the swaddle; *7* – fragment of the swaddle with a seam and thick weft threads. *Photo by E.G. Tolmacheva*

The characteristic stylistic and paleographic features of the inscription, the language, the errors it contains, the titles and epithets also allow us to place its date in the Ptolemaic era. However, neither in the text of the inscription, nor in other sources known to us, is there any indication of its connection with the events of the Antiptolemaic revolt of Horunnefer and Anhunnefer. Proposed by O.D. Berlev and S.I. Hojdash's reading of "*mj ḥrj* (*ḥr.t*) *jb*" does not correspond to the text of the inscription and cannot be an

indication of the mythical middle brother Pharaoh. The use of the royal epithet *dj Rˁw ḏ.t* is not a direct reference to the belonging of the deceased or her family to the ruling dynasty and is also found in Ptolemaic times on other monuments belonging to private individuals, in particular in a similar inscription on the Tasheretmin sarcophagus.

Moreover, neither the quality of the workmanship, nor the stylistic features and appearance of the Tamin sarcophagus, nor the quality of the fabrics used to bandage the deceased allow us to speak of its possible belonging to a high-ranking owner, let alone a member of the royal family. The fact that the owner of the sarcophagus most likely belonged to the rank and file Ahmim priesthood, the so-called local middle class, is also evidenced by her names and probable title, as well as the names and titles of her parents (the mother was a musician Mina, the father – without a title).

Comparison of the Tamin sarcophagus with other similar monuments, in particular with the Tasheretmin and Hentikhetikhetepa sarcophagi, as well as a group of stone sarcophagi, allows us to propose a potential date of the Moscow monument from the late III century to the first half of the II century B.C. Of course, this dating is speculative, as it is partly based on parallels dated by other researchers. Some of the stylistic and technological characteristics of the Tamin sarcophagus are inherent in monuments dating to the end of the Late Period. However, it is the combination of the complex of stylistic and technological features highlighted, for example, by R. Brech for coffins of group D: anthropoid shape, protruding rectangular pedestal, long three-part wig without additional ornaments, deep necklace and polychrome *breastplate*, red-brown colour of the coffin, with the characteristic stylistic and paleographic features of the text of the inscriptions on the sarcophagus (for example, the presence of some distortions and errors, selection of names and epithets) allows us, however, to settle on an early Ptolemaic date. A later date seems unlikely, since the texts do not have the typical late Ptolemaic set of paleographic, stylistic, and other features.

References

Ancient Resource Auctions 2015: *Ancient Resource Auctions. Auction 38: Fine Ancient Artifacts, 08 March 2015.* Montrose (CA).

Berlev, O., Hodjash, S. 1998: *Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt from the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Bielorussia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States*. Fribourg–Göttingen.

Bonhams 2014: *Bonhams Auctions. Antiquities, Thursday 02 October 2014.* London.

Brech, R. 2008: *Spätägyptische Särge aus Achmim: eine typologische und chronologische Studie*. (Aegyptiaca Hamburgensia, 3). Gladbeck.

Buhl, M.-L. 1959: *The Late Egyptian Anthropoid Stone Sarcophagi*. København.

Elias, J. 1993: *Coffin Inscriptions in Egypt After the New Kingdom: A Study of Text Production and Use in Elite Mortuary Preparation*. PhD Thesis, University of Chicago.

Elias, J. 1996–2012: *Examination of Three Egyptian Coffins in the Buffalo Museum of Science*. (Revised in 2012). (AMSC, Research Paper, 96–1). Carlisle.

Elias, J. 2016: *Overview of Lininger A06697, an Akhmimic Mummy and Coffin at the University of Nebraska, Lincoln*. (AMSC, Research Paper, 16–3). Carlisle.

Elias, J. 2019: Condition report. An egyptian polychrome and gilt anthropoid inner coffin of the sistrum-player Ta-gem-en-hor. On-line publication. URL: https://www.sothebys.com/en/buy/auction/2019/ancient-sculpture-and-works-of-art-2/an-egyptian-polychrome-and-gilt-anthropoid-inner; дата обращения: 10.05.2021.

Elias, J., Lupton, K. 2019: Regional identification of Late Period coffins from Northern Upper Egypt. In: H. Strudwick, J. Dawson (eds.), *Ancient Egyptian Coffins: Past, Present, Future*. Oxford, 175–184.

Gauthier, H. 1931: *Les personnel du dieu Min*. Le Caire.
Kamal, A. 1905: *Stèles Ptolémaiques et Romaines*. T. I. (CG, no. 22001–22208). Le Caire.
Krol, A.A. 2017: [New archive materials concerning the Egyptian antiquities offered to Russia by Khedive Abbas II]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 77/4, 991–1008.
Крол, А.А. Новые архивные материалы о египетских древностях, подаренных хедивом Аббасом II России. *ВДИ* 77/4, 991–1008.
Krol, A.A. 2019: [Archival materials on the Egyptological collection of the Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 79/3, 754–771.
Крол, А.А. Архивные материалы о формировании египтологической коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова. *ВДИ* 79/3, 754–771.
Leahy, A. 1979: The name Osiris written . *Studien zur Altägyptischen Kultur* 7, 141–149.
McGing, B. 1997: Revolt Egyptian style: internal opposition to Ptolemaic rule. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete* 43/2, 273–314.
Meulenaere, H. de 1969: Un prêtre d'Akhmim à Abydos. *Chronique d'Égypte* 44 (88), 214–221.
Moser, S. 2019: The coffin of the Anthropology Museum in Padua and others. A peculiar type of Late to Ptolemaic Period wooden anthropoid coffins. In: H. Strudwick, J. Dawson (eds.), *Ancient Egyptian Coffins: Past, Present, Future*. Oxford, 157–167.
Müller, W.M. 1920: *Egyptological Researches III. The Bilingual Decrees of Philae*. Washington.
Orfinskaya, O.V., Tolmacheva, E.G. 2016: [Ancient textiles from the tomb of Thay (TT 23): considerations on elaborating of approaches and preliminary results of studies]. *Egipet i sopredel'nye strany (elektronnyy zhurnal)* [*Egypt and Neighboring Countries (Online Journal)*] 4, 64–110.
Орфинская, О.В., Толмачева, Е.Г. Предварительные результаты исследования текстильного материала из фиванской гробницы Чаи (ТТ 23): к вопросу о выработке методики изучения древнеегипетского археологического текстиля. *Египет и сопредельные страны (электронный журнал)* 4, 64–110.
Orfinskaya, O.V., Tolmacheva, E.G. 2018: [Archaeological textile as a source on social, ethnic and religious identity of the Egyptian provincial population in the Graeco-Roman period: by evidence from Deir al-Banat necropolis]. *Stratum plus* 4, 219–237.
Орфинская, О.В., Толмачева, Е.Г. Археологический текстиль и его значение при решении вопросов социально-этнической и религиозной принадлежности населения египетской хоры в греко-римское время: по материалам некрополя Дейр аль-Банат (Фаюм). *Stratum plus* 4, 219–237.
Pestman, P.W. 1995: Haronnophris and Chaonnophris: two indigenous pharaohs in Ptolemaic Egypt (205–186 B.C.). In: S.P. Vleeming (ed.), *Hundred-Gated Thebes. Acts of a Colloquium on Thebes and the Theban area in the Graeco–Roman Period*. (Papyrologica Lugduno–Batava, 27). Leiden–New York–Köln, 101–137.
Pestman, P.W., Quaegebeur, J., Vos, R.L. 1977: *Recueil de textes démotiques et bilingues*. Vol. I. *Transcriptions*. Vol. II. *Traductions*. Vol. III. *Index et planches*. Leiden.
Randall-Maciver, D., Mace, A.C. 1902: *El Amrah and Abydos*. London.
Ranke, H. 1935: *Die ägyptischen Personennamen*. Bd.I. *Verzeichnis der Namen*. Glückstadt.
Recklinghausen, D. von 2018: *Die Philensis-Dekrete. Untersuchungen über zwei Synodaldekrete aus der Zeit Ptolemaios V. und ihre geschichtliche und religiöse Bedeutung*. Bd. I–II. (Ägyptologische Abhandlungen, 73). Wiesbaden.
Shalaby, N. 2014: An offering table of a Prophet of Onuris from Abydos Cairo, Egyptian Museum JE41438 (TR23/1/15/7). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 114, 447–454.
Smith, M. 2006: Osiris NN or Osiris of NN? In: B. Backes, I. Munro, S. Stöhr (Hrsg.), *Totenbuch-Forschungen: Gesammelte Beiträge des 2. Internationalen Totenbuch-Symposiums, Bonn, 25. bis 29. September 2005*. (Studien zum Altägyptischen Totenbuch, 11). Wiesbaden, 325–337.
Smith, M. 2012: New references to the deceased as Wsir n NN from the Third Intermediate Period and the earliest reference to a deceased woman as Ḥ.t-Ḥr NN. *Revue d'Égyptologie* 63, 187–196.
Taylor, J.H., Strudwick, N.C. 2005: *Mummies: Death and the Afterlife in Ancient Egypt. Treasures from The British Museum*. London.
Veïsse, A.-E. 2004: *Les « révoltes égyptiennes »: recherches sur les troubles intérieurs en Égypte du règne de Ptolémée III à la conquête romaine*. (Studia Hellenistica, 41). Leuven–Paris–Dudley (MA).

СОДЕРЖАНИЕ

Богданов И.В. (Санкт-Петербург) – К датировке гробницы G 1111 в Гизе 269
Александров Б.Е. (Москва) – «Мертвые или живые»: об одной формуле в правовых документах из Эмара 298
Никольский Б.М. (Москва) – Указ и проклятие Эдипа (Софокл, «Царь Эдип», ст. 236–243) 316
Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. (Санкт-Петербург) – Об одном забытом ольвийском рельефе 331
Трейстер М.Ю. (Берлин, ФРГ) – Коралловые украшения и элементы декора в ювелирных изделиях и предметах торевтики из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии 340
Braund D. (Exeter, UK) – On the Camels of the Aorsi: Dioscorides and the Medicine Trade of the Bosporan Kingdom. Part I. The “Soldier’s Life” of Dioscorides 394
Костромичев Д.А. (Севастополь) – Был ли солдатом Аврелий Виатор? 408
Данилочкина К.С. (Москва), *Барышников А.Е.* (Нижний Новгород) – Современные исследования Адрианова вала: проблемы и поиски 423
Завадская И.А. (Симферополь) – О происхождении раннехристианских росписей в склепах Херсонеса 439

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Крол А.А., Толмачева Е.Г. (Москва) – Саркофаг Тамин из собрания НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова 463

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Ананьев В.Г. (Москва/Санкт-Петербург), *Бухарин М.Д.* (Москва) – С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам архивных документов). Часть IV. С.А. Жебелёв – заслуженный деятель науки РСФСР 491

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Алмазова Н.С., Ладынин И.А. (Москва) – С. Б. Крих. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М., 2020 509
Синицын А.А. (Санкт-Петербург), *Суриков И.Е.* (Москва) – S. Sheehan. A Guide to Reading Herodotus’ *Histories*. London–New York, 2018 520

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Климов О.Ю., Кулишова О.В. (Санкт-Петербург) – XXI Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 23–25 октября 2019 г.) 529
Карпюк С.Г. (Москва) – Международная научная конференция «Советская древность – VI. Древняя история в XX–XXI вв.» (Москва, 27–28 ноября 2020 г.) 536

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ферекид Афинский. Истории. Перевод с древнегреческого и комментарий *И.Е. Сурикова* (Москва) (*окончание следует*) 539

N.V. Aleksandrova, *M.A. Rusanov* (Moscow) – City and Monastery: Stories of Food Donation from Pāli-Vinaya (*Suttavibhaṅga* and *Mahāvagga*) (English Translation) 571
E.V. Kuznetsova (Saratov), *N. Yu. Limberis*, *I.I. Marchenko* (Krasnodar), *S. Yu. Monakhov* (Saratov) – Chronology of the "Fat Boy Group" Skyphoi and Amphorae from the Prikubanskiy Burial Ground 588
O.A. Vassilieva, S.E. Malykh (Moscow) – Aspects of Religious Syncretism of the Goddess Isis in Greco-Roman Egypt: The Case of the Terracotta Figurines from the Collection of the A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts 604
I.V. Bogdanov (Saint Petersburg) – Dating of the Tomb G 1111 at Giza 634
B.M. Nikolsky (Moscow) – Oedipus' Edict and Curse (Sophocles' *Oedipus Tyrannus,* 236–243) 662
Yu.A. Vinogradov, I. Yu. Schaub (Saint Petersburg) – On One Forgotten Olbian Relief 676
D.A. Kostromichev (Sevastopol) – Was Aurelius Viator a Soldier? 684
I.A. Zavadskaya (Simferopol) – On the Origin of the Early Christian Paintings in Chersonesos Tombs 698
A.A. Krol, E.G. Tolmacheva (Moscow) – The Coffin of Tamin from the Collection of the Research Institute and Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University 720

CONTENTS

I.V. Bogdanov (Saint Petersburg) – Dating the Tomb G 1111 at Giza 269
B.E. Alexandrov (Moscow) – "Dead or Alive": Towards a Formula in Legal Texts from Emar..... 298
B.M. Nikolsky (Moscow) – Oedipus' Edict and Curse (Sophocles' *Oedipus Tyrannus,* 236–243) 316
Yu. A. Vinogradov, I. Yu. Schaub (Saint Petersburg) – On One Forgotten Olbian Relief 331
M. Yu. Treister (Berlin, Germany) – Coral Jewellery and Decoration Elements Among Items of Jewellery and Toreutics from the Burials of Nomads of Asian Sarmatia in the Context of Trade in Exotic Materials in Europe 340
D. Braund (Exeter, UK) – On the Camels of the Aorsi: Dioscorides and the Medicine Trade of the Bosporan Kingdom. Part I. The "Soldier's Life" of Dioscorides 394
D.A. Kostromichev (Sevastopol) – Was Aurelius Viator a Soldier?..... 408
K.S. Danilochkina (Moscow), *A. Ye. Baryshnikov* (Nizhny Novgorod) – Recent Research of Hadrian's Wall: Problems and Studies 423
I.A. Zavadskaya (Simferopol) – On the Origin of the Early Christian Paintings in Chersonesos Tombs 439

IN WORLD MUSEUMS

A.A. Krol, E.G. Tolmacheva (Moscow) – The Coffin of Tamin from the Collection of the Research Institute and Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University 463

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

V.G. Ananiev (Moscow/Saint Petersburg), *M.D. Bukharin* (Moscow) – S.A. Zhebelev in the System of Soviet Science (*Based on New Archival Findings*). Part IV. S.A. Zhebelev – Honored Scholar of the RSFSR..... 491

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

N.S. Almazova, I.A. Ladynin (Moscow) – S. B. Krikh. Drugaya istoriya: «Periferiynaya» sovetskaya nauka o drevnosti. M., 2020..... 509
A.A. Sinitsyn (Saint Petersburg), *I.E. Surikov* (Moscow) – S. Sheehan. A Guide to Reading Herodotus' *Histories*. London–New York, 2018..... 520

NEWS AND EVENTS

O. Yu. Klimov, O.V. Kulishova (Saint Petersburg) – The 21st Zhebelev Conference at the Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, October 23–25, 2019) 529
S.G. Karpyuk (Moscow) – International Conference "Soviet Antiquity – VI. Ancient History in the 20th and 21st Centuries" (Moscow, November 27–28, 2020) 536

SUPPLEMENT

Pherecydes of Athens. Histories. Translation from Ancient Greek and Commentary by *I.E. Surikov* (Moscow) (*to be continued*) 539

N.V. Aleksandrova, *M.A. Rusanov* (Moscow) – City and Monastery: Stories of Food Donation from Pāli-Vinaya (*Suttavibhaṅga* and *Mahāvagga*) (English Translation) 571
E.V. Kuznetsova (Saratov), *N. Yu. Limberis*, *I.I. Marchenko* (Krasnodar), *S. Yu. Monakhov* (Saratov) – Chronology of the "Fat Boy Group" Skyphoi and Amphorae from the Prikubanskiy Burial Ground 588
O.A. Vassilieva, S.E. Malykh (Moscow) – Aspects of Religious Syncretism of the Goddess Isis in Greco-Roman Egypt: The Case of the Terracotta Figurines from the Collection of the A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts 604
I.V. Bogdanov (Saint Petersburg) – Dating of the Tomb G 1111 at Giza 634
B.M. Nikolsky (Moscow) – Oedipus' Edict and Curse (Sophocles' *Oedipus Tyrannus,* 236–243) 662
Yu.A. Vinogradov, I. Yu. Schaub (Saint Petersburg) – On One Forgotten Olbian Relief 676
D.A. Kostromichev (Sevastopol) – Was Aurelius Viator a Soldier? 684
I.A. Zavadskaya (Simferopol) – On the Origin of the Early Christian Paintings in Chersonesos Tombs 698
A.A. Krol, E.G. Tolmacheva (Moscow) – The Coffin of Tamin from the Collection of the Research Institute and Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University 720

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).